

Герман Вирт

хроника
УРАЛИНДА

древнейшая
история
европы

Ariana Mystica

Герман Вирт

хроника
УРА ЛИНДА

древнейшая
история
европы

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2007

ББК 63.3(0)4
В52

Вирт Герман Феликс

**В52 Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы / Пер. с нем.
Кондратьев А.В. — М.: Вече, 2007.— 624 с. : ил. — (Ariana Mystica).
ISBN 978-5-9533-1733-7**

Герман Вирт известен тем, что именно он возглавил общество «Аненербе» («Наследие предков»). Под руководством Вирта немецкие историки, философы, археологи и религиоведы исследовали древние капища и календарные системы, сакральные языки и мегалиты. Учение о рунах и Атлантиде, об истоках христианства и о происхождении Библии, о нордическом Боге и гиперборейском Юле — это лишь часть той культовой системы, на реконструкцию которой ученые «Аненербе» и сам Герман Вирт потратили многие годы.

«Хроника Ура Линда», опубликованная Виртом в 1933 году, — это древнефризская руническая книга об изначальных миграциях расы атлантик-нордов, о гибели их столицы — Атланда, о космических поворотах Колеса Кродера и об изначальном арийском матриархате.

Представленный в «Хронике Ура Линда» образ древнейшей религии Европы существенно отличается от того германского язычества, о котором рассказывает официальная наука современности...

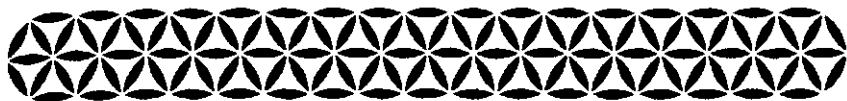
ББК 63.3(0)4

Wirth, Herman. Die Ura Linda Chronik.
Leipzig, 1933

ISBN 978-5-9533-1733-7

© Кондратьев А.В., предисловие,
перевод на русский язык, 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Андрей КОНДРАТЬЕВ

ГЕРМАН ФЕЛИКС ВИРТ И «ХРОНИКА УРА ЛИНДА»

1. Наследие северных предков

Сказать, что «Хроника Ура Линда» — это обычная средневековая хроника, что она повествует о народе древних фризов, что древнефризские общины жили в низовьях Рейна, Мааса и Шельды, вдоль побережья Северного моря, занимались пиратством, рыболовством и т.д., — это все равно что не сказать ничего, и тогда уже лучше ничего не говорить, а только читать «Хронику Ура Линда», вдумчиво и желательно про себя.

С первой же страницы «Хроника...» озадачивает нас существенной преамбулой:

«Дорогие наследники!

Ради наших дорогих предков и ради нашей свободы тысячу раз умоляю Вас, не показывайте этих книг церковникам. Попы говорят елейные слова, но при этом незаметно они подрывают все, что касается фризов. Чтобы заполучить богатые приходы, они обращаются к чужеземным королям. А те знают, что мы — их величайшие неприятели, потому что осмеливаемся проповедовать их поданным Свободу, Право и Высший Долг. Поэтому они велят уничтожать все, что происходит от наших предков и что до сих пор сохранилось от наших древних обычаев. Ах, дорогие потомки, если Вральда попустит и мы не будем сильны, то они уничтожат всех нас, вместе взятых.

Написано в Льюдверде, в восемьсот третьем году, по мнению христиан. Именование Лико дополнено: Овира Линда (Над Липами)»¹.

Эзотерические мотивы, свойственные любой древней традиции, религии и мифологической системе, составляют в «Хронике Ура Линда» самое существенное и непреходящее, поэтому все, что в ней интересно, далеко выходит за рамки истории «повседневной жизни» (*la vie quotidienne*), за рамки времен исторических.

2. Древнефризская Библия

«Хроника Ура Линда» рассказывает о том, что предшествовало историческим временам (отсчет времени идет в ней с загадочной даты 2193 — со времени потопления Атланда), а также о том, что будет после того, как наступят новые циклические турбуленции, после того, как новые глобальные катастрофы сотрут с лица Иртки тех, кто не имеет в душе своей ни Свободы Духа Вральды, ни Божественной Одады. Иначе говоря, повествование «Хроники Ура Линда» является выражением мифа — мифа космогонического, этиологического, этнического и эсхатологического — в намного большей степени, чем, собственно, истории, поэтому история становится служанкой мифологии, единолично господствовавшей над сознанием, волей и делами древних фризов — детей Фрейи, «Свободных-у-Бога».

Как говорил Рене Генон, есть такие вещи, которые защищают сами себя. Быть может, отчасти поэтому, а отчасти и потому, что ни один подлинный миф в исторических подтверждениях нужды не имеет, «Хроника Ура Линда» долгое время пребывала в сокрытии. Как следует из «Предисловия 803 года», она сознательно утаивалась от агрессивных врагов Божественной Свободы и фризской национальной праистории, от католического клира («жрецов») и потворствующих ему светских властителей («князей»). «Хроника Ура Линда» была недоступной, она передавалась из поколения в поколение внутри общины почитателей Вральды, но не выходила вовне.

¹ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 13.

Иная ситуация сложилась в Новое Время. Родившаяся в эпоху Возрождения научная дисциплина под названием «классическая филология» принять Откровение «Хроники Ура Линда» оказалась не способной — во-первых, в силу своего педантичного рационализма, во-вторых, по причине сугубой фиксации внимания на текстах «классической Античности». К тому же содержащийся в «Хронике...» мощный архаический потенциал, связанный с матриархальной гиперборейской верой и нордическим язычеством, вряд ли мог найти если не сочувствие, то хотя бы понимание среди выпестованных западным протестантизмом нововременных филологов-классиков. «Хроника Ура Линда» оберегала сама себя.

3. Эзотерика form-lère

Энигматически-чарующий, достаточно странный слог этой хроники напоминает о высказывании одного из мастеров герметической тайнописи, укрывшегося под псевдонимом Гебер (XIII в.): «Я предпочитаю излагать так, чтобы мудрые поняли, умы посредственные заблудились, а дураки и безумцы сломали головы... Каждый раз, когда кажется, будто я излагаю нашу науку ясно и открыто, именно тогда объект исследования затемняется полностью. И тем не менее я не стремлюсь нарочно сокрыть алхимическое действие за аллегориями и тайнами, но стараюсь отразить четко и разумно открытое по вдохновению от Бога всемогущего и бесконечно милостивого: Он благословил наделить, в Его святой воле отнять»².

За настоятельным требованием скрывать от «внешних людей» священные книги Ура Линда следует знаменитая «Северная таб. Народов»³, после чего рассказывается о Едином, о Нордическом Абсолюте по имени Вральда, а также о том, как Он (посредством Своего дыхания под названием Одем) сотворил мир, и о том, в ка-

² Burckhardt Titus. *Alchemy: Science of the Cosmos, Science of the Soul*. Shaftesbury, 1986. Ch. I. (Цит. в пер. Е.В. Головина).

³ Эта история про трех Дев (Лиду, Финду и Фрейю), являющихся Дочерьми Вральды и Матерями-Прародительницами всех народов, была уже пересказана в русскоязычной литературе А.Г. Дугиным (Дугин А.Г. *Расовые архетипы Евразии в «Хронике Ура Линда» // Дугин А.Г. Мистерии Евразии*. М.: Арктогея, 1996), что во многом способствовало постсоветской вспышке интереса к «Хронике Ура Линда» и к фигуре ее публикатора в Германии — великого ариософа Германа Вирта.

ких отношениях Вральда находится и с миром, и со своим народом, со «Свободными-у-Бога».

Таким образом, перед нами не просто «исторический документ», но величественная космогоническая «поэма», живая речь «Древнейшего Учения» (*form-lêre*), эманативно и плавно перетекающая в порождение свободных и несвободных народов. Народы произошли от Богинь-эпонимов (полубогинь, «расовых архетипов», народных матушек-прародительниц), которые, в свою очередь, произошли от Иртки под воздействием Духа Вральды, либо от Самого Духа Миров непосредственно. Генеалогия «Хроники Ура Линда» очевидным образом нисходит от миров более совершенных к мирам менее совершенным. При желании такую же закономерность можно было бы обнаружить и в генеалогии врагов «Хроники Ура Линда», ведущей от «князей» и «жрецов» величественного Средневековья — через достаточно занудных, но по-своему обаятельных профессоров XIX в. — к нацистским чиновникам из Ведомства Розенберга и современным либеральным историкам.

«Жрецы» боролись с архаикой, передавая неугодных почитателей Вральды (с их точки зрения — «суеверных язычников») в жесткие руки властительных «князей». Внимательные книгочеи наивно-оптимистического XIX в. понимали содержащиеся в «Хронике Ура Линда» учения о Вральде, о «люттой године», циклах космической деградации не более, чем, скажем, И.П. Сахаров⁴, А.Н. Майков⁵ или М. Забылин⁶ — «суеверия», бытовавшие среди русских крестьян. Становящееся в ту эпоху религиоведение, представленное работами Макса Мюллера, Фюстель де Кюланжа и т.п., было всецело ориентировано либо на Восток (знаменитая теория «света с Востока»⁷ была главным препятствием на

⁴ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Праздники и обычаи. — СПб., 1885.

⁵ Великорусские заклинания. Сб. А.Н. Майкова. СПб., 1994.

⁶ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылин. — М., 1990.

⁷ У истоков теории «света с Востока» стоят немецкие романтики, доказывавшие, например, в лице Йозефа Гёрреса, что «вся европейская культура покоится на греческой, а греческая — на азиатско-мифической <...>. И точно так

пути восстановления Северного Наследия Предков), либо же в сторону классической греко-римской Античности, для которой древние фризы принципиально не существовали.

4. Расколдованный мир

Поэтому и для педантичных научно корректных профессоров эта сфера была закрыта, а священное писание древних фризов казалось совершенно неправдоподобной подделкой. Удивляться тут нечему, ибо с Правдой тогда отождествлялась культура средиземноморского ареала, на долгие столетия подчинившая Европу своему «культурному (этическому, рациональному) монотеизму», весьма заразной демифологизации и десакрализации (*Enterbung, Entzauberung, Entmythologisierung*⁸). Однако миф при этом никуда не пропал: знаки, символы, откровения и сновидения по-прежнему наполняли человеческую жизнь, делая ее жизнью, но при этом не встречая естественного понимания.

Разница между восприятием мифа и мифическим восприятием существовала всегда. С точки зрения мифического восприятия, история представляет собой постоянное возвращение вспять, круговерть циклических реставраций, где ничто не может быть потеряно, забыто или утрачено. «Все было так, все повторится снова, и сладок нам лишь узнаванья миг». Восприятие мифа также идет от забвения (смерти, засыпания, обмерщвления или обмирщения, утраты мифа) к новому космическому пробуждению, воскресению, возвращению Нумена, или ремифологизации.

же, как вся европейская история покоится на азиатской, так и духовное развитие во всех своих формах искусства и науки восходит к азиатскому мифу и может быть полностью понято только на его основании». (Goerges, Josef. *Gesammelte Schriften*. Koeln, 1928, Bd. 3. S. 440.5 – 8.21 – 25). Помимо «Мифологии азиатского мира» Гёрреса (1810) здесь можно назвать также работу Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (1808), «Пантеум древнейшей натурфилософии» (1811) и «Систему индийских мифов» (1813) И.-А. Канне, а также «Западно-Восточный диван» (1819) И.В. Гёте.

⁸ Важнейшие понятия культурфилософии Германа Вирта, Макса Вебера и Рудольфа Бульмана соответственно, означающие «лишение наследия предков», «приведение мира в расколдованное состояние» и «демифологизацию».

5. Тайна Овира Линда

Любое мифическое восприятие является восприятием мифа, однако далеко не каждое восприятие мифа следует называть мифическим. Например, миф может упорно не пониматься, т.е. «хранить свои тайны», после того как они были открыты, проповеданы с кровель, пропечатаны миллионными тиражами. Тайна остается тайной даже после того, как о ней узнали многие. Вероятно, именно это и имелось в виду в «Диалоге о языке» (1953), написанном одним из самых загадочных философов XX в. Мартином Хайдеггером после общения с профессором Тезука из Императорского университета города Токио. Ситуация там была примерно следующая.

Хайдеггер очень долго и, как всегда, не совсем ясно объясняет Японцу таинство «изначально надежного», очевидного и неопределимого, на что Японец произносит такую фразу: «Тайна только тогда тайна, когда не выходит наружу даже это, что тайна есть»⁹. Говоря иначе, тайна есть тайна есть тайна есть тайна. *Тайна есть*. Но при этом загадочное утверждение Японца можно понимать по-разному.

Самое простое — предположить, что наличие тайны подвергнуто настолько тщательной конспиративной обработке, что не выходит на поверхность даже тот факт, что под завесой эзотерического прикровения вообще нечто содержится (или содержится Ничто). Но может случиться и так, что когда нечто лежит на поверхности, его не замечают именно потому, что оно и не думает скрывать факт своего присутствия. То есть настоящая тайна — это такая тайна, о которой никто даже не знает, что она — тайна. Очевидное кажется невероятным именно в силу своей очевидности. Так и с «Хроникой Ура Линда»: вместо того чтобы молчаливо вникать в содержание таинственного послания, герменевтически приближаясь к «изначально надежному» и открытому в древнем сказе, вот уже полтора столетия ведется длительная и совершенно пустая дискуссия об особенностях шрифта, грамматических формах, датировках сингулярных исторических фактов малого и большого масштаба.

---

⁹ Хайдеггер М. *Время и бытие*. — М.: Республика, 1993. С. 299.

Но с точки зрения мифа сингулярных фактов вообще не существует. Каждый фрагмент окружающей нас действительности воспроизводит некоторый сверхисторический образец, благодаря причастности которому он приобретает единство с тем, что отделено от него огромными тысячелетиями. Загадочный рокот веков сквозь историю доносит до нас звуки древнейших сражений, нордических хоралов и «всемирных» потоков.

6. Трагедия древних фризов

Трагедия древних фризов возникает перед нами во всей своей космической значимости: согласно «Хронике Ура Линда», причиной всех несчастий свободного, светлого и благородного народа Фрейи являются определенные циклы Колеса Кродера, которое состоит из шести лучевых секторов, каждый из которых попеременно спускается вниз и поднимается вверх. Этим вызваны ритмы мировой истории, неподконтрольные для низшей (в основе своей — шаманской) магии мадьяр, но очевидные и прозрачные для ясновидящих матушек древних фризов. Поэтому дети Богини Финды — мадьяры — постоянно пытаются разрушить идиллический матриархат фризов, похитить их священную Лампу из Тексланда и убить фризских народных матушек. В конечном счете это им и удается. Последняя из народных матушек по имени Франа оказывается захваченной приспешниками верховного мадьяра с говорящим именем «Маги» и переправленной на его корабль.

Как говорит «Хроника...», коварный и лицемерный «Маги» приказал ухаживать за матушкой на его корабле. Когда ей, таким образом, стало лучше и она стала уже снова разговаривать твердым голосом, Маги сказал ей, что она должна поехать вместе с ним, взять с собой своих дев и свою лампу и что она снова будет возглавлять государство, настолько высокое и прекрасное, что такого она еще и не видела. Затем он сказал, что хочет просить ее о том, чтобы ему стать главой всех народов Фрейи. Затем он сказал ей, что она должна с этим согласиться и утвердить его волю как непреложный факт, иначе он заставит ее умереть под многими пытками и со многими тяжкими мучениями. Затем он велел около

ее лагеря собраться всему ее люду и провозгласил: „Франа, поскольку ты — ясновидящая, ты должна сказать мне, буду ли я когда-либо властвовать над народами Фрейи?“»

7. Предсказание последней матушки

Франа сначала долго сидела в гробовом молчании, как если бы она совсем не замечала Маги, а затем открыла свои уста и заговорила: «В глазах моих потемнело, но душа моя полна иным светом. Да, я вижу это. Слушай же, Иртха, и радуйся вместе со мной. В те времена, когда потонул Альдланд, была эпоха, когда первый сектор Юла стоял в зените. Затем она закатилась и ушла, а наша свобода — вместе с ней. Когда пройдут и также закатятся два лучевых сектора Юла, то есть истечет две тысячи лет, сыновья восстанут, опрокинут власть князей и жрецов, и снова произведут на свет своих отцов. Все они станут жертвой смерти, но то, что они провозгласят, останется затем, и произрастет, принесет плоды в груди здоровых и бодрых мужей, подобно доброму семени, которое приходит в лоно. Еще тысячу лет лучевой сектор Юла будет склоняться вниз, все более погружаясь в темноту и кровь, которую проливаешь ты, кознями князей и жрецов. Затем же взойдет Новая Заря»¹⁰.

8. Древнейший Завет Севера

Вероятно, у издававшего в 1934 г. «Хронику Ура Линда» профессора Вирта были некоторые предчувствия относительно того, что обещанный срок в две тысячи лет близок к своему завершению. Составленное Виртом послесловие к «Хронике...» исполнено пронзительных эсхатологических интонаций¹¹. В понимании Вирта, исполнились сроки, пришло время северного Откровения. Это «Древнейший Завет», который в предстоящее тысячелетие должен заменить собой два ближневосточных откровения, искусственно сфабрикованных, по мнению авторов «Хроники...», жре-

¹⁰ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 72—73.

цами и при посредстве князей навязанных европейскому человечеству. Кроме того, вопреки многим германистам своего времени, Вирт не считал, что священные тексты германского Севера (Эдда и сага) могли бы также подойти на роль «Древнейшего Завета», которую он оставлял исключительно за «Хроникой Ура Линда». Как писал Вирт в послесловии к своему эпохальному изданию, эта хроника полностью переосмысливает и даже в некоторых моментах «разрушает германистику Эдды и освобождает нас от постоянных толкований и перетолкований этого настолько неравноценного (с „Хроникой...“) памятника эпохи германского упадка и разложения. Ибо германтиковеды¹² со своей экзегезой Эдды ничем не отличаются от своих христианских соотечественников, любой ценой стремящихся утвердить „старый союз“ как основанье христианской религии и церкви.

„Хроника Ура Линда“ раз и навсегда освобождает нас, людей Севера, от этой трагической путаницы нашей духовной истории: от так называемого „Ветхого Завета“, от иудейско-восточного пародийного переосмысления универсальной религии Бога-Света, от амореев, носителей мегалитической культуры гробниц и от Ханаана»¹³.

На протяжении своей долгой жизни проф. Вирт постоянно призывал молодое поколение к тому, чтобы возродить «новое нордическое духовное движение», которое вызовет к жизни «Новую Нордическую Европу с Германией в качестве середины, Сердца Запада». Для этого нордического возрождения Вирт уже в 1960 г. предсказывал приход «возрожденного и окрепшего язычества» (*wiederkehrendes und erstarkendes Heidentum*), ибо, по мнению Вирта, Европа остается в своей основе языческой вплоть до сих пор, и изменить эту языческую душу Европы очень трудно. Когда возрождение языческой традиции в Европе произойдет,

---

¹¹ Из-за которых мы и решили привести его полностью, несмотря на неприемлемые, но исторически вполне понятные высказывания о фюрере и НСДАП.

¹² Так Вирт именовал тех «ариософов» и рунологов, для которых не существовало никаких источников по германской традиции, более древних, чем Эдда и сага.

¹³ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 306—307.

христианам будет предложено толерантное сотрудничество¹⁴. Своим изданием «Древнейшего Завета» Вирт пытался «подтолкнуть» и без того неминуемо опускающееся Колесо Кродера, и, заручившись поддержкой Третьего Рейха, восстановить древнейшие обычаи германцев сначала среди жителей Германии и Нидерландов, а затем и среди тех народов, которые были напрямую затронуты волнами атлантико-нордических миграций.

9. Два Германа Вирта

Профессора Германа Вирта¹⁵ (1885—1981) сегодня знают в основном как автора нашумевших работ о происхождении человечества, крупного специалиста в области германистики, праистории или исследователя древнейшей истории Духа (*Praehistoriker oder Geistesurgeschichte*). Такой образ Германа Феликса Вирта дополняется в ряде случаев характеристиками вроде «оберштурмбаннфюрер СС», «консервативный революционер», «человек, увеличивший историю человечества на 12 тысяч лет — самый замалчиваемый гений эпохи; открыватель первоязыка человечества, реконструировавший письменность золотого века, паладин высокого Норда, избранник Nordlicht'a — Света Севера, сын Фрейи»¹⁶, «вестник Апокалипсиса»¹⁷, «крупный нацистский ученый»¹⁸ или, точнее, «атлантолог, рунолог и спе-

¹⁴ Wirth Herman. *Um den Ursinn des Menschseins. Die Werdung einer neuen Geisteswissenschaft*. Wien, 1960. S. 98, 103, 120, 124—126, 131—133.

¹⁵ Лучше всего библиография Германа Вирта, а также работ о нем представлена в книге: Baumann Eberhard. *Verzeichnis der Schriften von Herman Felix WIRTH Roesper Bosch von 1911 bis 1980 sowie die Schriften fuer, gegen, zu und ueber die Person und das Werk von Herman Wirth. Gesellschaft fuer Europaeische Urgemeinschaftskunde e. V., Kohlenmoor, 1988*. Господин Бауманн является одним из вдохновителей «Gesellschaft fuer europaeische Urgemeinschaftskunde e.V.» и хранителем архива проф. Вирта. Насколько нам известно, в настоящий момент Бауманн работает над подготовкой объемного тома архивных публикаций и материалов, раскрывающих многие тайны жизни и учения Германа Вирта.

¹⁶ Определение А.Г. Дугина.

¹⁷ Gugenberger, Eduard. *Boten der Apokalypse: Visionaere und Vollstrecker des Dritten Reichs*. — Wien, Ueberreuter, 2002. S. 79 ff.

¹⁸ Poliakov Leon, Wulf Joseph. *Das Dritte Reich und seine Denker*. Berlin, 1983. S. 243 f.

циалист по древнейшим сакральным символам человечества», «человек, увлеченный реконструкцией изначальных мифов»¹⁹. В общем, «Urkultur-Forscher»²⁰.

Сегодня в работах о Вирте наблюдается интересная тенденция: все его творчество условно разбивается как бы на два периода, из которых первый, период «Священной Протописьменности» и «Происхождения Человечества», определяют как «период фёлькиш» или «время мистического нацизма». Это «первый Вирт», наиболее известный и описанный. С ним связана деятельность общества «Наследие Предков», издание «Хроники Ура Линда», организация множества передвижных выставок, основание и руководство огромного «Центра по изучению шрифтологии и симвонологии» («Lehr- und Forschungsstaette fuer Schrift- und Sinnbildkunde»), и т.д.

«Второй Вирт» начинается в послевоенные годы и особенную свою активность развивает примерно в 1970-е — в эпоху споров о судьбе североамериканских индейцев, о европейской традиции, об экологии и т.д. Если первого Вирта наиболее часто ассоциируют с движением нацистов, то второго — с движением New Age. Как станет ясно из нашей статьи, обе трактовки Вирта ведут к серьезному заблуждению.

10. Филолог из Нидерландов

Вирта обоих периодов относят, как правило, к числу немецких ариософов, хотя это также верно не до конца. Правильнее было бы считать его нидерландцем, поскольку родился Герман не в Германии, а в нидерландском городе Утрехт (6 мая 1885 г.) и все свое детство провел в Нидерландах, откуда происходила его мать София Гийсберта Бош. Отец же его, Людвиг Вирт, был гимназическим преподавателем и происходил из местности Рейнпфальц.

После окончания школы (1904) маленький Герман целиком погружился в изучение нидерландской филологии, истории германистики, истории и музыкологии. Интересом к этим дисциплинам он

¹⁹ Mohler Armin. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918—1932. 3. Aufl., Darmstadt 1989. S. 130, 347f.

²⁰ Исследователь древнейших культур.

обязан прежде всего своему отцу: тот опубликовал в свое время несколько работ по фольклористике, принесших ему в Нидерландах некоторую известность.

Следуя по стопам отца, Вирт пытается реконструировать сакрально-этнические истоки своего народа, для чего предпринимает ряд поездок: сначала он отправляется в Лейпциг, где в течение двух семестров изучает народную музыку, германистику, историю и нидерландскую филологию, а затем снова возвращается в Утрехт, где сдает в 1908 г. государственный экзамен²¹, получая затем возможность преподавать нидерландский язык и литературу в Берлинском университете.

В это время он работает над сочинением с говорящим названием «Священный поворот», в котором трагически описывается «белая женщина — Мать света, Хольда», грядущая в наш мир, дабы наполнить его «утренним светом Божественной свободы» и «священной верностью былым временам». Эта первая книга Вирта была переиздана в 1933 г. в обработке немецких фёлькиш²².

11. Untergang des Volksliedes

Параллельно Вирт трудится над кандидатской диссертацией, которую с блеском защищает уже в марте 1911 г. и публикует в виде монографии под названием «Упадок голландской фольклорной песни»²³. Уже в ее названии чувствуется та культур-пессимистическая нота, которая с особой отчетливостью зазвучит в более поздних, классических работах германского ариософа. «Упадок голландской фольклорной песни» — это как бы «Вирт до Вирта», этническая азбука духовного становления. Здесь чувствуется

²¹ (Anonym). Mitteilungen // Germanien, 1. Folge, Heft 2, Bielefeld, Okt. 1929. S. 40.

²² Движение фёлькиш (voelkische Bewegung) составляет часть более широкого духовного движения Европы XX в. — т.н. «консервативной революции», возникшей в качестве реакции на рационализм эпохи Просвещения в кругах мистиков и теоретиков «право-левого» политического синтеза. Движение фёлькиш является частью КР точно так же, как ариософия является частью движения фёлькиш, а нидерландская атлантико-нордическая теория Вирта — частью ариософии.

²³ Wirth Herman. Der Untergang des niederlaendischen Volksliedes. Ein Beitrag zur niederlaendischen Kulturgeschichte. Den Haag. 1911. S. XI, 303.

Zeitgeist²⁴, радикальный трагизм, но здесь же светит Черное Солнце нидерландской меланхолии и звучат магические ритмы народной музыки европейского Севера.

Упадок народной традиции Вирт связывал с наступлением эпохи модерна, когда в XVII—XVIII вв. в Нидерланды вторгается инородная культура больших городов. Основной тезис, защите которого был посвящен «*Untergang des ...Volkliedes*», состоял в том, что под натиском интернациональной, романизированной «культуры верхов»²⁵ подлинно народный дух перестает творить и петь, музыка Золотого Века сменяется звоном демократического металла.

Остатки почти навсегда утраченной традиции Вирт находит лишь на юге Нидерландов: «Северонидерландский элемент, — пишет Вирт, — может быть возрожден лишь посредством южнонидерландского оплодотворения», в то время как «искусственное сохранение» культуры т.н. «золотого века» является «грехом против священнейших желаний и потребностей народа»²⁶. Примечательно, что здесь Вирт говорит не от своего лица, а от лица целого народа, так же, как в своих более поздних фундаментальных сочинениях он станет говорить от лица целой расы — расы «атлантик-нордов».

Видеть в этом завышенные амбиции было бы неверно: Вирт постоянно дает понять, что он — всего лишь служитель, один из тех, кто выполняет сложнейшую задачу, безропотно подчиняя свою волю великой цели. Традиция Нидерландов была лишь одной из иллюстраций, ярким примером и первым камнем, положенным в основание задуманной реконструкции.

12. В стиле фёлькиш

В годы работы над диссертацией Вирт вынашивает идею глобального синтеза различных аспектов германской традиции. Одна из его задумок реализовалась в целой интересной серии «нидер-

---

²⁴ «Дух времени» — устойчивое немецкое выражение, связанное с древним языческим поверьем, будто у каждого времени имеется свой дух-покровитель.

²⁵ Т.н. «*Hoehenkunst*».

²⁶ Wirth Herman. *Der Untergang des niederlaendischen Volkliedes*. S. 301, 303.

ландско-исторических концертов»²⁷, сопутствующих возрождению голландской фольклорной песни и ведущих в самую глубь веков. Использовались традиционные народные инструменты, архаические заставки и т.п., а попутно Вирт читал интереснейшие лекции на темы религиоведения и древнейшей истории северного, германского духа. Проводившиеся Виртом народно-исторические концерты именовались «фламандскими вечерами» («vlaemische Abende»). Один из таких концертов, состоявшийся в Берлинской часовне накануне Рождества 1912 г., был посвящен памяти героев войны 1870—1871 гг. и вызвал восторг у многих германских фёлькиш. Доклады и выступления Вирта велись как на немецком, так и на нидерландском языках, причем некоторые из них публиковались. Все это продолжалось до начала Первой мировой войны.

13. Фламандский национализм

С началом Первой Мировой Вирт как «убежденный последователь великонидерландской идеи» добровольно уходит на фронт²⁸. Уже к концу 1914 г. он был откомандирован от своего подразделения и поставлен на службу немецкого правительства в Бельгии. Там ему удается установить контакт с организацией «Jung-Flamen», являвшейся самым влиятельным, но и самым радикальным фламандским движением за независимость. Вступив в «Jung-Flamen», Вирт с большим рвением начинает выполнять конкретные организационные задачи. В частности, усилиям Вирта движение фламандских националистов было обязано немецкими ассигнованиями на собственную газету «De Vlaamsche Post».

В последующие годы войны Вирт возвращается к своим пангерманистским великонидерландским проектам, соединяя в их реализации талант профессионального фольклориста и навыки музыковеда. Как и в довоенное время, он организует серии докладов, сопровождаемых звуками традиционной нидерландской музыки и показом диафильмов. В начале августа 1916 г. ученый

²⁷ Hugo Riemanns Musik Lexikon, 11 Aufl., Berlin, 1929. S. 2039.

²⁸ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Untersuchungen zur Geschichte der Religion, Symbolik und Schrift der Atlantisch-Nordischen Rasse. Jena. S. 15.

решает жениться во второй раз. Его избранницей оказывается дочь известного художника Маргарет Шмитт, разделявшая убеждения мужа и, более того, примерно с 1912 г. игравшая на лютне во время его концертов-докладов-экспозиций.

Все эти публичные выступления Вирта были тесно связаны с нидерландским молодежно-патриотическим движением. Это — та сторона биографии Вирта, которая лежала где-то между миром его мистического поиска и вторым, намного более пресным и формальным миром академической науки.

Наиболее известным вдохновителем и теоретиком фризского национального движения являлся в тот момент Дауве Кальма (1896—1953) — поэт, драматург, и литературный критик. Его основной задачей было возрождение фризского народного языка и — в перспективе — отделение Фрисландии от Нидерландов, необходимое, по его мнению, для возрождения фризской этнической самобытности и стародедовской традиции. В 1915 г. под руководством Дауве Кальмы была сформирована небольшая группа народнически («фэлькиш») настроенных энтузиастов, которая получила название «Jongfryske Mienskip» («Юное фризское движение», или просто — «Молодые фризы»). В 1920-е г. это движение проявило себя достаточно активно — издавало газету «Heitelan» («Родина»), а затем и журнал, который носил показательное название — «Frisia». Радикальное крыло «младофризов» настаивало на радикализации методов борьбы и обрело отчетливые политические контуры. Поскольку отношения между различными группами и союзами фризского народного движения были очень сложными и запутанными, остановимся лишь на самом главном.

1. Созданный в 1902 г. «Северофризский союз краеведов-патриотов» имел ярко выраженную прогерманскую (и, следовательно, антидатскую) направленность.

2. Основанный же в 1923 г. «Фризско-Шлезвигский союз» выступал как раз против прусского засилия в этой области. Ему удалось добиться признания северных фризов в качестве нац. меньшинства. «Фризско-Шлезвигский союз» оказывал поддержку радикалам из фризского движения в Нидерландах и в августе 1925 г. провел в Восточной Фрисландии 1-й Всефризский съезд, на котором был составлен обращенный к германскому

правительству меморандум, требующий признания северных фризоз национальным меньшинством Германии.

В этот период активизируется фризское движение в Нидерландах, идейным вождем которого становится уже упоминавшийся Дауве Кальма. Его духовная биография по-своему показательна: от резкого увлечения идеями социальной справедливости он обратился к восточной теософии, а затем — к магическому фашизму. В 1940—1945 гг. Кальма оказался на стороне т.н. оккупационного движения, т.е. на стороне национал-социалистов. Примерно такую же траекторию (исключая разве что увлечение теософией) мы видим и у Вирта.

14. Wandervogel

В Голландии Вирт был главным вдохновителем молодежного движения «Landbond der Dietsche Trekvogels». Это голландский аналог более известного немецкого сообщества Wandervoegel», движения «Перелетных птиц», сотрудничать с которыми Вирт начал еще во время своего зимнего семестра в Лейпциге (1908)²⁹. Надо сказать, что в 1920 г., когда Вирту пришло в голову основать «Dietsche Trekvogels», в Европе таких аналогов было множество. Вокруг идеи народа и народности объединялись тогда многочисленные вольные корпорации фризских буршей, очарованных странников и мистических краеведов, в совокупности представлявшие собой очень пестрое полотно самых различных мировоззрений. Здесь были и фашистские, и социалистические, и христианско-гностические, и языческие, и многие другие духовные тенденции³⁰.

«Landbond der Dietsche Trekvogels» представляло собой объединение молодых романтиков, тяготеющих к национальной архаике. В движении «Перелетных птиц» такая тенденция выражалась в том, что вместо пышных торжеств вильгельмовской эпохи, таких, например, как годовщина битвы при Седане, молодые патри-

²⁹ Wirth Herman. Vom Ursprung und Sinn des Hakenkreuzes // Germanien, Heft 6, Leipzig, Juni 1933. S. 162.

³⁰ Подробную историю этих организаций можно найти в кн.: Решина М.И. Фризы. Проблемы этнокультурного развития. — М.: Институт этнологии и антропологии, 1996. С. 155-сл.

оты отмечали только те празднества, которые происходили от древних германцев. Особенным почетом пользовался старинный языческий праздник летнего солнцестояния³¹.

15. Ритуалы сольстиса

Этот ритуал имел не только отчетливо языческое происхождение, но и мог быть осмыслен в свете гностического противопоставления двух миров — мира Света (Огня) и мира Тьмы (Льда и Холода). Кроме того, летнее солнцестояние задавало ориентацию многим мегалитическим святилищам, на исследование которых нередко выезжали германские мистики, краеведы и неоромантики. Летнее солнцестояние было точкой космического поворота, после которой световое пространство германского дня начинало уступать место надвигающейся ночи — времени великих ожиданий и сновидений.

Ритуалы летнего солнцестояния были инвариантными для всей неоязыческой Европы. В общих словах, структура нативистских³² ритуалов летнего сольстиса была следующей: в каком-нибудь из заранее определенных священных мест (как правило, в роще или на руинах древнего капища) зажигался ночной огонь. Вокруг него проходили посвящения, читались духовно значимые тексты, обсуждались романтические предания о доблестной старине, величии германских предков и т.д. Затем, когда речь предводителя подходила к своему завершению, община молодых путешественников отдавала торжественный салют, клялась в верности и посвящала себя Огню: через огонь прыгали, его держали в руках, передавали из рук в руки или просто медитативно созерцали. Иногда, когда дело происходило на возвышенности, с холма скатывалось огненное колесо — обмотанный соломой деревянный обруч или нечто подобное.

Горящее колесо означало не только «закатившееся старое солнце» или колесо времени, но также и сожжение всего старого мира — во имя нового и обновленного. Эти ритуалы не были придуманы — они шли из глубокой германской древности. «Согласно архаичным представлениям, пространство и время в критической

---

³¹ Ahrens Heinrich. Die deutsche Wandervogelbewegung von den Anfaengen bis zum Weltkrieg. Hamburg, 1939. S. 19.

³² Нативизм — это примерный синоним неоязычества.

ситуации, на стыке Старого и Нового года, теряют свою прежнюю структуру, «разрываются» так, что остается лишь слитая воедино пространственно-временная точка, в которой все и решается и которая становится зародышем («родимым» местом) будущего пространства и времени, создаваемых заново в каждом новом цикле творения»³³.

Однако на этом ритуал не заканчивался. После скатывания горящего колеса юноши пели народные песни, девушки водили хороводы, причем направление их движения (посолонь или противусолонь) зависело от той литературы о древнегерманском языке, на которую та или иная община ориентировалась. Как правило, это были книги ранних немецких романтиков, ариософов или других фёлькиш. Особенной популярностью пользовались работы Поля де Лагарда, в которых давалось изложение базовых идей германской веры (своего рода фёлькиш-катехизис). Таким образом, мистика плавно перетекала в германистику, а германистика — в отчетливо выраженную, хотя и не всегда направленную, политическую волю.

16. Политический витализм

Возглавляемый Виртом филиал «Перелетных птиц» был настроен скорее мистически-анархически, хотя присутствовали и такие моменты, которые *post factum* получили название «фашистских». Вероятно, «фашизма» там было столько же, сколько и в нидерландской народной песне³⁴, о возрождении которой ратовал в

³³ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные приложения. — М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 492.

³⁴ В более поздние годы Вирт сделает, правда, знаменитую оговорку, которую затем перехватят и будут повторять многие из его оппонентов. Оговорка (в открытом письме известному теологу Рудольфу Бультману) состояла в том, что Вирт якобы инспирировал «Landbond der Dietsche Trekvogels» как «движение с отчетливо выраженной национал-социалистической задачей». (Wirth Herman. Antwort an Prof. Rudolf Bultmann // Oberhessische Presse, Marburg, 14. 08. 1965.) Нам представляется, что хотя такая задача и могла возникнуть в числе прочих на определенном этапе развития «Landbonda», она ни в коем случае не являлась ни изначальной, ни тем более основной — даже несмотря на то, что главным символом организации была свастика.

те годы Герман Вирт... Сам он, кстати, определял движение «Перелетных птиц» без излишних иллюзий и восторгов, как «обусловленный временем глубинно-психологический прорыв на поверхность основного народного типа <...>, совершившийся, чтобы снова обрести душу народа и Родины. Их духовным снаряжением были Эдаа, „Фауст“ Гете и „Так говорил Заратустра“ Фридриха Ницше». С лютой и ранцем, с веселой народной песней и томиком «Заратустры» молодые германцы собирались в дорогу, покидая опустыленные мегаполисы с их буржуазной скукой, космополитической безликостью, отсутствием жизни в прямом и переносном смысле.

Они шли в леса, шли к деревенскому народу, встречали с ним вместе праздники солнцестояний и равноденствий, восхищаясь природой и неисчерпаемой глубиной народного духа. Городскую промышленность, механику деловых отношений, калькуляцию выгод и трезвость расчетов «Перелетные птицы» презирали от всей души. Рациональность — это смерть, финансовый порядок — это процентная кабала, высасывающая из здоровых наций их жизненный сок и оставляющая лишь пустые железобетонные оболочки. «Жизнь — вот первое и последнее. В истории всегда речь идет о жизни и только о жизни, о триумфе воли к власти, а не о победе истин, изобретений или денег»³⁵. Всегда, во все века, законы жизни оказывались сильнее, чем придуманные схемы, чем извне навязанный порядок, лишенный своего мифа и своей тайны. Жизнь — сильнее, чем любые скрепы. Поэтому все, что не пережито и не прочувствовано — лишено смысла, механистично, оторвано от живого источника витальной силы³⁶.

17. Улебордены и Wendekreuz

Для Вирта, бывшего тогда одним из крупных теоретиков германских фёлькиш, таким бесспорным источником витальной силы была его родная фризская традиция. Путешествуя по деревням и

³⁵ Spengler Oswald. Der Untergang des Abendlandes. Bd. II, Muenchen, 1922. S. 635.

³⁶ Mogge, Winfried. Naturverständnis und Kulturkritik - der Hohe Meißner als Symbol der Jugendbewegung // Jahrbuch des Archivs der Deutschen Jugendbewegung, Witzenhausen 1985.

села, Вирт собирал местные легенды, поверия и мифы, зарисовывал рунические знаки календарного цикла. С особенным интересом Вирт копировал т.н. «улебордены» — древнефризские знаки, располагавшиеся по обычаю на самой вершине крестьянского дома. В Твенте и Западной Фрисландии таких «улеборденов», коньков на крышах традиционных построек, к началу XX в. сохранилось еще достаточно. Внешне они представляют собой, условно говоря, колесо, в центре которого находится нечто. Как правило, это крест.

Крест в круге (кельтский крест) — это, согласно виртовской интерпретации, одна из наиболее древних идеограмм годового цикла, знак пути Космического Спасителя. Простейшие фигуры, выполненные в форме меандра, свастики или креста поворота (Wendekreuz), оказывались для Вирта сложнейшими символами, несущими в себе помимо колоссальной древности множество сакрально-теологических и календарных смыслов. Чаще всего все эти смыслы проистекают из культовой символики атланта-нордов, а точнее, из зимнесолнцестоянческого, предзимнесолнцестоянческого и постзимнесолнцестоянческого символизма, что связано с непрерывностью атланта-нордической традиции, элементы которой присутствуют в традициях всех народов и в особенности у древних фризов, детей Богини Фрейи.

18. Северный исток сакральной символики

Вирт приводит в доказательство тысячи самых разных примеров, причем конечный вывод его звучит примерно так: любой символ происходит из целостного, благостного и изначального бого-миро-переживания и бого-миро-воззрения человека Севера. А поскольку главным источником таких переживаний для человека Севера всегда являлось «священнейшее событие Юла», когда наступает самая длинная ночь всего Священного Года и Космический Свет постепенно начинает прибывать, — постольку для северного человека буквально каждый символ оказывается символом Зимнего Солнцестояния. Все длительные мифологические экскурсы в символику и все символические экскурсы в

мифологию, всё перечисление рунических знаков (УР, ЮР, ТИУ, ХАГЕЛЬ, ОДААА и т.д.), всё медитирование на тему «Колеса», «Жолючки», «Аполлона», «Изначальных Вод» и т.п. оказывается необходимым для того, чтобы в конце концов провозгласить очень простую вещь.

О чем бы Вирт ни говорил, в конечном счете он непременно провозгласит, что вся символика и мифология народов мира сводится к затянувшемуся «ремейку» сакральной символики и мифологии народов Севера, что вся символика и мифология народов Севера сводится к описанию Великого Юла, а это описание Великого Юла, в свою очередь, сводится к особому, лишь для северных людей по-настоящему характерному переживанию Космического Света как особой Божественной Благодати.

19. «Германतिकоведы»

Называть такие рассуждения Вирта «ариософскими», в том смысле, в котором ариософией называют «Теозологию», «Карнунтум» или «Аса-Уана» — это было бы большим и совершенно неоправданным преувеличением. Во-первых, потому, что в отличие от большинства ариософов, концепция Вирта с особенной ясностью акцентировала не антропологическую (расовую), а культово-символическую проблему. Если у человечества имеется общий культово-символический, сакральный исток, то возвращение к нему как единственно возможному истоку является намного более предпочтительным, нежели затянувшееся выяснение расовых отношений между германцами и евреями, чандалами и арийцами и т.д.

Во-вторых, Вирт на протяжении всей своей жизни сохранял по отношению ко всевозможным ариософам строгую дистанцию, презрительно именуя их «германतिकоведами», «вдохновенными дилетантами» и «национальными фантастами». С такими личностями, как Йорг Ланц фон Либенфельс, Филипп Штауфф, Рудольф Джон Горслебен и т.д., Вирт старался вообще ни в какое общение не вступать. По его убеждению, все они только делали, что методично позорили северную идею, дискредитируя ее своими псевдонаучными рассуждениями или размывая на псевдовосточный

синкретический магизм («лапландско-финский оккультный хлам эддической традиции»³⁷).

Такие резкие выражения Вирта, как «laprofinnischer Zauberkrampf der eddischen Ueberlieferung», не могли не вызывать несогласия как со стороны «кадровых» эсэсовских рунологов (вроде главы «Отделения рунологических исследований при Ahnenerbe» Вольфганга Краузе или профессора Гиссенского университета Гельмута Арнтца), так и со стороны заштатных фёлькиш-окультистов «листовского» склада, которым эддическая трактовка «тайны рун» часто казалась единственно авторитетной и потому наиболее предпочтительной.

20. Германистика фёлькиш

Со стороны первых время от времени сыпались печатные обвинения в научной некомпетентности, сильно испортившие Вирту не только академическую карьеру (никогда для него особенной важностью, по-видимому, не обладавшую), но и судьбу, которая, как и судьба самой организации «Ahnenerbe», а может, и всей Германии, вполне могла сложиться иначе — по закону Вральды и Фрейи, а не по законам Нюрнберга и т.п.

Сложнее обстоит дело со второй группой критиков Вирта, по адресу которых в первую очередь и направлены «антиэддические», а стало быть, и «антиэддистские» филиппики. По прошествии времени Вирт был — прежде всего в силу известной оппозиционности при режиме, приносящей дивиденды лишь немного погодя — заочно поставлен в один ряд с такими классиками фёлькиш-традиции, как Heinrich Wolf, Max Robert Gerstenhauer, Max Wundt, Hans Hauptmann, Wilhelm Erbt, Franz Haiser, Otto Sigfried Reuter, Arno Schmieder, Wilhelm Teudt (такая последовательность «фёлькиш-систематиков 20-х годов», замыкающаяся именем Вирта, предложена в обстоятельной книге Армина Молера «Консервативная Революция в Германии»³⁸). Написанный под научным ру-

³⁷ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 234.

³⁸ Mohler Armin. Konservative Revolution in Deutschland 1918—1932. Darmstadt, 1972. S. 344—348.

ководством Карла Ясперса и защищенный 29 июня 1949 г. на философско-историческом факультете Базельского университета, труд Молера до сих пор является основным библиографическим путеводителем по право-левой Германии 20—30-х годов³⁹.

В среде ариософов сегодняшней Германии стремление быть современными, адекватными и политически корректными доводит до того, что вся эксплозивная мощь ариософии растворяется в «лаппофинском» космистском оккультизме (чаще всего — с преобладанием экологических тонов⁴⁰), а возможные политические выводы из доктрины сводятся к допустимой норме. Вирта и других авторов 30-х годов стараются не читать вообще, чтобы никого не расстроить и не расстраиваться самим — оттого, что это «тоже ариософия»...

Безусловно, тексты самого Вирта, а также близких ему академических фёлькиш-германистов и рунологов (Карла Теодора Вайгеля, Густава Коссины, Вильгельма Тойдта, Отто Хефлера и др.) имели для науки намного большую ценность, нежели фантазии большинства австрийских и немецких ариософов. В отличие от последних Вирта нисколько не привлекало «необуддистское» учение Блаватской, скорее даже оно было ему противно как очередная попытка антинордического духа утвердить «Свет с Востока» вместо «Света Севера».

21. Urgeistesgeschichte

Вирт занимался реконструкцией древнейшей традиции Европы, вместе с немецкими фёлькиш отстаивал идею священного германского очага⁴¹ и при этом в основных своих выводах приближался к теориям европейских традиционалистов, с некоторыми из которых был знаком лично. Юлиус Эвола в своих мемуарах

---

³⁹ Биография и общественно-политическая позиция А. Молера хорошо представлены в издании: *Lauter Dritte Wege. Armin Mohler zum Achtzigsten. Hg. von Karlheinz Weissmann, Ellen Kositzka und Goetz Kubitschek. Bad Vilbel: Edition Antaios, 2000.*

⁴⁰ Например, на многих немецких сайтах вроде «Рабеклана».

⁴¹ Этой теме посвящена небольшая книжка раннего Вирта, называющаяся «Немецкость земли»: *Wirth Herman. Das Deutschtum der Erde. Berlin. 1920. 31 S.*

«Путь киновари» называет Вирта в числе своих учителей наряду с Рене Геноном и Гвидо да Джорджио. Общался Вирт и с Ойгеном Дидерихсом⁴², и с Вильгельмом Ландигом, и с Мигелем Серрано, и с множеством других не менее интересных личностей, которых в совокупности можно было бы обозначить как носителей и проводников идеала фэлькиш.

Мистическое народничество Германа Вирта проявляло себя сначала в сугубо академической сфере — Вирт преподавал нидерландскую филологию в Брюссельском (1917—1918), а потом и в Берлинском университете (до 1919 г.). В Утрехтском и Лейпцигском университетах он читал лекции по германистике и нидерландской истории. Затем этнографические и культурно-символические поиски, мистическое страноведение и организация передвижных выставок приводят его к идее создания фундаментального духовно-исторического музея народной традиции.

Примерно с 1921 г. он начинает углубленно изучать символику народного искусства. Вирт создает философскую этнографическую теорию, интерпретируя описанные выше знаки *uleborden* — своеобразные перекладкины, балки, коньки на крышах старинных фризских построек, где изображались священные кресты и разнообразные животные. Убеденный в глубочайшем символическом значении традиционных декоративных мотивов, орнаментальных украшений фасадов, потолочной лепнины и предметов народного быта, Вирт проводит серьезное исследование, сопоставляя данные сакральной топонимики, археологии, наконец, устные предания и народные обычаи. Он приходит к выводу, что простейшие геометрические символы восходят к очень глубокой древности, что во времена праисторические именно они и составляли первичный графический язык человечества. Сегодня же они суть объекты изучения археологии, палеоэпиграфики, сравнительной мифологии и рунологии.

⁴² Крупнейший йенский издатель 1920—1930-х гг., долгое время оказывавший частным исследованиям Вирта существенную поддержку, «ибо гений (т.е. Вирт. — А.К.) не мог бы под гнетом нужды выполнить свою жизненную задачу». (Eugen Diederichs Verlag, Hg.: *Der Fall Herman Wirth oder das Schicksal des Schoepfertums*, Jena, 1929.) По инициативе Дидерихса была, в частности, опубликована первая капитальная работа Вирта «Происхождение Человечества» (Йена, 1928).

Символ для Вирта — это намного более надежный след, нежели миф, хотя бы уже потому, что он остается неизменным на протяжении столетий и тысячелетий, тогда как миф со временем претерпевает множество искривлений, исправлений и дополнений, так что в конце концов нередко от его исходной композиции остаются лишь очень невнятные очертания. Делая такое утверждение, Вирт провозглашал идею возникновения всех известных человечеству алфавитов из немногих, но очень конкретных первичных символов. Вирт добавляет также, что одним из главнейших назначений этих базовых символов была фиксация той очередности, с которой передвигаются по небосводу звездные светила⁴³. В чрезвычайно сложной концепции этого необычного ариософа астральная теория является лишь одним из важных элементов — наряду с классическим диффузионизмом (теория «культурных кругов»), типично ариософским нордизмом (идея «атлантико-нордической расы»), теориями изначального матриархата («материнское право» по Иоганну Якобу Бахофену) и изначального монотеизма (в стиле патера Шмидта), а также визионерской рунологией в стиле «фёлькиш» и т.д.

Свой метод исследования сакральной символики Вирт обозначал с помощью типичного для фёлькиш неологизма «Urgeistesgeschichte», что можно перевести как «древнейшая история Духа», «история обнаружения Духа в древности» или «древнейшая история духовной традиции».

22. У подножия Ирминсула

Во время Первой мировой Вирт все эти свои исследования на время оставляет и уходит на фронт добровольцем. Как рассказывают его биографы, в скором времени он был откомандирован к «Flamenbewegung» и при поддержке немецкого военного правительства в Брюсселе отделился от валлонов, находившихся под французским влиянием. Император Вильгельм II был о работе

⁴³ Похожий ход рассуждений мы встречаем в работах мифологов натуралистической или астрально-мифологической школы, из которых наибольший интерес представляют Артур Древис и Анджей Немоевский. На Вирта наибольшее влияние из этих авторов оказал блистательный и мало кому известный мифолог Роберт Айслер. См. его главную работу: Eisler Robert. *Weltenmantel und Himmelszeit*. Muenchen, 1910.

Вирта осведомлен, и, более того, от мысли Вирта про «племенное родство нордических стран» приходил в полнейший восторг. Поэтому Вирту был в 1916 г. пожалован почетный титул «титулярного профессора» — в награду за пангерманистские настроения.

После нескольких лет преподавания в различных университетах Европы (Берлин — Брюссель — Утрехт — Лейпциг), исследования сакрально-культурной символики и участия в молодежном движении «*Dietse Trekvogel*» частный исследователь Герман Вирт поселяется со своей супругой Гретхен Вирт-Шмитт в Марбургена-Лане (1923). Дом, в котором они отныне проживают, носит очень показательное, символическое название, крайне важное для самого Вирта. Дом супругов Вирт назывался «*Egesburg*» — в честь бога войны Марса, иначе именуемого Эором. Совпадение колоссальной важности! Вирт поясняет, что его «*Egesburg*» расположен на месте древнегерманского языческого святилища. Место это не случайное, поскольку граничит с мировой осью — Ирминсулом. Что такое Ирминсул? В мифологии древних германцев так обозначался Мировой Ясень, именуемый в древнескандинавской традиции «*Иггдрасиль*» (букв.: «Конь Игга», т.е. конь Одина), а в традиции древних германцев — «*Ирминсул*». В индоевропейской мифологии вокруг этого Древа вращается вся нордическая Вселенная⁴⁴, организованная незримыми токами энергий от корней к кроне и поделенная на девять миров⁴⁵. Высший из этих миров принадлежит Орлу, ниже которого летает ястреб по имени Ведрфельнир (букв.: «полинявший от непогоды»), а еще ниже, в самых корнях Мирового Древа Иггдрасиль, сворачивается кольцами коварный Дракон Нидхегг, подтачивающий корни и потому постоянно конфликтующий со стражами миропорядка из Высших Миров. В индогерманской традиции имеется множество змеиных образов с космологическим значением, частично или полностью совпадающих с образом Нидхегга. Это и Мировой Змей Ермунганд,

⁴⁴ D'Apremont A. Yggdrasill, l'Axe de Vie des anciens Nordiques // IRMIN, 1994, № 2; 1995, № 4.

⁴⁵ Подробное описание традиционной древнегерманской космологии дано в книге современного натуриста и теоретика языческого возрождения Антона Платова: Платов А. Магические искусства Древней Европы. — М.: София, Гелиос, 2002. — 480 с. С. 26—40 и сл.

и Дракон древних иранцев (Дахака), и даже славянский Ясса (он же — Яшша или попросту Ящер).

Отношения Дракона с Высшими Мирами являются, мягко сказать, напряженными. Хотя сам Орел с Нидхеггом и не бранится, постоянство их перебранки обеспечивает снующая по Древу Мысь (белка Рататоск, букв.: «грызозуб»). Этот маленький грызун прекрасно выполняет свою медиаторную роль, выступая своеобразным архетипом германских магов и мудрецов. Кроме нее в сообщении между светлым Верхом и темным Низом участвуют также четыре Оленя, которые, стоя на крыше Вальхаллы, щиплют листья Мирового Древа Иггдрасиль.

Длинные корни этого Древа пронизывают собой все миры: Асгард (мир Богов), Мидгард (мир людей), Хель (мир мертвецов, именуемый также «Нифльхель») и те миры, в которых живут Инеистые Великаны (Хримтурсы).

Помню девять Миров,
И девять Корней,
И Древо Предела —

говорится в «Прорицании вельвы». А в «Речах Гримнира» (строфа 31) сказано, что при корнях расположены три космические царства, населенных различными существами:

Три корня растут
На три стороны
У Ясения Иггдрасиль:
Хель под одним,
Под другим Великаны
И люди под третьим.

Центром мира людей, расположенным у самого основания космической Оси, является источник Урд. Туда сходятся нити всех мыслимых и немыслимых существ, поскольку именно там проживают носители чистой гиперборейской мудрости. В символике это три Норны, Урд, Скульд и Верданди («Судьба», «Долг» и «Становление»), от которых зависит предестинация не только человечес-

Вирта осведомлен, и, более того, от мысли Вирта про «племенное родство нордических стран» приходил в полнейший восторг. Поэтому Вирту был в 1916 г. пожалован почетный титул «титулярно-профессора» — в награду за пангерманистские настроения.

После нескольких лет преподавания в различных университетах Европы (Берлин — Брюссель — Утрехт — Лейпциг), исследования сакрально-культурной символики и участия в молодежном движении «*Dietse Trekvogel*» частный исследователь Герман Вирт поселяется со своей супругой Гретхен Вирт-Шмитт в Марбургена-Лане (1923). Дом, в котором они отныне проживают, носит очень показательное, символическое название, крайне важное для самого Вирта. Дом супругов Вирт назывался «*Eresburg*» — в честь бога войны Марса, иначе именуемого Эором. Совпадение колоссальной важности! Вирт поясняет, что его «*Eresburg*» расположен на месте древнегерманского языческого святилища. Место это не случайное, поскольку граничит с мировой осью — Ирминсулом. Что такое Ирминсул? В мифологии древних германцев так обозначался Мировой Ясень, именуемый в древнескандинавской традиции «*Иггдрасиль*» (букв.: «Конь Игга», т.е. конь Одина), а в традиции древних германцев — «Ирминсул». В индоевропейской мифологии вокруг этого Древа вращается вся нордическая Вселенная⁴⁴, организованная незримыми токами энергий от корней к кроне и поделенная на девять миров⁴⁵. Высший из этих миров принадлежит Орлу, ниже которого летает ястреб по имени Ведрфельнир (букв.: «полиявший от непогоды»), а еще ниже, в самых корнях Мирового Древа Иггдрасиль, сворачивается кольцами коварный Дракон Нидхегг, подтачивающий корни и потому постоянно конфликтующий со стражами миропорядка из Высших Миров. В индогерманской традиции имеется множество змеиных образов с космологическим значением, частично или полностью совпадающих с образом Нидхегга. Это и Мировой Змей Ермунганд,

---

⁴⁴ D'Aprémont A. *Yggdrasil, l'Axe de Vie des anciens Nordiques // IRMIN*, 1994, № 2; 1995, № 4.

⁴⁵ Подробное описание традиционной древнегерманской космологии дано в книге современного натуриста и теоретика языческого возрождения Антона Платова: Платов А. *Магические искусства Древней Европы*. — М.: София, Гелиос, 2002. — 480 с. С. 26—40 и сл.

и Дракон древних иранцев (Дахака), и даже славянский Ясса (он же — Яшша или попросту Ящер).

Отношения Дракона с Высшими Мирами являются, мягко сказать, напряженными. Хотя сам Орел с Нидхеггом и не бранится, постоянство их перебранки обеспечивает снующая по Древу Мысь (белка Рататоск, букв.: «грызозуб»). Этот маленький грызун прекрасно выполняет свою медиаторную роль, выступая своеобразным архетипом германских магов и мудрецов. Кроме нее в сообщении между светлым Верхом и темным Низом участвуют также четыре Оленя, которые, стоя на крыше Вальхаллы, щиплют листья Мирового Древа Иггдрасиль.

Длинные корни этого Древа пронизывают собой все миры: Асгард (мир Богов), Мидгард (мир людей), Хель (мир мертвецов, именуемый также «Нифльхель») и те миры, в которых живут Инеистые Великаны (Хримтурсы).

Помню девять Миров,
И девять Корней,
И Древо Предела —

говорится в «Прорицании вельвы». А в «Речах Гримнира» (строфа 31) сказано, что при корнях расположены три космические царства, населенных различными существами:

Три корня растут
На три стороны
У Ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним,
Под другим Великаны
И люди под третьим.

Центром мира людей, расположенным у самого основания космической Оси, является источник Урд. Туда сходятся нити всех мыслимых и немыслимых существ, поскольку именно там проживают носители чистой гиперборейской мудрости. В символике это три Норны, Урд, Скульд и Верданди («Судьба», «Долг» и «Становление»), от которых зависит предестинация не только человечес-

кого, но даже и божественного существования. Норны, как известно, прядут. Но еще они режут руны — а это намного важнее. От того, как свернется судьбоносная нить, зависит то, что будет, а от того, как вырежут руну, зависит то, что должно быть. Рунические знаки Футарка образуют план священной истории, тогда как протянутые нити судьбы координируют историю обыкновенную. В своей основе Нить есть символ континуальности, протянутой от Первопричины к самому последнему из следствий (Рагнарек-Экпирисис). Руна, в отличие от Нити, это, наоборот, разрыв, разрез. Любое вторжение Священного рушит логику причинно-следственных связей и подпадает под иную, Руническую Логичку.

Эта священная наука была в древности ведома таинственным Туата-де-Дананн, светлым носителям гиперборейской, атлантик-нордической сакральности, которые оставили нам не только Древний Календарь, не только загадочную систему кодировок в архитектуре (улеборден и т.п.), музыке (фригийский тетрахорд) или танце⁴⁶, но также и поразительно систему Письма, на прояснение которой Вирту понадобились долгие годы кропотливой научной работы. Свои первые концептуальные исследования по символике Рунического Языка и сакрального Календаря Вирт проводил у корней Мирового Древа — в годы своего проживания в Эрзсбурге, городе Марса-Эора.

В послевоенные и предвоенные годы (т.н. «Zwischenkriegszeit») потребность в такого рода исследованиях была колоссальной. Практически все уважающие себя философы, публицисты, историки и религиоведы Германии той поры только о том и говорили, что нужно немедленно, в масштабах всей Германии как минимум, вернуться к своим национальным корням, прорастающим сквозь поверхностные наросты либерализма, секуляризации и капитализма. Исследователи рун и христиане, радикальные социалисты и тонкие мистики сходились на том, что существующий порядок является переходным. Вернее, это даже и не порядок вовсе, а совершенно

---

⁴⁶ Взять хотя бы т.н. мистериальные кружения, древние экстатические пляски лабиринтального типа, о которых писал Фритьоф Халльман, или же «руническую йогу» Фридриха Бернхарда Марби, бывшую, вопреки распространенному мнению, совсем не новоделом, а рискованной попыткой возродить очень древнюю ритуальную практику.

непроглядный беспорядок, лишенный не только глубинного измерения, но даже и смысла стать надежным и долговечным. Многие умы улавливали носящийся в воздухе Хаос и оформляли общую атмосферу предчувствий в связанные программы и манифесты. Одни грезили о справедливости, другие — о народности, третьи — о Магическом Повороте. Что такое Поворот? Это не только изменение курса. В духовном смысле Поворот — это Обновление, т.е. фундаментальный Переворот, разрыв Нити, кардинальное изменение самой структуры, переоценка всего, что есть, во имя того, что будет. В общем, очень сложный рунический процесс...

23. Lebensreform

Вирт живет в Эресбурге, у самых корней Мирового Древа, разгадывая тайны древнейших графических символов, пытаясь прозреть и предугадать будущее германской нации. Вместе со своей женой Вирт по-прежнему стремится возрождать древние германские традиции: биографы единогласно рассказывают очень интересную историю, относящийся к периоду проживания супругов Вирт в городе Марбург. В этот период Герман и Маргарета носили странноватые Trachten — традиционные германские костюмы, которые восходят, быть может, еще к эпохе бронзы. Прекрасно знакомый с народными традициями и последними находками археологов, Вирт полагал, что его любимая жена должна одеваться так же, как одевались женщины древности, германские жрицы, дочери Богини Фрейи⁴⁷.

Во время торжественных фёлькиш-собраний Маргарета представляла, как правило, в таком «германском одеянии», а сам Вирт — в «развешивающемся зеленом пальто». Кроме того, Вирт практикует и активно проповедует вегетарианство, что было модно в среде мистических пангерманистов и теоретиков кардинальной «реформы жизни» (Lebensreform). Вероятно, у всего этого был некоторый оккультный смысл. Из того, что нам известно, мы

---

⁴⁷ Этот «атланти-нордический» стиль (длинная юбка, непременно длинные волосы и рукава) в значительной степени аскетичен и сильно контрастирует с вульгарно-дискоотенной модой «девочек из Эгтведа», описанной Виртом во второй, археолого-символической части «Хроники Ура Линда».

можем предположить, что супруги Вирт проводили в своем марбургском доме также и ритуалы, связанные с праздниками зимнего и летнего солнцестояний.

Незадолго до своей смерти Вирт признался в одном интервью, данном небольшому региональному немецкому журналу «Гумус», что вся его жизнь была постоянной работой на дело духовной революции. При этом, говоря, «моя жизнь всегда была работой на духовную революцию»⁴⁸, Вирт имел в виду определенный исторически необходимый поворот к германским этнорелигиозным, символично-культурным бытийственным истокам, который существенно выходил за рамки истории и в самой истории так и не осуществился. Это — событие космического масштаба, подобное Мистерии Зимнего Солнцестояния — этой, по мысли Вирта, «самой священной и самой возвышенной мистерии северной души». *Denn es ist die heilige Wende, die Zeit des Stirb und Werde, wo die Toten, die Seelen der Ahnen auferstehen und wiedergeboren, wiederverkorpert werden in der Sippe*⁴⁹.

24. Вечные ритмы Божьего Года

Согласно Вирту, изначально-нордическое переживание Времени, Света и Порядка было цикличным. К таким же выводам приходят мифологи самых разных направлений, и здесь Вирт ничего нового пока что не говорит. Циклическое время переживалось как «Вечный ритм природного Года Жизни». Для большинства традиционных народов священный Год является Великим Откровением Божественного Действия во Вселенной. Год является подобием данного Богом космического закона, согласно которому всякое изменение происходит бесконечно и в режиме Вечного возвращения.

⁴⁸ *Mein Leben ist immer eine Revolutionsarbeit Gewesen. Ein Gespräch mit Prof. Wirth // Humus S (o. Jahresangabe). S. 129 ff.*

⁴⁹ «Ибо это — Священный Поворот, время „Умри и Стань“, когда мертвые души предков воскресают и перерождаются, снова облачаются плотью в своем роду» (Герман Вирт).

Чудесный, глубокомысленный образ Божьего Года мы видим в Природе. Многие дни образуют один год, и в каждом из этих дней сбывается подобие года: нарождается Свет, из которого происходит вся Жизнь, Он восходит на высочайшую высоту, а затем нисходит, закатывается и умирает, чтобы снова воскреснуть. Чем дню является утро, полдень, вечер и ночь, тем же весна, лето, осень и зима являются Году, в котором вся жизнь со „Светом Мира“ просыпается заново, движется и развивается, достигает полного раскрытия летом, в точке космического Полдня, чтобы затем пройти через Ночь, через зимнее нисхождение в Смерть, за которым, разумеется, последует Возрождение.

Нордический человек каждый день и каждый год видел подобные иносказания своей жизни, где утро соответствовало его детству, весна — его юности, взрослению — лето и полдень, а осень и вечер — полной зрелости, через зимнюю ночь смерти ведущей его к новой жизни, к возрождению и новому становлению, воплощенному в потомстве.

В череде своего вечно тождественного круговорота день образует коловращение Года, который, в свою очередь, составляет круговой бег жизни человека.

Поэтому движение по кругу и обращение вокруг себя является великим космическим законом Бога, нравственным основанием Универсума и всего Бытия. Из этого основания произрастает Бого-Переживание и любое Право-Сознание. Закон вечного Превращения, Откровение которого во времени и пространстве, главным образом в самом течении Года, понималось атланти-нордической расой через символ Древа Года, Мира и Жизни, находит свое подтверждение в сакральном словаре (в культовой речи) абсолютно всех атланти-нордических языков. Соответствующее название среди прочего содержит корень *t-g* и его обратную форму *g-t*⁵⁰, которая на фонетическом и понятийном уровне присутствует в словах: *drehen, Drehung, Dreher*⁵¹ (*Bohrer*), *Dorn (Baum)*,

⁵⁰ Бывший человеком весьма проникательным, Вирт вряд ли не замечал наличия этого протокорня в своей фамилии, а замечая, вряд ли не придавал этому факту никакого значения. Скорее всего, мы имеем здесь дело с определенной личной мифологией.

⁵¹ Ср. русское слово «дрель». — А.К.

„вращать”, „вращение”, „вращатель” („бурав”), „колючка, шип” („Древо”), т.е. Мировое Древо (Крест) Года, опоясанное колесом (Rad⁵²) Года и Миром. Это символ вечного космического закона, Права, Культуры, Основание, Исток всякого Бытия, Возникновения и Зачатия.

Космическая символика этого корнесловия дошла до нас и в (немецком. — А.К.) слове Art, означающем Род⁵³, Происхождение, Традиция⁵⁴, и в латинских словах ritus — „приведенный род”, „ритуал”, „обычай”; ars (gen. artis) — „искусство”, „наука”, „умение”, но особенно в древнеиндийском слове rta⁵⁵.

25. Der Aufgang der Menschheit

Таким размышлениям о вечном круговороте Колеса Времени, об изначальном нордическом Бого-миро-воззрении и «Великом Откровении Божественного Действия во Вселенной» Вирт предавался в годы своего проживания в Эресбурге — у корней Мирового

⁵² Отсюда и круговые вращения ДеРвишей, и рдение Неопалимой Купины (Dorn), и РаДения русских хлыстов. «Вечно вращается // Мир, как волчок, // Им восхищается // Лишь дурачок», — писал поздний Ницше в «Дифирамбах Дионису». — *Прим. пер.*

⁵³ С помощью метатезы исходное god образует ard, art. Отсюда латинское altus, arduus (высокий), ardeo, ardor, а также rud, раяный, родяный, godas, осетинское arta — клятва (первоначально — Божество, которым клянутся) rit, наконец, древнеиндийское varḍhati — «растет, умножается». Род и Rta одинаково суть Порядок-Рост-Ритм. (В замечательной статье современного религиоведа из РХГИ Алексея Рахманина читатель найдет экспликацию данной темы на материале славянского язычества и обширную библиографию. Рахманин А. Древнерусский «дуализм» в свете родопочитания // Россия и гнозис. Материалы научной конференции. М.: Рудомино. 2002. С. 79—92.) Сюда же примыкает и арийский корень verḷ/vort, от которого происходит русское «время». Этимологи Преображенский и Фасмер (Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. — М., 1959. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. I—IV. Т. I. С. 300, 361) указывают на центральность в системе коннотаций русского слова «время» идеи коловращения. Примечательно, что аналогом русского «КОЛО» является санскритское KALAN — «время». От «коло» образованы такие слова, как «околоца» и «коловрат» — древнерусская восьмилучевая свастика. — *Прим. пер.*

⁵⁴ Как уже ясно читателю, наше русское понятие «Традиция» восходит к тому же корню, семантику которого эксплицирует проф. Г. Вирт. — *Прим. пер.*

⁵⁵ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Jena, 1928. S. 193—194.

Древа Иггдрасиль в Марбурге на Лане. Именно тогда им была подготовлена к печати первая объемная работа, фрагмент из которой мы только что процитировали. Это — монументальное исследование Германа Вирта под названием «Происхождение Человечества»⁵⁶, которое вышло в 1928 г. в Йенском фёлькиш-издательстве Ойгена Дидерихса. По существу — очень толстый том, с руническими знаками, атласами и схемами. Подзаголовок «Происхождение Человечества» звучит так: «Исследование по истории религии, символики и письма атлантико-нордической расы».

В этом исследовании Вирт собрал колоссальный эмпирический материал, привлекая к рассмотрению самые разные религиозные и этнолингвистические традиции: начиная от древних шумеров, египтян, греков, индейцев пуэбло, финикийцев, маори и филистимлян и заканчивая народами Сибири, также сохранившими очень многие элементы древней космической символики.

Все эти элементы в глобальной реконструкции Вирта были сведены воедино и представлены как изначальное откровение Бога и Года Божьего, прошедшее сквозь века, но утратившее свой изначальный, протописьменный, сакрально-символический смысл. Это и неудивительно: Вирт исходил из представления, что «для нашего современного урбанизированного человека»⁵⁷, живущего в отвратительной клоаке душного мегаполиса, вся эта космическая символика с ее колоссальными духовно-метафизическими смыслами — это в лучшем случае большая загадка, а в худшем — полнейшая бессмыслица.

Современные западный человек, с его постоянно нарастающими темпами работы и жизни, с его жаждой прогресса и денег, которая поставлена то ли на конвейер, то ли на пьедестал индустриального кошмара — это человек, явно не способный воспринять и пережить полноту Космического Откровения. «Божий Год должен приносить в природу Обновление, путь к которому для со-

---

⁵⁶ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Untersuchungen zur Geschichteder Religion, Symbolik und Schrift der Atlantisch-Nordischen Rasse. Textband I: Die Grundzuege. Jena, Diederichs, 1928, 632 S., 68 Abb., 28 T.

⁵⁷ Wirth Herman. Der Aufgang der Menschheit. Untersuchungen zur Geschichteder Religion, Symbolik und Schrift der Atlantisch-Nordischen Rasse. Jena, Diederichs, 1928. S. 194.

временных западных людей закрыт. Ибо, если бы они снова поняли весь его Смысл, то они перестали бы делать смыслом своей жизни ошибочную погоню за Мамоной и не стали бы объявлять бессмысленную индустриализацию и урбанизацию „экономическим” развитием и необходимостью. Тогда они не стали бы превращать глубочайший материализм и свою собственную духовную скудость, низость и слабость в черты Духа Времени, с которым современный человек должен „быть созвучен”»⁵⁸.

Подлинный Дух Времени — *Zeitgeist*⁵⁹ — проявлял себя лишь в здоровом ритме Года Божьего, в жизни крестьян и дикарей, способных жить естественно и не подлаживать весь мир под свою «философию». Ежегодное и ежедневное наблюдение за Солнцем, переживание космической символики, запечатленной в знаках и символах, ожидание крупнейшей мистерии Годового Цикла — Зимнего Солнцестояния — все это составляло, согласно Вирту, основу основ традиционного Бого-Миро-Понимания и Бого-Миро-Переживания.

Непосредственным его графическим обнаружением оказывалась «Изначальная символика» (*Ursinnbildschrift*), дававшая человеку традиционного общества последнее основание для жизни и мысли. Обнаруживая элементы этой *Ursinnbildschrift* в собранном им материале, Вирт стремился выделить наиболее древнее, наиболее подлинное зерно, вокруг которого вращается весь ансамбль календарных представлений и космологических знаков. В «Происхождении Человечества» Вирт описывал мировоззрение человека эпохи палеолита с такой (а быть может даже еще большей) легкостью, чем та, с которой западные биографы описывают мировоззрение самого Вирта. Вероятно, это и есть зловещая печать урбанизации, которая, если верить Вирту, помутняет разум, удаляя его от изначальной гиперборейской свежести.

Изначальным содержанием протописьменного послания была, согласно Вирту, Благая Весть о Спасителе, грядущем освободить Человечество в Мистерии Зимнего Солнцестояния. Это

⁵⁸ Wirth Herman. *Der Aufgang der Menschheit*. Jena: Diederichs, 1928. S. 194.

⁵⁹ Подробнее о понятии *Zeitgeist* и консервативно-революционном контексте рассуждений Вирта см. в книге Пьера Бурдьё: Бурдьё П. *Политическая онтология* Мартина Хайдеггера. — М.: Праксис, 2003. С. 25—79.

главная тема многочисленных значков, закрытых для понимания современных людей, но раскрывшихся перед Виртом после нескольких лет проживания в древнем городе Эресбурге. Космическая символика Спасителя — это и есть символика изначальной религии человечества, символика универсальная по своему значению и передающая глубинное сотериологическое упование. Ключ к праисторическому мышлению Вирт обнаружил не сразу. Сначала пришлось переработать множество древних языков, рунических рядов и протописьменных (пиктографических) систем, каждая из которых содержит несколько слоев более поздних напластований и в то же время таит в себе подлинное, необычайно древнее нордическое зерно. Этим зерном для Вирта оказалось стилизованное изображение умирающего и воскресающего Сына Божьего, приходящего в наш деградировавший мир в точке Зимнего Солнцеворота (22 или 25 декабря).

По мнению Вирта, изначальной верой человечества был солнечный, полярный монотеизм. Именно такая форма представления о Божестве и о Спасителе составила основу раннего христианства, которое потом претерпело неизбежную метаморфозу, отчасти связанную с тлетворным влиянием индустриализации и урбанизации.

Носителем этой гиперборейской Изначальной Религии была «атланти-нордическая раса». Это те самые племена Туата Де Даннан, о которых много интересного рассказывается в сагах Древней Ирландии⁶⁰. Однако на этом все не заканчивается. По Вирту, атланти-нордическая раса происходит от другой, еще более древней и сакральной расы, расы «арктически-нордической». Размежевание между атланти-нордами и нордами древней Арктиды произошло во времена праисторические, примерно в третичный период, т.е. более двух миллионов лет тому назад. Тогда Арктика еще не была покрыта льдами и вполне подходила для обитания. Это были теплые плодородные земли с умеренно густой растительностью и пресными водами. Однако вследствие разительного ухудшения климата, наступившего в четверичный период и повлекшего за собой тяжелейшие климатические ката-

⁶⁰ См.: Предания и мифы средневековой Ирландии. — М.: МГУ, 1991. С. 33 сл.

строфы, атланти-нордическая раса (в которую со временем переродилась раса нордов Арктиды) была вынуждена покинуть свою Полярную Родину, удалившись в другие земли, более пригодные для проживания.

Именно эта праисторическая миграция и является главной причиной того, что между различными культурами, проживающими по ту и по эту сторону Атлантики, наблюдается такое разительное сходство. В большинстве случаев, однако, мы имеем дело с результатами глубинной метиссации, произошедшей между прибывшими из Арктической Родины атланти-нордами и мирными автохтонами занятых ими территорий. Разумеется, последние составили низший, порабощенный слой кормителей, тогда как атланти-норды распределили между собой роли священников и правителей. Они дали народам всего мира глубинный космический Календарь, поведали о Мистерии годичного нисхождения Сына Божьего, рассказали о символике рунических знаков.

Колонизированные народы были явно не в обиде. Однако своим пассивным разумом они всего корпуса спасительных откровений усвоить так и не смогли. Поэтому образовались существенные расхождения между языками и культурами, между культовыми и ритуальными практиками. Однако самое существенное расхождение состояло отнюдь не в этом.

Изначальное атланти-нордическое общество было сугубо матриархальным. Народы Арктиды почитали своих Белых Дам и пророчиц, воспринимали женщину как источник и носительницу непостижимой сакральности, как высший духовный авторитет и подательницу жизни. Женщина была для мужественных атланти-нордов предельной ценностью Духа, воплощением Матери-Земли и носительницей высших спасительных истин. Однако в ходе космической и культурно-символической деградации наметился качественный надлом как в миропонимании, так и в жизненной практике всего человечества. Матриархальное понимание бытия стало уступать место «патриархально-властно-политическому» мышлению (*maennerrechtliches machtpolitisches Denken*) и т.н. «отцовскому праву». Это отцовское право пришло с Востока и с Юга и стало причиной фундаментальной космической трагедии.

Трагедия Севера — это фактически трагедия изначального матриархата, который с окончанием величественной культуры мегалитов (ок. 2000 г. до Р.Х.) уступил место более рациональному, прагматичному и деловому строю Отцов (жрецов и политических вождей). Этот качественно новый строй, порядок патриархата и отцовского права⁶¹, утвердился во всей Европе и стал основной причиной «духовной деградации германцев»⁶².

26. Тотальная реконструкция и ее задачи

Именно из отцовского права и пришла в духовную жизнь Европы поверхностно-материалистическая интонация, звучащая в любых рассуждениях об эволюции, прогрессе и совершенстве технических ресурсов. В этой ситуации Вирт выдвигал несколько вполне конкретных задач, касающихся переустройства германского бытия и мышления. Первая из них сводилась к тому, чтобы мужественно противостоять наглым тенденциям «бескультурной, технико-материалистической цивилизации»⁶³, которая посредством алкоголя, никотина, постоянно потребляемого мяса и тлетворной буржуазной роскоши вытравливает из душ последние остатки древнего Бого-Миро-Переживания.

Вторая принципиальная задача состояла в том, чтобы переосмыслить роль женщины, забитой в угол технического универсума как его слуга и безропотная жертва. Эту задачу Вирт определил как «Gang zu den Muettern»⁶⁴. В «Происхождении Человечества», «Священной Протописьменности Человечества», в «Хронике Ура

---

⁶¹ Что, по теории Вирта, совсем не одно и то же, ибо патриархат — лишь внешнее обнаружение более глубокой структуры, основанной на восприятии Божества. В изначальную эпоху Божество было андрогинным — например, космический Дух Вральда, — однако затем Его стали переживать как преимущественно мужское начало. Уже здесь, на уровне умозрения и теологии, наметился качественный отход от примордиального матриархата Арктиды.

⁶² Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 270.

⁶³ Wirth Herman. Was heisst deutsch? Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1939. S. 43.

⁶⁴ «Путь к Матерям» (нем.) — фраза из первого акта второй части «Фауста» (Гёте Иоганн Вольфганг. Фауст. Лирика. — М.: Худож. лит., 1986. — 767 с., (Б-ка классики. Зарубеж. лит.). С. 225).

Линда» и других важных работах Вирта («Что значит быть немцем?», «Священный Поворот», «Книга о Палестине», «Одала», «Древнейшие руны Великого Бога»⁶⁵ и т.д.) были сделаны лишь отдельные шаги на этом пути, который, буде он действительно пройден всем западным человечеством, привел бы, вероятно, к самым истокам — в арктическую колыбель сакральной символики.

Помимо культурно-исторических Вирт провозглашал также и некоторые конкретно-исследовательские, методологические задачи, от неисполнения которых зависела фактически вся неудача гуманитарной науки той поры и от исполнения которых могла бы возникнуть совсем другая наука в совершенно ином контексте.

В «Происхождении Человечества» Вирт провозглашал две главные задачи, стоящие перед германистикой, тесно связанные друг с другом и судьбоносные для всех потомков атлантико-нордической расы. Первая задача состояла в том, чтобы освободить «чистую немецкую науку» из «болота» «науки либеральной», которая была для Вирта худшим из проявлений германского духа. Вторая задача состояла в том, чтобы непостижимым усилием творческой воли разбудить древние мифы «арийско-нордической изначальной культуры» и тем самым достичь «освобождения человечества от пятен цивилизации»⁶⁶.

⁶⁵ Некоторые русские биографы приписывают Вирту авторство книги под названием «Вавилонский вопрос». Хотя книги с таким названием у Вирта и нет, имеется работа «Гомер и Вавилон», вышедшая во Фрейбурге в 1921 г. В этом обстоятельном труде по классической филологии были обозначены разумные границы популярной в то время концепции «панвавилонизма». Другая задача книги состояла в том, чтобы указать на необъяснимость «Илиады» и «Одиссеи» из них самих, а значит, заложить основания для дальнейшего исследования культурных пересечений гомеровских греков с ассирийцами, вавилонянами, финикийцами, амореями, критянами, хеттами и прочими народами. Например, в этой книге Вирт упоминает о финикийских чертах Афродиты, которые, вполне вероятно, восходят к семитическому культу Иштар-Астарты, а также замечает, что «излюбленное сегодня отрицание семитизма так же отпадает при строгонаучном рассмотрении, как в свое время отпали некогда „современные“ антиклерикальные тенденции». (Wirth Herman. Homer und Babylon. Freiburg. 1921. S. VI.)

⁶⁶ Kater Michael H. Das Ahnenerbe der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Muenchen, 1997 (Stuttgart 1973, Muenchen, 2001). S. 12.

27. Мифологи, теологи, этнологи

Обе поставленные задачи были вполне типичны и характерны для германистики фёлькиш как межвоенного, так и нацистского периода, причем такие методологические задачи были для фёлькиш-германистов одновременно и научной программой, и верованием, и причиной конкретных симпатий в политике. В отличие от либерального религиоведения XIX и начала XX в. (классический образец — работы авторов «Archiv fuer Religionswissenschaft»), религиоведение германских фёлькиш было не филологическим, а этнологическим по преимуществу. Как показал в своем «Сравнительном религиоведении» (1928) Герман Фрик, в начале XX в. в науке о религии существовало три основных направления, три базовых вектора, в русле которых собирался эмпирический материал и выстраивались концепции.

Первое из этих трех направлений — *теолого-философское* — восходило к «Речам о религии» Фридриха Шлейермахера. Для этого автора и для практически всех его последователей наиболее существенным в религиях представлялся не культ и не мифологема, а некоторое внутренне убеждение, основанное «на чувстве безусловной зависимости и на созерцании универсума». Примерно так же рассуждал и Рудольф Отто, и шведский религиовед Натан Зедерблом, и многие другие авторы.

Второе из названных Г. Фриком направлений, *филологическое*, основывалось на построениях великого индоевропеиста и мифолога-соляриста Макса Мюллера. Представители второго направления (например, Герман Узенер) считали, что для того, чтобы в религии хоть что-то понять, одного «чувства зависимости» недостаточно: нужно внимательно прочитать базовые первоисточники, а также весь корпус комментариев и толкований. Мюллер со своими учениками переводил с санскрита и фарси, издавал «Священные книги Востока» и сопоставлял этимологии основных понятий культа и вероучения.

Наконец, третье из выделенных Фриком направлений — *этнологическое* — опиралось на теорию Эдварда Бернетта Тайлора относительно «первобытной культуры», внутренне тождественной

культуре «примитивных народов»⁶⁷. Для изучения этой необычной культуры, редко имеющей не то что священные тексты, но даже и письмо как таковое, вряд ли подходит метод филологов, а поиск «чувства зависимости» может оказаться лишь неправомерной экстраполяцией сугубо европейского опыта. В контагиозной, гомеопатической и всякой другой магии первобытных народов эта зависимость реализуется совсем по-другому, чем в мистике западных богословов или визионеров, поэтому они говорят как бы на разных языках. Это различие в «языках» интересно объяснял французский философ Маритен, который полагал, что здесь «дело в том, что мистический язык стремится в первую очередь воссоздать для вас божественную реальность, заставить вас прикоснуться к ней, не называя ее, в то время как философский язык стремится назвать ее, не прикасаясь к ней»⁶⁸. Язык аборигенов уникален тем, что он и прикасается, и называет, и вообще растворяет ту границу, которая лежит между субъектами и объектами. Но одного языка здесь недостаточно, поскольку каждый звук, каждое слово и каждый знак в традиционном мировоззрении оказывается элементом слишком большой ассоциативно-бытийственной цепи аналогий и гомологий, отсылая нас и к разным Богам, и разным типам растений, зверей и людей, к мифам, к событиям священного календаря и т.д. Для распутывания всех этих узлов каждый из трех методов классического религиоведения, взятый в отдельности, оказывался недостаточным и неподходящим. В рамках каждого из трех подходов ощущалась существенная нехватка более широкой интегративной концепции, глобального синтеза научных дисциплин.

28. «Заговор мохнатых»

Осознав всю очаровательную нелепость ситуации, в которую забрела европейская наука к началу XX в., Вирт сначала предложил, а потом и осуществил идею этого широкого междисципли-

---

⁶⁷ Фрик Герман. Сравнительное религиоведение // Мистика. Религия. Наука. Антология. – М.: Канон+, 1998. С. 316 сл.

⁶⁸ Маритен, Жак. Предисловие к книге «Леон Блуа. Пилигрим Абсолюта» // Современная западно-европейская и американская эстетика. Сборник переводов. – М.: Университет, 2002. С. 153.

нарного синтеза, в котором присутствовали не только философия, археология, этнология и филология, но также и менее признанные науки. К примеру, атлантология, т.е. учение об Атлантиде, ее локализации, ее культурных и религиозных контактах и особенностях. Кроме того, в своей первой монументальной книге «Происхождение Человечества» Виртом широко применялся метод компаративистики — как филологической (за полвека до В.М. Иллич-Свитыча!), так и религиоведческой.

В науке о религии, где к тому времени присутствовало строгое «разделение труда», филологи (Рихард Райценштайн, Отто Вайнрайх и др.) старались заниматься только филологией, этнологи (Бронислав Малиновский или Д. Фрезер) боялись выйти за рамки этнологии, а теологи и философы, например, Вильгельм Шмидт или Отто Пфлейдерер, старались заниматься преимущественно теологией или философией. Любая попытка широкого и междисциплинарного взгляда на вещи встречалась крайне недоброжелательно, что объясняется не только формальностью западного интеллекта, но также и желанием сохранять неизменной академическую структуру с ее отделениями, кафедрами, аспирантами, дипломантами, соискателями и профессорами.

Проект Вирта был неудобен вдвойне, поскольку он не только привлекал новые, «невалидные», «эвристически негодные» дисциплины (вроде атлантологии), но также открыто провозглашал свою оппозиционность по отношению к «либеральной науке прошлого». Вирт сознательно пренебрегал методами критического анализа, отдавая предпочтение интуитивным догадкам в стиле фэлькиш. Поскольку набранный им материал был попросту колоссален, какие-то интуиции Вирта, естественно, оказывались преждевременными. Однако во все века преждевременно высказанная истина представлялась критическому большинству непростительной ошибкой: те, кто казнил Лавуазье, отравил Сократа цикутой, посадил в тюрьму Галилея и сжег Джордано Бруно, были по-своему правы — именно как представители *scientific community*, не приемлющие никаких новаций.

Таких узкоспециализированных чиновников от науки в Германии называли словечком «Zunft», а в России зовут «мохнатыми». Этнолог Фирьяз Ханцеверов совершенно верно говорит, что «по-

явление новых научных представлений ущемляет социальный статус уже существующих — отпускаемые обществом на науку средства приходится делить на большее число ртов. Это — с одной стороны.

С другой стороны, реальный прогресс науки означает радикальную ломку господствующих представлений, сопровождающуюся изменениями и в структуре научного сообщества. По здоровой логике развития, старая элита должна обновляться носителями новых идей. Патриархов истины и чести, однако, фатально мало. Не в пример чаще возникает заговор „мохнатых” против новаторов. Далее события развиваются по сформулированному В. Оствальдо (1978) „алгоритму успеха” или около того. Сначала новое направление просто замалчивается. Это, как правило, не срабатывает, поэтому далее следует уничтожение критикой. Наконец, „мохнатые” вместе со всеми, а часто громче всех, признают его истинность, но с тем большей непримиримостью отрицают его новизну. Если в этом месте сценария новатор или новаторы проявят благоразумие и вовремя отдадут богу душу, влиятельные авторитеты, возможно, поделятся с усопшим приоритетом. Если же возвеличивает строптивость, „алгоритм успеха” заменяется более эффективными методами узаконенного беззакония, которые лишают „мученых” шансов на честь быстрее, нежели вирус СПИДа»⁶⁹.

Несмотря на то что Вирт преподавал в крупнейших университетах Германии и Нидерландов и фактически входил в число основных специалистов по германистике той поры, неприязнь к нему со стороны кафедралов была колоссальной. На то имелись существенные причины, коренящиеся как в самой доктрине Вирта, так и в личном отношении отдельно взятых профессоров к науке фёлькиш как таковой. Для многих предложенная Виртом заявка на создание новой и всеобъемлющей *Urgeistesgeschichte* казалась не то что разрушением, размыванием отдельных дисциплин, но даже более того — опасной «псевдонаукой» или «наукой для дилетантов».

---

⁶⁹ Ханцеверов Ф.Р. ЭНИОЛОГИЯ: чудеса без мистики. Книга научных версий. — М.: Международная академия энергоинформационных наук. АНМ, 1999. — 445 с. С. 8.

Но самый существенный упрек состоял отнюдь не в дилетантизме. От позорной клички «Laien-Forscher» Вирту даже не было смысла отмахиваться, ибо она явно была ему не к лицу. Ученых обеспокоило другое. «Вирт говорит тоном пророка», «Вирт хочет пересоздать европейскую науку», «Вирт придумал новую религию и стремится выдать ее за религию германцев» — вот что взбудоражило многие умы и добавило в огонь масла, яда и чернил.

29. Антивиртовская мозаика

Узость кафедральных подходов не могла вместить междисциплинарных культурно-исторических обзоров, разлагая их на составляющие и критикуя каждую из этих составляющих в отдельности. В этом отношении показателен сборник «Герман Вирт и немецкая наука», вышедший в Мюнхене в 1932 г. под редакцией берлинского историка и геолога Фрица Вигельса. В этом сборнике критических работ каждый из специалистов обсуждал только свою отдельную область, стремясь показать, что Вирт в этой области некомпетентен и потому не является авторитетом. Если Вирт, подобно титанам Ренессанса, исследовал почти все на свете и поэтому писал в своих работах *de omnibus et quibusdam aliis*⁷⁰, то здесь каждый ученый стремился проявить свою узкопрофильную компетентность, не залезая никуда, кроме своей отдельно взятой дисциплины. Отсюда — содержание сборника, который, по аналогии со знаменитой «антифоменковской мозаикой», можно было бы назвать «мозаикой антивиртовской»:

- Проф. Фердинанд Борк, Кенигсберг: «Герман Вирт как ориенталист».
- Проф. А. Вольфф, Геттинген: «Герман Вирт как германист».
- Проф. Н. Плишке, Геттинген: «Герман Вирт и этнология».
- Д-р Бруно К. Шульц, Мюнхен: «Герман Вирт и антропология».
- И, наконец, сам д-р Фриц Вигерс (Берлин) написал для сборника (помимо предисловия) два пространных очерка: один под на-

⁷⁰ Обо всем на свете и еще кое о чем (лат.).

званием «Герман Вирт и биология», а другой — «Герман Вирт и древнейшая история».

В обобщающем предисловии к сборнику «антивиртовской мозаики» д-р Фриц Вигерс говорил о том, что фактам в концепции Вирта не соответствует самые ее ключевые моменты. Критический рационализм Вигерса отказывался принимать и баснословный остров Атлантиду, расположенный, по мнению Вирта, в районе отмели Доггер, и арктическую теорию происхождения северной расы, и Виртову сериологию, согласно которой первая группа крови является изначальной, и теорию миграций атлантов в районы Африки и Полинезии. В работах Вирта слишком много гипотез и слишком мало «научности», настаивал дотошный Вигерс. «Страница за страницей, слово за словом открываются острейшие противоречия между утверждениями Вирта и результатами современных наук»⁷¹.

Например, в отношении важного для Вирта африканского письма Бамум лингвисты 1930-х отказывались признавать какую-либо глубокую древность. По их мнению, письмо Бамум возникло не ранее XVIII или даже XIX века. Поскольку для Вирта это письмо (так же как и западноафриканский шрифт Vai) было одним из доказательств колонизации Северной Африки атланти-нодами, произошедшей еще в эпоху верхнего палеолита (ок. 10 тыс. лет назад), у лингвистов возникало множество претензий и недоумений. Все они были бы не лишены смысла, если бы не было известно, что письмо Бамум, созданное, действительно, лишь во времена правителя Ньоя (Njoja), было образовано из куда более раннего идеографического письма, которое бытовало в африканском народе с незапамятных времен. Кроме того, для Вирта вопросы точных датировок и хронологии как таковой не представляли особого интереса: его отступление от традиционного для западной науки историзма было вызвано крайней древностью тех пластов культуры, над реконструкцией которых он работал всю свою жизнь.

Исследуя пути древнейших атланти-нордических миграций, Вирт, как и многие другие ученые, опирался в значительной степе-

---

⁷¹ Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S. 4.

ни на собственную интуицию. В лингвистике его ориентиром был рунический строй Футарк, совпадавший, по мнению Вирта, с письменностью атланта-нордов. Наиболее древние ее образцы Вирт датировал 25 000 лет до Р.Х. Именно тогда, по мнению нидерландско-немецкого ученого, была составлена древнейшая в истории человечества надпись, обнаруженная в Монегане (Moneghan). Современные Вирту лингвисты возражали по этому поводу, что монеганскую находку от рунического строя Футарк, возникшего не ранее эпохи переселения народов, отделяет не одно тысячелетие.

Все эти претензии и возражения не казались Вирту особенно существенными, поскольку в своем исследовании он шел не столько от датировок, сколько непосредственно от самого материала. Свободно сопоставляя данные древнейших языков, Вирт и не задумывался о том, что нужно следовать принципам историзма или тем правилам, на которые ему указывали коллеги-филологи. Так, например, геттингенский профессор А. Вольфф в статье «Герман Вирт как германист» перечислял следующие его основные неточности, возведенные в ранг методологии:

- Краткие гласные в работах Вирта выдаются за долгие, а долгие (по ситуации) прочитываются вместо кратких.
- Гласные для Вирта не значат практически ничего, а консонанты значат крайне мало.
- Дифтонги, по Вирту, совсем не относятся к Праязыку, а потому не являются препятствием для сближения разных языков и реконструкции изначальной парадигмы.

30. Два вектора генотеизма

Наиболее интересным образом все эти особенности филологического метода проявились в реконструкции изначального пантеона Европы и в сопоставлении имен различных Божеств. Выстраивание всевозможных цепочек идентификаций вообще характерно для ариософии: именно в этом вопросе Вирт крайне напоминает других германистов ариософского толка, в частности Рудольфа Джона Горслебена. Вот, к примеру, две цепочки отождествлений, одна из которых принадлежит Горслебену, а другая — Вирту.

Горслебен: «Krist-All = All-Krist = Allgott = All-Vater = Welt-All = Allgeist = Athem = Atman = Odhin = Odem».

Вирт: «Urana = Ur-Ahne = Varuna = Uruka = Urraka» или «Thor = Тур = Ullr = Siegtur» и т.д.

Разумеется, для академической германистики такой ариософский подход представлялся неприемлемым, о чем Вирту сразу же напомнил один из его наиболее дотошных критиков, А. Вольфф: «Наука недавнего времени познала, насколько ложным является стремление к отождествлению малых Богов друг с другом и с Великими Богами. Этот метод извращает подлинную картину пространства, развития и времени существования различных культов и не позволяет проникнуть в содержание источников. Но Вирт объявляет тождественными даже таких Великих Богов, как Тюра и Тора, и конечно же Зигтюра, имя Которого, согласно источникам, обозначает Одина, а также идентифицирует Тюра-Тора-Зигтюра с Ульвром и т.д. Несомненно, этот мощный прием является простейшим средством, чтобы на место множества Богов поставить желаемое Единое. А то, что эти множественные Боги в наших источниках отличаются друг от друга вполне конкретными, отчетливыми чертами, то, что они зачастую призываются вместе, и даже то, что их изображения могут стоять неподалеку друг от друга в одном и том же святилище, — это для Вирта никакого препятствия не составляет»⁷².

Вольфф исходил из представления, которое казалось бесспорным лишь для одного из направлений германистики. Разделение Богов на великих и малых — это проекция знаменитой теории генотеизма, предполагающей, что на протяжении истории верования различных народов трансформировались от политеизма в сторону монотеизма и в одной из переходных фаз породили такую ситуацию, когда еще сохранялся политеизм, но при этом некоторые из верховных Богов возвысили свою власть над остальными. Классический пример здесь — власть Зевса над двенадцатью Олимпийцами или возвышенное положение Тримурти (Брахма-Вишну-Шива).

⁷² Wolff L. Herman Wirth als Germanist // Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Mue-LEH 1932. S. 56—57.

Генотеизм — это не многобожие (поскольку уже имеются начатки монотеизма), но и не строгий монотеизм, ибо наличие Богов, альтернативных Единому? не отрицается. Последнее сразу же бросается в глаза, тогда как отличие генотеизма от обычного многобожия ясно далеко не всегда. Поэтому многие историки религии, начиная с автора концепции генотеизма Макса Мюллера, проводят здесь строгую грань. «Генотеистические религии отличаются от политеистических тем, что, признавая существование различных божеств или названий божеств, они представляют каждое божество как независимое от всех остальных, как единственное божество, присутствующее в сознании верующего во время культовых действий и молитвы»⁷³.

Забегая несколько вперед, скажем, что типичным примером генотеистической теологии является «система персонажей» «Хроники Ура Линда», в которой каждое из действующих лиц представлено как некоторая эманация Космического Духа Вральды, выпущенная на мировую арену одной из трех предсуществующих Прародительниц. Нередко отмечавшуюся нехватку в «Хронике...» подробных описаний «культовых действий и молитвы», восполняемую разве что упоминаниями «Священной Лампы из Тексланда» и спонтанного визионерства народных матушек, можно понимать так, как это понимал и сам Вирт. По его мнению, пышные культы, длительные молитвы и заунывные причитания на тему «Deus otiosus»⁷⁴ духовно и психологически чужды северной расе и куда как более свойственны народам Средиземноморья⁷⁵.

⁷³ Мюллер, Макс. Введение в науку о религии: Четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале — марте 1870 года. — М.: Университет, 2002. С. 73.

⁷⁴ «Удалившийся Бог» (лат.).

⁷⁵ Эту мысль мы встречаем также и в работах Ю. Эволы, посвятившего целую главу одной из своих книг определению «средиземноморской души» и пришедшего к следующему выводу: «В первую очередь, чисто „средиземноморской“ чертой является любовь к показным поступкам и красивым жестам. Средиземноморский тип нуждается в сцене, если и не для удовлетворения низменного тщеславия и эксгибиционизма, то хотя бы потому, что его воодушевление и порыв (даже в достойных, славных и искренних поступках) нередко вспыхивают лишь благодаря присутствию зрителей; невозможно отрицать, что довольно значительную роль в его поведении играет забота о производимом эффекте». (Эвола Юлиус. Люди и руины. — М.: Русское Стрелковое Общество, 2002. С. 226—227.)

Но даже если мы согласимся, что система Богов в «Хронике Ура Линда» является генотеистической, то нам все равно придется сделать, по меньшей мере, два очень важных уточнения. Во-первых, в языке историков религии XIX—XX вв. понятие генотеизма (или катенотеизма, что то же самое) было окрашено строго эволюционистски, а это значит, что коллизии «Единого и многих» предшествовала совсем не доминация Единого (как в «Хронике Ура Линда»), но стихийный первобытный политеизм, который затем был упрощен и, так сказать, «упорядочен». Во-вторых, Вирту как стороннику теории изначального монотеизма совсем не было нужды соглашаться с обеими схемами, ни одна из которых не препятствовала голландскому ученому сопоставлять самые разные пантеоны и выводить типологические аналогии.

Критика Вольфа и т.п. была, поэтому направлена как бы мимо Вирта: во-первых, потому что для Вирта никаких «Великих Богов» не существовало: в виртовской системе был лишь один поистине Великий Бог, а все прочие фигуры пантеонов рассматривались в качестве Его календарных манифестаций. Эта «ученая теология», подобно реконструкциям Вольфа, признавала в становлении древнегерманского пантеона наличие определенного генотеистического периода, однако рассматривала его не как результат упрощения политеизма, но как один из периодов отступления человечества от изначального нордического единобожия. Фактор «времени, развития и распространения различных культов» играл в концепции Вирта действительно малосущественную роль.

Это было вызвано тем, что Вирт стремился выйти на уровень универсалий, расширяя материал своего поиска далеко за пределы отдельно взятой германской традиции. В определенном смысле постановка вопроса «Герман Вирт как германист» вообще является некорректной, хотя бы уже потому, что работы Вирта не были посвящены одной традиции германцев, бывшей лишь иллюстративным материалом для более широких междисциплинарных обобщений.

31. «Общество Германа Вирта»

Несмотря на длительную дискуссию о научном статусе теории Германа Вирта⁷⁶, а быть может, и благодаря ей, у атлантико-нордической теории нашлось великое множество всевозможных адептов, начиная от сотрудников высшей школы и заканчивая влиятельными банкирами, готовыми вкладывать в разработки Вирта солидные суммы. Как это ни странно, в числе спонсоров Вирта были даже еврейские интеллектуалы⁷⁷, увидевшие в самобытной теории изначального монотеизма нечто достойное распространения и финансирования. Герман Феликсович не стеснялся брать деньги у самых различных субъектов, однако вне зависимости от того, кто бы ни проплачивал ту или иную раскопку или экспозицию, Вирт всегда оставался верен собственной цели и все делал по-своему.

В 1928 г. в его жизни происходит важное событие. Не без помощи своих спонсоров Вирт основывает *Herman Wirth Gesellschaft* — «Общество Германа Вирта», находившееся в Берлине и явившееся продолжением давней традицией ариософских ферейнов⁷⁸ и своего рода «Аненербе» до «Аненербе». Примечательно, что во времена институционального существования

---

⁷⁶ Эта научно-публицистическая баталия, в которую были вовлечены крупнейшие интеллектуальные центры тогдашней Германии, длилась примерно с 1928 по 1936 г. — т.е. от выхода одной из главных книг Вирта («Происхождение Человечества», 1928) до выхода следующего монументального труда под названием «Священная Протописьменность Человечества», 1936. За эти годы отношение к теории Вирта неоднократно менялось, ее горячие адепты становились ее противниками, а противники обращались в сторонников и т.д. Дискуссия разворачивалась на страницах наиболее влиятельных изданий (*Nordische Welt*, *Nordland*, *Nordische Stimmen*, *Hammer*, *Die Sonne*, *Germanien*, *Mannus*, *Reichawart* и т.д.) и составила в истории эзотерики и науки национал-социализма целый период, названный немецким краеведом Карлом Феликсом Вольффом периодом «Борьбы вокруг Германа Вирта». (Wolff Karl Felix. Um Herman Wirth. Eine Uebersicht ueber den Kampf um Herman Wirth und ueber die einschlaegigen wissenschaftlichen Streitfragen // *Natur und Kultur*, Wien, № 1933, 30. S. 4—9.)

⁷⁷ Это известно из письма Г. Вирта В. Хавербеку от 06.08.1933 г., которое хранится в личном архиве Вирта (Берлинский центр Документации).

⁷⁸ В Германии межвоенного периода существовало около сотни крупных ариософских организаций, из которых нам известны далеко не все. Одна из наиболее скромных статистик говорит, что между 1870 и 1945 г. было около 69 крупных фёлькиш-организаций, если учитывать лишь те ферейны, в которых имелась собственная религиозная доктрина (например

«Аненербе» Общество Германа Вирта продолжало существовать, сохраняя определенную автономию. С самого своего основания Herman Wirth Gesellschaft обозначило себя как центр «публикации, распространения и углубления» идейного наследия Германа Вирта⁷⁹. Туда входили экзальтированные особы паранаучного склада, к которым сам Вирт не мог относиться без некоторой усмешки. Позднее это общество обожателей Вирта трансформировалось в «Gesellschaft fuer germanische Ur- und Vorgeschichte», т.е. в «Общество по изучению древнейшей германской истории». Со временем, когда в эту организацию вступили такие светила фёлькиш-науки, как германист Бернхард Куммер (автор знаменитой монографии «Закат Митгарда»), профессиональный геомант Вильгельм Тойдт, философ Гуго Бергман, а также фёлькиш-писатель Йоханнес фон Леерс и крупный специалист по германистике Густав Неккель, «Общество по изучению древнейшей германской истории» стало приобретать широкую мировую известность.

Этому в немалой степени способствовал находящийся под его влиянием журнал «Нордический мир» (Nordische Welt), одно время являвшийся рупором идей Вирта (этим изданием заведовала жена Йоханнеса фон Леерса, бывшая также и секретаршей Вирта). Число сторонников атлантико-нордизма стремительно росло: поднимавшиеся в книгах Вирта темы культурпессимизма, расизма и реформы жизни, постоянный акцент на неизбежности переменны жизни в самом ее основании, ревитализации и возвращения к сакральным истокам были вполне своевременны. Выраженные в яркой, экспрессивной форме, эти моменты находили живейший отклик в сердцах широчайшего круга немецких патриотов.

Многие из них приняли в «Борьбе вокруг Германа Вирта» весьма активное участие. В ответ на сборник Фрица Вигерса вышло несколько изданий, одно из которых содержало прямую аллюзию

сообщества арманистов или вотанистов). На самом же деле ферейнов, подобных Herman Wirth Gesellschaft, было намного больше. (Hieronimus, Ekkehard. Zur Frage nach dem Politischen bei voelkisch-religioesen Gruppierungen // Taubes, Jacob (Hg.) Der Fuerst der Welt. Carl Schmitt und die Folgen. Paderborn u.a. 1983. S. 316.) Во времена институционального существования «Аненербе» Общество Германа Вирта продолжало существовать, сохраняя определенную автономию.

⁷⁹ Из письма Г. Вирта Михаэлю Катеру от 06.04. 1965 г.

на книгу Вигерса уже в самом своем названии: «Что значит Герман Вирт для немецкой науки?»⁸⁰ Ответ на этот сложный вопрос пытались дать такие специалисты по германской традиции и другим дисциплинам, как небезызвестный историк символики Эрих Юнг (автор книги «Германские Боги и герои в христианскую эпоху»), а также упоминавшийся уже Густав Неккель (Neckel), фольклорист Ойген Ферле, историк Герхард Хеберер, культуролог Йозеф Стрциговский и другие.

Редактором и составителем выступил Альфред Боймлер. Это фигура весьма интересная: крупный философ, в будущем — почетный идеолог НСДАП и профессор педагогики в Берлинском университете, Боймлер (1887—1968) обладал живым и непосредственным умом и подверг критике с позиции ницшеанства почти все наследие немецкой классической философии. Разрушая метафизику эпохи Просвещения, Боймлер славил волю к власти и Сверхчеловека⁸¹, от прославления которых — так чувствовал Боймлер, — зависела судьба Германии.

В своем ницшеанстве этот автор был крайне непоследователен, хотя, впрочем, представить себе «последовательное ницшеанство» было бы непросто. Непоследовательность в рецепции ницшеанских идей состояла в том, что, принимая миф о Сверхчеловеке и проповедуя волю к власти, Боймлер отказывался при этом принять идею вечного возвращения. «В действительности эта идея, даже если взглянуть на нее изнутри самой ницшеанской системы, не имеет никакой значимости», — полагал Альфред Боймлер⁸². Однако при этом он смело выступил в защиту Вирта,

---

⁸⁰ «Was bedeutet Herman Wirth fuer die Wissenschaft?» Hrsg. von Alfred Baumler, Leipzig., Leipzig-KOA, 1932. 94 S, 8T.

⁸¹ См.: Боймлер Альфред. Сущность власти. Новый порядок в Европе как историко-философская проблема // Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. В.Б. Авдеева. — М.: Белые альвы, 2006. С. 165—183.

⁸² Особенность боймлеровского ницшеанства ярко описана в работе: Richard Krummel. Nietzsche und der deutsche Geist. Berlin, DeGruyter, Band 1.: Ausbreitung und Wirkung des Nietzeschen Werkes im deutschen Sprachraum bis zum Todesjahr des Philosophen, 1974. Из сравнительно недавних работ можно также отметить добротную монографию Кристиана Тилицки: Christian Tilitzki. Die deutsche Universitätsphilosophie in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Akademie-Verlag, Berlin, 2002.

вся циклология которого фактически была основана именно на теории вечного возвращения. В этом была как непоследовательность, так и некоторая закономерность. Боймлер и Вирт — это фигуры очень важные для всей философии Третьего Рейха. Однако нетрудно заметить, что в отношении к ницшеанству их взгляды были зеркально различными. Если Боймлер был ницшеанцем и при этом от идеи вечного возвращения отказывался⁸³, то Вирт — по ту сторону Ницше и с отсылкой совсем к другому контексту — утверждал идею Вечного Круговорота Божьего Года как основной принцип арийского мировоззрения.

Это один момент. Второй момент заключался в том, что оба эти мыслителя находились под несомненным влиянием «Материнского права» И.Я. Бахофена, одинаково признавали его глубокую истинность, но при этом делали из теории швейцарского юриста совершенно разные выводы. При чтении их работ это отличие сразу же бросается в глаза. Отличие состояло в том, что в Третьем Рейхе Боймлер активно пропагандировал тайные мужские союзы⁸⁴, тогда как Вирт всеми силами предостерегал от свойственной таким союзам мизогинии, ставшей одной из главных причин коллапса матриархальной системы (а также, по мнению Кюмона, кризиса мистерий Митры⁸⁵ и, по мнению Вирта, причиной падения Третьего Рейха).

Как это ни странно, несмотря на все эти теоретические расхождения, Боймлер стремился выгородить Вирта перед обозленным научным сообществом. В своем предисловии к сборнику «Что значит Герман Вирт для немецкой науки?» Боймлер доказывал, что все противоречия между Виртом и немецкими учеными обусловлены скорее общественно-политической, нежели собственно научной стороной мировоззрения Вирта⁸⁶.

⁸³ Это, кстати, хорошее возражение Армину Молеру, по мнению которого вся «Консервативная Революция в Германии» сводилась лишь к этой идее.

⁸⁴ Baumler Alfred. Maennerbund und Wissenschaft. Berlin, 1934, 169 S. Идеалом Боймлера было закрытое сообщество студентов (в его терминологии — «политических солдат»), способное противостоять «женскому вырождению», в т.ч. «женской демократии».

⁸⁵ Кюмон Франц. Мистерии Митры. — СПб.: Евразия, 2000. С. 230.

⁸⁶ Was bedeutet Herman Wirth fuer die Wissenschaft? Hg. von Alfred Baumler, Leipzig, 1932. S. 9.

Соавтором Боймлера по этому сборнику был видный берлинский германист Густав Неккель, отмечавший, что Вирту все его ошибки были прекрасно известны, а потому его следует не ругать за фантазии и дилетантизм, а хвалить за скромность и трезвую самокритичность. Именно в силу своей самокритичности Вирт в отличие от большинства современных ему ученых не отваживался присоединиться к расхожим теориям, создавая свою собственную теорию древнейшей культуры. Вся критика Виртом академических ученых сводилась, по мнению Неккеля, к вполне естественному противостоянию между интеллектуальной независимостью свободного искателя и многочисленными научными сотрудниками, только и знающими, что воспроизводить принятые на веру интеллектуальные штампы⁸⁷.

32. «Германтиковеды»

Вопреки мнению многих врагов и доброжелателей Вирта, вряд ли можно назвать работы этого автора «ариософскими» в том же смысле, в котором ариософией называют «Теозоологию», «Карнунтум» или «Аса-Уана». Все это было бы большим и совершенно неоправданным преувеличением. Во-первых, потому, что в отличие от большинства ариософов концепция Вирта с особенной ясностью акцентировала не антропологическую (расовую), а культово-символическую проблему. Если у человечества имеется общий культово-символический, сакральный исток, то возвращение к нему как к единственно возможному истоку является намного более предпочтительным, нежели затянувшееся выяснение расовых отношений между германцами и евреями, чандалами и арийцами и т.д.

Во-вторых, Вирт на протяжении всей своей жизни сохранял по отношению ко всевозможным ариософам строгую дистанцию, презрительно именуя их «германтиковедами», «вдохновенными дилетантами» и «национальными фантастами». С такими личностями, как Йорг Ланц фон Либенфельс, Филипп Штауфф, Рудольф

---

⁸⁷ Was bedeutet Herman Wirth fuer die Wissenschaft? Hg. von Alfred Baumler, Leipzig, 1932. S. 12.

Джон Горслебен и т.д., Вирт старался вообще ни в какое общение не вступать. По его убеждению, все они только то и делали, что методично позорили северную идею, дискредитируя ее своими псевдонаучными рассуждениями или разменивая на псевдовосточный синкретический магизм («лапландско-финский оккультный хлам эддической традиции»⁸⁸).

Разумеется, такие резкие высказывания не могли остаться без ответа и не стать причиной ответных замечаний самих ариософов. Даже такие близкие к Вирту авторы, как Бернхард Куммер (член «Общества Германа Вирта») и Матильда Людендорф (одна из главных феминисток Третьего Рейха), имели с Виртом серьезные разногласия. В данном случае все упиралось в его теорию «изначального нордического христианства»: ни язычница Людендорф, ни тот же Куммер с его трагическим переживанием гибели древних Богов и «Заката Митгарда» никак не могли принять на веру такие рассуждения, поскольку монотеизм был им внутренне глубоко противен. Угроза монотеизма — это тотальная профанация мира — об этом в 1920—1930-х не писал разве что самый ленивый неоязычник. Но даже если он об этом и не писал, ему все равно было понятно, что иудеохристиане «расколдовали Вселенную» и навредили германцам по всем параметрам. Религия Библейского Откровения — это религия антиматическая, проклиная всякое живое общение с духами природы как «богомерзкое идолопоклонство», «служение твари вместо Творца». Говоря об изначальности «нордического монотеизма», Вирт вполне сознательно становился под удар расхожего стереотипа, заявляя, что действительная древность арьев связана не с многобожием, а именно с монотеизмом.

Примерно таким же философским юродством выглядела в то время и концепция О. Шпенглера, который описывал монотеизм как продукт особого типа души, явленный на свет примерно в III столетии до Р.Х. Этот тип души Шпенглер называл магическим, указывая на то, что «магическая религия обращается прежде всего к божественной искре, *пневме* в человеке, которую он разделяет со всей незримой общиной верующих и святыми духами. Все остальное в нем

---

⁸⁸ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 234.

принадлежит злым и темным силам. Однако в человеке должно царить божественное начало — не Я, а гость во мне, — которое побеждает, преодолевает и уничтожает все остальное. <...> Каждая магическая церковь одновременно является орденом <...>»⁸⁹.

При том, что образ древнейшей традиции Европы у Вирта и Шпенглера был различен, ни тот ни другой не называли ее оккультной или магической. Уже этого было достаточно, чтоб раззадорить фёлькиш-эзотериков, жаждавших увидеть «волшебную Германию Вотана и Валькирий». Во многих отношениях Шпенглер был даже уместнее Вирта, поскольку определял основания европейской души не через монотеизм, а через Фауста. Пытаясь объединить традиции Востока и Запада, фёлькиш-оккультисты с благодарностью восприняли тот образ магической культуры, который предлагал Шпенглер. Переживание светлого начала в себе и борьба с окружающими силами мрака, создание магической церкви орденового типа и культ пневмы (Божественной искры) — все это было ариософам близко и понятно. Принять то, что описывал Вирт, им было намного труднее.

Во-первых, потому, что в отличие от «германтиковедов» Вирт говорил про «*Urglaube der Menschheit*» т.е. про общий культурно-символический и сакральный исток не одних только германцев, но всего рода человеческого. Кроме того, Вирт считал эту изначальную веру монотеистической и основанной на мифологеме Космического Спасителя. С образом Космического Спасителя в теории Вирта была связана вся мифоритуальная сторона древних традиций. Вокруг изначальной сотериологической мифологемы выстраивались образы таких различных Богов, как древнефризский Кродер, древнегерманский Бальдр и, конечно же, Христос, не говоря уже о синкретических теологиях гностицизма, которым Вирт также уделяет в своих книгах достаточно внимания⁹⁰. Мифологе-

⁸⁹ Шпенглер Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. — Мн.: Попурри, 1999. С. 328 (см. также с. 298—339).

⁹⁰ Взаимоотношения Вирта и гностицизма еще ждут своего исследователя. Из того, что на данный момент по этому вопросу опубликовано, можно выделить три главные тенденции. Либо — как в работах некоторых западных авторов — Вирта пытаются представить как визионера и гности-

ма Спасителя является связующим звеном всех традиций, данных миру атланти-нордами. Это ключевой сюжет, который следует разработать особенно подробно.

33. Heilbringer

Как мы уже знаем, Вирт говорил про священные циклы космического Года, отмеренные динамикой четырех круциальных точек: это два Равноденствия и два Солнцестояния. На протяжении календарного Года Космический Спаситель движется по кругу, останавливаясь в этих четырех точках и представляя в различных образах: в образе Младенца, Мужа и Старца. Затем Спаситель претерпевает мучение на Древе (Крестное Древо, дающее познание Рунического Языка) и возрождается в точке Зимнего Солнцестояния, получая свой священный знак — руну МАДР (Человек, воздевающий руки к Небу). За погребением и нисхождением во Ад с неминуемостью следует возрождение и прославление, обретение Вечности и тела славы, дающегося не по заслугам, а по великой Благодати Сына Божия и Спасителя («Кродера»), Который «Своим нисхождением во Ад (*decensus ad inferos*) и своим зимнесолнцестоянческим подземным путешествием избавил от смерти всех — крещеных и некрещеных, христиан и нехристиан».

Проповедь нордического мифа о Спасителе была для Вирта делом жизни. От реконструкции этой ключевой мифологемы зависело не только будущее германцев, но также и правильное понимание христианства. Изначальная, чистая, «доникейская» вера во Христа являлась, по мнению Вирта, отголоском древнейшей атланти-нордической веры во Спасителя, сохранявшейся в культовой символике народа на протяжении последующих столетий. Собирая памятники, в которых символика Космического Спасителя была наиболее очевидна, Вирт планировал со временем создать специальный

ка, либо — как, например, в публикациях А.Г. Дугина — языком Вирта излагают собственные гностические идеи, либо, наконец, исследуют отношение Вирта к тем сюжетам гностических теорий, которые он действительно рассматривал. К последней группе публикаций относится и наша работа, где мы в свете теории Вирта дали описание гностической сотериологии периода позднего эллинизма. См.: Кондратьев А.В. Образ Спасителя в позднеантичном гностицизме // *Аспекты-IV*. Ч. 2. — М.: МГУ, 2007.

музей, посвященный теме Зимнего Солнцестояния и древней веры нордических народов. Была замыслена глобальная реконструкция, сводящая данные истории религии, археологии, палеоэпиграфики и т.д. в единую жизненную концепцию. На это требовались не только колоссальные капиталовложения, но также и время, и целый штат специалистов в самых различных областях.

Вирт начал с того, что организовал серию подвижных выставок (музеев под открытым небом), которые были посвящены ключевым темам его концепции. Наиболее важны в этом отношении две экспозиции, на которые Вирт ссылался чаще всего. Одна из них называлась «Мать-Земля и Ее жрица» и была посвящена теме праисторического матриархата, а другая носила название «Спаситель. От Туле до Галилеи и от Галилеи до Туле» (1933)⁹¹ и показывала, что изначальная атлантико-нордическая мифологема Спасителя претерпела в своей истории загадочную миграцию, в ходе которой «палестинский эпизод» был всего-навсего одной из остановок. Поэтому, рассуждал Вирт, культурно-символическое и сакральное значение Палестины не следует переоценивать. Это лишь рефлекс, вторичное отражение древнейшей символики Туле и Гипербореи, которая была известна людям каменного и бронзового веков. На основании сохранившихся изображений Вирт показывал, что для них Спаситель был Сыном Неба и Матери-Земли⁹², воспринимавшейся в качестве всеобщей кормилицы и прародительницы.

Однако уже за такие рассуждения против Вирта ополчились немецкие фёлькиш. Особенно резкие высказывания раздались от теоретиков «Рабочей общины движения за германскую веру» (*Arbeitsgemeinschaft Deutsche Glaubensbewegung*), в которой Вирт некоторое время состоял⁹³. Один из этих теоретиков, Альфред

---

⁹¹ Выставка проходила в Берлине и Бремене при поддержке бременского промышленника и сенатора Людвиг Розелиуса. Параллельно Вирт читал научные и народные лекции, например, на тему: «Нордическая народная матушка и заветы предков».

⁹² Kater Michael H. *Das Ahnenerbe der SS 1935-1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches*. Muenchen, 1997 (Stuttgart 1973, Muenchen, 2001). S. 14.

⁹³ Nanko Ulrich. *Die Deutsche Glaubensbewegung. Eine historische und soziologische Untersuchung*. Marburg, 1993.

Конн (Сопп) упрекал Вирта за его якобы имевшую место «христианскую деятельность». Вероятно, имелось в виду либо учение о Спасителе, либо теория прамоноотеизма. Более того, тот же Конн определял Вирта как «вредителя» (Schaedling) в стане германских фёлькиш, грубо исказившего действительную историю⁹⁴.

Авторы круга фёлькиш верно подметили, что многие тексты Вирта повествуют о «von dem uralten Motiv des Heilbringers»⁹⁵ как единственно спасительном мотиве всей германской религии. По мнению видного теоретика расовой доктрины Людвиг Фердинанда Клаусса, всевозможные «умирающие и воскресающие» Спасители (Аттис, Адонис, Таммуз, Дионис) являются принципиальным мифом преимущественно для религий переднеазиатской расы, которую Клаусс определял как расу «людей спасения». На этом основании Клаусс сильно подозревал Бога Бальдра, явно связанного с «ненордической» сотериологией переднеазиатского типа. Тогда как Вирт, наоборот, пользовался любым случаем, чтобы сравнить Бальдра с Христом и подчеркнуть их внутреннюю, мифологическую идентичность. «Антисотериология» Клаусса в Третьем Рейхе была не исключением, а скорее некоторой закономерностью. Такую же позицию по вопросу «Спасителя» занимал также известный антрополог 30-х годов Ганс Ф.К. Гюнтер. В своей работе «Froemigkeit nordischer Artung» Гюнтер писал, что «для индогерманцев жизнь и вера стали бы пресными, если бы какой-нибудь „бог-спаситель” отнял у них эти чувства»⁹⁶.

34. «Основатель атлантико-нордической религии»

Критиковавшие Вирта ученые сближались с немецкими фёлькиш в той мысли, что Вирт выступает не как историк, но как основатель новой религии (Religionsstifter). По их мнению, вся теория Вирта — это личное исповедание веры, причем для одних эта вера

---

⁹⁴ Apologetische Centrale (Hg.). „Voelkisch-religioese Bewegung” ausserhalb der „Deutschen Glaubensbewegung” // Stoffsammlung fuer Schulungsarbeit, № 29, Berlin, 1934. S. 4.

⁹⁵ О древнейшем мотиве Спасителя (нем.).

⁹⁶ Гюнтер Г. Религиозность нордического типа // Гюнтер Г. Избранные работы по расологии. — М.: Белые альвы, 2002. С. 272.

была «антинаучной» и «дилетантской»⁹⁷ (Фриц Вигерс), для других — «патологической» (мнение кенигсбергского ориенталиста Фердинанда Борка⁹⁸), а для третьих — «вредительской» и враждебной германству (Альфред Конн).

О «Происхождении Человечества» было много самых нелестных высказываний, но особенно интересно прозвучало следующее: «Это не научный труд, но документ личной веры издателя, исток которой он, подобно большинству основателей религий, перемещает в изначальные времена. Всякая борьба против такой веры была бы бесполезна, поскольку в такой полемике никакие рациональные основания действовать не будут»⁹⁹. На то же самое указывал и Вигерс, совершенно верно отмечавший: книги Вирта рассчитаны на совершенно иной тип восприятия, чем то принято в европейской науке. «Дилетант прочитывает их больше сердцем, чем разумом, ибо для критического осмысления таких работ необходимо знание очень многих тонкостей и нюансов, а также специальное образование очень высокого уровня»¹⁰⁰.

Работы Вирта построены на методе компаративистики, охватывающей абсолютно все сферы бытия: если Вирт начинает говорить о лингвистике, то это, во-первых, обязательно компаративная лингвистика, а во-вторых, она непременно выведет Вирта на какую-нибудь другую дисциплину, например на историю религий. Но даже и здесь, в сфере истории религий, Вирт обязательно станет сравнивать различные Божества и пантеоны, описывая общие структурные закономерности. Разумеется, такое сравнительное религиоведение не могло не вызывать нападков как со стороны верующих (например, как мы уже видели, этим методом были сильно недовольны «германски верующие» из лагеря фёлькиш), так и со стороны академических ученых, упрекающих Вирта в недостатке беспристрастности и пост-

⁹⁷ Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S. 3—4.

⁹⁸ Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S. 61—69.

⁹⁹ Bork Ferdinand, Prof. Herman Wirth als Orientalist // Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S. 63.

¹⁰⁰ Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S.3.

роении какой-то новой религии. Во второй половине XX в. английский ученый Рональд Нокс сформулировал эту претензию к сравнительному религиоведению емко и афористично: «Сравнительное религиоведение является прекрасным средством для того, чтобы сделать человека сравнительно религиозным»¹⁰¹.

В случае Вирта это была уникальная религиозность. Называть ее «изобретением кабинетного ученого», как то пытались делать Вигерс и его коллеги, было бы глубоко неверно. Неправильно также относить теорию Вирта к предтечам современного движения Нью Эйдж, как пытаются делать некоторые современные исследователи сектантства. Причина здесь достаточно простая: в отличие от большинства неоязычников и тем более от всевозможных основателей новых религий, Вирт не старался ничего изобретать. Наоборот, его задачей было максимально точно и правдиво воспроизвести тот комплекс верований и представлений, который был у человечества в начальный период истории и с разной степенью отчетливости проявлялся на протяжении всей этой истории. Вирт не конструировал, а реконструировал: такая задача непостижимо трудна, не говоря уже о том, что, по существу, она намного благороднее. Те, кто пытаются в сфере религий создавать конструкции, служат, как правило, себе и стремятся занять в истории какое-то место. Наоборот, те, кто подобно Вирту работают на реконструкцию, отдают себя чистой идее. Они стремятся понять, какое место в истории они уже — в силу своего происхождения и т.д. — занимают, ни на что не притязая и не прося ничего взамен.

35. Космический Юл — Начало Того Языка

По мнению самого Вирта, единственным основателем атлантико-нордической религии может быть только Сам Спаситель, понятый не в качестве какой-то исторической личности, но как вневременная фигура Сына Божьего, вошедшего во Время, чтобы в нем умереть и воскреснуть. Для Вирта Спаситель — это Распятый на Космическом Кресте полярно-райский нордический Кродер. Это — пришедший из далекой Гипербореи Архетип Вечного Воз-

¹⁰¹ Knox Ronald. The Hidden Stream. London, 1952. P. 105.

вращения. Благодаря Спасителю свершается мистерия Зимнего Солнцестояния, исполняется ветхое естество, претворяясь в новое. В соответствии с этим формируется и Язык. Вирт пронизательно замечает, что для каждой точки календарного круга имеется свое лингвистическое соответствие, запечатленное в гласных, вокальных звуках. Это — фонемы Рая, от произнесения которых зависит судьба универсума. По крайней мере, так было в языке древних атланта-нордов, давших миру письменность и цивилизацию, алфавиты и священные тексты.

Здесь нетрудно заметить, что священным текстом в концепции Вирта является абсолютно все, что относится к истории древнейшей атланта-нордической расы, верившей в Единого Бога и давшей Человечеству его Священную Протописьменность и богатейшую календарно-культовую символику. В доказательство Вирт приводит тысячи самых разных примеров, причем конечный вывод его звучит примерно так: любой символ происходит из целостного, благостного и изначального бого-миро-переживания и бого-миро-воззрения человека Севера. А поскольку главным источником таких переживаний для человека Севера всегда являлось «священнейшее событие Юла», когда наступает самая длинная ночь всего Священного Года и Космический Свет постепенно начинает прибывать, — постольку для северного человека буквально каждый символ оказывается символом Зимнего Солнцестояния. Все длительные мифологические экскурсии в символику и все символические экскурсии в мифологию, все перечисление рунических знаков (УР, ЮР, ТИУ, ХАГЕЛЬ, ОДАЛА и т.д.), все медитирование на тему «Колеса», «Колючки», Аполлона», «Изначальных Вод» и т.п. оказывается необходимым для того, чтобы в конце концов провозгласить очень простую вещь.

О чем бы Вирт ни говорил, в конечном счете он непременно провозгласит, что вся символика и мифология народов мира сводится к пересказу сакральной символики и мифологии народов Севера, что вся символика и мифология народов Севера сводится к описанию Великого Юла, а это описание Великого Юла, в свою очередь, сводится к особому, лишь северным людям по-настоящему присущему, переживанию Космического Света как особой Божественной Благодати. Германские руны суть для Вирта как бы

лучи этой благодати, рассеянные в пространстве и собранные на календарном круге. «Итак, исток этого линейного письма является космически-календарным, и, в качестве такового — культово-символическим: в тексте Откровения Божества в космическом миропорядке календарные знаки Года Божьего являются „Священным Писанием”. Астрономическая наука, наука о мироздании является высшей наукой, наукой в ее изначальном единстве науки и религии. Все дальнейшие формы обнаружения в земной природе являются некоторыми выражениями этого мирового порядка: отсюда — космически-символическое, „теофорное” учение о животных и растениях, распространенное по всему североатлантическому эпиграфическому культурному кругу. Отсюда — одушевление того, что в римско-христианской религии признается неодушевленным. „Все преходящее — только подобие”, в его вечном превращении и вечном возвращении.

Если, таким образом, североатлантическое Письмо имеет космически-символическое, сакральное происхождение, то на этот исток должно указывать уже само написание»¹⁰², а поэтому документами нордического Откровения являются и фонетическая, и графическая составляющие Божественного Языка.

Gott ist Anfang jeglicher Sprache,
der Weisheit Stuetze und der Klugen Trost,
und der Menschen jedem Lust und Zuversicht¹⁰³, —

не устает цитировать Вирт древнюю нордическую поговорку.

Бог — Начало Того Языка,
Он — Опора Мудрости и утешение знающих,
Опора любой человеческой радости и уверенности.

Кульминацией Божественного Откровения о Языке является, по Вирту, Пролог Евангелия от Иоанна, в котором апокалиптическое прославление гиперборейской вокальной символики достигает своего наивысшего умозрительного порядка. Поэтому,

¹⁰² Wirth, Herman. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Leipzig, 1936. S. 505.

¹⁰³ Wirth, Herman. Der Aufgang der Menschheit. Jena, 1928. S. 622.

рассуждает Вирт, — тот, кто живет в „Священном Писании“, в „Алфавите“, в А-І-У-(О), тот живет в Боге. Здесь заключается также уверенность в спасении, которую испытывает лежащий в могиле христианин. Это подобно тому, как вплоть до сего дня католический епископ, освящая „церковь“, наносит крючками на две ее стены литеры греческого и латинского алфавитов. Вместе эти два крючка образуют Крест Года и те символические весла, на которых плывет сквозь века корабль церкви <...>.

Некогда текст был религией, он свидетельствовал о связи с Вечным. Из такого же „Мировоззрения“, богопереживания и богоузнавания возник „священный язык“ северной расы из “Ultima Thule”, которая именовала Бога с помощью гласных уникального Божественного Откровения в круговом движении Года. Поэтому предметы повседневной жизни, имевшие хоть какое-то подобие этого великого Откровения Божия, получали соответствующее календарно-культурно-языковое наименование, получали свое „теофорное“ имя»¹⁰⁴.

Разумеется, имени Космического Спасителя это касается в первую очередь. Это — главный Субъект великого Откровения Божия, а потому Его имя в наибольшей степени нагружено календарно-культурно-языковой символикой, в наибольшей степени близко к Истоку. Об этом знают все духовные традиции: в мире магии имя дает тому, кто именуется, вызвать искомую Сущность, а в мире мистики, например в молитве православных старцев, имя Божие нередко признается Самим Богом. Классическая формула исихастов звучит так: «Имя Божие есть Бог, но сам Бог — не имя». С таким же успехом носители атлантико-нордического Откровения могли бы сказать, что «Священный Год и его кульминационная точка — Великий Юл — это, конечно же, Бог, однако рассматривать Спасителя как 22 декабря или как 365 дней годового цикла было бы грубой ошибкой».

Все эти календарные даты из мира формальной проявленности способны дать нам некоторое представление, почему то или иное Божество именуется так или иначе, но они вовсе не дают ультимативных требований в адрес Божества — называться так или иначе. Эта сложная атлантико-нордическая диалектика осталась не-

¹⁰⁴ Wirth, Herman. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Leipzig, 1936. S. 510.

постижимой для кафедральных рационалистов, способных жить лишь по заданным формулам. Поэтому они дробили систему ассоциативных кодов и семантических переключек на собрание разрозненных теорий и не уставали критиковать каждую из них в отдельности. Вот, к примеру, классическая в своем роде претензия к Вирту профессора из Кенигсберга Фердинанда Борка: «Если бы наш язык был атланти-нордическим изначальным языком, то одно и то же выражение с осени до зимы звучало бы Wurt, затем — Wort, после прохождения через зимнее солнцестояние — Wart, весной — Wert, летом — Wirt (Wild), и всегда оставалось бы при этом самим собой»¹⁰⁵. В основании того языка, который профессор Борк почему-то называет атланти-нордическим, лежит совсем не Бог, а какая-то механическая закономерность, понятная профессорскому сознанию и удобная для беспощадной критики. Что же — сражаться с картонным чучелом намного проще, чем понять логику реальных событий, тем более когда она настолько глубока и мистична, как логика Того Языка, той Священной Протописьменности, в основании которой лежит Сам Бог, явленный в виде Космического Спасителя.

36. Свастика и Bad Doberan

Для расшифровки священных знаков этого изначального атланти-нордического языка Вирт создает специальный исследовательский центр, который находится в городке под названием Бад Доберан. Это очень уютное место, где планировалось сделать целый институт по исследованию сакральных символов и мифологических преданий, по изучению германской древности и путей расселения атланти-нордической расы. Стоявшие перед Виртом задачи были колоссальны. Все сводилось к тому, что Вирт понимал: он работает на будущее, его методика исследования древнейших источников человечества — это абсолютно новаторский, не-

¹⁰⁵ Bork Ferdinand, Prof. Herman Wirth als Orientalist // Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Muenchen, Lehman-Verlag, 1932. S. 62. Здесь имеется игра слов «Вирт», «Дикий», «Слово», «Ценность», «Хранитель» и т.д., создающих цепочку некоторых ассоциаций.

бывалый в истории синтез, целью которого было создание новой научной парадигмы.

Пользуясь поддержкой местных национал-социалистов земли Мекленбург, Вирт основывает «Институт по изучению древнейшей истории Духа» (Forschungsinstitut fuer Geistesurgeschichte), который официально начинает действовать уже в 1932 г. Это — промежуточный этап между уже существовавшим «Обществом Германа Вирта» (Берлин) и будущим «Наследием Предков». Причем не только в смысле хронологии, но и с точки зрения научной основательности и фундаментальности. С небольшим кругом своих берлинских почитателей, благоговевших буквально перед каждой написанной им строчкой, Вирт временно разрывает всякие отношения. Во многих отношениях это переломный этап, поскольку перед концепцией Вирта открывается необозримое поле самых разных возможностей. В том числе и возможность стать идеологией новой партии, стремительными шагами идущей к власти.

С национал-социалистами Вирт начал сотрудничать рано. Как мы помним, Вирт стоял у истоков организации под названием «Landbond der Dietsche Trekvogels», которую сам же он определял как «движение с отчетливо выраженной национал-социалистической задачей»¹⁰⁶. Эмблемой этого националистического молодежного союза была свастика — тот самый древнейший символ, который позднее, в работе под названием «Что значит быть немцем», Вирт будет описывать как «знак обновления» и «древнейший символ благодати в прагерманской изначальной религии»¹⁰⁷. Символике коловрата будет посвящена также отдельная книга «Об истоке и смысле свастики» (1933)¹⁰⁸. В этой работе Вирт подробно рассматривает древнейшие наскальные рисунки и прочие палеоэпиграфические материалы, пытаясь проникнуть в их сакраль-

---

¹⁰⁶ Wirth Herman. Antwort an Prof. Rudolf Bultmann // Oberhessische Presse, Marburg, 14. 08. 1965.

¹⁰⁷ Wirth Herman. Was heisst deutsch? Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1931. S. 50.

¹⁰⁸ Wirth H. Vom Ursprung und Sinn des Hakenkreuzes. Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1933. (В книгах русского историка Андрея Васильченко эта работа почему-то обозначена как «Признаки и душа свастики»; хотя такой работы никогда и не существовало, многим было бы интересно узнать, какие у свастики признаки и какая у нее душа...)

ную суть. По мнению Вирта, свастика принадлежит к ряду самых таинственных символов человечества, присутствующих в наиболее древних культурах. В эпоху неолита и энеолита изображения этого символа были характерны и для Передней Азии, и для Крита, и для Индии, и в особенности для Ирана, среди древностей которого имеются самые разные свастические композиции. В эпоху бронзы ареал распространения свастики значительно расширяется. Во втором и первом тысячелетиях до Р.Х. свастика нередко фигурирует среди изображений на культовых постройках Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии и Западной Сибири. Особенно много свастик археологи обнаруживают среди раскопок Трои. Однако при этом свастика — и это факт загадочный и труднообъяснимый — практически отсутствует на крайнем западе Европы, а также в Египте. Вирт особенно отмечает и другой факт, также наводящий на размышления. В семитических культурах знак свастики почти совсем не засвидетельствован: он отсутствует на изображениях Палестины, Финикии, Аравии, Сирии, Ассирии и т.д. Однако в культурах индоевропейских этот знак является священным еще с каменного века, насколько нам позволяют судить сохранившиеся изображения.

Что касается смысла этого знака, то здесь имеется много разных теорий. Знаменитый религиовед Эндрю Лэнг (один из основателей знаменитой теории изначального монотеизма, которой придерживался также и Вирт) полагал, что свастика возникла не как символ, а как «естественный орнаментальный элемент»¹⁰⁹. Отсюда — логичный вывод, что свастика является репликой на какой-то ритуальный сюжет. О смысле свастического ритуала историки рассуждают вплоть до сих пор. Многие видят в изогнутых линиях гаммадиона композицию из человеческих тел. Русский исследователь И.Т. Савенков утверждал, например, что свастика «образовалась из перекрещивания линий туловища и изогнутой линии рукопожатия»¹¹⁰, тогда как психолог Вильгельм Райх распознал ее как образ двух совокупающихся тел. «Свастика, расположенная слева, изображает половой акт в положении лежа, а

¹⁰⁹ Mackenzie D.A. The migration of symbols. London, 1926. P. 53.

¹¹⁰ Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. (Труды 14 Археологического съезда, т. 1.) — М., 1910. С. 60, 292.

свастика, расположенная справа — половой акт в положении стоя. Отсюда видно, что свастика символизирует основную функцию жизненного процесса». «Здесь плодородие олицетворяется половым актом Матери-Земли и Бога-Отца. Как утверждает Зеленин, древнеиндийские лексикографы называли самца и самку свастиками. Другими словами, крючкообразный крест символизирует половой инстинкт»¹¹¹.

За монополию в понимании символики коловрата между собою спорили различные формы натурализма. Особенно часто воспроизводились солярные, астральные и лунарные теории, бывшие особенно популярными в XIX в. В первом случае свастика оказывалась знаком «круговорота Солнца, возрождения жизни, бесконечности»¹¹², во втором — своеобразной картой звездного неба, совершающего свое вращение вокруг Полярной звезды¹¹³, а в третьем — композицией из четырех полумесяцев, означающих четыре лунные фазы¹¹⁴.

Лично Вирту все эти натуралистические измышления казались безосновательными. В его понимании свастика, бывшая символом древнейшей и благороднейшей культуры атлантико-нордов, имела смысл глубоко религиозный, а не только лишь космологический. Свастика для Вирта — это квинтэссенция полярного Откровения, знак Единого Бога, открывшегося германцам в изначальные времена. Первичное значение свастики состоит в том, что это — «древнейший символ благодати в прагерманской изначальной религии»¹¹⁵, который всегда переживался носителями прагерманской, атлантико-нордической традиции как «знак обновления» и «Священного Поворота». Изначально свастика выглядела совсем по-другому: ее концы были не прямыми, а круглыми, означающими четыре фазы движения Космического Спасителя по Его годовому Кругу. Свастический ритм Вселенной возникал под не-

¹¹¹ Райх Вильгельм. Психология масс и фашизм. — М.: АСТ, 2004. С. 166.

¹¹² Lechler, J. Vom Hakenkreuz. Die Geschichte eines Symbols. Leipzig, 1934. S. 2.

¹¹³ Daim, Wilfried. Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Wiesbaden, 2003/ S. 80—96.

¹¹⁴ Gimbutas Marija. The Gods and Goddesses of Old Europe. Los Angeles, 1974. P. 91.

¹¹⁵ Wirth Herman. Was heisst deutsch? Jena, Eugen Diederichs Verlag. 1931. S. 50.

посредственным воздействием Духа Миров и означал материализацию этого Духа посредством ритуальных мистерий Великого Юла. Эта календарная точка знаменовала кардинальный разрыв, возникающий между двумя различными циклами — циклом восхождения и циклом нисхождения. Это — две половины Священного Года (*das Heilige Jahr*), первая из которых символизировалась свастикой правосторонней, а вторая — свастикой левосторонней.

В точке Поворота происходит следующее: на календарном уровне осуществляется перелом от холодной тьмы к Свету, который после зимнего солнцестояния стремительно начинает возрастать. На уровне графическом концы левосторонней свастики сначала выпрямляются, а затем загибаются в противоположную сторону, и свастика становится правосторонней, т.е. разворачивающейся, центробежной, «сеющей». Наконец, на уровне Духа — на том самом уровне, который пытались не замечать сторонники натуралистических объяснений — рождение правосторонней свастики означает эманацию, нисхождение Высшей Благодати, возвращение Духа Миров в проявленные и формальные миры. Это и есть мистерия Зимнего Солнцестояния, о которой столько интересного написано у Германа Вирта, Эриха Юнга, Отто Хефлера и других религиоведов нордического направления.

37. «Нордическое беспокойство» в нацистский период

Хотя Вирт был в первую очередь ученым, история его жизни без рассказа о национал-социализме была бы неполна. После организации протонацистской группы «*Landbond der Dietsche Trekvogels*» (1920) и длительной борьбы с «либерально-еврейской наукой» за воссоздание «арийско-нордической изначальной культуры» и «освобождение человечества от пятен цивилизации»¹¹⁶ Вирт решает вступить в только что возникшую Национал-социалистическую Немецкую Рабочую партию. В августе 1925 г.

¹¹⁶ Kater Michael H. *Das Ahnenerbe der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches*. Muenchen, 1997 (Stuttgart 1973, Muenchen, 2001). S. 12.

он получает свой партбилет за номером 20151 и становится активным членом одного из местных комитетов НСДАП. Однако уже в июле 1926 г. Вирт из партии выходит — как он сам будет объяснять позднее, по причине того, что не мог идентифицировать себя с этим движением. Однако сохранились внутренние партийные документы, в которых геноссе Вирт свой неожиданный выход мотивирует совсем по-другому. Там, в частности, говорится, что Вирт покинул партию лишь *de jure* — для того, чтобы в качестве беспартийного успешнее распространять нордическое мировоззрение в рядах марксистов и прочих социалистов¹¹⁷.

Есть, правда, и третья точка зрения, согласно которой демарш Вирта был жестом чистого оппортунизма: якобы ученому не хотелось лишаться щедрой поддержки, проистекавшей от богатых евреев¹¹⁸. В результате получилось так, что Вирта укоряли все: марксисты не могли понять, почему он в 1926 г. вернулся к нацистам, послевоенные либералы отказывались проявить уважение к научным исследованиям уже только за один «коричневый партбилет», а нацисты не хотели простить «измену с коммунистами». Неизвестно, что Вирт отвечал коммунистам, но перед Гитлером он извинял свои временные метания хитрой мыслью вести нацистскую пропаганду без партбилета (якобы «временная идеологическая мимикрия»).

Примечательно, что с фюрером Вирт был знаком лично еще с 1929 г. Адольф Гитлер посещал лекции Вирта, восхищаясь его из-

---

¹¹⁷ Poliakov Leon, Wulf Joseph. Das Dritte Reich und seine Denker. Berlin, 1983. S. 243.

¹¹⁸ Один из злейших врагов Вирта по имени Болько Фрайхерр фон Рихтхофен упрекал Германа Вирта не только в многолетнем получении еврейских денег, но также и в чтении лекций и докладов в различных масонских ложах. Это является правдой только наполовину, поскольку те националистические организации, в которых Вирт считал для себя уместным выступать с докладами, скорее играли с масонской символикой, нежели действительно являлись масонскими. Это была точка встречи между оккультистами фэлькиш, хотевшими все, вплоть до масонской эзотерики, объявить древнейшим германским наследием, а также самими немецкими масонами, для которых расистские убеждения не были редкостью. В особенности это касается т.н. «Ветцларского круга» в Детмольде, где Герман Вирт выступал в октябре 1932 г. с докладом на тему нордической культовой символики Умирания и Воскресения. (Freudenschuss Werner. Der Wetzlarer Ring – Voelkische Tendenzen in der deutschen Freimaurerei nach dem 1. Weltkrieg // Quatuor Coronati Jahrbuch № 25/ 1988, Bayreuth, 1988. S. 22).

ложением истории свастики, а также теорией нордического вегетарианства. Более того, Гитлер, по всей видимости, читал одну из основных книг Вирта — «Происхождение Человечества. Исследование по истории религии, символики и письма атлантико-нордической расы». Есть сведения, что экземпляр этой книги был подарен фюреру влиятельным мюнхенским издателем и одним из спонсоров НСДАП «эпохи борьбы» — Гуго Брукманном¹¹⁹. При этом было бы неверным думать, что степень понимания Гитлером атлантико-нордической теории была особенно высока. Поэтому, хотя Вирт иногда и называют чуть ли не ведущим идеологом НСДАП, в действительности это было далеко не так. Это видно уже из высказываний фюрера относительно «создателей нордической религии»: «Эти профессора и мракобесы, которые основывают свои нордические религии, портят мне абсолютно все. Так почему же я все это терплю? Да просто потому, что они создают беспокойство. А всякое беспокойство является плодотворным. Сама по себе эта суета не имеет никакого значения»¹²⁰. Получается, что «нордическое беспокойство» немецких профессоров создавало общий фон эсхатологической тревоги, который Гитлеру был чрезвычайно выгоден и который Гитлер прагматично использовал. На место старого либерального порядка новые фёлькиш-профессора приносили концептуальный хаос, который Гитлер по-своему упорядочивал и методично обращал во благо нацистской идее.

38. От Туле до Галилеи и обратно

После основания «Института по изучению древнейшей истории Духа» в Бад Додерберне, деньги на который были выделены Вальтером Гранцовом¹²¹, Вирт получает от прусского министра

---

¹¹⁹ Wirth Roesler Bosch, Herman. Um den Ursinn des Menschseins. Die Werdung einer neuen Geisteswissenschaft. Wien, 1960. S. 91.

¹²⁰ Rauschnig Hermann. Gespraechе mit Hitler. Zuerich, 1940. S. 52; Speer Albert. Erinnerungen, Berlin, 1969. S. 109; Conway John S. The Nazi Persecution of the Churches 1933—1945. Toronto, 1968. P. 13. Михаэль Катер полагает, что есть все основания относить это высказывание и к Вирту, работы которого Гитлеру были известны.

¹²¹ Walter Granzow был министр-президентом земли Мекленбург и убежденным национал-социалистом.

по делам исповеданий административное задание. Голландско-немецкий ученый должен организовать и провести в берлинском «Центральном институте образования и обучения» специальную выставку, название которой говорило само за себя: «Спаситель»¹²². От Туле до Галилеи и от Галилеи до Туле».

Согласно древнему преданию, Туле (или, в другом произношении, Фула) находится на Крайнем Севере — «по ту сторону севера, по ту сторону моря и по ту сторону льдов». Это «предел земли», за который заплывали разве что самые отважные путешественники. Например, греческий мореплаватель Пифей из Массилии (т.е. из Марселя), побывавший в районе Туле в середине IV в. до н.э. и оставивший весьма странные письменные воспоминания. Пифей, например, рассказывал, что по мере приближения к острову Туле вода в море становилась густой и «подобной моллюску *Pulmo marinus* („морское легкое“), делавшей невозможным как плавание, так и всякий другой способ передвижения»¹²³.

Пифей был не единственным, кому пришлось столкнуться с такой необычайно густой и плотной водой, затрудняющей передвижение корабля. Похожий случай описан в «Приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета», известной повести Эдгара По. Вот что там говорится: «На первый взгляд, и в особенности там, где наклон не слишком ощущался, эта вода напоминала по консистенции густой раствор гуммиарабика в самой обыкновенной воде. Но это было лишь наименее примечательным из ее необычайных свойств. Бесцветной она не была; и ей невозможно было приписать какой бы то ни было однородный цвет, все время струясь, она являла взору все оттенки пурпура, а также непрерывно меняющиеся переливы и отблески шелка...»¹²⁴ Вход на Крайний Север, где расположена Полярная Туле, для многих оказывался закрыт.

---

¹²² У Андрея Васильченко это слово почему-то переводится как «Святые податели». (Васильченко А.В. Мистика СС. — М.: Язуа, 2005. С. 163.) Вряд ли есть смысл объяснять, что у Вирта речь шла совсем не о каких-то «святых подателях», а о Спасителе.

¹²³ Описания Пифея сохранились у Страбона. См.: Страбон. География в 17 книгах. — Л.: Наука, 1964. С. 69.

¹²⁴ Цит. по: Башляр Гастон. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. — М.: ИГА, 1998. С. 92.

В древности считалось, что Туле — это Скандинавия. Еще в начале XIX в. немецким геологом Леопольдом фон Бухом было проведено исследование, в результате которого это предание было полностью подтверждено. Леопольд фон Бух пришел к выводу, что Туле следует помещать в районе Тронхейм-фьорда. Столетие спустя знаменитый норвежский полярник Фритъоф Нансен установил, что Туле — это не что иное, как Норвегия у Тронхейма. Высказывались и другие гипотезы, отождествлявшие Туле с одним из Шетландских островов — либо ныне существующим, либо ушедшим под воду.

39. Kulturkreislehre

У Вирта была по поводу Туле собственная концепция, основанная на теории культурных кругов (Kulturgebiet, Kulturprovinz, Kulturgruppe, Kulturkreis). Это — знаменитая теория африканиста начала XX в. Лео Фробениуса¹²⁵, который учил, что культурный круг — это изначальный формант культуры, являющийся внутренне законченным и целостным. Каждый культурный круг является живым существом, а потому имеет свое собственное витальное начало, или, говоря языком психологии народов, имеет душу.

Эту душу культурного круга, определяющую его сущностные, индивидуальные особенности, Фробениус считал нематериальным началом и называл греческим термином *Paideuma*¹²⁶. На территории одного материка может существовать несколько разных культурных кругов, например, в Африке это четыре культурных круга, различных как по своим масштабам, так и по возрасту. «Наиболее древний культурный круг — *негритский* — до сих пор может быть обнаружен у архаических народов Южной и Центральной Африки. Следующий по возрасту — *малайско-негритский* культурный круг, общий для Западной Африки и тихоокеанских регионов. Северная и Северо-Восточная Африка подверг-

¹²⁵ Подробное изложение его теорий имеется в недавно вышедшей монографии Хайнриха: Heinrichs Hans-Juergen. Die fremde Welt, das bin ich. Leo Frobenius: Ethnologe, Forschungsreisender, Abenteurer. Wuppertal, 1998.

¹²⁶ Букв.: «воспитание, образование».

лась влиянию двух кругов — вначале *индийскому*, позже *семитскому*. Наложение этих изначальных культурно-пространственных форм друг на друга дало все многообразие исторических культур, обществ, религий народов Африки»¹²⁷.

Взаимодействие и перемещение различных культурных кругов оказывается возможным потому, что Пайдеума — это начало подвижное, способное ослабевать и усиливаться, сжиматься и расширяться. Целые культурные комплексы могут сниматься со своих мест и, следуя велению Пайдеумы, переноситься в другие места — за тысячи верст от своего изначального очага. Благодаря таким смещениям осуществляется диффузия различных культурных кругов, с помощью которой Фробениус объяснял многие мифологические, ритуальные, обрядовые и бытовые параллели между удаленными народами.

Последователи Фробениуса применяли его метод для исследования самых различных культурных контекстов. Стоит упомянуть хотя бы Бернхарда Анкерманна с его трудом «Культурные круги и культурные слои в Африке», а также Фрица Гребнера, исследовавшего народы Океании¹²⁸ и написавшего книгу «Метод этнологии»¹²⁹.

40. Священный Календарь

Основой этнологической концепции Германа Вирта была идея о том, что в древности (примерно около XV или IX тысячелетий до н.э.) существовал единый культурный круг Туле (Thulekulturkreis), который позднее — вероятно, вследствие смещения Пайдеумы — сдвинулся в сторону и образовал культурный круг Красного моря, т.е. цивилизацию Египта додинастического периода. Затем, по прошествии времени, этот единый этнорелигиозный ансамбль раздробился на части, дав человечеству два самостоятельных культурных очага: с одной стороны — культурный круг Аравийского моря (Ха-

¹²⁷ Дугин А.Г. Философия Политики. — М.: Арктогея, 2004. С. 79.

¹²⁸ Graebner Fritz. Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien // Zeitschrift fuer Ethnologie, 1905, № 37.

¹²⁹ Leser Paul. Zur Geschichte des Wortes Kulturkreis // Anthropos, 1963, № 58. S. 1—36.

раппа и Мохенджо-Даро), а, с другой стороны — культурный круг Персидского залива (цивилизации древних шумеров, эламитов и т.д.). Отныне эти «обломки» и реликты некогда единого комплекса Туле существуют отдельно друг от друга, продолжая дробиться и развиваться по собственной этнокультурной траектории. Между ними периодически вспыхивают войны, одни системы письменности вытесняют другие, изначальный десятимесячный календарь Арктиды уступает место более поздним календарным формам — восьмимесячному (традиции Северо-Запада) и двенадцатимесячному, который свойствен для традиций атлантического цикла. Теория происхождения священного Календаря была разработана Виртом особенно подробно.

По мысли Германа Вирта¹³⁰, в истории календаря последовательно сменяют друг друга три системы деления Года, являющиеся одновременно матрицами культовой, языковой и прочей символики.

Это суть, во-первых, десятичное *атлантико-нордическое* деление года, соответствующее простейшим нумерологическим параметрам человека: две руки, две ноги, и везде по 5 пальцев: 4 сезона по 5 месяцев = 20. Графическая схема — кельтский крест, а как вариант — год из 10 месяцев.

Затем календарь культуры Туле сменяется переходной, т.н. *арктически-североатлантической* формой из 8 месяцев (2 × 4), в случае дробления дающей 16-месячный годовой круг. Здесь каждый «девятый» будет «новым», ввиду того, что месяцев всего 8 (отсюда параллель «*neue-neunte*», «*novum-novus*»). Вариантом этой второй «календарной эпохи» является год «Кродера», снежинка с 6-ю лучами.

Третья стадия, на которой пока что остановилась наша цивилизация, называется Виртом *южно-североатлантической* или *дуодецимальной*: это эпоха 12-ти и 24-х. В таких рассуждениях Вирт исходил из колоссальных по своей значимости исследований индийского традиционалиста, патриота и крупного ученого Бала Гангадхара Тилака (1856—1920). В его знаменитой работе «Арктическая Родина в Ведах» (1903) доказывается, в частности, что

¹³⁰ Wirth, Herman. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Leipzig, 1936. S. 85 ff.

12-месячный календарь вторичен по отношению к 10-месячному, что мы и видим в названии древнеримского месяца december, указывающем на то, что он 10-й и последний в году. Также и Плутарх в жизнеописании Нумы Помпилия указывает, что в изначальном, идущем от Ромула календаре было 10 месяцев (304 дня), а январь с февралем были добавлены только в правление Нумы. «То, что римский год содержал сначала только десять месяцев, а не двенадцать, — пишет Плутарх, — подтверждается названием последнего, но они (т.е. римляне) продолжали называть его децембером, то есть десятым; а то, что март считался первым, ясно из того, что пятый после него месяц назывался квинтилис, шестой — сикстилис, и так до конца всего порядка»¹³¹. Свидетельство Макробия также подтверждает, что в древнейшие времена римский календарь действительно насчитывал только 10 месяцев — срок, в течение которого Навагвы и Дашагвы совершали жертвоприношение, помогая Индре одолеть Валу и вызволить Солнце, «сокрытое в темноте».

Год был разделен на две половины — так же как и в древнерусском ритуальном календаре, состоявшем, согласно реконструкции А.Г. Кифишина, из «семика» (весна и лето) и «пятика» (осень и зима). Похожее деление мы встречаем и в аттическом календаре Древней Греции, где имелось несколько рядов праздников, посвященных двум основным Божествам — Афине и Дионису. При этом, если Дионис господствовал весной и летом (7 мес.), то Афина — осенью и зимой (5 мес.). Эти праздники делились на «великие» и «малые»: «великие» соответствовали Гибели Богов, а «малые» — их Возрождению. К праздникам «цикла Афины» относились: «Всемирный пожар», Малые Панафиинеи, Великие Элевсинии и Тесмофории, а к праздникам «цикла Диониса» — Малые Дионисии, Малые Элевсинии, Великие Дионисии и Скирофории. «Одним словом, две половины года, семимесячная и пятимесячная, заканчиваются мировыми катаклизмами: летняя — пожаром, зимняя — потопом»¹³².

¹³¹ Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. — Пер. с англ. Н.Р. Гусевой. — М., 2002. — 528 с. С. 422—424, 216—218.

¹³² Кифишин А.Г. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII—III тыс. до н.э. Том I. — К.: Аратта, 2001. С. 45.

41. Гибель далекой Туле

Все это — лишь напоминания о том изначальном катаклизме, который стал причиной миграции атланта-нордов (Туата-де-Даннани, Народов Богини Дану) в более южные края. «Мы не знаем, сколько тысячелетий длился Золотой век гипебореев в их охотничьем раю. Знаем только, когда он завершился — 12 тыс. лет назад. Известна и причина его завершения — крупнейшая из природных катастроф.

Да, 12 тыс. лет назад произошел мощнейший катаклизм. До сих пор не вполне ясны его причины. Большинство ученых сходится на том, что Земля столкнулась с каким-то небесным телом, обладающим большей массой либо большей относительной скоростью (некоторые считают, что катаклизм был следствием захвата земным притяжением Луны, до того свободно блуждавшей в пространстве). Стометровая стена воды трижды обошла земной шар... Дым сгоревших лесов на сотни лет погрузил планету во мрак... Небывалые землетрясения вскрывали землю, и реки лавы захлестывали все живое... Поселения людей на приморских равнинах были затоплены, и родилась легенда-воспоминание о Великом потопе... Но главное следствие катаклизма — смещение земной оси и передвижение полюсов в районы, в которых они находятся и сейчас.

Эта катастрофа стала причиной и знаком завершения плейстоцена и наступления голоценового (или четвертичного) периода. В популярной литературе с ней связывают гибель платоновской Атлантиды»¹³³. По поводу локализации Атлантиды существует множество различных гипотез. Если исходить из платоновских диалогов «Тимей» и «Критий», гибель Атлантиды произошла примерно за 9000 лет до жизни самого Платона. Но есть и другие датировки. Например, те, кто локализует Атлантиду на Санторине, придерживаются мнения, что она затонула ок. 1500—1400 лет до н.э.

Примерно такую же датировку предлагает также и Юрген Шпанут. Книга этого немецкого пастора вышла примерно полве-

---

¹³³ Морозов Е.Ф. Бунт неприкасаемых // Расовый смысл Русской идеи. Выпуск 1. — М.: Белые альвы, 2000. С. 157.

ка тому назад, в 1953 г.¹³⁴. Шпанут развивал теорию, что атланты были этническими германцами и создали свою империю примерно в XIII в. до Р.Х. (т.е. в Бронзовом веке). Атлантида находилась на севере Европы, а именно на Гельголанде. В своем исследовании Шпанут ссылался не только на богатый катастрофами бронзовый век в акватории Северного моря, но также и на профессиональных археологов Третьего Рейха, часть из которых входила в общество Аненербе и была увлечена теорией «Полой Земли».

Автором этого учения считается Ганс Гербигер, хотя на самом деле это не совсем так: идея Полой Земли коренится в мифологическом предании древних германцев, имеет множество параллелей в других мифологиях древности и даже в философии Платона. Поэтому можно сказать, что Гербигер — это прежде всего проповедник древнегерманской мифологии, а кроме того, платоник, каким-то странным образом оказавшийся в XX в. и выразивший свою мифофилософию на несколько необычном языке.

В отличие от Платона Гербигер полагал, что Атлантиды было две¹³⁵. Одна из них находилась в Андах, а вторая — в Северной Атлантике. Причем существовали они не одновременно. Вторая, североатлантическая, «столица» возникла на руинах первой и являлась менее обширной и могущественной, нежели та. То же самое мы видим и на уровне антропологии: жители Первой Атлантиды, согласно Гербигеру, были гигантами, тогда как обитатели Атлантиды № 2 гигантами и не были, хотя и происходили от гигантов по прямой линии.

Вторые, т.е. североатлантические, атланты жили сравнительно недавно. По мысли Ганса Гербигера, именно этим последним,

---

¹³⁴ Spanuth, Juergen. Das entraetselte Atlantis. Stuttgart, 1953. См. также расширенное переиздание этой книги: Spanuth, Juergen. Atlantis, Heimat, Reich und Schicksal der Germanen. Tuebingen, Grabert-Verlag, 1965 и другую не менее известную работу: Spanuth, Juergen. Die Atlanter. Volk aus der Bernsteinland. Tuebingen, 1976.

¹³⁵ Nagel Brigitte. Die Welteislehre. Ihre Geschichte und Rolle im «Dritten Reich». Verlag fuer Geschichte der Naturwissenschaft und Technik, Stuttgart 2000; Litten Freddy. Materialien zu Fauth und und zur Welteislehre// Berichte zur Wissenschaftsgeschichte, Jg. 14, H. 1, 1991. S.34 ff.; Koch Martin. Die Welteislehr// Physik in der Schule 1993 №9. S. 317 ff.; Jensen Uffa. Welteislehre// Enzyklopaedie des Nationalsozialismus. Muenchen, 1997. S. 801.

уже не «титаническим», а обыкновенным атлантам посвящены упомянутые выше диалоги Платона. Получается, что тексты Платона повествуют про одну Атлантиду, а предания, мифы и легенды о великанах — про другую. Менгиры, дольмены и непомерно высокие (от 10 м и выше) идолы мексиканских тольтеков, новогвинейских матекулов и прочих племен были для Гербигера лишь отдаленным напоминанием о величии золотого века. Сами же туземные племена имели с подлинными атлантами очень мало общего.

42. Atlantis, Edda und Bibel

В вопросах атлантологии прямым учеником Гербигера являлся ариософ Герман Виланд, написавший знаменитую работу под названием «Атлантида, Эдда и Библия: 200 000 лет великой германской культуры и тайна Священного Писания» (1925)¹³⁶. Уже из названия этой книги можно вывести четыре основных ее положения. Во-первых, что возраст германской культуры достигает двухсот тысяч лет¹³⁷. Во-вторых, что прародиной этой культуры является Атлантида. В-третьих, что эддическая и — шире — германская традиция является последней разгадкой «тайны Священного Писания», т.е. тайны библейского текста. В-четвертых, что уже в столь отдаленные времена германская культура была «великой» — хотя бы уже потому, что дала миру Эдду и Библию.

Первый из выделенных нами тезисов доказывался Виландом очень просто: ученый ссылался на поразительную находку одного шведского археолога, открывшего наскальные рисунки германцев древностью в 200 000 лет. Работы берлинского специалиста Франца фон Вендрин¹³⁸ лишь подкрепили немецкого ариософа в его догадках и убеждениях. Эти два эпохальных открытия имели для концепции Виланда огромное значение, поскольку позволяли опровергнуть одновременно и предрассудок о «германских варварах», и церковное учение о творении Богом первого человека 5684 года назад. Увеличивая длительность истории, Герман Виланд

¹³⁶ Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weissenburg, 1925.

¹³⁷ Для сравнения: сегодняшняя наука определяет возраст homo sapiens как всего лишь 40 000 лет.

¹³⁸ Wendrin Franz von. Das entdeckte Paradies. Berlin, 1924.

повышал возраст и уровень германской культуры и находил основания для ее противопоставления культуре негерманской.

Со временем такое противопоставление возникло и на Атлантиде. Населявшие ее сыны Солнца (Теоса) стали, по мысли Виланда, смешиваться со зверолоудьми, а то и просто с животными. В доказательство своих рассуждений Виланд приводит один из рельефов Бохуслена, на котором запечатлен «содомитский акт праеврея со свиньей»¹³⁹. От таких порочных связей наплодилось много разных мутантов и бастардов, сделавших жизнь на Атлантиде невыносимой. Тогда часть атлантов (те самые мутирующие праевреи-зверолоубцы) стали совершать разбойничьи набеги на различные государства. Орды звероподобных мутантов, которые, к слову сказать, были — вероятно, в силу генетических модификаций, — краснокожими, разнузданно проявляли свою алчность и жестокость. Их грабительские рейды в Африку, Азию и Европу повсюду оставили свои разрушительные следы: так появилось племя краснокожих каннибалов мангбатту, не говоря уже о других негритянских племенах, известных своей черной магией. Виланд рассказывает, что дикие орды евреев-ацтеков только тем и занимались, что грабили, убивали и выжигали зеленые леса.

В скором времени все эти злодеяния переполнили чашу терпения Божьего, и тогда совершилось ужасное. Господь решил стереть с лица земли Вавилонскую Блудницу и навсегда разрушить столицу краснокожих атлантов. В главе «Закат Атлантиды и Священного Града Божьего, расположенного посреди Воды, между Островами. „Разрушение мира“ 11 500 лет назад» Виланд рассказывает о том, как это произошло.

Расстояние между Землей и Луной стало стремительно сокращаться. Когда Земля вошла в сферу притяжения Луны, реки и моря нашей планеты вышли из берегов, и земли Атлантиды, а заодно и Лемурии, оказались затопленными водой. Земные пояса стали выгибаться, а земные полюса сместились¹⁴⁰. Те, кому пришлось наблюдать конец одного мира и начало другого, испытали непередаваемый ужас и запечатлели его в немногих сохранившихся пись-

¹³⁹ Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weissenburg, 1925. S. 126.

¹⁴⁰ Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weissenburg, 1925. S. 131.

менах. Как наиболее авторитетные из этих источников Виланд выделяет халдейские (т.е., по его мнению, кельтские) легенды о Зиусудре. Развивая сюжет, автор добавляет, что по Земле распространились потоки горячей серы, воды и раскаленных газов, в то время как Солнце померкло и небо стало непроглядно черным. Отсюда — мифология Черного Солнца, связанного с Гибелью Богов не в меньшей степени, чем с фатумом и космической Справедливостью.

43. Германская прародина на Dogger Bank

Осенью 1933 г. Вирт выступил в качестве публикатора «Хроники Ура Линда», в которой гибель Атлантиды (именуемой «Атландом», «Альдландом» или «Альдландией») описана во всех подробностях. Вот что там рассказывается: «Все лето солнце было сокрыто за облаками, как если бы оно не хотело видеть земли. Ветер отдыхал в своей пещере, туман и облака подобно столпам стояли над домами и болотами. Воздух был поэтому сумеречным и мутным, а в сердце людей не было ни бодрости, ни радости. Посреди этой тишины земля начала вдруг трястись, как если бы она была при смерти.

Извергая огонь, расщепились горы, другие горы провалились вниз, а там, где прежде были поля, возникли скалистые ущелья и горные хребты. Альдланд, названный так моряками, потонул, и дикая ненависть долго еще клубилась над горами и долами, пока не сокрылась в пучине морской. Многих людей засыпало землей, а многих, которые убереглись от огня, смыло затем водой. Горы извергали пламя не только в землях Финды, но и в Твисланде. Леса горели один за другим, а ветер, отсюда произошедший, надул в наши края множество пепла. Это преградило течение рек, в устьях которых возникли острова песка, на которых топталась уцелевшая живность.

Земля жила так в течение трех лет. Когда же ей стало лучше, можно было лицезреть последствия катастрофы. Многие страны потонули, другие же поднялись из моря, а Твисланд наповину покрылся лесами». Как удалось установить Вирту, затопленный в 2193 г. до Р.Х. остров находился в Атлантическом оке-

ане и был тождествен той Атлантиде, о которой рассказывается в диалогах Платона и в последующей античной традиции. Этот же остров отражен в восточно-фризском сказании про Белый Аланд, именуемый также островом мертвых. Фризский народ до сих пор сохраняет поверие, что в день зимнего солнцестояния на Белый Аланд отбывают души умерших. Тождественные на уровне мифа, Атланд «Хроники Ура Линда» и Белый Аланд древнефризской легенды различаются на уровне географии. Вирт считает, что Альдланд-Атланд следует искать в современном канале (Kanal) и юго-западнее от Ирландии, тогда как остров Белый Аланд находился в Северном море и ушел под воду где-то на рубеже IV столетия до Р.Х., в 1888 г., «после того как потонул Атланд».

Получается, что в учении Вирта, основанном на точных данных палеогеологического анализа и на чуть менее точных рассказах «Хроники Ура Линда», была не одна, а сразу две Атлантиды — почти как у Ганса Гербигера. Примечательно также, что вторую из этих Атлантид Вирт считал духовной Родиной атлантико-нордической расы и располагал на знаменитой отмели Доггер Банк. Сейчас это рыболовный рай, и туда ходят траулеры со всей Европы и Америки. Но когда-то, в отдаленные времена, а именно в эпоху последнего оледенения, уровень Мирового океана был на целых 100 м ниже, чем сейчас. Тогда никакого Северного моря и в помине не существовало, Британские острова соединялись сушей с Шетландскими и Оркнейскими островами, а также с континентальной Европой. Тогда на месте нынешней отмели Доггер Банк находился огромный остров, а нынешний пролив Ла-Манш являлся долиной мощной древней реки, притоками которой являлись и Сена, и Темза, и Маас, и Шельда, и Рейн. Впрочем, даже и сейчас по контурам Доггер Банк можно судить о многом. С юго-запада на северо-восток эта отмель простирается на целых 250 км, ширина ее — около 30 км, а глубины не превышают 37 м, поэтому Доггер Банк давно уже пытались исследовать, и часть этих океанологических исследований приводится в работах Вирта, особенно в «Происхождении Человечества». Вирта привлекала необычайная древность этого подводного сокровища: воды стали захлестывать территории Дог-

гер Банк не ранее 18 тысячелетий назад, и поэтому в глубине можно найти следы людей, живших еще в эпоху последнего оледенения.

На территории древней Фрисландии были и более поздние наводнения. Например, в 865 г. на устье Рейна обрушился страшный шторм, который затопил крупный город Дорестад и окружающие его территории. А в 1170 г., в день Всех Святых, море отрезало от материка огромный участок суши, ставший Фризскими островами. В конце XIII столетия вода стала достигать озера Фрево, лежавшего в глубине Нидерландов. Когда воды воссоединились, образовался обширный залив Северного моря — так называемый «Южный Залив» или Зюйдер-Зее. Последующие наводнения 1218 и 1287 гг. стали причиной возникновения еще двух заливов — Долларта и Лауверс-Зее.

Следуя Тилаку, Вили Пастору, Георгу Биденкаппу, Людвигу Вильзеру¹⁴¹ и другим авторам нордической теории, Вирт отождествил Арктиду с прародиной индогерманской расы, а также — и за этот ход мысли Вирта особенно критиковали — произвел идентификацию Гипербореи, Атлантиды и Туле¹⁴². Итак, по мнению Вирта, Туле — это один и тот же остров, что и Атлантида. В незапамятные времена этот остров оказался местом стоянки атлантико-нордической расы. Атлантида находилась в Арктике, среди вечных снегов и мерзлот. Там, где сегодня лежат непроходимые снега, некогда был умеренный и мягкий климат. В доказательство своей теории Вирт ссылался на археологические находки, которые обсуждались в ту эпоху и в других работах по атлан-

---

¹⁴¹ Wilser Ludwig. Die Herkunft der Deutschen, 1885, Wilser Ludwig. Die nordische Schoepfungsherd // Zeitschrift fuer den Ausbau der Entwicklungslehre, № 3, Heft 5, Stuttgart 1909. S. 121—138.

¹⁴² Все это был, согласно Вирту, единый североатлантический культурный круг (Kulturkreis), подлинная и единственная «гиперборейская Атлантида». Такая вольная формулировка Г. Вирта вызвала справедливые нарекания Рене Генона, указавшего в статьях «Атлантида и Гиперборея» и «Место атлантической традиции в Манвантаре» на тот факт, что в соответствии с традиционными источниками Гиперборею следует локализовать на севере, тогда как Атлантиду — на западе. Атлантическая традиция, согласно Генону, следовала по времени после гиперборейской и «была традицией красной расы». (Гудрик-Кларк Николас. Оккультные корни нацизма. — М.: Язуза, Эксмо, 2004. С. 446.)

тологии. Вот, к примеру, что писал годом позже немецкий атлантолог А. Бессмертный: «Открытые остатки цивилизации ранних жителей этой области показывают гораздо более высокую степень развития, чем эскимосы, которые живут там в настоящий момент»¹⁴³.

44. Откровение Вральды

Наибольшие нападки со стороны ученых последовали не за отождествление Атлантиды и Гипербореи, не за особое, типичное, впрочем, для нидерландца, расположение к Доггер Банк, и даже не за «изначальный монотеизм», который не нравился очень многим. Немецкая профессура вознегодовала оттого, что Вирт с упрямством, достойным восхищения, доказывал подлинность опубликованной им «Хроники Ура Линда». За публикацию этого странного документа ученому пришлось заплатить ценой своей академической карьеры.

Итак, в 1933 г. Вирт публикует «Хронику Ура Линда», которая представляет собой древнюю фризскую семейную хронику, полную интереснейших культурно- и религиозно-философских фактов. Вирт представляет «Хронику Ура Линда» как «Древнейший Завет Севера», отличный от ближневосточных заветов, которые, по его мнению, сущностно чужды традиции германцев и атланто-нордическому наследию предков.

По мнению Вирта, содержащееся в «Хронике Ура Линда» предание относится к очень глубокой праистории, достигая раннего каменного века. Примерно 5000 лет назад германцы исповедовали свою изначальную веру, сильно отличную от сравнительно недавней традиции эпохи Эдды и Саги. Эта древнейшая вера атланто-нордов была монотеистической. Верховным Богом признавался Вральда. В «Древнейшем учении», являющемся одним из самых важных теологических разделов «Хроники Ура Линда», про Бога Вральду говорится следующее: «Вральда является древнейшим всех, превыше всякой древности, ибо Оно сотворило все вещи. Вральда есть

---

¹⁴³ Wirth Herman. Das Geheimnis von Arktis – Atlantis // Die Woche, 1931, № 35, Bessmertny A. Das Atlantisraetsel. Geschichte und Erklarung der Atlantishypothesen. Leipzig, 1932. S. 89.

все во всем, ибо Оно вечно и бесконечно¹⁴⁴. Вральда присутствует везде, но нигде Его не увидеть: посему эта Сущность зовется Духом. Все, что мы можем в Нем увидеть, суть творения, благодаря Ему приходящие и уходящие: ибо из Вральды все вещи приходят, а затем они снова возвращаются. Из Вральды происходит Начало и Конец, ибо все вещи совершаются в Нем. Вральда является единым всемогущим Существом, а любая другая власть происходит от Него и возвращается в Него же. Из Вральды исходят все силы, и все силы возвращаются к Нему. Поэтому Оно единственное есть творящая Сущность, и ничто без Него сотворено не было.

Во все сотворенное Вральда вложило вечные Законы¹⁴⁵. Других благих законов не существует, ибо все остальное возникло позднее. Но хотя все и находится во Вральде, злоба людская в Нем не содержится. Злоба происходит от косности, невнимательности и глупости.

Вральда есть Мудрость, и сотворенные Им Законы суть книги, от которых мы можем научиться. Кроме этих книг, нигде нам Мудрости больше не найти и не собрать. Люди могут видеть многие вещи, но Вральде видны все вещи. Люди могут открывать многие вещи, но для Вральды открыто все. Люди — либо мужские, либо женские существа, но все их создал Вральда. Люди любят и ненавидят, но лишь Вральда обладает справедливым беспристрастием. Поэтому Благом является только Вральда, и нет блага кроме Него.

Вместе с Великим Юлом все сотворенное превращается и изменяется. Но лишь Добро является непреходящим. А поскольку Вральда несет в Себе Высшую Благодать, Оно не подвержено изменениям. Поскольку же Оно пребывает в неизменности, Оно представляет собой единственное Бытие, для которого все остальное — видимость (иллюзия)¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Wralda is ella in ella, hwand that is kvg and unendlik. Здесь имя Духа Миров появляется, как понятие абстрактное, в среднем роде. По существу, это есть дохристианский германский «Бог», который и в древненордической традиции был объективен (т.е. среднего рода), и лишь с христианизацией подвергся восточно-средиземноморским влияниям и стал «Богом» мужского рода. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁴⁵ В оригинале — «Gattungen». Немецкое слово «Gattung» означает также «Род, вид, порода, тип, сорт». — *Прим. пер.*

¹⁴⁶ Die Ura-Linda-Chronik. Uebersetzt und mit einer einfuehrenden geschichtlichen Untersuchung hrsg. von Herman Wirth. Leipzig-KOA, 1933. S. 39—40.

Культ этого Вральды поддерживался усилиями северных матушек, генетически наследующих и несущих на себе отпечаток светлой Фрейи — Богини-эпонима древних фризов, «свободных-у-Бога». У фризов, как народа в наибольшей степени нордического и потому близкого к истокам, был священный матриархат. Кроме того, по свидетельству «Хроники...», древние фризы имели свое собственное летосчисление, отсчитывая начало времен от топления Атланда. Именно оттуда, по мнению Вирта и ариософов вроде Карла Цеча, и происходит вся северная раса.

Сразу же после публикации Виртом «Хроники Ура Линда» разгорелся острый научный и публицистический спор, в котором многие германисты отказались верить в подлинность «Древнейшего Северного Завета», призванного, по мнению Вирта, заменить два других, менее древних завета, привезенных германцам с Востока. В ком-то говорило рудиментарное христианство, в ком-то филологическая корректность, в ком-то — банальная зависть. В итоге текст «Хроники Ура Линда» был скоропалительно признан фальшивкой, в пользу чего якобы говорило несколько обстоятельств, отмечавшихся еще в конце XIX в. голландцем Бекерингом-Винкерсом.

Этот автор доказывал, что, во-первых, рунический строй оригинала был заимствован из латыни, во-вторых, что язык «Хроники...» является искаженным старофризским либо, как чуть позже сформулирует Артур Хюбнер (1934), «неоголландским, причесанным на древнефризский манер» (*auf altfriesisch frisiertes Neuhollaendisch*), т.е. новофризским. В-третьих, бумага, на которой дошло до нас «Древнейшее Писание Севера», была сделана не ранее 1850 г.¹⁴⁷. На все эти упреки Вирт резонно отвечал, что даже окажись в «Ура Линде» что-либо неподлинным, в ней, несомненно, присутствует очень архаичный пласт, связанный с символикой Колеса Кродера и Великого Юла — тот пласт, который при скудных знаниях о германской традиции, какие имелись в XIX в., нарочно не придумать.

После выхода «Хроники Ура Линда» против Вирта обратились те исследователи, которые до этого Вирта поддерживали, и

¹⁴⁷Kater Michael H. *Das Ahnenerbe der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches*. Muenchen, 1997 (Stuttgart, 1973, Muenchen, 2001). S. 15.

важность его концепций защищали, например, упоминавшийся уже германист Густав Неккель (1878—1940). Как можно видеть в обстоятельной библиографии, выпущенной Э. Бауманном, архив Неккеля насчитывает ок. 30 публикаций, имеющих к «делу Вирта» непосредственное отношение¹⁴⁸. Эти статьи и тексты докладов можно довольно четко разделить на две группы, первая из которых вышла в свет до публикации Виртом «Хроники Ура Линда», а вторая — после, и эти тексты намного критичнее и строже. Неккеля смутила главным образом настойчивость Вирта, положившего свидетельство «Хроники...» в основание своей исторической концепции. В первом издании «Культуры древних германцев»¹⁴⁹, выпущенном Неккелем в 1934 г., влияние Вирта и его идей чувствуется тем не менее очень сильно. Но в приложении Неккель пытается от Вирта дистанцироваться, указывая при этом на крайнюю сомнительность «Хроники Ура Линда». В издании 1939 г. это послесловие не перепечатано, а те пассажи, в которых ощутимо влияние Вирта, также устранены или переработаны.

Точка зрения Неккеля была в общем гуле растревоженных германистов наиболее взвешенной и, пожалуй, наименее пристрастной¹⁵⁰: это был состоявшийся еще в эпоху Веймарской республики заслуженный профессор, которому в науке не на что было претендовать и не на кого обижаться. Ведь претендуют, как правило, от большой неуверенности, а обижаются — от бессилия¹⁵¹. Жесткая обида была уделом «Zunft» — так на языке нацистских партийцев именовались уполномоченные «компетентные специ-

¹⁴⁸ Baumann Eberhard. Herman Wirth. Schriften, Vortraege, Manuskripte und Sekundaerliteratur. Hg. von der Gesellschaft fuer europaeische Urgemeinschaftskunde e.V. („Herman-Wirth-Gesellschaft“). Kohlenmoor, 1995.

¹⁴⁹ Neckel, Gustav. Kultur der alten Germanen. Potsdam, 1934. (= Handbuch der Kulturgeschichte), 1934.

¹⁵⁰ Неккель выразил свою позицию сначала в берлинской газете «Der Tag» от 31. 12. 1933, а затем — на заседании Берлинского «Общества германской филологии» в феврале 1934 г.

¹⁵¹ Шелер, Макс. Ресентимент в структуре моралей. — СПб.: Наука, 1999. С. 25: «Самая бессильная зависть — это в то же время самая ужасная зависть». «Зависть рождается только там, где попытка достать вещь <...> не удалась и где появилось сознание собственного бессилия».

алисты», занимавшиеся травлей Вирта профессионально¹⁵². Среди них было много людей из «Ведомства Розенберга». Особенное усердие проявил германист из Геттингена, ректор тамошнего университета и председатель «Общества немецкого образования» Фридрих Нойманн.

Многим из германских ученых показалось, что подлинность сакрального древнефризского документа непременно должна быть поставлена под их научное сомнение. Тут уместно будет вспомнить, как ровно за столетие до этого тюрбингенские профессора с таким же, может, и еще большим скепсисом всезнающих текстологов и кабинетных эрудитов, препарировали книги Ветхого и Нового Заветов. С такой же ревностью немецкие филологи принялись критиковать и анализировать опубликованный Виртом документ древнефризского язычества.

4 мая 1934 г. в новом актовом зале Берлинского университета состоялось открытое научное собрание, на повестке которого стояло выяснить наконец вопрос подлинности наделавшей шуму «Хроники...», а заодно и подвести итоги научной деятельности ее публикатора. Из числа присутствовавших на совещании мнения Вирта по указанному вопросу придерживался также именитый санскритолог и будущий коллега Вирта по «Ане-нербе» проф. Вальтер Вюст, а также известный религиовед д-р. Отто Хут (Huth). Среди официальных оппонентов Вирта можно назвать германиста из Берлинского университета проф. Густава Неккеля, Артура Хюбнера, а также специалистов в обла-

¹⁵² Перечислим лишь некоторые статьи, напечатанные в связи с выходом в свет «Хроники Ура Линда» в официальных изданиях НСДАП 1933—1934 гг.: *Hewrmann*, Fritz H. *Herman Wirth's Werk und die Wissenschaft* // *Deutsche Rundschau*. 59, 235, April, 1933. S. 57—60. *Plassmann*, J. Otto. *Die Ura-Linda-Chronik* // *Germanien*, H. 11, 1933. S. 323—329. *Bremer*, Otto. (Rez.) // *Hallesche Nachrichten*, 11. 11. 1933. *Merker*, Paul/*Ranke*, Frierich/*Siebs*, Theodor/*Steller*, Walther. *Zur Ura-Linda-Chronik* // *Schlesische Zeitung*, 28. 12. 1933. *Steller*, Walther. *Die Wirthsche Theorie im Lichte des Nationalsozialismus* // *Schlesische Zeitung*, 12. 01. 1934. *Seger*, Hans. *Tatsachenberichte der Chronik und die Vorgeschichte* // *Schlesische Zeitung*, 12. 01. 1934. *Merker*, Paul/*Ranke*, Fr./*Siebs*, Th./*Steller*, W. *Um deutsche Wissenschaft und Sprache. Hermann (!) Wirth und die Ura-Linda-Chronik* // *Ethische Kultur*, 42, 1, 15. 01. 1934. S. 9—12. *Merker*, Paul/*Ranke*, Fr./*Siebs*, Th./*Steller*, W. *Um deutsche Wissenschaft und Sprache. Hermann (!): Ura-Linda-Chronik* // *Die Westfael. Heimat*. 16, 1/2, Jan./Febr. 1934. S. 12 f.

сти древнейшей истории — профессоров Якоба-Фризена и Теодора Штехе (из «Союза борьбы за немецкую культуру»). Сообщение получило значительный резонанс в тогдашней немецкой прессе. Общий его вывод сводился к тому, что «Хроника Ура Линда» является «скрупулезной подделкой апостола либеральных идей эпохи Просвещения»¹⁵³, т.е. искусной стилизацией под седую прагерманскую древность, но не подлинным источником. По мнению А. Хюбнера, опубликованный Виртом первоисточник — это причудливая «смесь заблуждений, смысла и бессмыслицы, но такой бессмыслицы, которая имеет определенный метод»¹⁵⁴.

Но здесь сам собой напрашивается естественный вопрос: в чем смысл многочасовых обсуждений заведомо бессмысленного документа? Не рискует ли наука о германской праистории, уделяющая заблуждениям столько внимания, сама превратиться в сплошное заблуждение? Разумеется, если бы «Хроника...» оказалась поддельной от начала и до конца, то такого любопытного со всех сторон резонанса она бы не встретила никогда. Кстати, сам Вирт никогда на «буквальной аутентичности» не настаивал, признавая в тексте «Хроники Ура Линда» как минимум 4 различных слоя, из которых к древнейшей и подлинной истории имеет отношение лишь один. Все остальные суть, по мнению Вирта, лишь более поздние «доработки», отследить которые не представляет особенного труда. Вирт выделяет следующие слои текста «Хроники Ура Линда»:

1. Кодекс А: изначальная рукопись, изданная на основе древнего фамильного документа фризом по имени Лико Овер де Линден (803 г. по Р.Х.).

2. Кодекс В: список, выполненный его потомком Хидде Овер де Линден (1256 г. по Р.Х.).

3. Кодекс С: литературная обработка нидерландского гуманиста (начало XVII столетия), бывшего, вероятно, обладателем хроники «Ворп ван Табор».

¹⁵³ *Cesar, Werner. Um die Echtheit der Ura-Linda-Chronik // Berliner Boersen-Zeitung, 6.5.1934. Suffert, O. Zum Streit um die Ura-Linda-Chronik // Germanien, 1934. S. 49—56.*

¹⁵⁴ *Huebner Arthur. Herman Wirth und die Ura-Linda-Chronik. Berlin / Leipzig, 1934.*

4. Кодекс D: список интерполятора, человека достаточно образованного, знакомого с книгами просветителя Константина Франсуа Вольнея, (начало XIX столетия). Эта последняя рукопись находилась во владении Корнелиса Овер де Линден и была им опубликована.

Некоторые историк называли также конкретные работы, на которые вполне мог опираться автор одной из последних рукописей:

- Кнут Клемент, «Северогерманский мир или наши исторические истоки», Копенгаген, 1840. Также и другие работы этого же автора: «История жизни и страданий фризов» и «О происхождении тойдисков». Обе последние работы вышли в городе Киль в 1845 г.¹⁵⁵. К сочинениям К. Клемента восходит мифологема Инки, теория о том, что Атлантида была расположена в Северном море, утверждение об изначальности древнефризского матриархата (точнее, тезис о том, что древними фризами правили народные матушки и девы-градоправительницы), а также несколько расовых теорий.

- Монтанус, «Немецкие народные праздники: годовые праздники и семейные торжества»¹⁵⁶. Из этой работы предположительный фальсификатор «Хроники Ура Линда» мог позаимствовать весь комплекс рассуждений о Вральде, а также о колесе Юла, учение о времени (этмельды и т.д.), а также миф об Ир்தхе.

- Из работы французского просветителя Константина Вольнея могла быть почти дословно позаимствована примечательная история о совпадении Иисуса, Будды и Кришны. Книга Вольнея под названием «Руины, или Размышления о революциях империй» имела в личной библиотеке Корнелиса Овер де Линдена даже не в единственном, а в двойном варианте: в виде французского оригинала и нидерландского перевода.

- Вся история о Минерве-Нихелении проходила, по мнению тех, кто критиковал подлинность «Ура Линды», из исследования Л.Ф. Янсена, посвященного найденным в нидерландском примом-

---

¹⁵⁵ Clement Knut. Die nordgermanische Welt oder unsere geschichtlichen Anfaenge. Kopenhagen, 1840. Clement Knut. Lebens- und Leidensgeschichte der Friesen. Kiel, 1845. Clement Knut. Ueber den Ursprung der Theudisken, Kiel, 1845.

¹⁵⁶ Montanus. Die deutschen Volksfeste, Jahres- und Familienfeste. Lserlohn, 1854.

рье римским камням с рельефными изображениями. Работа археолога Янсена появилась в Миддельбурге в 1845 г. Одним из возможных объяснений значимости имени «Нихелления» для предполагаемого фальсификатора Корнелиса овер де Линдена состоит в том, что его отец по имени Ян ходил в море на корвете под названием «Нихелления». Глубокое уважение Корнелиса овер де Линдена к своему отцу могло бы здесь кое-что объяснить. В конце концов, «Хроника Ура Линда» — это семейная хроника...

- Баснословные описания бургов, где проживают народные матушки-жрицы, могут восходить к старому и некогда очень популярному рыцарскому роману «Волшебное кольцо», автор которого, Фридрих де ля Мотт Фуке, опубликовал свое детище еще в 1812 г.¹⁵⁷

- История о войне Вотана на Севере с «опасным народом чужаков» восходит, по всей видимости, к сочинению голландского автора Николауса Вестендорпа, которое вышло в 1822 г.

- Основными источниками предполагаемого фальсификатора были, по мнению критиков, Библия, наряду с «Германией» Тацита и «Немецкой мифологией» Якоба Гримма.

Однако под многочисленными напластованиями разномастных корректур и доработок содержалось, по мнению Вирта, подлинное и очень древнее ядро, отражающее религиозные представления древних фризов эпохи неолита. Испуг официальной немецкой науки, возникший в связи с публикацией «Хроники Ура Линда» вполне понятен: во-первых, эта хроника разительно диссонировала с тем представлением о древнефризской традиции, которое считалось принятым и неоспоримым: в «Хронике...» утверждалось, что древние фризы были народом матриархальным, возводившим свое почитание народных матушек и дев-градоправительниц на уровень религиозного предания. Во-вторых, из рассуждений авторов «Хроники Ура Линда» следовало, что изначальной религией человечества была религия монотеистическая. Оба вывода, первый из которых в религиоведении XIX в. представлял Иоганн Якоб Бахофен, а второй — патер Вильгельм Шмидт, были признаны неуместными и чуждыми германству как таковому, а в особенности германству древности. Изначальный матриархат ка-

¹⁵⁷ Friedrich de la Motte Fouque. Der Zauberring, 1812.

зался нацистским ученым недостаточно героичным, а изначально — излишне левантийским.

Кроме того, признав историческую достоверность «Хроники Ура Линда», кафедральным бонзам пришлось бы работать на Вирта и его проект, заново переосмысливая всю историю германской религии. Под вопрос была бы поставлена не только «германтиковедческая» линия ариософии (Г. фон Лист, Р.Д. Горслебен и др.), авторитетные работы германистов и мифологов, но и — что намного существеннее — Эдда и Сага. По Вирту, эти источники являются памятниками эпохи политеистического патриархата, вытеснившего изначально веру атланта-нордов. Потенциал для восстановления этой архаики у нацистов, несомненно, был. Однако он так и остался невостребованным, в основном из-за кафедральной науки (Kathederwissenschaft), которая в угоду Вотану, Вальхалле и принципу фюрерства наделяла древнейшую традицию атланта-нордов чертами политеистического патриархата. Именно кафедральная наука, эта «беспринципная профессура, покорно служащая иудейству», явилась, по мнению Вирта, причиной отказа от учения Вральды, а в конечном счете причиной краха нацистского режима.

Карл-Германн Якоб-Фрисен и Вольфганг Краузе провозгласили «Хронику Ура Линда» враждебной Германии, навязывающей германцам негерманские жизненные установки¹⁵⁸ и какую-то «женскую экономику»¹⁵⁹. Хайнц Дитер Келер попытался даже изложить основы этой «женской экономики» с точки зрения историко-правовой¹⁶⁰, однако такая попытка ввести «Хронику...» в разряд достоверных источников была сразу же оспорена.

---

¹⁵⁸ По мнению Краузе, фризы «Хроники Ура Линда» суть «бледные ничтожества» (blasse Jaemmerlinge): они напрочь лишены подлинно германской воинственности, агрессии и мужества. Поэтому «Хроника Ура Линда» — это, по мнению Краузе, не исторический источник, а пародия на древность, представляющая германцев «бескровными пацифистами» сентиментально-моралистической гинекокрации. (Krause, Wolfgang. Uralinda Chronik und Germannentum // Altpreußen, 1, 1935. S. 56 ff.)

¹⁵⁹ Jacob-Friesen, K.H. Herman Wirths Ura-Linda-Chronik und die deutschen Vorgeschichtsforscher // Nachrichtenblatt fuer Deutsche Vorzeit, 10, 1934. S.134. Выражение «Weiberwirtschaft» является, скорее всего, игрой слов, поскольку его можно перевести и как «женскую экономику», и как «женское хозяйство», и как «учение Вирта о женщинах».

¹⁶⁰ Koehler, Heinz Dieter. Studien zur Ura-Linda-Chronik. Weimar, 1936.

Но были в Третьем Рейхе и такие ариософы, для которых наиболее ценным в «Ура Линде» показалось сообщение об Атлантиде. Берлинский профессор Альберт Людвиг Геррманн предпринял в начале 1930-х длительную экспедицию, исследовав в поисках пропавшего материка Африканский континент и руководствуясь при этом данными «Хроники...» Вирта. Атланд был обнаружен в одном из шоттов¹⁶¹ Южного Туниса¹⁶², где в начале XX в. открылись остатки какой-то очень древней цивилизации.

По материалам экспедиции Геррманн написал любопытное исследование «Наши предки и Атлантида», в котором целую главу посвятил «Судьбе одной древней хроники»¹⁶³. Геррманн однозначно признавал «Ура Линду» подлинным источником, способным пролить свет на древнейшие события и даже найти потерянную Атлантиду.

В работе Геррманна есть очень яркое сходство с Виртом, и в то же время принципиальное отличие. Сходство состоит в том, что Вирт также пытался, исходя из «Ура Линды», найти потерянную Атлантиду, однако локализовал ее не в шоттах Южного Туниса, а на Крайнем Севере.

Как нам стало известно, в немецком издательстве «Lühe-Verlag» в серии «Документы и исследования, относящиеся к «Хронике Ура Линда» сейчас выходит репринтное переиздание как этой работы Геррманна, так и его же книги «Новые реплики по поводу «Хроники Ура Линда»¹⁶⁴, а также полный текст самой Хроники. С левой стороны можно видеть текст на древнеингвеонском, а с правой стороны — на немецком языке. Во «Введении» на сорока страницах обсуждается вопрос подлинности рукописи, приводятся подробные объяснения к тексту, и, кроме того, в приложении можно видеть факсимиль-

---

¹⁶¹ Шоттами или сехба в археологии называются бессточные засоленные впадины.

¹⁶² Критический анализ этой гипотезы, восходящий еще к работам Лионского профессора Э.Ф. Берлиу (1880-е гг.) и П. Борхардата, содержится в книге нещадного критика научной атлантологии А.И. Рыбина (*Рыбин А.И. В поисках Атлантиды: исследование истории и географии.* — М.: УРСС, 2005. С. 42—49).

¹⁶³ Herrmann A.L. Unsere Ahnen und Atlantis. Nordische Seeherrschaft von Skandinavien bis nach Nordafrika. 1934. S. 21—43.

¹⁶⁴ Prof. Herrmann «Neue Stimmen zur Ura Linda-Chronik» (1935), 236 Seiten, 90 Abb., 26,00 DM (ISBN 3-926328-00-2).

ное издание той рукописи, которая была обнаружена в Аееувардене. Так хотел издать «Хронику...» сам Герман Вирт. Это издание разделено на два тома: первый посвящен текстам ингвеонских замков, а второй — рукописям потомков Аделы.

В 1956 г. г-ном Кальма (Jas. J. Kalma), одним из сотрудников провинциальной библиотеки Фрисландии (город Аееуварден) была составлена полная библиография по проблеме «Хроники Ура Линда». В этой библиографии были отражены все публикации по теме «Ура Линды», количество которых за период с 1871 по 1956 г. составило в совокупности 648. Туда вошли самые разные обзоры и научные работы — от газетных заметок до внушительных исследований. В 1876 г. — т.е. спустя три года после смерти Корнелиса овер де Линден, — эта библиография насчитывала уже 58 названий различных статей и книг, посвященных загадочной хронике. В 1877-м к ним добавилось еще 54, а в 1878-м — всего три, в 1879-м — одна, а затем, если верить библиографии г-на Кальма, о «Хронике Ура Линда» очень надолго замолчали — она была признана фальсификацией.

В настоящем предисловии мы намеренно не стремимся углубляться в вопрос о подлинности этого спорного документа, а также не рассматриваем целый период жизни Вирта, последовавший после научных прений и т.д. Наше мнение здесь таково, что «Хроника...» интересна сама по себе — как исторический документ, многими считавшийся священным, а многими считающийся и до сих пор. Достаточно сказать, что в подлинности «Хроники Ура Линда» были убеждены не только мистики и атлантологи, но и такие крупные политики, как Генрих Гиммлер, видевший мистическую правду и неподдельную архаичность этого документа.

Например, в письме профессору К.А. Экхардту от 25 февраля 1937 г. Гиммлер писал о том, что, по его мнению, кто бы там что ни говорил, «Хроника Ура Линда» истинна, поскольку подлинным является ее внутреннее ядро. *Die Chronik ist «im Kern echt»*¹⁶⁵! А ровно через восемь месяцев, 25 октября 1937 г., Гиммлер пишет про «Хронику Ура Линда» профессору Вальтеру Вюсту, что «из тысячи камешков мозаики, которые представляют подлинную

¹⁶⁵ Heiber Helmut. Walter Frank und sein Reichsinstitut fuer die Geschichte des neuen Deutschlands. Stuttgart, 1966. S. 252, Anm. 3.

картину возникновения системы мира и ее истории, несколько камешков содержатся в этой книге»¹⁶⁶. Тюбингенский профессор Герд Симон называл даже «Хронику...» Библией Гимmlера¹⁶⁷. Даже если это и не так, все равно значимость этого документа достаточно велика для того, чтобы привести его в неизменном виде, сохранив даже те пассажи, где дух тоталитарной эпохи веет наиболее заметно. «Хроника Ура Линда» важна для германистики и истории религии, поскольку число источников по религии древних фризмов ничтожно мало. Публикуемую нами «Хронику...» можно рассматривать как фальсификацию, можно искать «подлинное зерно», можно боготворить или проклинать, но, как бы мы к ней ни относились, это не дает нам основания выбрасывать такой яркий памятник из культурной истории человечества уже на том основании, что к ней проявили интерес видные политики тоталитарного режима. Но даже если рассматривать «Хронику...» как документ политический, то становится очевидным, насколько сам ее внутренний дух не соответствует концлагерям и культу насилия, принципу фюрерства и т.д. Лично нас этот документ привлек исключительно как религиоведческий источник, восполняющий многие лакуны в истории религиозных представлений древних германцев.

Условные сокращения:

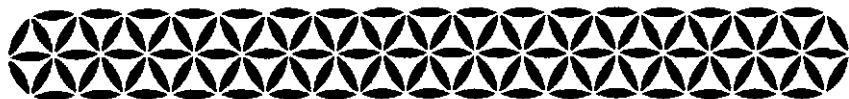
«Происхождение человечества» — *Герман Вирт*. Происхождение человечества. Йена, 1928.

«Священная Протописьменность» — Герман Вирт. Священная Протописьменность человечества. Лейпциг: Roehler & Umelang, 1932. Всего выпусков «Священной Протописьменности» было 12, причем последний из них был опубликован в 1936 г. Поскольку, согласно концепции Вирта, в основании Священной Протописьменности лежит календарь, количество выпусков несомненно имеет символическое значение.

---

¹⁶⁶ Kater Michael H. *Das Ahnenerbe der SS 1935—1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches*. Muenchen, 1997 (Stuttgart 1973, Muenchen, 2001). S. 26.

¹⁶⁷ Simon, Gerd. *Himmlers Bibel und die oeffentlichkeitswirksamste Podiumdiskussion in der Geschichte der Germanistik. 1. Teil* // <http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/himmlerbibel.pdf>.

Моим германским Матерям!

ТЕКСТ ХРОНИКИ²

Окке, сын мой!

Эти книги ты должен бережно сохранить. Они охватывают историю всего нашего народа и наших предков. В прошлом году я спас их вместе с тобой и твоей матерью из реки. Книги намокли, поэтому вскоре они начали портиться. Чтобы их не утратить, я переписал их на заграничной бумаге. Итак, когда ты будешь их наследовать, ты также должен будешь их переписать. Также и твои дети, чтобы книги уже никогда не пропали.

Написано в Льюверте, после того, как потонул Атланд, в три тысячи четыреста сорок девятом году, что по Христову исчислению является тысяча двести пятьдесят шестым годом. Книги названы Ура Линда (Над Липой³). Храни же их.

Дорогие наследники!

Ради наших дорогих предков и ради нашей свободы, тысячу раз умоляю Вас, не показывайте этих книг церковникам. Попы говорят елейные слова, но при этом незаметно они подрывают все, что касается фризов. Чтобы заполучить богатые приходы, они обращаются к чужеземным королям. А те знают, что мы — их величайшие неприятели, потому что осмеливаемся проповедовать их под-

---

Примечания см. на с. 415 сл.

данным Свободу, Право и Высший Долг. Поэтому они велят уничтожать все, что происходит от наших предков и что до сих пор сохранилось от наших древних обычаев. Ах, дорогие потомки, если Вральда попустит, и мы не будем сильны, то они уничтожат всех нас, вместе взятых.

Написано в Льюдверде, в восемьсот третьем году, по мнению христиан. Именование Лико дополнено: Овира Линда (Над Липами).

Все вступление к книге под названием «Fryas Teg» внутренне и внешне несет на себе следы более позднего дополнения небольшого по объему изначального ядра, содержавшего, вероятно, только простую и благородную космогонию арийской изначальной веры. С этой космогонией мы еще встретимся неоднократно. Она такова. От Бога, Мирового Духа, всему дающего начало, произошло Время, создавшее все вещи. Вхождение Ода ǰ или ǰ (Божьего Одема⁴) в Иртку (Землю) как собственно процесс миротворения.

Чудодейственное Откровение посланной с Неба «Древнейшей Истории», изображающая Матушек-Прародительниц человеческих рас, частично представляется не очень древней, и, кроме того, находится в некотором противоречии с дальнейшим содержанием рукописи, ясно обнаруживая свое более позднее происхождение. Рассказ о том, как Фрейя, Матушка-Прародительница нордической расы, давала первой народной и почетной матушке Фесте откровение о «Древнейшей Истории», был мной включен в перевод, поскольку, несмотря на очевидные черты позднейшей обработки, здесь, несомненно, содержатся отрывки намного более древнего повествования.

«Древнейшая история», несущая нам представление о трех Матерях-Прародительницах человечества, во многом по своему стилю обязана тому фризскому гуманисту-переписчику, который ее литературно обработал, переписал заново и сильно сократил.

ИЗ КНИГИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ АДЕЛЫ

Все дальнейшее было выбито на стенах Фрейсбурга в Тексланде. То же самое написано и в Штавии, и в Медеасблике.

Был тогда день Фрейи (пятница), и исполнялось в тот день ровно семь раз по семь лет с тех пор, как Феста была по требованию Фрейи назначена матерью своего народа. Теперь и Феста захотела затеплить новый свет, и когда она это сделала в присутствии своего народа, Фрейя с Полярной звезды обратилась к ней так, что каждый мог это слышать: «Феста, возьми и запиши те вещи, которые Я не могла сказать ранее». Феста сделала то, о чем Ей было сказано.

Так и пришли мы, дети Фрейи, к нашей древнейшей истории.

Вот наша древнейшая история

Вральда, Который один лишь является благим и вечным, произвел Начало, оттуда произошло Время, Время породило все вещи, также и Землю (Иртху). Иртха родила все травы, все овощи, все деревья, всех добрых и лютых зверей. Все доброе и красивое она произвела днем, а все злое и грубое — ночью. По прошествии двенадцати новолетий (праздников Юла) Вральда родил трех дев:

Лиду — из раскаленной пыли,

Финду — из горячей пыли и

Фрейю из теплой пыли.

:

Когда они были созданы, Вральда напитал их своим божественным дыханием, которое именуется Одем или просто — Од. Од вошел к ним (Od tråd toga binna), и каждая из них родила по двенадцать сыновей и по двенадцать дочерей, по два ребенка в каждый праздник Юла. Отсюда произошли все люди.

Лида была черна, курчава, как барашек, а глаза Ее сияли, подобно звездам, так что даже орлиный взор на их фоне казался мутным, немощным и бледным. Ее поступки направлялись Ее страстями, а о законах Она ничего не хотела знать.

Финда была желта, а ее волосы были подобны конской гриве. Она написала тысячу законов, но при этом Сама не придержива-

лась ни одного из них. Она ненавидела праведных за их прямоту и уступала лжецам. Слова Ее были слаще меда, но того, кто им верил, подстерегали большие несчастья. Она хотела всеми повелевать, и в этом сыновья Ее были ей подобны: в своем стремлении к превосходству сыновья Лиды убивали друг друга, а дочери Финды находились у них во услужении⁵.

Фрейя была бела, подобно утреннему снегу, а голубизна ее глаз превосходила голубизну радуги. Подобно лучам полуденного солнца сияли Ее волосы, которые были не менее тонки, нежели паутина. Ее едой был мед, а Ее питьем — роса, собранная с цветочных лепестков⁶.

Светлая Фрейя. Первое, чему обучались Ее дети, была внутренняя дисциплина. А второе — любовь к добродетели. Когда они достигали совершеннолетия, Она их учила узнавать ценность свободы. «Ибо без свободы, — говорила Она, — все прочие добродетели могут превратить вас в рабов и навеки попортить ваше высокое происхождение».

Кроткая Фрейя. Она никогда не позволяла заниматься поиском железной руды ради одной только собственной пользы, но лишь в том случае, когда пользу от этого получали все ее дети.

Счастливейшая Фрейя. Когда воспитала она своих детей до седьмого колена⁷, она призвала их всех во Флиланд. Там она дала им совет (Тег) и сказала: «Сделайте себе из этого совета надежный путеводитель, и тогда никакого зла с вами не приключится».

(Затем следует уже упомянутый совет Фрейи, а также небесное путешествие к ее звезде, которая одновременно является и утренней, и вечерней звездой. Когда море Вральды вызвало землетрясение, земли Флиланда потонули в произошедших оттого потопах. Гром говорил из облаков, а молния блистала, выписывая на небе «Бодрствуй». Дети Фрейи (Fryaskinder, т.е. фризы. — А.К.) возвели тогда высокий терпен⁸, на котором они построили крепость. На стенах этой крепости они начертали Совет Фрейи, и любой человек мог его там спокойно прочитать. Поэтому страна эта получила название «Терланд». «Поэтому она будет пребывать до тех пор, пока пребывает земля», как написано в завершении.

Потому последующее изложение, содержащее всю полноту священных законов народа, связывается с мифическим образом Матери-Прародительницы Фрейи и называется Ее «Советом» или «Учением». Все сие должно быть древнейшим наследием нашего народа.)

Совет Фрейи

Благо ожидает свободного⁹. Наконец-то вы Меня увидите. Но лишь свободными Я могу быть признана свободной, а не рабыней других и не рабыней собственных страстей. Вот Мой совет.

1

Когда нужда будет велика, а доброе слово с добрым делом ничего уже не смогут сотворить, призови тогда Дух Вральды. Но вы не должны призывать Его до тех пор, пока все средства не будут испробованы. Но истинно Я говорю вам, а время еще подтвердит мои слова: лишенные мужества всегда будут жертвами своего собственного страдания.

2

Благодарить Дух Вральды надо стоя на коленях, по три раза за каждое Его благодеяние, за все, что вы от Него получаете, а также за ту надежду, которую Он оставляет вам в страшные времена (в злую годину).

3

Вы видели, как быстро Я оказываю помощь. Вот так же поступайте и со своими ближними. Не надо только колебаться и ждать, когда вас о помощи попросят. (Если вы станете колебаться и раздумывать), страдающие проклянут вас, Мои девы-градоправительницы сотрут ваши имена из Книги, а Я отрекусь от вас, как от тех, кто Мне неизвестен.

4

Никогда не принимайте благодарность вашего ближнего, склоненного на колени: такое поклонение подобает лишь Духу Вральды. Иначе вас начнет раздражать зависть, мудрость от вас отступит, а Мои девы-градоправительницы обвинят вас в разграблении наследия отцов.

5

Четыре вещи даны вам ради вашего блага, имена же у них такие: Воздух, Вода, Земля и Огонь. Но Вральда хочет быть единым Хозяином Четырех Вещей¹⁰. Поэтому я советую вам делить работу и плоды ее поровну, так чтобы все люди были заняты и никто не был свободен ни от трудов, ни от обороны своего отечества.

6

Также, когда между вами найдется некто, продающий свою свободу, поймите: он не из вашего народа. Это хорнинг, сын потаскушки. Я советую вам прогнать из вашего народа его самого вместе с его матерью. Говорите об этом вашим детям утром, днем и вечером, чтобы ночью им это снилось.

7

Каждый, кто лишает другого человека свободы — даже если тот перед ним виноват — должен быть наказан за это. Я советую вам взять потом его тело и тело его матери и сжечь их в каком-нибудь диком месте, на пустыре. А затем зарыть его пепел на пятьдесят ступней под землю, чтобы ни одна травинка не могла из него произрасти, ибо такая трава погубит вам ваш лучший скот.

8

Никогда не нападайте на народ Лиды или народ Финды. Вральда будет помогать им, так что насилие, направленное вами против них, вернется на ваши собственные головы.

9

И если вдруг произойдет такое, что они захотят получить от вас совет или что другое, то вы должны будете помочь им. Но когда они пойдут грабить, тогда нападите на них, подобно сверкающему огню.

10

И когда кто-нибудь из них захочет взять одну из ваших дочерей себе в жены, и она сама этого захочет, вы должны будете объяснить ей ее глупость. Но если она все же захочет последовать за своим женихом, позвольте ей идти за ним с миром.

11

А если ваши сыновья возжелают одну из их дочерей, то вы должны поступить с ними так же, как и со своими дочерьми. Но ни те

ни другие не должны возвращаться назад, поскольку в браке они будут исполнять и почитать инородные нам традиции и обычаи, а если вы сами станете всему этому следовать, то Я перестану о вас заботиться.

12

На Мою деву-градоправительницу по имени Феста возложила Я все Мои надежды. Поэтому вы должны принять ее себе как почтенную Матушку. Если она будет следовать Моему совету, тогда она и далее будет оставаться Моей девой-градоправительницей, равно как и те девы, которые следуют ее советам. Тогда лампа, которую Я зажгла для вас, никогда не потухнет. Светом ее вечно будет озаряться ваше мышление, и вы вечно будете сохранять свою свободу от насилия и неволи, подобно тому, как вы оберегаете ваши источники пресной воды от соленой воды морей.

Это сказала Феста¹¹

По прошествии столетия (Ewe) дева-градоправительница распорядилась, чтобы все советы и законы Фрейи были выбиты на стенах замков. Когда же общими усилиями все это было сделано, законом и долгом нашим стало совместно этим советам следовать и почитать их.

Если придет нужда и необходимость получить совет, идущий наперекор нашим обычаям и законам, то нужно будет мужественно выполнить все, чего требует Совет Фрейи. Но если со временем он переменится и смягчится, то нужно всегда возвращаться к древнему. Такова воля Фрейи и такова должна быть воля детей Фрейи.

Феста сказала:

«Все наши дела, какими бы они ни были, закончатся неудачей, если мы начинаем их в день, когда следует почитать Фрейю¹²». После того как время подтвердило правоту этих слов, они стали для нас законом, так что при самой тяжелой нужде и необходимости в пятницу никто не делает ничего, кроме как празднует священный день Фрейи и радуется этому празднику.

Вот законы, которые относятся к замкам

1

Итак, когда строится замок, в первую очередь должна быть зажжена лампа от той лампы, которая горит в Тексланде¹³. Но за-теплить ее может только матушка-градоправительница, и никто другой, кроме нее.

2

Каждая Матушка должна выбрать свою собственную деву-градоправительницу. Так же и те, которые являются Матушками в других крепостях.

3

Матушка в Тексланде должна выбрать свою преемницу. Но если матушка скончается прежде, чем выберет себе преемницу, та должна быть выбрана на общем совете Восьмерки¹⁴, где будут представители ото всех штатов (государств).

4

Матушка в Тексланде должна иметь двадцать одну деву-градоправительницу и семь девочек с веретенами, поскольку именно семь человек должны неустанно день и ночь бодрствовать у лампы, и столько же дев должно прислуживать в замке у Матушки.

5

Так, если одна из дев захочет выйти замуж, об ее намерениях ей следует уведомить матушку, а затем и всех остальных людей — прежде, чем своим сквозняковым дыханием (mit seinem zugigen Atem) осквернит она свет (лампы).

6

В качестве помощников при Матушке и при каждой деве-градоправительнице должны находиться двадцать один крепостной, семь мудрых старцев, семь старых ополченцев и семь старых моряков.

7

Трое из каждой семерки должны каждый год возвращаться к себе домой, но никто не должен следовать за ними, если до четвертого колена они являются родственниками.

8

Каждая дева-градоправительница должна иметь сотню молодых защитников крепости.

9

От многих служений должны они научиться Совету Фрейи и прочим законам, от мудрых мужей — мудрости, от старых моряков — искусству войны, а от пожилых королей морей — сноровке, ловкости и навыкам, которые необходимы во время дальних странствий.

10

Сто человек из вашего войска должно ежегодно возвращаться домой. Если же кого-нибудь из войска парализует, то таковым следует разрешить оставаться в замке на покое всю их последующую жизнь.

11

При избрании людей для ополчения никто из числа жителей замка не должен иметь права голоса: выбирать достойных должны не они и не предводители ополчения, но только защитники замка.

12

У Матушки из Тексланда должны находиться в распоряжении трижды семь проворных вестников и трижды двенадцать быстрых коней, а градоправительницам других замков должны принадлежать три посла и семь коней.

13

Также и каждая дева замка должна иметь в своем распоряжении пятьдесят хлебопашцев, выбранных самим народом. Но для этого ремесла должны подыскиваться только те, кто недостаточно силен и умел для обороны замка и для дальних поездок.

14

Каждый замок должен кормить себя и обеспечивать тем, что сам он выращивает, и жить только на те деньги, которые приносит ему рыночная торговля¹⁵.

15

Если же кого-то выберут для службы в замке, а сам он будет против этого, то он не будет затем членом городской общины, и поэтому права голоса его лишат. Если же он уже является членом общины, то следует лишить его такой чести.

16

И если кто-нибудь захочет получить совет от Матушки или от деви-градоправительницы, то он должен обратиться к писцу.

Тот приведет его к бургомистру, затем — к целителю: тот должен подтвердить, что этот человек не может явиться источником злобных эпидемий. Если его признают здоровым, то он должен сложить свое оружие и тогда семь человек проведут его к Матушке.

17

Если речь идет о деле государственной важности, то к Матушке должны явиться не менее трех послов, если же дело касается всего Фрейсланда, то явиться должны трижды семь свидетелей, чтобы не возникало ни у кого дурных подозрений и чтобы не имела место какая-либо хитрость.

18

Во всех делах Матушка должна господствовать и надзирать за тем, чтобы ее дети, то есть народ Фрейи, оставался настолько сдержанным и умеренным, насколько это возможно. В том и состоит величайшая из его обязанностей, чтобы во всем ей помогать.

19

Если же она призывается для разрешения тяжбы между неким человеком и общиной и находит дело путанным и неоднозначным, то решить его следует в пользу общины, поскольку лучше будет, если несправедливо поступят с одним человеком, чем со многими.

20

Если придет некто за советом и Матушка его сможет сразу сказать, то пусть говорит. Если же она не будет знать совета, то следует ей подождать в течение семи дней.

21

Если Матушка даст дурной совет по злобе своей воли, то ее нужно убить или выгнать из страны совершенно голой и с пустыми руками.

22

Если же вместе с ней повинны также ее крепостные, то их следует убить вместе с ней.

23

Но в том случае, если вина ее не доказана или является простым предположением, то об этом нужно совещаться и говорить, если понадобится, в течение двадцати одной недели. Если правдой окажется только половина, то ее следует признать невиновной, если треть, то ждать окончательного приговора нужно еще целый

год. И если таким образом все подтвердится, то ее нужно признать виновной, но не убивать.

24

И если найдется менее трети народа, который ошибочно предположит, что она невинна, а потому захочет отправиться вместе с ней, то все это им нужно позволить, вместе с их переносным и перевозным имуществом, и никто не должен переставать их за это уважать, потому что большинство так же может заблуждаться, как и меньшинство.

Общие законы

1

Все свободнорожденные рождены одинаково. Поэтому все они должны иметь равные права на земле, как на воде, и во всем, источником чего является Вральда.

2

Каждый мужчина должен жениться на своей избраннице, и каждая дочь не должна отказывать всякому, кто ее полюбит. То есть выходить за него замуж.

3

Если кто-нибудь возьмет себе жену, то вместе с ней ему следует предоставить ее дом и хозяйство. Если же дома не окажется, то его необходимо выстроить.

4

Если жених уйдет свататься в другую деревню и захочет там остаться, то там ему нужно дать занятие и свое место в доме с правом пользования им.

5

Каждому мужчине нужно предоставлять заднюю часть дома, но никогда не переднюю и не центральную. Исключением являются те, кто сотворил нечто ради общей пользы. Также и младший сын его, который затем родится, имеет право такое положение в доме унаследовать. И деревня должна также принять и его.

6

Каждая деревня должна иметь общий совет (т.н. «хемрик» — Hemrik), причем участие в нем должен принимать каждый — со-

образно своей профессии. Главная задача состоит в том, чтобы нашим потомкам не жилось хуже, чем нам.

7

Каждая деревня должна иметь ярмарку — для покупок, продаж или обмена. Остальную землю должны занимать постройки и лес. Но деревья в нем не должен валить никто, кроме как с общего совета и с ведома лесника. Ибо деревья являются общим достоянием и растут ради блага всех. Поэтому никто не имеет права быть их хозяином.

8

Деревня не должна взимать за пользование рынком более одной двенадцатой части того, что продано — ни с туземных, ни с иноземных¹⁶ продавцов. Главный ярмарочный товар должен быть распродан не ранее, чем другие товары.

9

Все деньги, вырученные деревней с торгов, должны ежегодно делиться за три дня до праздника Юла, и делить их нужно на сто частей.

10

Из них граф должен получать двадцать частей, рыночный судья — десять, а его помощники — пять. Матушка народа — одну часть, Матушка округа (Gaumutter) — четыре, деревня — десять, бедняки, то есть те, кто не умеет или не может работать, — пятьдесят частей.

11

Те, кто приходит на ярмарку, не должны давать денег в рост. Если же на рынок случится проникнуть ростовщикам, то обязанностью дев-градоправительниц является всю страну оповестить об их прибытии, так чтобы они уже никогда не получили никакой работы, ибо у таких людей жадное сердце. Чтобы собрать себе богатства, они предадут все: Народ, Матушку, свой Род, и, наконец, самих себя¹⁷.

12

И если кто-нибудь станет настолько зол, что начнет продавать больной скот вместо здорового, а испорченные товары — вместо хороших, то рыночные судьи должны ему воспрепятствовать, а девы-градоправительницы должны прославить его на всю страну.

*

В прежние времена народ Финды проживал весь на одной земле, там, где родилась его Мать — в Альдланде, который нынче покоится на дне морском. Они жили вдалеке от нас. Поэтому и не было между нами войн. Когда же их прогнали с их территории, они пришли сюда, чтобы грабить. Тогда и у нас появились своя армия, свои ополченцы, свои короли и войны, и отсюда произошли новые законы.

*

Здесь следуют те законы, которые отсюда произошли:

1

Каждый свободный (каждый фриз) должен сражаться с обидчиками или врагами, сражаться тем оружием, которым он в состоянии вести борьбу.

2

Если мальчику уже исполнилось двенадцать лет, то он должен уделять каждый седьмой день своего учебного времени тому, чтобы овладеть оружием.

3

Когда же он им полностью овладеет, ему надлежит дать личное оружие. Он становится воином.

4

Когда же он пробудет два года воином, он становится крепостным и должен помогать при выборе своего главы (начальника).

5

По истечении семи лет исполнения им обязанностей того, кто выбирает, он должен помочь в выборе короля, а для этого он сам должен быть выбран.

6

На протяжении всех дальнейших лет его должны выбирать каждый раз заново.

7

Кроме короля должны переизбираться также все служилые люди, творящие право, соблюдаясь с Советом Фрейи.

8

Ни один король не должен оставаться королем более, чем три года подряд, без права немедленного переизбрания.

9

Но когда он пробудет на покое семь лет, он снова может быть избран.

10

Если король был убит врагом, то право престолонаследия передается его потомкам.

11

Если же король во время своего правления умрет или отречется от власти, то те его потомки, которые ближе к нему, чем в четвертом колене, права на престол не получают.

12

Те, кто сражается с оружием в руках, (по определению) не могут быть сметливы и мудры. Потому не пристало королю махать шашкой и вести за собой целое войско. Мудрость короля должна быть его оружием, а любовь к нему должна быть его щитом.

*

Здесь следуют права матерей и королей:

1

И когда приходит время воевать, Матушка посылает своих послов королю, а король шлет своих послов ландверу и полководцам.

2

Полководцы созывают всех жителей крепости и проводят совет о том, сколько людей нужно выделить ради военного случая.

3

Все постановления нужно немедленно через послов и свидетелей передать Матушке.

4

Матушка собирает вместе все постановления совета и выводит из них среднее число, отныне вступающее в силу. Но прежде чем воевать, нужно попытаться властью короля заключить мир.

5

Если войско находится в самой гуще борьбы, то король может провести совет только со своими военачальниками, но в таком случае три бургомистра от Матушки должны председательствовать, не имея права голоса. Каждый день бургомистры

должны посылать к Матушке гонцов, чтобы те оповещали о том, не произошло ли нечто, противоречащее законам или Совету Фрейи.

6

Если же король чего-то захочет, а его советники будут против, то он не должен настаивать на своем.

7

Но если придет непобедимый враг, то нужно делать все, чего требует король.

8

Если король править не в состоянии, то нужно повиноваться его преемнику или тому, кто следует за ним, и так вплоть до последнего в этом ряду.

9

Если начальника нет, его нужно выбрать.

10

Если для этого нет времени, то следует тому, кто чувствует в себе силу, провозгласить себя начальником.

11

Если король не смог отразить угрожающего народу войска, то его последователи могут изменить себе имя, поставив его имя после своего. Если король захочет, он может выбрать место на не вспаханной земле для своего дома и хозяйства. Двор должен быть круглым и таким большим, что со всех сторон до дома короля должно быть не менее семи сотен шагов.

12

Младший сын короля должен наследовать его имущество, а если затем родится другой сын, то младшим и наследником станет он.

*

Вот права всех фризов, дающие уверенность и безопасность:

1

Когда законы будут составлены или введены будут новые законы, сделать это нужно ради общей пользы, а не в пользу отдельных кланов или отдельных земель или чего бы то ни было еще, что является отдельным.

2

И когда приходит война и разрушена армия или корабли, то нужно собрать совет общины, собрать вместе весь народ, чтобы никто не забыл помочь общему делу, чтобы никто не пытался сохранить свое частное имение.

3

Когда война уже миновала и многие настолько покалечены, что долго не могут работать, община должна их поддерживать, а на празднествах они должны председательствовать, и юношество должно почитать их.

4

Если же останутся вдовы и сироты, то их также необходимо содержать (поддерживать), а сыновья должны начертать имена своих отцов на щитах, чтобы сохранять честь своего рода.

5

Если же некоторые из нашего войска были пленены врагом, а затем отпущены им на свободу, то их нужно отвести далеко от места сражения и проклясть их, а затем отпустить.

6

Если же мы сами возьмем пленников, то их надлежит увести в глубь страны, а там выучить нашим свободным обычаям.

7

Но если затем мы позволим им вернуться домой, то непременно по-доброму и с согласия девы-градоправительницы, получив себе из них не врагов и ненавистников, а товарищей и друзей.

Из писаний Минны¹⁸

И если некий муж настолько злой, что грабит наших соседей, совершает убийства, сжигает дома, насилует девушек и делает всякую прочую скверну, и наши соплеменники (Blutsgenossen) захотят воздать ему за это, справедливым будет схватить его и прямо на месте убить, дабы не вышло по вине его злодеяний войны и невинные не погибали из-за виновного. И если (родственники погибших от его руки) захотят купить его тело и отомстить ему, то надлежит им это позволить. Однако если убийцей окажется король, граф или кто-либо еще, кому надлежит надзирать за порядком и соблюдением обычаев, то надлежит зло исправить, а его са-

мого наказать. Если он несет на своем щите почетное имя предков и титул, то нужно лишить весь его род этого титула, потому что один род должен заботиться о нравах другого.

Законы для рулевых*

1

Все сыны Фрейи должны иметь равные права, поэтому каждый ловкий и проворный малый может вызваться в дальнее путешествие, прийти работать к старому моряку, и тот не должен его выпроваживать, даже если на корабле для него не осталось места.

2

Рулевые должны сами назначать своих непосредственных начальников.

3

Купцы должны назначаться и выбираться общиной, которой принадлежат товары, а рулевые не должны иметь при этом права голоса.

4

Если во время плавания рулевой посчитает, что его король зол или не пригоден для того, чтобы и далее оставаться королем, то нужно такого моряка заменить другим. Когда же корабль приплывет обратно, король должен выразить свое сожаление, что такого человека взяли на борт.

5

Когда флот вернется домой с трофеями и прибылью, рулевой должен взять одну треть и разделить ее следующим образом: капитану полагается двенадцать частей, тому, кто был на вахте — семь частей, каждому из гребцов — по две части, корабельщикам — каждому по три части, остальному народу с корабля — одну часть, самым молодым юнгам — каждому одну треть (части), средним по возрасту — каждому по две третьих части, а тем кто постарше — по две третьих части.

6

Если же кого-нибудь из них парализует, то совет общины должен за ними присматривать и заботиться. А во время домашних и общественных праздников они должны председательствовать.

---

* Рулевые — это почетное наименование моряков.

7

А если вдруг все вместе погибнут, то ближние этих людей должны получить их долю.

8

И если среди этих ближних останутся вдовы и сироты, то община должна их поддерживать. А в том случае, если они погибли в бою, сыновья должны носить имена своих отцов на щитах.

9

Если рулевым был юноша, то его наследники все равно должны получить долю взрослого моряка.

10

Если он был помолвлен, то его невеста должна потребовать не одну, а семь мужских долей, чтобы посвятить покойному надгробный камень, но затем за такую честь она должна на протяжении всей своей жизни оставаться вдовой.

11

Итак, когда община вооружает и снаряжает флот, судовладельцы должны смотреть и за безопасностью, и за женами и детьми моряков.

12

Если рулевой стал уже хилым и дряхлым, а все еще не имеет своего дома и двора, то нужно ему все это дать. А если он не захочет иметь свой дом и двор, то друзья должны взять его к себе в дом, и община должна проследить за тем, чтобы друзья ему не отказали в своей поддержке.

**Ниже следуют три принципа,
по которым составлены эти законы**

1

Каждый знает, что он должен иметь свою профессию. Но если кто-либо станет свою профессию утаивать, то никто не будет знать, как следует хоронить этого человека.

2

Каждый здоровый человек должен произвести детей. Если это будет ему запрещено, то никто не знает, что из этого может произойти.

3

Каждый знает, что он хочет жить свободно и что того же желают и другие.

Для уверенности в том, что ничто этому не помешает, были составлены эти правила и уложения. У народа Финды также есть свои правила и уложения, но они составлены не по праву, а только для выгоды жрецов и князей. По этим законам и существуют земли народа Финды, полные раздора и смерти.

*

1

Когда же некто пребывает в нужде и не может сам себе помочь, девы-градоправительницы должны довести это до сведения графа, потому что не пристало гордому фризу (свободному) самому хлопотать о себе.

2

И когда некто станет беден, а работать не захочет, надлежит выдворить такового из страны. Потому что лентяи и тунеядцы обременительны и мыслят дурное. Их нужно опасаться.

3

Каждый молодой человек должен искать себе невесту, а если ему уже двадцать пять, то он должен быть женат.

4

Но если кому-то уже исполнилось двадцать пять, а супруги он себе так и не нашел, то его надлежит выгнать из его дома. Дети должны его сторониться. А ежели он так и не сыщет себе супругу, то надлежит объявить его умершим, чтобы, если он выберется из страны, не произошло скандала.

5

Если же кто является не способным к браку, то он должен открыто об этом сказать, чтобы никто его не опасался и не остерегался. Затем он может удалиться, куда пожелает.

6

Если же после этого он совершит некое распутство, то должен будет убежать; а если не убежит, то будет предан мести им обманутых, и никто не вправе будет ему помочь.

7

И если у кого-то будет некое имущество, и другому оно понравится настолько, что он поднимет на него руку, то он должен будет выплатить хозяину три цены этой вещи, а ежели он еще раз украдет, надлежит отправить его в Циннланды¹⁹. Но если тот, кого обокрали, захочет оставить вора безнаказанным и свободным, то это он сделать может. Но если тот снова станет воровать и будет в этом уличен, то никто не сможет дать ему свободу.

*

Эти предписания составлены для людей завистливых

1

Если кто-нибудь из зависти (гнева) или от вспыльчивости духа избьет другого, вышибет ему глаз или зуб, или что-нибудь еще, то членовредитель должен уплатить столько, сколько потерпевший от него потребует. Если же он этого сделать не сможет, то прилюдно полагается сделать ему в точности то же самое, что он сделал другому. Если же он не захочет всего этого терпеть, то он должен обратиться к своей дева-градоправительнице и просить у нее предоставить ему право работать в Айзенланде или в Циннланде, пока не искупит своей вины в согласии с правовыми уложениями.

2

Если же некто дойдет до такого нечестия, что убьет свободного (фриза), то он должен будет искупить это злодеяние ценой своей жизни. Но если дева-градоправительница захочет помочь ему, то с ее согласия можно отправить такового в Циннланды.

3

А если убийце с помощью вразумительных свидетельств удастся доказать, что несчастье произошло по вине несчастного случая, то его надлежит освободить. Но если все это повторится, то следует отправить в Циннланды, ибо так он избегнет междоусобицы или бесчестной мести.

*

Это правовые уложения для хорнингов²⁰:

1

Тот, кто из зависти в дом своего соседа подбрасывает красного петуха²¹, не может быть назван фризом. Это хорнинг, бастард, ублюдок, кровь которого нечиста²². Если удастся поймать его на месте преступления, то надо бросить его в огонь. Он может спастись бегством, если, конечно, это имеет смысл. Ведь повсюду его будет его преследовать длинная рука возмездия.

2

Ни один подлинный фриз не имеет права болтать и судачить об ошибках своего ближнего. Если кто-то совершил проступок по отношению к себе, но не направленный против другого, то он сам может осудить себя. Если же он дойдет до такого нечестия, что будет представлять опасность, то нужно пожаловаться на него графу. Но если некто вместо того, чтобы пожаловаться графу, станет решать судьбу этого человека за его спиной, то это и есть хорнинг. Его нужно привязать к столбу на ярмарке, чтобы ребятишки могли на него плевать. А затем его надо отвезти за границу, но не в Цинненланды, его, как разбойника почетного, там будут бояться (и уважать).

3

И если некто окажется настолько скверен, что предаст нас, указав нашим врагам потаенные пути и тропы, которые в нашу крепость ведут и идя по которым можно проникнуть туда ночью (и захватить крепость), то такой человек несет в себе кровь Финды, являясь ее порождением. Его нужно сжечь. Моряки должны отвести его мать и весь его род на отдаленный остров и там развеять его прах по ветру, дабы не выросло из него ядовитых порождений. Девы-градоправительницы должны проклинать его имя во всех наших землях, дабы ни один ребенок не получил (по ошибке) его имени, а старики его отвергли.

* * *

Война уже закончилась, но на ее место пришла нужда. Теперь объявились три человека, у каждого из которых воры украли по целому мешку с зерном. Все трое были пойманы. Первого вора хозяин привел за руку, и девы-градоправительницы сказали, что хозяин поступил с воров по правде. У второго вора хозяин зерно забрал назад, а самого его отпустил с миром. И девы-градоправительницы сказали ему, что он поступил по правде. Но третий владелец зерна пришел к вору в дом. И когда он увидел, в какой нужде пребывает его очаг, он воротился назад, а потом вернулся и принес в тот дом еще большую нужду и разруху, чтобы истребить и затушить тот очаг совсем. Девы-градоправительницы, когда узнали об этом, занесли злодеяния хозяина в Вечную Книгу, а вора выручили из его нужды и безысходности. Когда об этом происшествии донесли почетной матушке, она сказала, что о том надлежит оповестить всю страну.

Полезные сведения из Писаний, завещанных Минной

Минно был старым морским королем, предсказателем и большим любителем мудрости. Критянам он дал законы. Родился он в местах Линды, и после многих происшествий своей интересной жизни Минно снова возвратился на свою Родину, где ему и посчастливилось спокойно дожить до скончания своих дней.

* * *

Итак, если у наших соседей случится быть такой части земных или водных угодий, которая придется по душе нашему народу, то нужно предложить соседям продать ее, а если они не захотят ее продавать, то нужно отказаться от мысли получить ее и оставить тому народу право оставить ее за собой. Хотя это и не относится к Совету Фрейи, но было бы несправедливым присваивать ее себе.

*

И если соседи соберутся на свой совет и станут спорить между собой о том, что не связано с землей, и попросят у нас вынести

некоторое суждение со стороны о том, кто из них прав, то лучше нам будет не откликаться на их просьбу. И только если никак этого избежать не удастся, следует вынести суждение — честное и справедливое.

*

Но если придет к нам кто-нибудь и скажет: «У меня идет война, и вы должны помочь мне», или придет еще кто-нибудь и скажет: «Я уже стар, а мой сын пока что не в том возрасте, когда ему можно доверять управление страной. Поэтому я хочу, чтобы ты был его опекуном и временно возглавлял мою страну до тех пор, пока сын мой не подрастет и не окрепнет». На такие просьбы нужно отказываться, чтобы не вышло распри в народе нашем о тех вещах, которые противны нашим свободным обычаям.

*

И когда не ярмарку, которая проходит в Варинге или в Альманланде, прибудет зарубежный купец и там обманет (своих покупателей), то его надлежит тотчас же обложить высоким штрафом, а затем с помощью дев-градоправительниц оповестить о нем всю страну. Если же он вернется когда-нибудь на нашу ярмарку, то никто не должен у него покупать: этот торгаш должен убраться туда, откуда пришел.

Равным образом и во время отбора купцов, кого из них посылать на рынок пешком, а кого — на корабле, выделяться должны те, кто повсюду известен и при этом находится на хорошем счету у дев-градоправительниц. И если случится так, что в торговой экспедиции окажется человек, всех стремящийся обмануть, то его нужно всем остальным остерегаться. Если же он уже кого-то обхитрил и где-то сплутовал, то изгнать его нужно из всех стран, где наше имя произносится с почтением и уважением.

Но если такое произошло не у нас, а когда мы находимся на ярмарке за пределами нашей страны, будь то далеко или близко, например, если чужой народ обокрал нас или причинил нам другие неудобства, то на это нужно быстро и правильно отреагировать. Хотя мы и миролюбивы, наши зарубежные «братья» (полубратья) не должны воображать себе, будто мы чего-то боимся, и поэтому недооценивать наш народ.

* * *

Во времена моей юности я был сильно недоволен обилием законов, но потом я часто благодарил Фрейю за Ее Совет, а наших предков — за те законы, которые по Совету Фрейи были составлены. Вральда или Дух-Жизнеподатель отвел мне много лет жизни. Я объехал многие страны и моря, и после всего, что мне довелось видеть, я убежден, что только мы (дети Фрейи) выбраны Духом-Жизнеподателем для того, чтобы иметь законы. Народ Лиды не хочет ни производить, ни соблюдать законы: для этого они слишком глупы и слишком неорганизованны. Многие племена (народа) Финды достаточно умны, однако они жадные, надменные, растреленные, лживые и кровожадные. Народ поггов (Poggen) много чванится, но в действительности, кроме как пресмыкаться, ничего больше не умеет. Лягушки кричат: *werk, werk*²³, но только и делают, что прыгают и валяют дурака. Вороны кричат: *srag, srag*²⁴, но они воруют и сразу глотают все, что попадает им в рот, то есть в клюв. И всем этим животным подобен народ Финды: они только громко хвастаются своими хорошими законами. Каждый (из них) желает создавать законы, затем, чтобы этими законами препятствовать злу, но никто не хочет сам быть связанным этими законами. Королем у них является тот, дух которого самый хитрый, а потому и самый сильный, т.е. тот, петух у которого кричит громче всех. Все остальные должны подчиняться его власти, пока не придет другой и не скинет короля с его трона.

Слово «Ewa»²⁵ является священным потому, что обозначает нечто, общее для всех. Поэтому мы и научены говорить *ewin*. «Ewa» означает «Setma» (Законы), которые у всех людей равным образом укоренены в сознании, так что они при желании всегда могут понять, что является справедливым, а что не является. Также благодаря этому они могут поправлять свои поступки и поступки других, то есть представляют себе, в какой степени они творят благо, а в какой — неправду.

Но с этим связан также и другой смысл. Ewa означает также «подобный воде (Ee)», правильный или нечистый, как вода, которую не разрушить никакому ветру. Если вода будет разрушена, то наступит *uлеwa* (неровность), неправда, несправедливость, но этого никогда не произойдет потому, что вода является вечной

(ewig) или ровной (eben, плоской)²⁶. Это заложено в ней самой, так же как во фризах заложена склонность творить правду и жить в свободе. Эту склонность мы получили от Духа Вральды, нашего Отца, Который громко вещает и являет себя в детях Фрейи. Поэтому она вечно присутствует в нас.

Ewa (ewig — вечный) — это один из образов и символов Духа Вральды, который вечно остается правым и несокрушимым, хотя в его теле происходит не по-доброму²⁷. Вечными и несокрушимыми являются обнаружения Мудрости и Справедливости, которые ищут все набожные люди и которыми должны быть наделены все (подлинные) судьи. Если люди захотят составить своды законов и уложений, хорошие и применимые в любой ситуации, то эти законы должны быть одинаковыми для всех людей. В соответствии с этими законами судьи должны выносить свои приговоры.

Если же будет сотворено нечто злое, о чем не написано ни в одном законе, то нужно собрать совет из восьми человек²⁸. Там нужно рассудить о том чувстве, которое пробуждает в нас Дух Вральды, чтобы обо всем судить справедливо. Если мы сделаем так, то никогда наше суждение не будет ошибочным. Но если мы сделаем неправильно, то между людьми и государствами возникнет раздор. Отсюда проистекает внутренняя (гражданская) война, которая все портит и разрушает до основания.

И вот — о, как велика человеческая глупость, — пока мы так враждуем и вредим друг другу, приходит завистливый народ Финды со своими ложными жрецами, чтобы грабить ваше имущество, чтобы насилловать ваших дочерей, чтобы портить ваши обычаи, и наконец обвить вокруг некогда свободного горла позорную рабскую повязку.

ИЗ ПИСАНИЙ АДЕЛЬБРОСТА И АПОЛЛОНИИ²⁹

Древнейшее учение, которое разорвано крепостными стенами замков, не прописано в книге последователей Аделы. Я не могу написать, почему так получилось. Но эта книга — моя собственная: поэтому здесь я хочу рассказать следующее.

Древнейшее учение

Приветствую всех любящих Благо сыновей Фрейи!

Ибо этим Благом будем счастливы на земле: учи ему народы и проповедай его. — Вральда является древнейшим всех, превыше всякой древности, ибо Оно сотворило все вещи. Вральда есть все во всем, ибо Оно³⁰ вечно и бесконечно. Вральда присутствует везде, но нигде Его не увидеть: посему эта Сущность зовется Духом. Все, что мы можем в Нем увидеть, суть творения, благодаря Ему приходящие и уходящие: ибо из Вральды все вещи приходят, а затем они снова возвращаются. Из Вральды происходит Начало и Конец, ибо все вещи совершаются в Нем. Вральда является единым всемогущим Существом, а любая другая власть происходит от Него и возвращается в Него же. Из Вральды исходят все силы, и все силы возвращаются к Нему. Поэтому Оно единственное есть творящая Сущность, и ничто без Него сотворено не было.

Во все сотворенное Вральда вложило вечные Законы³¹. Других благих законов не существует, ибо все остальное возникло позднее. Но хотя все и находится во Вральде, злоба людская в Нем не содержится. Злоба происходит от косности, невнимательности и глупости.

Вральда есть Мудрость, и сотворенные Им Законы суть книги, от которых мы можем научиться. Кроме этих книг, нигде нам Мудрости больше не найти и не собрать. Люди могут видеть многие вещи, но Вральде видны все вещи. Люди могут открывать многие вещи, но для Вральды открыто все. Люди — либо мужские, либо женские существа, но все их создал Вральда. Люди любят и ненавидят, но лишь Вральда обладает справедливым беспристрастием. Поэтому Благом является только Вральда, и нет блага кроме Него.

Вместе с Великим Юлом все сотворенное превращается и изменяется. Но лишь Добро является непреходящим. А поскольку Вральда несет в Себе Высшую Благость, Оно не подвержено изменениям. Поскольку же Оно пребывает в неизменности, Оно представляет собой единственное Бытие, для которого все остальное — видимость (иллюзия).

Вторая часть Древнейшего Учения

Среди народа Финды есть безумцы, которые со своей чрезвычайной находчивостью стали настолько дурны, что убеждают самих себя, а также и посвященных, в том, что они являются лучшей частью Духа Вральды и что Сам Вральда предпочитает думать с помощью их мозгов.

То, что каждое творение является частью бесконечной сущности Вральды — это учение они почерпнули у нас.

Но их ложные речи и их необузданная заносчивость привели их на ложный путь. Если бы их дух действительно являлся Духом Вральды, то тогда Вральда был бы совершенно глуп, вместо того чтобы быть светлым и мудрым. Потому что их дух постоянно трудится над тем, чтобы создать красивые картины, которым они затем и поклоняются. Но народ Финды — это грубый (дурной) народ, поскольку, хотя они и убеждают сами себя, что они — боги, для непосвященных они создали ложных божеств, чтобы всеми возможными способами проповедовать, что эти боги создали мир, со всем, что в нем. Но эти алчные боги полны гнева и зависти. Они хотят, чтобы люди почитали их и служили им, крови и жертвы хотят они. Уважения требуют они. Однако эти безумцы, эти ложные и напыщенные мудрецы, желающие, чтобы их называли священниками или слугами Божьими, собирают для отсутствующих здесь Богов то, чем они позволяют самим себе распоряжаться. И все это они делают с чистой совестью, поскольку они воображают себя богами, которые никому не подотчетны.

Если же кто заподозрит их или оповестит других о происках этих «новых богов», то мучители правдолюбцев тотчас хватают, скверно бранят и затем сжигают по всем торжественным обычаям, во славу своим ложным божествам.

Однако в действительности все это делается затем, чтобы никто не смог всем этим проискам воспрепятствовать.³²

* * *

Для того чтобы наши дети могли быть вооружены против их идолопоклоннического учения, их девушки должны заставить их наизусть выучить то, что здесь содержится:

Вральда существовал ранее всех вещей и будет существовать после всех вещей. Итак, Вральда вечен, и Он бесконечен, поэтому нет ничего, чего не было бы в Нем. Из Жизни Вральды и благодаря Жизни Вральды возникли время и все вещи. Его Жизнь охватывает и время, и все вещи вообще.

Все эти положения нужно в любой форме излагать очевидно и ясно, так чтобы и другим их можно было растолковать и доказать. Когда все это достигнуто, то следует говорить далее:

Итак, что касается нашего происхождения, то мы являемся частью бесконечной Сущности Вральды, равно как и все сотворенное; но что касается нашего облика, наших страстей, нашего духа и всех наших сомнений и размышлений, то они не принадлежат Сущности Вральды. Все это суть явления преходящие, возникающие благодаря Жизни Вральды, имеющие благодаря Его Мудрости тот, а не какой-то другой облик. Но поскольку Его Жизнь постоянно движется и развивается, ничто не может оставаться на своем месте. В силу всего этого сотворенные вещи изменяют свое положение, свой облик, а также свой образ мышления. Поэтому Иртва (земля), да и никакое другое существо, не может сама сказать: «Я есмь», но лишь «Я была». Так же ни один человек не может сказать: «Я думаю», но лишь «Я думал».

Юноша всегда больше, чем ребенок. Он иной, чем ребенок. У него другие требования, другие влечения, другой способ мыслить. Муж и отец также является иным, нежели он же в юношеском возрасте. То же самое касается и стариков. Это известно всем.

В той мере, в какой каждый знает и признает, что сам он изменяется, в той же мере он должен признавать, что в любой из моментов его жизни, когда он говорит «Я есмь», меняется он сам, и когда он говорит «Я думаю», меняются его представления.

Вместо того чтобы подражать дурному народу Финды в его праздной и недостойной болтовне, повторяя за ним безумное «я есмь» или даже «я есмь лучшая часть Вральды, посредством которой Оно размышляет», мы всеми средствами и повсюду, где это нужно, проповедуем следующее:

Мы, дети Фрейи, появились благодаря Жизни Вральды, появились в этом мире, как маленькие голыши, но сила наша постоянно возрастает, поскольку мы укрепляемся в совершенстве. Мы ста-

новимся такими же благими, как Сам Вральда. Наш дух не есть Дух Вральды, но он есть сияние Духа Вральды.

Поскольку Вральда сотворил нас, Он наградил нас сознанием, чувствами, памятью и многими другими добрыми качествами, с помощью которых мы теперь можем созерцать Его творения и Его законы. Отсюда мы можем научиться и об этом мы можем говорить — и все это лишь ради нашего собственного блага. Если бы Вральда обделил нас органами чувств, то нам неоткуда было бы получать знание, и мы были бы беспомощнее морской воды, которую приносит прилив и уносит отлив.

* * *

Все сие сказано письменно, чтобы служить ответом на вопрошания дев и наставительной речью, обращенной к ним. Здесь содержится пример поведения.

Необходимый и скупой мужчина приехал пожаловаться на свои невзгоды к Трост³³, девушке, живущей в Штавии. Непогода, говорил он, уничтожила его дом. Он стал молиться Вральде, но Вральда помощи ему не оказал.

«Являешься ли ты настоящим фризом?» — спросила его Трост. «И отцы, и деды мои — все были фризами», — ответил этот мужчина. «Коли так, — сказала она — я хочу видеть, как в твоём сердце будет посеяно великое Доверие, как оно возрастет и как принесет оно плоды многие». Затем она снова заговорила и сказала: «Когда Фрея родилась, наша Мать стояла здесь, непокрытая и беззащитная перед лучами палящего солнца. Тогда Вральда добился от Фрейи духовной симпатии и любви, страха и ужаса. Она увидела вокруг Себя, что заложенная в Ней симпатия руководит Ее поступками, выбирая самое лучшее. Она стала искать Себе защиты под развесистой липой, но пошел дождь, и Она стала мокрой. Однако Она увидела, как с покатых листьев дерева стекает вода, и сделала Себе кровлю из этих покатых листьев, подперев ее частоколом из прутьев. Но случился ураган и надул туда много воды. Теперь Она увидела, что защиту дает древесный ствол, и сделала Себе стену из комьев глины и дерна — облицевав сначала одну сторону Своей стены, а затем другую. Но ураган вернулся, он был еще более яростным и неистовым, чем прежде, он дунул и унес крышу из листьев. Но Фрейя

не стонала и не роптала на Вральду. Вместо этого Она сделала Себе крышу из тростника, положив сверху камни. Когда Она подумала, что мучиться Одной чрезвычайно тяжело, Она дала и Своим детям понять, через какие муки и каким образом Она прошла. Все стали трудиться и думать вместе. Так вот и возник наш народ, целой толпой пришедший к Липе, которая защищает от солнечных лучей. Наконец мы сделали себе крепость, а затем и все остальное.

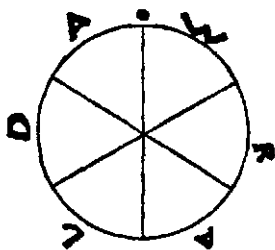
И если твой дом оказался недостаточно крепок, ты должен проклясть его, а не оплакивать и не пытаться как-то улучшить».

«Мой дом был достаточно крепким, — сказал он, — но водный разлив поднял его вверх, а все прочее сделал ураган». «Так где же стоял твой дом?» — спросила Трост. «Вдоль течения Рейна», — ответил он. «Не стоял ли он на моле или терпене?»³⁴», — спросила Трост. «Нет, — сказал он, — мой дом одиноко стоял на берегу; я построил его сам, но не мог же я один сделать и терпен». «Это я хорошо знаю, — сказала Трост, — девы об этом мне уже сообщили. Всю свою жизнь ты питал к людям отвращение, всю жизнь боялся того, что придется ради них что-то делать или что-то им отдать. Но так далеко не уйдешь. Ибо Вральда, Который мягок и снисходителен, от скупых отворачивается. Феста не советует нам быть скаредными, да и над воротами каждого замка написано: „Если ты сильно радеешь о благе, то защити своего ближнего, помоги своему ближнему, тогда и он сделает то же“, — сказала Трост. — Если этого совета недостаточно, то лучшего совета я, право, не знаю».

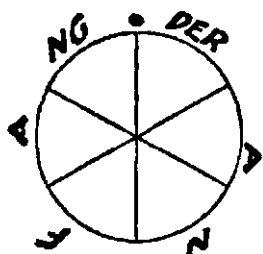
Залитый краской стыда, мужчина этот встал и тихонько вышел.

Из книги последователей Аделы

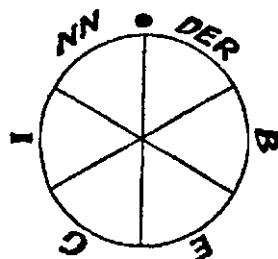
То, что написано ниже, было нацарапано на стенах Варабурга³⁵.

Вральда

Исток

Начало

Знаки, которые читатель видит выше, суть символы Великого Юла³⁶. Это древнейшие символы Вральды, существующие с Самого Начала, из которого произошло время. Это — кродер, колесо, вечно вращающееся вместе с Юлом. В соответствии с ним Фрейя сотворила сословное уложение, которое Она использовала при совете (Ter).

Когда Феста была Почетной Матерью, Она сделала из этих священных символов Руническую Надпись или «Бегущую Надпись».

Белый Король, т.е. Морской Король Готфрид Древний, сделал из этой надписи особенный числовой указатель, совмещавший в себе сословную Надпись Фрейи (Standsschrift) и руническую Надпись Фесты (Runsschrift). Поэтому ежегодно мы празднуем один и тот праздник, им посвященный. Мы должны вечно благодарить и почитать Вральду, Который распростер Свой Дух над нашими предками.

В те отдаленные времена Финда также сочинила некоторое писание, но оно было настолько напыщенным и заносчивым, полным ненужных кренделей и завитков, что потомки их значение вскоре позабыли. Затем они, все эти финны, тирцы и крекалендцы, выучили наши писания. Но им не было известно, что наши священные надписи были посвящены Юлу и потому всегда должно изображать их вокруг солнечного знака. При этом сами они хотели, чтобы другие народы не смогли разобрать их писаний, поскольку всегда были они склонны к тайнам и таинственному. Когда же они сделали ее темной и недоступной для остальных, они сильно перестарались, так что дети с трудом могли разобрать писания своих отцов. У нас же древнейшие из книг и сегодня читаются столь же легко, как и те, что вчера написаны.

Ниже находится сословная надпись, затем — руническая надпись, а затем — числовой указатель к обеим из них.

(Ср. соответствующие тексту факсимильные изображения № IV и V.)

Следующее начертано на замках

Прежде чем пришла дурная и темная эпоха, наша страна была самой красивой в мире. Солнце стояло на небосводе выше, чем теперь, а морозы были очень редко. На деревьях и кустарниках

росли фрукты и многое другое, что сегодня совершенно утрачено. Среди злаков и фруктов были не только известные всем нам виды, но и свете³⁷, переливавшиеся подобно золоту. Их можно было сушить на солнце. Годы никто не считал, потому что один год был таким же радостным, как и другой.

С одной стороны мы были закрыты морем Вральды, по которому ни один народ, кроме нас, не хотел и не мог путешествовать. С другой стороны мы были огорожены широким Твисландом³⁸, пройти через который народ Финды не отваживался, поскольку в нем были густые леса, населенные дикими зверями. На Востоке мы граничили с внешней оконечностью Астерзее (Балтийского моря), а на Западе — со Средиземным морем, так что помимо малых были нам даны двенадцать больших пресноводных течения, дабы сохранить мощь нашей страны и указать нашему храброму народу путь в его собственном море. Все это дала нам Вральда.

Почти все прибрежные земли, а также и поля вдоль Рейна были населены нашим народом — от одного края до другого. Напротив Дании³⁹ и Ютландии стояли наши торговые ряды. Оттуда мы получали наряду с медью также и деготь, вар и некоторые другие полезные вещи. Напротив нашей тогдашней западной границы располагалась Британия и ее окрестности. Британия была страной опальных (Bannlinge), которые провинились и вовремя унесли ноги. Живших в Британии и не желавших возвращаться обратно особым образом клеймили: опальным на лоб наносили красную «Б», а всем прочим злодеям — голубую⁴⁰. Кроме того, наши моряки⁴¹ имели свои лесные склады в окрестностях Крекаландов и в Лидии⁴². В Лидии живут чернокожие.

Поскольку наша страна была такой просторной и большой, у нас было много странных имен⁴³. Те, которые жили восточнее от «нижних марок» (Дании), назывались ютами; те, которые обретались на островах, звались стьюрами (моряками), морскими вояками и рыбаками⁴⁴.

Те же, которые сидели на землях от места расселения стьюров до ближайших Крекаландов, назывались просто кадхаймерами⁴⁵, поскольку из своих земель они никогда не выезжали. Те, которые сидели в Высоких Марках, граничивших с Твисландом, именовались саксонцами, на том основании, что они всегда были воору-

жены, на случай столкновения с дикими животными или одичавшими бритнами (бриттами). Кроме этих имен были у нас и другие: сухопутные обезьяны, морские обезьяны⁴⁶, древесные или лесные обезьяны.

О том, как пришли дурные времена

Все лето солнце было сокрыто за облаками, как если бы оно не хотело видеть земли. Ветер отдыхал в своей пещере, туман и облака подобно столпам стояли над домами и болотами. Воздух был поэтому сумеречным и мутным, а в сердце людей не было ни бодрости, ни радости. Посреди этой тишины земля начала вдруг трестись, как если бы она была при смерти.

Извергая огонь, расщепились горы, другие горы провалились вниз, а там, где прежде были поля, возникли скалистые ущелья и горные хребты. Альдланд, названный так моряками, потонул, и дикая ненависть долго еще клубилась над горами и долами, пока не сокрылась в пучине морской. Многих людей засыпало землей, а многих, которые убереглись от огня, смыло затем водой. Горы извергали пламя не только в землях Финды, но и в Твисланде. Леса горели один за другим, а ветер, отсюда произошедший, надул в наши края множество пепла. Это преградило течение рек, в устьях которых возникли острова песка, на которых топталась уцелевшая живность.

Земля жила так в течение трех лет. Когда же ей стало лучше, можно было лицезреть последствия катастрофы. Многие страны потонули, другие же поднялись из моря, а Твисланд наполовину покрылся лесами. Банды народа Финды переселились на необжитые территории. Наши переселенцы были истреблены или превратились в крепостных народа Финды. Наша бдительность удвоилась, а время научило нас тому, что единомушие — это самая прочная крепость.

Сие было запечатлено на Варабурге при Ульде(р) гамунде

Варабург — это не Майденбург: там хранятся все зарубежные вещи, привезенные мореплавателями.

Итак, предисловие таково: «Горы, склоните ваши вершины. Реки и облака, возрыдайте. Да, устыдись и покрасней, Шонландия, ибо рабский народ ходит в твоём облачении, о Фрейя».

Такова история

Спустя столетие и еще один год⁴⁷ после того, как Альдландия потонула, с Востока пришел народ, изгнанный другим народом. Неподалеку от нашего Твисланда они разделились на две части, причем каждая из получившихся групп пошла своей дорогой. О первой из них до нас никаких сообщений не дошло, но вторая обрушилась на нашу Шонландию. Шонландия населена была не густо, а в той своей части, которая от нас удалена наиболее, так и совсем не густо. Поэтому ее удалось завоевать быстро и без борьбы. Но это удалось сделать, не обидев никого, все вышло мирно и без войны. Теперь, когда мы немного уже знаем об этом народе, я хочу описать его обычаи, основываясь при этом на том, что до нас дошло.

Народ этот не был таким диким, как многие племена Финды, но он был подобен народу египетскому. У них, подобно египтянам, были свои жрецы, свои церкви⁴⁸, а также и свои особые изображения. Эти жрецы являются единственными господами: сами себя они называют Мадьяра (Magjara)⁴⁹. Самый главный из жрецов именуется у них «Маги»⁵⁰. Он является одновременно и верховным жрецом, и королем. Все другие народы, хотя и не принимают такого государственного устройства, вынуждены считаться с силой этого народа. Имени же у него нет. Мы называем этих людей финнами, но завидовать им не следует, поскольку они суть рабы своих жрецов, но, что еще хуже, мнений этих жрецов. Они полагают, что все полно злых духов, сильнейшими и злейшими из которых являются те, которые содержатся в людях и животных. Но о Духе Вральды они не знают ничего. Оружие у них каменное, а у мадьяр — медное. Мадьяры рассказывают, что они могут изгонять и заклинать злых духов⁵¹. Поэтому народ трясется от страха и благоговения перед своими жрецами. Чувства же радости он не испытывает никогда.

Когда же они спустились в наши края, мадьяры стали искать нашей дружбы и поддержки: они превозносили наши нравы и про-

славляли наш язык, наш скот и наше доблестное оружие, которое они охотно обменивали на свои золотые и серебряные украшения. Народ же свой они держали за пограничными столбами. Все это нашу бдительность ввело в заблуждение.

Спустя восемьдесят лет, во время празднования Великого Юла, они вдруг неожиданно, как снег на голову, обрушились на нас, и поубивали всех, кто им сопротивлялся. Мы призвали на помощь Фрейю, но шонландцы пренебрегли Ее советом. Тогда мы собрали все свои силы — три больших отряда из Содабурга — и началась война. Кат, или Катрина — так звали главную распорядительницу нашей крепости — была тогда в Годабурге. Поскольку она только отъехала, мы не могли без нее собрать ни совета, ни дружины. Когда другие управители крепости это осознали, они отправили послов в Тексланд, к своей Матушке. Минна — так звали Матушку — созвала всех моряков и весь юный народ Восточной Флиландии и Дании. В тех краях возникла история про Вотана, которая нацарапана на стены многих замков и будет поведена ниже.

В Альдергамунде жил-поживал старый король. Звали его Штерик, а список его доблестей и заслуг был огромен. У этого благородного старика было три племянника: Вотан, старший из них, проживал в Лумка-макии при Еемунде, что находится в Восточном Флиланде. В те отдаленные времена был он воином.

Два же другие племянника, Тюнис и Инка, были известными судоходами и в тот момент проживали у дяди в Альдергамунде. И вот, когда юные воины собрались в имени своего дяди, избрали они себе Вотана⁵² своим королем и предводителем, Тюниса — своим королем морей (Seekoenig), а Инку — своим охранителем в ночи. Затем они по морю отправились в пределы Дании, взяв с собой на борт Вотана со всем его ландвером. Ветер им благоприятствовал, и вскоре они прибыли в окрестности Шонланда. И когда три северных брата со своим небольшим ополчением соединились с войском Шонланда, Вотан разделил образовавшееся мощное войско на три большие колонны. «Фрейя» — был их боевой клич, с которым они вытеснили с тех мест финнов и мадьяр.

Когда Маги узнал, как его люди были уничтожены, он направил посольство вместе со штабом и военачальниками. Он сказал Вотану: «О, ты, величайший из королей, мы перед тобой виновны,

но все, что мы сделали против тебя, мы сделали из необходимости. Вы думаете, что мы преднамеренно напали на Ваших братьев. Но мы спасались от наших врагов, которые все еще идут за нами по пятам. Наши восточные отряды искали поддержки у вашей девы-градоправительницы, но она их даже не приняла. Маги сказал: «Когда мы друг друга наполовину поубиваем, тогда придут дикие кочевники, пастухи овец, и поубивают всех остальных». У Маги было много богатств, но он увидел, что сила Фрейи превосходит все наши духовные силы, а потому и решил он склонить свою голову перед Замком Фрейи. «Ты — могучий король этой земли, — сказал он, — и народ твой крепок, подобно хорошей стали. Если бы ты был нашим королем, все мы были бы твоими рабами. И твоим почетным делом было бы отогнать дикарей. Наши горны пропели бы славу тебе по всей округе, а наши мужи повсюду бы шли за тобой и служили тебе».

Вотан обладал огромной богатырской и мужской силой, но не обладал он даром ясновидения. Поэтому он сразу же и попал в расставленную для него западню и допустил, чтобы Маги короновал его. Очень многие моряки и народные ополченцы, которым это избрание пришлось не по душе, стояли тем временем в стороне и имели между собою совет. Но такой совет, который захотел появиться не от матери и не от совместного внимания, такой совет взял да и выпрыгнул за борт. Внезапно поднялся шторм, и отнес их корабли к берегам датским. Поэтому и называется тот путь Кормой Совета.

Когда Вотан был коронован, он поднялся со своим войском и отправился сражаться с дикими кочевниками. Все они были конными; подобно проливному ливню или густому граду обрушились они на войско Вотана, но подобно вихрю же и назад отправились, бросились бежать, и не отважились более появляться в тех краях. Когда же Вотан из военного похода вернулся, Маги отдал ему дочь свою в жены. После того окурили его травами: но были меж тех трав и волшебные травы, под действием которых Вотан постепенно начал самонадеянно насмехаться над духом Фрейи и Вральды и Ему не доверять, склоняясь перед ложными идольскими изображениями. И стояло царство его семь лет, а затем было разрушено и пропало. Маги сказал, что отныне теперь он сам принят Богами,

что под их властью теперь господствует он. Но народ наш лишь посмеялся над его дерзкими речами.

Когда же Вотан отъехал ненадолго, вышло несогласие и раздор в рядах его подданных. Захотели мы избрать себе другого короля, но Маги не позволил нам этого сделать. Он утверждал, что на то есть у него право, данное ему его богами. Помимо этого разлада были среди мадьяр и финнов еще и такие, которые и вовсе отказывались почитать как Фрейю, так и Вотана. Но Маги сделал так, как ему представлялось верным: поскольку дочь его родила от Вотана сына, Маги захотел, чтобы тот был признан королевским потомком. А покуда все бранились и спорили, Маги короновал младенца и провозгласил его королем, а себя самого — фогтом (наместником-управителем), опекуном и советчиком при нем. Ребенку предоставили свободу действий, но поскольку он был известен более своими шалостями и озорством, а не справедливостью, добрые мужи отказались подчиняться его прихотям и покинули страну. Также выехали и многие мадьяры со своими людьми, а к нам приплыли моряки и с ними еще войско дерзких финнов на веслах.

Здесь пришло время поведать и те истории, которые приключились с двумя другими племянниками, а именно с Инкой и Тюнисом.

Все сие написано не только на Варабурге, но и на крепости Ставия, которая лежит за гаванью Штавре

Когда Тюнис со своими кораблями захотел снова вернуться в гавань, он направился прежде всего в Данию. Но пришвартоваться там и высадиться на берег он не имел права. Также и во Флиланде и других гаванях кораблям Тюниса не было позволено бросить свои якоря. Его люди и он сам были обречены на голодную смерть, поэтому по ночам они втайне высаживались на берег, грабили, а днем плыли дальше. И так они продвигались вдоль берега, пока не прибыли в населенную местность, называемую Кадик³³. Здесь они купили себе все необходимое, но Ту(н) тья, тамошняя градоправительница, не захотела позволить им высадиться в бухте Кадик. Когда корабли собрались уже отправляться и плыть дальше, меж-

ду братьями возникла распря. Тюнис хотел плыть далее, вдоль Средиземноморского побережья, чтобы затем проплыть вдоль земель богатого короля Египталанда, как он уже и делал в былые времена. Но Инка возразил на это, что надоело ему знаться с народом Финды. Он думал, что от возвышенных земель Атланда над поверхностью моря остались еще, вероятно, некоторые острова, где мог бы мирно жить он сам со своими людьми.

Поскольку два племянника долго не могли найти взаимного согласия, Тюнис прошел вперед и воткнул в песок морского берега красное знамя, а Инка — голубое. Смысл состоял в том, чтобы каждый из моряков сам мог определиться и выбрать, куда и с каким из братьев ему плыть. И — о чудо! — за Инкой, которому было противно служить королям народа Финды, устремилось большинство финнов и мадьяр. Как только народ был пересчитан, а корабли — поделены, две небольшие флотилии поплыли в разные стороны. От племянника Тюниса до нас потом дошли вести, а от племянника Инки — нет⁵⁴.

Племянник Тюнис плыл один вдоль берега Средиземного моря. Когда Атланд потонул, Средиземное море плотно сомкнулось над Альдландом и разлилось еще шире, чем прежде. Поэтому люди из народа Финды распространились по нашим Ближним и Дальним Крекаландам, а многие из нашего народа переместились в страну Лидийцев. В силу всего этого власть Матери нашей Фрейи над Ближними и Дальними Крекаландами заметно ослабла. На это Тюнис и рассчитывал. Поэтому он хотел выбрать там хорошую бухту, а уже оттуда плыть к богатым князьям. Но поскольку его флот и его народ пришли в упадок и заметно расстроились, внешне они выглядели совершенно иначе, нежели прежде, и кадхаймеры подумали, что это плывут разбойники, и вдоль всего берега предотвращали высадку людей Тюниса. Но вот наконец они и приплыли к берегам Фенизия. Это было в сто девяносто третьем году после того, как потонул Атланд⁵⁵. Неподалеку от берега они нашли Айланд (Остров) с двумя настолько глубокими продольными рывтинами, что внешне он выглядел как три отдельных острова. На среднем из них наши путешественники и решили расположиться, построив сперва крепостную стену. Когда же они решили дать ей название, мнения их разделились: одни захотели назвать ее Фрайсбургом, а дру-

гие — Нефтьюнией. Но мадьяры и финны просили, чтобы она называлась Тюрхисбургом⁵⁶. Тюр⁵⁷ — так они звали одного из своих Богов — был тем самым Богом, в день чествования Которого они высадились на землю. В благодарность Ему они навечно признали Тюра королем над собой. Отныне и навеки было решено не вести никаких кровопролитных войн.

Когда они расположились окончательно, некоторые моряки и мадьяры были посланы за крепостную ограду, и далее — в крепость Сидон. Сначала сидонские кадхаймеры и знать ничего не желали — ни о мадьярах, ни о моряках. «Вы — бродяги, пришедшие к нам издалека, — говорили они, — и мы не хотим с вами знаться». Но как только мы показали им свое железное оружие и предложили его приобрести, все пошло хорошо. Они были очень удивлены нашими драгоценными камнями, вопросам и расспросам не было конца. Но Тюнис, бывший предусмотрительным и прозорливым, кое-что из этого и утаил, сказав, что нет у него больше железного оружия и драгоценных камней. Тогда пришли купцы и попросили у него двадцать кораблей, которые они хотели нагрузить наилучшими своими товарами. Сверх того они хотели дать ему еще и людей на весла — столько, сколько он сам пожелает.

Двенадцать кораблей приказал он нагрузить вином, медом и кожами, уже готовыми к пошиву: при этом путевые вьюки и переметные сумы были так узорно вышиты золотом, как никто и не видывал. Со всеми этими сокровищами Тюнис приказал отправиться во Флимер (Флимское море). Грветмаң из Западного Флиланда был в восторге от многих из этих вещей: он добился того, что Тюнис построил в устье Флимера большой склад⁵⁸ для всего своего добра. Отсюда происходит название этого места — Альманланд⁵⁹, а также и название рынка, на котором позднее стали вести меновую торговлю с Вирингами — «Рынок Допуска» — Zulassmarkt. Наша мать-градоправительница советовала нам продавать им все, кроме нашего железного оружия: но мы не внимали ее мудрым советам. Мы постоянно плавали далеко и торговали своими товарами, принося этим вред нашему войску.

Затем по общему согласию было решено допускать к себе на проживание ежегодно по восемь человек, но не более того.

Что произошло затем

В северном пределе Средиземного моря находится один остров, немногим удаленный от берега. И вот они прибыли на этот остров. Там на торги собралось много народу, собрались все приглашенные на торги. По поводу нашего прибытия все были сильно встревожены. Был испрошен совет матушки-градоправительницы, но матушка сказала, что зло ниоткуда не угрожает. Но, как мы увидели позднее, нами была совершена ошибка, и поэтому мы и назвали тот остров Мисселия. Далее мы поведаем причину, по которой мы поступили неверно.

Голены, — а именно так называли прибывших из Сидона жрецов-поселенцев, — прекрасно понимали, что страна, которую они облюбовали, населена плохо и сильно удалена от своей матушки-градоправительницы. Чтобы придать себе хороший вид и понравиться местному населению, голены добились того, чтобы мы называли их «посвященными верности» (*ana trowe wydana*), но лучше было бы, конечно, чтобы они сами называли себя «посланцами верности» или, что еще короче, «вернопосланными» (*Trjuwendne*), как и стали называть их моряки несколько позднее⁶⁰.

Когда они уже хорошо у нас обосновались, их купцы выменяли на свое медное оружие и всевозможные украшения наше железное оружие и шкуры диких животных, за которые в наших южных странах многое может быть выручено. Но голены отправляли всевозможные нечистые идольские служения и завлекали к себе жителей побережья нечистыми своими девками и приятным журчанием своего ядовитого вина. Если появлялся там кто-то из нашего народа, дошедший до полного неразумия и подвергший себя сильной опасности, то тогда голены предоставляли ему временное убежище и отвозили его в Фонизию. Если он там приживался, то писал своим родным, друзьям и зятям, что страна там настолько хороша и люди там настолько счастливы, как никто и представить себе не может.

В Британии мужчин было очень много, а женщин — мало. Когда голены про то прознали, послали они по всем дорогам в Британию своих девок, и те задаром отдавались бриттам. Но эти девки становились их служанками, которые воровали детей Вральды, чтобы отдать их своим ложным богам.

Теперь мы хотим написать о войне дев-градоправительниц Кельты и Минервы и о том, как в результате мы потеряли в сражениях все наши южные земли и Британию.

Семь островов, расположенных неподалеку от Зюдеррхайнмунда и Шельды, были названы по имени семи сторожевых дев Фрейи, охранявших по очереди, каждая в свой день недели. Посреди одного из этих островов расположена крепость Вальхаллагара⁶¹. На стенах ее выбита следующая история. Там написано: «Читай, учи, бодрствуй».

Пятьсот шестьдесят три года прошло с тех пор, как потонул Альдланд⁶², когда стала здешней девой-градоправительницей дева мудрая, Минерва было ее имя, а моряки звали ее Нихелления. Это прозвище подобрано было верно, ибо совет, который она давала, всегда был более «нов» и более «целостен», чем все прочие советы⁶³.

По ту сторону Шельды, во Флиберге, располагалась Сюрхед. Эта дева была преисполнена коварства: красив был ее облик и ловок (проворен) ее язык. Но совет, который она давала, всегда выражался в словах очень темных и неоднозначных. Поэтому моряки называли ее «Кельта». Те же, кто жили на берегу, думали, что это почетное прозвище. В завещании Матушки Розамунде была обозначена первой, Минерва — второй, а Сюрхед — третьей. Минерва об этом ничего не знала, но Сюрхед была сильно этим обстоятельством угнетена. Подобно чужеземной королеве, она хотела, чтобы ее почитали, боялись и молились ей, Минерва же хотела только быть любимой, и больше ничего. Наконец прибыли моряки из Дании и из Флиланда, спросить ее милости и совета. Это сильно задело Сюрхед, ибо она хотела превзойти Минерву. Чтобы придать видимость того, что именно она, а не Минерва, является самой бдительной, Сюрхед взяла своим символом петуха, изобразив его на своем знамени. Тогда и Минерва выбрала свой символ на знамя — пастушескую собаку и ночную сову. «Собака, — сказала она, — стережет своего хозяина и все его стадо, а ночная сова охраняет поле, чтобы мыши его не разоряли. Но петух ни с кем не дружит, и через свое нечестие и высокомерие он часто становится убийцей тех, кто принадлежит к его роду».

Когда Кельта увидела, что ее замысел обернулся против нее же, она стала преисполнилась великой злобы. Втайне призвала она к себе мадьяр, чтобы выучиться у них колдовскому искусству. Когда же она всему обучилась, она предала себя в руки голенов. Но ото всех этих злодеяний лучше она стать не могла. Когда она увидела, что моряки все более и более от нее отходят, она захотела заполучить их с помощью страха. Когда Луна была полной, а море — бурным и неистовым, поплыла она через морскую пучину, крича морякам, что все они погибнут, потому что не захотели поклоняться ей. Затем она ослепила им глаза, так что они стали принимать воду за землю, а землю — за воду: некоторые корабли так и пошли ко дну, вместе с моряками и корабельными мышами.

На первом военном празднике, где все поселенцы присутствовали со своими гербами, заставила она разлить по чаркам тонны пива. А в пиво это она подлила свой волшебный напиток. И когда народ весь был опьянен, забралась она на их боевого коня, опираясь своей головой на копьё. Даже утренняя заря не могла тогда казаться им более обворожительной. И когда она увидела, что все глаза обращены к ней, она открыла свои медовые уста и провозгласила: «О сыновья и дочери Фрейи! Вы прекрасно знаете, что в последнее время вы много выстрадали разрушений и нужды оттого, что моряки не приходят более, чтобы продавать наш войлок для письма. Но вы не знаете, отчего это происходит именно так. Я долго себя сдерживала, чтобы не рассказывать вам подлинной причины, но дальше сдерживать себя я не могу. Внимайте же, друзья, тому, что вы желаете знать и знайте же, кого вы должны мучить.

На другой стороне Шельды, куда одновременно стекаются корабли со всех морей, делают сегодня войлоки для письма, которые у моряков считаются намного лучшими, чем наши. Пользуясь этими войлоками, моряки экономят веревки, и могут, таким образом, обойтись без нас. После того, как изготовление войлока для письма стало нашим главным ремеслом, Матушка захотела, чтобы так все оставалось навеки. Но Минерва околдовала весь народ, да, околдовала, подобно нашему скоту, который тоже недавно помирал. И что же нам нужно делать? Я хочу вам об этом рассказать. Не будь я вашей девой-градоправительницей, но я сожгу эту мерзкую ведьму, сожгу прямо в ее гнезде!»

Когда она сказала эти последние слова, она поспешила подняться наверх, в свой замок. Но опьяненный народ был настолько возбужден, что уже не мог владеть своими чувствами. В безрассудной отваге он бродил по прибрежному песку, и когда ночь уже наполовину миновала, вся эта пьяная компания дерзко выехала из крепости. Но Кельта снова промахнулась и не достигла своей цели, потому что моряки укрыли и спасли Минерву, с ее девами и ее священной лампой.

Затем следует история про Иона

Ион, Ян, Йон и Йан — все эти имена значат «давать», только на особом выговоре моряков, которые по привычке все сокращают, чтобы было это удобно кричать, и чтобы слышно было на больших расстояниях. Йон, что буквально означает «дал» («данный»), был морским королем, рожденным в Альдерге, который покинул Флизее вместе со ста двадцатью семью кораблями, снаряженными для дальнего морского странствия, богато нагруженными оловом, драгоценными камнями, медью, железом, полотном, канатами, войлоком, женским фетром из Оттерна, а также шкурками бобров и кроликов. Теперь он (т.е. Ион) должен был взять с собой также и войлок для письма. Но когда Ион приплыл к нашим берегам, он увидел, как изувечила и разрушила Кельта нашу славную крепость, и он так на Кельту разгневался, что покинул со своими людьми Флиберг и оставил там в отместку красного петуха. Но его людям удалось спасти Минервину лампу и ее дев. Но Сюрхед или Кельту им схватить не удалось. Она забралась на самую высокую из башен, и все думали, что она погибла в огне. Но что же произошло? Пока весь народ стоял, онемев и замерев от ужаса, она приехала на своем коне, еще более красивая, чем прежде, и прокричала: «Zu Kelta Minhis!»⁶⁴ Тогда весь остальной народ Шельды бросился по домам. Когда моряки это увидели, они закричали: «Мы за Минерву!» Таким образом возникла борьба, в которой пали тысячи человек.

В это время Матушкой была Розамунд, то есть Роза-мунде, Розовые уста. Она много стремилась к любви, дабы сохранить мир. Но поскольку времена настали худые, то и она это делала не

основательно. В тот момент она отправила своих послов к рубежам своих владений с особым поручением уведомить всех соседей о бедствии, которое угрожает всем. Тогда со всех земель собрались ополченцы. Вскоре воинственный и вооруженный народ был уже в сборе, но Йон скрывался со своими людьми на кораблях, взяв к себе с обеих крепостей Минерву, ее дев и обе лампы. В то время как все воины находились по другую сторону Шельды, Йон отправился во Флизее, а затем и далее — к нашим островам. Его люди взяли к себе на борт женщин и детей, и когда Йон увидел, что его и его людей хотели наказать как преступников, они подняли свои паруса и уплыли оттуда. Йон сделал правильно, потому что все наши островитяне и весь прочий народ Шельды, который готов был с ним сражаться, был выслан в Британию. Этот шаг был неверным, потому что теперь начало стало идти с конца.

Кельта, как говорят, могла бегать по воде так же легко и непринужденно, как по земле. Она пошла на крепкую насыпь, а затем — в Мисселлию. Тут из Средиземного моря подошли голены со своими кораблями и прошли мимо Кадика и наших границ, а затем направились к Британии. Но там они не смогли обосноваться (букв.: «не нашли для себя ни пяди прочной земли»), поскольку высланные в Британию по-прежнему сохраняли верность Фрейе, а их предводители имели большую власть. Но тут вышла Кельта и сказала им: «Все вы рождены свободными, но преступным образом были выброшены вон, не чтобы сделать вас лучшими, но чтобы вашими руками заполнить себе олова. Если вы хотите снова стать свободными и жить по моим советам и под моей защитой, выходите же, оружие будет дано вам, а я буду о вас заботиться».

Не успела над островом сверкнуть молния, не успел пробежать по небу Юл Кродера, как она стала госпожой надо всеми, и также над тирцами и над нашими южными государствами, вплоть до Сейены⁶⁵. Поскольку Кельта и самой себе не сильно доверяла, она приказала построить себе крепость в Бергланде; крепость эта была названа Кельтасбургом. Она существует и поныне, только теперь она называется «Керен-ек»⁶⁶. И в этой крепости она воцарилась, подобно подлинной Матушке, но не волей своих последователей (подданных), а по своей собственной воле. Подданные же называли ее Кельтана (Кельтен)⁶⁷. Но голены получили власть надо всей

Британией. Это произошло, с одной стороны, поскольку они не имели более своих крепостей, во-вторых, поскольку не имели они там дев-градоправительниц, и, в-третьих, поскольку не было у них подлинной лампы.

По всем этим причинам и народ их не мог учиться: он стал глупым и апатичным, и наконец голены похитили его собственное оружие, и тогда весь народ этот был обведен вокруг пальца, подобно быку.

Теперь мы хотим написать о том, как был изгнан Йон. Все сие написано в Тексланде

Семь лет после того, как оттуда уехал Йон, на море Фли обрушились незнакомые корабли. Люди на тех кораблях кричали так: *ho-n-seien* («хо-н-зайен») ⁶⁸. И с их слов матушка повелела записать следующее.

Когда Йон прибыл в Средиземное море, рассказы голенов повсюду его опережали, так что нигде на побережье Ближних Крекаландов ⁶⁹ он не мог быть уверенным в том, что он защищен. Он переплыл со своим флотом в Лидию, то есть в страну Лиды. Но тамошние черные люди захотели его поймать и съесть. Наконец все прибыли в Тюрхис. Но Минерва сказала: «Берегитесь, ибо в этой местности воздух уже давно заражен поповской чумой». Как мы позднее услышали, сам король происходил от Тюниса. Но поскольку жрецы хотели иметь такого короля, который был бы, по их понятиям, вечным, они провозгласили Тюниса Богом, к вящему раздражению всех его потомков. Когда же корабли Йона миновали Тюрские регионы, к ним подплыли тюрцы и ограбили один из замыкающих кораблей. Когда этот корабль был уже далеко позади, мы не могли вернуться и отвоевать его обратно. Но Йон поклялся отомстить за него. Когда пришла ночь, Йон вернулся в Дальние Крекаланды. Наконец-то они высадились на землю, но какой же жалкой, какой же убогой была эта земля! Там они и нашли пристань для своих кораблей.

«Вероятно, здесь, — сказала Минерва, — вам не придется опасаться королей и жрецов, которые все любят лишь тучные пастбища». Но когда они прибыли в тихие заводи, они нашли их недоста-

точно вместительными для того, чтобы укрыть свои корабли. Но большинство проявило малодушие и воспротивилось желанию Иона плыть дальше. И Ион вышел вперед со своим копьем и со своим знаменем, и призвал молодой народ добровольно стать под свои знамена. Минерва, захотевшая остаться при этом, сделала то же самое. Большая часть пошла под флаги Минервы, но самые юные моряки столпились вокруг Иона. Ион взял с собой лампу Кельты и ее дев, Минерва же сохранила за собой своих собственных дев и свою собственную лампу.

Между Ближними и Дальними Крекаландами Ион нашел некоторые острова, которые пришлось ему по душе. На самых крупных из этих островов он распорядился построить крепость в лесах между горами. На маленьких же островах он приказал из мести разграбить тирские поселения и (принадлежащие им) корабли. Поэтому эти острова, подобно ионийским островам, называются «Островами грабителей»⁷⁰.

Когда Минерва осмотрела страну, которую местное население называло Аттикой, она увидела, что народ весь был чрезвычайно скуп и поддерживал свое тело мясом, овощами, дикими кореньями и медом. Одеты они были в шкуры и убежища свои располагали на склонах гор. Поэтому наш народ называл их «хеллингерами»⁷¹.

Сначала они бегали от нас в разные стороны, но когда они увидели, что их имущество нас не беспокоит, они вернулись назад и засвидетельствовали нам свою большую дружбу и расположенность. Минерва спросила у них, можем ли мы устроиться у них по-домашнему, не разрывая приветливых отношений. Они согласились на это, при условии, что мы будем защищать и оберегать их от соседних племен, которые постоянно приходят и грабят их имущество, уводят их детей и т.д. Тут мы построили себе крепость, и длина полутора столбов отделяла нашу крепость от бухты. По совету Минервы крепость была названа «Атения»: «Ибо, — сказала она, — соседи должны знать, что мы пришли сюда и здесь обосновались не хитростью и не насилем, но были приняты мирно и по-дружески»⁷².

В то время как мы работали над крепостью, подошло одно из враждебных племен, называемое «фюрнемстен». Когда же они увидели, что у нас нет рабов, это им пришлось не по вкусу, и они дали это почувствовать Минерве, поскольку подумали, что она

является нашей княгиней. Но Минерва спросила: «Как ты приобрел своих рабов?» Они ответили: «Одних рабов мы купили, а других завоевали на войне». Минерва сказала: «Если никто не захочет покупать людей, никто не будет воровать ваших ребятишек, и таким образом вы не будете иметь никаких войн. Если кто из вас хочет оставаться нашим союзником (Bundesgenosse), то он непременно должен отпустить на свободу всех своих рабов». Но фюрнемстены этого не захотели. Тогда они решили оставить нас в покое. Но самые отважные из них пришли к нам, чтобы помочь нам построить нашу крепость, которую мы теперь возводили из камня. —

Когда Минерва поведала им те принципы, по которым мы живем, они почтительно попросили у нее выдать им железное оружие. «Ибо, — сказали они, — наши притеснители имеют большую мощь, и если у нас будет верное оружие, мы сможем им противостоять». Когда Минерва согласилась, они спросили еще, будут ли в Атене и Дальних Крекаландах процветать обычаи и порядки Фрейи. На это Матушка ответила: «В том случае, если Дальние Крекаланды станут наследственными владениями (народа) Фрейи, обычаи Фрейи будут там процветать. Но в противном случае, если они не станут нашим наследственным владением, то нам надо будет за это бороться. Ибо Кродеру суждено еще возвращаться вместе с Юлом пять тысяч лет, прежде чем народ Финды созреет для свободы».

Из писаний Минны

Когда Нихелления, которая верно называлась своим собственным именем Мин-ерва, водворилась окончательно и по праву, то жители Крекаланда полюбили ее почти так же сильно, как и наш собственный народ. Но тут неожиданно пришли в ее крепость некие князья и жрецы и стали ее спрашивать, где находится ее наследие (Egbe)³. Нихелления ответила: «Мое наследие хранится в моей душе. То, что я унаследовала — это Любовь к Мудрости, Справедливость и Свобода. Если я утрачу их, то я стану равной самому ничтожному из ваших рабов. Сейчас я даю советы без всякого вознаграждения, но тогда мне придется их продавать». Вопрошатели удалились прочь и кричали со смехом: «Ваша покорная служанка,

мудрая Хелления (Елления)». Но этим они ничего не достигли, ибо народ, который ее любил и за ней следовал, взял себе ее имя как свое почетное прозвание. И когда эти князья и жрецы увидели, что насмешка их не попала в цель, то они вернулись и сказали нам, что они наш народ околдовали. Но народ наш и лучшие из жителей Крекаланда повсеместно засвидетельствовали, что это очень почтенное дело.

Тогда пришли они однажды и спросили: «Если ты не ведьма, то что ты делаешь с яйцами, которые всегда носишь при себе?» Минерва ответила: «Эти яйца суть символы Совета Фрейи, в котором в сокрытом виде пребывает наше будущее и будущее всего рода человеческого. Время должно и высидеть, а мы должны следить за тем, чтобы им не было никакого вреда»⁷⁴. Тогда жрецы возразили: «Хорошо сказано. Но к чему у твоей правой руки находится собака?» Хелления ответила: «Разве у пастуха не должно быть собаки, вместе с которой он стережет свой стада? Чем собака является на службе у пастуха, тем я являюсь на службе у Фрейи. Я должна заботиться о стадах Фрейи». «Мы считаем, что это хорошо, — ответили жрецы, — но скажи нам, каково значение ночной совы, которая постоянно находится над твоей головой? Ведь это животное боится света, и разве может оно быть знаком твоего светлого облика?» «Нет, — ответила Хелления, — оно живет в храмах и пещерах и помогает мне вспоминать о тех людях, которые их населяют. Они ведь тоже копают в темноте, но не для того, чтобы спасти нас от мышей и прочих бедствий, но затем, чтобы выдумывать козни, воровать у других людей их знания, чтобы лучше их схватить и превратить в рабов, насытиться их кровью, как то делают вампиры».

Однажды они явились вместе с бандой своего народа. Чума посетила их страну. Они сказали: «Все мы знаем, что нужно приносить жертвы Богам, дабы они отразили чуму. Не хочешь ли ты помочь нам утихомирить ее и усмирить ее гнев, или же ты сама своими (колдовскими) искусствами пронесла чуму в нашу страну?» «Нет, — сказала Минерва, — но я не знаю таких богов, которые желают худого и творят худое: поэтому я не могу спросить их, хотят ли они стать лучше или нет. Я знаю только одного Благого Бога, Который есть Дух Вральды. Но поскольку Он является благим, Он не творит никакого зла». «Но откуда же тогда берется зло?» — спросили свя-

щенники. «Все зло происходит от вас и от глупости тех людей, которые позволяют вам уловить себя (поймать себя на поповскую удочку)». «Но если действительно твое Божество является исключительно благим, то почему же Оно не борется со злом?» — спросили священники. Хелления ответила: «Фрейя наставила нас на путь, а Кродер — так именуется Время — должен сделать все остальное. Для всякого неверного поворота можно найти совет и помощь. Но Вральда хочет того, чтобы мы сами искали того, как нам стать сильными и мудрыми. Если мы этого сами не захотим, то Он даст нашей глупости отбушевать, чтобы мы сами познали, что следует за мудрыми деяниями, а что — за глупыми деяниями».

Тогда сказал один князь: «Я буду представлять себе, что все станет лучше (и чума отступит от нас)». «В таком случае, — сказала Хелления, — люди твои будут подобны домашним овцам; ты вместе со священниками будешь желать оборонить их, но при этом и подстригать, и в свое время вести на убой. Но наше Божество не хочет этого. Оно хочет, чтобы мы помогали друг другу, но Оно же хочет и того, чтобы каждый был свободен и мудр. А в этом состоит и наша воля. И поэтому наш народ сам выбирает своих предводителей, советчиков, графов и других господ и повелителей из числа наиболее мудрых и самых добрых людей, чтобы под их начальством становиться еще мудрее и лучше. В то время, как мы поступаем таким образом, мы учим народ тому, что и сами знаем, а именно, что к блаженству и счастью ведут и мудрые поступки, и мудрые дела». «Неплохо ты рассудила, — сказали священники, — но если ты думаешь, что чума происходит от нашей глупости, то будь же так добра и дай нам взаймы немного от того нового света, коим ты так гордишься». «Да, — сказала Хелления, — вороны и другие птицы нападают на тухлую мертвечину, но чума любит не только тухлую мертвечину, но и тухлые обычаи и тех, кто их соблюдает и насаждает. И коли ты действительно желаешь, чтобы чума от вас отступила и никогда более не возвращалась, то ты должен освободить себя от этой (священнической) шайки и очистить от их влияния свой народ — внутренне и внешне». «Хотели бы мы верить, — сказали жрецы, — что совет твой действительно хорош, но скажи нам, как привести к такому убеждению весь народ, который нам подчинен?» Тогда Хелления встала со своего кресла и ска-

зала: «Воробьи следуют за сеятелем, а народы — за добрым князем. Потому и подобает вам начать с того, чтобы самих себя очистить так, дабы могли вы обратить свои взоры и вовне, и внутрь себя, и при этом не покрыться краской стыда перед своей собственной совестью. Но вместо того чтобы очищать ваш народ, вы наизобретали ему грязных праздников, на которых народ долго пьянствует, пока уже совсем не зароется в грязь, чтобы могли вы предаваться вашим грязным прихотям».

Народ начал горланить и насмехаться над ними, поэтому они не осмелились продолжать полемику (букв.: далее плести паутину своих доводов). И теперь каждый захотел того, чтобы они покинули нашу страну, и они, чтобы их не обвиняли, удалились вон, отправившись сначала в Ближние Крекаланды, к Альпийским горам. И там они проповедовали, что Высший Бог почил, а Его мудрая дочь, называемая Нихелленией, послана к людям и пришла над морем в облаке, чтобы давать людям добрые советы. Те же, кто послушает ее, станет богатым и счастливым, и однажды станет господином надо всеми королевствами земли. Ее изображение они ставили на свои алтари или продавали их глупцам. При этом они проповедовали и давали такие советы, которых она никогда не давала, а также рассказывали о чудесах, которых она никогда не совершала. Они стремились завладеть нашими законами с помощью своей хитрости и переиначить их своими ложными истолкованиями. Они ставили под свою защиту и покровительство также и дев, которые-де некогда находились под защитой Фесты, нашей первой Матушки. Эти девы следили у них за тем, чтобы не потухал их священный огонь. Но огонь этот зажигали они сами. Вместо того чтобы отбирать для этого дев умных, чтобы те учили детей и ухаживали за немощными, они выбирали таких дев, которые сами по себе были глупыми и тусклыми, потому и не было им позволено никуда выходить. Их применяли и для того, чтобы получать советы. Но совет, исходивший из уст этих дев, являлся лишь для видимости. Ибо уста их были рупором, сквозь который священники доводили до народа свое вероисповедание.

Когда Нихелления скончалась, мы захотели избрать себе другую Матушку. Некоторым пришлось в голову отправиться в Терланд,

за тем чтобы выпросить себе одну из находящихся там. Но священники, имевшие власть над народом, не захотели на это согласиться и оповестили народ о том, что мы не в себе.

Все сие повествует о гертманцах⁷⁵

Когда Хелления или Минерва умерла, жрецы стали вести себя так, как если бы она была с нами, тем самым давали нам понять, что отныне она причислена к Богам. Они также не хотели нам позволить избрать себе другую Матушку, под тем предлогом, что они якобы опасались того, что среди их дев-градоправительниц не найдется такой, которой они могли бы довериться так, как доверялись Минерве, называемой также Нихелленией. Но мы хотели почитать Минерву не в качестве Богини, поскольку и сама она говорила, что никто не может быть столь же благим, как Дух Вральды. Поэтому мы и избрали дочь Герты (Gert) по имени Пире (Pire) в качестве нашей Матушки.

Когда жрецы увидели, что выйдет у них поджарить свою рыбку на нашем огне, тогда они вышли из города Атене (Афины) и провозгласили, что мы не желаем признать Минерву Богиней из зависти, поскольку она при жизни проявляла в отношении местных жителей слишком много искренней любви. Затем они раздали народу некоторые изображения, отдаленно напоминавшие Минерву, и сказали народу, что до тех пор пока мы этим изображениям будем покорны, их обо всем можно просить. Именно по вине этих нелепых рассказней глупый народ сначала отвернулся от нас, а затем стал на нас нападать. Но у нас была наша каменная крепость, которая двумя своими рогами (т.е. башнями) возвышалась над морем. Поэтому близко подойти к нам никто не отваживался. Но вот что произошло: один из жителей Египталанда, который был там главным священником и имел светлые глаза, ясный разум и светлый дух — имя его было Секропс — пришел к нам, чтобы дать совет. Когда он увидел, что он со своими людьми не может взять приступом нашу насыпь, он послал своих послов в Тюрхис. Затем неожиданно прибыли триста кораблей, полных наемных воинов из числа самого дикого населения, и принялись штурмовать наши насыпи, и мы сражались с ними на этих насыпях.

Как только они заняли бухту, дикие наемники захотели разграбить нашу деревню и наши корабли. Один из этих дикарей успел уже растлить нашу девочку, но Секроп не захотел всего этого допустить, а тирские моряки, которые еще имели в своем теле кровь Фрейи (Fruas Blut⁷⁶), сказали: «Если ты это сделаешь, то мы посадим на наши корабли красного петуха, и тогда ты больше не увидишь ни своих гор, ни своих берегов». Секропс, который не любил убийства и разрушения, отправил к Герте гонцов, чтобы потребовать у Герты сдачи крепости. Это был бы свободный выезд, вместе со всем переносным и перевозным имуществом и со всем народом. Наиболее мудрые из числа защитников крепости, которые сразу же увидели, что не смогут сохранить крепость за собой, советовали Герте, чтобы она, долго не раздумывая, согласилась, пока Секроп не рассвиренел и не начал действовать иначе. Семь месяцев спустя Герта выехала оттуда, вместе с лучшими из детей Фрейи, на кораблях, число которых равнялось семью двенадцать. Когда часть своего пути от бухты они уже проделали, к ним со стороны Тюрхиса подошло тридцать кораблей с женщинами и детьми. Они хотели отправиться в Афины, но когда они услышали о том, что там произошло, они решили плыть вместе с Гертой.

Морской король жителей Тюрхиса провел всех вместе по морскому пути, который в то время вытекал в Красное (Чермное) море. Наконец они высадились в Пангабе (Pangab), что на нашем языке значит «пять вод», поскольку в море там сходятся пять разных течений. Здесь они и поселились, а страну, которую они основали, решили назвать Гертманией⁷⁷. Когда король Тюрхиса увидел, что его лучшие моряки уплыли, он отправил за ними все свои корабли со своими дикими наемниками, для того чтобы доставить их живыми или мертвыми. Но как только они выехали в путь, разволновалось море и затряслась земля. Затем Иртва вздыбилась, подняв свое тело так высоко, что все воды выбежали на улицу, разлившись по ней, подобно огромной крепостной стене.

Из писаний Минны

Когда я, таким образом, выбрался со своими людьми из Ате-нии (Афин), приплыли мы наконец к острову, который мои люди

прозвали Крета — по тому дикому воплю, который издал тот народ при нашем прибытии⁷⁵. Когда же они увидели, что мы не несем к ним на своих щитах войны, они стали кроткими и покорными, так что я даже смог выменять у них право пристать к берегу на небольшую лодочку и железные предметы. Когда же мы прожили у них некоторое время и они заметили, что у нас нет рабов, это вызвало у них сильный испуг. Но когда я рассказал им, что по нашим законам всем подобают равные права, то этот народ также захотел иметь у себя такие же законы. И поскольку у них таких законов не было, вся страна пришла в смятение и беспорядок. Тамошние князья и священники пришли к нам и стали жаловаться, что мы-де сделали их народ упрямым и непослушным, тогда как сам народ пришел к нам искать у нас защиты и поддержки. Но когда князья увидели, что им суждено потерять свои владения, они дали народу свободу и также пришли к нам. Поскольку же народ пока к свободе не привык, князья продолжали господствовать по собственному усмотрению.

Когда же после нашего прибытия первая буря миновала, они начали сеять между нами вражду и раздор. Так, они стали говорить моему народу, что будто бы я просил их о помощи, чтобы оставаться королем постоянно. Один раз я даже в своей еде обнаружил яд. И когда однажды прибыл корабль из Флиланда, я мирно от них уехал в другие края.

Даже оставляя в стороне все то, что выпало на мою судьбу, я должен в заключение всей этой истории сказать, что ничего общего с народом Финды мы иметь не должны, при каких бы условиях это ни происходило, ибо все они полны лицемерных козней и коварного интриганства, опасаться которого надо так же, как и их сладкого вина с убивающим ядом.

**В году тысяча пятом после того, как потонул Альдланд,
все сие было выбито на Восточной стене Фрайсбурга**

После того как мы уже двенадцать лет не видели в Альманланде жителей Крекаландов, к нашим берегам пристали три корабля, настолько красивые, что таких нарядных мы прежде и видеть не видели. На самом статном и внушительном из этих кораблей находился

король Ионийского острова: его имя было Улисус (Ulysus), и слава о его мудрости была огромна. Этому королю было предсказано одной жрицей, что он будет править всеми Крекаландами, и совет ему был приобрести себе такую лампу, которая была бы затеплена от знаменитой лампы Тексланда. Чтобы завладеть такой лампой, он возил с собой многие сокровища, особенно — женские украшения, краше которых в мире никто и не делал. Они происходили из Трои, города, который занимали жители Крекаландов. И все эти сокровища он предложил нашей Матушке. Но Матушка об этом и знать ничего не желала. Когда же он наконец увидел, что так он ее не подкупит, он отправился на Вальхаллагару⁷⁹.

Там сидела одна дева, имя ее было Кат. Но в устах народа она называлась Калип, на том основании, что ее нижняя губа выступала вперед, подобно бортику (корабельной) сторожевой вышки. У нее⁸⁰ Улисс провел один год, к общему недовольству всех, кто знал об этом. И наконец, по свидетельству дев-градоправительниц, он получил от нее эту лампу. Но она не сильно ему пригодилась: ибо, как только он вышел в море, его корабль пошел ко дну, а сам он, голый, т.е. совершенно без ничего, был подобран моряками с других кораблей.

От этого короля остался у нас переписчик книг, чистой фризской крови⁸¹, рожденный в новой бухте Атении, а что следует затем — то он записал для нас. Из того, что он записал, можно видеть, насколько была права Матушка, когда она говорила, что в Атении обычаи Фрейи не найдут себе мета и никогда крепки не будут.

«От других жителей Крекаландов ты уже слышал, конечно же, о Секропсе много дурного: ибо не идет о нем добрая молва. Но я отваживаюсь сказать: он был очень светлым человеком, почитаемым как среди местных, так и среди нас. Ибо он не был, подобно другим священникам, тем, кто покоряет себе и порабощает, но, напротив, был очень добродетелен и знал, как ценить мудрость тех народов, которые живут вдали и по иным законам. Поэтому он нам и позволял, чтобы мы жили по нашей священной книге, подобной книге Асеги (Asegabuch). Отсюда и пошел рассказ о том, что он к нам благоволил потому, что якобы сам происходил от фризской девы и одного египетского жреца. Основанием для подобной

легенды было то, что он имел голубые глаза⁸², и было много случаев, что наших девушек воровали и продавали в Египталанды.

Однако сам он никогда этого не подтверждал. Но вместе с тем очевидно, что он проявлял к нам намного большую расположенность, чем все другие жрецы, вместе взятые. А когда он умер, его последователи сразу же начали кромсать и извращать наши законы и постепенно наделали столько произвольного, что в конце концов от равенства и свободы не осталось ничего, кроме видимости и одного пустого названия. Далее, они даже не захотели нам позволить зафиксировать наши законы на письме, из-за чего знание и стало скрываться от нас. До того как это произошло, все наши установления в Атении обязательно закреплялись на нашем языке, потом же стало нужным все фиксировать на обоих языках, и наконец — только на языке той страны, где мы проживали.

В первые годы мужское население Атении брало себе из нашего народа только женщин, но затем их молодежь, росшая вместе с девушками из нашего поселения, стала брать и их. Дети-бастарды, произошедшие от этого смешения, были красивейшими и мудрейшими в мире, но они были также и злейшими в мире детьми. Они хромали на обе ноги и не соблюдали никаких обычаев, не чтити никаких устоев, беспокоясь только о собственной пользе и выгоде. В былые же времена, когда действовал на нас луч светлого сияния Духа Фрейи, все строительные материалы использовались для общественных построек и никто не имел права возвести себе дом, более просторный и богатый, нежели дом его ближнего. Но когда отдельные дегенератские (entartete⁸³) города становились богатыми тем серебром, которое на приисках добывали рабы, тогда они отделялись от нас и переезжали в долины и на холмы. И там, за высокими стенами из лесов или камней, они строили себе усадьбы и княжеские дворы, набитые дорогими вещицами, которые так ценятся у грязных попов, а также выставляли там непременно развратные образы своих ложных богов. И еще интересно вот что. У этих грязных жрецов и князей намного большее предпочтение всегда отдавалось не дочерям, а сыновьям, которых часто — богатствами или насилием — уводили с пути добродетели. И поскольку богатство у этого испорченного и выродившегося народа ценилось намного больше, чем

добродетель и честь, нередко встречались там такие мальчуганы, которые увешивали себя роскошными и широкими одеждами — своим родителям на позор и роду своему в вечную насмешку. Когда же наши простодушные родители приходили в Атению на общее собрание, чтобы на все это безобразие пожаловаться, со всех сторон на них кричали: «Слушайте, слушайте, сейчас будет говорить морской здоровяк (детина)!»

Так Атения стала подобной смрадному болоту, какие бывают в жарких странах — болоту, полному кровососов-пиявок, крикливых лягушек и ядовитых змей, болоту, в которое ни один человек в здравом уме ногой ступить не пожелает.

Все сие начертано на всех наших замках.

**О том, как пропали наши Денемарки, шестнадцать столетий
и два года после того, как потонул Альдланд⁸⁴**

Из-за глупости и сумасбродства Вотана Маги стал повелителем восточной части Шонланда. Но перебраться через горы и море он не осмеливался. А Матушка отбирать у него Шонланд не торопилась. Она говорила об этом так: «Серьезной опасности в его оружии я не вижу, разве только в том, что под его началом жители Шонланда могут выродиться и вконец испортиться. После этого принимать их обратно будет действительно опасно». Совет общины думал об этом то же самое, поэтому вскоре Маги перестал нас занимать и мы оставили его в покое.

Прошло более ста лет, и Денемарки стали с ним вести оживленную торговлю. Они привозили ему железное оружие и другие железные предметы, а на это выменивали золотые украшения, медь и железную руду. Тогда Матушка отправила в Денемарки послов, приказав им передать тамошним купцам, что те непременно должны оставить торговлю с Маги. Ибо, как сказала она, была опасность для их обычаев, если же они утратят свои обычаи, то вскоре они утратят также и свою свободу, поскольку все это тесно взаимосвязано. Но Денемарки, а точнее тамошние купцы, не имели ушей, чтобы внимать ее мудрому совету. Не хотели понимать они того, что обычаи их легко могли испортиться. В конце концов промотали и расточили они все свое оружие и все свои

припасы. И пришло тогда время раскаиваться им за свою ошибку. Тела их были увешаны всякой мишурой и прочими безделушками, но амбары и хранилища были пусты. И ровно сто лет спустя после того, как с побережья отчалил первый корабль со всякой снедью, обрушились на их края страшный голод и не менее страшная нужда. Раздор и вражда гордо разгуливали по улицам их и заходили в дома их, для любви же и согласия там еще очень долго не оставалось места. Ребенок требовал у своей матери поесть, но мать его была с ног до головы увешена всякими украшениями, покормить же его ей было нечем. Женщина шла к своему мужу, этот муж шел к графу, но граф либо и сам ничего не имел, либо же утаивал. И пришлось теперь продавать украшения назад. Но как только моряки собрались в дорогу, настал ужасный мороз и море покрылось льдом. Мороз перекинул ледяной мост и усыпил их бдительность. Вместо того чтобы охранять свои берега, они запрягли своих лошадей в сани и направились в Шонланд. Однако жители Шонланда, давно мечтавшие о земле их предков, пришли в Денемарки. В одну из светлых ночей они нагрянули туда все вместе и стали объяснять местному населению, что это земля их предков, на которую они, жители Шонланда, имеют все права. Но пока они так боролись и препирались, в опустевшие деревни Шонланда прибыли финны, забрали всех детей и уехали. Поэтому, а также и потому, что никто из них не имел хорошего оружия, Маги стал их властелином. А все ведь вышло из-за того, что оставили они Совет Фрейи, предостережению ее не вняли и Матушку не послушали.

Но были и такие, которые пребывали в крепкой убежденности, что виной всему оказались графы, которые всех и предали, что девы давно уже это подозревали. Но тому, кто об этом хотел прилюдно высказаться, рот заматывали золотой цепочкой. Мы не можем вынести об этом никакого приговора, но хотим лишь призвать вас: «Никогда не полагайтесь на мудрость и добродетель ни ваших князей, ни ваших дев-градоправительниц. Ибо их задача — выполнять свое дело, а ваша — следить за ними, за своими страстями и радеть об общем благе».

Два года спустя⁸⁵ Маги сам прибыл со своим флотом, для того чтобы похитить в Тексланде Матушку и священную лампу. Это злодеяние не случайно задумал он учинить ночью во время зим-

нее, когда бушует буря, воеет ветер и парус стучит в окно. Когда со сторожевой вышки сообщили, что из этой тьмы донеслись какие-то звуки, на башнях зажгли специальные шары (чтобы лучше видеть). Как только свет от них добрался до кораблей, со сторожевой вышки с изумлением увидели, как с кораблей к башням подбираются отряды вооруженных воинов со своими родовыми гербами (gewappnete). И, увидев это, ударили в колокол⁸⁶. Но было уже слишком поздно. Прежде чем его войско смогло собраться и приготовиться к сражению, двести воинов уже успели протаранить крепостную стену. Поэтому сражение длилось недолго: из-за охранны, которая плохо несла свою вахту, погибли все.

В то время когда все пошли врукопашную, один грязный финн прокрался в покои Матушки, то есть в ее опочивальню, и захотел ее изнаsilовать. Матушка сопротивлялась ему, оттолкнув его к стене. Когда же он снова поднялся на ноги, он воткнул в ее живот острый меч, сказав при этом: «Не хочешь моего хвоста⁸⁷, тогда получи же мой меч». После финна в покои Матушки ворвался шкипер из Денемарок. Он сразу же выхватил свой меч и раскрыл грязному финну его грязный череп.

Маги приказал ухаживать за Матушкой на его корабле. Когда ей, таким образом, стало лучше и она стала уже снова разговаривать твердым голосом, Маги сказал ей, что она должна поехать вместе с ним, взять с собой своих дев и свою лампу, и что она снова будет возглавлять государство, настолько высокое и прекрасное, что такого она еще и не видела. Затем он сказал, что хочет просить ее о том, чтобы ему стать главой всех народов Фрейи. Затем он сказал ей, что она должна с этим согласиться и утвердить его волю как непреложный факт, иначе он заставит ее умереть под многими пытками и со многими тяжкими мучениями. Затем он велел около ее лагеря собраться всему ее люду, и провозгласил: «Франа, поскольку ты — ясновидящая, ты должна сказать мне, буду ли я когда-либо властвовать над народами Фрейи?» Франа сначала долго сидела в гробовом молчании, как если бы она совсем не замечала Маги, а затем открыла свои уста и заговорила: «В глазах моих потемнело, но душа моя полна иным светом. Да, я вижу это⁸⁸. Слушай же, Иртха, и радуйся вместе со мной. В те времена, когда потонул Альдланд, была эпоха, когда

первый сектор Юла стоял в зените. Затем она закатилась и ушла, а наша свобода — вместе с ней. Когда пройдут и также закатятся два лучевых сектора Юла, то есть истечет две тысячи лет, сыновья восстанут, опрокинут власть князей и жрецов и снова произведут на свет своих отцов. Все они станут жертвой смерти, но то, что они провозгласят, останется затем, и произрастет, принесет плоды в груди здоровых и бодрых мужей, подобно доброму семени, которое приходит в лоно. Еще тысячу лет лучевой сектор Юла будет склоняться вниз, все более погружаясь в темноту и кровь, которую проливаешь ты кознями князей и жрецов. Затем же взойдет Новая Заря⁸⁹. Предвидя все это, лживые князья и жрецы собираются вместе, чтобы воевать и бороться против свободы. Но свобода, любовь и согласие возродятся, и народ снова будет беречь их, восстав вместе с Юлом, вместе с ним выбравшись из грязного застойного болота. Новая Заря, которая сначала только поднималась, будет струиться новым светом и обдавать нас с высоты своим бурлящим жаром⁹⁰. Кровь ветхого и злого будет струиться и течь по твоему телу, но ты не должен принимать ее внутрь себя. Наконец, ядовитые животные станут пить ее и от этого передохнут. Все нечистые истории, которых они напридумывали и наизобретали, чтобы прославить своих князей и жрецов, будут принесены в жертву пламени. А затем все твои дети бросят войны и раздоры и станут жить в мире».

Она сказала это, рухнула на землю и погрузилась в молчание. Но Маги, который не слишком хорошо понял ее речи, закричал: «Я же спросил тебя о том, буду ли я господствовать надо всеми странами и народами Фрейи, а ты говорила совсем о другом!». Франа снова поднялась, жестко посмотрела на него и сказала: «Прежде чем окончатся семь этмельд⁹¹, твоя душа будет блуждать вместе с ночными птицами вокруг гробниц, а твое тело будет лежать на дне морском». «Хорошо же!» — воскликнул Маги с еле скрываемым бешенством. «Ты только скажи, и я приду». Затем он обратился к своим палачам: «Бросьте женщину за борт». Таков был конец нашей последней Матушки.

Мы не хотим призывать к отмщению, это сделает время. Но тысячу раз по тысячу раз хотим мы кричать вослед Фрейе: «Охраняй! Охраняй! Охраняй!»

Что произошло с Маги затем

После того как наша Матушка была убита, он приказал перенести священную лампу и ее дев, вместе с прочими предметами ее домашнего обихода, которые ему показались полезными. Затем его корабли повернули во Флизее, ибо он хотел похитить девы-градоправительницу Медеасблика или Ставоры, чтобы провозгласить их Матушками. Ибо девы-градоправительницы должны находиться под защитой у Матушки. Моряки Ставоры и Альдерги охотно пошли бы ему навстречу, но плыть туда было уж слишком далеко. И вот они поплыли небольшим своим флотом вперед в Медеасблик, всегда держась подветренной стороны. К Медеасблику Маги подошел ясным днем, когда вовсю светило солнце. И, несмотря на это, люди его дерзко бросились на крепость. Но как только народ их со шлюпок высадился на землю, наши моряки вышли из своих укрытий рядом с бухтой и стали обстреливать их флот своими стрелами с особыми терпентиновыми шарами. Все было настолько правильно устроено, что в один момент многие их корабли оказались объатыми пламенем. Те, кто нес вахту на кораблях, также начали нас обстреливать, но в цель они не попадали. Когда наконец один из кораблей, охваченных пламенем, приблизился к тому кораблю, на котором находился Маги, тот приказал своему шкиперу срочно же отплыть. Но шкипер, который был из Денемарок, ответил ему на это: «Ты послал нашу Матушку на дно, чтобы известить всех о том, что ты скоро придешь. Теперь же я хочу позаботиться о том, чтобы ты сдержал свое слово». Маги хотел уклониться от него, но шкипер, подлинный фриз, сильный, как подъяремный бык, стиснул обеими своими руками его череп и выкинул его за борт, в самую стихию бушевавшего моря. За это время (от приближающегося огня) успел раскалиться только коричневый щит, находящийся на топе. Затем (когда с Маги было покончено) шкипер направил свой корабль к нашему флоту. Таким образом, девы-градоправительницы вернулись к нам целыми и невредимыми, но священная лампа была утеряна, и никто не знал, каким образом это так произошло. Когда же на еще не объятых пламенем кораблях слышали о том, что Маги утонул, они быстро уплыли оттуда, ибо большинство моряков были из Денемарок.

После того как флот достаточно удалился, наши моряки подстрелили своими огненными стрелами корабль финнов. Когда финны увидели, как они обмануты, на корабле их началась беспечная беготня и суматоха: долгое время не было у них ни приказов, ни послушания. В один момент со стороны крепости подошли к ним сторожевые корабли. Те, кто не смог убежать, были убиты, а те кто смог, нашли свою гибель в болотах Крилингского леса.

Из книги последователей Аделы

Спустя тридцать лет после того дня⁹², когда матушка народа (Volksmutter) была убита верховным Маги⁹³, все стало совсем плохо. Все те государства, которые находились на другой стороне Везера, отвернулись от нас и попали под власть Маги. И было достаточно поводов опасаться того, что власть его распространится на всю нашу страну. Чтобы предотвратить это несчастье, был организован общий совет, на котором собирались все те наши мужи, которые стояли у дев-градоправительниц на хорошем счету. Каждый раз после того, как проходило более чем три этмельды⁹⁴, областной совет снова приступал к совещанию.

Наконец слово взяла Адела и сказала: «Все вы знаете, что я была выбрана матушкой, а также и то, что я не хотела становиться Матушкой, потому что я желала оставаться обычной женой. Но вот то, чего вы не знаете — это то, что я занималась выяснением всех тех событий, после которых я стала подлинной Матушкой народа (Volksmutter). И каждый раз я посещала все места сама, чтобы самой знать, что произошло на самом деле. Поэтому мне стали открыты многие вещи, о которых другие ничего не знают. Вчера вы говорили о том, что по ту сторону моря род наш трусливым, покорным и малодушным. Но я должна сказать вам, что Маги отобрал у нас эту область отнюдь не силой своего оружия, но только злобным коварством и, еще более, воспользовавшись жадностью герцогов и прочей знати. Фрейя говорила нам в своем Совете, что мы не должны держать у себя тех, кто не свободен. И что же сделали они? Они уподобились нашим врагам: вместо того чтобы убивать пленников или отпускать их на свободу, они, преступно нарушив совет Фрейи, стали обращать этих пленников в своих ра-

бов. И поскольку они так поступали, Фрейя не стала долго о них заботиться: они забирали свободу у других, и это явилось причиной того, что вскоре они потеряли и свою свободу.

Снова и снова повторять это значило бы умножать то, что и так всем хорошо известно. Но я хочу поведать вам о том, как, мало-помалу, они до такой низости дошли. Женщины финнов рожали детей. И дети эти подрастали вместе с нашими свободными детьми. По временам они играли, шумели и бузили вместе во дворе, или собирались вместе у очага посмотреть на огонь. И там они с охотой слушали сбивающие с толку рассказы финнов. С охотой, потому что эти рассказы многое объясняли и были новы. И так, несмотря на власть своих родителей, они окончательно выродились⁹⁵. Когда же дети вырастали большими и видели, что дети фризов не собирались воевать, а должны были только работать, они исполнялись презрения к работе как таковой и становились крайне высокомерны. Их вожди и сильнейшие из их сыновей ползали к беспутным финским девчонкам, а собственные их дочери, введенные в заблуждение нечистым примером, позволяли и себе забеременеть от красивейших из финских юношей, в насмешку над своими нечистыми родителями. Когда же об этом пронюхал Маги, он взял красивейших из своих финнов и мадьяр и посулил им коров с золотыми рогами, если только они позволят нашему народу схватить и пленить их, чтобы затем распространить в народе нашем свое вредное учение. Но их люди сделали даже больше: они на стороне плодили своих детей, поселяли их в Упсаланды, а как только те получали там воспитание, снова забирали их и привозили обратно. Когда же эти наши якобы-рабы (Scheinsklaven)⁹⁶ становились достаточно сильны в нашем языке, они цеплялись за наших герцогов и прочих нобилей и проповедовали им, внушая войти в зависимость от Маги. Также и сыновьям их нашептывали, чтобы те за ними наследовали; а не выбирались своим народом.

Тем же, которые ради благих деяний сохранили переднюю часть (территорий) в своей толпе, они обещали и отбросы, тем, кто получил переднюю часть поселений и отбросы, они обещали и круглую часть, а тем, кто получил круглую часть — всю власть при дворе. Если бы родители были закоренелыми (полноценными)

фризами, они бы развернули штевень⁹⁷ и удержали своих детей-бастардов от неверных поступков.

Вчера среди вас были такие, которые хотели позвать весь народ толпой, чтобы снова принудить восточные государства к выполнению их долга. Но, по моему простодушному мнению, в таком случае все выйдет наоборот. Подумайте-ка, какая была бы эпидемия у нашего скота и как нам всем было бы плохо, если бы мы решили смешать наш здоровый скот со скотом больным. Так же, если кто-то подтвердит, что руно их овнов стало дурным, неужели дерзнет он рисковать своими детьми, отпуская их к тому народу, который испорчен и пагубен?

Если бы я могла дать вам совет, то я бы вам сказала: «Вы должны прежде всего избрать себе новую Матушку. Вы хорошо знаете, что ваше затруднительное положение происходит именно оттого, что из двадцати дев-градоправительниц, которые у нас еще остались, есть по меньшей мере восемь, для этой должности подходящих. И между ними нет согласия. Тюнтъя, которая является девой-градоправительницей Медеасблика, никогда по этому поводу не печалилась. Но она — ясновидящая и полна Знания. Она столь же тверда в наших обычаях, как все другие вместе взятые. Поэтому я посоветую вам: вы должны воротиться в свои замки, и там записать все законы, Совет Фрейи, наряду со всеми историями и вообще всем, что там модно прочитать на стенах, чтобы эти древние сведения не пропали со временем. Там, кстати, написано следующее: „Матушка и каждая дева-градоправительница должна иметь под своим началом кроме помощников; и послов двадцать одну девушку и семь девочек на воспитании“. Если бы я могла к этому нечто добавить, то я бы написала: „...а также и множество почетных дочерей, чтобы обучать их, и чтобы они могли постоянно проживать в замках“. Ибо я говорю истину, и время ее подтвердит: если вы хотите оставаться настоящими детьми Фрейи и никогда не переставать ими быть — ни хитростью, ни оружием, то вы должны обратить свое внимание на то, чтобы ваши дочери становились подлинными женщинами Фрейи (Fryasweiber). Детей нужно учить тому, какой великой ранее была наша страна, какими великими мужами были наши предки, какими великими все еще являемся мы, если сравнивать нас с другими народами и измерять по

их мерке. Детям нашим нужно рассказывать о богатырях и о дальних морских экспедициях. Все эти рассказы должны происходить около очага, на дворе, и где бы то ни было еще, с великой радостью и со слезами. Но в головах и сердцах наших должно это утвердиться, и учение о нашей дивной и величественной старине должно струиться из уст ваших жен и дочерей».

Совет Аделы был исполнен.

Вот имена греветманцев, под руководством которых эта книга была составлена

Апол, муж Аделы. Трижды был он морским королем, а теперь он стал гревой над Восточным Флиландом и над территориями Линды. Под его защитой находятся также крепости Льюгарда, Линдажэм и Штавия.

Саксонец Шторо, муж Сютъяс, является гревой над Верхними Топами и над тамошними лесами. Девять раз он выбирался герцогом, то есть руководителем войска. Под его защитой находятся крепости Буда и Маннагарда-форда⁹⁸.

Абело, муж Йалтъи, является гревой над Южным Флиландом и над Тексландом. Под его защитой находятся Варабург, Медеасблик, Форана и Старый Фрайсбург.

Фоппа, муж Дюнкрос, является гревой над морскими островами. Пять раз был он морским королем. Под его защитой находится крепость Вальхаллагара⁹⁹.

* * *

Мое имя — Адельброст, я сын Апола и Аделы. Был я выбран моим народом, чтобы быть его г. и защищать территории Линды. Поэтому и хочу я продолжить книгу таким образом, каким мне говорила моя матушка.

После того как Маги был убит и Фрайсбург был восстановлен, должна была быть избрана Матушка. При своей жизни прежняя Матушка не оставила себе преемницы. Ее последней волей было уйти прочь и никого не искать. Семь месяцев спустя в Гренеге¹⁰⁰ собрался тайный совет восьми дев-градоправительниц. Он состо-

ялся в Гренеге потому, что она граничит с Саксонскими марками. Была избрана Адела, но она не пожелала становиться Матушкой. Она спасла моему отцу жизнь, и поэтому все ее очень любили. Многие хотели отговорить мою матушку от такого ее решения, но она сказала: «Задача почетной (избранной своим народом) Матушки — быть невинной в помышлении своем и быть также одинаково милой приветливой со всеми своими детьми. После того как я полюбила Апола, я люблю его больше, чем что бы то ни было в мире, поэтому я не могу стать такой Матушкой (какая вам нужна)».

Так говорила Адела¹⁰¹. Но другие девы-градоправительницы хотели все вместе стать Матушками. Каждое государство стремилось получить свою собственную деву и не хотело уступать другому. Поэтому ни одна из дев-градоправительниц не была выбрана и государство осталось без Матушки и без внутреннего единства. Вы можете это понять из всего за этим последовавшего.

Льюдгерт, король, который в настоящий момент уже скончался, избран был еще при жизни Матушки, причем избран всеми государствами, с любовью и доверием. В те времена когда жива была наша Матушка, он стал править большим двором Докема, и ему оказывали большое почтение. Ибо тогда в Докеме было множество послов и кочевников, прибывших из местностей близких или далеких, такое количество их было, какого никогда до этого и не было. Но Людгерт с ними не общался, был одиноким и покинутым, и все опасались того, что он провозгласит себя господином рабов и повелителем империи. Ведь каждый главарь воображал, что он сделал достаточно, что воцарился в своем собственном государстве, и поэтому не уступал никому другому.

С девами-градоправительницами дело обстояло еще хуже. Каждая хвасталась своей мудростью, а когда греветманцы делали что-то без нее, недоверие между ними и народом углублялось еще больше. Если же происходило нечто, касавшееся всех государств, то г. испрашивал совета у одной девы-градоправительницы, она его, разумеется, давала, причем учитывала не всеобщее благо, а исключительно благо своего собственного государства, как тотчас же начинали кричать все другие девы-градоправительницы. Такими вот кознями и углублялся раздор между нашими государствами, и, таким образом, ослаблялись узы, их связывающие. Народ

одного государства завидовал народу другого государства и рассматривал его, по меньшей мере, как совершенно себе чуждый народ. В результате, как это всегда и бывает, пользу от наших внутренних раздоров получили другие. Голены или тровюды (Trowyden) получили в свое распоряжение всю страну, вплоть до Шельды, а Маги — вплоть до Везера. При этом, как все это им удалось, изложила моя собственная матушка Адела, иначе эта книга не была бы написана, хотя я уже потерял всякую надежду, что она принесет хоть какую-то пользу. Поэтому я пишу без всякой безумной мысли, что тем самым смогу отвоевать и сохранить свою страну. Да это, как мне кажется, и невозможно. Я пишу только для своих потомков, чтобы они могли знать, как мы пришли к нашему упадку. А заодно и для того, чтобы каждый мог отсюда уразуметь, что любое зло нуждается в покаянии и его, рано или поздно, вызывает.

* * *

Меня назвали Аполлонией. Два раза по тридцать дней прошло с момента смерти моей матушки, когда Адельброста, моего родного брата, нашли убитым на верфи. Ему размозжили голову, и все тело его было расчлененным. Мой отец, который тогда сильно хворал, узнав о случившемся, умер, не перенеся этого горя. Тогда Апол, мой младший брат, уехал отсюда в Западный Шонланд и построил там свою крепость, назвав ее Линдасбурх, чтобы, утвердившись там, отомстить затем за наше страдание. Для этого Вральда отвел ему долгие годы жизни. У него было пятеро сыновей: все они приводили Маги в ужас, а моему брату они приносили великую радость. После смерти моей матушки и моего брата (Адельброста) самые храбрые сплотились и образовали союз, который назвали Адельбунд (Adelbund). Чтобы с нами ничего больше не приключилось, они перевезли меня и моего младшего брата Адельхирта в крепость, провозгласив там меня почетной девой, а моего брата сделав одним из почетных защитников этой крепости. Когда мне исполнилось двадцать лет, меня выбрали в девы-градоправительницы, а когда моему брату исполнилось пятьдесят, он был выбран в греветманцы. Со стороны нашей матушки мой брат был шестым, а со стороны отца — третьим. По нашему праву его потомки не должны были

именоваться Овера Линда (Над Липами), но каждый из них захотел носить это родовое имя¹⁰², в честь моей матушки. Сверх того нам сделали копию книги последователей Аделы. Этому я рада более всего, ибо она возникла исключительно благодаря мудрости моей родной матушки. В крепости я нашла еще и другие писания, не указанные в этой книге и также составляющие похвальные речи моей матушке. Обо всех них я напишу позднее.

Вот писания, оставленные нам Бруно, который был писарем в этом замке

После того как последователи Аделы распорядились о том, чтобы было переписано все, что было выбито на стенах замка, они решили избрать Матушку. С этой целью в хайме был собран общий совет¹⁰³. После совета (последователей) Аделы на место матушки была предложена Тюнья. И все шло для Тюньи очень успешно, но вот попросила слова моя дева-градоправительница. Она всегда ошибочно полагала и воображала себе, что она должна стать Матушкой, на том основании, что она сидела здесь в замке, из которого было выбрано большинство наших Матушек. Когда ей было позволено сказать свое слово, она открыла свои лживые губы и заговорила: «Как кажется, все вы придаете совету Аделы большое значение. Поэтому мой рот не должны закрывать или завязывать. Но кто такая Адела, откуда она происходит, что вы ей воздаете такие большие похвалы? Подобно мне, она также была в свое время девой-градоправительницей. Но является ли она оттого мудрее или лучше, чем я или все остальные? Или же она лучше понимает наши нравы и обычаи? Если бы дело было в этом, то она стала бы Матушкой сразу после того, как ее выбрали. Но нет, она захотела брака, со всеми блаженствами и восторгами, которые с браком связаны, вместо того чтобы в одиночестве заботиться о себе и о народе. Она — ясновидящая. Хорошо! Но ведь и мои глаза далеки от того, чтобы быть затемненными. Я видела, что она очень любила своего Фриделя. Хорошо, это даже очень похвально. Но я видела также и то, что Тюнья является племянницей Апола. Более я ничего не хочу говорить».

Все, кто был на совете, прекрасно поняли, куда ветер дует¹⁰⁴. Но в народе возник раздор, и большинство не хотело разрешить

Тюнье удостоиться права быть нашей Матушкой. Когда все речи закончились, Матушка в результате так и не была выбрана.

Вскоре затем один из наших вестников зарубил своего товарища. До того как это произошло, он был очень хорошим, и поэтому моя дева-градоправительница отлучилась от своих дел, чтобы уберечь его от заточения и увезти оттуда подальше. Но вместо того чтобы помочь ему убежать в Твисланд, она сама удрала за Везер, а затем — к Маги (к мадьярам). Маги, который хотел понравиться тем из сыновей Фрейи, которые жили на его землях, поставил ее Матушкой в Годабурге и в Шонланде. Но она хотела большего. Она сказала ему, что он мог бы устранить Аделу и что он должен сам стать господином всего Фрисланда. Она сказала, что является одним из врагов Адели, ибо именно из-за козней и происков Адели она, мол, так и не была выбрана Матушкой. И только когда Маги пообещал ей Тексланд, ее посол вызвался быть проводником мадьярских воинов.

Другое писание

Пятнадцать месяцев спустя после того, как состоялся совет, был месяц дружбы или Winnemopat. Каждый предавался дружескому веселию, и никто не имел другой заботы, кроме как умножать свои потешные удовольствия. Но Вральда захотел показать нам, что бдительностью пренебрегать не следует. Во время праздничного торжества набежало облако и укутало наши земли в самый густой и непроглядный мрак. Удовольствия быстро отошли в сторону, но бдительность возвращаться не хотела. Береговая охрана расслабилась и покинула свои сигнальные огни, и за подступами к нашим землям никто не присматривал. Когда облако отошло, сквозь слои туч просочилось солнце. Каждый вернулся к прежнему веселию, чтобы и дальше горланить и радоваться солнцу: наше подрастающее поколение бродило с песнями вокруг молодых березок (Maiepbäum), которые наполняли воздух своим сладким запахом.

Но пока все веселились и купались в удовольствии, на нашу землю высадилась и на конях прискакала измена. Подобно всякому злодею, изменникам покровительствовала темнота, за время которой они успели по тропам пробраться сквозь липовый лес.

Перед дверями Аделы резвились двенадцать девочек с двенадцатью ягнятами и двенадцать мальчиков с двенадцатью телятами¹⁰⁵. Молодой саксонец скакал на диком бычке, которого он сам поймал и обуздал. Они были украшены всевозможными цветами, а верхнее льняное одеяние девочек было оторочено золотом из Рейна¹⁰⁶.

Когда Адела из своего дома вышла на дорогу, на ее голову посыпался дождь из цветов, все очень громко смеялись, и надо всем ревели рожки наших малышей. О, бедная Адела, о, бедный народ, какой краткой оказалась наша радость! Как только рассеялись облака, на Родину Аделы немедленно обрушились орды мажарских всадников. Отец и муж Аделы сидели в то время на скамейке внутри дома. Дверь была открыта, а внутри стоял Адельброст, ее сын. Когда он увидел, в какой опасности находятся его родители, он снял со стены свой лук и выстрелил в первого из разбойников. Тот повернулся, вздрогнул и замертво рухнул на землю. На долю второго и третьего выпала такая же судьба. Тем временем его родители успели взяться за оружие и беззаботно устремились навстречу врагам. Вскоре родители попали в плен, но тут появилась Адела. В крепости она обучилась обращаться со всеми видами оружия, рост ее был семь футов, а меч ее был таким же длинным¹⁰⁷. Она трижды взмахнула своим мечом, и прежде чем он опустился, один из рыцарей уже лежал на траве.

Таким образом она приблизилась к углу проселочной дороги, попутно сбивая или просто стаскивая разбойников с лошадей. Но было уже слишком поздно. Одна из стрел задела ее грудь. Предательские мажары! Наконечник стрелы был смазан ядом, и от этого она и умерла.

Похвала деве-градоправительнице

О друг, живущий на чужбине, действительно, многие уже пришли, но еще больше людей находятся в пути.

Хорошо, мы хотим слышать мудрость Аделы.

Естественно, она является княгиней, ибо она всегда была самой благородной.

О, зачем ей было служить? Ее рубаха была из льна, ее верхняя одежда — из шерсти, которую она сама пряла и ткала. Да и чем ей

было улучшать свою красоту? Ведь не жемчугом же, ибо ее зубы были белее жемчуга¹⁰⁸, не золотом, ибо ее волосы были светлее золота, и не камнями. Ибо глаза ее были нежными и кроткими, подобно глазам ягненка, и в то же время сияли так, что смотреть на них можно было только с чувством ужаса и восхищения.

Однако что я говорю про красоту? Да, Сама Фрейя, имевшая семь красот, из которых каждая из дочерей Фрейи унаследовала по одной, а самое большое, по три, Сама Фрейя, конечно же, не была более красивой. Но даже если бы она (т.е. Адела. — А.К.) была менее красива, то все равно она была бы нам дорога.

Была ли она наделена богатырской силой? Слушай же, о дитя, Адела является единственным чадом нашего греветманнца. Она высока, и рост ее равен семи футам, но мудрость ее еще выше, чем ее тело, а мужество и отвага ее равны им, вместе взятым.

Добавь сюда такую историю. Однажды разразился у нас пожар болот. Три малыша запрыгнули на камень гробницы. Дул сильный ветер. Каждая из малюток громко кричала и звала на помощь, а матери были беспомощны и нерешительны и не могли их спасти. И тут приходит Адела. «Что же вас смущает и колеблет? — закричала она. — Попробуйте оказать помощь, и Вральда даст вам для этого силы». Тогда она побежала в Крильвальд (Лес Криль), схватила подходящий кустарник и попыталась сделать из него нечто наподобие моста. В этом ей помогли и другие, и дети были спасены.

Каждый год сюда приходили дети, чтобы возложить цветы. Но однажды сюда пришли три финикийских купца, чтобы совершить святотатство. Но Адела поспешила туда: она расслышала крики святотатцев. Она избила их так, что они потеряли сознание, а затем, чтобы они сами могли признаться в своей низости, крепко связала их вместе с помощью прялки. Затем пришли другие чужеродные господа и затребовали часть своего народа назад. Когда же они увидели, что с теми тремя финикийцами приключилось, они преисполнились самого настоящего гнева. Но им рассказали, как все на самом деле произошло. И что же они сделали потом? Они склонись перед Аделой и целовали подол ее верхней одежды.

Приходи же, о живущий вдалеке друг, лесные птицы летят впереди тех, кто идет к нам. Приходи, друг, ты должен слышать ее мудрость.

А теперь я хочу сам написать обо всем; сначала о моем замке, а затем обо всем, что мне самому удалось увидеть

Мой замок находится в северной части Льюдгартена. У нашей башни есть шесть сторон. Она имеет в высоту трижды тридцать футов, а сверху она плоская. На самом ее верху есть маленький домик, из которого можно наблюдать за звездами. С каждой стороны башни стоит по дому, каждый из которых в длину имеет триста футов и в высоту — столько же, не включая крыши, форма которой круглая. И все это — из хорошо подогнанных камней, и снаружи выложено маленькими камушками. Вокруг замка располагается круглая насыпь, а вокруг нее — ров глубиной в трижды семь и шириной в трижды двенадцать футов. И если кто-то стоит на вершине башни, то ему виден образ Юла. На земле между южными домами растут всевозможные травы, привезенные издалека или ниоткуда не привезенные: девушки должны ведать силы этих трав. Между северными домами — только поле. Три дома с северной стороны наполнены зерном и другими припасами. Два дома с южной стороны предназначены для девушек, там они учатся и живут. Дом с южной стороны — это дом девы-градоправительницы. В башне висит Лампа. Стены башни украшены дорогостоящими камнями¹⁰⁹. На южной стене написан «Совет» (Фрейи), на правой стене находится Древнейшее учение, а на левой — законы. Все прочие вещи можно найти на трех других сторонах. Напротив земляного вала, перед домом девы-градоправительницы, стоит печь и мельница, которая вращается от четырех деревянных лопастей. За крепостным валом находится хайм (земельный участок, домовая постройка. — А.К.), в котором живут мужчины — защитники замка. Поэтому длина круглого вала равна одному часу — но не часу моряков, а часу солнечному, которого в этмельде¹¹⁰ содержится дважды двенадцать. На внутренней стороне вала имеется пластинка, на пять футов ниже края. На ней триста грузоподъемных кранов из дерева и кожи. Кроме домов тех, кто проживает вне замка, вдоль вала расположены также трижды двенадцать домов-убежищ для окрестных жителей. Поле служит и как лагерь, и как пастбище.

С южной стороны внешнего кольцевого вала Льюдгарда огорожена огромным липовым лесом. Он имеет три вершины, а его

широкая часть обращена вовне, затем чтобы солнце могло туда светить. Ибо там растет множество заморских, привезенных нашими моряками деревьев и цветов. Такой же облик, как наша крепость, имеют и другие крепости. Но наша — самая большая. Однако тот замок, который находится в Тексланде — он самый большой. Башня Фрайсбурга настолько велика, что заслоняет собой облака. И в соответствии с башней там устроено все остальное.

В нашем замке все поделено следующим образом: семь девушек наблюдают за Лампой, каждая вахта длится три часа. В другое время они должны исполнять работу по дому, учиться и творить. Когда истекает семь лет их заботе о Лампе, девушки становятся свободны от этой обязанности. Тогда они должны идти к остальным, чтобы заботиться о сохранении обычаев и давать советы. Когда девушка продежурит у Лампы в течении трех лет, она может время от времени уходить вместе со старшими девушками.

Писарь должен учить девушек читать, писать и считать. Грайза или Грева должны обучать их знанию права и чувству долга, народным обычаям, ведению целебных трав, врачеванию, истории, искусству сказительства и пения, наряду с прочими вещами, которые им пригодятся, чтобы давать совет. А дев-градоправительниц он должен учить, как им применять свои умения по отношению к людям. До того как дева-градоправительница вступит в свою должность и займет свое место, она должна целый год ездить по стране. Грева-крепостные и старшие девы должны составить при этом компанию. Так же было и со мной.

Моя поездка проходила вдоль Рейна, мы плыли вверх, придерживаясь одного из берегов. И чем выше я поднималась, тем более жалкими и убогими казались мне люди. Повсюду вдоль Рейна встречались мне садки с косяками рыбы. Люди лихорадочно промывали песок, в надежде найти золото. Но девы их не носили золотых корон¹¹¹. В прежние времена их было намного больше, но с тех пор как мы утратили Шонланд, все они покинули родные места и ушли в горы. Там они шурфуют (разведывают) железную руду, из которой делают железо.

Там, где верхняя половина Рейна, между горами, я увидела марзатов. Марзаты — это люди, которые живут в марах¹¹². Их дома

построены на столбах. Это сделано так прежде всего от зверей и от злых людей. Там водятся волки, медведи и черные ужасающие львы. Те, кто там проживает, по крови своей близки жителям Ближних Крекаландов¹¹³, последователям Кельты и различным твистерам (Twister), каждый из которых падох на разбой и жаден до добычи. А марзаты живут в основном рыболовством и охотой. Женщины обделывают дома их лыком и берестой, тонкие слои которой по своей белизне не уступают и женской коже. Дева-градоправительница Фрайсбурга сказала мне, что они — люди добрые и простодушные. Но если бы я этого не слышала заранее, то я бы подумала, что это не фризы, а какой-то дикий народ: настолько дерзко они выглядели. Их меха и овощи скупали жители Рейна, которые все это вывозили на своих кораблях.

Когда мы плыли вдоль другого берега, мы видели все то же, вплоть до Лидасбурга. Там был большой отводный канал, а попросту — канава. И в этой канаве также были люди, построившие себе дома на столбах. Но это был не народ Фрейи, а черные или коричневые люди, которые работали гребцами на веслах, помогая путешественникам переправиться на другой берег. Они должны были оставаться на одном месте, пока флот снова не вернется.

Наконец мы прибыли в Альдергу. «В изголовье» южной бухты там расположен замок Варабург, представляющий собой огромный каменный дом. Там хранились всевозможные раковины, разные виды оружия и одежды, привезенные моряками из дальних странствий. И четверть их земель занимает Альдерга, большой канал, окруженный зернохранилищами, домами и садами, причем все это обильно украшено. В канале всегда стоял наготове большой флот со знаменами разнообразных цветов и оттенков. В день Фрейи (в пятницу) по бортам кораблей вывешиваются щиты, которые блещут подобно солнцу. Щиты белых королей и капитанов были окантованы золотом. За этим каналом находился другой канал, который оттуда выходил в крепость Форана и далее узким своим устьем впадал в море. Для кораблей уже описанного флота это был выход в открытое море, а для кораблей, прибывающих в Альдергу, это был вход в бухту. По обе стороны городского судоходного канала располагались красивые дома, переливающиеся светлыми красками и блестящие на солнце. Сады были огорожены

вечнозеленым плетнем. Я видела там женщин, которые носили меховую одежду. Как и в Штавии, девочки носили на головах золотые короны, а на руках и на ногах — золотые кольца¹¹⁴.

К югу от Фораны находится Алькмарум¹¹⁵. Алькмарум.— это очень широкий канал, на котором находится остров. На этом острове должны пребывать такие же черные и коричневые люди, как и в Лидасбурге. Дева-градоправительница Фораны сказала мне, что мужчины из крепости ежедневно приходили к ней, чтобы учиться у нее тому, что есть истинная свобода и как люди должны жить в любви, чтобы сподобиться благословения Духа Вральды. И если какой-нибудь чужеземец хотел это постигать, то его оставляли, пока он не выучивался. А делали так затем, чтобы сделать окрест живущие народы мудрее и чтобы повсюду завоевать себе друзей. Прежде я была (девой-градоправительницей) в Саксенмарках, в крепости Маннагардафорда¹¹⁶. Но там я увидела мрачности и угрюмства больше, чем здесь — богатства. Она добавила: «Так, когда в Саксенмарки приходит свободный, чтобы посвататься за девушку, девушка его спрашивает: «А мог бы ты отвоевать себе дом у опальных твисклендцев? Тебе уже какой-то (из их домов) приглянулся? Сколько диких быков ты уже поймал? А сколько медведей и сколько волчьих шкур ты уже отнес на рынок?» Отсюда и происходит, что саксонцы передают земледелие своим женщинам, а также и то, что среди выходцев оттуда никто не умеет ни читать, ни писать. Отсюда же происходит и то, что ни у кого из них нет на щите девизов, а вместо этого — неопрятное и бесформенное изображение животного, которое ему нравится. И, наконец, отсюда также происходит и то, что они стали очень воинственны, но одновременно они так же глупы, как животные, на которых они охотятся, и такие же бедные, как твискландцы, с которыми они ведут свои войны.

Для народа Фрейи были сотворены и земля, и море¹¹⁷. Все наши реки стремятся в море. Народ Лиды и народ Финды истребят друг друга, а мы должны заселить свободные земли. В подчинении себе этих земель состоит наше спасение. И если ты хочешь, чтобы жители Оберландов разделили нашу мудрость и наше богатство, то я дам тебе один совет. Сделай у твоих девушек привычкой, прежде чем сказать жениху «да», спросить его: «А в какой части света ты

уже был? Что ты можешь рассказать своим детям о дальних странах и о народах, живущих вдали от нас?»

И если они станут делать именно так, то у нас¹¹⁸ станут появляться воинственные малыши. Они будут становиться умнее и богаче, и мы перестанем нуждаться в этом грязном народе¹¹⁹.

Самая молодая из девушек, которая была при мне, происходила из Саксонских Марок. Когда мы наконец прибыли домой, она попросила у меня отпуск, чтобы вернуться домой. После этого она стала там девой-градоправительницей, и отсюда происходит то обстоятельство, что сегодня так много саксонцев ездит вместе с нашими моряками.

Писания Фретхорика и Вильо

Мое имя Фретхорик, а прозвание — Ура Линда, что значит «Над Липами»¹²⁰. В Льюдвардье я был выбран Асегой. Льюдвардье — это новая деревня, расположенная внутри круглого рва крепости Льюдгарда, название которой стало считаться позорным. В мое время произошло многое. Я много об этом написал, и мне сообщали тоже о многом из того, что происходило. И лишь кое о чем хочу я написать историю в этой книге — добрым людям во славу, а злым — в бесчестие.

В юность мою я со всех сторон слышал жалобы: грядет лютая година, либо лютая година уже наступила, Фрейя нас покинула, она отняла от нас свою деву, блюдушюю порядок, ибо и в черте нашего проживания¹²¹ находили изображения всевозможных идолов. И тогда перед взорами любопытных я сжигал этих идолов. Неподалеку от нас жила старуха, которая, прихрамывая, то заходила в дом, то выходила из него, и все кричала про последнее времена. Я присоединился к ее негодованию¹²². Она окрасила мне подбородок. Теперь я осмелел и спросил ее, не хочет ли она показать мне знаменья последних времен. Она благосклонно улыбнулась и отвела меня в замок. Грайс спросил меня, умею ли я уже читать и писать. «Нет, — сказал я. «Тогда сначала ты должен идти и всему этому выучиться, — сказал он. — Иначе мне нельзя открывать тебе эту тайну». И каждый день я ходил к писчему, чтобы учиться. Восемь лет спустя я слышал, что наша дева-градоправительница

жила жизнью распутницы, что некоторые наши мужчины из числа стражей вместе с Маги (мадьярами) готовили измену, и что многие люди были на их стороне. Повсюду возник раскол. Тут были и дети, которые восставали против своих родителей. А добрых и порядочных людей втайне убивали. Та самая старая женщина, которая ничего не утаивала и обо всем говорила открыто, была найдена мертвой в одной из канав. Мой отец, который был судьей, хотел за нее отомстить. Ночью он был убит прямо в своем доме. Три года спустя у нас — даже без всякой борьбы — воцарился Маги. Саксонцы оставались набожными и мудрыми. Все добрые люди стекались к ним. Сверх того, умерла моя мать. Теперь я стал жить подобно всем. Маги повсюду хвастался своей хитростью. Но Иртха (Земля) захотела показать, что ни Маги, ни жутких идолов она не допустит в свою священную утробу, из которой она родила Фрейю¹²³. Подобно дикому коню, который трясет своей гривой после того, как он сбросит седока наземь, так же и Иртха потрясала лесами и горами. Реки хлынули на поля и затопили их. Море кипело, бурлило и клокотало. Горы извергли огонь в облака, и то, что они выбросили, облака швырнули обратно на землю. В начале урнемоната (месяца урожая) Земля склонилась к Северу. Она тонула, погружаясь все глубже и глубже. В волчий месяц (зимний месяц) Нижние Марки¹²⁴ земли фризов лежали, погруженные в море. Леса, полные разных идольских изображений, были подняты вверх в вольной игре ветра и сброшены в море. Год спустя в хердемонат¹²⁵ вся земля древних фризов покрылась толстым слоем льда. В гелламонат (февраль) с Севера пришел штормовой ветер и принес с собой горы льда и камней. А когда пришли весенние разливы, Иртха взяла вдруг и высоко вздыбилась. Лед от этого растаял. Образовался мощнейший прилив, который унес леса и всех идолов в море. В месяц май¹²⁶ каждый смельчак снова отправился домой.

Я, вместе с одной девушкой, пошел в замок Льюдгарда. Как же грустно он выглядел! Исчезла большая часть наших липовых лесов. А на том месте, где располагался Льюдгартен, находилось море. И волны его бичевали круглый вал. Лед разрушил башню, и дома лежали врассыпную. На склоне вала я нашел камень. Наш писчий нацарапал на нем свое имя. Это был бакен¹²⁷, приготовленный специально для меня.

То же самое, что произошло с нашей крепостью, произошло и с другими. Высокие страны были разрушены землей, а низкие — затоплены водой. Не был разрушен только Фрайсбург в Тексланде. Но вся страна, которая находилась к Северу от него, лежала, сокрытая под водными пучинами. И больше она оттуда никогда не понималась. По эту сторону озера Фли возникли, как уже было сказано, тридцать соленых морей, образовавшихся на месте тех лесов, которые были вырваны вместе с землей. А на западной стороне от озера Фли таких морей было пятнадцать. Городской судоходный канал, который протекал поперек всей страны, был разрушен и засыпан песком. Моряки и прочий корабельный народ, который в момент катастрофы оказался дома, укрылся со всем семейством и повозками на кораблях, и только так и спасся. Так же поступил и черный народ Лидасберга и Алькмарума. В то время, когда черные (перевозчики) перебирались на юг, они спасли многих девочек, а поскольку никто не пришел и не потребовал их обратно, они удержали их у себя, используя как своих женщин. Люди, которые собирались вместе, устраивались по-домашнему внутри кольцевых крепостных валов, поскольку вокруг была одна тина, грязь и обломки. Старые дома были разрушены до неузнаваемости. В землях, расположенных на возвышенности (в Оберландах) можно было купить коров и овец, в больших домах, где некогда размещались девушки, изготавливали только тряпки и меха, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Это произошло в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году после того, как затонул Атланд¹²⁸.

Двести восемьдесят два года¹²⁹ у нас не было народной Матушки, и когда, казалось, все уже было потеряно, мы решили ее выбрать, и наш выбор пал на Госу, именуемую также «Маконта». Она была девой-градоправительницей во Фрайсланде в Тексланде. У нее была светлая голова и ясный разум, вообще, она была очень хороша, и поскольку ее замок был единственным, который сохранился, каждый из него высказался в ее пользу. Через десять лет пришли люди из Фораны и из Лидасбурга. Они хотели вернуть обратно черных (перевозчиков) вместе с женщинами и детьми. А на это они хотели испросить совета у Матушки. Но Госа сказала: «Если вы можете привести в нашу страну и тех и других, то вы должны торопиться, иначе вы не найдете их желудки». «Нет», —

сказала она. Тогда Госа сказала: «Они пробовали твою соль и ели твой хлеб. Их тело и душа находятся под твоей защитой. Вы должны справиться обо всем у своего сердца. Но я хочу вам дать такой совет. Храните их до тех пор, пока вы будете в состоянии привести их в свои крепости. Но держите их вне ваших замков. При этом следите за их нравами и учите их, как если бы они были вашими сыновьями. Их женщины здесь будут сильнейшими. Их кровь испарится и рассеется, подобно дыму, пока наконец не останется ничего, кроме чистой фризской крови, текущей в потомках Фрейи».

Так они и остались здесь. Теперь же я хочу, чтобы мои потомки сами убедились в том, насколько Госа была права.

Когда наши страны снова смогли объединиться, в места Штаверии и Альдерги пришли шайки бедных саксонцев и женщин, чтобы поискать в их болотистой почве золотых и других украшений. Но моряки не захотели им этого позволить. Тогда они пошли и поселились в пустых деревнях Западного Флиланда, дабы где-то осесть и сохраниться.

Теперь я хочу написать о том, как вернулись назад гертманцы и многие последователи Хеллени

Два года спустя после того, как Госа была избрана Матушкой¹³⁰, на Флизее напал какой-то вражеский флот. Народ тот кричал так: «ho-n-seen!»¹³¹ Они поехали в Штаворию и там кричали таким же образом. Их знамена находились на топе, а по ночам они стреляли в воздух горящими стрелами. Когда же наступил день, некоторые из них погребли в своих кораблях, похожих на улиток, к берегу. Они снова кричали: «ho-n-seen!» Когда они высадились, молодой парень запрыгнул на стену. В его руках был щит, на котором лежали хлеб и соль. Затем пришел Грайс. Он сказал: «Мы прибыли сюда из Дальних Крекаландов, чтобы сохранить наши обычаи. И теперь мы хотим, чтобы вы оказались настолько добры, чтобы позволили нам занять столько вашей земли, сколько нам нужно для того, чтобы жить». И он рассказал им всю историю, которую я лучше расскажу чуть позже. Грайзы не знали, что и делать. Они послали гонцов во все концы, в том числе и ко мне. Я вышел и ска-

зал: «Теперь у нас есть Матушка, поэтому мы должны испросить у нее совета». И я сам пошел с ними. Матушка, которая уже обо всем знала, сказала: «Разрешите им прийти, и они помогут нам сохранить нашу страну. Но не разрешайте им оставаться на одном месте, чтобы они не возымели над нами власть».

И мы сделали в точности так, как она сказала. И это было очень разумно. Фризо остался со своими людьми в Штавории, которую они снова сделали крупным морским городом (портом), настолько хорошо, насколько они это могли. Виххирте со своими людьми отправился на восток, в сторону Еемуды. Отдельные ионийцы, подумавшие, что они происходят от народа Альдерги, покинули эти местности. А маленькая часть, те, кто подумал, что их предки происходят с Семи Островов, пришли туда и поселились между кольцевыми валами и крепостью Вальхаллагара¹³².

Следующая часть, в которой рассказывается о возвращении индо-фризов, была мной вычеркнута, поскольку она представляет собой, вероятно, гуманистическую переработку, вошедшую в Кодекс С. Древним и намного более значительным является, как я показал во «Введении», самое начало: «После того как прошло двенадцать раз и два раза по двенадцать лет, время, за которое утекли „пять Вод“, за которое наши моряки успели объехать все моря, какие только можно найти, сверху пришел король Александр со своим мощным войском, пришел вдоль течения и прошел сквозь наши деревни¹³³». Отсюда становится понятно, что упоминавшееся у Страбона¹³⁴ поселение Минагара, которое лежало в месте, где река Инд впадает в море, не могло быть обширным и густонаселенным. Рассказывают, что живущие на побережье моряки садились со всей своей поклажей на корабли и покоряли дальние моря. Александр, когда узнал, какой большой флот от него ускользнул, пригрозил, что спалит все деревни, если этот флот не вернется. Между лежащим на насыпи Вихиртом (Wichirte) и Александром было заключено соглашение, что фризы должны ему (Александр), сохраняя свою свободу, бесплатно прислуживать, а именно при перевозке его войска по «священному Гангу», который Александр иначе не смог бы пересечь. Александр приказал своим солдатам валить деревья, из которых фризские плотни-

ки должны были делать корабли. Солдаты, набранные из жителей гор и потому боявшиеся моря, жгли древесную кору и специально спалили целую деревню. Александр пришел в ярость и захотел виновных казнить. Но Неарх отсоветовал ему это делать. Александр отказывается от своего плана и решает ехать обратно. Теперь фризский флот, с женщинами и детьми — вероятно, в награду за их верность, — и девять кораблей, уцелевшие от пожара и полные ионийцев и крекалендцев, плывут к устью Евфрата, в то время как Александр пересекает пустыню, которая тянется вдоль берега.

В договоре говорилось о том, насколько далеко должны ездить гертманцы, где они должны строить свои поселения и как должны возвращаться назад. По предложению Неарха флот Александра должен был плыть до самого конца Черного (Красного) моря, где его должны тащить волоком по пустыне в Средиземное море две сотни слонов и тысяча верблюдов на балках в течение трех месяцев — по той самой пустыне, которая образовалась со времени переправы флота предков гертманцев. Неарх говорил, что их король (Александр) хотел показать другим королям свое всемогущество. Когда Александр узнал, как был обнародован его приказ, он стал настолько самонадеянным, что приказал вырыть сухую дорогу, в насмешку над Иртхой. Но Вральда освободил его душу; поэтому он утонул в вине и в своей заносчивости, прежде чем он смог приступить (к задуманному).

Неарх предлагает гертманцам поселиться на финикийском берегу. Они отказываются и объясняют, что скорее уж они склонны к тому, чтобы поехать обратно во Фрисландию. Однако из дружественного расположения к Неарху, «которого они признали носителем смешанных кровей (Mischblut), вследствие того что он имел фризскую кожу, голубые глаза и светлые волосы», согласились еще остаться и посодействовать городскому судье Деметрию, сыну их друга Антония, одержать в морском бою победу над Птоломеем. А затем они перевезли его войско на Родос. Но Деметрий осмелился посягнуть, в отсутствии фризского короля по имени Фризо, на его дочь и сына. Фризо подвиг через тайного посла своих оскверненных детей на то, чтобы они совершили самоубийство, которое привело его жену в совершенное отчаяние. Послание Фризо своим

детям достойно нашего внимания. Оно звучало так: «Против вашей воли тело ваше осквернено. Но это вам засчитываться не будет. Но если вы оскверните свою душу, то вы никогда не попадете в Вальхаллу. Ваши души будут тогда блуждать на земле, и им даже не будет позволено видеть свет. Подобно летучим мышам и совам, вы постоянно будете днем забираться в свои пещеры и не вылезать наружу, а потом ночью выть и рыдать на ваших могилах, ибо Фрейя должна будет отвернуть от вас свою главу».

В отместку Фризо сжег зернохранилища Деметрия со всеми запасами зерна, со всем его флотом, с женщинами и детьми, со всеми мешками и тюками. Затем он отражает нападение кораблей Деметрия, которые его преследуют. По пути к ним хочет примкнуть еще один флот с ионийцами на борту, которые прослышали о том, что случилось, и захотели избежать господства над собой тирана Деметрия. «Фризо, который родился вместе с ионийцами, сказал им „да“, но Вихирте, наш король, сказал „нет“. „Ионийцы служат идолам, — сказал он, — я сам слышал, как они их призывали“. Фризо сказал, что так вышло от их долгого общения с жителями Крекаландов. „Но и я тоже много с ними (с крекаландцами) общался, однако я остался таким же хорошим фризом, как самый истинный и подлинный из вас“. Фризо был человеком, который должен был вести нас во Фрисландию. Следовательно, ионийцы поплыли с нами. Как кажется, это понравилось и Вральде, ибо не прошло и трех месяцев, как мы проплыли Британию, и через три дня мы уже кричали „ho-p-seen“».

Эти писания были мне переданы через Нордланд или Шонланд

В то время¹³⁵ когда потонула наша страна, я был в Шонланде. Там все было так. Имелись большие озера, которые растягивались со дна, подобно пузырям; затем они дробились, а от рифов они приобретали такой яркий цвет, как если бы они были из раскаленного железа. Там были и горы, вершины которых ломались. Они стремительно падали вниз и сметали на своем пути леса и деревни. Я сам видел, как одна гора оторвалась от другой и стремительно полетела вниз и вертикально воткнулась в землю. Когда я затем

пришел посмотреть, там уже возникло море. Когда земля отдохнула, пришел герцог линдасбургский со своим народом и со своей девой-градоправительницей. Эта дева-градоправительница всю дорогу кричала: «Маги — виновник всех страданий, которые мы претерпели». Они постоянно тянулись дальше, и войско мало-помалу становилось все больше и больше. Потом мы нашли труп мадьяра, который сам покончил с собой. Мы прогнали финнов в то место, где они должны были жить. Там были и некоторые со смешанной кровью: они должны были оставаться там, где жили до этого. Но многие пошли вместе с финнами. Герцог был выбран королем. Церкви¹³⁶, которые оставались в неприкосновенности, были разрушены. С тех пор добрые нордические люди все чаще приходят за советом к Матушке в Тексланд. Но мы тем не менее не можем признать их подлинными фризами.

В Нижних Марках (Денемарках) все было в точности как у нас. Моряки, смело и даже дерзко называвшие себя морскими героями, сели на свои корабли, а затем снова приплыли обратно.

* * *

Хайль!

Когда Кродер¹³⁷ отмеряет некоторое время и повернется вперед, потомки будут ошибочно полагать, что тот недостаток и упадок, который принесли с собой люди с каменоломни (die Bruchmaenner), были присущи уже жизни их предков. Против этого упадка я буду бороться, и поэтому буду писать об их обычаях, какими я их видел. Свидетельствовать об обычаях гертманцев — проще всего. Общался я с ними немного. Однако насколько я видел, в большинстве своем они остаются верны своему языку и своим обычаям. О других народах так сказать я не могу. Те, кто происходит из Крекаландов, имеют злой язык, а за нравы их прославлять их просто невозможно. У многих — карие глаза и коричневые волосы. Они — дерзкие и злобные, и при этом они трусливы, ибо верят в разные суеверия. Когда они говорят, они называют сначала те слова, которые должны быть названы в конце¹³⁸. Вместо слова «alt» они говорят «ad», вместо «salt» — «sad», «ма» — вместо «man», «sel» — вместо «skil», «sode» — вместо «skode». Примеров

слишком много, чтобы все их перечислить. И далее, они часто произносят странные и сокращенные имена, которым не придается никакого значения.

Ионийцы говорят лучше, но они замалчивают букву «h», и, наоборот, там, где она произносится не должна, они ее произносят. Когда кто-то делает изображение умершего и оно оказывается на него похожим, то они думают, что в него, в это изображение, входит дух усопшего. Поэтому они держат в сокрытии идольские свои образы Фрейи, Фесты, Медеи, Тюньи, Хеллений¹³⁹ и многих других. Когда рождается ребенок, весь род собирается вместе и молится Фрейе, чтобы Она послала им девочку и тем самым благословила ребенка. И когда они вместе молятся, никто не должен этому мешать и даже не должен слышать, как они молятся. Когда ребенок начинает хныкать и через некоторый момент перестает, это воспринимается как дурной знак, и все предполагают, что мать ребенка повинна в распутстве. В связи с этим мне приходилось видеть разные дурные вещи. А если ребенок засыпает, то это считается признаком того, что девочка вырастет славная. Если же дитя во сне смеется, то ребенку предсказывают много счастья. Кроме того, они верят в злобных духов, ведьм, унхольдов, кобольдов и эльфов, как если бы они происходили (не от Фрейи, а) от финнов.

На этом я хочу закончить (мое описание), и теперь я считаю, что рассказал больше, чем кто бы то ни было из моих предшественников. Фретхорик.

:

* * *

Фретхорик, мой муж, дожил до шестидесяти трех лет. За сто восемь лет он — первый в своем роду, кто умер своей смертью. Все остальные убиты за то, что они воевали против своих и чужих за Правду и Долг.

Мое имя — Вильо, я — та самая дева, которая вернулась вместе с Фретхориком из Саксонских Марок. И он и я происходим из рода Аделы. Между нами возникла любовь, и после этого мы стали мужчиной и женщиной. Он оставил мне пятерых детей, двух сыновей и трех дочерей. Конерад — так зовут моего старшего, Захга-

на — зовут моего второго ребенка. Мою старшую дочь зовут Аделой, вторую — Фрулик, а самую младшую — Нохт. Когда я поехала в Саксонские Марки, я спасла три книги: Книгу Напевов, Книгу Рассказов и Книгу Хелении. Я пишу это для того, чтобы не подумали, что они происходят от Аполлонии: слишком много я за них вытерпела, а потому хочу и большого почета. Но я сделала и большее: когда умерла Госа-Маконта, чья доброта и прозорливость вошли в пословицу, я одна пошла в Тексланд, чтобы переписать те книги, которые от нее остались. И когда последняя воля Френы была обнаружена, вместе с писаниями, оставленными Делой и Хеленией, я еще раз это подтвердила.

* * *

Вот писания Хелении. Я поставила их на первое место, поскольку они являются древнейшими

Слава всем подлинным фризам!¹⁴⁰

В прежние времена славянские народы¹⁴¹ о свободе ничего не знали. Подобно волам, использовали их под ярмом. Они охотились на земле за внутренностями, чтобы шурфовать (разведывать) металл, а в суровых горах они должны были строить дома для того, чтобы там жили князья и жрецы. Во всем, что они делали, ничто не было направлено на их насыщение, но все — только на то, чтобы сделать князей и жрецов еще богаче и влиятельнее. От этой работы они становились серыми и крепкими (бодрыми) еще прежде, чем им исполнялся один год, и умирали без отрады, хотя Земля давала все в изобилии для пользы всех их детей. Но наши бриты и наши ссыльные пересекли Твисланд вплоть до их марок, а наши рулевые (моряки) пришли в их гавани. От них они (славяне. — А.К.) услышали разговоры о равной свободе и равном праве и законах, без которых никто не может существовать. Все это было впитано теми грустными (огорченными, опечаленными) людьми, как роса сухими полями. И когда они насытились (нашим учением о свободе), самые смелые (дерзкие) из них начали снимать с себя цепи, так что это огорчало их князей. Князья их горды и воинственны,

поэтому в сердцах их и нет добродетели; они объезжали (свои местности) верхом и получали кое-то от каждого двора, ибо земля их давала всего в изобилии. Но они боятся, что по видимости набожные жрецы терпеть всего этого не будут. Среди своих придуманных Богов они сделали и злобно-страшных повелителей¹⁴². Затем в страну их пришла чума. И они сказали теперь, что Господа прогневались на непослушание злых людей. И стали они тогда душить каждого тридцатого своими цепями. И Земля пила их кровь, этой кровью поила она фрукты и (другие) растения, и все, кто их съедал, становились мудры.

Шестнадцать столетий прошло с тех пор, как потонул Атланда¹⁴³, и в это время произошло нечто, чего никто и не думал предполагать.

В самом сердце страны Финды на высоких горах находится равнина, которая называется Касамир¹⁴⁴ (что переводится «странный, причудливый»). Там родился ребенок, мать которого была дочерью одного царя, а отец — верховным жрецом. Чтобы избежать стыда, они должны были отречься от своей собственной крови¹⁴⁵. Поэтому он был отведен жить за пределы города к бедным людям. При этом от него ничего не утаивали, поэтому он делал все, чтобы достичь мудрости и эту мудрость сохранить. Его разум был настолько велик, что он понимал все, что видел и слышал. Народ его почитал и превозносил, а священников его вопросы ставили в тупик. Когда он стал совершеннолетним, он пошел к своим родителям. Суровые вещи пришлось им выслушать. Чтобы с ним расквитаться и загладить перед ним свою вину, они подарили ему множество дорогих камней, однако они не осмелились открыто признать его своим сыном¹⁴⁶. Огорченный ложным стыдом своих родителей, он начал блуждать по округе. Во время своих беспрестанных странствий он встретил фриза-рулевого (моряка), который прислуживал как раб, и от него выучился нашим обычаям и традициям. Потом он выкупил того раба на свободу, и до самой его (т.е. бывшего раба. — А.К.) смерти они оставались друзьями.

Повсюду, куда этот юноша затем приходил, он обучал людей тому, что они не должны допускать ни царств, ни священников; что они должны хранить себя от ложного стыда, который повсе-

местно вредит любви. Земля, говорил он, дает свои дары в соответствии с тем, кто как в ней разбирается. Он говорил также, что Землю нужно шурфовать, пахать и засеивать, а выросшее затем необходимо косить. Но, говорил он, никто не должен делать этого для другого, кроме только такого случая, когда это делается по общей воле или из любви. Он учил, что никто не должен искать в ее (Земли) внутренностях золото, серебро или дорогостоящие камни, к которым прилипает зависть, из-за чего любовь сразу же испаряется. А чтобы украшать ваших девушек и жен (учил он), золота и так достаточно. Никто, как говорил он, не имеет такой силы, чтобы дать всем людям одинаковое богатство и одинаковое счастье. Ибо долгом всех людей является установить такое имущественное равенство и дать каждому столько полезного, сколько каждый сможет сам достичь. Ни одной наукой, говорил он, не следует пренебрегать, однако наиболее значимой наукой является та, которой нас научает время. Поэтому, говорил он, Земля воспрещает сердиться и побуждает любить¹⁴⁷.

Его первым именем было Jes-us¹⁴⁸. Но жрецы, которые его сильно ненавидели, называли его Fo (Фо), то есть «Ложный». Народ называл его Kgis-en¹⁴⁹ (Криз-ен), то есть «Пастырь», а его фризский друг называл его Bûda (Буда), поскольку он имел в своей голове сокровищницу мудрости, а в своем сердце — сокровищницу любви.

Наконец, он должен был убежать от мести священников, но повсюду, куда бы он ни приходил, его учение приходило раньше его, и повсюду, куда бы он ни шел, его преследовали враги¹⁵⁰, подобно тени.

И что же, ты думаешь, сделали жрецы? Об этом я тебе и хочу поведать. А ты должен обратить на это особое внимание, чтобы затем всеми силами, которые в тебя заложил Вральда, защищаться от их действий и козней.

В то время как учение Езуса (Иисуса) распространялось по Земле, ложные жрецы пришли в страну, где он родился, чтобы засвидетельствовать его смерть. Они говорили, будто принадлежат к числу его друзей. Они внешне пребывали в великом трауре, разрывая в клочья свои одежды и под ноль постригая свои головы. Они уходили жить в горные пещеры; но туда они уносили свои сокровища; там они делали изображения Иисуса. Эти изображе-

ния они давали тем, кто в мыслях своих был чист. Прошло время, и они сказали, что Иисус-де является Господом Богом (drochten), что он сам им в этом признался, и что все, кто хочет верить в него и в его учение, еще раз придут в его Царство, где повсюду — радость и удовольствие.

Хотя они прекрасно знали, что Иисус от богачей уходил в поле, они на всех углах проповедовали, что бедность и простота являются вратами, ведущими в его царство; также, что те, кто на Земле больше всех страдал, получают наибольшую радость и наибольшее удовольствие. Хотя они знали, что Иисус учил тому, что над своими влечениями нужно иметь власть или что ими нужно управлять, они учили, что все свои влечения надо умертвить и что совершенство и полноценность человека состоят в том, чтобы он стал таким же нерушимым, как холодный камень.

А чтобы народ поверил в то, что они и сами так поступают, они, выходя на улицу, принимали вид бедняков, а чтобы затем доказать, что они убили в себе все свои страсти, они отказывались от брака и не брали себе жены. Однако если они встречали где-нибудь юную деву, они ее совращали на неправильный поступок. Слабым, говорили они, нужно помогать, а чтобы сохранить свою собственную душу, нужно церкви давать много денег. Таким образом, они оставляли женщин и детей без ничего, лишая их домашнего хозяйства, и становились богаты, совсем не работая. Но народ становился намного беднее и плачевнее, чем до этого. Такое учение, по которому жрецам не нужна никакая другая наука, кроме навыка врать, сохранять неправду и набожный вид, распространилось от Востока до Запада а затем пришло и в нашу страну.

Однако если жрецы будут воображать, что они освободили из учения Фрейи и из учения Иисуса весь Свет (Licht), то во всех местах возникнут такие люди, которые в тишине хранят у себя подлинное учение и скрывают его от жрецов. Они по крови будут происходить из (сословия) князей, из (сословия) жрецов, из славян и из фризов. И постепенно они будут выносить свои Лампы и свет истины, так что со временем его сможет увидеть каждый. Они будут противостоять деяниям жрецов и князей. Но князья, которые любят истину и право, (по-прежнему) будут уступать жрецам. Бу-

дет литься кровь; но из всего этого народ окрепнет и соберется с силами. Во имя общей пользы народ Финды (Findasvolk) будет изменять свою находчивость (Findigkeit), народ Лиды — свою силу, а мы — нашу мудрость. Затем ложные жрецы будут выметены с лица Земли. Дух Вральды будет почитаться и призываться повсюду. Мы будем подчиняться только тем законам (ква), которые Вральда в самом начале¹⁵¹ вложил в наш характер. Тогда не будет никаких других господ, князей и старших¹⁵² над нами, кроме тех, которые будут выбраны нашей совместной волей. Тогда Фрейя будет ликовать, а Иртха (Земля) будет подавать свои дары только тем, кто трудится и работает.

Все это начнется через четыре тысячи лет после того, как потонул Атланд¹⁵³, а через тысячу лет после этого на Земле не будет больше ни жрецов, ни принуждения.

Дела, именуемая Хелленией. Бодрствуй!

Так звучала последняя воля Франы

Слава всем благородным фризам! Во имя Вральды, Фрейи и свободы, я приветствую вас и прошу вас, если мне придется умереть, не назвав свою преемницу, я (уже сейчас) советую вам Тюнью, которая является девой-градоправительницей в крепости Медеасблик, ибо вплоть до сегодняшнего дня она — наилучшая.

А это оставлено Госой

Слава всем людям!¹⁵⁴ Я назвала мою почетную Матушку, ибо не знала никого, кто лучше нее мог бы встать на это место и на которую вы могли бы с большей уверенностью положиться. Злое время прошло, но грядет еще новое (злое время). Иртха его не рождала, и Вральда его не создавал. Оно надвигается с Востока, из груди священников. И оно принесет столько страданий, что Иртха не сможет выпить всю кровь своих поверженных чад. Лютая година будет расширять темноту в душах людей, подобно грозovým облакам в сиянии солнца. Повсюду, на каждом шагу, идолослужение и хитрость будут бороться против свободы и правды. Правда и свобод падут, и мы вместе с ними. Но этот выигрыш принесет им про-

игрыш. У трех слов их люди и рабы выучат значение. Эти слова — общая Любовь, Свобода и Право.

Сначала они будут сиять, а затем так долго биться с темнотой, пока в каждом сердце и в каждой голове не станет светло. Затем всякие притеснения будут выметены с лица Земли, подобно грозovým облакам, сдутым с неба во время штурма, и все идольские служения не будут в состоянии ничего против этого сделать. Госа.

* * *

Писание Конерада

Мои предки один за другим вели эту книгу. Я хочу продолжить их дело, поскольку в моем государстве не осталось ни одного замка, на котором были бы истории происшествий, как в былые времена. Мое имя — Конерад, имя моего отца — Фретхорик, а имя моей матери — Вильо. После смерти моего отца я был избран в продолжатели его дела, а когда мне исполнилось пятнадцать, меня избрали старшим греветманном.

Мой отец описал, каким образом были разрушены территории Линды и Льюдгартен (Ljudgarten). Линдахем уже не существует вовсе, территории Линды — существуют только частично, а Северные земли Льюдгартена покрылись гладью соленого моря. Шумная бухта примыкает к круглой запруде замка. Как сообщал мой отец, неимущие люди оттуда ушли и построили себе домики внутри круглого замкового вала. Поэтому круглая его часть теперь называется Льюдвердом (Ljudwerd). Моряки говорят Льюврд (Ljuwrđ), но это — неправильное произношение. В мою юность эта другая страна, которая находится по ту сторону круглого вала, была сплошным болотом и буреломом. Но народ Фрейи — народ бравый и прилежный, он совсем не устает и усмиряется (не становится трухлявым и рассыпчатым. — А.К.), ибо цель его ведет к лучшему. Засыпая канавы и рвы, возводя насыпи из той земли, которую доставали из канав, мы снова получили пригодную для обитания местность за пределами крепостного вала, которая имела форму копыта: три столба с восточной стороны, три столба с

южной стороны и три столба с западной стороны. А сегодня мы делаем ограждения от воды, чтобы получилась бухта, и одновременно чтобы наш круглый крепостной вал был защищен со стороны моря. Как только это дело будет окончено, мы спустим на воду наши корабли.

В мою молодость здесь стояли маленькие помятые домишки, а теперь на их месте стоят целые ряды больших домов. А недостатки и дефекты, которые сюда закрались вместе с бедностью, вполне устранимы, нужно только прилежание, которого нам не занимать. Отсюда каждый может понять, что Вральда, который является нашим содержателем и насыщает все творения постольку, поскольку они сохраняют отважное и смелое расположение духа и мужественно друг другу помогают.

А теперь я хочу написать о Фризо

Фризо, который уже обладал властью над своими людьми, был избран штавернскими жителями старшим греветманом. Он издевался над нашими войсками ландвера и над нашим способом ведения морского сражения. Поэтому он основал школу, в которой мальчиков учили сражаться так, как сражаются крекалендцы. Но мне кажется, он сделал это для того, чтобы своими нитками связать весь молодой народ. Я тоже послал туда моего брата. Было это десять лет назад. Ибо, думал я, недолго у нас еще не будет Матушки, чтобы одному прятаться за спину другого, и мне подобает поступить двойственно, чтобы он не был над нами господином.

Госа не назвала нам свою преемницу: но об этом я не хочу выносить своего суждения. Но среди нас есть еще старые неправдолюбивые люди, которые полагают, будто из-за этого они поссорились с Фризо. Когда Госа умерла, народ наш, собравшийся отовсюду, захотел выбрать себе другую Матушку. Но Фризо, который намеревался создать империю для себя самого, Фризо не пожелал отправлять в Тексланд послов и устраивать там совет. И когда послы из разных мест к нему пришли, он сказал так: «Госа была более дальновидной, чем все греветмандцы, вместе взятые. Поэтому у нее и не хватило мужества выбрать себе преемницу. Значит, она видела вред в том, чтобы выбирать себе преемницу.

И вследствие этого она в своем последнем волеизъявлении написала, что вам будет лучше не иметь вообще никакой Матушки, нежели иметь такую, на которую вы не сможете положиться».

Фризо многое видел. Он вырос во время войны, так хорошо знал все хитрости голенов, что мог повести за собой других графов туда, куда ему было нужно. Смотри же, что произошло дальше.

Фризо взял себе другую жену, которая была дочерью Вильфрета (Wilfreth). При жизни этот Вильфрет был старшим грева в Штавории. От этой жены у Фризо было два сына и две дочери. По его настоянию она стала женой моего брата. Корнелия (Kornelia) — так звучит ее имя на фризском языке с очень дурным выговором, правильно же произносить его так: Корнхелия (Kornhelia). Вемут (Wehmut), старшая его дочь, была им выдана за Кауха. Каух, который тоже ходил в организованную им школу, является сыном Вихирта, короля гертманцев. Но и Каух — это также дурное произношение: по-настоящему, по-фризски, его имя должно звучать «Кап». Но плохого языка они принесли с собой больше, чем добрых обычаев.

После большого потопа¹⁵⁵, о котором писал мой отец, вместе с морским отливом были принесены (течением) из Бальды (Balda) — что значит «Дурное Море» — многие ютты (Jutten) и летты (Letten). Они причалили на своих баржах около Катхисгата и так и остались в Нижних Марках. Тогда людей там не было вообще, поэтому они и заняли эту страну, и назвали ее Юттарландом¹⁵⁶. Затем многие жители Нижних Марок вернулись от большого моря в те земли и вынуждены были поселиться южнее. И когда те моряки, которые не погибли, вернулись назад, они отправились в море или на острова. При таком-то стечении обстоятельств юты и сохранили за собой те земли, в которые их привел Вральда. А те моряки, которые не захотели перебиваться одной рыбой и которые не любили голенов, начали грабить финикийские корабли.

В юго-западной части Шонланда, — там находится Лидасбург, называемый также Линдасназе (Нос Линды), основанный нашим Аполом, как описано в этой книге. Все обитатели побережья и близлежащей округи по-прежнему оставались подлинными фризами, но из желания отомстить голенам и последователям Кельтаны (Keltana-Folger) они заключали союзы с жителями побережий

(моряками). Но такие союзы не увенчивались успехом. Ибо моряки переняли у мерзких мадьяр многие дурные обычаи и привычки, в насмешку над народом Фрейи. И каждый продолжал грабить ради себя, однако если им нужно было друг друга защитить, то они добросовестно это делали. В конце концов морякам стало нехватать хороших кораблей. Их кораблестроение совсем вышло из строя, леса их оскудели, и земли их были исчерпаны. И тут неожиданно подошли три корабля, и бросили свои якоря в нашей бухте. В пути они заблудились и не доплыли до Флимунда. А купец, который был с нами, хотел купить у нас корабли. К тому же они привезли с собой дорогостоящих товаров, которых они вдоволь награбили в Кельтаналандах и с финикийских кораблей. А поскольку у нас самих кораблей не было, я дал им проворных коней и четыре быстрые лодки с флагами, чтобы они добрались до Штавии и до Альдерги, вдоль которых (по всему берегу) производятся лучшие военные корабли из крепкого дуба, в котором никогда не бывает гнили.

В то время пока у меня пребывали моряки, некоторые ютландцы поехали в Тексланд, а оттуда были отосланы к Фризо. А моряки похитили многих из числа их старших сыновей, чтобы те гребли на их галерах, а также и старших дочерей, чтобы иметь от них детей. Те же из ютов, кто был уже немолод, не смогли от них оборониться, поскольку были лишены хорошего оружия. Когда юты рассказали о своей горе, перепутав при этом многие слова, Фризо спросил наконец, нет ли у них, в их стране, какой-нибудь хорошей бухты. «О, да, — ответили они, — есть даже очень хорошая, созданная Самим Вральдой. Она подобна вашей пивной кружке — горлышко узкое, но внутри может поместиться до тысячи больших лодок. Но у нас нет ни крепости, ни крепостного оружия, чтобы обороняться (отстреливаться) от разбойничьих кораблей». «Тогда вы должны сделать себе такое оружие», — сказал Фризо. «Хороший совет, — ответили юты, — но у нас нет ни подходящих ремесленников, ни строительного материала; ведь мы все, те, кто остался в живых — рыбаки. Остальные же утонули или удрали в Хохланд (Hochland)¹⁵⁷».

В то время как они так говорили, к его двору подошли мои послы вместе с некоторыми моряками. И тут вы должны обратить

внимание на то, как Фризо всех обманул, к удовольствию обеих партий и к собственной выгоде. Морякам он пообещал, что они каждый год по заказу будут получать по пятнадцать кораблей, вооруженных и снабженных железными цепями и специальным подъемником, полных всякой всячины, также необходимой для военных кораблей. Но ютов они должны были тогда оставить в покое, равно как и тот народ, который относился к детям Фрейи. Да, он (Фризо) хотел сделать и еще большее: он хотел потребовать от всех наших моряков, чтобы те пошли с ними, чтобы сражаться и грабить.

Когда моряки уплыли, Фризо приказал сорок старых кораблей нагрузить оружием, древесиной, дорогостоящими камнями, а также плотниками, каменщиками и портными, чтобы они построили замки. Витто (Witto), то есть «Белого» (Weisse), своего сына, он послал вместе с ними для наблюдения за работой. О том, что там произошло, мне не сообщили. Но, насколько мне стало ясно, по обе стороны бухты был построен замок Трутцбург (Trutzburg). Там был размещен тот народ, который Фризо перевез из Саксонских Марок. Витто освободил Сьоххирте и взял себе в жены. Вильгельм, так звали ее отца¹⁵⁸, был старшим альдерманном у ютов, то есть главным греветманом или графом. Вильгельм вскоре умер, и Витто был избран на его место.

Что Фризо сделал затем

У Фризо от первой жены осталось два шурина, которые были очень храбрыми и очень добросовестными. Хетто (Hetto)¹⁵⁹, то есть Горячий (Heisse), бывший из шуринов Фризо самым младшим, послан им был в качестве гонца в Каттабург, замок, расположенный в самой глуши Саксонских Марок. От Фризо он получил также семь коней помимо своего собственного, нагруженных дорогостоящими вещами, которые были награблены моряками. К каждому из коней было приставлено по два молодых моряка и по два наездника, разодетых в богатые одеяния и с золотом в кошельках. Так же как Хетто он послал в Каттабург (Rattaburg), таким же образом Бруно (Bruno), то есть Коричневого (Braune), другого своего шурина, он послал в место под

названием «Маннагарда Врлда» (Mannagarda Wrlda). Маннагарда Врлда описан в книге, которая называется «Маннагардафорда», но описан, по правде сказать, очень неважно. Все богатства, которые у них были с собой, были, в соответствии с торжественными обстоятельствами их приезда, подарены князьям, княгиням и некоторым избранным девам. Когда местные ребята выбежали на тамошнюю сельскую лужайку, они там стали танцевать вместе с прибывшей молодежью, и ко всему прочему были выставлены короба с капустными пирогами и тонны отменного пива. А затем, когда все празднества были окончены, молодой народ из числа прибывших послов был отправлен в Саксонские Марки, при них же были все деньги в кошельках и всевозможные дары и подарки, часть из которых беспечно была съедена на той же лужайке. И когда саксонская молодежь с завистью на все это смотрела, ей было сказано: «Когда ты осмелишься вести борьбу с общим врагом, то сможешь и своей невесте подарить еще более роскошные подарки, и питаться по-княжески».

Оба шурина Фризо женились на дочерях самых прославленных князей, а затем к ним присоединилась кучка саксонских ребятшек, мальчиков и девочек, и вместе они отправились к озеру Фли.

Девы-градоправительницы и прочие девы, которые еще знали о нашем былом величии, не слушались Фризо и не говорили о нем ничего хорошего. Но Фризо, бывший более хитрым, чем они, заставил их болтать то, что ему было нужно. Молодых же дев ему удалось просто подкупить. И тогда они стали на всех углах говорить следующее: «У нас уже долго нет Матушки, но происходит это оттого, что мы уже достигли своего совершеннолетия. Сегодня нам подобает и приличествует иметь короля, для того чтобы завоевать обратно те самые наши земли, которые были потеряны во время правления Матушек, вследствие их непослушания». И затем они объявили: «Каждому потомку Фрейи дана свобода, чтобы его голос был услышан еще до того, как приступили к выбору князя. Но если все идет к тому, чтобы у вас снова был избранный вами князь, то и я хочу сказать вам свое мнение. После всего, что я смогла увидеть, я могу сказать, что Фризо — единственный, кто был избран Самим Вральдой. Ибо Фризо был приведен к власти благо-

даря чуду. Фризо знает все козни коварных голонов, на языке которых он говорит, и знает также, как надо против этих хитростей оберегаться. И при этом нужно принять в расчет вот еще что: какого графа нужно выбрать королем, так чтобы другим не было завидно?» Такие вот речи распространялись среди наших юных девушек; но те, которые старше и мудрее, хотя и менее многочисленны, разливали свои речи совсем из другой бочки. Повсюду они провозглашали следующее. «Фризо, — говорили они, — делает все, подобно пауку: по ночам он со всех сторон прядет паутину, а днем делает для своих ничего дурного не подозревающих друзей неожиданность. Фризо говорит, что не любит ни жрецов, ни чужеземных князей. Но я говорю, что он вообще никого, кроме себя самого, не любит. Поэтому он и не позволяет, чтобы крепость Штавия снова была восстановлена. Поэтому он и не хочет, чтобы у нас снова была наша Матушка. Сегодня Фризо является вашим советчиком, но завтра он захочет стать вашим королем, чтобы всех вас судить».

Внутри нашего народа теперь образовалось две партии. Те, которые постарше и победнее, хотели снова иметь Матушку, но молодой народ, исполненный воинственного духа, хотел иметь отца или короля. Первые называли себя «сыновьями матери» (Muttersoehne), а другие именовали себя «сыновьям отца» (Vatersoehne). Но (мнение) сыновей матери не принимали во внимание. Ибо из-за того, что велась постройка многочисленных кораблей, повсюду было изобилие плотников, ткачей, а также тех, кто делает паруса и канаты, и прочего мастерового люда. Кроме того, моряки принесли с собой всевозможные украшения. От этого возрадовались женщины, возрадовались девушки, возрадовались девочки, от этого возрадовались все их животы и все их друзья¹⁶⁰.

После того как Фризо в течение примерно сорока лет правил Штаверией, он умер¹⁶¹. Своими силами ему удалось снова собрать в единое большое пространство многие государства. Но я не дерзну сказать, что от этого нам стало лучше. Из всех графов, которые правили до него, никто не был настолько известным, как Фризо. Однако, как уже было сказано, юные девы не могли им нарадоваться, пожилые все делали для того, чтобы народ его возненавидел.

И хотя они и не сильно помешали осуществлению его планов, тем не менее они и их потомство все сделали для того, чтобы Фризо не стал королем.

А теперь я хочу написать о его сыне по имени Адель

Фризо, который знал нашу историю по Книге Аделингов¹⁶², сделал все, чтобы добиться нашего расположения. Своего старшего сына, которого принесла ему Светхирте, его жена, он сразу же назвал именем Адель (Adel). И хотя он всю свою власть направлял на то, чтобы не восстанавливать и не перестраивать наши древние замки, он послал все же Аделя в замок Тексланд, чтобы тот учился в Тексланде тому, что относится к нашим законам, нашему языку и к нашим обычаям. Когда Аделю исполнилось двадцать лет, Фризо приказал ему пойти учиться в его собственную школу, а когда тот выучился, Фризо направил его разъезжать по всем нашим государствам. Адель был очень любезным юношей: во время своих поездок он завел себе множество друзей. Отсюда и произошло так, что народ называл его Альтарик (Altharik)¹⁶³, что ему затем чрезвычайно помогло и пригодилось. Ибо, когда умер его отец, он остался на его месте, и не было никаких рассматриваний, обсуждений и выборов другого графа.

В то время когда Адель в Тексланде проходил свои учения, в этой крепости находилась одна очень милая девушка. Она происходила из Саксонских Марок, из места, которое называлось Своболанд (Svoboland)¹⁶⁴. Поэтому в Тексланде ее называли Свобеной (Swobene), хотя ее настоящее имя было Ифкья (Ifkja). Адель завоевал ее любовь, и сам он ее тоже любил. Но отец его приказал Аделю, чтобы тот повременил с браком. Адель был послушным сыном, но как только отец его умер и он сел на место отца, он тотчас же послал гонцов к Бертхольде, ее отцу, с просьбой выдать за него свою дочь. Бертхольде был князем старой закалки и непогрешимым в вопросе родовой чести и традиций. В Тексланд он послал Ифкью на обучение, в надежде, что она однажды будет избрана девой-градоправительницей в его собственной стране. Но, когда он узнал об их взаимном желании, он пошел им навстречу и дал свое отцовское благословение.

Ифкья принадлежала к числу самых подлинных и настоящих фризов. Насколько мне удалось ее узнать, она все делала для того, чтобы дети Фрейи снова смогли жить по своим древним законам. Чтобы привести людей к своим убеждениям, она вместе со своим Фриделем объездила все Саксонские Марки, и даже была в Гертманнии. Гертманния, — а именно так гертманнцы называли свою страну, — была нами получена усилиями Госы. Оттуда Ифкья ехала в Денемарки, а из Денемарок, сев на корабль, она возвращалась обратно в Тексланд. Из Тексланда вся группа путешественников ехала в Западный Флиланд (Westflyland), и так, вдоль побережья, они переправлялись в Вальхаллагару (Walhallagara). Из Вальхаллагары они плыли по Рейну, пока не приплывали к марзатам (Marsaten), представляющим большую опасность, о чем написала еще наша Аполлония. После того как они некоторое время пробыли там, они снова возвращались назад. Во время их возвращения они неожиданно для себя наткнулись на четырех мертвых, ограбленных и догола раздетых батраков и на некоторое время задержались там. Мой брат, который на протяжении всего пути был с ними, торопил их уехать из этого места, но они его не послушались. Убийцами оказались твискландцы (Twisklaender), которые и сегодня дерзко шарают по Рейну, промышляя грабежом и убийствами¹⁶⁵.

<Затем наши путники отправились дальше. — А.К.> Как и Аполлония, они сразу узнали Лидасбург и Альдергу. Оттуда они отправились через Штаверию в другие земли. И по дороге они вели себя настолько достойно любви (liebenswert), что повсюду люди (у которых они останавливались) хотели оставить их у себя. Три месяца спустя Адель послал своих гонцов к тем друзьям, которых он себе получил в своем народе (за время долгих странствий), чтобы просить их прислать к нему разных умных людей в миннемонат¹⁶⁶...

(Здесь следует недостающий текст, занимающий один лист, т.е. две страницы, которого не было уже у переписчика Кодекса D, когда он работал над изготовлением копии с Кодекса С. — Прим. Г. Вирта.)

...его жена, говорил он, была девой-градоправительницей Тексланда, и о том сохранил почетную запись. В Тексланде были

найлены еще многие тексты, которые не переписаны в книге Аделингов¹⁶⁷. Из этих текстов некоторые были оставлены Госой как ее последняя воля, которая должна была быть обнаруженной старшей из дев, Альбертой, как только Гесе случится умереть.

Здесь писание, содержащее совет Госы

Когда Вральда давал детей Матерям рода человеческого, он во все уста и во все губы вложил один и тот же язык. Этот подарок Вральда дал людям, чтобы они с его помощью могли узнавать друг от друга, чего следует избегать и к чему следует стремиться, чтобы найти блаженство, и чтобы это блаженство на целую Вечность (in aller Ewigkeit) сохранить. Вральда мудр и благ, и все предвидит наперед. (Wralda ist weise und gut und alles vorhersehend.) И поскольку Он знал, что счастье и блаженство должны будут покинуть Землю, когда злоба сможет оболгать добродетель, Он прочно связал с языком праведное своеобразие (eine gerechte Eigentuemlichkeit). Это своеобразие состоит в том, что с его помощью нельзя ни сказать лжи, ни сказать обманчивых слов без (какого-нибудь) искажения голоса или краски стыда, по которой можно тотчас же опознать исходящее от сердца зло. Потому наш язык указывает путь к счастью и к блаженству и предостерегает от злых склонностей, и поэтому же он по праву называется Божественным языком, и все, кто его почитает, тем самым имеют радость.

Но что же произошло? В то время как среди наших полусестер (Halb-schwestern) и полубратьев (Halb-brueder) возникли лжецы, которые сами себя выдают за Божиих слуг, все очень быстро стало иным. Аживые жрецы и гнусные князья, которые всегда между собой стоваривались, захотели жить по своему произволу и действовать, не сообразуясь с Божественными законами. В своей подлости они дошли до того, что выдумали другие языки, чтобы тайне между собой в присутствии всех остальных обсуждать свои злодеяния¹⁶⁸ и прочие недостойные дела, и чтобы заикающаяся речь и краска на лице их не выдала, и никто их не разгадал по их обезображенным лицам. Но что родилось из этого? Так же легко, как в земле всходит семя хорошей травы, которая туда была посе-

яна добрыми людьми явно и при дневном свете, так же легко время приносит на свет и вредные травы, посеянные злыми людьми во мраке ночи.

Легкомысленные (распутные) девки и лишенные мужества парни, которые развратничали с нечистыми жрецами и князьями, прознали от их любовниц про новые языки. Таким вот образом эти языки пошли бродить среди народов, пока Божественный язык не был полностью забыт. Хочешь ли ты знать, что из этого вышло? Теперь искажение голоса и гримаса на лице не выдавала больше их злых страстей. Добродетель ушла из их среды, мудрость вытекла и свобода пропала, единодушные исчезло, и его место заняла распря. Любовь улетела, а распутство вместе с завистью сидят за столом, и здесь, где некогда господствовала справедливость, теперь господствует только меч (т.е. грубая сила). Все стали рабами: люди — перед своими господами, господа — перед завистью, злыми страстями и жадностью. Если бы они теперь изобрели еще один язык, возможно, ненадолго им стало бы лучше. Но они изобрели столько же языков, сколько существует разных государств. Поэтому один народ так же мало может понять другой, как корова — собаку или волк — овцу. Это могут подтвердить моряки. И поэтому же произошло так, что все народы-рабы рассматривают друг друга как разных людей и что они в наказание за свою неосторожность и самонадеянность должны друг с другом воевать, пока все не будут истреблены.

И вот теперь мой совет

И когда ты страстно пожелаешь самому унаследовать всю Землю, ты не должен будешь осквернять свои уста и разговаривать на чуждых языках, как на Божественном языке. И приличным тебе будет следить за тем, чтобы твой собственный язык оставался чист ото всех чужеродных звуков. И если ты захочешь того, чтобы некоторые тона и звуки детей Лиды или детей Финды остались, то ты можешь это допустить. Язык восточных шонландцев обезображен мадьярами. Язык последователей Кельтаны испорчен грязными голенами. А мы стали теперь такими мягкими, что принимаем в свою среду возвращающихся последователей Хеллени, но я край-

не опасаясь того, что за нашу доброту и за наше радушие они оплатят нам порчей нашего чистого языка.

С нами многое произошло, но из всех крепостей, которые были разрушены в злую годину (*durch die arge Zeit*), Иртва один только Фрайсбург оставила целым и невредимым. И я должен также сообщить, что при этом неприкосновенным остался и язык фризов или Божественный язык (*Fryas oder Gottes Sprache*).

И здесь, в Тексланде, нужно было основать школы: со всех наших государств, где еще сохраняются древние обычаи, сюда нужно было посылать юный народ. При этом те, кто уже выучился, должны были помогать тем, кто никуда не ехал и оставался дома. И если другие народы хотели бы купить у вас каких-либо железных изделий и о том с вами говорить и торговаться, то делать это следует только на Божественном языке, к которому все должны вернуться. А при обучении Божественному языку они впускали бы к себе понятия «быть свободным» и «быть правым», эти понятия стали бы тлеть и раскаляться в их головах, пока не превратились бы в мощное пламя. Это пламя истребит всех злых князей, всех якобы набожных и грязных жрецов.

* * *

Посланцы, прибывшие из окрестных и дальних земель, остались нашим языком довольны, но в школы идти они не хотели. Тогда Адель взял и сам основал школу. По его примеру поступили и другие князья. И ежегодно Адель и Ифкья туда приходили и посещали школы. И если они находили среди местного и также иноземного населения «блаженных», которые относились друг к другу по-дружески, то они (Адель и Ифкья) сильно этому радовались. И если некоторые «блаженные» клялись друг другу в своей дружбе, то они созывали всех людей, и с большой пышностью и торжественностью имена их записывались в книгу, называемую ими Книгой Дружбы. И эти обычаи сохранялись, чтобы разрозненные ветви рода Фрейи когда-нибудь снова воссоединились. Но девы, которые завидовали Аделю и Ифкье, говорили, что те, дескать, делают все это исключительно для того, чтобы добиться славы и постепенно прийти к власти над государством, которое им не принадлежит.

(Здесь следует письмо гертманца Льюдгерта, которое он нашел среди писаний своего отца. Письмо содержит краткое описание «Пангаба»: «Это „пять вод”, откуда мы и приходим, поток поразительной красоты, названный „пять вод”, ибо четыре других потока устьем своим имеют море. Вдалеке, с восточной стороны, находится еще один поток, который на языке святых или набожных называется Гонг-га (Gong-ga, то есть Ганг — Ganges)». Вся эта честь была мной вымарана, как позднейшая переработка ядра, установить изначальный вид которого уже невозможно.) — *Прим. Г. Вирта.*

* * *

Мое имя — Бееден, я сын Захганы. Конерад, мой дядя, никогда не был женат и так и умер бездетным. Меня выбрали на его место. Адель, третий король, носящий это имя, такой выбор одобрил, в том случае, если я признаю его как своего господина¹⁶⁹. Помимо полного наследства моего дяди он (т.е. Адель) дал мне и тот кусок земли, который граничил с моим наследственным имением, но с тем условием, что я посажу туда тех, которые никогда не будут его людям...

(Здесь в рукописи большая лакуна, которая содержит сообщение Беедена о короле Аделе Третьем, который в хрониках называется Уббо.) — *Прим. Г. Вирта.*

...поэтому я хочу уступить ему здесь определенное место.

Письмо от Рики, пожилой девы, избранной в Штаверии во время праздника Юла

Все вы, чьи предки пришли сюда вместе с Фризо, будьте благословенны. И если вы думаете, что никак не повинны в идолопоклонстве, то я б этом сегодня говорить не хочу. Но я хочу указать вам на недостаток, который немногим лучше этого. Вы знаете, или не знаете того, что у Вральды есть тысяча сияющих Имен (tausend Glaenznamen)¹⁷⁰. Но все вы наверняка знаете, что Он именуется

Все-Питателем (All-Ernaehrer)¹⁷¹, на том основании, что все произошло из Него и растет для насыщения Его творений. Истиной является и то, что Иртва по временам называется также Все-Кормилицей (Alfedstre), ибо она порождает все плоды и вообще все необходимое, чем люди и животные сами себя питают. Но Она не породила бы никаких фруктов и всего прочего, если бы Вральда не давал Ей никаких сил. Также и женщины, кормящие грудью своих детей, называются кормилицами. Но если бы Вральда не давал на то молока, то дети не имели бы от кормления никакой пользы. Так что в конце концов Кормильцем (Отцом) является только Вральда.

То, что Иртва время от времени называется Все-Кормилицей, а мать — кормилицей, это еще можно допустить. Но то, что мужчина велит называть себя Кормильцем, поскольку он является отцом, — это ни для какого разума непостижимо.

Но я знаю, откуда происходит эта глупость. Слушайте же: она происходит от наших врагов, и поскольку вы этому следуете, вы тем самым становитесь рабами, становитесь к боли Фрейи и к наказанию за ваше высокомерие.

Я сообщу вам о том, как это произошло у народов-рабов (bei den Sklavenvoelkern): и пусть это будет уроком для вас. Чужие¹⁷² короли, которые живут по своему произволу, тянут свои руки к короне Вральды: из зависти, что Вральда называется Все-Питателем, Всеотцом, они также хотят называться Кормильцами — Отцами народов¹⁷³. Теперь каждый знает, что король не имеет власти над ростом и что свое он получает от народа. Но тем не менее они хотят упорствовать в своей дерзости. И чтобы лучше достичь своей цели, они не довольствуются добровольными сборами (денег), но вместо этого обложили народ податями и оброками. А для охраны того сокровища, которое отсюда возникло, они на вербовали иностранных солдат, которые живут вокруг их дворов. Затем они взяли себе столько женщин, сколько им захотелось, а мелкие князья сделали то же самое. А затем в их домашнее хозяйство прокрались распри и раздоры, посыпались такие жалобы: каждый человек является кормильцем своего домашнего хозяйства, а поэтому он должен быть над ним и господином, и судьей. И вышел отсюда произвол, который царствовал над отдельными домашними

хозяйствами так же, как и над целыми королевствами и государствами. Когда короли завели все так далеко, что их стали именовать Отцами — Кормильцами народов, до своей смерти стали они приказывать сделать с них изображения, а затем они эти изображения ставили в «церквях» рядом с изображениями Богов¹⁷⁴, а тех, кто с этим не был согласен, убивали или заковывали в кандалы. Ваши предки и твисклендцы с чужеземными князьями общались и многому от них научились. Но не только мужчины ваши повинны в похищении сияющих Имен, но и на женщин ваших я также должен пожаловаться. Ведь если среди вас найдутся мужчины, готовые поставить себя на одну доску с Вральдой, то найдутся и женщины, желающие сравняться с Фрейей. И если они захотят родить детей, то станут называть себя «Мать» (*modar*). Но они забывают, что Фрейя родила детей без участия мужчины¹⁷⁵. Да, теперь они захотели почетное имя Матери не только у Фрейи, что у них, однако, никогда не получится, но и друг у друга. Есть у них такие женщины, которые требуют, чтобы их называли «Fraue» (*frowa*), хотя прекрасно знают, что это имя принадлежит только женам князей. Также они требуют, чтобы их дочерей называли «Девами» (*famna*), хотя они знают, что ни одна дочь (*toghatera*¹⁷⁶), не относящаяся к крепости, так называться не должна.

Все вы наивно мечтаете, что, похитив имя, вы станете лучше, однако вы забываете, что к этому пристаёт зависть и что каждое зло содержит в себе свое наказание¹⁷⁷. И если вы не повернетесь (не обратитесь), то время наградит вас ростом настолько большим, что конца его видно не будет. Ваши потомки этим будут прикованы. Они и не поймут, откуда исходят удары (судьбы). Но хотя вы и не строите девам крепостей и бросаете это на произвол судьбы, они тем не менее останутся. Они выйдут из лесов и пещер и докажут вашим потомкам, что тем самым (что вы не строили для них замков) вы стали виновными по своей воле. Затем вы будете прокляты (осуждены), и тени ваши будут вспугнуты и восстанут из могил. Они будут призывать Вральду, призывать Фрейю и ее дев, но никто не сможет облегчить вашей участи, пока Юл не вступит в другой виток своего кругового вращения. Но это произойдет не ранее, чем с того столетия пройдет три тысячи лет.

(Здесь в рукописи следует новая, вероятно, еще большая лакуна, которая содержит начало следующего писания, по всей вероятности, принадлежащего перу внука Беды — von einem Enkel des Beeden.) — *Прим. Г. Вирта.*

...поэтому я хочу сначала написать о Черном Аделе. Черный Адель был четвертым королем после Фризо. В юности он проходил обучение в крепости Тексланд, затем учился в Штаверии, а затем разъезжал по всем нашим государствам. Когда ему исполнилось двадцать четыре года, его отец добился того, что он (Черный Адель) был избран Асега-Хайшером (Asega-Heischer)¹⁷⁸. И когда он был хайшером, он всегда ходатайствовал и заступался за бедных. «Богатые, — говорил он, — делают много неправедных вещей посредством своего богатства: поэтому нам подобает следить за тем, чтобы бедные искали помощи у нас». Такими вот речами он стал другом для бедных и ужасом для богатых. Когда умер его отец, он взобрался на его место. Теперь он хотел сохранить за собой свою должность таким же способом, как было принято у восточных королей. Богатые не захотели этого терпеть. Но теперь весь народ бежал толпой, и богатые были рады, что, попав в опалу, они хотя бы шкуру свою сохранили целой. С тех пор о подобных правах (на богатство) и разговоров слышно не было. Богатые были им осуждены, а бедные, с помощью которых он решал все дела, постоянно ему льстили.

Король Аскар (Хайшер), как он теперь стал именоваться, имел росту более семи футов, а силы его были столь же велики, как и его телосложение. У него был ясный разум, настолько ясный, что он понимал все, о чем бы ни говорилось: однако в его поступках такой мудрости не чувствовалось. Вдобавок к красивому внешнему виду, язык его был льстив, а душа его была чернее волос его. Когда он пробыл королем один год, ему понадобились юноши нашего государства, захотел он, чтобы они ежегодно собирались на игровые (потешные) бои и устраивали якобы настоящие войны. Сначала у него с этим возникли трудности, но затем стало уже обыкновением, что стар и млад собирается со всех мест, и просят его о том, чтобы принять в этом участие. И когда все это зашло настолько далеко, он повелел основать военные

школы. А богатые приходили и жаловались, что их дети не хотят более читать и писать. Аскару до этого дела не было, и вскоре после того, как состоялись очередные потешные военные сражения, он встал на трибуну¹⁷⁹ и громко прокричал: «Вот пришли ко мне богатые, чтобы пожаловаться на своих детей, которые недостаточно учатся чтению и писанию. Но я хочу сказать здесь свое мнение и обусловить им общественное мнение». И теперь, когда каждый с удивлением на него смотрел, он сказал следующее: «По моему пониманию, теперь необходимо передать чтение и писание девам и старым „светочам“. Я не хочу ничего дурного говорить о наших предках, я только хочу сказать: в эпоху, которую многие так нахваливают, девы-градоправительницы вносят в нашу страну раскол, а матушки этого раскола устранить не могут. Хуже того, в то время, пока они болтают и говорят о всяких никчемных обычаях, приходят голены и грабят все наши прекрасные южные земли. Сегодня они, вместе с нашими выродившимися братьями и их солдатами, дошли уже до Шельды. Итак, нам остается только выбирать, нести нам ярмо или меч. И если мы хотим оставаться свободными, то нашему юношеству подобает теперь, оставив чтение и писание, вместо этого бегать в долине, играя с мечом и копьем. И когда все мы будем бодрыми и достаточно здоровыми, чтобы носить шлем и щит, имея в руках оружие (меч или копье), тогда я с вашей помощью наброшусь на врагов. И голены будут валяться в крови на наших полях, вместе со своими приспешниками и солдатами, в крови, которая будет струиться из их ран. И когда врагу будет дан отпор и он будет повержен, нам надо будет продолжить его громить, чтобы продолжить с наследственной фризской земли голенов, славян и тартаров (Tartaren)¹⁸⁰».

«Это совершенно верно», — закричало большинство, а богатые даже не осмелились и рта открыть. Эту свою речь он выдумал и велел записать заранее, поскольку вечером того же дня ее списки были в руках уже двадцати человек, и эти люди были его единомышленниками. Затем он приказал морякам, чтобы они сделали двойной форштевень, на который можно было бы прикрепить стальной подъемник. А кто этого не выполнял, подлежал наказанию, если же кто-то мог поклясться, что у него на то нет денег, то богатые его

области должны были все оплатить. Теперь все могут видеть, ради чего такие меры принимались и к чему все сводилось.

В северной части Британии, которая богата высокими горами, там проживает народ скоттов (*das schottische Volk*), близкий по крови народу Фрейи, но в значительной части происходящий от последователей Кельтаны и от опальных, которые со временем мало-помалу перебежали туда из Циннландов. У всех, кто происходит из Циннландов, жены и девки¹⁸¹ по своей расе нам чужды. Все они находятся под властью голенов, а их оружие составляют деревянные крюки и заостренные палки с наконечниками из оленьего рога или особого камня. Дома их сделаны из соломы и комьев земли, а некоторые живут даже в горных пещерах. Овцы, которых они ловят, являются их единственным имуществом. Но от потомков последователей Кельтаны есть у некоторых из них железное оружие, которое они не умеют делать, а только передают из рода в род.

Теперь, чтобы меня правильно поняли, я должен оставить рассказ о народе скоттов и написать кое-что о тех, кто живет в Ближних Крекаландах¹⁸². Раньше Ближние Крекаланды принадлежали только нам, однако с незапамятных времен там проживают также потомки Лиды и Финды, причем множество этих последних прибыло туда из Трои (Троје). Троей назывался город, который захватил и разрушил народ Дальних Крекаландов. Когда троянцы расположились в Ближних Крекаландах, они со временем, прилагая к тому большие усилия, построили мощный город с валами и крепостями, называющийся Рим, то есть Пространство (*Roma, das ist Raum*¹⁸³). Когда это было сделано, народ хитростью и силой сделал своим владением всю страну. Народ, который проживает на южном берегу Средиземного моря, по большей части происходит из Фонюсии (*Fhonyjsja*)¹⁸⁴. Фонюсьяры (жители Фонюсии. — А.К.) являются народом смешанным: они происходят от крови Фрейи и от крови Лиды. Народ Лиды там является рабом, однако из-за нечестия женщин черные люди сделали бастардами все остальные народы и окрасили их в коричневый цвет. Этот народ и народ Рима беспрерывно воюют за право господства над Средиземным морем. Поэтому народ римский живет с фюнисьярами во вражде. А их жрецы, которые одни хотят господствовать над земным цар-

ством, а на голенов они и не смотрят. Сначала они отобрали у фюньсъяров Мисселью¹⁸⁵, а затем все страны, которые находятся от них к Югу, к Западу и к Северу, а также подчинили себе южную часть Британии¹⁸⁶, и отовсюду они прогоняли финикийских жрецов, то есть голенов. Поэтому тысячи голенов вынуждены были переехать в Северную Британию.

Не так еще давно там сидел верховный голен, в крепости, которая была названа Керенак, то есть «Рог»¹⁸⁷, откуда он остальным голенам отдавал свои приказания. Также и все их золото было собрано в крепости Керенак. «Керен херне» (Keren herne) или «Керенак» (Kerenak) — это каменная крепость, которая принадлежала Кельте. Поэтому девы последователей Кельтаны хотели заполучить ее себе обратно. Так из-за крепости и той земли, которая вокруг нее, между девами и голенами возникла большая распря и междоусобица, приведшая к смертям и пожарам. Наши моряки часто туда ездили, чтобы получить шерсть, которую они обменивали на канаты и на выделанную кожу. Аскар часто бывал с ними, и в тишине он заключил с девами и отдельными князьями дружбу, пообещав им, что прогонит голенов из Керенака. Когда он затем снова туда прибыл, он дал князьям и могучим воинам железные шлемы и стальные крюки. Произошло военное сражение, и вскоре потоки крови залили склоны гор. Как и рассчитывал Аскар, счастье ему улыбнулось, и вместе с воинами на сорока кораблях он приплыл туда, взял Керенак, а верховного голена со всем его золотом оттуда вышвырнул. Народ, который под его руководством одолел солдат голенов, ему удалось собрать и увлечь из Саксонских Марок с собой в морскую экспедицию, благодаря обещанию большой добычи и богатых трофеев. Поэтому голенам ничего и не осталось.

Затем он взял два острова и сделал из них превосходное укрытие для своих кораблей, из которого он позднее выезжал для того, чтобы грабить все финикийские корабли и города. Когда он вернулся, он привез с собой почти шестьсот человек из числа саксонских горцев (горного народа). При этом Аскар сказал, что они остались у него как заложники, чтобы он мог быть уверен в том, что их родители остаются ему верны. Это была ложь. Он держал их как своих личных охранников на своем дворе, где они ежедневно тренировались в езде на боевом коне, а также в умении драться с по-

мощью разного оружия. Как только датчане (жители Датских Марок), составлявшие среди моряков основное ядро войска, прознали про славные деяния Аскара, они стали им завидовать, и настолько сильно, что захотели отвоевать свою страну и свое море¹⁸⁸. И смотри же теперь, как ему (Аскару) удалось уклониться от войны.

На руинах разрушенной крепости Штавии обитала еще одна мудрая дева-градоправительница вместе со своими девами-помощницами. Имя ее было Райнтъя (Reintja), и о мудрости ее шла по округе большая слава¹⁸⁹. Эта-то дева и предложила Аскару свою помощь, при условии, что Аскар прикажет восстановить разрушенную крепость Штавия. И когда он дал на то свое обещание, Рентъя с тремя девами отправилась в Хальс. Она выехала в ночь, а днем она уже говорила на всех ярмарках и на всех деревенских собраниях. Вральда, говорила она, громом¹⁹⁰ своим окликнул вас, сказав, что весь народ Фрейи должен быть дружен, как и подобает сестрам и братьям. Иначе придет народ Финды и всех вместе уничтожит. После этого громового знамения ей в течение семи ночей подряд снились фризские сторожевые девы (Wachmeiden). Они говорили: «Земле фризов угрожает большое горе, с ярмом и цепями. Поэтому все народы, которые происходят от кровей Фрейи, должны отбросить свои дополнительные имена¹⁹¹ и называться только „Детьми Фрейи” или просто „Народом”. Затем они должны подняться и прогнать народ Финды с наследственной земли народа Фрейи. Если мы этого сделать не захотим, то различные господа будут глумиться над нашими детьми, будут бичевать их до тех пор, пока кровь их не просочится в ваши могилы. И тогда тени ваших предков придут, чтобы разбудить вас и осудить вас за вашу трусость и за вашу беззаботность».

Глупый народ, который по настоянию мадьяр усвоил уже очень много глупости, поверил всему, что она сказала, и матери прижимали своих детей к ее груди. Когда Райнтъя уговорила короля Хальса и всех остальных, приведя их к согласию и единодушию, она послала гонцов к Аскару и сама поплыла вдоль берега Бальдского моря (Balda-See)¹⁹². Оттуда она отправилась в Хлит-Хавар (Hlith-hawar = Litauern — Литву). Литовцы — это опальные переселенцы и изгнанники, изверженные из нашего народа, которые

сидят в Твискаландах и бродят вокруг (этой территории). Затем она отправилась за Саксонские Марки, поперек других Твискландов, и повсюду провозглашала то же самое.

После того как миновало три года, она вдоль Рейна возвращалась домой. У твискландцев она провозгласила саму себя Матушкой и сказала, что они, как свободные и правдивые люди, должны вернуться назад, а затем они должны пойти по Рейну и прогнать последователей голенов из южных регионов народа Фрейи. И если они это сделают, то вместе с королем Аскарром они завоюют Шельду и всю страну. К твискландцам прокралось множество обычаев, свойственных тартарам и мадьярам, но многие по-прежнему оставались верны нашим обычаям. Вследствие этого у них еще были девы, которые учили детей и давали древние советы. Сначала они были настроены по отношению к Райнтье враждебно, но затем наконец они стали ей следовать и служить, и прославлять ее повсюду, где только это было полезно и необходимо.

Как только Аскар услышал от послов Райнтьи о том, как были настроены юты, он тотчас же отправил послов к королю Хальса. Корабль, на котором плыли послы, до краев был нагружен женскими украшениями. Здесь же был и золотой щит, на котором искусно был запечатлен облик Аскара. Эти послы должны были спросить у короля, не хочет ли он выдать свою дочь за Аскара. Год спустя Фретхогунста (Fræthogunsta) прибыла в Штаверию. В числе ее спутников был также и маг-мадьяр, ибо юты испорчены были уже давно. Вскоре после того как Аскар и Фретхогунста поженились, в Штаверии был построен храм. В «церкви» были выставлены безобразные скверные изображения, вплетенные в золотые оклады. Утверждалось также, что по ночам Аскар и Фретхогунста этим изображениям кланяются. Но крепость Штаверия, конечно же, так и осталась не восстановленной.

Райнтье уже вернулась назад и, обозленная (тем, что крепость не восстановлена. — А.К.), отправилась в Тексланд избираться Матушкой там. Пришла Пронтлик (Prontlik) и во все концы направила гонцов, которые провозглашали, что Аскар предался вере идолопоклонников. Аскар сделал вид, будто ничего и не заметил. Но неожиданно из Хальса пришел флот. Ночью девы были изгнаны из крепости, а под утро от нее можно было видеть только груду дымя-

щегося пепла. Пронтлик и Райнкья пришли ко мне, чтобы получить убежище. Когда я позднее об этом думала, мне показалось, что это было дурным знамением для моего государства. Поэтому мы вместе придумали хитрость, которая должна была принести пользу только нам. И смотри же теперь, как мы все это начали делать.

Посреди Крильвальда, что восточнее Льюдверда, находится наша крепость Варабург, попасть в которую можно только идя по спутанным и неведомым дорогам. Уже очень давно я поселила в этой крепости такую стражу, которая была единодушно настроена против Аскара, и держала всех остальных от крепости на почтительном расстоянии. У нас теперь все зашло так далеко, что женщины, а также и мужчины болтали уже о приведениях, о белых женщинах и коболях¹⁹³, — совсем как в Денемарках. Аскар все эти глупости использовал ради своей пользы, но и мы также хотели использовать их ради своей пользы. В одну из очень темных ночей я привела дев к крепости, и они облеклись в белые одеяния, притворившись привидениями. Они бродили по всем окрестностям и так перепугали народ, что потом никто уже не отваживался по ним прогуливаться.

Когда Аскар подумал, что ничем уже не связан и совершенно свободен, он под разными именами послал мадьяр (магов) по своим государствам, и кроме моего государства и Гренинги (Гронингена) им нигде не угрожала опасность и не оказывалось сопротивление.

После того как Аскар таким образом объединился с ютами и другими жителями Денемарок, они вместе отправились на грабеж: никаких благих плодов это не предвещало. Они привезли с собой домой всевозможные чужеземные сокровища. Но именно поэтому молодой народ и не захотел больше учиться никаким ремеслам и работать на полях, так что вскоре Аскару пришлось брать рабов. Но все это было противно воле Вральды и противно Совету Фрейи: поэтому наказание не замедлило. Смотри же, как пришло это наказание.

Однажды они вместе завоевали целый флот, который шел из Средиземного моря. Флот этот был нагружен пурпурными одеяниями и прочими драгоценностями, которые все происходили из Финикии. Черный народ с того флота был посажен на земли, что южнее Сейены¹⁹⁴, но все сильное население было оставлено, ибо

оно должно было служить Аскару, и служить ему в качестве рабов. Самые красивые были удержаны для того, чтобы оставаться в стране, а те, которые отвратительные и черные, — те были посажены на весла, чтобы грести, сидя на скамейках. Так озеро Фли разделило имущество¹⁹⁵ на две части. Но наказание пришло тотчас же. Среди тех людей, которые были посажены на весла, шесть человек умерло от боли в животе. Все подумали, что еда или питье отравлены, поэтому все выбросили за борт. Но боль в животе продолжалась, и повсюду, где были рабы или «имущество», — там повсюду была и боль в животе. Саксонцы принесли ее в свои Марки. Вместе с ютами она попала в Шонланд и на все берега Бальдского моря. Вместе с моряками Аскара она приехала в Британию. А мы, поскольку мы не пропускали через свои границы ни людей, ни «говорящее имущество», — мы остались здоровыми и свободными от всякой боли в животе. А уж сколько людей унесли эти боли, — об этом я писать не могу. Но Пронтлик, которая об этом узнала позднее от других дев, сообщила мне, что Аскар лишился в тысячу раз большего числа свободных людей из своих земель, чем он привел грязных рабов из земель чужих. Когда чума наконец стихла, на Рейн пришли свободнорожденные твисклендцы. Но Аскар не захотел стоять с князьями этого грязного и смешанного (бастардизированного) народа на одной ступени. Он не захотел им позволить, чтобы они называли себя чадами Фрейи, как предложила Райнкья, но при этом он забыл, что и сам он имел черные волосы.

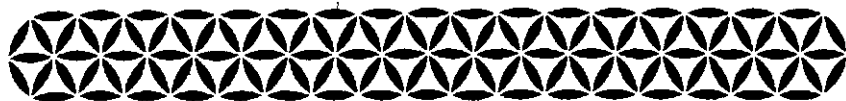
Среди твисклендцев было два народа, которые сами себя твисклендцами не называли. Один народ прибыл сюда с крайнего Юго-Востока: сам он себя называл «аллеманна» (Allemanna). Другой народ, который бродил в еще большей близи от нас, называл себя «франка» (Franka), но не потому, что они были свободны, а потому, что Франком звали их первого короля, который провозгласил себя родоначальником династии сам, вместе с испорченными девами. Народы, которые с франками граничили, называли их сыновьями Тьотса¹⁹⁶, то есть сыновьями народа. Они оставались свободными людьми, поскольку никогда не признавали над собой ни короля, ни какой-либо еще главы, ни господина, кроме тех, которые были избраны по общей на то воле и по общему согласию.

Аскар уже от Райнтьи узнал о том, что твисклендцы были друг с другом во взаимной вражде и имели разные междоусобицы. И вот он сделал им предложение, чтобы они избрали себе герцога из его народа, ибо он-де опасается, как бы у них не возникло внутри народа распри из-за права быть господином. Также он сказал, что его военачальники уладят и все проблемы с голенами. Такова, завершил он свою речь, воля Матушки. И вот пришли военачальники твисклендцев, и через трижды семь этмельд¹⁹⁷ герцогом был избран Альрик. Этот Альрик был племянником Аскара. Тот дал ему две сотни шоттов и сотню вооруженных саксонцев в качестве личной охраны. Военачальники должны были посылать в Штаверию трижды семь своих сыновей, в качестве гарантии своей верности. Так было сделано по общему согласию. Но когда нужно было плыть по Рейну, король франков не захотел слушаться приказов Альрика. Отсюда все пришло в замешательство. Аскар, который ошибочно полагал, будто все идет хорошо, высадился со своими людьми на другой стороне Шельды. Но там об этом были осведомлены задолго до его прибытия, причем осведомлены благодаря его охране. Им нужно было плыть оттуда так же быстро, как они туда прибыли. Аскар был схвачен. Голены ничего не знали о том, кто попал им в руки, и позднее Аскара выменяли у них на верховного голена, которого привел с собой народ Аскара.

В то время когда все это происходило, мадьяры еще быстрее, чем прежде, бежали по соседним с нашими землям. В Эгмуде, где прежде стояла крепость Форана, они приказали построить «церковь», еще больше и богаче, чем Аскар приказал построить в Штаверии. После этого они сказали, что Аскар проиграл войну против голонов, поскольку народ не захотел им поверить, будто им помогает Вотан, и поэтому народ отказался ему молиться. Затем они ушли, а с собой увели детей малых, которых держали у себя и обучали таинствам своего испорченного учения. Там были и люди, которые...

(На этом месте рукопись обрывается.)

Герман Вирт

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

I. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НАСТОЯЩЕЙ РУКОПИСИ

В настоящей работе я выступаю за подлинность источников, именуемых поддельными, и ходатайствую перед современной общественностью о возобновлении разбирательства по делу рукописи «Ура Линды».

Для тех, кто живет сегодня, события, имевшие место шестьдесят и более лет назад, являются сплошь неизвестными и непонятными. Для краткого ознакомления с ними мы предлагаем последующие рассуждения.

Во владении Корнелиса Овер де Линдена (Cornelis Over de Linden), бывшего некогда «старшим среди работников» (Meesterknecht, про-рабом) на государственной военно-морской верфи города Хельдер (что в Северной Голландии), была обнаружена рукопись, которую он, будучи сиротой, получил в августе 1848 г. по наследству от своего деда из рук родной своей тетки Аафьи Майльхоф (Aafje Meylhof), урожденной Овер-де-Линден. Дед этот, бывший старшим плотником по имени Андриес Овер-де-Линден, рожден был, по всей видимости, в 1759 г. во Фрисландии, а умер 15 апреля 1820 г. в Энкхвицене. У него было несколько сыновей, среди них стоит назвать Яна, прихо-

дившегося Корнелису отцом, а также — и нескольких дочерей: Антье и уже упоминавшуюся Аафье (ум. в 1849 г.). Что касается этой последней, то была она замужем в первом браке за Хенриком Ройверсом (Hendrik Reuvers, ум. в 1854 г.), а во втором браке — за Коопсом Майльхоффом (Coops Meylhoff).

Дед Андриес передал рукопись для своего внука не сыну своему Яну, который был корабельным плотником и уехал к морю, а своей дочери Аафье, оставшейся вместе со своим супругом жить в родительском доме. Ян Овер де Линден был, как сообщает Л. ван Берк, простым малым, способным употребить листы рукописи лишь для прочистки своей трубки. Справедливость этого суждения, вынесенного ван Берком о моряке Яне, должна быть еще доказана. Должно быть, Яну было известно о семейном предании, связанном с рукописью: он ведь имел обыкновение хвастаться своим древним фризским происхождением и «еще более древней» знатностью. Вдобавок к тому дед Андриес всегда напоминал внуку о его фризской крови, все значение которой он должен был объяснить ему подробнее, как только тот подрастет. Однако случиться этому не было суждено: дед Андриес умер в 1861 г., дожив до возраста 61 года, когда внуку Корнелису, родившемуся 11 января 1811 г. в Хельдере, было всего лишь девять лет.

Когда Корнелис вырос, тетя Аафье захотела переслать ему рукопись. Однако ее супруг Ройверс решил этому воспрепятствовать, подозревая, что в этой рукописи могли содержаться сведения о каких-либо ценных сокровищах. Позднее и у Корнелиса возникла мысль, что в рукописи содержится некое фамильное предание о каком-то сокровище. В этом и состояла причина того, что первоначально он не захотел отдавать эту рукопись, а вместо этого вручил тогдашнему архивариусу и библиотекарю провинции Фрисландии доктору Еелко Вервийсу лишь собственноручно выполненные копии нескольких страниц. Свое поведение Корнелис обосновал тем, что высказал опасение, будто рукописи могли содержать нечто, компрометирующее его семью. Только перевод Оттемы, сделанный впоследствии и по частям, освободил Корнелиса от этой очевидно передававшейся ему пустой грезы о тайне сокровищ в рукописи и дал ему представление о другом, несравнимо большем, сокровище. И это сокровище стало для Корнелиса бес-

ценным, так что даже перед своей смертью он отказался от заманчивого предложения продать рукопись за тысячу гульденов.

После того, как в 1845 г. скончался Х. Ройверс, а после этого, в 1846 г. (или в 1847) тетя Аафье повторно вышла замуж за Р. Майльхоффа, Корнелис Овер де Линден не захотел больше оставлять рукопись, это завещанное дедом родовое имущество, неопубликованной. В этом уведомлял господина Кнуиверса, проживающего в Энкхвицене, еще один племянник, книгоиздатель В. Овер де Линден. В качестве другого свидетеля господин Кнуиверс ссылается на вдову Кеетье Кофман, которая была дочерью Х. Ройверса и проживала в родовом имении Овер де Линденов, которое находилось в Энкхвицене. Эта вдова также говорила, что знала о существовании рукописи.

Как сообщает сын Корнелиса Овер де Линдена Корнелис II-й, в 1848 г. он ездил со своим отцом из Хельдера в Энкхвицен, чтобы эту рукопись забрать.

Корнелис Овер де Линден тщетно пытался проникнуть в тайну того, что там написано, пользуясь при этом словарем фризского языка Гийсберта Якопса (Яикса), а также еще некоторыми книгами. В 1860 г. он предоставил рукопись господину Зипкенсу, директору училища в Хельдре, и послал ее в конце концов, по совету учителя Янсена, из города Харлинга библиотекарю и архивариусу провинции Фрисландии доктору Ээлко Вервийсу. Это были те самые факсимильные копии, которые Корнелис сделал собственноручно. Они позволяют нам с большой графологической точностью уяснить себе, что сам Корнелис Овер де Линден рукопись «Хроники Ура Линда» никогда бы написать не смог.

С этого времени рукопись становится предметом внимания широкой общественности. В одном из писем Корнелису Овер де Линдену, датированном 13 октября 1867 г., Ээлко Вервийс сообщает, что он не может на основании копий страниц прийти к однозначному выводу ни касательно возраста рукописи, ни касательно ее подлинности, поскольку наряду с подлинными лингвистическими архаизмами в тексте встречаются и вполне современные выражения. И лишь получение первой части рукописи смогло его окончательно убедить в ее подлинности. Когда это произошло, Ээлко Вервийс вызвался перевести для семейства Овер де Линден его

родовую рукопись и издать ее при содействии общества «Friesch Genootschap».

Доктор Вервийс пишет Корнелису в одном из последующих писем, датированном 16 октября 1867 г.: «Я предполагаю, что известная нам рукопись является в Вашей семье святыней. Если это так, то я прошу у Вас позволения ее обнародовать. Если Вы на это не согласны, то я, как архивариус, могу поговорить с комиссаром короля и с уполномоченными „Gedeputeerden“ (комитета провинциального ландтага), сделать им предложение начать с Вами переговоры о передаче рукописи».

После этого, имея соответствующее поручение комиссара короля и «Gedeputeerden Staten», доктор Вервийс побывал в Хельдре 20 и 21 ноября 1867 г. Итоги этой поездки и переговоров Вервийс изложил в уже упоминавшемся «Officielle Rapport» от 17 декабря 1867 г. в Лееувардене. Корнелис Овер де Линден с готовностью показал ему находившиеся в его владении древнефризские рукописи, во-первых, ту самую рукопись рода «Ура Линда» (на современном голландском так звучит «Овер де Линден» — «по ту сторону липового леса»), приблизительно двести страниц форматом в четверть листа, которая состояла из различных отрывков и чье окончание, по всей видимости, отсутствовало; во-вторых, некую книгу форматом в половину листа, чья первая часть была составлена на латыни, как начало некоей летописи истории фризов, говорившей об их происхождении, их свободе, Карле Великом и т.д. Большая же часть была на нидерландском языке и включала в себя продолжение хроники примерно до XVI столетия. Речь шла о некоей неизвестной летописи: способ написания и вид бумаги относились к XVI столетию, что не вызывало сомнения в подлинности (эта рукопись также была затем издана «Friesch Genootschap» как «Kroniek van Worp van Thabor»). Овер де Линден уклонился от передачи первой рукописи и затребовал для начала полный перевод, прежде чем мог бы дать свое согласие на публикацию.

По поручению «Friesch Genootschap» Вервийс предложил изготовить копию, ее он хотел потом переводить. Эта копия была впоследствии, 4 февраля 1868 г., по заказу Вервийса очень неряшливо сделана Ф. Гослингом (F. Goslings).

Через три года, в письме Овер де Линдену от 24 апреля 1871 г., Вервийс сообщает, что вследствие крайней занятости он не в со-

стоянии взяться за перевод и теперь перепоручил копию рукописи другому человеку в Лееувардене (Йохану Винклеру), у которого имелись хорошие навыки во фризском и к тому же много свободного времени.

Господин Йохан Винклер сделал 24 ноября 1870 г. специальный доклад на собрании «Friesch Genootschap», в котором поделился основными итогами своего исследования рукописного текста. «Содержание чрезвычайно странного рода, частично мифологическое, частично историческое, но в то же время встречаются выражения, которые представляются очень новыми по времени своего возникновения». По его мнению, ценность перевода не соответствовала бы затраченному времени и затраченным усилиям.

В этом разделе нашего повествования теперь уже в качестве действующего лица появляется заместитель директора лееуварденской гимназии доктор Й.Г. Оттема, бывший учитель Ээлко Вервийса, получивший наконец рукопись от Корнелиса Овер де Линдена, для того чтобы ознакомиться с ее содержанием. В своем подробном докладе на собраниях «Friesch Genootschap» от 16 февраля и 23 марта 1871 г. Оттема заступает за подлинность и древний возраст (XIII в.) настоящей рукописи. Этот доклад, отпечатанный уже в ежегодных отчетах «Genootschap» за 1870—1871 гг., обозначил начало той печатной борьбы, которой с этого времени суждено будет определять жизненный путь Оттемы до самой его смерти.

4 октября 1872 г. Оттема издает текст рукописи с голландским переводом; в сентябре 1876 г. последовало второе издание, после того как первое было стремительно раскуплено.

II. РУКОПИСЬ «ХРОНИКИ...» БЫЛА ОТВЕРГНУТА КАК СОВРЕМЕННАЯ ПОДДЕЛКА

Нападки на это издание и неприятие рукописи, рассматриваемой как подделка, основывалось на двух постулатах:

1. Язык рукописи полностью представляет собой испорченный древнефризский, в котором среди архаичных составляющих об-

наруживаются также и современные «голландизмы». В качестве примеров критики с точки зрения языкознания здесь следует особо упомянуть брошюры Й. Бекеринга Винкерса (J. Beckering Vinckers) и Й.Х. Галле (J.H. Gallee), написанные в 1876—1878 гг., а также те сочинения, которые принадлежат перу Й.В. Муллера (J.W. Muller).

2. Бумага рукописи произведена примерно в середине предыдущего столетия, а «древней» была, видимо, сделана искусственно, вероятно, путем специальной дымовой обработки. В разрыве бумага оказалась белой. По заключению господ Ф. Муллера (F. Muller) и П. Смита-ван-Гельдера (P. Smidt van Gelder)¹⁹⁸, проживающих в Амстердаме, речь идет о «бумаге фабричного производства», которая, по всей вероятности, была выделана на фабрике Тиленс и Шраммен, которая находится в городе Маастрихт. Возраст бумаги, по оценке этих господ, не превышает двадцати пяти лет.

В 1925 г. через посредничество моего покойного издателя Ойгена Дидрикса (город Йена), мне удалось провести дополнительное исследование бумаги рукописи, которое дало похожие результаты: действительно, речь идет о бумаге, изготовленной промышленным способом в первой половине прошлого столетия.

Это последнее обстоятельство также подтверждает ошибочность мнения Оттемы, который и во втором издании рукописи продолжал с упрямством настаивать на «средневековом» происхождении бумаги и пытался даже это обосновать.

Чего, однако, нельзя заключить ни на основании первого, ни на основании второго обстоятельства — это с очевидностью возникающий *вопрос о достоверности источников рукописи*. Единственное, что непосредственно следует из второго довода — так это то, что рукопись представляет собой копию, выполненную в первой половине XIX столетия.

III. ДАТИРОВКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСТОЯЩЕЙ РУКОПИСИ

Прежде всего, возникает вопрос: когда же могла, самое позднее, возникнуть настоящая рукопись. На данный момент мы имеем разъяснение, которое Корнелис Овер де Линден опублико-

вал в воскресном номере «Heldersche er Nieuwedieper Courant» от 12 марта 1876 г. (34 год издания, № 31) по поводу статьи П. Леендертца (город Медемблик), напечатанной в «De Navorscher» за декабрь 1875 г. и носящей название «Thet Oera Linda-Bok». Леендертц в своей заметке приходит к следующему выводу: «Или возраст „Хроники Ура Линда” насчитывает века, или отсчет ее возраста начинается не ранее, чем с 1853 г.».

Разъяснение Корнелиса Овер де Линдена гласит:

«Настоящим нижеподписавшиеся заявляют, что им было известно о наличии здесь, во владении фамилии Овер де Линде, в частности, между 1848—1850 гг., рукописи, впоследствии переведенной и изданной доктором Й.Г. Оттемой в городе Лееувардене под названием „Thet Oera Linda-Bok”.

7 марта 1876 г.

А. ван Берк, смотритель склада государственной военно-морской верфи в Виллемсурде,

П. Урбанус, старший учитель в приходской школе № 6,

У.Й. Лейер, учитель математики и навигации,

К. Муий, старший учитель государственной школы с преподаванием слова Божия».

Почти двадцать лет спустя объявился еще один свидетель, капитан-лейтенант в отставке, инспектор пароходного сообщения в Ост-Индии и отставной директор голландского пароходного общества в Роттердаме В.М. Виссер. В своем послании от 22 мая 1895 г., отправленном из Дельфта Л.Ф. Овер де Линдену, второму из сыновей Корнелиса, бывшему в то время хранителем рукописи, г-н В.М. Виссер рассказывает, как он в воскресенье 23 декабря 1854 г. был в качестве молодого адельборста первого класса откомандирован на государственную военно-морскую верфь в Виллемсурде для проведения работ на доке. В этом деле был задействован также и Корнелис Овер де Линден. В разговоре о практической пользе домашнего образования и поездок за границу Овер де Линден упомянул, что у него, к примеру, имеется дома некая книга, которой уже давно владеет его семья и которая наследова-

лась от родителей к детям, а в его владении находится всего несколько лет. Книга написана не только на другом языке, но и настолько другими буквами, что он ее прочитать не смог. При этом им были задействованы, пожалуй, все имеющиеся в распоряжении Корнелиса средства, однако добиться хоть каких-либо, пусть даже и незначительных, результатов в деле перевода ему так и не удалось. Прилагая невероятные усилия, Корнелис лишь время от времени понимал какое-то отдельное слово, однако соединить слова в предложения и понять их смысл ему не удавалось.

Тогда Виссер посоветовал ему обратиться к какому-нибудь университетскому профессору, специалисту-филологу, вроде проф. Рурды в Дельфте, который, в случае необходимости, обратился бы за дополнительной помощью к своим коллегам из Лейдена или Утрехта.

Овер де Линден с охотой и благодарностью принял предложенные г-ном Виссером услуги по содействию, и было оговорено, что Виссер приедет к нему в следующее воскресенье посмотреть книгу. Однако в то воскресенье у Виссера выдалось дежурство на борту, затем он забыл о договоренности, так как ушел вскоре в долгий отпуск и вернулся в Ньюведип для дальнейших морских экспедиций только в 1867 г.

Лишь в 1874 г., благодаря первому изданию рукописи, которое осуществил Оттема, Виссеру стала ясна связь с тогдашними событиями: «Тут в памяти возникло мое данное Овер де Линдену и так и не выполненное обещание и весь наш тогдашний разговор. Мой стыд и мое сожаление в равной степени были вызваны еще и тем, что я смог разыскать в моем дневнике оговоренный нами день и точную дату».

Это абсолютно невозможно, чтобы работник верфи (Овер де Линден. — *Прим. пер.*) вечером выходного дня попросил бы офицера-чиновника посмотреть у него дома нечто, чего в действительности не существовало. Значит, рукопись существовала и до 23 декабря 1854 г.», — заканчивает свой рассказ г-н Виссер.

Как дважды письменно подтвердил Корнелис Овер де Линден в 1871 и 1873 гг., он получил данную рукопись в 1848 г. в Энкхуизе от своей тети Аафье, урожденной Овер де Линден.

Сегодня у нас нет больше поводов хоть как-то сомневаться в честности обоих Корнелисов Овер де Линден. Поэтому мы можем только с глубоким сожалением констатировать ту самую вечно возвращающуюся легкомысленность, с которой обращаются с чужой честью и которая нередко приводит даже к разрушению целой жизни. Чтобы развеять ореол загадочности, окутывающий «Хронику Ура Линда», были заподозрены в ее подделке — один за другим — сначала Корнелис Овер де Линден, затем проф. д-р Элко Вервийс, затем — пастор Ф. Хавершмидт («Piet Paaltjes»), затем — д-р Й.Г. Оттема. Причина тому была одна — это невозможнейшие, хитрым образом друг на друга наложившиеся совпадения, сделавшие открытые и честные объяснения и серьезные аргументы, этими лицами приводившиеся, ничего не значащими в глазах мнения общества.

Так что мы можем пока констатировать лишь, что находящаяся перед нами рукопись «Хроники Ура Линда» должна была возникнуть не позднее 1848 г.

В деле изучения подлинности источников рукописи установление этой хронологической точки обладает чрезвычайным значением. Ведь в 1853 г., во время небывалого спада уровня воды на швейцарских озерах, д-ром Ф. Келлером впервые были обнаружены упоминавшиеся в рукописи «Хроники...» свайные постройки, о чем д-р Келлер доложил в своем докладе в Антикварном Обществе Цюриха (т. 9, раздел 2, кн. 3, 1854 г., с. 79 и сл.). Та свайная постройка, которая была открыта на Цюрихском озере возле Майлена еще в 1829 г., не была удостоена вниманием и даже осталась неизвестной общественности.

В настоящий момент тот факт, что швейцарские свайные постройки упоминаются в «Хронике Ура Линда», расценивается как веское доказательство того, что рукопись является поддельной и, следовательно, была сфабрикована не ранее 1853 г.

На этом мы исчерпываем весь объем фактологического материала, на основании которого расследование обстоятельств написания «Хроники Ура Линда» должно быть возобновлено.

IV. ОТСУТСТВИЕ ИСТОЧНИКО-КРИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ РУКОПИСИ

Объективного исследования первоисточников рукописи *не проводилось никогда*. В противном случае с течением времени обнаруживались бы все новые подтверждения подлинности из области древнейшей истории и пра-истории, а точнее, на основании тех подробностей, которые не были и не могли быть известны ни до 1848—1853 гг., ни до 1867 г., когда Вервийс уже видел рукопись. Об этом и пойдет речь ниже. Того факта, что примерно в 1867 г. в Голландии был обнаружен некий источник, выдаваемый за исторический и повествующий о происхождении с Севера высокоразвитой местной культуры и мировоззрения, веры в Мирового Духа, — этого было с того времени и до сих пор достаточно, чтобы данный источник представлялся крайне подозрительным и настолько невозможным, что дальнейшее углубление в его содержание считалось излишним. Психоз «*ex oriente lux*» (свет с Востока) и «*salus ex Judaei*» (спасение от иудеев) сегодня все еще владеет образованным голландским обществом в качестве навязчивого гуманистически-теологического представления. Север Нидерландов, в особенности управляющая всем торгово-купеческая городская Голландия, является страной, совершенно оторванной от своих этнических корней, страной, которая уже почти два века как потеряла свою духовную народность. Интеллектуалистское, интернационально образованное и к тому же непробиваемо-самодовольное бюргерство, просветительски-либертински настроенное, либо чрезвычайно теологизированное, подверженное всевозможным чужеродным духовным влияниям, в особенности — тому самому «*ex oriente*», также под обличьями теософии или оксфордского движения (*Oxford movement*) и т.д. и т.п. — вот и вся душа северного нидерландца, «голландца». Общим для них всех является полное отсутствие чутья в духовно-душевных вопросах народности, крови. Это является само собой разумеющимся и для марксистски настроенной интеллектуальной части населения, которая здесь, как и везде, находится под определяющим духовным водительством представителей еврейской диаспоры.

Показательный тому пример, как раз относящийся к нашей рукописи, являет собой заключение в статье бывшего пастора, доктора Г. Вумкеса (*G. Wumkes*), нынешнего директора провинциальной библиотеки во Фрисландии, которая была опубликована в городе Лееувардене, в «*It Heitelan*» (5 год издания, 16—18, от 21 апреля до 5 мая 1923 г.) под заголовком «*Bodders yn e Fryske strijd*» («Рабочий во фризской борьбе»). Он рассматривает рукопись «Хроники Ура Линда» как звено одной с масонским пангерманистским движением цепи. «Корнелис Овер де Линден был первооткрывателем и первопроходцем для Лагарда, Чемберлена, Делица и других антисемитов...», а рукопись Ура-Линды — фризской масонской библией, которая была провозглашена сторонниками пангерманизма на лекциях и курсах книгой завета некоего «прагерманского христианства». Эта публикация приходится на время моей учебы и работы во Фрисландии в 1923—1924 гг. Я знаю Вумкеса лично и высоко его ценю. Он, как и огромное множество столь пристрастно им охарактеризованных моих земляков, — человек, достойный всяческого уважения. В его случае трагедия нордического человека, который слышит далекий духовный голос своей крови, но не понимает, не может понять, — особенно явственна. В ходе многих личных бесед я смог это установить.

Будучи католиком, он одно время обратился к авторитету и традициям римской церкви, чтобы быть в состоянии внутренне противостоять тому новому знанию о северной духовной прαιстории и разрушению устоявшейся, не подлежащей сомнению священной религиозной истины. А в другое время он справедливо пытался вывести духовную связь между всеохватывающей идеей «*Ebre Gottes*» («благочестия») в самых радикальных толках протестантизма, реформатской или кальвинистской верой народов Северного моря, нидерландцев, и всеохватывающим пониманием чести, которое бытовало еще в «языческие», описанные в северных сагах, времена, например, связь с таким понятием, как голос крови.

Вумкес являет пример «непрерывной преемственности» того самого состояния голландского ума семидесятых годов, при котором рукопись «Ура Линды» зачислялась в подделки принципиально и сразу уже из-за того, что возможность перемещения истока

Света и Блага с Востока на Север исторически была для него непостижима. Было время — и оно еще не совсем прошло даже в Германии — когда это положение было в равной степени общеобязательным и для науки и для веры. И мы стоим еще только у самых истоков выработки более нового, широкого, глубокого и близкого к истине взгляда на вещи. До сущностного, предметного содержания рукописи никому и никогда дела не было. Это считалось излишним уже из-за присутствия в тексте скверного, испорченного старофризского языка и еще более подозрительных неоголландизмов в том же самом стиле. Но именно по этой причине я теперь вынужден подавать апелляцию и настаивать на открытии нового разбирательства. Речь здесь идет о чем-то большем, нежели только о восстановлении попорченного личного достоинства безвинно заподозренных людей.

Если рукопись «Ура Линды» является лишь подделкой, художественным вымыслом, то существуют две возможности:

1. Либо создатель выдумал ее всю целиком.
2. Либо для исполнения своей задачи он воспользовался какими-то источниками, заполнив недостающее собственным творчеством.

Исследований тех источников, которые могли быть использованы при составлении рукописи «Хроники Ура Линда» — как уже говорилось выше — никогда не проводилось, это считалось излишним. Довольствовались, самое большое, предположением о заимствовании из Вольнея (*Volney*), чей труд «*Les Ruines...*» (Руины...) имелся среди книг Корнелиса Овер де Линдена во французском издании и в нидерландском переводе. Л.Ф. Овер де Линден в своем сочинении «*Beweerd maar niet bewezen*» дает отповедь этому предположению. Но даже если бы мы согласились, что такая возможность существует, все равно это свидетельствовало бы лишь о доработке представленной нам копии неизвестным составителем.

Откуда, однако, появляются все те другие важнейшие подробности — которыми, взятыми выборочно, мы теперь и займемся — из области первобытной истории, истории прарелигии, палеоэпиграфики (древнейшей истории символик и письма), исторической геологии и т.д.?

Это выглядит прямо как какой-то гротеск, когда Й. Бекеринг Винкерс пишет в качестве окончательного заключения: «Видно, что Корнелис Овер де Линден владел всеми теми трудами, в которых нуждался, чтобы из них почерпнуть знания, необходимые для составления „Хроники Ура Линда“», — и — «видно, что он в действительности этими знаниями обладал». Мы хотим сразу начать с перепроверки на основании ряда отдельных частей рукописи этого утверждения, которое Бекеринг Винкерс забыл сопроводить доказательствами. Будет видно, что ни самоучка Овер де Линден, ни академически образованные люди вроде Эалко Вервийса или Хавершмидта, ни какие-либо другие лица не могли выступать создателями рукописи как изначальные либо вторичные авторы, хотя бы вся зарубежная литература вплоть до 1853 г. по древнейшей истории была им известна. А ведь именно этой литературы, литературных памятников мы не увидим в личной библиотеке или кругозоре вышеупомянутых лиц.

Тогда наука ушла от лопаты совсем недалеко. Теперь же давайте рассмотрим отдельные части рукописи в свете последних открытий в области древнейшей истории. В качестве примеров я приведу лишь некоторые подтверждения.

V. РУКОПИСЬ «ХРОНИКИ УРА ЛИНДА» И ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

а) Шестилучевое колесо как символ Бога и Времени: Вральда и Кродо

«Книга последователей Адель» приводит в качестве вступления три шестилучевых колеса с подписью: «Вральда», «Исток» и «Начало», которые были высечены на стене Варабурга с пояснением, что это — *«знаки Юла»*, что «это — *древнейший символ Вральды*, а также символ Истока или Начала, из которого изошло *Время: это — Кродер*, который вместе с Юлом должен вечно вращаться».

По образцу этого Колеса матушка Феста создала рунический шрифт. А среди восточных и средиземноморских народов (финнов, крекаландцев и жителей Тира), которые также однажды узнали или переняли этот северный алфавит, истоки и значение данной традиции были замутнены и позабыты. Эти народы не знали более, что данный рунический шрифт «был сделан по образцу Юла и что поэтому он всегда должен писаться *вокруг Солнца*».

Сперва нужно здесь установить те основополагающие факты, которые впервые были приведены и обоснованы в моей работе «Происхождение Человечества» (1928) и «Священная Протописьменность Человечества» (1932):

что шестилучевое колесо ☼ является нордической идеограммой Года, идеограммой Бога, означающей то же самое, что и восьмилучевое колесо, в котором добавлена несущественная для Севера линия «среднего времени», соответствующая Востоку—Западу (Весне и Осени);

что из этого «Года Божьего», из первоначального изображения Колеса Солнечного Года (☉ или ☉ — атланти-нордический или нордический знаки, культура Туле; ☉, ☉ или ☉ — южно-нордический или североатлантический знаки) возник шрифт, как изначальное следствие и порождение календарных знаков;

что изначальное все это писалось «вокруг Солнца», *в форме круга* (по краям круглой деревянной дощечки, колеса Года), либо же в винтовой (спиралевидной) форме (дугообразный путь Солнца в течение солнечного года). (Ср. «Священную Протописьменность», гл. 20);

что крито-минойское линейное письмо, равно как и так называемый финикийский или северосемитический алфавит, оба восходят к древненордическому руническому алфавиту более раннего времени. Крито-минойское линейное письмо включает в себя примитивные буквенно-пиктографические элементы, как, например, части систем раннединастического Египта или Древнего Шумера, которые свидетельствуют о расовом смешении с местным населением, стоящим на более низком духовном уровне. Финикийское письмо свидетельствует об элизии и представляет совершенно обедненную стадию, в сравнении с «иберийским письмом» Пиренейского полуострова, которое восходит к той же

традиции нордической культуры мегалитов и к ее носителям — людям северной расы из Северной Африки (ливийцы — берберы — кабилы).

Крито-минойские и иберийские памятники содержат такие же солярные надписи, выполненные «вокруг Солнца», как и древненордические памятники эпохи сложения саг (ср. «Священная Протописьменность», табл. 208—210.)

По поводу возникновения шестилучевого Колеса Года ☉, как линейного сопряжения идеограммы :::, сводящей шесть точек воедино вокруг седьмой — см. рис. 1 (= табл. 3 «Священной Протописьменности»).

Знак ☉, или ☉, или ⊕ и ⊗, «jol», древненордическое *hjóll*, *hvêl* (= древнефризское *hwêl*), нидерландское *wiel*, англосаксонское *hwêol*, *hweohho* и т.д. появляется в качестве идеограммы Года¹⁹⁹ в символике Юла германских деревянных календарей, древненордических рунически-насечковых календарей, англосаксонских календарей «slog» и т.д. (Ср. рис. 2 — знак 25 декабря, и рис. 3 — знак 1 января. = табл. 44 и 45 «Священной Протописьменности»). В момент зимнего солнцестояния «Колесо» Года Божьего стоит на месте, а поэтому в символическом культовом употреблении германского народа, в человеческой жизни, все прочие колеса (прялка и т.д.) также должны покоиться. Ибо это — Священный Поворот, время «Умри и Стань», когда мертвые души предков воскресают и перерождаются, снова облачаются плотью в своем роду²⁰⁰.

Отсюда — слова «древнейшего учения» (с. 40): «Вместе с Юлом все сотворенное изменяется и превращается». Это «древнейшее учение» (*form-lêre*) является «древнейшим символом Вральды» (*forma sinneblð Wraldas*) (с. 44).

Также и поздненордическая традиция Эдды знает о «древнейших рунах Великого Бога» (*Fimbultýs fornar rúnar*) при обновлении нордического мира возродится заново (*Voluspá* 60). Это предсказание нордической провидицы в точности соответствует пророчеству древнефризской народной матушки Франы, а также и предсмертным словам пожилой девы-градоправительницы Рики, которые были зачитаны вслух во время праздника Юла в Штаверии: что очередное обновление отпавшего от своей божественной свободы нордического мира состоится в третьем тысячелетии наше-

го теперешнего летосчисления, после глубочайшего нисхождения Колеса Космического Юла. Затем оно снова начнет очередной виток своего коловращения. (Ср. с. 104 и 119.)

Поэтому вполне естественно полагать, что конец второго тысячелетия нашего летосчисления стоит под знаком воспоминания о древнейшем наследии и прорыва к его обновлению, а знаком его является крест поворота или гамматический крест (свастика), который происходит из древнейшего священного символа года и бега времени (⊕ или ⊗) под воздействием Духа Миров²⁰¹.

Еще большим значением наделено дошедшее до нас имя Бога, *Вральда*, «древнейшим символом» которого был ⊗ — знак «Юла». Форма этого имени, приведенная здесь в полном своем виде, звучит по-древнефризски *wrald* и *warld*, по-англосаксонски — *weogold*, *worold* (по-английски — *world*), а на древневерхненемецком — *wërolt*, *worolt*, на средненидерландском — *wërelt*, на новонидерландском — *wereld*, на древненордическом — *vërold* и т.д., и имеет в этих германских языках значение «Век» (по-латински — *saeculum*), «Мир», «Творение», «Земля» (как обиталище людей), «Человечество», «Народ», «Люди».

Слово «Вральда» образовано из праслога *ig-* или *wg-* (ср. «Священная Протописьменность», гл. 9), обозначающего Начало Века, Начало Года, Начало Эона, а также Γ — руну Жизненного Поворота и Становления Человека (по-древневерхненемецки «*weg*» — это «Человек»),

а также из праслога — *ald* (готское *alds*, древненордическое *old*) = «Возраст», «Время», «Эпоха», «Вечность», сохранившееся в имени Бога — *al*.

Veraldar god в одной из саг означает Фрейра, младшую из форм обнаружения Божественного Сына в Эдде. Намного важнее, чем затемнившаяся со временем и переставшая чисто звучать традиция Эдды и саги, является лапландская традиция, которая в культе и в культовой символике обнаруживает элементы древнейшего²⁰² нордического предания.

Высшая Сущность, о которой повествует лапландская религия, именуется *Radien attje* — «Господин» или «Власть» — «Отец», что происходит от древненордического *rvd* — «совет», «обсуждение», «определение», — слово, которое предстает также в фор-

ме Waralden (Veralden) Rad или Radien — «Повелитель Мира», или же Waralden (Veralden) Olmai (Olmay) = «Господин Мира». Согласно древненордическому преданию, Он открывает Себя посредством Явления Спасителя — который именуется Radien kidda или barn = «Сын Господа» и также Jubmel, Jibmel, Jumala и т.д. barn или kidda = «Небесное Дитя», так же как и Бог Отец именуется Jumal, Jubmel и т.д.

Лапландское понятие «Runebotme» = Рунический Барабан, который, подобно другим евразийским шаманским барабанам, несет на себе облик Бога Миров и Года (ср. в моей «Священной Протописьменности» табл. 13, рис. 4—5 и табл. 314, рис. 2, а также в самом тексте этой книги, с. 77—78) и представляет Бога Отца, «Человека Миров» — Waralden Olmai со знаком ☉, как это, к примеру, изображено у Олафа Рудбека (Olav Rudbeck) в его сочинении «Atlantica» (Часть вторая, Упсала, 1689, с. 279). Справа же от Него находится Horagelles (Thot + Karl) с топором в руке — это самый юный образ Спасителя (как Ульбра — Ullr), возникший у лапландцев уже в позднейшее время из древненордической религии (рис. 4).

Заемствование «Хроники Ура Линда» у Рудбека, при посредстве предположительного «фальсификатора», совершенно исключено, в силу того, что Рудбек часто ошибается в своих толкованиях «Runebotmen», и его приведенное нами толкование (= «фригг») было заслуженно исправлено Фриисом в «Vagelden olmai». Но ведь сочинение Й.У. Фрииса (J.U.Friis) под названием «Лапландская мифология» (Lappisk Mythologi) появилось только в 1871 г. в Христиании!

К вопросу о засвидетельствованной здесь древнеатлантической традиции ср. мою книгу «Священная Протописьменность Человечества», табл. 301 В.

Насколько здесь достоверна лапландская передача древнегерманской религии, показывает приводящееся мной опять-таки в «Священной Протописьменности» (табл. 7, рис. 1, ср. примечание 5 на с. 6) свидетельство столетней давности, принадлежащее «финну» Андерсу Поулену (Anders Poulen), который рассказывает о Нильсе Кнаге (1693), у которого Jumal barn = «Небесное Дитя» производится от + и ☉, древненордической арктической

руны, которая обозначает «Год» и лапландского слова Paive, Vaive = «Солнце» (собственно, «Солнечный Год»). (Ср. у Фрииса, № 5.)

Что касается изучения дальнейших эпиграфических взаимосвязей и всего того, что связано с лапландской руной Солнца и произошедшей от нее священных знаков — то здесь полезным окажется материал, собранный нами в «Священной Протописьменности» (ср. табл. 4, № 14—24, и табл. 328, № 17—22).

Только полнейшее незнание эпиграфического материала, представленного в лапландской традиции, сделало невозможным открытие ценнейшего и древнейшего лапландского «Runebotnen». Он толковался филологами как рунический календарь, имеющий якобы христианское происхождение, особенно ярко сказавшееся в том, что он, мол, повествует о Боге Отце и Боге Сыне, Спасителе. Таким образом, Runebotnen разделил судьбу Эдды: древнейшее священное предание было не понято и воспринято как влияние более юной, южной, христианской традиции, тогда как младший и новейший слой, как, к примеру, скальдический культ Вотана (вотанизм эпохи саги) был почему-то принят за саму религию древних германцев.

Что касается дальнейшего изучения арктически-атлантических взаимосвязей (культурного круга Туле), например, мотивов «Бога Миров», «Мировых Столпов» и «Мирового Гвоздя» (Полярной звезды) как Оси Мирового Колеса²⁰³, — то по этому поводу см. «Происхождение Человечества», с. 66—67. Здесь доказывалось также, насколько древним («ur-alt») является предание о Вральде («Wralda»).

И одного того факта, что рукопись «Хроники Ура Линда» передает нам имя *Вральда* как Имя Божие и сообщает, что Символом Божиим является шестилучевое колесо ☼, из которого произошел алфавит, вращающийся *вокруг Солнца*, — одного этого факта достаточно для того, чтобы *доказать подлинность «Хроники Ура Линда» как источника.*

Содержащаяся в имени «Вральда» частица —al = «Бог» сохранилась на северных погребальных монетах (так называемых брактеатах) также в форме alu (зимнесолнцестоянческая форма, соответствующая «ul»); Он именуется также и как «hag alu», что зна-

чит «Бог Хаг» — букв., «Тот, кто все оберегает» = «Allumheger» (ср. по этому поводу мое исследование в «Священной Протописьменности»). Символами Его являются * и •••, либо же линейное сочетание + и •••, а также крест Великого Поворота и Крест гамматический. Примечательно также и то, что на одной из погребальных монет («Священная Протописьменность», табл. 420, № 1) Он, хотя и назван как Úl, является как эддический Бог Тор, в левой руке держащий руны Н, а правую свою руку положивший в пасть зимнесолнцестоянческого Волка. Руна Н, входящая в длинный рунический ряд (более современной южно-нордической календарной системы знаков), в кратком руническом ряду (более древней, нордической календарной системе знаков, dagsmal или euktamark) является нам как руна *, носящая имя hagall или hagi. Древне-норвежская руническая песня объясняет эту руну следующим образом:

* (hagall) er kaldastr korna,
 Krístr skóþr hœimenn forna.
 Хагель — это самое холодное зернышко,
 Христос создал древнейший мир.

После христианизации место Бога alu занял «Krístr». Его знак в руническом круге соответствует началу мая, когда еще стоят майские холода²⁰⁴, а на юге моей Нидерландской Родины, в области Монстерлана, в старинной местности Ирминзойлен, в Ильгене и в других местах еще устраиваются «просительные походы» крестьян для защиты своих полей от того вреда, который им может нанести град²⁰⁵. Во время этих просительных крестных ходов крестьяне носят с собой знаки * — Кресты Хагель.

Соотнесение руны Хагель (*) с «холодным зернышком» также основано на древнейшем нордическом понимании Бога и Божественного Творения: кристаллики льда и снега, падающие с неба, представляют собой форму * (см. «Священную Протописьменность», табл. 418, № 10).

Знак * или является символом и «холодным зернышком» Того «Мирового Сторожа», Который однажды создал этот мир. Ибо в

нем в пространстве и во времени открывается Бог *Вральда*, открывается непосредственно — в облике Года. Также и надпись на крепости Варабург говорит: «☸ — это древнейший символ (form sinnbild) Вральды, существующая от Самого Истока или с Начала, откуда произошел мир». А в «древнейшей истории» эта мысль поднимается до уровня мифа о Творении: «Вральда, Который один благ и вечен, произвел Начало. Затем появилось Время, а Время создало все вещи, также и Землю». Это — возвышенная космогония, совершенно не приемлемая для современного естествознания, стоящее за которым мировоззрение во всем противостоит познанию Бога.

И такую же космогонию находим мы в «древнейшем учении» (Form-Ikge): «Все, что мы можем в Нем увидеть, суть творения, благодаря Ему приходящие и уходящие: ибо из Вральды все вещи приходят, а затем они снова возвращаются. Из Вральды происходит Начало и Конец, ибо все вещи совершаются в Нем. Вральда является единым всемогущим Существом, а любая другая власть происходит от Него и возвращается в Него же. Из Вральды исходят все силы, и все силы возвращаются к Нему. Поэтому Оно единственное есть творящая Сущность, и ничто без Него сотворено не было». И во «Второй части древнейшего учения»:

«Вральда существовал ранее всех вещей, и будет существовать после всех вещей. Итак, Вральда вечен, и Он бесконечен, поэтому нет ничего, чего не было бы в Нем. Из Жизни Вральды и благодаря Жизни Вральды возникли время и все вещи. Его Жизнь охватывает и время, и все вещи вообще».

Итак, это — та же самая традиция, что и традиция древноревежских рунических песен, восхваляющих ✱ (hag-alu), который «создал древнейший мир» (ср. с. 175), а также и то, что в германских языках носит имя Wt-al-da: «Время, Век, Вечность, Мир, Творение, Человечество».

Посмотрим же теперь на второе свидетельство надписи из Варабурга, а именно, на Юл☸, который «является древнейшим символом Вральды, а также символом Истока и Начала, из Которого произошло Время. Это — *Кродер*, который вечно должен вращаться вместе с Юлом».

В «Хронике зассов» (*Chronicke der Sassen*) брауншвейгского горожанина Конрада Ботхе (*Konrad Bothe*), «отпечатанной Петером Шефтером (*Peter Schoefer*) ван Гернсхеймом в благородном городе Менце» (1492), нам сохранено изображение Кродо, который вплоть до сего дня многократно, — по причине все того же банального незнания иконографического, эпиграфического и прочего материала, — рассматривается как позднесредневековое «сочинение» или «фальсификация» (см. рис. 5).

Разумеется, говоря об этом изображении, приходится признавать Ботхе его изобретателем, основывавшимся — что уже является доказанным, — на мощнейшей устной традиции, которая в его время еще была жива, или же на традиции еще более древней, которая не дошла до нас ни в одном из сохранившихся письменных источников.

Мы видим бородатого старого человека, одна рука которого опущена²⁰⁶, а другая поднята. В опущенной руке он держит ведро с водой, в котором находятся восьмилепестковые (?) цветы, тогда как в своей поднятой руке он держит шестилучевое колесо. Он стоит на рыбе, которая лежит на капители колонны.

По поводу отдельных деталей этой символики отсылаю читателя к моему исследованию, опубликованному в «Священной Протописьменности».

Здесь мы имеем перед собой «старого Бога», Бога-Года, Бога-Сына в последнем átt (Небесном Направлении) Своего годового пути, то есть в точке Зимнего Солнцестояния. Не случайно поэтому то, что он стоит на Рыбе Юла, на «Белой» Рыбе, которая сообщает мудрость (ср. по этому поводу «Священную Протописьменность», гл. 14). На это указывает и положение его рук, одна из которых опущена, а другая поднята («Священная Протописьменность», гл. 27): еще англосаксонские рунические ряды сохранили эту архаическую идеограмму, которая звучит как g (по названию руны «geag», отсюда же и немецкое «Jahr» — Год). Опущенная (изначально — левая) рука находит свое графическое изображение в рунической формуле $\uparrow \text{XX} - \text{I-nk}$, в $\uparrow - \text{Iagu the leohto}$ — «светящийся хохот», с которым Божий Сын вместе с Солнцем, «Светом Земли», (*landa ljume*) погружается в море земного круга, в материнские воды, в значительный поток, в материнские недра Земли, из которых он выходит за-

тем с правой (*rechten*) поднятой рукой, восходит ввысь и возносит в небо (*reckt empor*) Новый Свет, чему соответствует руническая формула г-к (га-ка), изначально имевшая вид $\text{†} \text{Y}$ или $\odot \text{Y}$ (см. «Священную Протописьменность», гл. 32).

Ведро как хранилище воды является здесь символом вод вообще. Из ведра вырастает в нашем германском искусстве Древо Миров, Года и Жизни (ср. рис. 125). Солнечные цветы означают Свет, погрузившийся в Море Миров, они означают также и Возрождение, как до нас еще доносит название руны — *ing* $\times\times$, слога, который также обозначает и происхождение: «рожденный кем-то, происходящий от кого-то».

Сообщение Конрада Ботхе в его «Хронике зассов» исключает глупые толкования. Оно гласит: «Jck vinde in der schrift dat hyr in oftsassen to der harteszborch gestan hadde eyn affgde na Saturno. Unde den heten de lude und dat meyne volck Krodo. Unde dusse afgode stond uppe eynen sulen und upp eynen barse.... Unde de affgode hadde in syner lochteren (=linken) hant eyn rad, dat beddude dat sich de sassen scholden vast besluten in eyn (*, мотив руны Хагель, *hag-al* — «Сторожа Вселенной»). Unde in der vorderen hant eynen wateraymer. dat bedudde dat he were eyn moder der kulde. unde de rosen in dem aymer bedudde dat he were eyn borne der fruchte. so anbeden se syner macht uppe dat oene de frost orer fruchte neynen schaden dede.

Do konigh karl quam in dat lant unde bekorde (bekehrte) de oftsassen. do sprack he: „we is iuwe got?“ do rep dat meyne volck: „krodo, krodo is unse got!“ do sprack konigh karl: „het krodo iuwe got, dat het de krodan duvel!“ Van dime worde quam dat bose wort mangk den sassen, und do toch konigh karle to der hartesborch unde vorstorde krodo den affgot und leyde den dom to saligenstidde dat nu osterwieck het in de ere sunte steffen».

То, что король франков Карл велит на месте культа Кродо построить церковь и посвятить ее святому Стефану, покровителю второго рождественского праздника (26 декабря) — это примечательно уже само по себе. Вплоть до XIX в. во Фрисландии был известен «Рог святого Стефана», известный также как скандинавский «Рог Зимнего Солнцестояния» (см. «Священная Протописьменность», с. 444, а также табл. 169, рис. 3), который провозглашал Рождение Спасителя и Сына Божьего и как Рог

Великого Юла соответствовал символике Юла в Руническом календаре.

Старинные крестьянские рога, выполненные из дерева или из настоящего бычьего рога, многократно обработанные мастерами и т.д., постоянно в середине содержат наносившийся специально знак ᚷ , который является линейной проекцией шестилучевого колеса ᚷ и, как правило, стилизовывался под шестилучевую звезду либо руну одала (odil-, odal — ᚷ), являвшуюся календарным знаком месяца Юла, идеограммой зимнесолнцестоянческой петли («Священная Протописьменность», гл. 16).

Рисунок 6. Фризский рог Великого Юла, «Sint Steffenshoorn». (Музей Лееувардена — Leeuwarden).

Рисунок 7. Герб древнефризского города Хорна (Hoorn), представленный в так называемом «Vaardmanntjeskruik» (XVI в.): Рог святого Стефана с запечатленной на нем руной Одала od-il — ᚷ . (Музей города Хорн.)

Рисунок 8. Рог из Смаланда (Smeland, Швеция): орнамент состоит из шестилучевых колес, которые стилизованы под шестилучевые звезды, в центре которых — руна Одала — ᚷ и Солнце (ср. «Священную Протописьменность», табл. 227 В). Рунический знак представлен здесь как две противопоставленные друг другу руны ing- ($\text{ᚷ} = \text{XX}$, ср. в «Священной Протописьменности» табл. 196—198), а также орнамент из «переплетающихся рыбок» (Стокгольмский музей).

Рисунок 10. Питьевой рог из Западной Фрисландии (XVI в.) с более поздней серебряной инкрустацией 1684 г. (Музей Лееувардена). Надпись на нижней части рисунка гласит:

Ende een horn op den hant,
dat is het Wapen van Westfriesland.

Герб дома представляет руну Хагель ᚷ , которая поднимается из руны инг (XX) с крестом «Года» +, образуя символ древнего племени ингвеонов (германцев Северного моря, собственно, древних фризов)²⁰⁷, которое, согласно Плинию (N.H. 4, 6), является первым из германских племен (gens Inguaeonum, quae est prima in Germania). С обеих сторон этого Древа Года и Древа

Жизни начертано теофорное имя *Tirdt Tyerds* (на современном фризском языке звучащее: *Tjeerd Tjeerds*).

Образ человека в одежде XVI столетия, держащего «яблоко» (солярий шар) и поднимающего это яблоко вверх. Над ним — Рыба Юла (рис. 10 b, ср. «Священную Протописьменность», с. 445: «Рыба» и или , ср. табл. 138, № 5 a-b).

Образ Кродера, который разрушил король франков Карл, был символом Года Божьего, «*hag-alu*», зимнесолнцестоянческого Сына Божьего с Рыбой Юла²⁰⁶ и Колесом Юла, на месте святилища которого была построена церковь Святого Стефана, патрона праздника Великого Юла. Бог с ведром воды толкуется поэтому как зимнесолнцестоянческий Сын Божий «в водах» (*lagu the leonto*). «Аужа Кродера», *Krodorfuhl*, была еще и в Эшевегене (*Eschewegen*).

Упомянутое в «Хронике саксов» сопоставление Кродера с Сатурном, которое может происходить еще из эпохи обращения германцев в христианство, получает здесь особенное значение, поскольку культовый праздник этого Бога, *Saturnalia*, который в Древнем Риме представляет (германский) праздник Юла, с характерным «переворачиванием» вещей, отношений и т.д., является символом времени поворота, онтологического сюрприза и т.д. и включает в себя те мотивы, которые относятся также и к германскому празднику Юла, празднику Зимнего Солнцестояния. Показательным здесь является и то место из Королевской Хроники (*Keiserchronik*), которое приводит Гримм в «Немецкой мифологии»:

an dem samestage sã
eines heiset rotundã,
das was ein hêrez betehûs;
der got hies Saturnûs,
darnâch was is aller tiuvel êre

Когда «*betehûs*» Сатурна был «*rotundã*», обращением круга, мы имеем дело с прямым намеком на древнегерманское культовое сооружение, имевшее форму , или , или , или (ср.: «Священная Протописьменность», гл. 7). Этот воздвигнутый «в честь всех Богов и чертей» каменный круг был, таким образом,

посвящен Сатурну, называемому также «Krodenduvel». Символ ☉ посвящен, тем самым, всем Богам без исключения (а также месяцам и дням недели), сходящимся к «Satersdag», *последнему* дню недели, который одновременно является «все-обращающим», «hag-all», *²⁰⁹.

В свете всех этих фактов и соответствий интересно рассмотреть так называемый «Алтарь Кродера» (Krodo-Altar), реликварий эпохи раннего романтизма, находящийся в капелле Госларского собора (Goslarer Domkapelle). Этот реликварий (рис. 11 a-b) предстанет теперь перед нами в совершенно новом свете. Его название, надо полагать, было дано народом, ибо символические изображения на нем представляют *, или ✱, т.е. ∴, или ∷: дыры в корпусе реликвария были некогда заполнены драгоценными камнями. Это изображение в точности соответствует сиволическому орнаменту так называемого «реликвария Видукинда» (Reliquarium Widuchinds), который хранится в Берлинском музее. Этот ларь, подаренный, согласно легенде, королю франков Карлу после его обращения, представляет такой же рис. ∷, в котором точки сопряжены друг с другом линиями и образуют ✱ (рис. 12). Вероятно, Карл исповедовал некий синкретический культ, совмещающий веру почитателей Кродера с христианством, так же как в норвежских рунических песнях, где руна Хагель (Ж) становится монограммой Христа. И в действительности, монограмма Христа²¹⁰ в своих истоках является не чем иным, как знаком Р, наложенным на ✱ — изначальный древненордический символ Бога-Года, двойного топора (лабриса), ☿ или ☿, который рассекает Год на две половины. В христианском переосмыслении этот символ стал начальными буквами Имени Христа (X P = Ch-r), от ХРНСТОС, Christus (см.: «Священную Протописьменность», гл. 31 и табл. с. 330—335).

Уже Каспар Цойс (Kaspar Zeus) показал этиологическую и семантическую связь имени Кродо с древненордическим словом hróðr («похвала», «слава», «величие»), англосаксонским hrófor («радость»), а также с (h) ruod и такими древневерхненемецкими личными именами, как Hruodolf (в нововерхненемецком — Рудольф), Hruodperht и так далее.

Именно в него, в Кродо, Спасителя, Откровение Вральды, Духа Миров, в пространстве и времени, верили «язычники» саксы.

**b) Krodo-Ul, ☉ (☉ и т.д.) и «корабль мертвых»
со штевнем в форме лебедя**

Как было указано выше, нордические погребальные монеты (брактеаты²¹¹ — Brakteaten) показывают нам, что Бог hag-alu (hag-alu—Gott) с руной Н, руной Ж краткого рунического ряда, с ☉☉ и ☉☉ или + и X и символом :: идентичен «однорукому Богу» Тюру Эддической традиции. Это — зимнесолнцестоянческое иносказание Сына Божьего, который имеет только одну руку, соответствующую пяти дням перед Юлом, именуемым эпагоменами. Эта символика и мифология подробно исследована мной в «Священной Протописьменности».

Такое отождествление подтверждается также надписями на погребальных монетах, где этот Бог именуется Ul, зимний Бог Ulfr более поздней Эдды («Священная Протописьменность», табл. 92, № 1, табл. 232, № 3, и табл. 300, № 2). Он является Господином тиса, «Вечнозеленого Дерева», Богом «напряженной, согнутой (тисовой) ветки», Богом Дуги и «Гигантской Стрелы». Также и исландская руническая песнь называет ⚡, сдвоенный знак «Стрелы», ↑, руны тюр, Т, (верхнее и нижнее солнцестояния), знаком этой руны «тиса» (руны «ЮР»), которая является последней, шестнадцатой, или зимнесолнцестоянческой руной краткого рунического ряда²¹².

Об этой руне ЮР, которая является также ⚡, т.е. нижней половиной Древа Миров и Древа Года ✱, его «корнями», в рукописи св. Галена (St. Gallener Handschrift): al bihabe «охватывает все» в себе, так же как ✱ hag-alu «вертится повсюду», являясь всему началом и концом. Здесь же следует привести красивые англосаксонские варианты руны ЮР, ОУ (ra-ka) в руне дуги — ∩ иг, так как ЮР есть в действительности огласовка руны ∩ УР, а сама руна УР происходит от наложения ∩ на I (i). (см. «Священную Протописьменность», табл. 68, 77, 90 В и т.д.).

В этой связи особенное значение для нас приобретают бронзовые культовые сосуды, которые были найдены в восточной оконечности Североморского бассейна (Дания — Северо-Западная Германия). Они передают нам изображение солнечного корабля мертвых со штевнем в форме лебедя, на котором сохранилось колесо солнечного года ☉, вписанное в руну УР (∩ или ∪).

Рисунок 13. Бронзовый сосуд из торфяного болота около Лавиндсгарда, церковный приход Кеннинге, ведомство Одензе, на Фьене (хранится в Национальном музее Копенгагена): а) фотография, б) перерисованное, более четкое изображение.

Рисунок 14. Бронзовый сосуд, найденный у Сиема, ведомство Альборг (Elborg), Юлландия (Jylland), Национальный музей Копенгагена: а) фотография, б) перерисованное, более четкое изображение.

(Еще один) сосуд из этой группы, благодаря тому изображению, которое на него нанесено, обладает для нашего исследования огромной важностью: он был обнаружен около Бьерсйохольма (Bjersjoholm), церковный приход Херрештадт, на Шонене. С обеих сторон сосуда видны корабли мертвых со штевнем в форме лебедя, с колесом (рис. 15 а) и рунами ЮР (рис. 15 б) Бога Улля (Ull), зимнего Бога эпохи Эдды, который за полтысячелетия до этого встречается на нордических погребальных монетах (бракреатах) под именем «Уль», «Алу» и «Хаг-Алу» (ul, alu, hag-alu) и является тем же самым Божеством, что и показывает «однорукий Бог» Тюр²¹³ (руна длинного рунического ряда = кратко рунического ряда, то есть «однорукий») эддической традиции.

Как показал уже *Монтеллиус*, по технике изготовления можно определить, что сосуды были изготовлены в Италии. Если это в действительности так, то мы здесь имеем еще одно подтверждение содержащихся в «Хронике Ура Линда» сведений о том, что «крекалендцы», эллины и италийцы, в отдаленные времена признавали над собой (культовое) господство и суверенитет народной матушки с острова Тексель, священного центра всего Североморского региона (Nordseegebiet). С другой стороны, эти данные «Хроники Ура Линда» подтверждаются мифически затемненной традицией культового центра в Северном море (im Nordmeer), острова Гипербрея, лежащего «по ту сторону» или «напротив страны кельтов» (Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека» II, 47)²¹⁴.

В моих книгах «Происхождение человечества» (с. 118 сл.) и «Священная Протописьменность Человечества» (прим. 15 к 1-му разделу, с. 7—13) все эти вопросы рассмотрены подробно; ср. также раздел 36, где говорится о Боге Уле («Ul»-Gott).

На острове Гиперборея, острове лебедей, половину зимы обитает Бог Света *Аиоллон* (этрусский *Arulu, Arlu*), который летом на лебеде возвращается назад в Элладу. Из Гипербореи, по преданию, происходит мудрый Абарис, который на «стреле» (руне ↑) прилетел в Элладу, принеся с собой палочку, по мановению которой приходят в движение Солнце и Луна. По древней легенде, на острове, где обитают гиперборейцы, находится круглый храм Бога Аполлона (Элиан, «Разные истории», XI, 1), который соответствует *rotunda, betehûs* Кродера-Сатурна.

Вот что сообщает о гиперборейцах Диодор (II, 47)²¹⁵: «Среди тех, которые писали о древней мифологии, Гекатей и некоторые другие утверждают, что напротив земли кельтов на Океане есть остров не меньше Сицилии. Этот остров расположен на севере, и его населяют так называемые гиперборейцы, поскольку он лежит за пределами Борей.

Остров этот, по их словам, плодородный и плодоносный, отличающийся еще и хорошим воздухом; дважды в год он приносит плоды. Рассказывают, что на нем родилась Лето. Поэтому больше всех Богов у этих жителей почитается Аполлон. Они сами как бы являются некими жрецами Аполлона. Они ежедневно воспевают этого Бога в бесконечных гимнах и почитают Его особенным образом. На этом острове находится священный участок Аполлона и великолепный храм, достойный похвалы, украшенный многочисленными приношениями, шарообразный по своей форме. И священный город принадлежит этому Богу, большинство жителей его — кифаристы, и они непрерывно, играя на кифарах в храмах, возносят Богу гимны и песни, прославляя в них Его подвиги.

Гиперборейцы, говорят, имеют свой особенный язык, но к элинам они очень близки, и особенно к афинянам и делосцам, с древних времен поддерживая это расположение. *Некоторые же из эллинов, как рассказывают, приезжали к гиперборейцам и оставляли там богатые приношения с надписями эллинскими буквами.* Точно так же гипербореец Абарис приезжал в Элладу, чтобы возобновить старинную дружбу и родство с делосцами.

Утверждают, что Луна на этом острове отстоит совсем на небольшом расстоянии от Земли и на ней даже заметны некоторые выступы Земли. Рассказывают, что Бог каждые 19 лет приходит на

этот остров, когда звезды в своем обращении достигают завершения. Именно поэтому время продолжительностью в 19 лет называется элинами Великим годовым периодом. Во время этого своего появления Бог играет на кифаре и танцует все ночи подряд от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, радуясь своим собственным успехам.

Царская власть в городе и охрана священных участков возложена на так называемых Бореадов, потомков Борея, которые всегда принимают власть от поколения к поколению».

То, что Аполлон, Апулу, Апу (Apulu, Aplu) является Божеством не эллинским, а ингвеонским²¹⁶, — эту идею я выдвигаю впервые. Аполлон является зимнесолнцестоянческим Сыном Божиим «в водах». Имя его является ингвеонским и засвидетельствовано в «Хронике Ура Линда» и сохранилось в таких фризских топонимах, как Apel(e), Apelsgae, Apelland (защищенный от волн островок в Северной Фрисландии), Apellum, потонувшая деревня на северном побережье, и т.д. Древнефризское слово *ârpōl* означает «болото», «лужа с водой» и соответствует англосаксонскому *rōl*, английскому *pool*, нидерландскому *poel*, древневерхненемецкому *rfoohl*, средненижненемецкому *rûl*, *rōl*, латинскому *palus*.

Это то же самое имя Бога, что и Phol-, Pfol-, засвидетельствованное также в древневерхненемецком: Phol-Balder в мерзбургских заклинаниях (Merseburger Zaubersprüche), зимнесолнцестоянческая «поездка в лес», во время которой у его жеребца вывихнулась нога, которая затем была исцелена Вотаном, Богом 8 месяца Юла; а также этот корень встречается в таких топонимах, как Pfuhsborn, что неподалеку от Заале, при Аподе (Apoda); Pfolesrunno, как и Balde(rs) brunno в Эйфеле, Pfolesauwa в Баварии и т.д.

Как я доказал в своих работах, эту страну гиперборейцев следует отождествить со старым Форситесландом (Forsitesland) или Форсетесландом (Forsetesland) (Житие Виллеброрда, написанное Алкуином, гл. 10). Согласно свидетельству Снорри Стурлусона и Эдды, Форсети является Сыном Бальдра и Нанны. Форсети в Эдде — это уже плохо понимаемое имя, которое изначально означало не «председатель», а «местоприбывание Фора», и восходит к

древнефризскому *seta*, нижненемецкому *saëta*, баварскому *setr*, все еще сохраняясь сегодня во фризском *sate* — «двор», изначально — двор свободного мелкого землевладельца, Одалинга (*Odaling*), Еделинга (*Edeling*), по-древневерхненемецки — *szve*, по-средневерхненемецки — *sate*.

Согласно *Grimnismyl* 15, это — *десятый* небесный дом, где все ссоры примирены, это — лучшее судилище (тинг, народное собрание) из тех, какие только бывают в мире Богов и в мире людей. Этот «десятый» небесный дом, + или X (декабрь), указывает на древнейший арктически-нордический год, год культуры Туле, который состоял из 10 месяцев, и который я подробно исследовал и описал. Это — самый высокий и самый священный тинг года, тинг Великого Юла (*Jul-Thing*).

Также и «теофорное» название гиперборейцев, «живущих по ту сторону» («Священная Протописьменность», с. 8) является ясным и недвусмысленным образом зимнего солнцестояния.

«Страна Форсети», *Forsetes-land* из времен короля Радбода, со своим священным источником, который назывался по-древнефризски *Arfl-*, *Pol-*, или по-древневерхненемецки *Phols-*, *Phulsbrunno*, давно уже покоится под волнами Северного моря, как и большая часть острова Тексель, на котором некогда стояла крепость народной почетной матушки, священный культовый центр.

Итак, туда еще в раннем бронзовом веке и древнейшем железном веке, в начале последнего тысячелетия до Рождества Христова, италийцы и эллины посылали свои дары, в лодках с древним священным знаком Нордической Родины (Nordlandheimat) — с лебедем на штевне, символом Бога Krodo-Ul-Apulu.

И здесь мы можем принципиально утверждать: *лодки с лебедем на штевне являются мотивом, который мог возникнуть только в круге Северного моря*²¹⁷. Лишь в этой широте обитает лебедь, несущая жизнь сакральная птица света, птица приморских северных германцев, перелетная птица (*der Zugvogel*), которая последней покидает материк вместе с меркнущим светом, летит в море и первой возвращается из-за моря обратно после зимнего солнцестояния, вместе со светом, набирающим свою силу.

Эта птица является спутником Спасителя и Сына Божьего как Бога Года, птицей, которая Нечто приносит и привозит: как в индогерманском, так и в германско-италийском ее обозначении «теофорное» имя лебеда содержит в себе зимнесолнцестоянческое чередование гласных u-a, например: в древневерхненемецком *albiz*, *elbiz*, англосаксонском *elfet*, древнеисландском *elptr*, *olptr*, сербском *labud*, польском *labeledz* («Лебедь»), латинском *albus*, *alfo*, *alfu*, («Белый»), сабинском *alrut* и т.д. — а также в латинском *olot* «лебедь» (от *ul-), кимрском *alarch*, корнском *elerch* и т.д.

Лебедь — это тот, кто приносит жизнь, *odebaar* или *adebaar* — в языках Северо-Западной Германии древнеингвеонских областей Северного моря. На месте лебеда в месяц Юла появился континентальный аист, спутник Одина, Бога Юла, Всеотца, при сотворении первой человеческой пары из Дерева (мотив Ж — руны Хагель) на море (*Gylfag*, 9, *Volusp.* 17, 18, *Skaldsk.* 15). Один и Его аист сообщают людям Од, руны Юла, ᚷ или ᚸ , руны *odil*, «Жизнь Божию», как и на изображениях с греческих ваз Аполлона, возвращающегося на лебеде из Гипербореи, приветствуют петлей ᚸ . По поводу этих символов и тех мифов, которые в них сокрыты, ср. «Священную Протописьменность», с. 161, 252, 378, 455, 535, прим. 15, с. 7—13 и прим. 73, с. 43). А к вопросу о греческих памятниках с изображениями лебеда с руной ᚸ ср. «Священную Протописьменность», табл. 239, № 3—4.

Как я уже показывал в иллюстративном материале к статье: K.S.Wolff, *Zur Geistesgeschichte der Nordseegermanen*. (*Die Tide*, Bremen, Jahrgang 5, Oktober 1928, Heft 10. S. 457, Tafel I.) и в «Священной Протописьменности», с. 10—11, миграция мотива лодки с лебедем на штевне или просто лебеда с солярно-годовым колесом ✱ или ✶ или ✷ или ✸ или Сына Божьего с поднятыми руками (с ᚱ или ᚲ), или возрожденного Солнечного Младенца с поднятыми руками (ᚱ), является следом южных переселений нордических племен, которые позднее появились в Италии и Элладе. Этот след культурных миграций проходит через Гальштетт, Верхнюю Австрию, как через промежуточные этапы.

Рисунок 16. Миграция мотива лодки с лебедем на штевне в Италию в ранний бронзовый и древний каменный век.

№ 1—3. Фризские «uleborden»²¹⁸, знаки на остроконечной двускатной крыше крестьянских домов в Нидерландах-Фрисландии.

№1. Колесо с четырьмя спицами, находящееся между двумя лебедями. Из креста в круге (Radkreuz) вырастает ствол Древа Жизни с тремя листьями, знаком Одалы.

№2. На месте креста в круге находится иероглиф солнца и семени, «продырявленный» круг (диск в центре), из которого поднимается знак «Человека», который имеет то же самое значение, что и «трилистник»; а внизу, на фронтоне, мы видим сердце Матери-Земли.

№3. Обе половины лебедя появляются в форме орнаментальной стилизации — S-спирали. На стволе Древа Жизни — ромб, то есть форма изображения иероглифа «Года» (ф) с углами. А внизу, на фронтоне, колесо с шестью спицами, шестиконечная звезда.

№4. Лебединая лодка с восьмиконечным колесом Года с культового сосуда из Бьерсйохольма (Bjersjoholm), Шонен (ранний бронзовый век), с руной $\updownarrow$.

№5. Лебединая лодка с культового сосуда из Зиема (Siem), Ютландия, ранний бронзовый век.

№6. Двойная лебединая лодка с бронзового щита, хранящегося в Копенгагенском музее и происходящего из того же периода, что и изображение №38. Верхний и нижний корабли, вероятно, корабль летний и корабль зимний, отходят от идеограммы Года, шести концентрических кругов, которые идентичны с так называемым «свернутым червем»: шестью восходящими и шестью нисходящими дугами солнечного пути в течение года.

№7. Тот же самый мотив сдвоенной лодочки — на бронзовой застежке из Остер Хелинге — Oster Haelinge (Копенгагенский музей). Здесь же — символика обоих солнцестояний (летнего — с движением солнца с северо-востока на северо-запад, и зимнего — с движением солнца с юго-востока на юго-запад).

№8. Тот же самый мотив сдвоенной лодочки с точками Солнца, образующими четыре поворота на его годичном пути по небу. Изображение выполнено на бронзовом кувшине, который был найден в захоронении около Бенакки (Benacci), провинция Болонья (Bologna), Северная Италия (до-этрусский период, древнейший период железного века) (рис. 48).

№9. Сосуд из погребения в Арнольди около Болоньи (Северная Италия). Вокруг горлышка идет изображение: лебедь и Сын

Божий в положении «КА» или «Человека», как воскресающий или пробуждающийся. А внизу — лодка с лебедями и шестиконечной звездой (рис. 47).

№ 10. Солнечный лебедь с восьмиконечной звездой — изображение на горлышке сосуда из погребения в Галльштатте (Австрия).

№ 11. Лебедь с колесом, имеющим шесть спиц. Погребальный сосуд из Микен.

№ 12. Лебедь со звездой-«шестилистником», изображение на блюде из Камайроса, остров Родос. Геометрический стиль (рис. 66).

№ 13. Крест в круге, где отмечены точки солнцестояния, или колесо Года с восемью спицами, а также лебедь и Уль (Ul) или Тиу (Tiu), Сын Божий, опустивший свои руки, Бог-психопомп, указывающий путь в страну мертвых (der Toengeleiter). Изображение выполнено на погребальном сосуде из Виллановы, Северная Италия (ранний железный век) (рис. 51).

№ 14. Лодочка в форме лебедя с Богом Улем или Тиу — украшение лицевой стороны домашней урны из Корнето, римской провинции (ранний железный век) (рис. 45).

№ 15. Лодочка в форме лебедя с солярным крестом, знаком — знак на лицевой стороне домашней урны из Ветулонии, провинция Гроссето, Средняя Италия (ранний железный век) (рис. 46).

№ 16. Крышка урны из Корнето (римская провинция). Сопроводительные лебеди с иероглифом Улля (Ulli) или Тиу (Tiu), который вырастает из руны ИНГ (ing-Rune). Этот фризский теоним *Ti-ing, который несли в своих именах многие ингвеоны, появляется также в надписях на алтаре из Хаузестедса (Housesteads), Шотландия, которые посвящены «Марсу Тингсусу» (Mars Thingsus), который также здесь изображен — с лебедем (рис. 230—231). Сверху — оба солнца в момент солнцестояний (die beiden Wendesonnen), а внизу — руна ИНГ (ing-Rune), руна материнской утробы, зимнесолнцестоянческое солнце.

№ 17. Бронзовый нож для бритья из Хонума, ведомство Сканднборг, Дания, ранний бронзовый век. Лодочка с лебедем, а также с иероглифом Бога Улли (Тиу), плывущего в однопалубке и представленного в виде знака ʝ на стреле штевня. Сверху — оба солнцестоянческих знака, а затем — шесть солнечных точек — Ж,

руна Хагель. Лебеди на штевне орнаментально стилизованы под S-спирали (ср. № 3, 7, 8).

№ 18. Бронзовый нож для бритвы, относящийся к тому же времени и также найденный в одной из гробниц (хранится в музее Копенгагена): знак Υ на лодочке с лебедями (рис. 37).

№ 19. Лодочка в форме лебедя со знаком $\otimes$ (рис. 39);

№ 20. a-d. Зимнесолнцестоянческий Бог с Топором, + и $\oplus$ и лебедь, который упоминается также во фризских сагах — как тот, кто направляет на верный путь, как првило, вместе с 12-ю асами²¹⁹.

№ 21. Украшение, найденное в Шарроне около Ганно (Charront bei Gannot), Франция: лодка в форме лебедя, на которой изображено Колесо Года — $\oplus$.

№ 22. Символическое изображение на неолитическом идоле Матери-Земли: Орсова, Паннония: лодочка в форме лебедя со знаками Γ и Υ .

В этой связи нужно привлечь один особенно значимый погребальный сосуд из Апулии (Apulia!), которая, кстати, и сегодня называется «Апулией».

Рисунок 17. Погребальный сосуд из Апулии (Гамбургский музей искусств и ремесел).

a) Вид со стороны. b) Нижняя сторона, дно.

Сверху, под «ручкой», мы видим образ Миров и Священного Года +, вырастающее на Юге и растущее вверх древо Года и Жизни, тогда как на Севере — древо, растущее вниз (ср. похожее изображение из Гоген-Вутцова, Ноймарк, ранний железный век; «Священная Протописьменность», табл. 28, № 5, и табл. 140, № 1, с. 123 и с. 406).

Четыре точки поворота Солнца $\bullet\bullet$ указывают на символ $\oplus$ — Колесо Года и Миров. Остальная орнаментальная роспись воспроизводит известную пранордическую символику годового цикла, среди которой нужно особенно отметить Древо Миров, Года и Жизни χ между двумя Солнцами двух половин Года (древненорического *missari*), на обоих концах ручки, а также Солнце $\odot$ в обеих половинах Года ( ) (по поводу которого см. «Священную Протописьменность», гл. 19).

Нижняя сторона представляет знак Года как +, $\otimes$, $\times$, Υ и $\ast$, с добавленным сюда же «древесным» орнаментом и двумя лебе-

дами, у каждого из которых есть еще знаменательная поперечная черта на горле (ср. рис. 16, № 1—3 и рис. 31—32). Как мы увидим далее, это символ S, то есть курсивной формы руны ОДАЛА, (ср. «Священную Протописьменность», 89, 102, 162—163, 252, 325, 345, 352—353, 416), соранившейся в более просторном руническом ряду в виде более угловатой руны J, ИВ («тис»). В англосаксонской народной традиции с ней связывается аист, как «Odebaag», или «Eibeag» («который обитает на дереве тиса») («Священная Протописьменность», Иллюстрация к тексту, № 25—26, с. 162—163).

Эти апулийские погребальные сосуды, относящиеся к раннему железному веку (первая половина последнего тысячелетия до Р.Х.) будут рассматриваться нами в дальнейшем, где мы покажем, что использовавшиеся в их узоре символические рисунки двух и трех «рук, воздетых к небу» (Y или Y) соответствуют рогам или ветвям Древа Миров, Года и Жизни, а также изображению лебедя и знаку Года (ф), так же, кстати, как и фризские знаки на фронтонах, которые можно видеть еще сегодня. В этой связи укажу особо на сосуд с рис. 137—138 и 228.

Из апулийских сосудов Даунии следует далее упомянуть следующее.

Рисунок 18. Черепки сосуда конической формы:

а) Предзимнесолнцестоянческий Бог (der vorwintersonnenwendliche Gott) с опущенными руками, а также с Кольцом Года или знаком Года на теле, с головой в форме руны l, r (al-, il и т.д.), с лебедем и символом зимнесолнцестоянческой «снежинки» .

б) Тот же самый зимнесолнцестоянческий Бог, одна рука которого поднята, а другая опущена. Этой другой, опущенной рукой Он достигает Матери-Земли. Затем — лебедь. Одежда Матери-Земли украшена сдвоенными рунами ОДАЛА, (рунами Жизни Божи-ей), что встречается также на рисунках с культовых каменных чаш.

Рисунок 19²²⁰. Сосуд, выполненный в младоканозинском стиле (jungcanosinen Stiles) и найденный в Апулии. Там изображена Мать-Земля или Жрица, которая протягивает руку Богу. А нога Бога касается Годового Колеса , в четвертях которого находятся знаки S.

Рисунок 20. То же самое. Два лебедя, каждый — в форме S, образуют знак свастики, из которой вырастает Древо Миров, Года и Жизни. Крест поворота (свастика) изображена в своей изначальной, круглой форме.

Рисунок 21. Тот же самый символ, изображенный на каменной печати из Платаноса, остров Крит (крито-микенский период, 2-е тысячелетие до Р.Х.), в форме S и J, с Древом Жизни, которое растет вверх и вниз (ср. «Священную Протописьменность», с. 160—161); на одном из камней, сверх того, изображен трехлепестковый крест поворота.

Рисунок 22. Форма для отливки из Ситии, Крит, также микенская эпоха. Колесо Солнца и Года ⊕, Мать-Земля или жрица, руки которой подняты в форме Y, а на голове у которой — знак Y (руна МАДР, «гусиная лапка»). Рядом с ней — опустивший Свои руки Божий Сын Зимнего Солнцестояния, Который входит с крестом + в солярное колесо, чтобы затем снова оттуда выйти.

По поводу североатлантического мотива Матери-Земли и жрицы со знаком Y (руна МАДР, «гусиная лапка») см. «Священную Протописьменность», гл. 25 и табл. 274—275, а также мою будущую одноименную работу «Мать-Земля и Ее жрица», которую я планирую выпустить отдельным изданием²²¹.

Рисунок 23. Раннегреческий идол Матери-Земли, в исполнении которого чувствуется микенское влияние. Найден в Танагре, хранится в Лондонском музее. Руки в форме креста у идола только намечены. На голове — цилиндрический головной убор со знаком S, на груди и одеянии — геометризованный символ Матери-Земли, так называемый ромбовидный («бубновый») узор, по поводу которого см. «Священную Протописьменность», гл. 25, табл. 280—281.

Взглянем теперь на знаки, изображенные на фризско-саксонских фронтонах Древней Ингвеонии, на эти до сих пор сохранившиеся подлинные и древнейшие знаки рода (племени, дома), и прежде всего — на доме саксонских Твенте, немецкая сторона (im saechsischen Twente, deutscher Seite).

Рисунок 24. Знак на крыше дома из Штрипе (Striepe), который по-прежнему объясняется как «человечек». Бог «Года» ф с опущенными руками.

Рисунок 25. Знак на крыше дома из Бальдерхаара (Balderhaar): руна $\ominus$ Бога с опущенными руками (Тюр, Ульр).

Нидерландская сторона:

Рисунок 26. Знак на крыше дома, стоящего на пути из Ольдензаала в Веерзелоо: руна $\uparrow$ с крестом $+$.

Рисунок 27. Знак на крыше дома из Монникхофа, де Лютте: руна $\uparrow$ и знак $\times$ или знак $*$ (руна ХАГЕЛЬ).

В ведомстве Волленхове (Vollenhove) на Зюйдерзее (озере Зюйдер), фризско-саксонской области:

Рисунок 28. Знак на крыше дома из Роэлоф Бос, Штапхорст: руна Бога, опустившего руки, а также Колесо Солнца и Года $\oplus$ (1924 г.).

Рисунок 29. «Ulebord» из Саке Роелофс Майнер, Бланкенхам: «Трилистник», поднимающий $\uparrow$ и опускающий в свои руки (мотив $\updownarrow$), ζ и «Сердце Матери-Земли».

Рисунок 30. «Ulebord» на крыше дома Г. Гроенхофа, Боеген, что возле Оуде Мирдума, Гаастерланд, Фрисландия (1924): между двумя сопровождающими лебедями изображено солнечное колесо $\oplus$ ²²², из которого вырастает Древо Года с «Трилистником», древнефризским, ингвеонским символом, который в древнейшие времена выступал на улеборденах в качестве символической замены руны МДРҮ («Человек» = Бог): ср. рис. 16, № 2 и рис. 75, 78, 79. На горле у лебедей — знаки ζ .

Рисунок 31. «Ulebord» с усадьбы Хвоице Шильстра, Вюкель, что возле Балька, во многом аналогичный тому, что на рис. 30: согнутые в форме $\otimes$ или шеи лебедей также имеют поперечную перекладину (знак S): между лебедями находится Колесо Солнца и Года $\oplus$.

Рисунок 32. «Ulebord» с усадьбы Франке ван ден Лаана, Ньюхаске, что возле Хееренвеена: лебеди имеют форму спиралей ($\otimes$ или S): солярное колесо принимает здесь форму решетки, над которой — «сердце» Матери-Земли, четыре точки поворота пути Солнца $\bullet\bullet$, Рог и Трилистник (ср. рис. 16, № 3, улеборден из С. Босмы, Юсбрехтум).

Рисунок 33. «Ulebord» с усадьбы В. Юзельштайна, Вийтгаард, что возле Лееувардена: на стволе, между сопровождающими лебедями знака Года $\ominus$ мы также видим изображение «Трилистника».

Рисунок 34. «Ulebord» с усадьбы Яна де Боера, Баарлоо, что возле Блокцийла, ведомство Волленхове (Vollenhove): сопровождающие лебеди — с «сердцем» Матери-Земли, «Трилистником», а также изображениями Деревьев Жизни.

а) Фотография. б) Перерисованный образ.

Рисунок 35. Фризская крестьянская постройка в Оудемирдуме, Гаафтерланд, также со знаком лебедей, «улеборденом».

То, что обозначение Спасителя и Сына Божьего как Уля (Ul-) соответствует нисходящей половине Года, периоду, когда Бог опускает Свои руки (X или Г или ↑) и восходит к древнейшим временам, к культурному кругу Туле — это я доказал в «Священной Протописьменности», гл. 36. См. также указатель Первой Выставки, посвященной древнейшей религии (Fueringer der ersten urreligionsgeschichtlichen Ausstellung), под рубрикой «Спаситель» (Der Heilbringer), раздел 18.

Приведу здесь полностью иллюстрации 16, № 17—18 из нашей коллекции археологических данных, а именно нож для бритвы из Дании (музей города Копенгаген):

Рисунок 36 представляет знак Бога Уля ↑ на погребальной лодочке со штевнем в форме лебедя. Со дна лодочки «вырастает» знак ↑, тогда как передний штевень завершается знаком У, а также «спиралевидным» лебедем с горлом, перекрещенным такой же спиралью ⊗.

Рисунок 37. Зимнесолнцестоянческий корабль-«червь» или корабль-дракон (пранордич. ommg, dreki) передний штевень которого завершается знаком ↑. Также корабль украшен «спиралевидным» лебедем с горлом в форме ⊗.

Еще в «Поэтической речи» (Skaldskaparmal 49) щит Солнца (солнечный щит) называется «кораблем Улля» (skip Ullar) и «солнечным кораблем» (skipsyl), а просто щит именуется «пеплом Улля» (askr Ullar). Слово «askr» может означать и «пепел» (= лодку), и «копье» (= ↑), (ср. в «Священной Протописьменности», с. 65 и 249 сл.). Поэтому Бог в лодочке с лебедями и щитом солнечного Года — это зимнесолнцестоянческий Уль (Ul).

Здесь я приведу рис. 38, часть которого уже воспроизводилась на рис. 16 №6. Это — бронзовый щит из Копенгагенского музея, символика которого состоит из иероглифа Года и Бога —

∴ (=✳ или ⊗), три точки которого изображены как лодочки с лебедями, то есть таким образом отчерчена граница между Верхним и Нижним миром, между днем и ночью. И день и ночь состоят из восьми кругов с единым центром, то есть являются идеограммой солнечного Года (ср. «Священную Протописьменность», гл. 8).

Аналогичные бронзовые диски, выполненные в форме щита, находили и в погребальных холмах (курганах) из окрестностей Виса (Wies), Штайермарка (Steiermark) и т.д. — вместе с крышками для погребальных сосудов, такими, как, например, сосуд из Корнето (Corneto) (рис. 16, № 6).

Рисунок 39. Щит состоит из идеограммы Года, то есть трех окружностей с единым центром: внешний круг состоит из 13 знаков ⊗ — то есть символов месяцев лунного года внутри круга Года Солнечного. В среднем кругу — пять лодочек с лебедями, а внутреннее кольцо является знаком ⊙²²³.

Рисунок 40. Также и здесь Солнечный Год представлен в виде символа кругов, сходящихся в едином центре ⊙. Внутренний круг образован 6-ю или 8-ю Звездами Года. Символы других кругов состоят из изображений зимнесолнцестоянческого Бога-Топора с сияющей главой. Этот Бог-Топор раскалывает гроб и раскалывает Год («Священная Протописьменность», гл. 31). Сюда же относятся символы +, ⊕ и лебедя, который «сопровождает» лодочку (ср. рис. 16, № 20 a-d).

Фризский улеборден (Ulebord), «Ul-Brett», «доска Уля» (а не «доска совы» — «Eulen-Brett»), еще и сегодня несет древнегерманское имя зимнесолнцестоянческой Лодки Солнца, «пепла Уля», так же как и фризско-саксонские деревянные «рога» надгробий. — в Моордорф Ванненпервеен (Moordorf Wanneperveen), ведомство Волленхове (Vollenhove). Еще и сегодня символы на этих погребальных сооружениях соответствуют таким знакам, как Ф, У. То же самое в надмогильных сооружениях изображалось и три тысячи лет назад: тогда на погребальной утвари изображались в точности такие же символы например, мы видим их на «Ul-askr», как в старину называлась погребальная лодочка в форме лебедя (ср. «Священную Протописьменность», с. 249 и гл. 36 про Бога «Уля»).

Рисунок 20. То же самое. Два лебедя, каждый — в форме S, образуют знак свастики, из которой вырастает Древо Миров, Года и Жизни. Крест поворота (свастика) изображена в своей изначальной, круглой форме.

Рисунок 21. Тот же самый символ, изображенный на каменной печати из Платаноса, остров Крит (крито-микенский период, 2-е тысячелетие до Р.Х.), в форме S и $\perp$, с Древом Жизни, которое растет вверх и вниз (ср. «Священную Протописьменность», с. 160—161); на одном из камней, сверх того, изображен трехлепестковый крест поворота.

Рисунок 22. Форма для отливки из Ситии, Крит, также микенская эпоха. Колесо Солнца и Года $\oplus$, Мать-Земля или жрица, руки которой подняты в форме Υ , а на голове у которой — знак Υ (руна МАДР, «гусиная лапка»). Рядом с ней — опустивший Свои руки Божий Сын Зимнего Солнцестояния, Который входит с крестом $+$ в солярное колесо, чтобы затем снова оттуда выйти.

По поводу североатлантического мотива Матери-Земли и жрицы со знаком Υ (руна МАДР, «гусиная лапка») см. «Священную Протописьменность», гл. 25 и табл. 274—275, а также мою будущую одноименную работу «Мать-Земля и Ее жрица», которую я планирую выпустить отдельным изданием²²¹.

Рисунок 23. Раннегреческий идол Матери-Земли, в исполнении которого чувствуется микенское влияние. Найден в Танагре, хранится в Лондонском музее. Руки в форме креста у идола только намечены. На голове — цилиндрический головной убор со знаком S, на груди и одеянии — геометризованный символ Матери-Земли, так называемый ромбовидный («бубновый») узор, по поводу которого см. «Священную Протописьменность», гл. 25, табл. 280—281.

Взглянем теперь на знаки, изображенные на фризско-саксонских фронтонах Древней Ингвеонии, на эти до сих пор сохранившиеся подлинники и древнейшие знаки рода (племени, дома), и прежде всего — на доме саксонских Твенте, немецкая сторона (im saechsischen Twente, deutscher Seite).

Рисунок 24. Знак на крыше дома из Штрипе (Striepe), который по-прежнему объясняется как «человечек». Бог «Года» ϕ с опущенными руками.

Рисунок 25. Знак на крыше дома из Бальдерхаара (Balderhaag): руна Бога с опущенными руками (Тюр, Ульль).

Нидерландская сторона:

Рисунок 26. Знак на крыше дома, стоящего на пути из Ольдензаала в Веерзелоо: руна с крестом .

Рисунок 27. Знак на крыше дома из Монникхофа, де Лютте: руна и знак или знак (руна ХАГЕЛЬ).

В ведомстве Волленхове (Vollephove) на Зюйдерзее (озере Зюйдер), фризско-саксонской области:

Рисунок 28. Знак на крыше дома из Роэлоф Бос, Штапхорст: руна Бога, опустившего руки, а также Колесо Солнца и Года (1924 г.).

Рисунок 29. «Ulebord» из Саке Роелофс Майнер, Бланкенхам: «Трилистник», поднимающий и опускающий свои руки (мотив , и «Сердце Матери-Земли».

Рисунок 30. «Ulebord» на крыше дома Г. Гроенхофа, Боеген, что возле Оуде Мирдума, Гаастерланд, Фрисландия (1924): между двумя сопровождающими лебедями изображено солнечное колесо ²²², из которого вырастает Древо Года с «Трилистником», древнефризским, ингвеонским символом, который в древнейшие времена выступал на улеборденах в качестве символической замены руны МАДРҮ («Человек» = Бог): ср. рис. 16, № 2 и рис. 75, 78, 79. На горле у лебедей — знаки .

Рисунок 31. «Ulebord» с усадьбы Хвоице Шильстра, Вюкель, что возле Балька, во многом аналогичный тому, что на рис. 30: согнутые в форме или шеи лебедей также имеют поперечную перекладину (знак): между лебедями находится Колесо Солнца и Года .

Рисунок 32. «Ulebord» с усадьбы Франке ван ден Лаана, Ньюхаске, что возле Хееренвеена: лебеди имеют форму спиралей (или): солярное колесо принимает здесь форму решетки, над которой — «сердце» Матери-Земли, четыре точки поворота пути Солнца , Рог и Трилистник (ср. рис. 16, № 3, улеборден из С. Босмы, Юсбрехьтум).

Рисунок 33. «Ulebord» с усадьбы В. Юзельштайна, Вийтгаард, что возле Лееувардена: на стволе, между сопровождающими лебедями знака Года мы также видим изображение «Трилистника».

Рисунок 34. «Ulebord» с усадьбы Яна де Боера, Баарлоо, что возле Блокцийла, ведомство Волленхове (Vollenhove): сопровождающие лебеди — с «сердцем» Матери-Земли, «Трилистником», а также изображениями Деревьев Жизни.

а) Фотография. б) Перерисованный образ.

Рисунок 35. Фризская крестьянская постройка в Оудемирдуме, Гаафтерланд, также со знаком лебедей, «улебордецом».

То, что обозначение Спасителя и Сына Божьего как Уля (Ul-) соответствует нисходящей половине Года, периоду, когда Бог опускает Свои руки (X или T или ↑) и восходит к древнейшим временам, к культурному кругу Туле — это я доказал в «Священной Протописьменности», гл. 36. См. также указатель Первой Выставки, посвященной древнейшей религии (Fuerer der ersten urreligionsgeschichtlichen Ausstellung), под рубрикой «Спаситель» (Der Heilbringer), раздел 18.

Приведу здесь полностью иллюстрации 16, № 17—18 из нашей коллекции археологических данных, а именно нож для бритвы из Дании (музей города Копенгаген):

Рисунок 36 представляет знак Бога Уля T на погребальной лодочке со штевнем в форме лебедя. Со дна лодочки «вырастает» знак T, тогда как передний штевень завершается знаком Y, а также «спиралевидным» лебедем с горлом, перекрещенным такой же спиралью ⊗.

Рисунок 37. Зимнесолнцестоянческий корабль-«червь» или корабль-дракон (пранордич. ormr, dreki) передний штевень которого завершается знаком T. Также корабль украшен «спиралевидным» лебедем с горлом в форме ⊗.

Еще в «Поэтической речи» (Skaldskaparmal 49) щит Солнца (солнечный щит) называется «кораблем Улля» (skip Ullar) и «солнечным кораблем» (skipsyl), а просто щит именуется «пеплом Улля» (askr Ullar). Слово «askr» может означать и «пепел» (= лодку), и «копье» (= ↑), (ср. в «Священной Протописьменности», с. 65 и 249 сл.). Поэтому Бог в лодочке с лебедями и щитом солнечного Года — это зимнесолнцестоянческий Уль (Ul).

Здесь я приведу рис. 38, часть которого уже воспроизводилась на рис. 16 №6. Это — бронзовый щит из Копенгагенского музея, символика которого состоит из иероглифа Года и Бога —

∴ (=✳ или ☉), три точки которого изображены как лодочки с лебедями, то есть таким образом отчерчена граница между Верхним и Нижним миром, между днем и ночью. И день и ночь состоят из восьми кругов с единым центром, то есть являются идеограммой солнечного Года (ср. «Священную Протописьменность», гл. 8).

Аналогичные бронзовые диски, выполненные в форме щита, находили и в погребальных холмах (курганах) из окрестностей Виса (Wies), Штайермарка (Steiermark) и т.д. — вместе с крышками для погребальных сосудов, такими, как, например, сосуд из Корнето (Corneto) (рис. 16, № 6).

Рисунок 39. Щит состоит из идеограммы Года, то есть трех окружностей с единым центром: внешний круг состоит из 13 знаков ☉ — то есть символов месяцев лунного года внутри круга Года Солнечного. В среднем кругу — пять лодочек с лебедями, а внутреннее кольцо является знаком ☉²²³.

Рисунок 40. Также и здесь Солнечный Год представлен в виде символа кругов, сходящихся в едином центре ☉. Внутренний круг образован 6-ю или 8-ю Звездами Года. Символы других кругов состоят из изображений зимнесолнцестоянческого Бога-Топора с сияющей главой. Этот Бог-Топор раскалывает гроб и раскалывает Год («Священная Протописьменность», гл. 31). Сюда же относятся символы +, ⊕ и лебедя, который «сопровождает» лодочку (ср. рис. 16, № 20 a-d).

Фризский улеборден (Ulebord), «Ul-Brett», «доска Уля» (а не «доска совы» — «Eulen-Brett»), еще и сегодня несет древнегерманское имя зимнесолнцестоянческой Лодки Солнца, «пепла Уля», так же как и фризско-саксонские деревянные «рога» надгробий — в Моордорф Ванненпервеен (Moordorf Wannenperveen), ведомство Волленхове (Vollenhove). Еще и сегодня символы на этих погребальных сооружениях соответствуют таким знакам, как ♯, Υ. То же самое в надмогильных сооружениях изображалось и три тысячи лет назад: тогда на погребальной утвари изображались в точности такие же символы например, мы видим их на «Ul-askg», как в старину называлась погребальная лодочка в форме лебедя (ср. «Священную Протописьменность», с. 249 и гл. 36 про Бога «Уля»).

Рисунки 41—43. Надгробия с кладбища Ванненпервеен (Wannenperveen), ведомство Волленхове (Vollenhove). На этом надгробии мы видим знаки Т и У (1924).

Мы находимся на Нижнем Рейне, на родине Спасителя Элиаса-Лоэнгрин (Elias-Lohengrin), Лебединого Рыцаря²²⁴, который появляется в одной из хроник князя Клеве и на фламандских миниатюрах конца XV в. (Мюнхен, Cod. Gall. 19) в виде рыцаря, плывущего в челне («Asch»), запряженном лебедем. На щите его запечатлен знак *, со стрелами на конце (ср. рис. 103, герб Вимбритсерадеела — Wimbritseradeel). Но Элиас — это средневековая христианизированная форма имени Бога-Ила (il-Gott), Бога зимнего солнцестояния, зовущегося также ul- и al, а также Ильей — у славян, Ильей Муромцем русского эпоса, Бога-Тырем (Boga-Tyr), «Великим Богом», который в календаре также был переосмыслен в ветхозаветно-хеттском ключе²²⁵ (см. «Священную Протописьменность», с. 165, 236—237 и 249).

Предание о юном Спасителе, плывущем в челне, дошло до нас и в англосаксонских сагах, где Он именуется Scýaf. Там, в частности, рассказывается о том, как Он, уснув на снопе (по-англосаксонски — scēaf, по-древнесаксонски — scōf, по-среднеидерландски — scoof), доплыл до самого берега. Он есть тот, кто приносит новые колосья и щедрый урожай. От Его имени происходит Scild из «Беовульфа», который также именуется Scēfing «Сын Scēaf». По англосаксонской генеалогии, от него (от этого «Щита») происходит Вотан (Wōden), в то время как у датчан Scjoldr, «Щит», называется Сыном Одина (Sn. 146), и от Него происходит род Skjoldungar: Он именуется Skánunga god, «Бог людей из Шонена», и Его именование выразительно и соответствует очень древней традиции.

Праисторические культурные связи, которые ведут от датского бронзового солярного щита с изображением погребального корабля с лебедями прямо к аналогичным изображениям из погребальных холмов окрестностей Виса (Wies) и Штайермарка (Steiermark) в Австрии, сохранились до наших времен также в таких свидетельствах, как тирольский топоним Schiltunc, а также в Парцифале — как своего рода оппозиция к датскому имени Skjoldungar.

Такими были странствования нордических племен италиков по течению Дуная, по Тиролю и Венеции²²⁶ а также по возвышенности По в Верхней Италии. Эти пути миграций от культурного круга Северного моря несли мотив лодки, запряженной лебедями и везущей Спасителя, или отдельно лебедя как птицы души, провожающей мертвых и несущей жизнь. Название птицы, несущей Жизнь и существенные повороты в Жизни — *odebaag*.

Рисунок 44. Лодочка со штевнем в форме лебедя, бронзовая находка из Велем Ст. Вид (*Velem St. Vid*), Венгрия (ранний железный век).

Даже люди тех древнейших времен имели свои «улебордены» с диском солнечного года и сопровождающими лебедями, а также со знаком опустившего свои руки Бога, Уля или Тюра, ср.:

Рисунок 45. Домовая урна из гробницы в Корнето, Монтероззи (*Corneto, Monterozzi*), римская провинция (ранний железный век). (Ср. рис. 16, № 14).

Рисунок 46. Домовая урна из гробницы в Ветулонии, провинция Гроссето (ранний железный век). (Ср. рис. 16, № 15).

В этой связи здесь следует воспроизвести в его полноте упоминавшийся уже на рис. 16, № 9 погребальный сосуд из Арнольди, что возле Болоньи (рис. 47): сверху мы видим лебедя, который несет возрожденного Сына Божьего, Спасителя; под ним — знак «Уля» (см. «Священную Протописьменность», гл. 36); лодочку со штевнем в форме лебедя и с руническим знаком $\star$ (*hag-alu*); его орнаментальная форма — $\therefore$ или $\otimes$, это шестилучевая «звезда», вписанная в круг, а внизу — знак S, руна *iw*, представляющая собой курсивную форму руны *odil*, $\mathfrak{g}$. (ср. рис. 20, 21, 23, 29—32, 36—37).

И так же как и на датском бронзовом щите из Копенгагенского музея (рис. 38), а также на воспроизводящихся в течение трех тысячелетий «улеборденах» фризского народа, проживающего в регионе Северного моря (рис. 28, 30—32), так же и на предметах из Бенаки, Болоньи, Северной Италии, на доэтрусской италийской гробнице раннего железного века (рис. 48, ср. рис. 16, № 8), видим мы лодочку с двумя лебедями на штевнях, соответствующих верхнему и нижнему мирам, а также знак $\oplus$ на самой лодочке, с четыремя солнцестоянческими точками: $\bullet\bullet\bullet$.

Бог на лодке со штевнем в форме лебедя, Воскресающий и Воскрешающий, Ψ или Υ , Спаситель Североморской Родины (*der Heilbringer der Nordlandheimat*), является символом спасения, символом, который племена, перешедшие через Альпы в ранний бронзовый и ранний железный век, запечатлевали на гробницах своих предков как символ их возрождения (*Wiedergeburtssinnbild*).

Рисунок 49. Бронзовая статуэтка, найденная в некрополе культуры Вилланова возле Спадароло (*Villanova-Kultur bei Spadarolo*), Северная Италия (Музей Римини): Бог в лодочке, запряженной лебедями, изображен стоящим между двумя лебедями в кругу, состоящем из десяти изначально четвероногих существ + 2-х дополнительных символов (древнейшее деление года на 10 + 2 месяца). И все это покоится на подставке в форме молота (ср. изображение Бога-Молота и Бога-Топора, рис. 40), которую несет на своих плечах другая бронзовая фигура. Похожая бронзовая композиция была найдена возле Сан Франческо, Болонья.

В Средиземноморье, что вполне естественно, мотив лебедя становится предельно несущественным, если не пропадает совсем, ибо природное переживание «повозки, запряженной лебедями» и вежущей с суши в море и с моря на сушу, является более недоступным. Однако такие северные повозки достигали даже берегов Северной Африки. В северных областях Средиземноморья мы еще встречаем тем не менее на месте священной белой птицы в форме буквы S, *odebaar*, то есть лебедя, другую птицу, внешне на лебедя весьма похожую, а именно *гуся*. Так, на одной микенской золотой вешалке из Эгины мы видим северного Спасителя в переходном виде египетского Бога Гора, стоящим перед Его лодкой, как и на статуэтке из Спадароло, Римини (*Spadarolo, Rimini*) и держащим в руках, сложенных в виде ломаной руны мадр Ψ , двух гусей, которые в данном случае заменяют обоих лебедей (рис. 50).

Этот переход: лебедь — аист — гусь — утка может быть нами прослежен и на материале континентальных переселений италийских племен, прошедших по Придунавью и далее.

Рисунок 51. Черепок, отколотый от погребального сосуда из Виллановы, Северная Италия (ср. рис. 16, № 13): мы видим, если описывать подряд сверху вниз, знак $\otimes$ с вписанным в него крестом +, затем — священную птицу (лебедя-утку), вроде тех, которая на

других наших рисунках сопровождает лодку или изображена на штевне. Затем следует хоровод образов с опущенными руками, знак года в виде трех концентрических вписанных друг в друга окружностей (ср. рис. 38). Затем — снова Лебеди-Утки, снова символ кельтского креста (Ψ) с X и т.д.

С этим снова можно сравнить следующее:

Рисунок 52. Украшение, из числа тех, которые носят на шее. Оно было найдено в Роге около Фридланда (Музей Шверина) и относится к раннему бронзовому веку. На его лицевой стороне, справа сверху, изображен Бог T между двумя лебедями, которые изображены сияющими. Здесь же мы видим и солярные знаки: точку, расположенную в центре окружности, ⊙. Задняя нижняя сторона показывает нам такой же зимнесолнцестоянческий хоровод образов с опущенными руками.

Мы уже видели зимнесолнцестоянческого Бога с руками, опущенными в форме руны Тиу T или TT или ↑ — на домовой урне из Корнето с «улеборденом» на коньке крыши (рис. 45). Другая домовая урна из Корнето (Сельчиателло, гробница 45) представляет такую же линейную фигуру, а также простые, выполненные в форме меандра, свастики или кресты поворота (рис. 53). Это — такая же линейная стилизация, как и на погребальных сосудах из Апулии (рис. 18). Посреди этих предзимнесолнцестоянческих положений рук мы находим и зимнесолнцестоянческие, где одна рука является опущенной, а другая — поднятой.

Рисунок 54. Домовая урна из Капель Гондольфо возле Альбано, провинция Рима (ранний бронзовый век, 1200—1100 до Р.Х.): на двери изображено Божество, «двойственный» из восьми точек. Голова Его намечена лишь двумя точками глаз, как и на изображении из Мекленбурга (рис. 52); лебеди на фронтоне также существуют в качестве намека: там мы видим крест поворота или свастику, рогатую капитель со знаком руны ЮР, J.

Тем самым мы снова оказываемся возле Кродо, одна рука Которого опущена, а другая — поднята.

И также и этот образ зимнесолнцестоянческого Сына Божьего и Спасителя появляется, соответственно, на могильных изображениях италиков древнейшего железного века, в лодке со штевнем в форме лебедя. Эти образы впервые были опубликованы ис-

следователем по фамилии Кембле, а сами находки хранятся в Британском музее (рис. 55—59). Собрание Британского музея охватывает находки, расположенные на линии Мекленбург — Штирмарк — Северная Италия.

Особенное своеобразие этого Бога состоит в том, что Он всегда изображается с одной опущенной и одной поднятой рукой²²⁷, причем обе его руки сложены в форме полукруга, образуя тем самым правильную форму буквы S. В этих изображениях можно видеть также обыгрывание темы возрастающего годового полукруга (древненордического *missari*), так же как и на германской руне $\mathfrak{G}$ = англосаксонской *gear*, *gug*, *ger* и т.д. Это, собственно, и есть Год — «Jahr».

Интересующие нас образы сохранились на металлических пластинках, окруженные другими символическими деталями — животными, быками, иногда в виде целой упряжки, а также конями с опущенными вниз передними ногами или с одной опущенной и одной поднятой ногой.

Рисунок 57 происходит из некрополя в Суессуле (*Suessula*). Бог, так же как и лебеди, несет на себе кольца месяцев, иначе называемые солярными кольцами.

На рис. 59 появляется Бог, положение тела которого соответствует кресту (+) или Году.

Еще и сегодня подобные изображения используются в германских народных обрядах, их можно видеть на фризских хлебцах св. Николая (*St. Nikolaas-Gebildbrot*), так же как и на немецких (рис. 60 происходит из Карлсруэ). Так в обычаях народа сохраняются знаки и элементы древненордического культово-символического сакрального языка. Ибо праздник Великого Юла и культ мертвых неразрывно принадлежат мистерии Поворота Года и Поворота Жизни (*Jahres- und Lebenswende*).

А то, что эта культовая символика относится к древнейшей культуре Туле и восходит еще к каменному веку — это подробно проиллюстрировано в моем исследовании «Священная Протописьменность Человечества». Вместе с культурой мегалитов, великой культурой каменных гробниц, она проделала долгий морской путь, ведущий мимо Пиренейского полуострова, через все Средиземноморье — на Восток.

Мы хотели бы уделить этому морскому пути больше внимания, поскольку «Хроника Ура Линда» свидетельствует о Кадиксе, называя его фризским поселением на берегу Пиренейского полуострова и описывая как своеобразный этап на пути в «Крекаланды». Греческий топоним Gadeira (тождественный финикийскому Gadir, Agadir), а также латинский Gadeis, Gades стоит в этой связи идентифицировать с древним Tartessos. У тартесситов или тардетанийцев (жителей Тартесса), согласно Посейдонию-Страбону (III, 139), была собственная древнейшая хроника, текст которой, как считалось, имел шеститысячелетнюю давность. В этом священном писании были зафиксированы их древние предания, песни и законы города Кадикс. Этот некогда настолько мощный торговый город, посредничавший между «Цинненландами» «Хроники Ура Линда» и средиземноморской областью, а также странами Востока, около 500 г. по Р.Х. был разрушен пунийцами самым brutальным образом, после чего вся эта местность стала владением североморских торговцев.

В «Происхождении Человечества», как и в «Священной Протописьменности», я уже указывал на то, что так называемое «иберийское письмо» Пиренейского полуострова, тартесско-турдестанское письмо, камни с надписями из Альвао (Alvão), а также письмо Трас-ос-Монтес (Португалия), как и ливийско-берберские письмена Северной Африки, восходят к общему источнику, раннеолитическому (предруническому) линейному шрифту культуры эпохи мегалитов (великой культуры каменных гробниц).

Классическим памятником ингвеонско-гиперборейских культурных связей на территории Пиренейского полуострова является монета из Дертосы (Тортосы, Dertosa, Tortosa), одного из городков Иберкаонеса, что в нижнем течении Эбро: там, на этой монете, изображен корабль с лебединым штевнем и знаком Γ как символом штевня (skipa skreytir), а также с флагом, где мы видим Древо Жизни, выросшее на топе (рис. 61). Здесь мы имеем символы с другого берега моря, то есть, западный этап символики, запечатленный также на погребальных сосудах из Апулии (рис. 17—20), которые таким же образом восходят к ингвеонийским изображениям эпохи бронзового века (рис. 36—37 и рис. 16, № 17—18).

Лебедь как существо, приносящее «Год» (X), появляется на иберийской керамике (Намания) конца IV в. или начала первой половины III в. до Р.Х. (рис. 62).

Иберийское навершие для штандарта (рис. 63), которое применялось еще в христианско-римскую эпоху. На нем мы видим коня, расположенного между двумя сопровождающими лебедями. Индогерманский миф о коне как Божием Дыхании, буре в период Великого Юла, а отсюда и символе «Года»²²⁸, я обсуждал в «Священной Протописьменности» (с. 65—72). Предваряющие эпоху Великого Юла снежная буря, белые вихри и бураны, когда Всеотец (Один) = Дух Вральды в месяц Од (соответствующий календарной руне $\mathfrak{g}$ или $\mathfrak{d}$) направляет Сына Божьего и Спасителя в нижние миры, сохранился до наших времен в христианском переосмыслении в виде истории про св. Николая «из Испании» и «черного работника».

Отсюда на иберийских погребальных сосудах появляется также и конь с руной $\mathfrak{g}$ или $\mathfrak{d}$ на своем теле или на голове, или же эту руну несет в своем рту ребенок, причем она может иметь форму знака X или X и т.д., что я продемонстрирую в отдельной публикации «Конского дивана» («Des Rosses Ruhebett») на материале этого литературного памятника.

Чтобы культурные пересечения «Ближних и Дальних Крекаландов» со страной Полсете (Форситес) стали более очевидными, см. рис. 64: бронзовая фибула (застежка) с Тисбе, Беотия (Thisbe, Boeotien), бронзовый век: с обеих сторон на ней изображено двенадцатилепестковое колесо солнечного Тода, находящееся между двумя лебедями. С одной стороны (внизу) изображен конь с Солнцем в погребальной ладье, которую ведет за собой дельфин, извечный спутник Аполлона. Справа на этом же изображении мы видим коня со змеей Зимнего Солнцестояния. Змея и крест поворота (свастика) также обращены влево (сверху, в левом углу).

Рисунок 65. Аттический сосуд, выполненный в геометрическом стиле. На его горлышке — $\ast$, звезда между крестами поворота (свастиками), означающими нисходящую и восходящую половины Года. Ниже — два сопровождающих лодку лебедя и $\vdots\vdots$ (множество точек), а между ними — идеограмма Возрастания.

Рисунок 66. Изображение с миски из Камейрос, о-в Родос (Берлинский музей древностей): лебедь с «Юлом» Вральды, т.е. руной ХАГЕЛЬ (✱) с солярными точками на концах. С этим можно сравнить и другое изображение:

Рисунок 67. Лебеди с фронтона («улебордена») франкоиского региона (*der Frankouet Gegend*), согласно Ферстеру. Лебедь несет на себе иероглифы Года и Бога :: или ☉ или ☿, или же 6- или 8-лучевую звезду, гексаграмму, Солнце, «Сердце» Матери-Земли и т.д.

Ввиду определенных ограничений в объеме нашего текста мы упомянем здесь лишь некоторые свидетельства. По вопросу более обширного материала я отсылаю к моей «Книге о Палестине», имеющей появиться в ближайшее время.

В этой связи стоит упомянуть также и об эгейской или филистимской керамике Палестины:

Рисунок 68. Сосуд из Гецера, с 5-ю лебедями, вписанными в круг, идущий по внешней стороне сосуда. Также на нем изображена руна $\square$, символ солнечного поворота, со вписанным в нее Солнцем («Священная Протописьменность», табл. 69) и солярной спиралью, знаменующей собой солнечный Год («Священная Протописьменность», гл. 8).

Рисунок 69. Символический орнамент сосуда из Гезера: оба сопровождающих лебедя имеют «пунктирный» знак Года (обоих солнц половин Года) ☿, который также засвидетельствован в письменных знаках жителей Трои («Священная Протописьменность», табл. 8). Знак движения Солнца по дуге $\square$, со вписанным в него Солнцем по своей форме приближен к ромбу, привычному символу Матери-Земли («Священная Протописьменность», табл. 279—281) и т.д.

То, что филистимляне, Purasata или Pulasata клинописных табличек, являются Pul-asata или Phol-sata (= Forsites-), — это я уже установил в «Происхождении Человечества» (с. 122). Как говорят египетские надписи («Происхождение...», с. 135 сл.), эти народы в союзе с большим племенным союзом народов моря, «народов Норда», в конце II тысячелетия до Р.Х., после захвата о-ва Крит, захватили древние страны Амуру (Ханаан), места расселения «людей Запада», которые в свое время попали на Восток через Север-

ную Африку и Аравию, вместе с мегалитической культурой раннего каменного века. Еще и сегодня Палестина в их честь несет древнее нордическое имя²²⁹.

Культурная символика Pulasata является ингвеонийской: штевень в форме лебедя на их кораблях с длинным килем является нордическим, и совершенно не восточным (рис. 70. Рельеф храма из Мединет-Хабу в Фивах). К тому же в руках они держат круглые северные щиты и нордические длинные мечи, восходящие к бронзовому веку.

Древнесевероатлантическим является и корона из перьев (головная повязка), какую носили родственные племена ливийцев Северной Африки и иберийцев, также и в Верхнем Египте прединастической эпохи, где был чисто нордический правящий слой, чисто рунический алфавит и нордическая символика корабля.

Наряду с лебединым штевнем мы находим также и символ «трилистника» на штевне филистимского корабля, изображенного на диске из Феста (Phaistos, рис. 71d). Древнейший «напечатанный» документ Запада²³⁰, выбитый в виде формулы из знаков и рисунков, расположенных в спиралевидном порядке («Священная Протописьменность», с. 506), на одном из рисунков представляет голову филистимлянина в короне из перьев, с иероглифом Бога и Бога, состоящим из шести точек вокруг точки центра, а также 8-«лепестковой» звездой (= ☼ или ☽), крестом с трехчастным корнем (очень распространенная у фризов домовая и дворовая марка) и руной < или √ (руной KA и руной B, = B) и т.д. Также мы видим на этом диске изображение корабля со штевнем в форме трилистника.

По поводу эпиграфических свидетельств заморского происхождения народа пуласата (филистимлян), живущего в Полсата, см. рис. 73.

Нож в форме Бога «Уль» со специальным отверстием или солнечным знаком происходит из североатлантической погребальной символики культурного круга Туле (ср. «Священную Протописьменность», гл. 36, а также табл. 378): также и здесь мы видим следы, ведущие из Крита снова на Север.

На основании этих фактов, а также того, что имя, обозначающее племенной союз Пулусата (филистимлян), происходит от се-

верных людей «полсата», сообщение «Хроники Ура Линда» о «жителях Тюра (Тира)» и поездке фризского короля моряков Тюниса в Финикию ок. 2000 г. до Р.Х. получает совершенно другое значение. Оказывается, что здесь мы имеем дело с потемневшим от времени свидетельством о заморской экспедиции морских народов, в союзе с нордическими ливийцами (mit den nordrassischen Libyern) Северной Африки, так называемыми тахенна (Tahenna), «белыми мужами», штурмовавшими Египет, которым тогда правил Меренптах (ок. 1230 г. до Р.Х.), а затем — Рамсес III (1197), ср. в «Происхождении Человечества» (с. 135 сл. и 122). *Также и об этих событиях, о которых мы узнали только в последние десятилетия, после обнаружения погребений, в середине прошлого столетия не мог знать никто.*

Как уже было упомянуто выше, «трилистник», который происходит из знака Года (☉ или ☽) с фризских «улеборденов», является видоизменением руны Ү («Человек», Mann), символа Сына Божьего, поднявшего Свои руки, воскресшего (ср. рис. 16, № 1—3). Это символ «собственной земли», (по-древнефризски — aeuweerde), собственного родового наследия (Eigenerbe, по-древнефризски — ainervet), которое должно быть только у благородного крестьянина, у фризского etheling, friling, владеющего kthel, fthol, то есть Одалой. На это чудесное отождествление, на понимание нашими предками самих себя как владельцев Одалы, я уже указывал в моем тексте «Что значит быть немцем» и в «Священной Протописьменности».

Руна Одала, oðal или adil, руна «Жизни Божией», означает одновременно «свободный кусок земли» как Божественную Жизнь, а также его владельца, «Аделинга». Отсюда в англосаксонском руническом ряду появляется изображение руны Одала в виде «трилистника» (рис. 74), также с теофорным добавлением m, англосаксонским вариантом слова man, «Mensch»²³¹, которое иначе пишется как руна Мадр — Ү. (ср. в «Священной Протописьменности», с. 546).

Еще и сегодня руна Одала (☉) в этом виде, в открытой или закрытой форме, предстает на фризских крестьянских постройках, на детских стульях и т.д. как символ Жизни Божией, которая снова появляется из священной почвы, от предков, с Божьего лена,

для того чтобы ее бережно сохраняли и передавали («Священная Протописьменность», табл. 237, № 3—6, Фрисландия, ведомство Волленхове — Твенте), а также см. изображения на хлебе св. Николая, фигурных хлебцах Великого Юла. Здесь можно привести также следующие подходящие изображения:

Рисунок 75. «Трилистник» как знак Одалы, с крестьянского двора в St. Nikolaasga, Фрисландия.

Рисунок 76. «Трилистник» как элемент погребального обряда (вкладывающийся в могилу вместе с покойником)²³². Северная Италия, ранний бронзовый век (согласо Монтелиусу).

Рисунок 77. Восседающий на троне Всеотец Зевс: на его вытянутой правой руке — орел, а внизу — руна Одала и перекрестие (как на персидских монетах эпохи Сасанидов), а также «якорь», символ Бога Тиу (ᚦ) или Уля, с крестом «Года» + перед самым ртом Зевса мы видим «Трилистник», что символизирует Дыхание Божье (Од). Монета датируется правлением Селевка I Никатора (306—281 гг. до Р.Х.).

Рисунок 78. Средневековая скульптура, из церкви Мартини, Больсвард, провинция Фрисландии (XII в.): Христос, сидящий на троне Сын Божий, с «трилистником», и Дева Мария, Богородица: под ними находится изображение рождения Сына Божьего.

Рисунок 79. Позднесредневековый церковный колокол из Зандевеер (Zandeweer), провинции Гронингена (1467): Сын Божий распят на кресте в форме руны Мадр (ᚷ), концы которой образуют трилистник.

Рисунок 80. Средневековый крест, Ирландия: Сын Божий изображен на Кресте стоящим, а концы Креста увенчиваются трилистниками.

Рисунок 81. Камень с Крестом с кладбища при монастыре Св. Исла, Арран (Monasterium auf Holy Isle, Arran): изображение Древа Жизни. Из чаши выходит образ Христа с крестообразно распростертыми руками, а слева и справа — по три трилистника (= :::.), а сверху, по обе стороны от Спасителя — Drutenfuss²³³ («Священная Протописьменность», с. 147 сл.). Внизу, в ногах Божественного Древа, образ человека, склонившегося на колени.

По морскому пути, по которому плыли лебединые лодьи из страны Полсата-Форситес, несущие на себе знак «Человека» или

трилистник на штевне, как символ Рода и Блага, шло и учение о Боге Света (Lichtgott), Который возвращает Новую Жизнь, «odil», «odal», неся ее в «Болижние и Дальние Крекаланды» — вплоть до страны Пуласата (Палестины).

Как и на погребальной символике италийских племен района Северного моря, Спаситель и Божий Сын является здесь с поднятыми в форме руны Мадр (=Υ) руками, плывущим на корабле, управляемом лебедями. То же самое мы видим и тысячелетия спустя на погребальной лампе из Италии — на переднем штевне лодки, плывущей за лебедем (рис. 82 а-в. Флорентийский музей), тогда как на заднем штевне изображен рунический знак «Человека» (=Υ), этот древненордический корабельный символ (*skipa skreytir*) воскресшего Бога, Того, Кто поистине пробуждает. Также мы видим здесь и знак (X). Стилизованное изображение руны на штевне является тем же самым, что и на древнеэтрусских саркофагах, которые сохранили тот же самый миф о похищении Солнечной Девы (*Sonnenjungfrau*) Елены «троянцами», напрямую отсылающий нас к мифу Великого Юла: на кораблях имеется изображение все той же руны Υ и солнечного диска под ней. (По поводу мифа о Трое ср. «Священную Протописьменность», гл. 8.)

Соответственно, мы находим в катакомбах также и погребальный корабль с мачтой в форме руны Мадр (Υ, или Ψ, или Ξ), сосудами с живой водой (*Lebenswassergefaesse*), а также птицей, которая корабль сопровождает (рис. 83).

Как и в Италии, в Нубии мы находим возрождение древней традиции в христианской культовой и погребальной символике. Коптская погребальная лампа (рис. 84, музей императора Фридриха) показывает нам погребальный корабль из Верхнего Египта додинастической эпохи, мачта которого имеет форму руны П и увенчивается орденским крестом с сопровождающей птицей — это древнейший североатлантический мотив культурного круга Туле, засвидетельствованный в Дании уже в среднекаменный период. На штевне корабля находится собака, сопровождающая мертвых²³⁴.

Эти хранилища Живой Воды (*Lebenswasser*), *odrerir* Эдды, а также *odebaag*, лебедя как сопровождающую птицу, мы находим в районе Северного моря позднебронзовой эпохи и в стра-

нах, расположенных вдоль берегов Дуная — как этап плавания в Италию и далее.

Рисунок 85. Культовый сосуд из бронзы (сосуд в форме лодочки-лебедя), найденный около Скаллерупа, ведомство Баарсе, Южные оконечности Северного моря, Дания.

Рисунок 86. То же самое из Зибенбюрген, Сварсцворосцек (Siebenbuergen aus Svartzvogoszzek). (Галльштеттский период, ок. 600 г. до Р.Х.).

Лебедь, odebaag, приносит новорожденного Божественного Младенца, вместе с новым «Светом Земли»²³⁵. Даже с христианизацией эта традиция сохраняется на своей родине, в районе Северного моря, как и в Италии, почти совсем уже утратившей северное крестьянское население.

Рисунок 87а-б. Крещальный бассейн из Akirkeby, Борнхольм (ок. 1280 г.). Изображение Рождества Христова: лебедь приносит Божественного Младенца с восьмилепестковой звездой Года ✳. У подножия колонны слева и справа от ложа Девы Марии находятся две зеркально друг друга отображающие спирали (Z и S), в курсивной форме воспроизводящие руну ОДАЛА (Z), руну «Жизни Божией», которая на других столпах крещального бассейна не встречается.

То, что мы здесь имеем дело с синкретически переработанной древненордической традицией — становится ясно из следующей рунической надписи: *hiar huiles maria sum han barn fydi skapera himiz ok iorpar sum os leysti* — «Здесь отдыхает Мария, Которая родила Младенца, Создателя неба и земли, Который нас спас».

Также здесь появляется Сын Божий с восьмилепестковой звездой Года (✳), как «Создатель неба и земли», (*skapera himiz ok iorpar*), как говорит руническая песня, посвященная руне ✳ ХАГАЛЬ, *hag-al(u)*, которая толкуется как символ Христа: «Христос создал древнейший мир» (*Kristr skóp hæimenn forna*), в смысле древнего мифа, донесенного до нас в наследии наших предков.

Сюда же относится знаменитый «франкский сундук» (ок. 650 г.), хранящийся в Британском музее. Это ящичек из слоновой кости, происходящий из Нортхумбрии (Northumbria), с изображениями четырех сторон света на крышке, а также сценами из гер-

манских и римских героических сказаний и библейской истории. Сундучок окаймляют надписи на англосаксонском и латинском языках. Сцена, переданная на рис. 88, в левой своей части представляет передачу главы св. Иоанна Крестителя, а в правой — трех царей с Востока, которые здесь — и это сразу же бросается в глаза — названы «Маги» M ꝛ XI — «Magi» (Magier). Они приносят восседающей на троне Божией Матери, держащей на руках Бога-Сына, рождественские подарки. Передний из «магов» держит в руке сосуд, а над ним возвышается колесо солнечного Года и знак S. Внизу мы видим лебедя (или ворона, «лебедя Одина», Odinschwann) и снова знак S.

Если мы теперь посмотрим на колыбель, которую мне удалось извлечь из земли и сфотографировать во время моей поездки по сельской местности Штапхорст, что находится в ведомстве Волленхове (Staphorst, Amt Vollenhove), то мы увидим (рис. 89) шестилучевое колесо и три таких же, меньшего размера, а между ними курсивное изображение руны Одала в форме двух зеркально друг друга отображающих спиралей (⊗ и S). На колыбели была написана дата — 1877, и, несмотря на позднее происхождение, она несла на себе «древнейший символ» Вральды и Кродера (Кродо), который я обнаруживал и на древних хессских (hessischen), эльзасских, швейцарских колыбелях, расположенным на том же самом месте. Сюда же относится и ОД («od»), как символ «Жизни Божией».

Какой же поразительной предстает теперь перед нами та космогония, которая изложена в «Хронике Ура Линда»! «Вральда, Который один лишь является благим и вечным, произвел Начало, оттуда произошло Время (⊗), Время породило все вещи, также и Землю (Иртху). — По прошествии двенадцати новолетий (праздников Юла) Вральда родил трех дев. — Когда они были созданы, Вральда напитал их своим божественным дыханием, которое именуется Одем или просто — Од. Од вошел к ним (Od tråd tora binna), и каждая из них родила по двенадцать сыновей и по двенадцать дочерей, по два ребенка в каждый праздник Юла. Отсюда произошли все люди».

И вот мы видим на этой фризско-саксонской колыбели, относящейся к XIX в., символ Ода Божьего, стоящим рядом с «Юлом».

Здесь мы должны вспомнить железные формочки для выпечки «пирогов Года и Юла», т.н. «железки для вафель св. Николая», например, из Эмдена, Восточная Фрисландия (рис. 90)²³⁶, который я опубликовал и обсудил в «Происхождении Человечества» и в «Священной Протописьменности». На этой формочке начертана дата — 1785 г., но не стоит исключать и того, что кузнец на ней воспроизвел некоторый более древний образец. Мы видим: (слева) Ир்தху (Землю-Матерь) «Хроники Ура Линда», представленную «голой» (!) и стоящей на ромбовидном подножии (ромб как символ «Матери-Земли», ср. в «Священной Протописьменности», гл. 26). В правой руке у нее стилизованная руна Одала, со сжатыми концами рукояти, что, например, сохранилось еще на баварских т.н. «небесных ключах»; знак Года (•••• или +); а в другой руке Она держит новорожденного Сына Божьего, который поднимает руки вверх (Υ), а над Его головой находится Знак Года (+). Рядом с Ним — Древо Миров, Года и Жизни с трехчастным корнем (⌋) и крестом (+). Над головой Матери-Земли находится ☸ Колесо Юла Вральды (das ☸-Julrad Wraldas) и Кродо. А на Ее материнском лоне — так называемый знак «сердца».

На другой стороне — руна Υ «Человека» («Бога»), поднимающегося из Дуги (Π, Ур), из материнского (крещалного) сосуда с водой, вместе со знаком Υ (ср. рис. 36—37 и 42—43). Внизу этой купели — снова ромбовидный узор Матери-Земли, а сверху — знак ✱. Надпись имеет такую же форму, как и находящаяся между ней зимнесолнцестоянческая Змея, изогнувшаяся в «дугу» (Ур, Π).

Совершенно необычное, неслыханное дохристианское изображение, несущее на себе отпечаток древнейшей традиции! То, что она была жива еще в XVI в., доказывает формочка для выпечки специального свадебного хлеба из области, некогда принадлежавшей фризскому народу (Гамбургский музей искусств и ремесел). Изображение относится к 1556 г. Рис. 90 с: на нем изображена брачная пара. Руки жениха и невесты обвиваются, образуя петлю, узел 9, изображение которого сохранилось во фризском брачном обычае вплоть до XIX столетия (см. в «Священной Протописьменности», с. 546). А внизу — еще более древняя форма руны Од, гантелевидный знак ?!

Оба изображения, из Эмдена и из Гамбурга, с которыми я впервые встретился в 1924 г., публикуются мной только теперь.

И лишь одного того пассажа «Хроники Ура Линда», где говорится об «Оде» Вральды, пассажа, который находит столько подтверждений в доступных нам памятниках, лишь его одного хватило бы, чтобы знатокам²³⁷ подтвердить подлинность нашей рукописи.

с) Колесо времени Вральды и Кродо.

Бог в Колесе и с Колесом, а также Ильгенкрене

В связи с исследованием этих мотивов колеса Кродера (Кродо) и Матери-Земли, как они сохранились на эмденской железной формочке для выпечки ежегодного пирога, здесь следует указать на следующий памятник, соответствующий древнейшей традиции района Северного моря.

Как я уже замечал в «Происхождении Человечества» и в «Священной Протописьменности» (гл. 27—30) на основании многочисленных памятников, Сын Божий и Спаситель, Кродер (Кродо) появляется в традиции «Хроники Ура Линда» как Бог Года или даже как Колесо Года-Бога, либо же как обладатель Колеса Миров и Года Υ ²³⁸:

1. Как отдельный образ

а) С колесом (ср. в «Священной Протописьменности», табл. 11).

б) в колесе (ср. в «Священной Протописьменности», табл. 313—314), как *deus in rota*.

На редкость красивым предметом, несущим на себе печать древнейшей традиции, как и эмденская железная формочка для выпечки ежегодного пирога, является фризское кулинарное тиснение для создания фигурных хлебцев св. Николая, относящееся к XVIII в., которое я обнаружил в 1924 г. в коллекции формочек для пирогов г-на булочника из Элзелоо, Снеф (Elseloo, Snef) (рис. 91). Здесь мы видим «Кродер» в форме $\oplus$ Колеса Года: из Его головы вырастает руна Υ («Человек»), древнейшее изображение самого архаического из мифов культурного круга Туле, состоящего в том, что Бог посредством Мысли создал Человека («Священная Протописьменность», табл. 304—305, гл. 30).

Противоположностью этого изображения является «Бог в Колесе», изображенный на одной из церквей Тюбингена, изначально являвшийся зимнесолнцестоянческим Спасителем и Сыном Божиим в ☸, который в космическую полночь входит в материнские воды, в утробу Матери-Земли (рис. 92). С целью римско-католической пропаганды этот «Всемогущий Бог» «язычества» здесь изображен прикованным к церковной стене, «привязанным к колесу». Осмысленное как орудие убийства и пытки, Колесо Вральды (☸ и ☸) одновременно лишалось своего значения, из возвышенного и Божественного становясь низменным и позорным. Позднейшее, средневековое создание легенд и преданий окружило осужденного преступника подходящим «историческим» занавесом, который затем будет распространяться нашими ничего не подозревающими историками искусства под видом «точного научного толкования».

То, что так называемые «романские» ваятели, строители соборов, т.е. германские, немецкие мастера и контролирующие их римские церковники о еще теплящихся в народе «языческих» верованиях прекрасно знали²³⁹, — не подлежит никакому сомнению. Лучшим доказательством здесь служит порядок изображений звезд на фризе монастырских башен из Хирзау, что в Шварцвальде (рис. 93): с северной стороны там изображен опустивший свои руки Небесный Король (Himmelskoenig) с ⊕ колесом, который входит в нисходящую половину Года; с западной стороны — зимнесолнцестоянческий *Кродо*, с одной опущенной и одной поднятой рукой; с южной стороны — поднявший свои руки постзимнесолнцестоянческий Бог.

2. Как «Двойной»

а) В *Колесе*, как Ж или Х, еще в XVI в. известная в Швеции календарная руна *tvemaghr*, древненордическая руна *tvimadr*, «Два Человека», т.е. У и Л, (ср. рис. 1), или Туисто (*Tuisto*), «Двойной», о котором говорит Тацит.

В качестве наиболее красивых примеров из эпохи переселения народов здесь следует привести изящные пластины из бронзы, происходящие из Нидербрайзига (*Niederbreisig*, рис. 94) и из

Пфальхайма (Pfalheim, рис. 95 a-b), хранящиеся в германском музее города Нюрнберга.

b) С Колесом, слева и справа от Себя, Ψ и $\uparrow$ или $\times$, как символический образ нисходящей и восходящей, «растущей» половины Года (по-древненордически — missari). Здесь показательны также образы, дошедшие до нас от галлыштаттской культуры, а также изображений из Италии.

Рисунок 96. Гравированное изображение на рукояти меча из Галлыштатта, Верхняя Австрия (ранний железный век): Колесо Года поддерживается двумя человечками, один из которых тянет его вниз, а другой — вверх. Годовое Колесо расположено между двумя «защелками» с солярными знаками , образуя тем самым Ось Года : это и есть изначальная форма руны odil, $\mathfrak{g}$. Изображение окаймляют меандрообразные спирали, повторяющие руну Года $\mathfrak{G}$ в ее угловом написании $\mathfrak{P}$ («Священная Протописьменность», с. 518).

Меч в эпоху бронзового века выступает на месте каменного топора (топорика, молота)²⁴⁰, «колючки» $\mathfrak{P}$ или $\mathfrak{P}$, как символа расщепления Года, и появляется на наскальных рисунках бронзового века, сохранившихся в Восточной Готландии. Там он также изображается вместе со знаком Года или уже «расщепленным» символом $\mathfrak{D}$ или $\mathfrak{f}$. В этом смысле он сохранялся также среди символов Юла в шведском рунически-насечковом календаре вплоть до XIX в.; ср. рис. 2 и 3 под числом 27. XII и 1. I (топор 1. XII и 13. I). Сюда же относится также.

Рисунок 97. Железный кинжал в деревянных ножнах из захоронений, относящихся к галльской эпохе и обнаруженный в Северной Италии, севернее реки По²⁴¹. На кинжале изображено — Колесо Кродера, поддерживаемое «Верхним» и «Нижним», $\mathfrak{M}$ и $\mathfrak{W}$ = $\mathfrak{T}$ и $\mathfrak{Y}$, на Севере и Юге, как на башне из Хирзау.

Рисунок 98. Слепок со средневековой календарной формы, хранящийся в музее города Мельдорф, Dithmarschen: Колесо Кродера , состоящее из $\mathfrak{M}$ и $\mathfrak{W}$ или $\mathfrak{T}$, либо $\mathfrak{Y}$, совсем как на ножнах галльско-италийских мечей.

c) Как «Тройной», то есть как своего рода расширение артического дуализма годового цикла $\mathfrak{D}$ = лета и зимы в общую для всех германцев трехчастную структуру весны, лета и зимы²⁴². Мотив «трех братьев», последний из которых был брошен в «коло-

дец», а затем оттуда избавлен, получив впридачу золотой клад и прекрасную деву — явно восходит все к тому же календарному сюжету, к мифологии зимнего солнцестояния²⁴³.

Еще в эпоху саги рунический ряд, в истоках своих происходящий из календарных знаков солнечного Года, ☉ (dagsmark, euktamark) был поделен на три т.н. ættir, т.е. три «небесных направления», три «рода»²⁴⁴. Ср. в этой связи:

Рисунок 99. Наскальные рисунки из Танум, Бохуслен, Юго-Западная Швеция (ранний каменный век): Бог в трех ættir Своего годового пути. От Колеса Миров и Года ⊕ справа внизу находится зимнесолнцестоянческий Бог, Кродо, с одной опущенной и одной поднятой рукой; после зимнего солнцестояния возрожденный, воскресший и воскрешающий Бог, Ψ, отделяется от Кродо ступнями — символом «нового пути» Бога, Нового Года²⁴⁵ («Священная Протописьменность», гл. 23). Сверху — Сын Божий во время Своего «небесного путешествия» к летнему солнцестоянию и к середине лета (Mittsommer). Это — Сын Божий как Небесный Король.

Рисунок 100. Так называемое «колесо счастья», Lykkehjulet, средневековое изображение в деревенской церкви, Дания. (Изображение дошло до нас благодаря дружественному указанию г-на д-ра Рудольфа Така.) Здесь мы видим Матерь Божию как Наследницу и Представительницу Матери-Земли (Иртхи в «Хронике Ура Линда»²⁴⁶) с ☉, Колесом Года и Времен, а также Спаситель и Сын Божий в трех «ættir»: как Младенец, как Муж и как Старец, то есть, в виде символа Весны, Лета и Зимы. Повернутый вниз головой «Старец» (как и на рис. 92) изображен с закрытыми глазами. Летнесолнцестоянческий Король, Король Неба (rex coelestis) держит в руке посох, увенчанный «ильге» — водной лилией. Король восседает на том же месте, где в длинном англосаксонском руническом ряду находится руна ǰ ilx, по счету 15-я руна, руна летнего солнцестояния. (См. рис. 101, длинный германский рунический ряд в календарном строе деревянного календарного диска.)

Дальнейшая символика настенной росписи состоит из знаков Года и Бога :: или ✱, а также в стилизованном виде геральдических знаков «ильге» (лилий), этих летнесолнцестоянческих цветущих золотых Божиих цветов, у которых три чашечки тянутся

вверх, а три — вниз = ✱ или ✷ (ср. «Священную Протописьменность», с. 45—47, илл. 7, с. 163, 165, 235, 237 и т.д.).

Принимая во внимание символический знак цветка лилии, который несет Матерь Божия, Мария-Иртва, и Небесный Король, следует указать на прекрасную «корону Марии», которая хранится в Гамбургском музее искусств и ремесел (рис. 102). На этой короне изображены 6 лилий :::, а внизу, вдоль окаймляющей корону полосы, идут изображения 12-ти ✱. Такая же символика, как и на Колесе Времен из Уддби (Uddby).

Шесть лилий в круге, центр которого занимает самая главная лилия — это схема :::, то есть ✱ или ☉ (ср. с. 165 оригинального издания), которую можно видеть также на древнефризском гербе Wymbritseradeel, где золотые лилии пламенеют на голубом фоне — древнейшая космическая «геральдика»²⁴⁷, относящаяся к древнефризской эпохе спасительного учения Вральды, учения Духа Миров (рис. 103).

Wymbritseradeel, или —diel, является понятием, составленным из слов Wagenbrenstzeradeele, из Weyn-, Wayn-, Weim, Wembritseradeele, откуда происходит и имя Wembrige. Древнефризское слово wein, wain (телега, повозка) сохранилось в народном предании в форме «gouden wein» (Большая Медведица). Средне-нидерландская Woenswaghen («Телега Вотана») также состоит также из 7 (6 + 1) звезд и является Небесной Осью и указателем времени года (ср. «Священную Протописьменность», с. 71 и прим. 30, с. 15). Здесь Всеотец — Один — Вотан (Водин) обнаруживает Свою тождественность с Вральдой, «veraldaŕ god».

Bregge, brigge означает «мост» (по-немецки «Bruecke». — *Прим. пер.*). Мост был культовым местом, где происходил суд. Также и эддическая традиция знает о «Божественном мосте» (ásbrú) Vifrost как месте суда (Gylfag. 13, 15, 17, 27, 49; Grimn. 20; «Священная Протописьменность», с. 194). Также источники сообщают нам и про «dat deel to Wagenbrugge» (суд на мосту, где стоят телеги), свидетельства чему приводит Гримм в собрании древнейших правовых норм (799).

Герб, очень похожий на тот, что у Wagenbrugge-Wymbritseradeel, имеет город Фервердеадеел, Оостерго: он представляет 6 + 1 руны Хагаль ✱, расположенные в порядке :::.

В связи с короной из лилий следует указать на изначальную германскую форму «короны»: это слово, кстати, заимствовано в древневерхненемецком из латинского *corona*. В древнесаксонском и древневерхненемецком для этого головного убора имеется свое, германское обозначение *hōbidband*, *houbitbant* («головная повязка»). Из древнефризской области до наших времен сохранилась одна такая «головная повязка» с солярным знаком ☉. Эта *houbitbant* хранится в Музее города Ассена, провинция Дренте, и происходит из раннего бронзового века или раннего железного века (рис. 104).

Также эта находка снова подтверждает сообщение «Хроники Ура Линда», что девушки проживающих вдоль Рейна племен не носили никаких «золотых корон» (*golden kroona*), то есть таких корон, как во Фрисландии. Обозначение *kroona* в тексте снова указывает на позднейшее время возникновения рукописи, где латинское слово *corona* («венец», «вершина») уже заимствовано в форме древнефризского *kroōne*.

Из этих «головных повязок», так называемых *Oorgijzer* («железных наушников») в XVIII и XIX столетиях развивались современные фризские формы головных уборов, которые покрывают всю голову и теперь снова принадлежат вымирающему древнему народу.

А то, что также в микенское время в Элладе, в «Дальних Крекаландах», мужское крестьянское население носило «головные повязки» со знаком солнца в момент солнцеворота, с Колесом Вральды и Кродо-Хроноса ☼ — это подтверждают находки из четвертого микенского захоронения (рис. 105).

d) Украшение как молитва Богу Миров о ниспослании световой благодати

Найденная не так давно германская пряжка из Керлиха (Берлинский музей древнейшей истории) несет на себе руническую надпись *Wodini hailig* — «посвящена Водину (Вотану)», Богу *od* (Одему), Всеотцу (*Allvater*) и патрону праздника Юла²⁴⁸. Попутно заметим, что здесь перед нами та же самая форма (Водин), что и в «Хронике Ура Линда». Почему украшение является «*wi hailig*», т.е. «посвящением», «священным», «посвященным», как свидетель-

ствует еще и надпись на готском золотом кольце из Пестосы (Румыния), — это становится ясным благодаря древнефризскому украшению, сохранившемуся в народной традиции и свидетельствующему об очень древней традиции.

Если мы снова несколько отвлечемся от этого украшения, от головной повязки, то путь к его пониманию нам укажет детский чепчик из Восточной Фрисландии, относящийся к середине прошлого столетия и представляющий удивительный рисунок: Колесо Времен Вральды в различных его формах и видах, либо как колесо поворота с 8-ю лучами (рис. 106 а, b, d), либо как восьмилучевую звезду (рис. 106 с). (Из Музея родной старины города Леер.)

Также и женские украшения из хранящих свои обычаи местностей Нидерландов-Фрисландии несут на себе священный знак 8- или 16-лучевого Колеса Года и Бога. Например, на головном уборе фризской женщины (Frl. Boltjes, 1921) мы видим венец (рис. 107), где на лбу располагается специальное украшение (на восточнофризском диалекте называемое «steernspange»), состоящее из курсивных вариантов руны Одала, таких же, как и на детской колыбели из Штапхорст (рис. 89). Нашейная цепочка также содержит узор ::, также и на подвешенном к ней кулоне мы видим рис. ::, как и на нагрудной застежке.

Рисунок 108. Отдельные украшения. Сверху — браслет из 6 + 1 камней. Снизу — цепочка для ношения на груди, а также застежка. Все это является отголоском древнего обычая, сохранявшегося еще в XVI столетии, как свидетельствуют дошедшие от того времени изображения нарядов, и описания чего мы еще встречаем у фризского хрониста Уббо Эммиуса (1616 г., рис. 109—110), а также у Пьера Винземиуса (1622, рис. 111).

Мы видим на изображениях благородную фризскую даму, (свободную крестьянку Одалы, низведенную в своей общественной роли до «третьего»²⁴⁹, низшего сословия), несущую на своей груди большую щиток (бляху), называемый на восточнофризском диалекте «srân, srôn, boïstspanne» и верно передающий изображение Колеса Времен Вральды и Кродера, иногда — из 4-х (••••), а иногда из 6-ти (:::), 8-ми (::::) или 12-ти точек, расположенных вокруг точки центра.

В богатой золотой и серебряной отделке (*scherssoen*) своей одежды образцовая фризская женщина со времен Средневековья несла на себе не только все родовое имущество, но и всю полноту священного, мистического предания своих предков.

Фрагмент одного такого древнего золотого брачного украшения (*rael, râl* и т.д.), так называемая находка из Моора, находится сегодня в музее города Эмден, что в Восточной Фрисландии (рис. 112). Также и здесь снова подтверждаются данные «Хроники Ура Линда» о богатых золотых украшениях древнефризской одежды, ради которых нищие саксонцы пришли во Фрисландию после тяжелой природной катастрофы «лютой годины» (ухудшения климата), чтобы найти в затонувших или покрытых тиной деревьях ушедшие на дно драгоценности.

Как показывают рис. 109—110, женщины одевали также себе на плечи большие, подобные колокольчикам, филигранные запонки, какие носились также и на поясе. Эти филигранные запонки, по своему внешнему виду приближенные к детским игрушкам, мне довелось фотографировать еще в 1924 г. в музее г. Хинделоопен (рис. 113): орнамент снова состоит из знаков Кродера (:;.) и выполнен на серебре или на золоте. Такие запонки мы до сих пор можем найти в народном быту населения Фрисландии, Волленхове, Залланда, как и Зееланда, особенно в качестве украшений рубашки, но также и носимыми на поясе.

Рисунок 114 показывает нам широкое разнообразие таких застежек, на которых изображены 6 или 8 (или 16) точек, расположенных вокруг точки центра, или шестиконечная звезда, также расположенная на фоне, поделенном на 16 секторов (*dags-*, или *yktamark*), и т.д.

Бросается в глаза, что такие же филигранные запонки и серьги с соответствующими рисунками происходят из сожженного города Троя (рис. 115). Оттуда Улисс-Одиссей, согласно Тациту и «Хронике Ура Линда», должен был прибыть в земли, расположенные вдоль нижнего Рейна (ср. с. 68, а также «Священную Протописьменность», с. 249)²⁵⁰.

Из коллекции традиционных нарядов музея г. Киль можно здесь привести следующие:

Рисунок 116. Накладка для ношения на груди, с 12-ю филигранными запонками, которые состоят из 8-ми точек ⋈ , расположенных вокруг единой центральной точки.

Рисунки 117—118. Наряды из архиерейства Гольштейнского, середина прошлого столетия.

Рисунок 117: Корсет с восемью запонками в форме щитов, каждая из которых содержит 8 точек вокруг точки центра, и еще один, более широкий круг из 8-ми точек, 16-ти *alfeuykt*, т.е. знаков древненордического дробления года — *dagsmark* или *euktamark* ⊗ (см. «Священную Протописьменность», с. 24).

Рисунок 118: Корсет, также передающий 8 священных символов, а также 2 — около ворота (как и на рис. 117), которые указуют на ⋈ , 6-частное деление года.

На капорах (женских головных уборах), которые эту одежду дополняют, мы также видим ⋈ , вышитые на внутренней стороне ворота.

Насколько архаическое народное наследие предстоит здесь нашим глазам, становится понятно, если сравнить эти костюмы с солярной пластиной Года, найденной в Моордорфе, возле Ауриха, что в Восточной Фрисландии (музей Ганновера, рис. 119). Это изображение я уже обсуждал в «Священной Протописьменности» (с. 67) в связи с культовыми священными тележками из Труднольма. Здесь мы также видим 8-частное дробление года — ⋈ (*dagsmark*, *euktamark*), соответствующее древненордической традиции.

Золотые пластины солнечного Года часто встречаются также и в Ирландии, в области Туата де Дананн, «людей», «немцев матушки Ану», носителей культуры мегалитических гробниц, которая однажды, согласно ирландским сказаниям, проникла с Севера, через Шотландию в Ирландию, и принесла с собой высокую, древнюю религию²⁵¹ (см. в «Священной Протописьменности», гл. 7). И даже еще в эпоху высокого и благородного ирландско-шотландского христианства, которое, собственно, и христианизировало Германию, мы не находим ни в Ирландии, ни в Шотландии, в месте пересечения линий Креста, никакого висящего человека²⁵², как то было принято изображать в восточноримской церкви, но вместо этого мы видим символ Кродера, Времени Божьего, символ Духа Миров, ⋈ или ⋈ .²⁵³

Рисунок 120. Могильный камень из Майгле, Пертсшир, Шотландия. Посредине, между линиями креста, находятся точки $\odot\odot$, а также — по четыре точки на каждой из перекрестных балок (итого 16). Это — такие же солярные шары («halfeukt»), как и внутри, в круге, помещающемся в центре креста.

Рисунок 121. Камень-крест из церковного двора г. Келльса, Ирландия: в центре креста — $\odot\odot$.

Рисунок 122. Серебряный Камень-крест из Фера (Foehrg), Северная Фрисландия, XVIII в. (Хранится в Берлинском дворцовом музее). На кресте изображены спасительные знаки (Heilszeichen) Времени Божьего, Бога Миров Вральды.

Это — то самое благородное ирландско-шотландское христианство, о происхождении которого ex oriente мы ничего не знаем, и которое, когда римская церковь Меровингской империи себя исчерпало и совершенно выродилась, собственными силами обратило в христианство германское народы.

Это ирландско-шотландское христианство и его носители преследовались затем совершенно недостойным образом со стороны папского христианства Рима и его легатов, особенно так называемого «немецкого апостола» Винфрида-Бонифация. Ибо это самое нордическое еретичество учило, в т.ч., «что Христос, Сын Божий, своим спуском во ад (descensus ad inferos) освободил оттуда всех, кто был заключен в преисподнюю: верующих и неверующих, идолопоклонников и почитателей Бога» (Послание 67, от 745 г., Romana synodus de haereticis a S. Bonifatio damnatis, ad eundem et alios in Germaniam missa).

Согласно Бонифацию, это было «семя сатанинское», которое нужно было поместить в темницу²⁵⁴. Но, как нас учит культовый символизм ирландско-шотландских надгробий, который до сих пор содержит такие знаки Юла, как руна $\times$, ing, «рожденный от», а также руна $\mathfrak{g}$, od-il, руна Жизни Божией, потомки Туата де Дананн сохраняли тайну нордического спасения, учение о том, что смерть является Юлом человеческой жизни, ее самым величественным переломным моментом, а могила является местом возрождения. Это — великая уверенность в спасении Духом Вральды, уверенность в «Stirb und Werde», во Времени Божиим, во Вральде, «древнейшим символом» Которого является $\odot\odot$ или $\otimes$, а также

руны Одала ᚠ , которые также представлены на ирландско-шотландских надгробиях («Священная Протописьменность», табл. 220—222 и 198).

Ирландско-шотландские христиане, в действительности являвшиеся не кем иным, как фризскими и саксонскими «язычниками», народом Вральды и Кродера, были оболганы деятелями Римской церкви, которые полностью фальсифицировали реальную историю.

Негодование по поводу осквернения народных святынь римскими церковниками было настолько сильным, что многие крайне возмущенные фризы шли на верную смерть, не позволяя самонадеянному и еретическому римскому архиепископу похитить свою внешнюю и внутреннюю свободу.

Ибо как культовая символика, так и священные знаки на германских и саксонских погребальных урнах с нижнего течения Везера и из Ведена (Wehden), округ Лее (Lehe), IV и V вв. (Берлинский музей древнейшей истории, рис. 123), показывают, что пепел от покойников ссыпался в особые урны, помеченные знаком ::: , или ⊗ , знаком Времени Божьего и Священного поворота.

Это признак, который в качестве символического украшения носил на себе свободный фриз, склонявший свои колени только перед Духом Божиим. Этот знак мы видим и на погребальных «терпенах» Фрисландии, этих созданных человеческой рукой холмах-убежищах и холмах-жилищах²⁵⁵. Некоторые из последующих украшений (№№ 124 и 124 a-b) находятся в музее города Лееувардена.

Рисунок 124. Слева — медный кулон из Гёутем, терп Теегхим: ⊗ с 8-ю точками и 8-частное деление сферы во внешнем круге, как и на золотой пластине из Моордорфа (рис. 119), состоящий из 16-ти «halfeykt»'ов; центральное изображение — кулон, бронзовая застежка-фибула (Блийя, терп возле Сийтсемы), изготовленная из монеты, которая содержит знак кельтского креста — ⊕ . Справа — золотой кулон с + (Крестом Миров и Солнечного Года), а также четыремя солнечными точками Года.

Рисунок 124а. Маленькая необработанная фигурка из красной обожженной глины, состоящая из круглой человеческой головы на четырехугольном цоколе, с четырехугольными клеймами ✱ — знаками Кродо (?).

Рисунок 124в. Крышка сосуда, найденная в терпе возле Бритсу-ма: ее ручка-набалдашник представляет с выемчатыми краями.

И если мы будем проследивать историю нашего символического народного искусства, рассматривая его орнаментальные детали не просто как совокупность фиктивных подробностей, а как бессмысленную культовую символику, то мы сможем взойти к той эпохе, когда наше священное наследие предков, наша вера и наш древнейший спасительный завет в германских деревнях не были еще уничтожены безумным потоком унифицированных городских фабричных товаров.

И так появляется «древнейший символ» Времени Божьего, из которого все вещи произошли, в котором они переходят и снова становятся, символ «Мира», Вральды и Кродо, запечатленный, например, на лопатке из монастырского хозяйства, о-в Рюген (рис. 125), выполненной в 1855 г. (Берлин, коллекция немецких народных поделок). Вокруг шестилепесткового Колеса крестьянин изобразил еще 12 месяцев Года и идущие вокруг них дни. Сверху всего этого представлено «Сердце» Матери-Земли со знаками и , а справа и слева — по два Древа Миров и Года, вырастающих из сосуда (символ Вод), а также шестилепестковые Колеса, также и в пересеченном виде, в форме взаимоналоженного соединения.

И та же самая традиция, что и традиция древненордического шестичастного деления времени, круга Года и дня , т.н. eukt, сохранявшаяся еще в то время в Баварии под названием eicht, eichtlein, «Великий Час» (1,5 от нога-часа, см: «Священная Протописьменность», с. 24 и прим. 13), та же самая традиция встречается нам и в тогдашней символике народного искусства, в германском искусстве зарубок (Kerbschnittkunst).

Рисунок 126. Деревянный ящичек, без крышки, из Баварии (Коллекция немецкого народного искусства, Берлин). Орнамент состоит из стилизованных изображений 6-спицевого колеса и 6-лучевой звезды. На одной из боковых сторон — большая 6-лучевая звезда Года, а на другой — знак Года, окруженный 12-значным кругом из месяцев Года и часов дня, как и на лопатке из монастырского хозяйства.

Особенное внимание стоит обратить на то, что 4 («четыре») предстает здесь посреди римских «насечковых» числовых знаков,

сохраняя свою руническую форму $\ddagger$ или X , т.е. угловую форму написания руны Q («Священная Протописьменность», табл. 228), т.е. половину от «восьми» $\text{8} = \text{✱}$, число Бога Года в Его вечном возвращении, ∞ или ⊗ (dagsmark, euktamark), еще и сегодня сохраняющегося в нашем знаке «бесконечности», который здесь, таким образом, предстает в своей изначальной форме.

Так предметы повседневной жизни несли световую благодать Бога Миров, а их украшения были «священным писанием» Божественного Откровения во времени и пространстве, в «мире». Ибо это была великая спасительная мудрость, унаследованная от древнейших предков, которые использовали предметы и украшения как настенные надписи, повествующие о том, что человек жил в своем роду, во Времени Божьем и в Его вечном обновлении.

е) Народная матушка и дева-градоправительница

Предыдущий раздел нашего краткого, пока что пробного исследования подлинности текста «Хроники Ура Линда» был посвящен вопросам религиозно-историческим. Теперь же мы переходим к следующему, более важному разделу, который посвящен истории культа.

«Хроника Ура Линда» в первую очередь является историей народа и его традиции. К сожалению, хронологически повествование настоящей рукописи обрывается еще до наступления периода римского владычества. Далее «Хроника...» содержит собрание древних народных законов, которые относятся также к порядку культовой жизни в ее внешней, государственной оформленности.

К сожалению, об отдельных подробностях исполнения религиозных, культовых чинопоследований мы узнаем из «Хроники Ура Линда» так же мало, как и из саг или из Эдды²⁵⁶. Однако те подробности, которые «Хроника...» сообщает, являются более содержательными и более древними, чем все вышеназванные тексты поздненордического предания.

Поскольку истории нашей «Мудрой Дамы» я планирую посвящать отдельное исследование, под названием «Мать-Земля и ее жрица», здесь я ограничусь лишь самыми необходимыми сведениями, привлекая лишь самые важные памятники.

«Хроника Ура Линда» разворачивает перед нашими изумленными глазами удивительную картину древнейшего культового устройства ингвеононов, вершиной которого является личность «почетной матушки», или матушки народа. Государство и церковь образуют здесь единство: религия является основанием общественной жизни, равно как и государственного порядка. Культ является поэтому делом общественным, государственным, и государственно упорядоченным: он находится в руках женщин²⁵⁷. А та из этих женщин, которая призывается возглавлять и сохранять культовый порядок, оберегать народную традицию и т.д., несет на себе тем самым высочайшую ответственность за управление государством.

Мы видим здесь демократическое устройство, в самом высоком и самом благородном смысле этого понятия. Это — община свободных, община равных. Основанием и почвой является божественное владение (*Gottesbesitz*), Божественная Жизнь, и протекающая из нее жизнь общины с частными земельными наделами и т.д. Общий принцип: *Gemeinnutz geht vor Eigennutz* — общее предшествует частному²⁵⁸.

Свободу и равенство «Одалингов» защищают ясные и строгие законы, в которых выражена Божественная Воля. Ибо то, что здесь являет себя как религиозное основание нашего древнего деревенского законодательства, есть в действительности «Божественное право», которое Свободные-у-Бога крестьяне-фризы, покоренные и порабощенные, потребовали себе обратно в эпоху Реформации.

Соблюдение этого Божественного права, его сохранение и поддержание находится в руках народной матушки и господствующих и наводящих порядок под ее руководством дев-градоправительниц. Сообщенные нам в «Хронике Ура Линда» древние законы, которые подробно регламентируют права и обязанности народных матушек и их дев-градоправительниц, передают нам целый ряд важнейших подробностей, которые являются отправными точками нашего исследования, от них получающего свое содержание и смысл.

«Хроника Ура Линда» сообщает нам о войне, которая разгорелась между девами-градоправительницами *Кельтой* и *Минервой*, называемой моряками Нихелленей. Война эта началась в «563 г. после того, как потонул Атланд» (= в 1630 г.). Между юж-

ным устьем Рейна и Шельдой было семь островов, получивших свое название по имени семи дев Фрейи, стерегущих порядок времени в течении недели (*Wachmeiden der Woche*). В центре, на одном из островов, находилась крепость Вальхаллагара (по-нидерландски — «*Walcheren*»), на стенах которой и были начертаны законы Фрейи и надписи, повествующие о событиях истории. В этой крепости Вальхаллагара тогда сидела дева-градоправительница Минерва-Нихелления, а по ту сторону Шельды, во Флибурге, сидела и правила Сюрхед, называемая моряками Кельтой. Обе девы-градоправительницы получили свои имена от тех советов, которые они сами же и дали: Нихелления стала так называться потому, что для людей тот совет, который они от нее услышали, был «новее» (*ny*) и «светлее» (*hell*), чем все прочие советы. (Народная этимология: *lêna* («давать», «сообщать»), *ni* («новый») и *hëll* («звучащий светло и ясно»). Кельту же прозвали так потому, что все, что она говорила, «всегда было выражено в темных словах».

Нихелления станет теперь исходным, отправным пунктом нашего исследования. Именно на острове Вальхерен в Зееланде были обнаружены алтари и рельефы, посвященные Богине Нехаленнии (*Deae Nehalenniae*.) Они сохранились от I—III веков по Р.Х. Поскольку уже О. Вредиус (среди прочих исследователей) в своей «*Historiae comitatum Flandriae pars prima*», Брюгис, 1650 г. (а именно, в «*Additiones*», pl. XLIV сл.) сообщает о тех памятниках, которые были известны в его эпоху, мы вполне можем заключить, что «Поддельщик» нашей рукописи этот источник использовал. Можно считать доказанным, что переписавший «Хронику...» гуманист, автор Кодекса С, переработал имевшийся в его распоряжении оригинал, добвив в него, наряду с прочим, имя «Минерва». Но памятники Нехаленнии дают нам дальнейшие разъяснения, которые снова подтверждают данные «Хроники Ура Линда», которая является изначальной и восходит к некогда сильной устной традиции.

На опубликованных Янсеном (1845) памятниках из Зееланда мы видим Богиню Нехалению, сидящей с ее собакой и коробом с фруктами²⁵⁹ (рис. 126 и 127а). Также и в «Хронике Ура Линда» собака называется символом Нихелления. Намного большей важностью обладает здесь тот факт, что оборотная сторона памятника на рис. 127 (*Janssen, Taf. VII, № 5*) представляет завешенную дверь,

а над ней — шестилучевое колесо Юла Вральды! (рис. 127b). В то время как на другом таком же памятнике (Janssen, Taf. XII, № 21d) мы видим половинчатое или зимнесолнцестоянческое солнце (ср. рис. 2, Месяц Юл, под 6 XII.) между обеими змеями Года (рис. 129). По поводу этого древнейшего североатлантического символа Года см. «Священную Протописьменность», гл. 18.

Римский каменотес или по-римски обученный этому ремеслу фриз из Зееланда нанес своим резцом древние символы на заднюю тыльную сторону рассматриваемого нами изображения.

То, что Нехалления изображена вместе с кораблем, полностью соответствует традиции, зафиксированной «Хроникой Ура Линда», где Нихелления представлена как матушка, доверяющая из всего своего народа больш всего морякам.

Обозначение *dea* — «Богиня» характеризует лишь римскую церковную политику. Когда при Юлии Цезаре Римская империя распростерлась от Нижнего Рейна до Британии, это ударило по находящейся в то время в полнейшем упадке древнеингвеонскому культово-иерархическому устройству, по институту фризских почетных матушек и дев-градоправительниц.

«Хроника Ура Линда», в последнем из своих списков, обрывается, к сожалению, на том самом месте, где должно было начинаться описание периода римского владычества. Но уже описанный в ней период древнейшей истории дает нам ясную картину того, как ставшая наследственно-династической власть все больше и больше впитывала в себя средиземноморский образ автократа, проникая при этом в кельтские и балтийские суеверия. В качестве главного врага на своем пути к абсолютной власти династия и королевская партия справедливо рассматривали древний государственный и культовый порядок почетных матушек и дев-градоправительниц. И поэтому они стремились к тому, чтобы полностью исключить этот традиционный институт из реально-политической жизни и своими преследованиями и запретами на проведение выборов очередной народной матушки привести к окончательному отмиранию этой древней фризской традиции.

Тот факт, что римляне пытались привести к упадку архаического культового государственного порядка на всех территориях,

что левее Везера и вдоль Нижнего Рейна — это вполне подтверждается сообщением Тацита о деве-градоправительнице *Веледе*. К этому сюжету мы еще вернемся несколько ниже, в связи с рассмотрением данных «Хроники Ура Линда» о крепости и башне-обитатели народной матушки и дев-градоправительниц.

В то время когда в непосредственно саксонской области еще были свои девы-градоправительницы, к власти пришел король Ас-кар, который напал на Тексланд и разрушил крепость народной матушки (с. 125 ориг. изд.), а затем полностью уничтожил в теперешних (намного более узких) землях фризов наши древние культовые постройки.

Однако народ с нерушимой верностью сохранял воспоминания о своей «Белой Даме», «матушке народа», наставнице и водительнице душ, «помощнице в бедах» и целительнице, а также охранительнице народного блага, судие. И эта память, особенно о том, что действительно когда-то имело место в истории наших предков, отчасти переводило эту преображенную историю в ранг бытия сверхчеловеческого.

В эту эпоху на Нижнем Рейне появляются римляне, в области Великой и Малой Фрисландии (*Frisii maiores* и *minores*, или *Frisiavones* у Плиния, п. h., 101, а также у Тацита, «Германия», 34). То, что изображает Тацит в известном месте («Германия», 8), ясно являет нам именно это переходное состояние. Тацит сообщает об огромном моральном влиянии женщины у германцев, а также о том, что для германцев сама мысль о том, что женщина в ходе военного сражения может быть пленена, была совершенно отвратительна, даже отвратительнее, чем любая другая мысль. Поэтому верным способом избежать этой неприятности им казалась мобилизация на войну с нападающим неприятелем всего племени и сражение до конца.

«Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар (*inesse quin etiam sanctum et providum putant*), и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана мы видели среди них *Веледу*, долгое время почитавшуюся большинством как божество, да и в древности они поклонялись *Альбруне* и многим другим, и отнюдь не из лести и не

для того, чтобы впоследствии сделать из них богинь (пес tamquam facerent deas)²⁶⁰.

Это утверждение Тацита представляет собой намек на восточно-эллинистически-римский культ императора²⁶¹, который вел, например, к консекрации умершей в четырнадцатилетнем возрасте дочери Нерона от Пoppеи Сабины (Тацит, «Анналы», 15: 23), почитавшейся сначала в восточных, а затем и в остальных провинциях Римской империи.

Это сообщение дополняется рассказом того же Тацита в «Истории», 4 : 61, где он говорит следующее: *vetere apud Germanos more, quo plerasque feminarum fatidicas et augescente superstitione arbitrantur deas*, «по обычаю германцев, следуя которому они рассматривали некоторых женщин как пророчиц, или даже, *при возрастающем суеверии, как Богинь*»²⁶².

Это «возрастающее суеверие» и его историческое основание предстают перед нами теперь в уцелевшей части «Хроники Ура Линда», хронология которой обрывается во времена римлян. Но Тацит дополняет изображение религиозной ситуации в «Хронике Ура Линда» тем, что он упоминает о восточных германцах, живших в Шлезии и Вестфалии: «У последних (из перечисленных народов) показывают одну древнюю священную дубраву (*antiquae religionis locus*); над ней владевает один жрец в женской одежде (*sacerdos muliebri ornatu*). Возможно, жрецов, исповедующих восточные суеверия, к тому, чтобы переодеваться в женскую одежду, побудило своего рода «благочестивое надувательство», *ria fraus*, желание напомнить о «Мудрой» и «Белой Даме» (*der «weisen» und «weissen Frau»*), народной матушке и деве-градоправительнице нашей Родины (Страны Матери — *des Mutterlandes*) и перевести на себя то священное, что с ними связано в верованиях народа. Ибо та традиция, которая была у дальних восточных твисклендцев, жителей «средней земли» (*Twiskland-«Zwischenland»*), была заменена традицией галльско-восточной, что ясно подтверждается сообщением того же Тацита в 43 главе «Германии».

Римляне с почитанием «матушек» германских племен, живших на Нижнем Рейне, не знали, что и поделать. Их собственные вестгалки давно уже были переосмыслены на восточно-средиземноморский лад и приведены к подчинению в вопросах государствен-

ной культовой жизни тем институтам, которые были ориентированы на мужское право, — в подчинение верховным шаманам, верховному понтифику (Pontifex Maximus) и т.д. То, что они защищали священный огонь, очаг всего государства, что они изготавливали священную муку, носили белые плащи с капюшонами (suffibulum) и обладали также *круглым храмом* как древнейшей культовой постройкой (сложенной из 6 или 8 камней), что их самих было шесть, что они носили по шесть заплетенных косичек волос, что у них была своя *virgo maxima*, «верховная дева», и т.д. и т.п. — все это были давно отзвучавшие воспоминания о древнейших временах, когда жили предки, те самые племена италиков, которые некогда прибыли с Севера, перебрались через Альпы и переплыли море с запада на восток, принеся с собой символ умирающего и воскресающего Бога в лодке со штевнем в форме лебедя — с древней нордической Родины.

Из их прежнего эпонима, почетной матушки Весты, то есть Фесты «Хроники Ура Линда», вскоре образовалась «Богиня» (dea). И только народное предание о том, что «древнейшая Богиня», antiquissima dea и mater, «почетная матушка» (numen sanctissimae Vestae matris CIL 6, 32414), напоминает о древнейшем происхождении ее культового образа, как и о тех культовых сооружениях, которые были ее Домом²⁶³, а также о последовательности ее дев, *virgines Vestae* или *Vestales*, в обязанности которых входило служить Ей в течение тридцати лет, не вступая при этом в брак. Святилище *Vesta mater* и *государственный очаг* были настолько почитаемы, что ни один мужчина, даже Pontifex Maximus, не имел права вступать в *penus Vestae*, особую потаенную комнату, где хранились *sacra*.

Какого рода были эти *sacra*, к которым должен был относиться также и привезенный из Трои *palladium*, — этого мы не знаем и сказать не можем. Особенный интерес здесь для нас представляют занавешенные двери, изображенные на оборотной стороне священного камня Нехаллени (рис. 127b) с изображенным над ними колесом Юла Вральды*. На побережье Вальхерии, где этот посвященный Нехаллени сакральный камень был обнаружен, 5 января 1647 г., вследствие сильного морского отлива, вызванного штормом и порывистым юго-восточным

ветром (Vgedius, p. XLIV), — там должны были еще долгое время быть различимы остатки святилища этой «Богини», круглый фундамент своего рода *aedicula*, весьма незначительного по своим размерам. Также и сохранившийся фундамент круглого храма Весты в Риме в диаметре имеет всего 15 м.

Как показывают надписи и посвячительные камни, римляне рассматривали и обсуждали Нехаллению как *dea* — «Богиню», и сопровождали ее образ такими же символическими атрибутами, как и изображения нижнерейнских *matres* и *matronae* на посвячительных камнях, например, *коробом с фруктами*²⁶⁴. Этот символ должен, по-видимому, соответствовать ее роли хранительницы общественного блага, сведения о котором мы в достаточном количестве получаем из «Хроники Ура Линда».

Римская церковная политика постоянно поддерживала свое единообразие: ибо, войдя в состав Империи, побежденные народы оставляли свои собственные религии и культы. Они подвергались усиленной латинизации: т.е. культы, чуждые римскому, истолковывались в системе синкретического переосмысления, присоединяясь к римской государственной религии²⁶⁵. А поскольку у варварских племен, которые жили по Нижнему Рейну, с времен незапамятных почитались некоторые «Белые Дамы», то они были в упрощенном осмыслении этой ситуации римлянами восприняты как «сословие святых» (*Heiligenstand*).

И здесь необходимо принципиально заявить: культ *matres* или *matronae*, «Белых» или «Мудрых Дам», «народных матушек», принадлежит изначально культуре мегалитических гробниц широкого круга Северного моря. В ареале распространения мегалитических гробниц (дольменов, курганов, погребальных насыпей с каменными могильниками и т.д.) археологи обнаруживают памятники, очень тесно связанные с теми народными преданиями, которые хранят воспоминание о «Белой Даме», «Море» и т.д.

Область мегалитических памятников Западной и Северной Европы — это морской культурный круг, т.е. он лежит на стыке побережья и дальнейшей сухопутной территории. Этот круг на севере достигает Средней Германии, а на западе простирается вплоть до Альп (Савойя, Уэллс и т.д.). Когда кельты проникли на Рейн и подчинили себе Запад, Галлию, северо-западный берег Пиренейского

полуострова, а позднее — и Британию, древняя традиция была подвергнута переосмыслению в восточно-шаманском ключе, а «Белая Дама» стала *одним из* локальных фрагментов культа друидов и «голенов». Так, например, Gallizena упоминает о девах, которые давали свои пророчества и обучали своей магии на острове Сена, а также о женщинах, которые поддерживали дионисический культ²⁶⁶ на острове в Loire (Луар). (Mela III, 6; Strabo IV, 4, 6.)

Кроме того, «моря» и «белые дамы» (*bonnes dames, dames blanches* и т.д.) относятся к древней религии мегалитов, представленной также в горах прилегающей местности, в Вогезах, Юре, Вестфалии, вероятно, распространявшейся племенами, не поддавшимися кельтскому культурному вторжению и сохранившими свою свободу. Чрезвычайно богатой в этом отношении местностью является Эльзас.

Древнеирландские саги посредством символов сообщают, что племена Туата де Дананн, после их победы над пришедшими с континента кельтами, отступили в курганную местность и после этого стали называться «людьми холмов-гробниц» (*fir side*).

Когда в Британию пришли римляне, они нашли там ту же традицию «Белых» и «Мудрых Дам», которая затем таким же образом была включена в культ «*matres*» и «*matrones*».

Кельтские друиды подчинили их себе как провидиц, предсказательниц, ведающих тайны будущего (*ban-filid, ban-fóthi*). Иногда в источниках встречается даже понятие *ban-druid*, «женщина-друид», «друидесса», которая прежде, как и теперь, исполняла жреческие функции, защищая священный огонь. Этот древний священный культовый обычай, поддерживавшийся «народными матушками» *ban tuath*, сохранился до наших времен в христианизированной форме, в житии св. Бригитты (*St. Brigitta*), которая идентична с Дану, Богиней-Праматерью народа Туата. Бригита (*Brigit*), как Богиня Мудрости, почиталась сказителями и имела двух сестер, носивших это же имя и сведущих в ремесле исцеления и кузнечестве. Об этой троице и о самом принципе троичности речь пойдет ниже, в связи с троичностью матушек («*matres*») или матрон («*matrones*»).

Согласно Цезарю (Записки о галльской войне, VI, 17), Минерва была главной Богиней галлов²⁶⁷. Цезарь говорит, что в языке,

обычаях и законах галлов она проявляется по-разному (I, 1), в том числе представлена под разными именами.

В надписях галлов она является как Минерва Бригиндо или Белисама (*Minerva Brigindo oder Belisama*), а в бретонских надписях — как *Dea Brigantia*. Согласно Солину (*Solinus*, XXII, 10), Богиня бретонцев была Минервой, а также Богиней Мудрости, в храме Которой горел вечный огонь. С христианизацией она стала святой Бригит (*St. Brigitt*)²⁶⁸, защищающей монашенок в их монастыре местности Кильдаре, Ирландия, где вплоть до упразднения этого монастыря королем Генри VIII горел вечный огонь. Это была община всего из 19 монахинь, из которых каждая перенимала от другой ее ночную вахту. А в двадцатую ночь последняя из монахинь складывала в огонь все дрова и передавала его на попечение самой св. Бригит.

Священный огонь горел внутри круглой ограды, сделанной из палок и хвороста. Согласно Овидию (*fast.* 6, 261 сл.), «храм» Весты изначально был хижиной, покрытой соломой, с плетеными стенами (*quae nunc aere vides, stipula tum tecta videres, et paries lento vimine textus erat*).

Святая Бригит, родившаяся в Шотландии или Ирландии (Ульстере), должна быть «первой монахиней» Ирландии. Умерла она предположительно в 521 г. День ее памяти — 1 сентября²⁶⁹, так же, как 2 сентября — это день памяти Марии Лихтмесс, *St. Bride's day*, *Candlemas-eve*. Это — время посвящения свечей, светлой мессы (*Lichtmess*), по-норвежски называемой *Kyndelmisse*. Общескандинавское название этого дня — *lilla Jul*, «малый Юл», христианизированный «языческий» праздник нового света (*Eldborgs skel*).

В киммерийском и уэльском бывшие «народные матушки», по-ирландски — *bantuath*, именуются «у Матау», «матери», а в народной традиции освящение морей (озер) еще и сегодня называется «*the blessing of the Mothers*». А словами *Y Foel Famau*, «холм матушки», до сих пор называются погребальные холмы в *Clwydian-Kette*.

Deae Matres благодаря жителям Нижней Германии стали известны по всей Галлии. Они упоминаются в не менее чем шестистах посвячительных надписях галло-римских областей и отождествляются также с *Parcae*, «парками», а также *Fates*, *Farae* — «провидицами», «предсказательницами» (*CIL* V, 4208, 5771; VII, 927;

Holder II, 89). Как нижегерманские матушки («matres») или матроны («matrones»), они постоянно изображаются *по трое*. Помимо корзин с фруктами, они, подобно нашим, нижегерманским, германским матушкам, имеют в своей руке также ящичек, чашку, развернутый угол или росток (Schoss).

Как позволяют ясно понять нижегерманские посвячительные надписи, речь постоянно идет о почитавшихся определенными племенами или кланами народных матушках, например, о Matres Frisiavae из Xanten (Ксантен) (CIL XIII, 8633). Это указывает на древнюю культовую иерархию, о которой также нам сообщает «Хроника Ура Линда» и в которой каждая дева-градоправительница соответствовала определенной области или определенному роду. Находки на Нижнем Рейне доносят до нас изображения Нехаллени из Вальхерии, которая представлена либо одна, либо же — в характерной *триаде*.

Здесь присутствует важная связь с традицией Эдды, которая отстоит от наших древненордических открытий примерно на тысячу лет. Эддическая традиция также представляет нам снова трицу мудрых женщин, которая — как мы увидим далее — по своему происхождению является праиндогерманской. Там они уже удалены от дохристианского «сословия святых» (Heiligenstand). Однако они и не «Богини» (deae): в своем сверхчеловеческом облике они являются как *disir* или *pornir*.

Повествование о бывшем круге общественного влияния «матерей» (matres), «народных матушек», «Белых Дам» в сильно затемненном эддическом предании звучит еще по-прежнему достаточно отчетливо, чтобы его услышать.

В Fáfnismól (12) Сигурд спрашивает:

«Фафнир, скажи мне; // ты мудр, я слышал,
и многое знаешь; // кто эти норны,
что могут прийти // к женам рожающим?»

На что Фафнир отвечает (13):

«Различны рождением // норны, я знаю, —
их род не единый: // одни от асов,
от альвов иные, // другие от Двалина»²⁷⁰.

Ответ Фафнира очень важен, ибо в нем изображено *расовое деление* Севера, так же, как и в *Rígsþula* (Песни о Риге), — а также свидетельствует о *расовом смешении*, наблюдаемом в эпоху формирования эддического предания. Ибо племя Двалина (*Dwalin-Stamm*), племя «Карлов» или «гномов», — это то самое изначально азиатское лапландско-финское племя, «народ Финды» «Хроники Ура Линда», которое как раз в эпоху саги начинало переоценку своих представлений о волшебстве и своих суеверий. В этом контексте переосмыслился и образ древней нордической провидицы, «Белой Дамы». Презираемый колдун (*seidr*) эпохи саги господствует над «финнами» (*Finnas*), как в древненордической традиции обозначается ненордическое, лапландско-финское коренное население и «колдуны»²⁷¹. Однако *Finp* — это также и имя гнома (дверга), того, кто происходит из «племени двалинов». Здесь я отсылаю к моему исследованию этого вопроса в «Происхождении Человечества», с. 175 сл., к которому я еще вернусь далее при обсуждении расового вопроса в «Хронике Ура Линда».

Место из *Fáfnismál* (12) будет затем дополнено в *Voluspá* 19—20 и в *Gylfaginning* 15. Первый из этих пассажей (*Voluspá* 19—20)²⁷² звучит так:

19. Ясень я знаю, // по имени Иггдрасиль,
древо, омытое // влагою мутной;
росы с него // на доли нисходят;
над источником Урд // зеленеет оно вечно.

20. Мудрые девы // отсюда возникли,
три из ключа // под деревом высоким;
Урд имя первой, // вторая Верданди, —
резали руны, — // Скульд имя третьей;
судьбы судили, // жизнь выбирали
детям людей, // жребий готовят²⁷³.

Также и в той Эдде, которую составил Снорри Стурлусон, в разделе «Видение Гюльви» (*Gylfag.* 15) говорится:

«Под тем ясенем у источника стоит прекрасный чертог, и из него выходят три девы. Зовут их Урд, Верданди и Скульд. Эти девы

судят людям судьбы, мы называем их норнами. Есть еще и другие норны, те, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою. Некоторые из них ведут свой род от богов, другие — от альвов и третьи — от карлов. Так здесь об этом сказано»²⁷⁴. (Далее следует та же самая строфа, что и в «Речах Фафнира» 13.)

Здесь перед нами, во-первых, ясное свидетельство о помощницах в беде и врачевательницах: они «разрешают роженицу от плода» (*kiósa mœdŕ frá togom*), они «определяют», «дарят жизнь».

Существующая лакуна, отделяющая художественные изображения «матушек» и «провидиц» Галлии и посвятительные камни, на которых они упоминаются, а также письменные фиксации повествующей о них устной традиции «Ultima Thule», от памятников с изображениями «матрон», находимых в Нидерандах, получает теперь свое наполнение. Приведу здесь лишь два маленьких посвятительных изображения «матрон», которые мне удалось обнаружить в феврале 1932 г. в богатейшей коллекции Боннского музея. «Белая Дама» и «помощница в беде» изображена здесь сидящей.

Рисунок 130 представляет ее с руной ОДАЛА, $\mathfrak{z}$, руной «Жизни Божией», спереди на одежде.

Рисунок 131 представляет ее с новорожденным ребенком на руках, как и аналогичные ей матушки в Галлии, «matres» из отдаленных времен больших каменных склепов, еще до того, как в эту страну почетной матушки из Текселя нахлынули «голены».

Какие же обстоятельства стали причиной того, что изначальное число матушек, *Священная Троица*, которую мы видим на надгробиях Галлии и Нижней Германии как их очень важную, постоянную особенность, сменяется затем изображениями единичными, изображениями одной из матушек, а затем снова, в эпоху Эдды, происходит возвращение троичности²⁷⁵? И здесь лишь эддическая традиция дает нам необходимое дополнение. Триада «многомудрых дев» (*príáŕ meyjar, margs vitandi*) располагается у подножия Древа Миров, Года и Жизни, у источника, где находится «зал» $\mathfrak{N}$. Происхождение и значение этого космического символа было мной подробно исследовано и разъяснено в «Священной Протописьменности» (гл. 15—17). «Мировой Ясень» с тремя корнями и

тремя ветвями — это Идеальное Древо (mjotvidg, Voluspb 2), ✱ или ☉, Mímateid: ни один человек не знает, какими корнями оно питается и благодаря каким корням оно выросло. Корни и «древо» имеют над человеком огромную власть (Fjolsvinnfm. 13—16). Это Древо коренится в источнике Мимира, «источнике мудрости» Всеотца, Од-ина («Brunnen der Weisheit» Allvaters, des Od-in), в котором как заклад находится его зимнесолнцестоянческий «глаз», (☉), солнце Юла.

Из этого материнского источника на море, из материнских вод, из «Дерева», «Ясеня», создается человек, происходящий от той Божественной Троицы, от которой происходят Один с его спутником Хениром²⁷⁶ (= «лебедем», «аистом», ср. «Священную Протописьменность», с. 161, 252, 378, 455 и прим. 73, с. 43), который сообщает силу ОДААЫ (ʒ или ʒ).

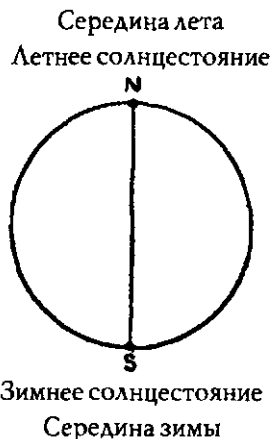
В мифической традиции Эдды мы также находим образ белых лебедей, плавающих в источнике молодости, из которого вырастает Древо Миров, Года и Жизни — тот же самый образ видим мы и в древнеперсидской традиции. А тот факт, что Север или Восток в той же самой эддической традиции назывались также «Schwandisen», ясно указывает на происхождение данной традиции из древнеингвеонской страны лебедей.

Корни «вечнозеленого Древа» соответствуют руне ЮР (ʌ), означающей «тис» и являющейся 16-й по счету или зимнесолнцестоянческой в календаре скальдов, ☉, т.н. dagsmark- или euktamark. В «подножии» этого Древа Миров, Года и Жизни, Древа-Мерила (Massbaum), этого Божественного Откровения во времени и пространстве, в точке Зимнего Солнцестояния, где празднуется Великий Юл, праздник мертвецов, праздник духов предков и тех, кто возродился, праздник детей, — там находятся Три Матери. Для прояснения этого космического символа я привожу здесь схематическое изображение.

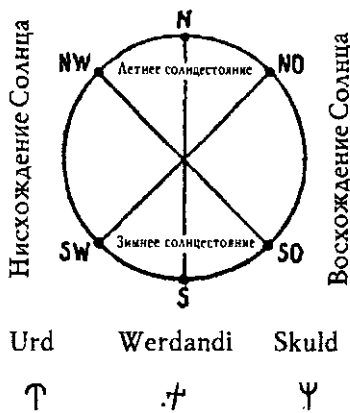
Лишь как образ Года Божьего, Духа Миров, можно понять символ ☉ Древа, его трех Корней ʏ и получающих от него жизнь Трех Дев, повествование о которых сохранила нам «Хроника Ура Линда», называющая их тремя Дочерьми Иртки. Притча о трех корнях Мирового Древа в источнике, соответствующих трем Девам, связана здесь напрямую с Мифом Юла, священным праздни-

Арктически-нордический
образ Года (Круг Туле)

Южно-нордический
образ Года (Круг Нордзее)

ком нордического культового года, перемены света и поворота в жизни, где открываются могилы, где восстают духи предков, а на стол хозяйки и матушки дома ставится фигурная выпечка Юла с символами Года, рунами ОДАЛА (ᚢ или ᚦ), знаками новорожденного Младенца.

То, что речь здесь идет о Мифе Великого Юла, становится ясным из древнеиндийской традиции праздника Зимнего Солнцестояния, именуемого там Ekāstakā (Aṣṭakā) из Anuvāka Тайтирия-самхиты²⁷⁷, атланти-нордическое происхождение которой уже доказал Бал Гангадхар Тилак (см. в «Происхождении Человечества», с. 97):

(3) «Три Девы взошли на путь Риты (Rta = Года, Поворота, Божественного Миропорядка), три теплых светящихся Огня (gharmas), следуют там. Одна (из Дев) защищает потомство, еще одна — силу, а третья — обряды благочестивых.

(4) Тридцать сестер (= тридцатидневный арктический рассвет), несущие одно и то же знамя, движутся прямо в то место, которое указано. Они, мудрые, создают времена Года. Светясь, зная (о своем пути), идут они по кругу (т.е. по краю неба, по линии горизонта), распевая свои песнопения.

(5) Ekâstakâ, пламенеющие священным пылом, рожают Великому Индре одного ребенка. Благодаря ему Боги одерживают свою победу над врагами; благодаря своей силе он становится победителем асуров (= Духов Тьмы)»²⁷⁸.

Имена наших трех северных НORN, стоящих при Корнях $\blacktriangle$ Мирового Ясеня, «Древа-Мерила» (Massbaum) $\otimes$, звучат так: Urd, Verdandi, Skuld²⁷⁹. Они также обнаруживают существенную связь с Мифом о Годовом Движении. Как показал уже Гримм в «Немецкой мифологии» (4-е изд., с. 335), оба первых имени образованы от нашего глагола «werden», «ward», «geworden», соответствующих древненордическим словам verda, vard, urdom. Таким образом, «Urd» — это «ставшее», т.е. то, что стоит в юго-западной точке $\otimes$, в точке захода солнца, в точке Зимнего Солнцестояния. Это — конец старого года, $\uparrow$ átt годового круга, по которому движется Спаситель. Verdandi — это «становящееся»: оно находится в переходной точке старого ($\oplus$) деления Года, на Юге, там, где $\uparrow$ оборачивается в Ψ и где Сын Божий изображается с одной опущенной и одной поднятой рукой, как Кродо. Skuld — participium praeteriti от «skulu», то есть слова, которым описываются недостающие флексии будущего времени. Поэтому оно стоит в точке юго-востока Υ , в месте восхождения солнца к точке Зимнего Солнцестояния, где начинается Ψ átt. Не зная внутренней связи того материала, который им был собран, Гримм тем не менее был в своих выводах совершенно прав: «Итак, это изображение, где три Парки представлены в трех направлениях, соответствует бытию ставшему, становящемуся и тому, которому предстоит становиться, или прошедшему, настоящему и будущему».

То, что здесь речь идет об общегерманской традиции, уже было доказано тем же Гриммом («Немецкая мифология», 4-е изд., с. 336—339). Он также указывал на дополняющее изображение в своем предисловии к более ранней (первой) песни о Хельги Убийце Хундинга (Helgakvida Hundingsbana, I):

1 В давние дни // орлы клекотали,
падали воды // со склонов Химинфьелль;
Хельги тогда, // духом великий,
Боргхильд сын // родился в Бралунде.

2 Ночь была в доме, // норны явились
судьбу предрекать // властителю юному;
судили, что он // будет прославлен,
лучшим из конунгов // прозван будет.

3 Так нить судьбы // пряли усердно,
что содрогались // в Бралунде стены;
нить золотую // свили и к небу —
к палатам луны — // ее привязали.

4 На восток и на запад // концы протянули,
конунга земли // нитью отметили;
к северу бросила // Нери сестра
нить, во владенье // сестер отдав ему²⁸⁰.

Рожденный здесь герой изначальных времен, тех времен, когда «Ур» был «Ар»²⁸¹ («Священная Протописьменность», с. 421), который, подобно Элиасу-Лоэрангрину, освобождает из плена королевскую дочь (зимнесолнцестоянческий миф) и получает от Норн ♀ Великого Годового Круга, ⊗, верхнюю или летнюю часть Года, ту самую, где Спаситель является небесным королем. Вечной нитью на Севере является здесь та, которая закреплена за «Мировой Гвоздь»²⁸² (по-древненордически — veraldarnagli), как Ось Мироздания и Года ⊕ и ⊗ (ср. «Происхождение Человечества», с. 66—67). Эддическая традиция совершенно ясно показывает древнее мифическое ядро предания о Года ⊗: возродивший-

ся из $\blacktriangledown$ (ЮР), воскресший Сын Божий и Спаситель получает теперь рунический знак МАДР, Υ .

В этой связи мы хотим привлечь здесь памятники крито-микенского культурного круга «Дальних Крекаландов», относящихся к периоду 2000—1400 гг. до Р.Х. Здесь мы в состоянии утверждать следующий ход событий: три *жрицы* минойского периода стали в критской народной традиции, спустя тысячелетие, «музами», дочерьми Зевса, так же как и Норны на последней стадии превращались в Валькирий из рода Асов, в дочерей Одина²⁸³.

И подобно тому как эддическая традиция приписывает им написание рун, изобретение искусства письма = науки, так же и позднейшая критская традиция знает, что древнее местное линейное письмо — которое теперь известно нам, благодаря раскопкам Эванса, открывшего минойскую дворцовую культуру Кносса — было изобретено Музами (Диодор Сицилийский, V, 74²⁸⁴). В противоположность совершенно замутненной традиции Севера, в Элладе критяне объясняли еще, что финикийцы «не изобрели шрифт изначально, но лишь изменили его первоначальный облик, а поскольку большинство людей этим алфавитом пользовались, он и получил название финикийского». По этому вопросу, касающемуся принадлежности крито-минойского и микенского линейного письма (например на сосуде из Орхоменоса) к неолитическому проторуническому шрифту Севера, см. «Священную Протописьменность», с. 244 сл. и 502 сл.

В «Священной Протописьменности» (с. 143, 153, 174, 284, 304, 509) я уже писал, предвосхищая мою «Палестина Бух» и мою же книгу «Мать-Земля и ее Жрица», что распространение фамильных склепов и алтарей, посвященных предкам, исходило от северной культуры каменных гробниц и шло через Средиземное море — в Амуру-Палестину, вплоть до Галилеи и Генисаретского моря. Это суть «люди Запада», амуру (амореи), которые через Северную Африку, Аравию Петрею (Arabia Petraea) попали в Сирию и Ханаан и дали им эти названия. Последней, самой недавней из этих миграционных волн с Севера был народ Пуласата. Он принес с собой те самые изначальное дольмены (Ur-Dolmen, по-кельтски — «камень-стол», «высокий камень») П, которые состояли из двух опорных вертикальных камней и одного камня горизонтального, являю-

щегося перекрытием, гробницей всего рода и алтарем предков, каким он изображается также на крито-микенских печатях.

Особенностью крито-микенских дольменов, алтарей предков, являются не только стоящие в них культовые столпы или стелы, но также и предназначенная для культовых целей капитель в форме рога, сделанная из глины. Такие капители еще и сегодня можно видеть в окрестностях Генисаретского моря, в Яулане (Jaulan). Соответствующие материалы и памятники я впервые собрал вместе и сделал доступными всем, желающим на них посмотреть, на выставке, посвященной древнейшей религии, называвшейся «Спаситель» — Der Heilbringer.

Еще и сегодня эти культовые капители в форме рога можно видеть в качестве рисунка на дольменах и походных захоронениях в Морбихане (Morbihan), Бретани (Bretagne) (см. в «Священной Протописьменности», с. 408, рис. 75). То есть в той стране, где почиталась святая Бригитта и обе ее сестры, там, где горел вечный огонь. Еще в древнейший период железного века в гробницах Силезии были погребены подобные глиняные пластинки с изображением капителей в форме рога и нацарапанной руной УР П.

Рогатая капитель — это зимнесолнцестоянческий символ, обозначающий переход Спасителя и Сына Божьего через Дугу, УР П, зимнесолнцестоянческую «змею», через дом-гробницу и материнский дом (см. в «Священной Протописьменности», гл. 13 и 33). Спаситель и Сын Божий является как возрожденный, воскресший, «наделенный рогами» своего зимнесолнцестоянческого (ас-трального) зверя: Лося (оленя), Тельца или Овна. По мере того как меняется эпоха, символизируемая зверем, мы видим, как меняется и сам бестиарный символ²⁸⁵. Из зимнесолнцестоянческого священного знака он превращается в символ новой, божественной силы. Соответственно, он появляется в культуре мертвых, на погребальных изображениях. Второй фигурой ассоциативно-символического ряда здесь является «рогатая» луна после новолуния: также и в мире древненордических обычаев зимнее солнцестояние было связано с новолунием, а «рога» лунного серпа были отождествлены с рогами быка.

Если мы посмотрим теперь на крито-микенские печати, которые были представлены на экспозиции «Passio Domini» («Страсти

Христовы». — *Прим. пер.*) в рамках выставки, посвященной древнейшей религии и называвшейся *Der Heilbringer*, то мы увидим следующее:

Рисунок 132. Три жрицы, средняя из которых держит свои руки опущенными (ᚠ). Правая из них вздымает свои руки к священному культовому дереву (Древу Года и Жизни) перед алтарем-дольменом, тогда как левая в скорби склонила свою голову, положив ее на руки, и, как кажется, спит. (ᚠ: Зимнее солнцестояние, нисхождение Спасителя и Сына Божьего в нижние миры, в «светящийся хохот» — *lagu the leohto*, в материнские воды утробы Матери-Земли.)

Рисунок 133. Три жрицы перед алтарем-дольменом в водах (!), на которых стоит рогатая капитель. Та жрица, которая слева (нижняя) держит свои руки опущенными (= *Urd*); та, которая посередине, одну руку опустила, а другую — подняла (= *Werdandi*), а та, которая справа, стоящая прямо перед дольменом, собирается обе руки поднять вверх (= *Skuld*). Это — Зимнее Солнцестояние.

Рисунок 134. Жрица стоит с поднятыми руками (Υ или Ψ) перед дольменом-алтарем, а за ней произрастает Древо Υ. Перед фамильным склепом парит (висит в воздухе) образ новорожденного, возродившегося Сына Божьего. Кем является этот Сын Божий, в каком смысле Его можно считать воскресшим и т.д. — все это мы узнаем из рис. 135.

На нем мы видим трех жриц, стоящих перед четвертой, которая сидит под культовым Древом и держит в руках коробочки мака (Υ), задевающие за двойной топор, «лабрис», , символ критской Матери-Земли²⁸⁶. Наверху: Солнце и новый диск Луны, окруженные потоком воды (Солнце и Новая Луна в Водах = Юл); слева находится воскресший Сын Божий в — руне ОДАЛА, руне Юла в нордическом календаре.

По поводу этого древнего неолитического ансамбля зимнесолнцестоянческих символов ср. «Священную Протописьменность», табл. 215 и 218.

По поводу лабриса, этой 24-й, последней, или зимнесолнцестоянческой руны долгого рунического ряда (по-англосаксонски — *dæg*, «Тэг», День), которая вместе с 23-й, руной или , образуют календарный знак месяца Юла. См. «Священную Протописьменность», гл. 8 и 24. Также и в крито-микенской символике

«лабрис» появляется в тесной связи с более «молодой» руной ОДАЛА 𐀀, в ее открытом написании (см. «Священную Протописьменность», табл. 256—257).

Следующей особенностью крито-микенского алтаря-дольмена являются две птицы, сидящие на его рогах-навершиях. Они также относятся к символике зимнего солнцестояния и тем самым, по древненордическому воззрению, к символике погребений и культа мертвых.

Рисунок 136. Изображение с великого алтаря, сделанное из позолоченной жести и найденное в 3-й и 4-й микенских шахтах. Здесь мы видим обеих птиц, сидящих на рогатых капителях.

Идя по следам этой традиции назад, «путем на Север» восходя к самым ее истокам, куда относятся три Девы, так же как и рогатые дольмены, мы приходим в Апулию, которая на пути трансмиссии составляла очень показательный этап. Обнаруженные в Апулии погребения относятся еще к середине последнего тысячелетия до Р.Х. и перекликаются с геометрическим стилем, так же как и с дипилонским стилем древнеэллинических погребальных сосудов (изображение одного из которых мы видели выше, на рис. 17), а также с культовой символикой культуры мегалитических гробниц.

Рисунки 137—138 представляют два погребальных культовых сосуда из Апулии (согласно Майеру). Это два надмогильных светильника, подсвечника (?), которые несут на себе рогатые навершия-капители, и, кроме того, содержат изображение жрицы с длинными косами.

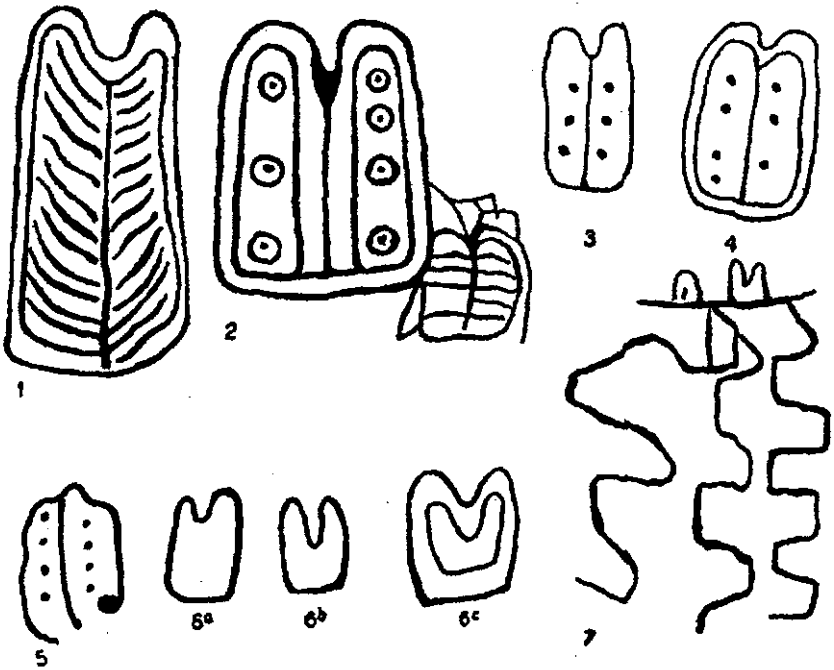
Сосуд с рис. 137 представляет несколько уровней кольцевых изображений, на верхнем из которых мы видим вереницу лебедей, под ними — знак Года ϕ , а в самом низу — лебедя, сидящего на рогатой капители, рядом с которой — Древо Жизни и Года. Сосуд на рис. 138 также представляет изображение рогатой капители наверху и внизу (см. дальнейшие рис. 227—229).

Рог Великого Юла, расположенный наверху рогатой капители, а также Древо Жизни, также относятся к крито-микенской культовой символике (см. в «Священной Протописьменности», табл. 168, № 3). Те же самые мотивы (рогатой капители с Древом Жизни, Змеи со знаком руны η «УР» и т.д.) мы находим начертанными на стенах британских дольменов вместе с Древом Жизни,

Змеей и руническим знаком «УР» (Дольмены из Лизо) — в связи с символом материнской груди и «двух гор» (ср. в «Священной Протописьменности», с. 408, илл. 73).

Привлечем теперь в наше рассмотрение народную символику Юла или Года, бытовавшую еще среди германцев Северного моря XVII—XVIII вв. Например, те изображения, которые Рудбек приводит как символ св. Николы, а также древнеингвеонский символ Года или Юла (ср. рис. 2 под 6 XII.) со знаком ф, головой быка и т.д.

Илл. 1—7: Древо Жизни, вписанное в розатые капители, а также материнские горы (M) из мегалитических захоронений в Морбихане, Британия (ранний каменный век).

Также и во фризских «формочках св. Николы» XVIII в. (рис. 139) представлена «Белая Дама», Берхта-Хольда, едущая на повозке (Nerthus у Тацита) и упершая свои руки в бока в форме Φ — Года. В качестве наверху опять выступают рога, а в центре повозки мы

видим Древо Года, Миров и Жизни. По поводу рунически-насечковых календарей ср. в «Священной Протописьменности», с. 442.

И если мы теперь вернемся назад к праисторическим свидетельствам, то увидим, что в наскальных рисунках Южной Швеции, Бохуслена (Свитлике, Сольдатторп) присутствуют такие же рогатые капители с изображением Солнца («Священная Протописьменность», Табл. 328, № 12), как и в Апулии (рис. 137). И так же как и на Крите, мы находим здесь обеих птиц, сидящих на окончаниях рогов (рис. 140, наскальное изображение в Рикеби). В то время как эти наскальные граффити могут относиться еще к каменному веку, изображение на пластине известного каменного склепа из Кивика (Kivik) (рис. 141 а) принадлежит раннему бронзовому веку (и относится примерно к началу II тысячелетия до Р.Х.). Мы видим 8+1 жрицу перед алтарем с рогатыми капителями. Над ними — языки «Нового Огня», раздуваемого тремя специально на то определенными людьми (см. об этом в «Священной Протописьменности», гл. 16). Внизу — четыре связанные или закованные фигуры перед дугой, руной «УР», как и у (племени) гуанхов на Канарских островах, этих могучих потомков светлых северных кроманьонцев. С помощью этой дуги (tagogog) приводились в исполнение решения кроманьонского суда.

Рисунок 141b. Вторая пластинка каменного склепа из Кивика (Kivik) представляет, в т.ч., корабль мертвецов и оба погребальных топора, лезвиями обращенные друг ко другу. О них речь будет далее.

Еще в XVII в. среди жителей северонидерландских, пра-фризских регионов, мест древней культуры мегалитических гробниц, ходили поверия и предания о том, что некогда «Белая Дама» господствовала надо всеми этими территориями²⁸⁷.

Пастор Иоганн Пикардт (Johan Picardt) в своей книге «Korte beschrijvinge van eenige vergetene en verborgene Antiquiteiten der Provintien en Landen, gelegen tusschen de Noord-Zee, de Yssel, Emse en Lippe» (t'Amsterdam, Anno 1660. S. 46) сообщает о том, как во время подъема в Дренте, в область тамошних огромных курганов: «Под небольшими „горами“ (холмами), которые были упомянуты выше, находятся те, которые некогда пришли в упадок и были раз-

рушены, а до этого отличались тем, что внутри были полыми. И этот, второй тип курганов, был намного более высоким, чем первый. *И в какую бы землю Вы ни пришли, повсюду говорят о том, что раньше эти холмы были обиталищами Белых Дам. Память о некоторых из их деяний, а также обо всем, что с ними связано, у местных старцев настолько свежа, как если бы все происходило совсем еще недавно».*

В тех местах, где находят эти обитатели Белых Дам, местные жители часто рассказывают и объясняют, что «в одной из этих „гор“ (холмов) обитали Белые Дамы, что они часто, невзирая на то, будь то день, будь то ночь, приходили на помощь роженицам и нуждающимся в их помощи женщинам и помогали им, даже когда все уже казалось совсем безвыходным. Также ходят слухи, будто суеверным людям Белые Дамы предсказывали счастье или несчастье, а также, если обнаруживалась кража, указывали похитителя и с точностью говорили, где сокрыты пропавшие драгоценности. *Жители тех мест оказывали Белым Дамам такое почтение, как если бы в них содержалось Божественное Начало».*

Сохранившееся также в народной нидерландской речи название повивальной бабки, *voedvrouw*, «Белая Дама», восходит к отдаленным временам дев-градоправительниц и подтверждает то сообщение, которое мы прочитали у Пикардта.

Пикардт приводит затем рис. (№ 142 в нашей нумерации), на котором изображена жрица, выходящая из насыпного холма, который служит ей своего рода хижинкой. Конечно же, это фантазия и бессмыслица. Однако собранные им материалы, которые он справедливо представляет как рудименты некой единой традиции, являются свидетельством, причем свидетельством крайне ценным.

Исходя из них, можно заключить, что некогда Белая Дама служила при родовом склепе, помогая при погребениях и бракосочетаниях. Ибо фамильный склеп — это и место возрождения, где молятся о воскресении, повторном воплощении Предков²⁸⁸. Внутри провалившегося кургана была обнаружена деревянная комнатка, особый отсек для погребений, как было ясно установлено после раскопок ван Гиффена и Мюллера Браузельса (*von Giffen und Mueller Brauels*).

Что касается встречающегося нам в гробнице Кивика числа жриц (8 или $8 + 1$), то оно имеет отношение к $8 + 1$ точкам, ☉ или ☼, которые означают культовое деление Года, так же как и близкое по значению число 7 или $6 + 1$, указывающее на ☿ или ☿. Число 9 также было засвидетельствовано в Эдде. Согласно *Hyndl. 37—40, Gylfag. 27* и др. местам, Хеймдаль, подобно Богу Агни древнеиндийской традиции (Ригведа), был Белым Богом (*hvíti áss, hvítastr ása*), рожденным от девяти сестер, девяти дев, «на краю земли» (= на Юге), где море и сила земли Его воспитали. То же самое сообщает об Агни, Который был рожден от семи сестер в водах, «в доме силы», и также именуется «Сыном Воды».

Также и памятники Галлии, несмотря на кельтскую традицию, представляют такой же образ, сущностно восходящий ко временам праисторическим.

Рисунок 143. Камень из Пикардийского музея, обнаруженный в южных окрестностях Амьена. На нем мы видим $6 + 1$ жрицу, средняя из которых (матушка народа или почетная матушка) изображена сидящей. В руках они держат сосуд с водой жизни. У третьей слева на шее различима также цепочка.

Рисунок 144 а-б. «Pierre aux Dames» или «Pierre des Demoiselles» (Maidenstein, Камень Дев), найденный в кургане из Troiner-sous-Galive, возле Женевы. а) Общий вид камня; б) четыре жрицы с сосудами живой воды.

Тем самым мы переходим к следующему мотиву, а именно к мотиву сосуда с живой водой. Также и в нашей сказке, обнаруживающей куда более древний религиозно-исторический источник, чем Эдда, сохранилось повествование о трех белых и мудрых женщинах, помощницах в беде, на море и т.д., а также о водном крещении, которое они совершали с новорожденным ребенком. Водное крещение — это древнейшее индогерманское культовое действие. Как я покажу далее в моей книге «Мать-Земля и ее жрица» на материале священных источников, культовый инициатический напиток и фигурные хлебцы подавались жрицами как причастие во время двух величайших праздников Года — Юла или Зимнего Солнцестояния, как *Missa solemnis*, и Летнего Солнцестояния, когда он именовался *Missa brevis*. Позднее, в эпоху разложения и деградации (как самой древней традиции, так и ее носительниц), то же

самое делали уже не жрицы, а домохозяйки²⁸⁹. К погребальным, сопроводительным дарам великой эпохи гробниц относится и ампула, сосуд с живой водой.

Ибо это была великая космическая мистерия, когда Спаситель и Сын Божий, Человек, в Юл Своего Года и Жизни снова входит в материнские воды материнской утробы и возрождается оттуда²⁹⁰.

Галло-римские памятники также доносят до нас отзвуки этого древнего культового ритуала в виде кульново-символического предания, и несмотря на кельтские, восточно-патриархальные наслоения, привнесенные друидами. В качестве примеров здесь следует еще привести:

Рисунок 145. Надгробие со специальной выемкой в форме руны «УР» (U): Мудрая Женщина (*die weisse Frau*) с широкой цепочкой на шею. В левой ее руке — инициатический бокал²⁹¹, а в правой — хлеб. (Музей города Метц, *Espérandieu* № 4864). Внизу по краю идет надпись: «D(iis) M(anibus) monimentum Ariolae». С левой стороны мы видим *ascia*, «Топор», символ раскола Года и Гробницы, который можно видеть также на многочисленных крышках британских дольменов. Ибо гробница должна была *sub ascia dedicate*, т.е. «быть освященной под топором», как гласила уже в галло-римский период никому не понятная древняя формула, которая вплоть до сегодняшнего дня остается непонятной для филологов-классиков, вследствие их незнакомства с историей нордической культовой символики. По поводу этого мотива см. «Священную Протописьменность», табл. 21 и 328—329, 332, относящиеся к разделу 31.

Рисунок 146. Надгробие, музей города Эпинал (*Epinal*), *Espérandieu* 4863. Невнятное изображение Белой Дамы с чашей воды живой в левой и хлебом — в правой руке. С правой стороны камня — *ascia*, Топор, раскалывающий Год и Гробницу.

Рисунок 147. Обломок надмогильной стелы из *Til-Chvtel*, *Mus. Duop*, (*Espérandieu* № 3604). Жрица с опущенными руками (ср. рис. 132), слева и справа от нее — шестилепестковые колеса Вральды, а внизу — надпись: «D(iis) M(anibus) Vimpur(i) lla». Под этим — Топор (*ascia*) и отверстие для жертвоприношения воды живой (*Libation?*).

То, что *Matres* имели при себе Топор, либо что Топор относился к числу их символов, подтверждается также благодаря находке

двух бронзовых топоров с надписями «*Matribus*», «*Matronis*» на руинах римского храма в Альмендингене, т.е. в Верхней Германии, вместе с четырьмя другими топорами, посвященными Юпитеру, Меркурию, Нептуну и Минерве (CIL XIII, 5158). Римское отождествление Богов привело к следующим идентификациям: Юпитер = Вральда-Всеотец; Меркурий = Один, Вотан, Водин, календарное имя для Всеотца в месяц ОД, Я = месяц Юла, когда Его Дыхание становится сопровождением для душ, как посох с кадуцеем, У, является сопровождением для Меркурия²⁹². Нептун = Бог в Водах, с «Трезубцем» Л, Ипостась Сына Божьего в месяц Юл.

Памятники Галлии, относящиеся к раннему каменному и бронзовому веку, также и к докельтскому периоду, подтверждают далее связь этих сюжетов с культурой периода мегалитических гробниц.

Рисунок 148. Передняя комната, расположенная при входе в грот-склеп, называемая «*du Courjeonnet*», Dep. de la Marne. Слева — барельеф, образ Белой Дамы, изображенной в сильном стилистическом упрощении: мы видим лишь один нос и цепочку на шее с крупным драгоценным камнем или золотым кулоном посередине. Внизу — каменный Топор.

Рисунок 149. Аналогичное изображение Белой Дамы (Матери-Земли) в погребальном гроте из Разе в Куазар, Марн (*Razet bei Coizard, Marne*). Это изображение также относится к раннему каменному веку, медно-каменному веку, раннему веку бронзы. На этом изображении мы видим один лишь только нос и колпак, да еще груди и ожерелье с выкрашенным желтой краской кулоном. Глаза намечены точками. Рельеф находится слева от входа в погребальный грот. Слева и справа от ведущей в склеп двери мы видим два Топора, обращенные к двери своими лезвиями. То же самое — и в самой комнате (ср. ящик с погребальными камнями из Кивика, Шонен, рис. 141 b).

Рисунок 150. Каменная надмогильная стела из Коллоргуэса, департамент Гард, ранний каменный век. Гробница, сделанная из сухой каменной кладки, находящаяся внутри холма, насыпанного на нее сверху. Попасть внутрь можно только на корточках, т.к. вход очень невысок, около 65 см. Свод составляет большая плита, надвигавшаяся сверху. На этой плите лежала другая каменная плита, а на ней стояла скульптурная композиция. И все это было

сверху засыпано землей, так что имело вид обычного кургана. Внутренняя камера содержит захороненные скелеты, а также четыре красивых огнива, выполненных из кремня.

Постройка выполнена очень грубо: находящиеся в руках (или предлагаемые) груди (см. в «Священной Протописьменности», гл. 25, Мать-Земля, Всекормилица), располагаются прямо под лицом, в круге цепочки, надетой на шею. Под руками изображен культовый Топор. Голова — острая, вероятно, предполагается, что она увенчивается колпаком.

В вышеупомянутом разделе «Священной Протописьменности» я уже разбирал связь между Белой Дамой и Матерью-Землей. Речь идет о мотиве Всекормилицы, (*alma mater*), которая в «Хронике Ура Линда» именуется Ир்தхой, *alfêdstre*²⁹³.

Рисунок 151. Небольшая бронзовая фигура, найденная в Фангеле, округ Одензе, Дания. Она относится к периоду раннего бронзового века, к началу последнего тысячелетия до Р.Х., и представляет такое же культовое действо с участием «*alfêdstre*», опять же, с цепочкой на шее, как и *alfêdstre* раннего каменного века.

Рисунок 152. Янтарный кулон из Шварцорта, Курийская отмель (*Kurische Nehrung*), Восточная Пруссия (ранний каменный век). Здесь мы видим такое же, только более геометрически-стилизованное изображение: руки и цепочка на шее только намечены пунктиром.

Это — один из тех неолитических янтарных кулонов IV в. до Р.Х., которые сохранили нам одно из древнейших свидетельств о традиции изготовления камней «народных матушек», процветавшей некогда в Галлии и в нижнем течении Рейна. Эти камни ясно повествуют о том, что «Белые Дамы» дарят жизнь (♁ или ♀) детям рода чаловеческого.

Рисунок 153 представляет на своей лицевой стороне (1 а) то же самое стилизованное линейное изображение белой Дамы — Ир்தхи, подобное тому, что на рис. 152. Обратная сторона (1 б) содержит прорись руны ОДАЛА, ♁, руны «Жизни Божией». Другой кулон представляет на передней своей стороне (2 а) знак Х, а на задней стороне (2 б) — руны «Человек», У. Руна Х в англосаксонском руническом ряду сохранилась с произношением [g] (*gear*, “Jahr”, год). В северных брактеатах эпохи переселения народов она встре-

чается как сокращенный вариант от «gibu», Gabe (дар, подарок), особенно — в формуле $\uparrow$ X ti gibu — «Дар Божий».

Знак X, «Год-Дар» Белой Дамы, — это $\mathfrak{X}$, odil, odal, руна «Жизни Божией», Υ , «Человек» из священной Земли Божией, odal, Божьего лена (с. 171, ср. рис. 74).

Через долгие тысячелетия нордическая женщина и домохозяйка сохранила нам в своем форменном хлебце Великого Юла этот потрясающий по своей глубине символ, передающий уверенность в спасении, идущую из глубины времен, от наших далеких предков.

Рисунок 154. «Julbröd» из Вестра Торфас (Västra Torfes), Швеция.

а) «Here» или «Gosse» (мальчишка) в образе $\mathfrak{X}$;

б) «Jungfru», Дева в образе $\mathfrak{X}$, с наложенным знаком $\blacktriangle$ или $\blacktriangledown$: Белая Дева, которая приносит МАДР — Υ .

Поэтому Белая Дама, как и Иртха — Alfēdstre, несет руны МАДР (три палочки, три сучка, три пера, и т.д.) как особый сакральный символ (ср. в «Священной Протописьменности», табл. 274—275), на что уже указывалось в комментарии к рис. 22, где изображена форма для отливки из Ситии, (Крит), относящаяся к микенской эпохе. Там мы видим Мать-Землю или жрицу, руки которой подняты в форме Υ или Υ , а на голове у которой — знак Υ (руна МАДР, «гусиная лапка»).

Насколько древней является эта традиция, насколько она относится к традиции североатлантической — становится понятным из тех образов Матери-Земли, которые хранятся в Этнографическом музее Мехико («Священная Протописьменность», табл. 274, № 1): на них изображена Tonan или Tonanzin, «наша матушка», Teteo innan или Toci — «наша бабушка, предок», Namatecutli — «старая госпожа, старая Богиня», подобно тому, как изображается Иртха-Alfēdstre — в виде «alma mater»: руки ее находятся под предлагаемыми грудями, источниками воды живой. На шее висит цепочка, три сучка в форме руны МАДР Υ — на чепце. По краям чепца, а также внизу идет полоска из шести соляных кругов (!).

И если мы посмотрим теперь на другую сторону Атлантического океана, туда, где в 2193 г., по сообщению «Хроники Ура Лин-

да», затонула тогдашняя Атлантида, называемая «Альтланд» или «Атланд», то мы увидим очень сходную традицию Пиренейского полуострова и Северо-Западной Африки. Это — та самая область, в которой, согласно Диодору (III, 56—61), водворились жители Атлантиды: «атланты, а именно, те, которые населяли плодородные земли вдоль берега Океана, отличались от своих соседей крайней набожностью по отношению к Богам и дружелюбием по отношению к чужестранцам». Некоторые утверждали даже, что среди атлантов рождаются Боги (т.е. возникают религии). И с тем, что о них рассказывают, вполне совпадает речение эллинского поэта, где о Богине Гере говорится:

Ибо я иду посмотреть на границы нашей земли,

А также на Океан, наш исток, и на Тетис, нашу Матушку.

Это — те самые Атланты, которым принадлежало «господство над большей частью населенной земли, одновременно над пространствами Севера и Запада». Об их баснословном первоцаре Уране сообщается: «Он тщательно наблюдал за звездами и предсказал многое из того, что видел уже происходящим на небе. Так, он научил свой народ наблюдать за Годом, соизмеряя его с движением Солнца, и вычислять месяцы по движению Луны, и определять времена Года».

Эти атланты принесли тамошним народам культуру и обычаи, и поэтому царь их Уран был из великого к нему почтения причислен к сонму небожителей, обожествлен и провозглашен «на все времена Царем Вселенной».

Эта же самая светлая северная раса, несущая (мегалитическую) культуру великих каменных гробниц, распространила свое влияние и на Пиринейском полуострове, в Северной Африке, где она отождествилась с ливийцами, в Верхнем Египте додинастического периода, среди народа амуру, проживающего в Ханаане (см. 4-й раздел «Происхождения Человечества»), и т.д.

Обратимся теперь к рассмотрению культового, культово-символического предания ханаанского региона, тех мест, где находился древний Тартессос. От народа амуру до нас дошли, в частности, следующие изображения:

Рисунок 155. Иберийская монета из Ласкут (Дискулу, Ласкула²): мотив трех ступней Матери-Земли, а сверху — три колоса в

форме гусиной лапки, МАДРҮ, которая нередко встречается также на древних гербах Великой Фрисландии.

Рисунок 156. То же самое: но сверх того надпись Irthu (!), Ир-тха, Мать-Земля «Хроники Ура Линда».

Рисунок 157. Нумидийская монета из Икосиума, Северная Африка.

а) Реверс: Мать-Земля как Изида;

б) Аверс: три колоса Ү (по этому вопросу см.: «Священная Протописьменность», гл. 25).

Здесь нужно также упомянуть камень матрон из Заксенхаузена (Музей города Штутгарт), на котором были изображены три матроны, средняя из которых (с чепцом) сидит, а две другие (без чепца) — стоят. Правая матрона держит в правой руке колосья Ү.

Рисунок 158. Культовое изображение Афины Паллады²⁹⁴, так называемый «Палладион» из Трои, Athene Tritogeneia, «трижды» рожденная, со знаком Ү на голове, Богиня Мудрости, Бригитта-Минерва, всегда имеющая при себе щит и копье. Богиня обвита змеей, которая в качестве культового символа появляется также и на изображениях крито-микенских жриц, как и на наших галльско-германских культовых стелах Белых Дам, «Matres» или «Matronae» (ср. также «Священную Протописьменность», табл. 277).

Такой же «палладион» должен был стоять и в римском святилище весталок.

Касательно мифа Великого Юла, рождения Афины, Богини Мудрости, из расколовшейся головы Небесного Бога (Ү из ф) ср. «Священную Протописьменность», с. 97—98 и табл. 266, № 3.

Согласно преданию, Афина Паллада должна быть Богиней ливийского, североафриканского происхождения. Здесь мы находимся в области античного сказания об *амазонках*: согласно ему, в древнейшие времена народы, управлявшиеся женщинами, распространяли свою власть вплоть до Элады. В предании об амазонках мы имеем дело с искаженным воспоминанием о реальных нордических «Белых Дамах»²⁹⁵, которых северный народ гуанхов (Guanchen), проживающий на Канарских островах, называл *hari maguada*, «Воинственные Девы», и у которого эти девы, согласно установленной традиции, крестили в воде новорожденных младенцев и давали им имена.

Для ливийско-нумидийской области это характерно в той же степени, как и для Галлии: во время позднейшего, относительно краткого пунического вмешательства в жизнь Северного побережья древняя высокая культовая традиция культуры мегалитов там не прерывается и не пропадает. Также и последующее римское, будь то дохристианское, будь то христианское, культурное вторжение не смогло этой древней традиции ни затушить, ни поглотить. Пунические и пунически-римские гробницы по-прежнему передают нам образ Матери-Земли, Tanit, — имя которой в берберском языке означает также «Источник», «Родник», — в виде Богини, поднявшей руки в форме руны МАДР(Υ).

Рисунок 159. Надгробная стела из Тубернука: Мать-Земля Tanit с руками, воздетыми в положении руны МАДР(Υ), а под ней — руна ОДААА, 8 со знаком Года ⊕ на его концах и небольшими символами Древа Жизни.

Рисунок 160. Надгробная стела из Сиди Мекид: Мать-Земля Tanit с руками, воздетыми в положении руны МАДР(Υ) под руной «УР», ⊕, в которую вписан солярный знак. А внизу — более недавняя руна ОДААА, 8. Справа от нее — кадуцей, т.е. палка с Υ или Ʒ. Слева — «десница Божия» — пять дней Юла, эпогомены (ср. «Священную Протописьменность», с. 544).

Здесь — та же самая единая традиция: Мать-Земля, в водах, приносит как Υ Жизнь Божию, 8 или Ʒ, в месяц Одина или Меркурия, т.е. в месяц Юл.

Также красивый культовый памятник, найденный в некрополе Бордж-Джедид (Bordj-Djedid), представляет собой коробку в деревянном окладе (рис. 161). На ее крышке изображена Мать-Земля Tanit с таким же положением рук, как и на предыдущих рисунках. На ее утробе мы видим 16-лепестковое колесо Года, 16 halfeyakt древненордического ☼ dags- или eyktamark- деления Года, а под ней — «Сердце Матери-Земли» и далее — три колеса. Окаймляющий изображение орнамент образован из букв S в перекрестной, меандрической композиции.

Таким же образом и Сердце Матери-Земли, и ☼ представлены на древнешведских глиняных светильниках, некогда называвшихся «священной лампой» (ср. рис. 221).

Надмогильную стелу, найденную в Карфагене (Музей *Lavigerie de Saint Louis*), рис. 162, украшает та же самая Мать-Земля или ее жрица, Белая Дама, опять же с сосудом воды живой и благословляюще поднятой рукой, как у *Matres* или *Matronae*. Особенно это последнее изображение примыкает к так называемым «иберийским» культовым памятникам Пиренейского полуострова и к тем мегалитическим гробницам, которые там сохранились.

Особенным этапом в передаче традиции оказываются здесь статуи из известняка, которые были найдены на верху холма, расположенного на пути из Веклы (*Vecla*) в Монтеалегре (*Montealegre*), Албасете (*Albacete*), провинция Мурсия (*Murcia*). Некогда там находилось святилище под открытым небом (*Freilichtheiligtum*). Как предполагает Картейяк (*Cartailhac*), «*Cerro de los Santos*»²⁹⁶ — это место древнего центра Альтхайя (*Althaia*), столицы Баэтики (*Baetica*), завоеванной и разрушенной Ганнибалом в 220 г. Мы находимся в области распространения древней тартессийской культуры, которая, согласно античному преданию, простиралась вплоть до раннего каменного века и даже еще далее в глубь истории. Благодаря этим статуям народная молва и прославила холм столь подходящим для него названием — *Cerro de los Santos*, «Холм Святых». А из тех ценных находок, которые в данный момент хранятся в музее Мадрида, здесь следует упомянуть следующие:

Рисунок 163. Жрица в длинном облачении с капюшоном, держащая в левой руке чашу с живой водой, а правую руку — в поднятом положении²⁹⁷. На шее у жрицы одета длинная цепочка с кулоном (Мадрид, № 3505).

Рисунок 164. Жрица в длинном облачении с капюшоном. На шее ее — цепочка, а в руках — сосуд с живой водой.

Рисунок 165. Жрица, на голове которой высокий, подобный митре, колпак, а в руках — чаша. Над чашей мы видим двух змей Года и увесистую нашейную цепочку (Мадрид, № 3507). Что касается надписи, то это — подделка современного «специалиста».

В случае Дам, изображенных на всех трех статуях, можно с уверенностью сказать, что их нордический расовый тип — вне всякого сомнения. Для прояснения североатлантического, космического основания этой культовой символики особенным значением обладают следующие статуи:

Рисунок 166 (Мадрид, № 3501). Жрица в длинном облачении с капюшоном, держащая в левой руке пылающую чашу. Над чашей — «Drutenfuss», пентаграмма, висящая на цепочке. Слева — серп но-волуния, справа — сияющее Солнце. В орнаменте ее одежды мы видим зимнесолнцестоянческую змею, Солнце и побег риса Y.

По вопросу представленной здесь древнейшей сакральной символики, Змеи и Солнца, присутствующих также и в наскальных рисунках раннего каменного века, в зимнесолнцестоянческих пещерах для инициаций, расположенных в Испании, ср. «Священную Протописьменность», гл. 13, в особенности табл. 114—115.

По вопросу «Drutenfuss»²⁹⁸, иначе говоря — пентаграммы, на средневерхненемецком — *trutenfuoz*, также имеющей атлантико-нордическое происхождение, ср. «Священную Протописьменность», гл. 6. Древненордический корень *rgud-* (в составе разных слов) означает «силу», «мощь», «власть». Ему синонимично и от него происходит англосаксонское понятие *rgud*. *Trudheim* — «Дом Силы», — это зимнесолнцестоянческий Дом Божий, «святая земля, примыкающая к землям асов и альвов», где проводит свое время Тор, Всеотец и Сын Земли. *Trudheim* — это «Дом на Водах», где возрождается Агни, Спаситель и Сын Божий ведической традиции. *Thrudr* именуется также *Ran*, Материнское Море, Богиня Моря и Богиня Смерти. Также и *thrudr* (*rgudr*) было обозначением «божественного существа, Девы, валькирии», то есть девы-градоправительницы, ставшей в восточную эпоху Эдды существом баснословным. Ее имя, *Thrude*, с христианизацией превратилось в позднее средневерхненемецкое «*trute*», с презрительным значением «ведьма», «волшебница», «чудовище».

Рисунок 167 (Мадрид, № 3502). Жрица в длинном облачении с капюшоном и цепочкой на шее, подобная той, что на предыдущем изображении. На груди ее — Солнце и Луна (?), а в руках — пылающая чаша, которой предстоит барашек. Под ним, на облачении жрицы, находится зимнесолнцестоянческий Дракон, «Червь» (ср. «Священную Протописьменность», гл. 8 и 13).

Рисунок 168 (Мадрид, № 3502). Жрица в длинном облачении с острым капюшоном и цепочкой на шее, на которой висит барашек над чашей, которую жрица держит в руках.

Рисунок 169 Жрица в длинном облачении с капюшоном. На груди ее изображена голова быка (Тельца), как астрального символа, а в руках ее находится чаша (?).

По вопросу североатлантической зимнесолнцестоянческой египетической символики эпохи Тельца и Овна ср. мое исследование в «Происхождении Человечества», которое я сильно расширил в «Священной Протописьменности», где приведен обширный религиозный материал и собрано большое количество памятников.

Рисунок 170 (Мадрид, № 3508). Жрица в длинном облачении и с цепочкой на шее. В правой руке она держит сосуд живой воды, а в левой — завернутый в полотенце хлеб (?) с нацарапанной на нем руной ХАГЕЛЬ ✱.

Здесь перед нами причастие в его полной форме — чаша и хлеб как *corp domini*.

Такое же изображение сохранилось и в Сардинии. Оно осталось от культуры тех северных башен эпохи каменного века, которые стоят в непосредственной связи с замками, где жили народные матушки и девы-градоправительницы «Хроники Ура Линда».

Рисунки 171—172. Фигурки из свинца, найденные на территории Сардинии (бронзовый век). Жрица, протягивающая хлеб и чарку, держит правую руку поднятой в благословляющем жесте. Хлеб на рис. 171 содержит фигурную прорись, ☉ — «Юл» Вральды. В чарке (рис. 172) содержатся плоды (?).

В этой связи необходимо указать на тот факт, что восходящие к примерно одному периоду идола Сардинии, свинцовые фигурки бронзового века, также подтверждают свою связь со страной Полсата-гиперборейцев, с нордической Родиной Бога Света с Лебедем.

Рисунок 172а. Бог в шапке, которая имеет форму лебедя²⁹⁹. Правая рука Бога поднята в благословляющем приветствии.

Рисунок 172б. Такой же Бог в шапке, которая имеет форму лебедя. В руке него трезубец — У, руна «Человек».

Рисунок 172с. Бог с сопровождающим Его лебедем, который сидит на Его голове. Руки Бога (и крылья лебедя) подняты в форме У, руна «Человек». У Бога три лица, причем второе и третье находятся на Его теле и на Его утробе. Это три лица суть символы трех ættir Годового Пути Божьего. Бог подпоясан руной «Человек»,

указывающей на время Его страдания в третий att, когда Он стал «Человеком», подверженным смерти. Поэтому сквозь *нижнее* из трех лиц проходит известное нам из нордической культовой символики копьё, руна ↑, соответствующая третьему att. Эта руна называется ТИУ, и означает она «Копьё» (Spreeg, по-латински — rupa) Зимнего Солнцестояния.

Как и жрицы с Cerro de los Santos, с «Холма Святых», сардинская жрица облачена в плащ, концы которого закреплены над головой, подобно suffibulum весталок или высокому колпаку.

Вероятно, мы имеем здесь дело с древнейшим культовым облачением, *белой накидкой с капюшоном*³⁰⁰, которую, согласно африканской традиции, носили также bantuath, «народные матушки», которые в африканской традиции играют ту же самую роль, что и «Белые Дамы» культуры каменных гробниц, hvíta quina нордического предания, «dame blanche» и т.д.

С особенной ясностью это одеяние обнаруживается на изображениях жрицы с Cerro de los Santos, с «Холма Святых» (рис. 173. Мадрид, № 7622). На жрице одета накидка с острым капюшоном, которая на груди образует три складки. Ср. с рис. 174, где мы видим статуэтку жрицы, сделанную из иберийской бронзы и найденную в Линаресе (Linages, Jaën): на жрице опять накидка с капюшоном, на шее — цепочка, а руки ее опущены в форме руны ТИУ (ср. рис. 132). Ср. также аналогичную бронзовую фигурку из Despetarregros (Jaën) (рис. 175).

То, что здесь мы имеем дело с древнейшим культовым облачением, облачением эпохи раннего каменного века, подтверждают французские надгробные стелы (ср. рис. 149—150). Надгробная стела из Сан-Сернин в Авейроне (рис. 176) содержит такое же каменное изображение, указующее на традиционную накидку с капюшоном, складки которой вполне различимы на обеих сторонах нашей фигуры. Под капюшоном имеется, по-видимому, шесть складок, означающих ожерелье (ср. рис. 173). Грудь оставлена открытой. Пояс, концы которого свисают спереди, перехватывает накидку, оборачивая ее вокруг тела.

С этим следует сравнить рис. 177, где изображена глиняная фигурка, представляющая критскую жрицу. Она была найдена в Петсофе (Petsofa) и хранится в музее города Кандия (Kandía). На

жрице — острый капюшон и облачение типа мантии, оставляющее открытой грудь, подпоясанное кушаком со свисающими вперед концами.

Вообще, открытая грудь является особенностью культового одеяния крито-микенской жрицы, «Иртхи-Alfkdstre», Все-Кормилицы.

Насколько тесно здесь оказываются связанными между собой «Дальние Крекаланды» с западной страной матерей, с гиперборейским островом Полсата-Форситес, показывают критские погребальные и культовые сосуды. Древнекипрский рунический шрифт, подобно крито-микенскому линейному письму и шрифту Иберийского полуострова, тесно связан с изначально-нордическим руническим шрифтом. Носительницами всех этих языков была «Мудрая» и «Белая Дама» («weise» und «weisse Frau»).

Рисунок 178. Культовый сосуд с Кипра из некрополя в Марион-Арсиное (VI в.): жрица в остроконечном плаще, держащая перед собой голову быка³⁰¹ (ср. рис. 169).

Рисунок 179. То же самое (V в.): Жрица в остроконечном плаще, держащая в поднятой левой руке некоторый плод (хлеб?); правая рука отсутствует.

Рисунок 180. То же самое (Некрополь II, № 214). Часть верхней стенки сосуда, в развернутом виде. Вверху, на горлышке, мы видим жрицу с чаркой некоего напитка. Вокруг этого горлышка, по краям сосуда, шагают 6 лебедей (!) = ::. Особенно стоит здесь отметить два белых и два черных дерева, а также символ * (утративший уже к тому времени понимание). Похожий сосуд из Некрополя II, № 118 таким же образом показывает нам жрицу со священной чаркой, шесть лебедей в круге, а также два темных и одно светлое дерево. На погребальном сосуде II, № 84 мы видим черное дерево с 6-ю ветвями и руной МАДР У в качестве кроны. Слева и справа от Древа — *; шесть лебедей шагают в круге, а между ними — соответствующая руна МАДР У. И повсюду — Страна Полсата-Форситес, повсюду Гиперборея³⁰²

Здесь стоит лишь упомянуть о глубочайшей древности этого культового облачения, берущего свое начало в культуре Ультима Теле.

Рисунок 181. «Каменная баба³⁰³», деревянная стела Матери-Земли, позднее христианизированная и ставшая стелой Божией

Матери, например в Кутейниковских курганах эпохи железного века, находящихся в Екатеринославской губернии.

Цепочка на шее и открытая грудь все еще являются вполне различимыми.

Рисунок 182. «Каменная матушка», «баба», из Сагайска, Ас-кюс (алтайско-уральский регион, железный век): островерхая накидка с открытой грудью.

Рисунок 183. «Баба-стела» (Baba-Stele) из Перми (железный век): на матушке одета коническая накидка, в руках же она несет ребенка, прижатого к ее утробе.

Рисунок 184. «Баба-стела» из Бийска, Чариш, с голой грудью и сосудом живой воды в руках.

То, что народы «Финды» имели отношение к учению Вральды и к его носительницам и защитницам, нордическим народным матушкам, доказывает не только «финско»-лапландское «*Waralden Olmau*», но также и памятники «Матери-Земли», и «Белые Дамы» в конических накидках с сосудами живой воды — подательницы жизни.

Насколько сильна была изначально древняя религия в Галлии, несмотря на господство кельтских друидов, доказывают находки на руинах одного галльского храма в Каневедо на Эсте (Canevedo bei Este), провинция Падова (рис. 185 a-b). Эти находки дают нам изображения «Матушек» в конических накидках с сосудами живой воды. Матушки протягивают (наполненные) чаши.

Также мы находим в Галлии изображения жриц, «Белых Дам», «Матушек», в руках которых — сосуд с живой водой и фрукты, так же, как и у жрицы с Кипра: рис. 186, стела, найденная в Col de Ceysat, Puy-de-Dôme.

Или же она держит в руке, как и более чем три тысячелетия назад (рис. 148 и 150), каменный молоток (= Топор): рис. 187. Стела, найденная в Nolay, Côte d'Or (Mus. de St. Germain, Nr. 20687).

А кроме сосуда с живой водой она на галло-римских стелах держит также культовые хлебцы, в точности соответствующие шведским хлебцам Великого Юла, так же как и они, выполненные в форме Колеса или Колеса Поворота (*Wenderad*). В римском исполнении матушки изображаются также несущими Рог Изобилия.

Рисунки 188—189 представляют две потерянные стелы из Шалона (Espérandieu Nr. 2146, 2142).

В этой связи следует вспомнить вот еще о чем: галло-римские памятники, изображающие Небесного Бога с сосудом живой воды (olla), Колесом или , а также Крестом — + или , каменным молотом, присущим Богу-Громовику.

Рисунок 190. Небесный Бог с Колесом Года, Клином Громовика и Пускателя Молний и девятью (= 8 + 1) знаками (ср. рис. 161) на кольце. Бронзовая фигура, найденная в Châtelet, что возле Saint Dezier. Mus. de St. Germain-en-Laye, Париж.

Рисунок 191. Небесный Бог с Колесом Года, найденный в Landouzy-la-Ville (Aisne).

Надпись на нем гласит: I OM ET T. AUG = I(ovi) o(ptimo) m(aximo) et n(umini) Aug(usti). Mus. de St. Germain-en-Laye, Париж.

Рисунки 192—193 представляют Того же самого Бога, со знаком Креста на одеянии и протянутым сосудом живой воды (olla) в руке (Mus. de St. Germain-en-Laye, Париж).

Рисунок 194. Тот же самый Небесный Бог. В левой его руке находится молот на очень длинной ручке. Статуэтка была найдена в Премо (Côte d'Or). На одеянии Бога — множество Крестов + или , а на груди — руны † †; и Ъ, а также, слева и справа на кушаке — открытая руна .

Аналогичная статуя, найденная в Виенне (Isère). На ней изображен Геркулес, за головой которого находится верхняя часть восьмилучевого колеса.

Рисунок 194 а (слева). Бог с Колесом в правой руке, которое лежит на Его плече.

Рисунок 194 а (справа). Тот же самый Бог, а рядом с Ним — юный Бог, поднявший руки в положении . Обе статуэтки были найдены в Департаменте de l'Allier.

Рисунок 194 б. Одна из сторон алтарной стелы, найденная возле Tholey, округ Оттвайлер (Ottweiler), Трир (Trier). Бог с Колесом в правой руке, держащий в левой руке предмет, который не сохранился. В Его ногах — сопровождающая птица. На трех других сторонах этой алтарной стелы — изображения Гигиен, Минервы и Геркулеса.

Рисунок 194 с. Изображение Иксиона в колесе, выполненное по рисунку в Codex Pighianus, символ с саркофага. В совершенно потемневшей и замутненной римской традиции этот Бог связывается с огненным колесом, в котором Он передвигается на небе и в нижнем (подземном) мире³⁰⁴. Бог, имя Которого — Ixion, этимологически связан с нашим германским словом «Achse». На изображениях Он появляется в положениях ↑ и +, внутри колеса, символика которого представляет собой сочетание знаков ⊕ и Υ.

То что это шести- или восьмилучевое колесо является символом Высшего Божества, Бога Миров и Неба, и одновременно Колеса Юла и Матери-Земли, из чрева Которой в момент Великого Юла (Julzeit), в Период Поворота (Wende) возрождается Спаситель и Сын Божий, доказывают галло-римские алтари, посвященные «Iovi optimo maximo et Terrae Matri».

Рисунок 195. Стела, найденная в лесу Saint-Quirin, Meurthe (Mus. Zabern): Колесо Года ☼ (по-древненордически именуемого dagsmark, euktamark) и его подразделение на 16 halfeykt.

Рисунок 196. Алтарь (Mus. Nimes): Колесо ☼, а под ним — знак Древа Миров и Года ✱.

Рисунок 197. Фрагмент алтаря, найденный возле Лаусаргнеса (Mus. Saint-Eloi, Montpellier): Колесо ☼ между двумя ✱, превратившимися позднее в «знаки молнии», «перуны» Небесного Бога. Стертая и сохранившаяся фрагментарно надпись гласит: «I(ovi) o(ptimo) m(aximo)».

Общим выводом из этого множества памятников является то, что кельтская культовая иерархия друидов и соответствующая символика подпитывалась тем наследием праистории, культуры эпохи мегалитов, которое продолжало свое существование вплоть до кельтского периода. Культовый порядок «народных матушек» и их дев-градоправительниц, «Белых Дам», был вытеснен друидами, этой восточной институцией, ориентированной на отцовское право³⁰⁵, а ясная, высокая народная религия была переосмыслена в духе оккультных суеверий. Судя по состоянию памятников и единому свидетельству писателей Античности, о создании кельтами собственных ценностей не может быть и речи.

Все до сих пор открытые и описанные нами детали памятников древнейшей истории мы находим также и в германской, не-

мецкой народной традиции, в богатой сокровищнице наших сказок и преданий, которая была спасена от уничтожения благодаря лучшей части нашей народной жизни: благодаря Раю Детей и Матерей. Это — намного более богатый, древний и достоверный источник древненордической религии, чем теология скальдов эпохи Эдды.

И здесь необходимо принципиально заявить одну вещь: в наших сказках нигде не говорится о жрецах Вотана или капищах эпохи викингов. Зато мы имеем здесь ясное свидетельство о «Белой» и «Мудрой Даме», «Помощнице в беде» и провидице, как подлинное свидетельство о том, что же в действительности представляла собой древнегерманская религия. А все остальное, привнесенное в эпоху упадка и деградации, было в нашей народной традиции снова искоренено, как будто его никогда и не было.

«Белая Дама», «Сияющая», Берхта, Перхта, Берта, Берхе и т.д., германская «Бригитта», имеет еще в качестве атрибута Топор, и в отдельных частях Каринтии зовется «Берхта-Баба», например, в выражении «идти к Бабе» (*in die Baba geben*), т.е. «идти спать». Все это напрямую связано с древнейшим зимнесолнцестоянческим мифом.

По поводу «бабы» (Baba), а по-немецки — «Вавилон» (Babylone), и т.д., см. нашу «Священную Протописьменность», гл. 8, с. 220 сл.³⁰⁶.

Она, Берхта-Хольда, Фрау Харке и т.д., в период Священного Юла приносит Перемену, Жизнь и Смерть, приносит новорожденного Младенца. В таком облике Она появляется на наших немецких форменных хлебцах «Рождественской Ночи», по-англосаксонски называемой *modranecht*, «Ночь Матерей» (ср. рис. 139).

Рисунок 199 а-в. Деревянная формочка для выпечки годового пирога (пирога св. Николы, Рождественского пирога): Берхта-Хольда, с грудным ребенком на руках. На голове ее — три палочки, три сучка, слагающие знак «Человека», У (Mus. Nordhaufen).

Рисунок 200. Формочка для выпечки годового пирога (Mus. Nordhaufen): «Белая Дама», в накидке с капюшоном, а под ее одеянием, в ногах, находится Трилистник (!).

Отсюда прямой путь ведет к фризским годовым пирогам, или пирогам св. Николы, формочки для которых изготавливались еще в XVIII в. (Коллекция ван Элзеллоо, Снеек):

Рисунок 201. «Белая Дама», сложившая руки в форме Φ «Года». На ее одеянии (= в ногах) изображен сосуд с живой водой и Колесом Поворота, а на чепце находятся три сучка = знак «Человека», Ψ .

Рисунок 202.

а) Из сосуда с живой водой произрастают вверх три рисовых побега = Ψ .

с) Эти три рисовых побега находятся на Ее утробе, тогда как на чепце мы видим знак $\times$;

б) На одеянии «Белой Дамы», на ее чреве, изображена пятиконечная звезда «Ведьминой лапы», «Drutenfuss».

Рисунок 203. В Ее ногах находится сосуд с живой водой с Колесом Юла Вральды $\otimes$, из которого произрастают пять колосьев.

Так в народе продолжало существовать воспоминание о «Белой» и «Мудрой Даме» — в качестве народной святыни, и еще пастор Пикардт во время своих поездок по старофризским местам констатировал, что там вполне соблюдаются древние местные предания и хранят народные поверья. Еще в эпоху Средних веков на гербе Упстальбоома (Upstalsboom), союза семи фризских портовых центров, была изображена Белая Дама, позднее переосмысленная в «Деву» = «Мать Божью».

Так Ее образ сохранился на древних гербовых символах, как, например, на гербе рода Сомерен, относящемся к XVI столетию (рис. 204). Там мы видим эту Белую Даму, сложившую руки в форме руны Ψ , а также 3 или 6 «лилии» (ср. рис. 103).

Древнефризские средневековые обломки камней, покрытых глазурью (Музей города Лееуварден), представляют этот *летний* цветок Божий, цветок Спасителя и Сына Божьего, лилию, изображенной рядом с Солнцем (рис. 205). Отсюда происходит «Белая Дама», подобная кариатиде, которая заменяет среднюю колонну башенного окна так называемой капеллы Кунигунды (Kunigunde-Kapelle) в Бургеррот, Нижняя Франция (рис. 206). Эта Белая Дама несет одновременно и Лилию (в одной руке), и Солнечное Колесо (в другой руке).

Канонизация королевы Кунигунды произошла в 1200 г. По своему стилю капелла относится к первой половине XIII в. (после 1220 г.). Она была выполнена в т.н. поздне-«романском» стиле и

представляла собой в Средние века *место паломничества*, т.е. была, как свидетельствуют другие местные указания, построена на месте одного древнего святилища. Такова была основная миссионерская установка папы Григория I, названного «Великим», а также и всей Римской церкви, ведущей свою проповедь среди англосаксов. Как указывал действовавший в Англии аббат Мелиттус, языческие культовые сооружения нужно не разрушать, а «освящать» и затем использовать как христианские.

Не это данное для англосаксов указание Григория, а непоколебимая верность народа, с которой он следовал за своими «Белыми Дами», подталкивало Римскую церковь к тому, чтобы тактически мудро идти на уступки, а точнее, на «*ria fraus*»³⁰⁷. Когда образы и святилища, посвященные «Белой Даме» и «Матери-Земле», стали возрождаться на тех же местах, где их до этого христиане уничтожали, когда, несмотря на все чинимые римскими попами препятствия, святилища (по-древненордически — *ættaraskr*, «Ясень Рода» или *barnstokkr* — «Дерево Детей») стали восстанавливаться, — тогда наконец церковь превратила Белую Даму в «Святую Деву», в Матерь Божию. А после этого благочестивая и для всех дальнейших случаев одинаково звучащая и приемлемая легенда засвидетельствовала, что образ Божией Матери чудесным образом снова и снова появлялся на этом месте, чтобы сообщить, что именно на нем необходимо воздвигнуть капеллу, дабы это место стало затем крупным паломническим центром. Так, в Галлии христианами были присвоены рельефы с изображениями *Matres* с Младенцем на руках, объявленные Римской церковью изображениями Божьей Матери (*Vierges noires*). Сегодня эти изображения занимают почетные места в римско-христианских культовых сооружениях, как, например, «*Tres Saintes Maries*» в *Samargue* (*Bouche du Rhone*). Да и некоторые наши Богородичные капеллы и церкви основаны также на тех самых местах, где некогда «чудесным образом был явлен» облик Святой Девы. Так, алтарь *Matres* в *Vaison* был таким же способом посвящен Св. Деве, как «Доброй Матушке».

Это — та же самая церковная политика, которая велась до христианизации и которая продолжала вестись после христианизации, с той лишь разницей, что дохристианская Римская империя

включала народных матушек острова Тексель в число своих «свя-тых» для того, чтобы получить возможность присоединить к себе покоренные народы также и на уровне культа. Римлянин, как виртуоз реальной политики, ясно осознавал культурно-политическое значение этого синкретизма. И, таким образом, он превращал «народных матушек» и «Белых Дам» в *matres* и *deae*.

В заключение этого частичного исследования я бы хотел привести здесь в качестве рисунка 208 красивый камень матерей из коллекции Боннского провинциального музея, так называемый *Matrones Aufaniae*, «дающий изобилие» или представляющий матушек убиев. Ведь у народа убиев также были свои «матроны», которые также почитались и носили имена рода или племени: а ведь были такие времена, когда эти матушки правили, и отсюда происходит почтение к ним, позднее переросшее в их почитание. Еще и сегодня некоторые древние роды, например род Гогенцоллернов, имеют своих «Белых Дам». *Matres Aufaniae* сидят втроем, в руках их мы видим короба с фруктами, которые они держат, прислонив ко чреву. У обеих крайних матушек на головах надеты стилизованные колпаки³⁰⁸.

«Провозглашения святыми», условно говоря, «канонизации», происходили в случае крайней необходимости, от места к месту и от случая к случаю, когда преданность народа своим почетным матушкам не позволяла себя обмануть и сломить ни церковными запретами, ни угрозами, ни клеветой.

То, что «Белые Дамы» еще долгое время после разрушения древнего ингвеонийского культового союза обретались в германских краях, передавая наследие традиции от поколения к поколению, доказывает слово «ведьма» (Hexe), звучащее по-средненидерландски *haghetisse*, *haghetesse*, по-древневерхненемецки — *hagazus(s)* а, по-англосаксонски — *ahæghettesse*, *hægtis*, то есть живущая в кустарнике (*Hag*), в лесу, женщина-*tusjô* (по-древнегалльски — *duisus*), по-норвежски — *tusja*, женщина из рода эльфов, называвшаяся в тех краях также *haugo-tusja*. Это ее обозначение напрямую этимологически связано с понятием *haugr* («погребальный холм», «курган»), поэтому слово *haugo-tusja* можно перевести как «эльфа холма», свидетельства чему из обширной сокровищницы народной традиции фризско-саксонских земель до нас уже

были собраны пастором Пикардтом (Picardt). Против «ведьмы» и колдуньи («друды», *Drude*), против нашей лесной девы, отступавшей в леса и горы, против древнейшего германского наследия, против помощниц в беде, дававших имена детям и мудрые предсказания — против всего этого церковь развязала непримиримую войну, ибо распознала в наших народных матушках своих опаснейших конкурентов. В Средние века эта война велась самыми беспощадными способами, причем в ход шли не только ложь и клевета, но и костер, пытки и истязания. Однако верность народа все равно оказалась сильнее, чем римско-церковная фальсификация истории. Вопреки всевозможным попыткам вымарать «языческие» страницы истории германства (*Germanentums*), верность народа оказалась сильнее. Она показала, что в сердце нашего народа содержится еще очень сильное воспоминание о нашем высоком прошлом, о носительницах света и хранительницах традиции. Поэтому большой результат дает исследование подлинных народных источников, относящихся к Новому времени. Тогда как разъяснением к ним, проливающим свет на их глубинный смысл, является «Хроника Ура Линда».

Но даже и те памятники римского синкретизма, на которых мы видим «трех дев», возвышенных до положения «святых», сохранились отчетливые указания на более древнюю, предшествующую историческую традицию. Такие указания мы видим, например, в каменном изображении трех дев Вормского собора, которое находится на северной стене южного бокового продольного нефа, прямо над алтарем (рис. 207). Как поясняет сопроводительная надпись, процарапанная сверху и снизу, трех дев зовут соответственно Айнбеде (*Ainbede*), Варбеде (*Warbede*) и Виллибеде (*Willibede*). Вся католическая агиография (по данным авторитетного «Словаря святых», подготовленного Штадлером) об этих трех святых говорит очень мало. Судя по всему, они должны относиться к свите святой Урсулы, в которую входят 11 000 девственниц. Как верно замечает Эрих Юнг, изначально это были 11 М = «мучениц» (лучше сказать — «дев», «девушек», «матерей», «матрон»³⁰⁹), а вовсе не «тысяч» (*Mille*). Изображенные на них девы должны оставаться в Страсбурге, чтобы ухаживать за болящей, а позднее — канонизированной Аурелией. И там, в Страсбурге, они должны вести

благочестивую жизнь, до конца дней своих прислуживая бедным. О мученичестве штадлеровский «Словарь святых» не знает ничего. В Баварии же Айнбет (Ainbeth), Барбет (Barbeth) и Вилбет (Wilbeth) почитались как святые, исцеляющие от чумы.

Пауль Цаунер рассказывает о способе почитания трех сестер из Лейтштеттена (ведомство Штарнберг), что на южной стене в нише изображалось трехчастное изображение с тремя коронованными девами: святой Айнпет, святой Бербет и святой Фирпет. Изображение относится к 1643 г. Эти три девы очень почитались вплоть до XVIII в., и роженицы посвящали им маленькие колыбельки, сделанные из дерева, воска и серебра.

И насколько же сильной была любовь народа к своим матушкам и почитание этих матушек? Об этом мы можем судить по тому хотя бы факту, что уже в Вормсе три помощницы в беде (Nothelferinnen) были вознесены до уровня святых, а в XV в. им был воздвигнут еще и алтарный камень. Ибо на этом месте находились владения епископа Берхарда (ум. в 1025 г.), который ясно предупреждает в своей книге «Corrector»:

(Corr. 151): credidisti, quod quidam credere solent, ut illae, quae a vulgo parcae vocantur, ipsae vel sint vel possint hoc facere quod credentur? «Неужели ты поверил в то, во что еще верят некоторые люди, а именно, что существуют те самые женщины, которых народ называет парками и в которых народ верит?»

(Corr. 153): fecisti, ut quaedam mulieres in quibusdam temporibus facere solent, ut in domo tua mensum praeparares et tuos cibos et potum cum tribus cultellis supra mensam poneres, ut si venissent tres illae sorores, quas antiqua posteritas et antiqua stultitia parcas nonminavit, ibi reficerentur, et tulisti divinae pietati potestatem suam et nomen suum, et diabolo tradidisti, ita dico, ut crederes illas, quos tu dicis esse sorores, tibi posse aut hic aut in futuro prodesse?

«Неужели и ты, как и некоторые из женщин, в определенное время накрываешь у себя дома на стол, выставляешь яства и напитки, чтобы пришли три сестры, называвшиеся в старые глупые времена парками, и приняли участие в трапезе? И неужели и ты отбираешь у Бога Его власть и Его имя, чтобы отдать его Дьяволу, потому что веришь, что те, которых ты называешь „сестрами“, служат тебе на пользу в этой или в будущей жизни?»

Но в Вомсе победила «божественная набожность» (goettliche Froemigkeit), священная верность тому более древнему союзу, который был заключен с Богом, с Духом Миров. И, таким образом, «три сестры» вошли внутрь церковной ограды и были даже вознесены до уровня святых. Однако борьба против трех «мудрых», «знающих дам», воспринятых как символ пранордической божественной свободы — этого, с римской точки зрения, древнейшего еретичества — продолжается вплоть до нынешнего дня.

На «горе часовен», что возле Генгенбаха в баденском Шварцвальде, которая раньше называлась «Эймбетенберг», гора Эймбетты, почиталась некогда эта самая Эймбета вместе со своими сестрами. Сегодняшние чтимые церковью святые — святая Стелла, святая Перпетуя и святая Фелицитас, являются лишь позднейшими образованиями. Но еще и сегодня церковь, посвященная святым Кириаку и Перпетуе, находящаяся в Адельхаузене, в Брейсгау, зовется Sant Einbeten Luetkilche, т.е. церковью Святой Эймбетты!

Эрих Юнг, который специально выяснением этих вещей занимался и ради этого даже ездил в Генгенбах, чтобы вблизи посмотреть на эту горную церквушку, сначала долго не мог ее найти: «Наконец выяснилось, что совсем недавно, примерно лет десять назад (т.е. ок. 1912 г.) на месте церкви Святой Эймбетты была выстроена совсем новая церковь, посвященная святым Петру и Анне. Таким способом церковь пыталась очистить это место от всего немецкого, посвящая церковь сначала святым валлийским, а затем святым совсем уже ветхозаветного происхождения — на том самом месте, где еще совсем недавно почитались нордические сестры. Старый колокол 1751 года, посвященный Эмбетте (Embeta), все еще по-прежнему висит на своем месте, как последний отголосок древнего таинства»³¹⁰.

Сохранившиеся рудименты верхнегерманского культа трех «сестер» представляют их помощницами в беде, исцелительницами и радательницами общественной пользы.

Алтарный камень из Вормса предстает в этом свете как последний и краеугольный камень, доводящий до исполнения образ девы-градоправительницы, каким мы его видим в «Хронике Ура Линда». Сопровождающий изображение трех сестер символ, Книга, указывает на Знание Высшего и Последнего, на Божествен-

ное Откровение, которое состояло в Учении Вральды, которое некогда хранили Белые Дамы.

Это — наследие «Мудрых» и «Белых Дам» нашей праистории, священное Знание о великом Законе Жизни Божией, присутствующем во всем наличном Бытии, об ОДАЛЕ (od-il, od-al)³¹¹. Некогда она была Хранительницей и Учительницей «Священному Писанию», руническому шрифту как сакральному языку, выражающему календарные знаки Года Божьего, Откровения Бога-Духа Миров во времени и пространстве. Не только она, эта ученая и предназначенная для занимаемого ей места «Белая Дама», но и матушка-домоправительница понимала некогда искусство «рунического чтения». Еще Цезарь (*bello gallico I, 50*) сообщает, что среди германцев *matres familias* также предсказывали судьбу, а также изрекали пророчества по поводу того, будет ли битва победоносной или нет. (*Ut matres familias eorum satibus et vaticinationibus declarent, utrum proelium committi ex usu esset, nec ne*). В результате деградации древнегерманской культуры и цивилизации (*Kultur und Gesittung*), по сообщению Тацита (Германия, 8), уже не Белая Дама или матушка-домоправительница, но государственный жрец (*sacerdos civitatis*) «*privatim, ipse pater familiae*», «сам отец дома, *privatim*» начинает наносить на ветки «Плодоносного Древа» или на белый платок священные руны.

Три «сучка» Плодоносного Древа, являющиеся Божиим оракулом, сохранились в пироге Юла и Года, как «корона» Белой Дамы, которую не смог уничтожить ни один германский князь, который, следуя восточному и средиземноморскому образцу, стремился искоренить Закон Вральды. И когда повелитель готского народа Филимер (согласно Иорнандесу, гл. 24), гоняется в пустыне за «некоторыми колдуньями, женщинами, которых по древнему обычаю именовали Алиорунами (*aliorunas*)», то мы в действительности имеем дело с одним из свидетельств трагического саморазрушения германского мира, распадающегося под тлетворным влиянием римской власти, жаждущей богатства и раболепского повиновения. Отсюда происходят все ужасы, связанные с римско-христианским осквернением памяти об «Алиорунах»: согласно распущенным сплетням, Алиоруны смешались с диким лесным народом и от него произвели на свет народ гуннов.

Вероятно, в распускании этой «благочестивой легенды» повинны также и определенные круги вотанистского жречества.

Это — та самая внутренняя неустойчивость, утрата собственного мировоззрения и собственной традиции, вследствие которой бруктеры и батавы³¹² выдали Риму Веледу, бывшую душой народного подъема и противостояния римскому порабощению.

Ал-руна, называвшаяся Тацитом также и Аурина, Альбриня = Альбуна, уже в самом своем имени несет знание, полученное от Бога.

Сведения о «Белой Даме» из «Денемарок», которая находилась под властью мадьяр вплоть до «лютой години», наступившей вследствие ухудшения климата — сведения об этой Белой Даме дошли до нас также благодаря историкам Древнего Рима. Страбон сообщает, например, о переселении из Ютландского Херсонеса кимбров, которые (согласно несправедливо оспаривавшимся Страбоновым указаниям), были вынуждены покинуть свои родные места вследствие сильного наводнения. Это наводнение и стало «причиной их скитальческой и разбойничьей жизни» в последующее время. «Хроника Ура Линда» представляет нам этих переселенцев как «одичавших твисклендцев» (цвишенлендцев, т.е. жителей срединной земли), и обосновывает их вырождение и отдаление от древней высокой цивилизации. Согласно Страбону (VII, 2, 3), их сопровождали *босоногие и пророчествующие жрицы в серых власяных одеяниях, выброшенных на белое нательное белье*. Эти жрицы брали пленников и приносили их в жертву над своим котлом, достигавшим двадцати обхватов, перерезая пленникам горло. Затем, глядя в стекавшую в котел воду, жрицы давали свои предсказания и пророчества. Тогда как другие жрицы распаривали тело пленника и гадали по его внутренностям, предсказывая исход сражений. Во время же этих сражений жрицы били по козам, натянутым на плетеную крышу своих повозок, достигая тем самым неимоверного шума.

Нельзя утверждать с однозначностью и уверенностью, будто этот кровавый ритуал человеческого жертвоприношения является лишь результатом «вырождения» народа Финды, римским психозом, порождением страха перед кимбрами либо некоторой страшной сказкой, одной из тех, которых в римском мире, вплоть

до победы Мария, было немало. Такой же посвяtitельный котел, подобный котлу, который кимвры почитали наисвященнейшим³¹³, был, согласно Страбону (VII, 2, 1), послан в качестве подарка императору Августу, «в те времена, когда они (т.е. кимвры. — *Прим. пер.*) искали его дружбы, понадобившейся им после вторжения в Италию».

Кимврийский (?) «посвяtitельный котел»³¹⁴ с изображением человеческой жертвы, совершающейся над сосудом (рис. 265), стал нам известен благодаря находкам в Гундеструпе (ведомство Аальборг, Ютландия). Серебряный посвяtitельный сосуд, который мы будем обсуждать ниже (рис. 264)³¹⁵, отчетливо свидетельствует о своем восточно-кельтском происхождении: очевидно, он возник под влиянием культуры тех самых «народов Финды» и «голенов», которых древнефризские почитатели Вральды заклемили как носителей вырождения и виновников полнейшего упадка древней чистой религии.

В свете всего этого дальнейшие сообщения о «Белых Дамах» кимвров получают очень большое значение, как указание на их происхождение из «Фрисландии», из древней Родины дев-градоправительниц и почетных народных матушек. Согласно римскому историку Публию Аннию Флору (*Bellorum omnium annorum DCC, I, 38*), который во времена императора Адриана написал очерк римской истории, смерть кимврских женщин, «которые могли сражаться, находясь на вершине своей перевозной крепости и имея в руках палки и длинные копья», была не менее почетным событием, чем сама битва. Смерть эта произошла следующим образом: когда Марий отрицательно ответил их послам, которые за жриц просили его даровать им право быть свободными и по-прежнему выполнять жреческие функции, кимврские женщины задушили половину своих детей, затем насмерть ранили друг друга или повесились на собственных волосах, которые они сплели, как веревки, зацепив их за ветки деревьев или за оглобли своих повозок.

Похожее рассказывает и Валерий Максим — издатель *Factorum et dictorum memorabilium libri IX* («Девяти книг о примечательных деяниях и речениях»), которые посвящены императору Тиберию). В них рассказывается о женщинах тевтонов, которые

входили в одну племенную группу с кимврами. Эти женщины просили победоносного Мариа, чтобы он отправил их к девственным жрицам Весты, обещая при этом, что будут вести такую же непорочную и целомудренную жизнь, как и весталки. Но когда Марий отказался выполнить их просьбу, они удавились на следующую ночь после того, как узнали об этом (VI, I, 13 Ext. 3).

Сообщения историков относительно кимвров и тевтонов позволяют нам отчетливо представить себе то положение в обществе, которое занимала некогда женщина — как народная жрица. Ее высшей задачей было поддерживать государство и народ, а также быть спутницей жизни своего мужа. Кроме того, из сообщений историков становится очевидно, что наши германские женщины рассматривали весталок как институт, сущностно родственный своей жреческой корпорации.

В последующие столетия германских переселений и военных походов германская мудрая женщина окончательно исчезает из культовой жизни своего племени. Носительница и хранительница высокой германской культуры и традиции окончательно исчезает из духовной жизни народа.

В затемненной традиции эпохи Эдды и вотанизма из германской матушки дома и народа (*matres familias* у Цезаря) была образована наполовину обожествленная *Wal kieren*, древненордическая *spâ-dísir* и *spâ-konur*, то есть валькирия.

Но и в ее образе по-прежнему можно разглядеть след высокой древней традиции «Аларуны»³¹⁶, даже в этом новом, очень одностороннем осмысленном положении помощницы Вотана в потустороннем царстве доблестных воинов, на Валгалле, где она должна разливать пиво в неограниченном количестве.

Когда ставший уже эпическим героем помощник в беде и Спаситель Сигурд-Зигфрид пробуждает валькирию Сигдриву-Брунгильду от зимнего сна, он просит ее научить его мудрости, ибо она знает священные сказы всех народов мира. После его глубокой и красивой вступительной молитвы (Речи Сигдривы, 4³¹⁷): «Даруйте нам речь и мудрость, и вечно исцеляющие руки» (*læknishendr*), она обучает Сигурда-Зигфрида *рунической мудрости*.

Конечно же, об изначальном смысле знаков Времени Божьего, ☉, в лапландско-финском оккультном хламе эддической тра-

диции³¹⁸ вряд ли что-либо можно понять, равно как и в Речах Сигдривы или в Речах Высокого, 18 колдовских высказываний Которого в нашей не обремененной никакими научными знаниями «германистической» литературе — от Гвидо фон Листа до Джона Горслебена — толкуются как высшая оккультная мудрость. И лишь то место — «нуждаясь в рунах знания (духа), ты должен быть сильнее, чем кто бы то ни было» — указывает на тот свет нашей древнейшей истории, на период правления народных матушек, когда нордические народы были не менее героичными и держали свою честь не менее высоко, однако при этом уровень их духовного совершенства намного превосходил все последующие периоды, в частности, вотанистские представления о загробном мире, возникшие в эпоху Эдды и позднее воспринятые христианством.

В эпоху Эдды также было известно, что теперешний мир обречен на то, чтобы быть уничтоженным. И, подобно тому, как в традиции «Хроники Ура Линда» Конец Времен предсказывает народная матушка, так же и в эддической традиции совсем не храмовый жрец и не священник Вотана, не мужчина, но в обоих случаях — женщина, провидица, вельва предвозвещает смену эпох, обновление Рейха и «древнейших рун Высшего Бога» (Fimbultys fornar runar) — сначала в «Прорицании Вельвы», а затем — в «Песни о Хюндле». Так, провидица Хюндла, когда она говорит о вере древнейших времен, о той эпохе, когда еще не было забыто учение Вральды и Кродера, содержащееся в «Хронике Ура Линда», предсказывает германское возрождение:

(43) Родился некто // самый могучий,
силы земли // питали его;
самый, как слышно, // великий властитель,
родич для всех // людей на земле.

Но будет еще // сильнейший из всех,
имя его // назвать я не смею³¹⁹.

Ибо еще не пришло время, и «Сумерки Богов» этого нордического мира еще исполнились и не закончились, подчиняясь логике космической неизбежности. И поэтому, вплоть до нашего време-

ни, мы даже взором не можем охватить те времена, когда этой лютой године наступит конец и «Сумерки Богов» закончатся.

Мало кто ведает, // что совершится
следом за битвой // Одина с Волком.

Битва с Волком уже началась. Что же принесет нам следующее тысячелетие, следующая «ёве»?

е) Башня народных Матушек и священная лампа

В заключение этого исследования, второго из мотивов «Хроники Ура Линда», мы должны еще обратиться к тем данным, которые пока что остались вне поля нашего зрения. Это, прежде всего, два момента:

1. Башня или замок народных Матушек.
2. Священная лампа или вечный огонь.

В книге «Аполлонии» дева-градоправительница дает подробное описание той крепости, в которой она живет. Крепость эта находится в северной части Льюдгартена (Haines). В этом крайне для нас важном описании, которое содержит также весь жизненный путь юной девы-градоправительницы, говорится, что башня имеет 6 сторон и трижды тридцать футов в высоту. Кроме того, о башне говорится, что она является плоской сверху: там находился маленький домик, предназначенный для того, чтобы наблюдать звезды. «С каждой стороны башни стоит по дому, каждый из которых в длину имеет триста футов и в высоту — столько же, не включая крыши, форма которой круглая. И все это — из хорошо подогнанных камней, и снаружи выложено маленькими камушками. Вокруг замка располагается круглая насыпь, а вокруг нее — ров глубиной в трижды семь и шириной в трижды двенадцать футов. И если кто-то стоит на вершине башни, то ему виден образ Юла», то есть ☉. Такой же облик, как наша крепость, имеют и другие крепости. Но наша — самая большая. Однако тот замок, который находится в Тексланде, — он самый большой».

Такие же башни, происходящие от культуры позднего бронзового века, до нашего времени еще сохранилась в Сардинии, и называ-

ются они Нурагхами (Nuraghen). Связи между жилыми и оборонными башнями нурагх (Nuraghen) и ирландско-шотландскими «сгаппогс» и «брогс» я описал в IV разделе «Происхождения Человечества» (13: «Атлантическая крепость из валов и ее оборонные и культовые башни»). Они близко примыкают к Truddhus, Trullis Апулии, а также к Talayots балеаров. Традицию древнейшего мегалитического периода с особенной отчетливостью сохранили «Trul(l) is» Апулии: в таких каменных башенках с плоскими сводами люди живут вплоть до сего дня. Что же касается отображенной в их орнаменте культовой символики, то нарисованные известью знаки на фронтонах имеют вполне прослеживаемые древненордические корни.

Рисунок 209 а. Nuragh из Орту, расположенная возле Domus Novus. Ее фундамент сохранился полностью. Остальное было восстановлено инженером Кима (Cima).

Рисунок 209 б. Nuragh из Орту, фундамент. На изображении этого фундамента мы видим высокую башню, находящуюся в центре и окруженную круглой стеной, которую составляют 6 маленьких башенок, выстроенных по кругу в порядке ::. или ✱. Эта стена внешнего круга имеет 2 метра в толщину и 148 метров в обхвате, она сделана из очень прочного гранита расположенных поблизости гор Марганиа, который невозможно обрабатывать с помощью молота или зубила, а поэтому строители нурагхов использовали его в «сыром», необработанном виде. Но тем более дивными выходили поэтому их постройки.

Башня имеет два этажа и большое промежуточное помещение, которое состоит из четырех маленьких комнаток (встроенных ячеек), расположенных в форме креста³²⁰. Пройти в главное помещение башни можно, только миновав выступ с тремя отсеками, расположенными с южной (!) стороны, а также внутренний двор, огороженный круглой стеной. В этой стене имеется четыре прохода: два на севере и два на юге. Именно из этой культуры нурагхов, вдаваться в описание которой я здесь за ограниченностью объема работы не стану, происходят фигуры жриц (рис. 171—172), а также идолы Божеств («Священная Протописьменность», табл. 284, № 24, табл. 305, № 2—7, табл. 343, № 5—6, табл. 381, № 4—5, табл. 121, № 2), которые со всей отчетливостью обнаруживают древнейшие, праисторические связи с «ultima Thule».

Что в этом сооружении бросается в глаза, так это выступ с южной стороны башни. Ибо дева-градоправительница Льюдгартена прямо говорит о том, что самая южная постройка в ее замке является домом, где обитает дева-градоправительница. В связи с этим следует привести указание на камни Эмбеды-Варбеды-Вильбеды, находящиеся с южной стороны церкви.

В «Дальних Крекаландах» в ту же эпоху мы имеем изображение такой же крепости, выполненное в крито-микенскую культуру на урне, которая была найдена в Мелосе (рис. 210). Представленная на этом изображении крепость имеет 6 + 1 башню и вход, расположенный на южной стороне. Стены украшены переплетенными спиралями в форме буквы S — символический орнамент, хорошо известный из нордической традиции еще с эпохи бронзового века.

Сюда нужно добавить также сообщение девы-градоправительницы Льюдгартена, говорящее о том, что башня была украшена дорогостоящими камнями. Древнейшая традиция использования этих орнаментальных камней представлена также на погребальных сооружениях древней Фрисландии. См., например, рис. 213: здесь мы видим один из самых древних фризских кирпичей, найденный в местности Терп Униа (Terp Unia), что возле Баррахуиса (Barrahuis). Это обломок изображения большого Поворотного Камня, между лепестками которого находятся знаки , которые мы видим также и на полоске символов, которые окаймляют колесо. Слева находится шестилепестковое колесо и снова — в ступице этого колеса. Это — Юл Вральды, о чем и было нацарапано на стенах крепости Варабург.

Тот факт, что данная культово-символическая планировка крепости восходит к древней традиции культуры мегалитов круга Северного моря и была распространена прафризскими во время их поездок по землям «Лиды» (т.е. по Африке), так же как и на Атлантическом побережье Западной Африки — этот факт прекрасно подтверждается обсуждавшимся выше известием Диодора, рассказывающего, что на африканских побережьях Атлантического океана атланты строили крепости.

Североатлантические культурные влияния на северном и западном побережьях Африки описаны всесторонне разобраны мной в «Происхождении...» и в «Священной Протописьменности

человечества», прежде всего на материале религии, мифов, культовой символики и шрифта. К числу релевантных памятников пропавших в Африке североатлантических культурных потоков следует отнести также ставшие известными в недавнее время жилые крепости из Кабуры и Тамбермы, что в Северном Того (Kabure und Tamberma in Nord-Togo). См. рис. 211: крепость Тамберма из окрестностей Того.

Фундамент подобной крепости из Судана на рис. 212 а-в я привожу по книге Лео Фробениуса: в основе его лежит тот же самый (что и в замках фризских Матушек) принцип высокого глиняного столпа (на месте башни) со связующей стеной и жилым пространством в середине.

По сообщению девы-градоправительницы из Льюдгартена, а также согласно другим местам из «Хроники Ура Линда», в срединном покое замка висит Священная Лампа, «Вечный Свет». Здесь мы обязательно должны обсудить и объяснить некоторые древнефризские погребальные находки, в особенности Лампы или светильники. Мы знаем, что лампы, работающие на рыбьем жире, были уже в культуре Туле, в эпоху раннего делювия, а также встречаются в Западной Европе в мадленской культуре (Magdalenien-Kultur)³²¹. Нам также известно, что свеча, сделанная из свернутой бересты и жирового фитиля, встречается на территории Западной Европы уже начиная с эпохи раннего каменного века.

Из числа памятников, относящихся к древней Великой Фрисландии, я могу привести здесь следующие:

Рисунок 214. Светильники из обожженной глины, найденные в терпе (музей Аееувардена) и представляющие башню с двумя последовательно расположенными порталами и трехъярусным надстроенным сверху сооружением. Стены украшены зигзагообразными рисунками и орнаментом, представляющим то ли змею, то ли молнию (§).

Сюда же следует добавить:

Рисунок 215. Формочку для приготовления хлебцев св. Николая (коллекция ван Элзелоо, Снек), XVIII в.: формочка представляет такую же башню-светильник, стены которой украшены внизу колесом Вральды (*), так же как и стены Варабурга.

Рисунок 216 а-в. Светильник в форме башенки, сделанный из обожженной глины и относящийся к эпохе переселения народов (музей города Утрехт). Его украшают пропечатанные символы ☸ и ☼ Колеса. На рис. 216 а мы видим двойной змеиный орнамент, напоминающий цепочку из ромбов.

Рисунок 217. Фрагмент лангобардского светильника (его верхняя часть): тут мы видим двойной змеиный мотив, а также знак ✕.

Рисунок 218. Светильник, в котором возжигается сосновая лучина, Вестфалия, выполнен из обожженной красной глины (страноведческий музей города Мюнстер). Слева направо: а) с орнаментом Колеса ☼; б) знаки ✕ и ⊕. Мотив двойной змеи; с) мотив двойной змеи.

Рисунок 219. Двойной светильник из обожженной глины, Восточная Фрисландия (музей города Эмден), с двумя нацарапанными большими Колесами ☸ и пропечатанными Колесами ☸.

Рисунок 220. Раннесредневековый фризский светильник из обожженной глины (музей Лееувардена). а) Обломок, в основании которого лежит Колесо ⊕; б) такой же светильник с четырьмя большими и четырьмя малыми отверстиями, расположенными вокруг центрального отверстия = ☼; кроме того, здесь мы видим также нам уже известный двойной змеиный орнамент.

Рисунок 221. Крестьянский светильник из обожженной глины (музей Стокгольма): на четырех его «стенах» изображено «Сердце Иртки» и Колесо ☼ Юла Вральды³²².

Рисунок 222. Для сравнения здесь приводятся четыре подобных крестьянских светильника из обожженной глины (музей Стокгольма), выполненные в форме башни. Слева направо: а) шестиугольный светильник-башенка (= ☸); б) трехступенчатый светильник-башенка с пропечатанными на нем сияющими солярными кругами ○ и Колесами ☼; с) трехступенчатый светильник-башенка; d) светильник-башенка с Сердцем Матери-Земли и «ведьминой лапой»; e) рис. 221.

Я полагаю, что того небольшого набора памятников, которые здесь были собраны и прокомментированы, для первого раза достаточно.

Они прекрасно показывают, что германские крестьяне из земель, расположенных вокруг Северного моря, и придавали своим

светильникам форму башни, в напоминание о той священной лампе, которая некогда горела своим священным вечным огнем, будучи символом ☉ или ☼, т.е. символом Юла Вральды.

Что касается трехэтажных жилых башенок, то их можно сравнить со следующими изображениями:

Рисунок 223. Трулло (Trullo) или Труддху (Truddhu) из Бари (согласно Перро-Шипицу, Perrot-Chipiez), восходящая к древней апулийской традиции еще мегалитического периода. Трулло (Trullo) или Труддху (Truddhu) выполнена способом сухой кладки, а свод, который ее увенчивает, является мнимым, т.е. практически отсутствует.

Рисунок 224. «Гаррита», современный каменный дом, Ферреиас, Менорка, выполнен в стиле и в соответствии со всеми техниками построения древних «Талаютов».

В качестве примера шотландских жилых и культовых башенок, т.н. «brochs» (= германское «burg»), также упомянутых в «Хронике Ура Линда», здесь следует привести следующие:

Рисунок 225. «Broch» из Моузы (Mouza), Шотландия, подобный каменному дому (beehive-house), выполненному сухой кладкой, без строительного раствора. Теперешняя высота его достигает 45 футов, а диаметр — 50 футов.

Рисунок 226. «Beehive-house» из Huishinish, Южный Уист, Шотландия. Здание круглое, в диаметре достигает 28 футов, с десятью комнатами, расположенными по кругу. Подобно «труллам» и «гарритам», подобные постройки еще и сегодня в ходу на островах Харриса, Льюиса и Св. Кильды. В Ирландии они называются cloghans (Арранские острова и Каунти Керри). Такой же тип домов встечался раньше и на Канарских островах.

Как показывает проведенное нами в этом и предыдущем разделах исследование памятников, мегалитическая культура района Северного моря связана с культурой древнейшей Италии («Ближних Крекаландов») прочным духовно-историческим союзом. Особенно отчетливыми и прослеживаемыми эти культурные связи, проходившие через море, становятся в тех местах, где проходил путь Balearen-Sardinien-Apulien. Это очень давняя линия культурной трансмиссии, в отличие от намного более трудного и долгого пути, который пролегает через Альпы и который должны были

избрать себе италийские племена, шедшие с Севера во время переселения народов.

В дополнение к рис. 137 и 138, на которых изображены два погребальных культовых сосуда из Апулии (надмогильные светильники? священные лампы?), содержащие изображение жрицы с длинными косами и рогатым сосудом, зимнесолнцестоянческим лебедем и руной «Года» Υ , здесь следует привести еще и следующие изображения:

Рисунок 227. Апулийская погребальная лампа или светильник (Музей искусств и ремесел, Гамбург), на котором изображен трезубец, знак Ψ .

Рисунок 228. То же самое, с изображением рогов, знака Ψ и предстоящей ему жрицы.

Рисунок 229. То же самое, с изображением жрицы, вскинувшей руки в форме знака Ψ .

Идя по следам корабля-лебеда³²³ с руной Ψ («Человек»), означающей воскресшего Спасителя, Того, Кто воскрешает, мы постоянно сталкиваемся с образом жрицы, с ее лампой и ее башней. Эта башня сохранилась в народном обычае всех земель, граничащих с Шотландией, в «Крекаландах», т.е. в Сардинии и Апулии и других пограничных областях. Однако на своей Родине этот сюжет сохраниться не смог. И это не должно нас удивлять, ведь сама «Хроника Ура Линда» рассказывает нам о том, насколько систематично и методично князья и жрецы занимались искоренением древних традиций. За последние две тысячи лет остатки древней цивилизации были уничтожены, о каменных крепостях и замках сегодня судить крайне трудно, ибо для строительных целей в последующие эпохи сносился даже фундамент, в результате чего от замков народных Матушек не оставалось, в буквальном смысле, камня на камне. Средневековые крепости Фрисландии сознательно разрушались, в силу чего мы знаем об их первоначальном величии примерно столько же, сколько о «Huenebedden» или других подобного рода мегалитических постройках. Также, например, мы сегодня почти полностью лишены информации о былом величии и богатстве мегалитических сооружений, находившихся на территории Бранденбурга. А ведь описание их (достаточно подробное, с приложением зарисовок) было составлено Бекманом (Beckmann) еще в середине

XVIII в.! Получается, что ради постройки новых зданий, дорог и мостов эти величественные крепости были разобраны так, что от них не осталось ничего.

Мы благодарны Тациту за последнее по времени и наиболее аутентичное свидетельство о германской «Белой Даме», деве-градоправительнице, которая живет в своей крепости — это Веледа³²⁴ (История, 4: 61): «Эта девушка из племени бруктеров пользовалась у варваров огромным влиянием (*vetere apud Germanos tunc*), ибо германцы, которые всегда считали, будто многие женщины обладают даром прорицать будущее (*fatidias*), теперь дошли в своем суеверии до того, что стали считать некоторых из них богинями». Тацит рассказывает также, что Веледа «жила в высокой башне» (*ipsa edita in terre*), а специальный человек из ее окружения передавал ей вопросы и принимал от нее ответы, совсем как посланник при Божестве.

Это последнее известие прекрасно согласуется с предписаниями, которые в «Хронике Ура Линда» обращены к тем, кто пришел посетить крепость и поговорить с народной матушкой³²⁵.

Выше уже упоминалось, что народная матушка была сама душа народного восстания против иноземного ярма, а также и то, что народ испытывал по отношению к своей народной матушке очень сильное чувство мужественной благодарности, которое в конечном счете все же оказалось сломлено, в результате чего матушку выдали римлянам. О той матушке, которая была до этого несчастна и которая выступила против Друза в земле херусков, когда он перешел Везер и уже приближался к Эльбе (10 г. до Р.Х.), рассказывает Дион Кассий (*Historia Romana* LV, 1): «Женщина сверхчеловеческого роста вытупила навстречу и сказала ему: „Куда же ты все торопишься, скитаясь по всему свету, о ненасытный Друз? Не отведено тебе судьбой все увидеть. Поторопись же уехать отсюда, ибо дни твои сочтены и конец твой близок”»³²⁶.

Дион Кассий добавляет: «И если кому из смертных такое Божественное сообщение покажется чудесным, то я не вижу причин, почему его не стоит считать достоверным. Ведь пророчество то в скором времени исполнилось. В великой спешке Друз развернул свои ряды, однако прежде чем он достиг Рейна, он упал, сраженный тяжелой болезнью, и умер».

«Сверхчеловеческий рост» девы-градоправительницы херусков ($\gamma\upsilon\nu\eta\ \tau\iota\varsigma\ \mu\epsilon\lambda\iota\zeta\omega\nu\ \eta\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\lambda\omicron\upsilon\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\nu$) напоминает нам о рассказе «Хроники Ура Линда» про народную матушку Аделу. Народные матушки-богатырши наших предков должны были быть поистине статными и сильно отличными по внешнему виду от своих правнучек, которых мы сегодня можем видеть в современных больших городах.

Светоний (in Claudio, 1) пренебрежительно говорит о species barbarae mulieris, humana amplior, victorem tendere ultra, sermone latino, prohibuit: «типе варварских женщин, которые были сверхчеловечески высокими и оказывали сопротивление даже победоносным римлянам».

В «Немецкой мифологии» Якоб Гримм приводит рассказ о провидице Йеттхе (Jettha), который тайнописец курфюрста Пфальского Хубертатус Томас из Люттиха, как он сам это говорит в сочинении «de Tungris et Eburonibus» (1541), воспринял из одной древней книги (libello vetrustissimis characteribus descripto), содержание которой излагается в разделе «de Heidelbergae antiquitatibus». (Deutsche Mythologie, 4. Aufl., S. 79)³²⁷. Провидица Йеттха (Jettha), согласно этому рассказу, обитала в древней башне, давала ответы через окно и сама при этом никогда не показывалась. Здесь можно привести также сагу о волке (Wolfsage). В связи с этим Гримм также указывает на тот факт, что Брунгильда живет на скале и имеет *высокую* башню (Сага о Вельсунгах, гл. 20, 24—25), подобно Менглод (Menglod), сидящей на скале. А девять дев сидят у ее ног.

Сюда нужно добавить мотив девы в башне, так же как и мотив башенного окошка, встречающийся еще в наших народных сказках и, по существу, являющийся отзвуком все той же древней традиции.

В заключение этого и предыдущего разделов нужно указать еще на три памятника римской эпохи, описания которых, к сожалению, в том отрывке «Хроники Ура Линда»; который до нас дошел, не сохранились. Эти памятники являются единственным, что соединяет в единую мифологическую систему деву-градоправительницу, жрицу, Спасителя и Сына Божьего в лодке с лебединым штевнем. Речь идет о той знаменитой находке, которая была обна-

ружена в городе Борковикум (Borovicium), одном из пунктов, через которые в Северной Англии на границе с Шотландией проходит вал Адриана. На изображении мы видим два алтарных камня и полукруглую дугообразную капитель.

Рисунок 230. Полукруглая капитель: в середине — Бог с кольцом (= ^) и со щитом. Одна рука Его поднята, тогда как другая — опущена. Рядом с Ним — сопровождающий Его Лебедь, а слева и справа — два парящих образа, скрестившие свои ноги в форме руны ОД (Ƿ) — см. по этому вопросу «Священную Протописьменность», с. 539. В одной руке эти парящие юноши имеют венец (Годовой Круг), а в другой — факел. Эти юноши дополняют изображение Митры, Бога во «фригийской» лебединой шапочке. Примечательно, что положение Его рук — †, тогда как положение рук юношей — ∩: у одного из них поднята правая рука и опущена левая, а у другого — наоборот.

Рисунок 231. Алтарный камень с надписью: *Deo Marti Thinsco et duabus Alaisiagis Bede et numini Augusti Germani cives Tuihanti v. s. l. m.* — «Богу Марсу Тингсусу и обоим Алаисиагам, один из которых зовется Беда, а другой — Фиммилена, а также Божеству императора Туиханту, от германского крестьянина приносится с торжественным обетом». На самом изображении мы видим жрицу в чепце со вскинутой в благословляющем жесте правой рукой.

Рисунок 232. Алтарный камень с надписью: *Deo Marti et duabus Alaisiagis et numini Augusti Germani cives Tuihanti cunei Frisiorum Ver ... Ser ... Alexandriani v. s. l. m.* — «Богу Марсу Тингсусу и обоим Алаисиагам, и Божеству императора Туиханту, от германского крестьянина из фризского ополчения, названного по имени Севера Алексадра, приносится с торжественным обетом». На изображении мы видим знак Λ, являющийся, по сути, угольной формой руны «УР» (∩), а слева и справа от нее — «Юл» Вральды (⊗).

Эти надписи обладают для нашего исследования чрезвычайной важностью. Благодаря им мы узнаем, что инициаторами создания этих памятников были туиханты (Tuihanter, Tubanter, тубанты), которые состояли во фризском отряде всадников, «фризском клине» войска императора Александра Севера (222—235 по Р.Х.).

Тесная связь между Твенте, страной тубантов, и Фрисландией уже обсуждалась нами при разборе общей культовой и культово-

символической традиции (ср. рис. 24—28). Эта поразительно богатая традиция фронтовых изображений из Древнего Твенте (Alt-Twente), более подробные сведения о которой я планирую привести позднее, в связи с публикацией духовноисторических и культово-символических памятников германской древности, очень часто представляет нам мотив «Юла» Вральды (☉), а также двух (часто — женских) сопровождающих образов.

К обоим этим алтарным камням с посвятельными надписями из Хоузештадта (Housestadt) следует добавить третий камень, найденный в Brougham Castle, неподалеку от Хоузештадта. Надпись на этом камне, согласно Хюбнеру, звучит так: «Deo Belatucadro a muro sive Tus Tingus ex cuneum Frisiorum Germanorum».

Этот камень, происходящий из германского отряда фризов, посвящен галльскому Богу по имени Belatucadrus, а также Богу, Который зовется Tus Tingsus. Теперь нам известно, что римляне толковали древнефризского и тубантийского Бога Тиуса, носившего прозвище «Тингсус», как «Марса», отталкиваясь при этом от символики, постоянно Ему сопутствующей — «Копья», т.е. руны Ти (Тиу, Тюр) ^, руны Т, символизирующей Спасителя в третьем АТТЕ (im 3. att) Своего Годового Пути, т.е. в зимней, зимне-солнцестоянческой точке. Это — то самое время, когда происходит высший и священнейший тинг Года, «общий совет», тинг Юла, который свершается в месяц Я. Это — время, когда «Солнце спускается к Югу», где «Круг Улля» О, Годовой Круг зимнего Бога Улля Т (ср. рис. 36 и 41) снова преисполняется содержанием и превращается в «Две Горы» П П Зигтюрса (И, ↑). Для того чтобы составить себе представление о символике полного годового круга засвидетельствованной еще в Старшей Эдде клятвенной формулы, см. «Священную Протописьменность», гл. 11.

Поэтому Тиу (↑), Бог с «Копьем», как Охранитель и Господин, как Покровитель Календарного Круга, носит прозвание Тинксус, Тингсус (Thincsus, Thingsus), происходящее от именительного падежа германского существительного «тинг». Он является Богом Клятвы, перед которым человек дает инициатическую присягу, стоя на Юге Священной Восьмерки, ☉. При этом одна рука человека опущена, а другая — поднята в торжественном руническом знаке. По имени этого Бога в ингвеонской (фризско-саксонской)

и иствеонской (франкской) областях называется второй день недели, «Dingestag» (по-среднеидерландски — dinghesdach), по-немецки Dienstag, по-англосаксонски — Tiwesdaeg, по-английски — Tuesday, по-древненордически — Tyrdagr, по-древневерхненемецки — Ziuwestag.

По поводу формулы *Thi-ing = ↑, XX, относящейся к третьему АТТУ годового цикла, ср. «Священную Протописьменность», гл. 19. Это — имя Божие и знак ингвеонов (ср. рис. 10 a-b), священный символ германцев боссеина Северного моря. Руна ИНГ, XX, так же как и руна ОД, Я, является календарным знаком ↑, Бога по имени Ти, Тиу, (Тив), Тюр, Уль, так же как и Один, являющегося Всеотцем в месяц Юла. Его, Бога Правды, могучего повелителя с Копьем, Господина над Жизнью и Смертью, Спасителя и Помощника в беде, Который прибывает вместе с Лебедем — Его почитали германские племена в эпоху римского владычества так же, как и позднее их еще не принявшие христианство потомки — в эвфемизированной форме Рыцаря с Лебедем. Во время восстания батавов эпохи Веледы¹²⁸ тенктеры отправляли своего гонца (Тацит. История. 4: 64), чтобы он во имя Германии совершил благодарение общим Богам и высшему среди них — Марсу (т.е. Тиусу).

Культ Тиуса у германцев с Нижнего Рейна был засвидетельствован Тацитом также и в его «Германии» (гл. 9): «Из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилоствляют закланиями обрекаемых им в жертву животных. Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде; в чем причина и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, этот культ, надо полагать, завезен к ним извне. Впрочем, они находят, что вследствие величия небожителей богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи и нарекают их именами богов; и эти святилища отмечены только их благочестием».

В эту эпоху упадка и разложения древнегерманской религии, когда отдельные формы проявления Спасителя в Его годовом движении по календарному кругу получали особенные астрально-ми-

фологические имена и превращались в персонифицированные ипостаси, дробились на самостоятельных Божеств — в эту смутную эпоху тинктеры продолжали придерживаться своей древней веры в Небесного Бога, являющегося Высшим и включающего в Себя совокупность всех прочих «Богов».

Этому Богу с ↑ и с Лебедем даны в помощники оба Алаесиага (Alaesiagen), именованья которых толкуются как «изрекающие всеобщую правду», «предсказывающие всеобщий закон», «имеющие дар правого поучения». Это имя лишний раз подтверждает нам древнюю традицию «Белых Дам» и объясняет, в частности, почему на древней печати из Упштальсбоома (Upstallsboom) Белая Дама появляется с Асегой (Asega), т.е. с тем, кто изрекает право.

Оба Алаесиага (Alaesiagen) или Алаисиага (Alaisiagen) сохранились в названии обеих форм фризского тинга, Bodthing и Fimelthing, которые произносились также как Beda и Fimmila. Толкование этих имен представляется неясным.

Но так как Beda является понятием, родственным с Бадувини (Baduwini, Baduenna, Бадуенна), смертью которой фризы нанесли своим римским угнетателям сокрушительный удар (Тацит, Анналы, 4: 73), то и ее имя толкуется как «яростная в борьбе» (древневерхненемецкое winna — «сражение», готское winnō — «страсть»), так же, как и Dea Hariasa и Harimella — названия, обозначающие сражающуюся с копьем деву-градоправительницу, бывшую, как, например, Веледа, душой народного восстания против «неправого насилия» (выражение «Хроники Ура Линда») и угнетения. Dea Hariasa, как гласит посвятельная надпись на камне, датированная 187 г., была «возглавляющей войну, стоящей во главе ополчения» (*hari-jasa, *har-jasa), она была «Девой Копья», как это говорится в надписи на камне, который также был обнаружен в Шотландии, севернее Адрианова вала, в Бирренсе возле Миддлеби (Birrens bei Middleby). Ее имя — Dea Harimellae. Солдаты из второй тунгрийской когорты посвящали ей священные камни. Harimella была «самой блистательной» во всем войске, «наполняющей войско мужеством, приносящей войску победу» — так же, как и Веледа.

А от Веледы, «девы-воительницы» (die Heerenmagd), вооруженной копьем, ведет прямая дорога к «валькирии» более поздней

го нордического вотанизма — путь к образу Девы-Лебедя, Schwandise Бога ОД.

В заключение нашего исследования — второго из главных мотивов «Хроники Ура Линда», а именно истории государственно-культового строя, возглавлявшегося народной матушкой и ее девами-градоправительницами, «Белыми Дамами», мы с уверенностью можем констатировать:

Современными этнографическими, праисторическими, текстокритическими и историко-символогическими исследованиями подтверждается все, вплоть до последней, самой мельчайшей подробности, касающееся того, что описано в «Хронике Ура Линда». Этот фактический материал никакому фальсификатору известен быть не мог, за исключением разве пары упомянутых выше моментов, описанных у античных писателей (Цезаря, Тацита, Кассия Дио и др.).

«Хроника Ура Линда» дает нам также полное и совершенное объяснение деградации древней германской религии и ее культовой иерархии, а также тех причин, которые эту деградацию вызвали. Из «Хроники...» мы узнаем также и то, как происходило разрушение замков народных Матушек и дев-градоправительниц, причиной чего стали, с одной стороны, ухудшение климатических условий, а с другой — планомерное насилие расово неполноценной¹²⁹ королевской династии, которая с определенного момента стала наследуемой по средиземноморскому образцу.

Народные матушки Севера снискали себе в сердцах своих народов такое почитание и такую любовь, которые не дали грубому насилию королевской власти стереть о них память и благодаря которому эта память пережила эпоху гонений и притеснений, как и саму королевскую власть, бывшую их причиной; королевскую власть, лишившую германцев свободы, повлекшую за собой убийства и преследования, принесшую господство Римской империи и христианскую религию. Насколько простирались земли, населенные Людьюми Высокого Севера, настолько же простирался «Свет Севера», который был зажжен лампой народной матушки в Тексланде и был переправлен через «Ближние» и «Дальние Крекаланды» на корабле со штевнем в форме Лебедя.

Мы можем видеть, как этот световой след идет от самого Северного моря — через Пиренейский полуостров, Сардинию, Апу-

лию, Крит, Кипр и солнечную Элладу. Именно таким был маршрут Мудрых и Белых Дам, которые несли учение о Духе Миров, Который открывается во времени и пространстве, в вечном обновлении всего бытия, в Единстве-Всего-в-Боге³⁵⁰.

В этом состоит непреходящее величие Северного Послания миру, величие Северной Дамы, Провидицы и Помощницы в беде, величие нашей народной матушки. О том же свидетельствуют и посвятительные надписи на камнях матрон: *Matres Italiae Germanae Gallae Britanniae* — «матушкам Италии, Германии, Галлии, Британии» и *Matribus meis Germanis* — «моим германским матушкам».

ж) «Лютая година». Ухудшение климатических условий в районе Северного моря в постледниковый период

А теперь мы обратимся к некоторым другим, еще более значительным, историческим данным, которые содержатся в «Хронике Ура Линда». Там речь идет о таком важном для истории Земли событии, как ухудшение климатических условий в районе Северного моря в период, последовавший за ледниковым. Это климатическое ухудшение могло обрушиться на Древнюю Ингвеонию с такой же внезапностью, как фатум, как неожиданный удар судьбы.

Палеогеологические и палеоботанические исследования *это*го, то есть двадцатого, столетия, сообщают нам, что в Северной Европе, как и в Северной Германии, во второй половине раннего каменного века и в течение всего века бронзы был влажный (суббореальный) климат, а средняя температура в течение года была примерно на два градуса по Цельсию выше, чем сегодня в Скандинавии. Этой эпохе предшествовал мягкий (субатлантический) морской климат, господство которого продолжалось вплоть до окончания эпохи дольменов.

Исследования *Серндерса* (Sernanders) показали, что этот послеледниковый период теплоты — что подтверждает также исследование ботанического профиля — был *резко отмежеван* от всех последующих периодов наступившим внезапно климатическим ухудшением. На основании находок мы можем утверждать, что оно продолжалось вплоть до самого конца бронзового века.

Сернандер обозначает это ухудшение климата как *Fimbul-winter*, как Эдда называет нордическую изначальную катастрофу и те последствия, которые она имела для судьбы Земли и судеб людей (ср. «Происхождение Человечества», с. 63).

Об этой «мощной зиме» говорится и в *Gylfaginning* (31): «Много всего можно о том порассказать. А именно, что впервые пришла такая зима, которая зовется *Fimbulwinter*, пришла вместе с вьюгами со всех концов неба, сильным морозом и сильным ветром, без солнечного света. Это — три зимы, которые, минуя лето, непосредственно следуют одна за другой. А перед ними идут еще три других зимы».

Бросается в глаза, что в пассаже «Хроники Ура Линда», который носит название «Все сие написано на замках», время этой чудовищной земной катастрофы соответствует *трем годам*. В этом скудном и очень кратком сообщении угрожающее предчувствие приближающегося несчастья передается в тревожных чертах самой живой и самой непосредственной современности. То, что здесь речь идет об очень древней традиции, доказывается также и появлением в прозаическом тексте элементов аллитерации: *Berga splyton fon ekkorum to sprkjande fjur end logha* — «Извергая огонь, расщепились горы, другие горы провалились вниз».

Сохранившееся в этом отрывке предание повествует в этой связи о закате «Альдланда, называемого моряками Атландом».

Согласно указанию времени, приводимому в завещании Хиде Ура Линда, «год 3449 после того, как потонул Атланд» = «1256 год после Рождества Христова», стало быть, нисхождение Атланда под воду произошло в $3449 - 1256 = 2193$ г. до Р.Х.

К вопросу об Атланде-Атлантиде мы еще вернемся в дальнейшем.

То, что в «злую годину» должны были произойти серьезные землетрясения с вулканическими извержениями — как и сегодня происходит в Исландии — вытекает из краткого сообщения во вступлении к «Писанию о Нордланде и Шонланде».

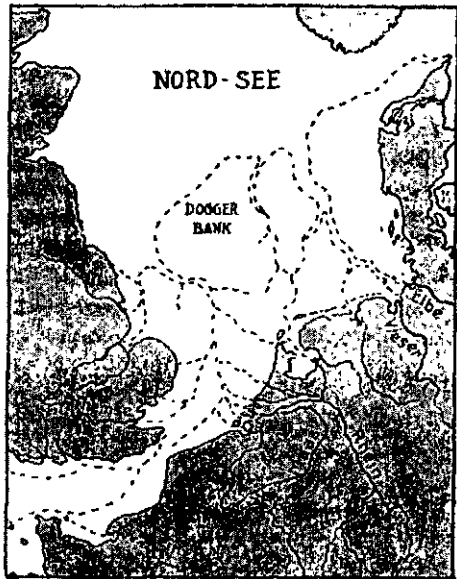
Эпоха глобальных катастроф и земных подвижек более подробно и обстоятельно описывается в «Писаниях Фретхорика и Вильо». Уже там мы встречаем сообщения об извержениях вулканов (*berga spydon nki tha wolkum*). В начале месяца жатвы зем-

ля склонилась к Северу. Она оседала, и оседала все глубже и глубже. Северная часть Старой Фрисландии, «Нижние Марки», тогдашний северный континент, находившийся в Северном море, был затоплен. Возможно, сюда относилась оставшаяся часть ранее ушедшей под воду дилювиальной отмели Доггер, также нашедшая в волнах свою могилу.

Карта этого потонувшего в Северном море региона все еще вполне отчетливо показывает, где ранее протекали реки, «данные нам Вральдой, чтобы сохранять нашу страну сильной и чтобы указывать нашему храброму народу путь к его морю». С положением ушедшего под воды Северного моря материка, к которому относятся также острова Тексель, Силт и Хельголанд, Форситесланд и т.д., сравни также сообщение Тацита («Германия», 34³¹ и «Происхождение Человечества», с. 124 сл.).

Сообщение «Писаний Фретхорика и Вильо» относит природную катастрофу к 1888 г. «после того, как потонул Атланд», то есть к 305 г. до Р.Х.

Согласно этому источнику, имеется два предания о «злой године»: одно, согласно которому в этот страшный период потонул Альдланд-Атланд, а другое, которое говорит, что в море потонули «все земли, лежащие севернее» (от Тексланда — Текселя). «И больше они на поверхность не поднимались». Особенно важны в этом рассказе отдельные подробности, как-то: образы озер, «возникших на месте лесов, которые унесло вместе с землей и всем остальным». Также нововременными исследованиями в области геологии

Карта земли Доггер. (Приводится по изданию: Reid C. Submerged Forests. Cambridge Man. of Sc. and Lit. 62 (1913) // Reallexikon der Vorgeschichte. VIII., 7 (1927). Tafel 175 a. S. 535).

и ботаники может быть подтвержден и этот факт, что ненастья вырывали из земли целые леса, растущие на побережье Северного моря, вместе с торфяником, в котором они пустили свои корни. Леса смывало и уносило в море.

Указание времени, когда все это происходило, а именно в IV столетии до Р.Х., находит теперь подтверждение в новомременном исследовании терпов (*neuzeitliche terpen-Forschung*). Древнефризские «терпены», то есть искусственно, человеческой рукой насыпанные холмы (использовавшиеся при построении жилья), хранят в себе такой инвентарь, который в наиболее древних слоях раскопок относится к средней и ранней культуре Латене (*Latène-Kultur*), то есть к четвертому столетию до Р.Х.!

Это значит, что в ту эпоху обитатели побережий Северного моря были принуждены перенести свои жилища на искусственно созданные высоты, чтобы быть защищенными от моря.

И еще раз надо указать на то, что исследование археологии и хронологии терпов относится к нововременной науке, изучающей древнейшую историю и что поэтому все ее результаты в эпоху, когда «Хроника Ура Линда» получила известность, были еще невысказаны. Ибо раскопка терпов началась только после завоевания земли Дюнгер (*Duengererde*), то есть с середины XIX столетия, тогда как до этого о профессиональных археологических разработках в том регионе не было и речи. А те, которые и проводились, не получили ни одного удовлетворительного описания, пригодного для научных исследований.

Единственным аутентичным и самым значительным подтверждением геологических и культурно-исторических событий климатического ухудшения является сообщение «Хроники Ура Линда».

Также и переселение народов, явившееся следствием «лютых годин», проникновение в земли древних фризов саксонских племен, а с востока, с Балтики, племен ютов, о которых сообщает «Хроника Ура Линда» — все это получает свое подтверждение в современных исследованиях древнейшей истории.

Сегодня мы знаем, что вследствие климатического ухудшения северная граница Кифера (*Kiefer*), Хафельнуса (*Hafelnuss*) или Вальнуса (*Walnuss*) переместилась на три градуса широты далее в сторону юга. Выращивание пшеницы в Скандинавии, как и в Финляндии, ста-

ло более невозможным и сохранялось только в южных областях Шонена (Schonen) и в Швеции. Вместо пшеницы стали выращивать рожь, названную так по имени северогерманского племени, переселившегося в прибрежные регионы — от Кольберга (Kolberg) до Эльбинга (Elbing) — во втором столетии до Р.Х. Северные германцы называли это племя *рузиер* (*Rugier*), «те, кто едят рожь (Roggen)».

Вследствие этого рожь, на выращивание которой жителей Норвегии обрекла климатическая катастрофа, стала и в самой Германии сеяться повсеместно, наряду с пшеницей и ячменем, и превратилась в один из наиболее излюбленных злаков.

Наконец, предание, в истинности которого сомневался уже Страбон (*Geographica* VII, 2, I), будто кимвры, как обитатели полуострова (Ютландии — Juetland), были изгнаны из своих родных мест великим потопом, — это предание подтверждается сообщением «Хроники Ура Линда», говорящей о том, что «Денемарки», т.е. «нижние марки», были потоплены в море. Этому соответствует сообщение Ефора³³² (405—330 гг. до Р.Х.), что среди кимвров больше людей пало жертвой потопа, нежели жертвой войны. Также и контраргумент Страбона, что кимвры «еще и сегодня живут на той земле, которая принадлежала им раньше», объясняется тем мнением «Хроники Ура Линда», что часть тех, кто был изгнан потопом со своих родных мест, снова вернулась в свои старые дома.

Переданное нам «Хроникой Ура Линда» сообщение о мощной катастрофе, окончательно испортившей климатические условия, объясняет нам как свои последствия не только древнейшее, северогерманское переселение народов, но также и выпадение гиперборейского острова, страны Полсата-Форситес из общего хода средиземноморской истории.

В той земле, которую разрушила чудовищная катастрофа, был уничтожен город-крепость Майденбург: устояла только башня Крепости Матерей на Текселе. Культурный центр в Северном море, Шваненинзель (Schwaneninsel) Бога Света, также потонул во время этих событий, ставших вскоре своего рода мифом. А мотив погребальной лодки (Schwangeleitboot) появился затем в символике итальянских погребальных сосудов. Ингвеонийский обычай хоронить покойников в лодке заимствовали затем финикийцы и пунийцы, так же как и «голены», кельты, галлы и британцы.

И отныне Древняя Фрисландия совершенно выпала из поля зрения классической средиземноморской Античности, то есть Античности «Ближних и Дальних Крекаландов». И только с проникновением во Фрисландию Римской империи до нас снова начинают доходить свидетельства, что обитатели терпов с непоколебимой верностью своему величественному прошлому и своей родной земле не торопятся ее покидать, даже ввиду того, что их жизни постоянно угрожают морские разливы. Непостижимым остается тот факт, что «такие народы говорят о рабстве» тогда, когда им предлагаются «дары» мегаполисной культуры римских завоевателей (Плиний Старший, «Естественная История», XVI, 2—4).

Римлянин, давно уже находившийся в состоянии отчуждения от простого величия и строгой простоты³³³ своих северных предков, утратил уже всякое воспоминание о своей Родине и о своей Божественной свободе.

з) Альтланд — Атланд

В связи с древнейшими «худыми временами» («злой годиной») следует рассмотреть потопление Альтланда или Атланда, как его называют моряки. Согласно «Хронике Ура Линда», это событие является основанием для летосчисления Древней Ингвеонии, подобно тому, как древнеримская хронология велась *ab urbe condita* — «от основания Города».

Если следовать приводившейся выше датировке Хидде Ура Линда, это оплошение Альтланда — Атланда произошло в 2193 г. В отрывке «Хроники...», носящем название «Это начертано на всех замках», это важное событие «худых времен» прошлого представляется как следствие внезапного ухудшения климата.

Про Альтланд — Атланд в «Хронике...» говорится: он, «названный так моряками, потонул, и дикая ненависть долго еще клубилась над горами и долами, пока не сокрылась в пучине морской». То, что этот Альтланд или Атланд был отождествлен с античной «Атлантидой», следует из истории про Тюниса и Инку: «Инка подумал, что от возвышенных земель Атланда над поверхностью моря остались еще, вероятно, некоторые острова, где мог

бы мирно жить он сам со своими людьми». Переговоры между двумя флотоводцами состоялись в Кадике (Cadik), перед окончательным разделением, когда Тюнис поплыл в области Средиземноморья вплоть до Финикии, а Инка со своим флотом отправился на каких-нибудь оставшихся от Атланда островов и приплыл во льды. Время, когда все это происходило, в «Хронике Ура Линда» обозначено так: «сто девяносто три года после того, как потонул Атланд», то есть 2000 г. до Р.Х.

То что Альтланд — Атланд должен был находиться на Западе, — выясняется из того раздела «Хроники...», который называется «Все сие написано на замках». Согласно этому тексту, западная граница была образована «морем Вральды». А то что как море Бога миров и Небесного Бога обозначается Атлантический океан, это находит подтверждение в традиции мексиканских тольтеков, в их учении о Кецалькоатле, о североатлантическом короле-жреце из Тулы (= Туле), который после падения своего царства отправился на Восток, навстречу восходящему Солнцу, и доплыл так вплоть до «небесных вод», *ilhuica-atl*, как в мексиканской традиции вплоть до настоящего времени именуется Атлантический океан (подробнее см.: «Священная Протописьменность», с. 107, 388).

Тот факт, что Кецалькоатль является североатлантическим Спасителем из Страны Вод, с острова Тула (Tula), на основании целого ряда разных мотивов доказывается в «Священной Протописьменности» (с. 110 сл., 121, 125, 440, 479—480, 493 и т.д.). В последнем разделе этого масштабного исследования приведены дальнейшие исследования вопроса об Атлантиде в связи с вопросом о загадочной Северной столице Туле³⁴. Стоит добавить, что остров Тула как Изначальная Родина сохранился и в североамериканской традиции и в ней получил название «черепаха», что является самым распространенным космогоническим мотивом и обнаруживает связь с сибирской, евразийской традицией, явно ведущей свое происхождение из «ultima Thule» античного предания.

Также и четыре острова Тула (Туллан) анналов Какхикеля (Cakchiquel-Annalen), откуда ведут свое происхождение западные племена, должны быть отождествлены с «другими островами» традиции, переданной через Платона. Эти острова должны находиться западнее, чем остров Атлантида, и через них должен про-

легать путь к «расположенной напротив крепости», то есть путь к южным берегам Месоамерики и Северной Америки.

Что же касается проблемы Атлантиды, то здесь я укажу на мое старое исследование этого вопроса в «Происхождении Человечества», с. 105 сл. и 155 сл.

Крайне важным дополнением к приводимой мной в этой книге западноевропейской традиции, повествующей о «белом острове», Стране Предков (Ahnenland), Острове Душ (Seeleninsel), является восточнофризское сказание о белом Аланде (von dem *weissen Aland*), острове мертвых. Сказание это, между прочим, бытовало еще в середине прошлого столетия. К одному рыбаку по имени Ян Хуген, жившему в Месмерсиле, напротив Беермероога (Beermeroog) (Бальтрум), и подрабатывавшему перевозкой из Беермероога (Beermeroog) в Нордерней, явился однажды, в день зимнего солнцестояния, когда дни являются самыми короткими, некий незнакомец, одетый как купец. «Так было всегда, так было уже во времена, когда был жив отец Яна и его дед, так было, начиная с самых древних времен». С этим таинственным незнакомцем он договорился переправить души умерших на «Белый Аланд», куда «все мы обязаны будем отправиться». Переправка состоялась, когда в небе стояла полная луна, а башенные часы пробили двенадцать. Они плыли вдоль Беермероога (Beermeroog), вдоль Акхумер Ее (Akhumer Ee), а затем — в открытое море, держа курс на Штеркенсму (Stoerkensmu). Следуя этим путем, он приплыл ночью к «Белому Аланду», где и высадил свой невидимый груз на землю.

Это — последний отзвук древнейшей истории, повествующей о стране предков, которая потонула в море. Как и в сильфских сагах, с их темными извещениями о Небесном Боге предков, Уальде (*Лесе — Uald = Wald*) и небесном корабле, называемом *Маннигфвальд* (*Mannigfuald*), здесь перед нами последний отголосок архаического предания о зимнесолнцестоянческом погребальном корабле (*Geleitboot*).

В то время как «Белый Аланд» обозначает остров в Северном море, который погрузился на дно в «злую годину», на рубеже IV столетия до Р.Х., в 1888 г. «после того, как потонул Атланд», мы будем искать Альдланд—Атланд в современном канале и юго-

западнее от Ирландии. Ведь это — та самая область, которая в период раннего каменного века была затоплена водой и оказалась на дне морском. С тех пор Британия отделена от Фрисландии. И остались только *submerged forests*, «потонувшие леса», следы которых под водной гладью в недавнее время были обнаружены у побережья Ланкашира (Lancashire), Чешира (Cheshire), Сомерсета (Somerset), Девоншира (Devonshire), Барнстэля (Barnstaple), Торбэя (Torbay), в устье Темзы, в Эссексе и далее вплоть до Хольденеса. Все это подтверждает единственный сохранившийся письменный источник, говорящий нам о двух «злых годах», а именно — «Хронику Ура Линда».

и) Народ Финды и Маги

Имя «Finda» в той традиции, которую сохранила «Хроника Ура Линда», означает восточную, азиатскую расу: «Финда была желта, а волосы ее были подобны конской гриве».

Это восточное, протомонголоидное, внутринеазиатское коренное население Северной Европы, племена рыбаков и охотников, известно нам из нордической традиции под именем «финны» (Finnas), которое тождественно собирательному названию Fenni у Тацита (Germania, cap. 46), который их описывает как охотничье население, стоящее на более низкой культурной ступени и вообще не занимающееся земледелием. Еще и сегодня в Европе понятие Finneg используется как обозначение лапландцев.

Укажу здесь на относящийся к данной теме раздел моей книги «Происхождение Человечества» (IV Главная часть, раздел 35: «Финны как коренное население Северной Европы»), на который я уже ссылался. Там я уже приводил сообщенное Ханзеном (Hansen) место из северофризской саги о Сюльте (Sage von Sylt), которая в позднейшей бурлескной обработке донесла предание о борьбе между высокорослыми представителями северной расы, фризами, и — с другой стороны — низкорослыми, похожими на гномов «ондереншами» — Ond'ereenschen (по-датски — underjördiske), которые в Эдде называются цвергами из рода двалинов (*Dwalin-Stamm*). Глава их носит имя Finn, что в эддической традиции также является именем цверга³³⁵.

Культурно-исторические подробности традиции саг о Сьюльте в контексте нашего исследования очень показательны: «Когда сперва фризы прибыли в Сьюлт, они изгнали *маленьких (низких) людей, которые уже были там*, на север, на пустоши и в степи, и заставили их жить там. А эти маленькие люди, которые принадлежали к финнлаппам (Finnlappen) или к кругу Кельты (Keltring), забрались на холмы и в пещеры, ушли на пустоши, в степи и в леса, низкорослые поросли которых заполняли тогда низменности Северной части Брэдэрапа. Питались они, по большей части, ягодами и моллюсками в раковинах, а также ловили рыб и птиц и собирали птичьи яйца. У них были *каменные топоры, ножи и боевые молоточки*, которые они сами умели шлифовать, и, вдобавок, из земли и глины они делали себе горшки и черепки».

Образ этих финнлаппов с их верховным Финном во главе, живших на холмах, в земляных домах — это образ охотничье-рыбачьего населения Балтики, стоящего на ступени развития, соответствующей раннему каменному веку (неолиту), и относящегося не к нордической расе.

Что же касается иммигрантов (переселившихся туда фризов), то в сравнении с «финнами» они казались великанами³³⁶, и поэтому два повествования саг о Сьюльте должны совпадать:

а) Переселение фризов, как прагерманцев, в раннеолитический период в Сьюлт. Они суть носители культуры мегалитов, именно они возводили огромные каменные гробницы, так называемые «хюнебебды»³³⁷. Сьюлт относится к древним крепостям Северного моря, а также к центральной, сердцевинной территории древней культуры мегалитов;

б) фризское возвращение назад после наступления «лютой зимы», стремительного ухудшения климатических условий, эпохальной водной катастрофы, которая произошла в последнем тысячелетии до Р.Х. «Хроника Ура Линда» очень подробно сообщает об этом возвращении (с.93, 107), а также и о том, что земли наши вплоть до сего дня были заняты лишенными своего крова племенам Финды (с. 47).

Но эта борьба между северными народами Туата и восточными народами Финды восходит уже к раннему каменному веку, а найденные в огромных гробницах скелеты позволяют сделать вывод,

что в ту эпоху расовое смешение уже полным ходом шло на пограничных наших территориях. Также и шведский антрополог Фюрст (Fuerst) в заключение своего исследования о «Краниологии Швеции эпохи каменного века» делает такой вывод: «Итак, все указывает на то, что длинноголовая (долихоцефальная) северная раса проникает в не занятые брахицефалическими народами территории, занимает их и попутно смешивается с этими брахицефалами».

По поводу еще сегодня заметного расслоения между норвежским населением, относящимся к обеим расам, см.:

Рисунок 233. Норвежский крестьянин, относящийся к типу «Финды».

Рисунок 234. Норвежский крестьянин, по крови принадлежащий Фрейе (по Ханзену).

Также и эддическое предание эпохи саги знало эту монголоидную изначальную расу как кабальное, служилое сословие, подчиненное нордическому крестьянству и вышедшему из него сословию Ярле — Jarle (ярлов). В «Рассказе Рига» о сотворении людей на морском побережье сообщается, что первая человеческая пара жила в очень маленьком хуторе и что первая женщина родила на свет малыша «с темной кожей и темными волосами» (horundsvatr). Он был назван «рабом» (rǫæl).

(8) Морщинистыми и грубыми были его руки,
черными — ногти и невзрачным — облик,
узловатыми — лодыжки, согбенной — спина,
толстыми — пальцы, длинными — пятки.

К тому же присоединяется изображение «девушки» с «плоским носом». В качестве образца к этому расовому описанию можно добавить еще и рис. 233, а из доисторических образцов:

Рисунок 235. Бронзовая фигура, найденная у Химмельсберга, церковный приход Ланглетц, Еланд.

Рисунок 236. Бронзовая фигура, найденная около Лаксеби, церковный приход Кепинг, представляющая широколицый расовый тип с лучащимися волосами. Фаллическое положение рук этой последней фигуры является верным признаком ее восточного, лаппо-финского происхождения, что будет объяснено далее.

Тот факт, что народ Финды пришел с Востока, а до этого был распространен также на территории «Атланда» (с. 25), является очень важным этнологическим сведением, содержащимся в «Хронике Ура Линда». Как уже отмечалось в моей книге «Происхождение Человечества», представители этой протомонголоидной, азиатской коренной расы³³⁸ засвидетельствованы даже в Западной Европе, например в Нормандии, вплоть до того, что в традиции ирландских саг они именуется *fir bolg* — «люди со шкурой» — с мешком или лодкой, сделанной из кожи.

Крайне важное сообщение о переселениях восточноевропейского, азиатского населения содержится в надписи на стенах Варабурга при Альдегамунде (с. 48). Согласно ей, через 101 год после того, как потонул Атланд, т.е. в 2092 г. до Р.Х., с Востока должен был прибыть некий народ, вытесненный другим народом. Как следует из дальнейшего повествования, этот «другой народ» был «диким», он был народом наездников (с. 50). А первому народу тут дается очень подходящая характеристика (с. 48): «У того народа нет имени: мы называли их финнами (Finna). — Оружие у них каменное, а у жрецов Маги (мадьяр-жрецов) — медное».

Итак, народ, несущий культуру медного века, был изгнан с дальнего Востока диким азиатским племенем наездников и стал переселяться на Запад. Здесь мы имеем первое и последнее сообщение о вторжении гуннов, которое в течение последующего исторического периода повторится еще не раз.

Указание, что в случае «другого народа» мы имеем дело с народом наездников, является важным, поскольку отсылает нас к бронзовому веку (II тысячелетие до Р.Х.). В наскальных рисунках мы видим боевые *колесницы*, но не конных воинов. В Британии боевые *колесницы* стали появляться только во времена Цезаря. И особенным значением в свете упомянутой в «Хронике Ура Линда» праисторической древнефризской торговой поездки в Египет приобретает найденная в одной фиванской гробнице боевая колесница, явно северная по своему происхождению, то есть сделанная из древесины тех лесов, которые растут только на Севере!

Изображение вооруженного копьем и, вероятно, нападающего всадника с явно ненордическим, *четырёхугольным и прямоугольным* типом щита, появляется в наскальных рисунках Южной Швеции, в

«Карта народов Европы по Птолемию (II в. по Р.Х.): Балтика и Скандинавия представлены здесь как страна «Финнов» (Finno). Карта приводится по следующему изданию: Sidtmund Schuette: Ptolemy's Maps of Northern Europe. Kopenhagen. 1917, fig. 31. S. XXXI).

Бохюслене у Тегнеби (in Bohuslaen bei Tegneby, Gem. Tanum) (рис. 237). Четырехугольный щит кругл, как космический, солярный символ. Укажу здесь на мое исследование данной проблематики в «Священной Протописьменности», с. 64 сл. и с. 251 сл., на щит Ахилла, равно как и на иллюстрации, табл. 11 и 12.

Этот щит по своему происхождению относится к эпохе каменного века, сделан сперва из дерева, а затем обтянут кожей и раскрашен очень неслучайными, значимыми, «геральдическими» — космически-символическими красками, которыми по коже прорисован знак ⊗, или ⊗, или ⊗. Также и в Новой Гвинее можно еще видеть следы корабля с руническим знаком Υ — руной «Человек», как «skira skreytir». Это, несомненно, памятник раннекаменного века, свидетельствующий о североатлантических влияниях и народных перемещениях, также как и древненордический рунический шрифт, обнаруженный на территории Верхнего Египта (ср. в «Священной Протописьменности», гл. 7). О такой же «геральдической» манере раскрашивать щиты, сохранившейся у германцев, нам повествуют римляне (Tacitus, Germania, cap. 6), что подтверждается найденными деревянными щитами.

Итак, народ культуры меднокаменного века был вытеснен на Запад с Дальнего Востока другим варварским народом всадников, по всей видимости, прибывшим из Азии и проникавшим все далее и далее. Здесь мы, как уже говорилось, имеем древнейшее историческое свидетельство о натиске *гуннов* на Запад в конце третьего тысячелетия до Р.Х.!

Неясно здесь лишь то, что это за народ, который нес меднокаменную культуру, задавленную и вытесненную «прагуннами».

Медно-каменная культура, которая в Восточной Руси в начале II тысячелетия обрывается, вследствие *переселения ее носителей*, — это так называемая культура Фатьяново (Fatjanovo-Kultur), география которой охватывает местность вдоль Оки, вдоль всего среднего течения Волги, включая такие города, как Орел, Нижний Новгород, Владимир, Москва, Кострома, Ярославль и Тверь. Свое название культура Фатьяново получила по главному центру, где были обнаружены скелетные захоронения — неподалеку от Ярославля. Погребальный инвентарь отчетливо указывает на *западные* контакты: круглые сосуды с древнеевропейскими ручками и гор-

лышками, молоточки-топорики, выполненные в форме лодочек, явно, скандинавские по своему происхождению, янтарь и т.д. Эта культура близка по времени культуре лодочек-топориков (Bootaxtkultur) Юго-Западной Финляндии и Скандинавии, и древнейших гробниц Дании и Шлезвиг-Гольштейна, однако в Центральной России она не успела сильно развиться и быстро и внезапно оборвалась.

Культура Фатьяново имела контакты с народами Запада и Юга, о чем свидетельствует, например, медный топорик, явно происходящий из Юго-Восточной Европы.

От этой культуры мы располагаем также медными идолами Богов, памятниками племени Финды, которые особенно отмечены в «Хронике Ура Линда» как следствие обмана народа жреческой кастой. Такие идолы, длиной по 15,5 см, представляют Бога с арктическим ножом «Ул» (mit dem arktischen «Ul»-Messer), символом, происходящим из культуры Туле (рис. 238, Идол из Галича, Костромская область), головной убор которого имеет три уровня. К вопросу об истории этого, выше уже обсуждавшегося, арктического ножа и топора ulo (ulo-Messersund Axt), символа Бога Тиу (ᚦ), Бога зимнего солнцестояния, Уля в традиции Эдды, см. «Священную Протописьменность», гл. 36, особенно — табл. 392. В наскальных рисунках Онежского озера этот Бог появляется в фаллическом виде, с ножом Ула (mit dem «Ul»-Messer) в руке (рис. 239).

Еще один медный идол из галичских находок (рис. 240) также представляет зимнесолнцестоянческого Бога, держащего руки так, что они образуют круг (Год = ☉) ср. «Священную Протописьменность», гл. 30, табл. 302). От Его головы и плеч исходят лучи. В таком же виде мы узнаем Его и на хеттских цилиндрических печатях III и II тысячелетий до Р.Х.

Наш рис. 241 представляет Бога с таким же головным украшением, как и у галичского идола, венцом из лучей и руками, образующими Круг Года. Из Его плеч проистекает вода жизни, как и на шумеро-вавилонских цилиндрических печатях; Он также имеет знак ✱ — знак Бога — Года (шумерские Божества Ан, Ану, Дингир, аккадское Божество Илу), а также печать новой Луны (Нового Года).

Хетты (*die Hettiter*) — это собирательное название смешения из разных народов, возглавлявшегося *арийским правящим или господствующим слоем*³³⁹. В третьем тысячелетии до Р.Х. они были вытеснены из Юго-Восточной Европы, из Южной России, прошли по всему Кавказу и, начиная со II тысячелетия, образовали мощное государство, простиравшееся вплоть до Сирии. Из составлявшихся ими клинописных текстов мы теперь знаем общие для арийских иранцев и индийцев имена Божеств: Варуна (Бог в водах), Митра (*Mithra=Mitra*) и Индра.

Эти факты важны для нас, потому что традиция, переданная «Хроникой Ура Линда», сообщает о народах Финды, что у них были жрецы, являющиеся «единственными господами»: «сами себя они называют Мадыяра (*Magjara*)»⁴⁰. Самый главный из жрецов именуется у них „Маги”⁴¹. Он является одновременно и верховным жрецом, и королем. Все другие народы, хотя и не принимают такого государственного устройства, вынуждены считаться с силой этого народа. Имени же у него нет. Мы называем этих людей финнами, но завидовать им не следует, поскольку они суть рабы своих жрецов. Оружие у них каменное, а у мадыяр — медное.

Господствующее сословие жрецов уже имеет оружие раннего железного века, и с его помощью оно возвышается и правит народными массами, которые по-прежнему вооружены на манер людей из каменного века и подчиняются королю-жрецу «Маги». Если мы будем понимать название «мадыяры» как позднейшее, средневековое, либо как гуманистическое перетолкование слова «маги», то мы получим связь с понятием «маги», которое, как известно, имеет иранское, персидское происхождение. Античная традиция определяет «магов» (по-гречески — *μάγοι*, по-латински — *magi*) как понятие касты, персидское по своему происхождению. Имеет ли понятие «маги» и в самом деле арийское происхождение — довольно спорно, поскольку в Авесте, священном собрании законов, провозглашенных реформацией Заратустры, оно не упоминается вовсе. Вероятно, мы должны видеть в их касте (авестийское *maghu* — это то же самое, что и немецкое «*mage*» — «родственный») позднейший жречески-шаманский союз, происходящий из арийско-азиатского и переднеазиатского, ориентального расового и духовного смешения. «Маги» «Хроники Ура Линда» и

его жреческая каста представляют собой, как кажется, хеттско-скифский аристократический слой, повелевающий восточным и азиатским смешением народов.

Эта группа народа, происходящего из Средней и Южной России, достигла Балтийского моря и постоянно стремилась вперед, проходя сквозь места расселения диких азиатских всаднических орд, а в 2012 г., по данным «Хроники Ура Линда», напала на Шонланд и на Данию.

В связи с этим особенной важностью для нас наделяется тот факт, что в Шернене, кр. Мемель (Scherpen, Кр. Memel), под камнями была найдена бронзовая фигура хеттского Бога Тешуба (рис. 242), Бога Неба и Грозы³⁴². Эта находка была изготовлена во второй половине II тысячелетия (ок. 1500—1000 гг. до Р.Х.). В руках этот Бог должен был держать копьё или меч. На нем шапка конической формы, вполне типичная для Богов хеттского культурного круга, ср. наскальный рельеф святилища Язылыкая³⁴³ с процессией «безруких» Богов Года с круглой — «годовой» по своему символизму — головой (⊕) и «капителью» из рогов, из которой происходят знаки ⊕ и Υ, и т.д. («Священная Протописьменность», табл. 266, № 2). Аналогичный бронзовый идол Бога в конической шапке с круглым навершием представлен на рис. 234 (найден он был в гробнице Гермеса Кранайоса у города Сибрита (Sybrita) на Крите и происходит еще из микенского периода.

Коническая шапка с круглым навершием, явно фаллический образ человека, сидящего с подобранными под себя ногами, дошел до нас в виде идола Божества с чеканно прямым носом и длинной и также прямой бородой (рис. 244). Этот бронзовый идол, найденный в Мооре при Реллинге (Moog bei Raellinge), церковный приход Лунда (Lunda), округ Йонаккер (Jonecker), Зедерманланд (государственный исторический музей), должен восходить к началу нашего теперешнего летосчисления. Здесь мы в конечном счете имеем сложную германско-хеттско-лапландско-литовскую смесь, очень пестрый комплекс, где отчетливо видно смешение расовое и культурное, ставшее причиной деградации, разрушения и вырождения нордичеккой духовной культуры.

От бронзовой фигуры из Реллинге идет прямая линия непосредственной связи с образом Фрейра, который, по сообщению

Адама Бременского, стоял в Упсале с огромным фаллосом (*ingeniti priaro*). Такое вот изображение в Швеции в порядке совершения ежегодной жертвы (*árbót*) обвонилось весной по кругу вместе со жрицей, которую именовали «Супруга». Посмотреть на эту процессию стекался народ со всей округи, неся с собой жертвы, смысл которых — добиться плодородия в наступающем году. Если жрица становилась беременна, то это считалось хорошим знаменем и предвещало плодородный год (*Formannasoegur*, 2, 73 сл.). Ему, по сообщению Саксона грамматика, приносились также и человеческие жертвы.

Наличные факты проясняют тот ужас, который фризы-традиционалисты (*die altgläubigen Fryas* — т.е. «фризы-староверы». — *Прим. пер.*) «Хроники Ура Линда» испытывали перед разрушением обычаев, «грязными» суевериями выродившихся родственных германских племен, которые попали под власть мадьяр, и позволили духу народов Финды и их жречества заглушить чистое Божественное Учение и неиспорченные обычаи.

Этим же объясняется и вторжение идолов фаллических Божков в область Южной Швеции, их появление в наскальных рисунках, например в Аспебергет (округ Танум) — где были обнаружены «молящиеся» Божки с воздетыми руками и огромным рогатым фаллосом — символом плодородия древнегерманско-восточного культового ритуала³⁴⁴ (рис. 245). Тот же мотив присутствует и в изображениях детей и пахаря, или оленя и охотника, стреляющего из лука, или же в изображении подошвы (ср. «Священную Протописьменность», гл. 23) и символов Года и Матери-Земли (ср. там же, рисунки к тексту — II. S. 88).

Приближающийся Бог с огромным фаллосом изображен стоящим или плывущим на корабле или даже на кораблях (мотив погребального корабля). Но напрасным занятием будет искать такие изображения в культовой символике нордической культуры мегалитов с ее каменными гробницами. Также бесплодно будет их сопоставление с североамериканскими наскальными рисунками и мифами, поскольку расовая сущность автохтонных североамериканских индейцев чиста, и соответствующие мотивы появляются только в мифах и сказаниях тех индейцев, которые в более поздние времена переселились из глубин Северной Азии.

Это чисто *азиатский духовный комплекс*, который связывает азиатскую расу с темной расой Юга, негритянской коренной расой, элементы культурного наследия которой до сих пор различимы в арийско-индийской религии. Наскальные рисунки из Аспбергета (Aspberget) представляют собой непосредственную иллюстрацию к пассажу из Атхарваеды (XI, 5, 12), где ликующее и связанное с грозой Солнце (Соляренный Бог) несет над Землей очень большой пенис (brīhach-chhepas). Этот огромный эрегированный пенис является символом новой силы и плодородия возродившегося Бога, Бога — Ψ , moldar auki, «Того, Кто умножает пыль», в то время как в точке зимнего солнцестояния Он обозначается как «бессильный» — Бог-Евнух (vadhri), заключенный в дереве (деревянном саркофаге, ящике из дерева): см. Ригведу V, 78. Сюда же относится и миф об Атри Саптавадхри, который был освобожден Ашвинами.

Все это есть духовный мир азитских коренных рас, который все еще проникает в арийскую народную религию и в религию интеллектуалов, светлую религию космического Духа Миров, вследствие расового смешения³⁴⁵. А проникая туда, этот низший духовный мир очеловечивает Миф Годового круга, овеществляет его, заменяет анимистическими представлениями о духах и демонах. Но на протяжении всей истории против этого восстает арийское духовное наследие, которое возвращает померкнувшую народную религию на высоту Идеи и высокого абстрагирования, оставляя испорченные и затемненные части народных верований и суеверий на произвол судьбы. В этом и состоит биологическая причина обновления индийской веры древнейшего ведического периода, веры в Небесного Бога (Дьяуса) — в Ригведе, вплоть до учения Будды, в котором древняя народная религия была отвергнута и сохранено только самое важное, ядро арийского Богопознания: то, что Бог находится в нас, и что мы от этого Бог-в-нас (Gott-in-uns) и мы-в-Боге (Wir-in-Gott) должны сами обрести спасение.

Таким же отдельным этапом в арийско-иранской религиозной истории является реформация Заратустры, а в древней стране Амуру — обновление веры, предпринятое галилеянином Иисусом, который вернулся к древней аморейской религии Бога J-A-U (Jahu), к религии тех, кто создавал мегалитические гробницы и

почитал Бога «il», «el». Иисус возвратился к этой древней традиции, отвергнув ее овеществление и ориентализацию в иудейских хвистских перетолкованиях.

С расовой, духовной и религиозно-исторической точки зрения северных Свободных-у-Бога, почитателей Вральды, лучше всего характеризует их суждение о народе Финды, которое приводится в «Хронике...»: «...но завидовать им не следует, поскольку они суть рабы своих жрецов, но, что еще хуже, мнений этих жрецов. Они полагают, что все полно злобных духов, сильнейшими и злейшими из которых являются те, которые содержатся в людях и животных. Но о Духе Вральды они не знают ничего. Мадыры рассказывают, что они могут изгонять и заклинать злых духов. Поэтому народ трясется от страха и благоговения перед своими жрецами. Чувства же радости он не испытывает никогда».

Сюда же относится и место из вступления ко «Второй части древнейшего учения», и богословская полемика между Нихелленией и эгейскими князьями-жрецами микенского периода (с. 62—64). Здесь мы также находим нордический слой аристократии, которая господствует над остальным народом, смешавшимся с прочими расами еще в эпоху раннего каменного века. То есть северо-атлантическую верхушку, управляющую темной расой аборигенов, все еще по-прежнему несущей на себе след благородства — то есть мы имеем дело с нордически-средиземноморски-восточно-африканским комплексом.

С точки зрения истории расы и культуры очень верным и убедительным является изображение «Хроникой Ура Линда» того, как изначальная нордическая вера и ее иерархический институт «народных матушек» и Белых Дам были переосмыслены, переоценены и низведены до заурядного надувательства набожных крестьян дельфийской пифией или римскими весталками.

«Грязные праздники», оргиастические, так называемые «дионисические» мистерии, творение этих жриц — ясный и чистый взгляд Свободных-у-Бога людей Севера признавал за что-то несвободное, нечистое, чуждое по духу и отвергал их словами краткими и простыми. Нордическому человеку этот восточный оккультизм, мелочная лавка всевозможных таинств, являвшихся привилегией жрецов, просто не были нужны³⁴⁶.

Поэтому «грязны» для него фаллические культы, лишенные естественной простоты и соответствующие низменно-финской, звериной и даже еще более низкой душевной организации (*untertierische Seelenverfassung*).

То, что эта «примитивно-общинная культура³⁴⁷» — как гласит одно из модных ныне выражений — не является нордической и что фаллический культ на Севере имеет азиатский, *лапландский* исток, уже было признано другими исследователями, в том числе Ольриком и Розеном (*Olrik und Rosén*). Также и сама позднеэддическая традиция представляет в *Volsapattr* эту нордическую культуру смешения, «финский» фаллический культ на норвежском крестьянском дворе, где каждый вечер перед едой обносили по кругу пенис Ластхенгста (*Penis des Lasthengstes*). В то время как крестьянин и его дочь против этого обычая выступали и протестовали, жена крестьянина и дворовая девка все это принимали: в них говорила кровь Финды и наследие этого племени. А насмешливая непристойность готовящегося к этому ритуалу сынишки олицетворяет весь трагизм мужчины, лишенного своих нордических корней и смешавшего свое собственное родовое наследие с чужеродным.

А наша германистика вплоть до сего времени по причине полного незнания доэддического духовного мира народов Норда и соответствующих памятников повсеместно толковала найденные фаллические идола как древнегерманскую «примитивно-общинную культуру». Тогда как с точки зрения древнефризских почитателей Вральды, все это является порождением «лютой години», повлекшей за собой деградацию германского мира (с. 92, 97).

«Финские» фаллические изображения божков являлись осквернением священной Матери-Земли, ее утробы, Земли Божией, Одалы (*odal*). «Но Иртва (Земля) захотела показать, что ни Маги, ни жутких идолов она не допустит в свою священную утробу, из которой она родила Фрейю». Она «потрясала лесами и горами. Реки хлынули на поля и затопили их. Море кипело, бурлило и хлопотало. Горы извергли огонь в облака, и то, что они выбросили, облака швырнули обратно на землю. В начале урнемоната (месяца урожая) Земля склонилась к Северу. Она тонула, погружаясь все глубже и глубже. В волчий месяц (зимний месяц) Нижние Мар-

ки³⁴⁸ земли фризов лежали, погруженные в море. Леса, полные разных идольских изображений, были подняты вверх в вольной игре ветра и брошены в море».

К вопросу об этих предположительно «германских», а на самом деле «финских» фаллических идолах (по-лапландски *Storjünkare*), ср.:

Рисунок 246: находка из Бродденбьберг-Моора (*Broddebjærg-Moog*), церковный приход Асмильд, округ Миддельсон, ведомство Выборг, Ютландия. Вместе с насыпью камней и урной там была обнаружена фигурка (88 см) с огромным фаллосом, сделанная из дуба.

Рисунок 247: деревянная (еловая) фигура, длиной 1, 61 см., со специальным отверстием для вставления фаллоса, найденная при раскопках в Старом Фризаке (*Alt-Friesack*), что на озере Руппинер (*Ruppiner See*).

Рисунок 248: находка из Моора, из старой бухты около Рооса в Хельдернессе (*bei Roos in Holderness*), откуда в былые времена был выход в устье реки Хумбер (*Humbermündung*) (хранится в музее города Хулля). Четыре рыцаря с деревянным круглым щитом и булавой на корабле-«червяке» (древненордическое название которого — *ormr*). У каждого из них на месте фаллоса — отверстие.

Первая и последняя находки отчетливо связаны с культом мертвых и культом зимнего солнцестояния. По поводу корабля в форме «червяка» (змеи) см. «Священную Протописьменность», табл. 130, № 1 и табл. 132—133. На основании сопоставленного мной в этой работе археологического материала можно сделать вывод, что находка из Хулля не обязательно является памятником эпохи викингов, но может восходить уже к бронзовому веку, то есть относиться ко II тысячелетию до Р.Х.

К общему вопросу, который здесь поднят, а именно вопросу о том, что же, собственно, в эпоху Эдды в так называемой древнегерманской религии было подлинным и древнегерманским, мы еще вернемся в заключении, в самом конце нашего исследования рукописи и источников ее содержания.

Результаты современных исследований раннеисторического и праисторического периодов подтверждают те культурно-исторические и духовно-исторические сведения, которые содержатся

в «Хронике Ура Линда» о вторжении восточных народов под предводительством князей-жрецов юга-востока Европы.

Вдобавок к уже приведенным свидетельствам нужно упомянуть некоторые находки, до сих пор не получившие никакого объяснения:

Рисунок 249. Сабля из *обедненной цинком* (!) бронзы, найденная возле Норре в Восточной Готландии (Norre in Ostgotland), 60 см в длину (Природный музей Стокгольма, 10505).

Рисунок 250. Такая же кривая сабля, найденная возлу Фаурскова, Фюнен (Faurskov, Fuenen), Дания, сделана из кремня, длиной 34,5 см.

По этому поводу *Монтелиус*³⁴⁹ замечает: «Возле Норре в Восточной Готландии было найдено бронзовое оружие, подобное сабле, относящееся, вероятно, к первому периоду. В Скандинавии или в остальной Европе металлическое оружие подобной формы не было известно вообще. Но в Дании был найден большой нож с одним лезвием, сделанный из кремня, который обнаруживает такое сходство, как если бы он был выполнен из камня по образцу этой бронзовой „сабли“. Большое умение, которое было необходимо, чтобы такую саблю из кремня изготовить, говорит за то, что мы здесь имеем дело со свидетельством *из очень ранней эпохи бронзового века*».

Таким образом, мы отодвигаем датировку этого совершенно ненордического оружия вверх, к самому началу II тысячелетия до Р.Х., руководствуясь при этом указанием «Хроники Ура Линда», что мадьяры и народы Финды обрушились на Балтику и проникли в Данию и Южную Швецию.

Форма этого загадочного оружия так же отчетливо указывает на Переднюю Азию, как и колпаки хеттских Богов из находок в Чернене (рис. 242) и в Реллинге (рис. 244).

Уже в 1924 г. я описывал и сопоставлял памятники, в том числе кривые переднеазиатские сабли (см. рис. 251) с нашими нордическими находками. Такие же сопоставления проводил и Л. Франц (1928). Так же как и Х. Боннет (H. Bonnet), он выразил ту самую мысль, которая была на этот счет и у меня, а именно, что закругленные сабли возникли из деревянных бумерангов, и сопоставлял обе наши нордические находки с опубликованными Л. Хойцеом (L. Heuzey) изображениями сабель Передней Азии.

Рисунок 251. а) оружие в руке Бога Мардука (ок. 850 г. до Р.Х.); б, с) оружие, найденное в гробницах в Телло (Tello): б) длиной 41 см; с) длиной 27 см; d) изображение аналогичного оружия на барельефе, одном из древнейших памятников из Телло (Tello), по времени еще более древнем, чем Ур-Нина (Ur-Nina).

Зесь мы видим переходную форму между саблей и бумерангом, происходящую из Северной Европы и обнаруженную при раскопках в районе озера Брабанд около Аархуса (Ютландия). Сделана же она была уже в самом конце палеолита (Maglemose-Koeffenmoeddinger-Zeit). Подлинно сабельный тип представляет собой, например, бронзовая сабля Адад-Нирари Первого, ассирийского царя, жившего примерно в 1325 г. до Р.Х. Это — специальная сабля для церемоний, несущая на себе царскую надпись, и, предположительно, находившаяся первоначально в руке статуи какого-то Божества.

Такая форма оружия, в Северной, да и во всей остальной Европе очень редкая, отчетливо указывает на малоазиатские образцы. Также и В. Герте (W. Gaerte) утверждает, что здесь речь идет о *«специфически хеттском типе»*.

Но тем самым переселение народов под предводительством короля-жреца Маги, впервые засвидетельствованное в «Хронике Ура Линда», становится археологически доказанным фактом. Также и окружение предметов, вместе с которыми была обнаружена эта переднеазиатская бронзовая сабля, указывает на то, что культура этого чужестранного народа действительно была культурой раннего медно-каменного века.

И теперь перед нами встает вопрос, являлось ли это вторжение чуждых народов в область культуры мегалитов причиной того, что погребение в больших каменных могилах (родовых склепах) во II тысячелетии до Р.Х. постепенно вытеснило обычай трупосожжения. Обыкновение сжигать своих покойников появляется сначала в раннекаменном веке, причем появляется спорадически, в том регионе, который простирается от берегов Днепра через всю Германию, вплоть до Северной Франции. А из этой зоны трупосожжение распространяется далее на север и на юг. Но надлежит пройти еще очень долгому времени, чтобы он утвердился на более значительных территориях. На Севере он достигает совершенного гос-

подства лишь в конце второго и начале третьего периода бронзового века, то есть в середине II тысячелетия до Р.Х. Во Франции — только к 4-му периоду, а в Греции — лишь в Дипилонскую эпоху (Dipylonzeit). Таким образом, мы уже можем обозначить маршрут «Маги», идя по тем немногим следам чуждых народов, наличие которых в нордической культурной истории отчетливо можно установить, начиная с их господства в районе Балтийского моря. Но в культурном смысле «Маги» ничего не дал Северу: кроме фаллических культовых образов, мы не находим никаких «духовных» памятников от этого господства народов Финды.

Это господство в соседних восточных регионах короля-жреца Маги, простиравшего свою власть от древнеингвеонского побережья Северного моря вплоть до Южной Швеции, Дании и Восточной Германии, заканчивается вместе со «злой годиной», как то и описано в «Писании о Нордланде и Шонланде» (ок. 300 г. до Р.Х.). А свергло его возрождение германского народа. «Мы прогнали финнов в то место, где они должны были жить. Там были и некоторые со смешанной кровью: они должны были оставаться там, где жили до этого. Но многие пошли вместе с финнами» (с. 97).

С тех пор, например, на нидерландских урнах снова встречаются праисторические символы, все наши священные знаки Года-Вральды (рис. 123), в то время как на урнах периода бронзового века такой символики было очень мало: весть о вере наших предков они почти не несли.

Бросается в глаза, что в эпоху германского железного века мы наблюдаем *возрождение* древних погребальных сооружений эпохи мегалитов, например, обнаруживаем открытые дольмены, обращенные в сторону юга (зимнесолнцестоянческая ориентация). Такие дольмены мы находим, к примеру, возле Бельминге, Беккегард (Boelminge, Baeckegerd), в церковном приходе Неттъя, Самланд (Noettja, Semland), а также возле Фребеке (Froeboeke), церковный приход Бреаред (Breared), Голландия. Также и «могила Фаграса» («Fagras-Grab») с погребальным инвентарем каменного века, периода, предшествовавшего римскому владычеству, выполненная в форме «древнейшего» знака $\downarrow$ («Луца»), восходит к формам неолита, которые сохранились в неолитических памятниках шведских наскальных рисунков, и на тех памятниках, которые об-

наружены на территории от Ирландии до Сардинии («Священная Протописьменность», табл. 71, № 11—16, 23—25).

И лишь тогда на Севере возрождается обычай погребения трупов в холмах или на специальных кораблях, вместе с жертвоприношением свиты из слуг умершего, «проводящих» его в последний путь, с пышным «приданым» и т.д., такие погребения мы находим также в курганах Южной России и в переднеазиатских захоронениях царей. А наши предки в эпоху мегалитов символически уподобляли своих покойников в могилах плывущим на погребальном корабле и рисовали их в таком виде на скалах или на камнях — вне самих гробниц или прямо в них. Они понимали, что эта поездка — поездка через Юл, путешествие в Новый Год, в новую жизнь.

И хотя с господством Маги и его народов Финды было покончено, восточные суеверия полностью пронизали высокую древнюю и чистую веру народа — а именно веру в Духа Миров (*veraldar god*).

«Писание о Нордланде и Шонланде» ясно говорит о жителях Нордланда: «С тех пор добрые нордические люди все чаще приходят за советом к матушке в Тексланд. *Но мы тем не менее не можем признать их подлинными фризами.*»

Начиная с этого времени и вплоть до вотанизма, в теологии скальдов эпохи Эдды в области Северного моря происходит полное разложение возвышенной религии эпохи народных Матушек, такая духовная деградация германцев, которую в «Хронике Ура Линда» неумолимо предсказывает ясновидящая «Белая Дама» (с. 76—78). Естественно, «ферментом декомпозиции» («*Ferment der Dekomposition*») была чуждая кровь, чужеродный дух народа Финды. И с тех пор человек Нордланда утратил и самого себя, и собственные основания. Вследствие этого, пребывая в неизбывном трагизме глубочайшей самопотери, нордический человек эпохи Эдды и саги продолжал переживать себя наследником своих предков, обладателем «священного писания» древнегерманской религии, и то, что он считал таковым, он, разумеется, продолжал сохранять.

И когда наши ищущие дилетанты, создавшие, начиная с братьев Гримм, целую «профессорскую мифологию», безо всякого руководства (*ohne Fuehrung*) отправились на поиски национальной

традиции, они сразу же оказались в руках «финского» колдовства, в руках «Маги». В возникающей теперь германистике, в лишенном всякого научного основания «арио-германском тайном учении» Гвидо фон Листа и вплоть до Рудольфа Джона Горслебена с его «Зенитом Человечества» (!) проявляются отвратительные финские волшебные заклинания Одина из «*Navamal*». Они выдаются при этом за глубокомысленную, «потаенную» мудрость предков и высшее откровение рунического знания¹⁵⁰.

Все это оттого, что путь к источнику, путь к «Матерям» не был известен, и лишь теперь наше духовно-историческое исследование вступает на этот путь. Оно разрушает «нечистые истории королей-жрецов», как уже однажды было предсказано нашей народной Матушкой и пророчицей в «Хронике Ура Линда», и позволяет нам снова обрести «древнейшие руны Высшего Бога», «древнейший символ Вральды» или Бога Времени, создавшего все вещи.

к) «Германская» девочка из Эгтведа

С заслуженной строгостью дева-градоправительница и матушка народа ругали разложение обычаев тех племен, которые несут в себе нордическую кровь, живут в Дании и восточнее Везера и подпали под восточные влияния (с. 77, 114). Речь Аделы на общем совете, большом тинге, дает ясное обозрение этой эпохи германской деградации (с. 76—78).

Судьбоносным является и то, что «Иртха» из своей утробы дала нам находку, которая призвана здесь подвести слова этой благородной фризской дамы. Сегодня, как и прежде, она хочет показать нам, что «что ни Маги, ни жутких идолов она не допустит в свою священную утробу, из которой она родила Фрейю».

«Мертвая находка», отправленная Иртхой обратно на свет божий, в нашу современную переломную эпоху (*Wendezeit*), была обнаружена в земле Моора, в Ютландии, около Эгтведа (*Egtved*), севернее круга Хадерслебена (*von Kreis Hadersleben*), в таком дубовом гробу, которые относятся еще к эпохе старшего бронзового века в Ютландии — наподобие тех, которые находили в погребальном холме возле Борум-Эсхоя (*Borum-Eshöi*), вблизи Архуса (*Erhus*) и «Триндхоя» (*Trindhöi*) — кургане возле Вамдрупа, около

Кольдинга. Дубовый гроб, «древо мертвых» из Эгтведа донес до нас обычай хоронить, свойственный нашим предкам: мертвая девочка лет 18—25, лежит в нем, завернутая в коровью шкуру: рис. 252a представляет открытое «древо мертвых», а рис. 252b — труп после удаления коровьей шерсти.

Следующий рисунок, 253-й, представляет мертвую с короткими волосами («под мальчика»), собранными в пучок. Она одета в курточку (рис. 254) из грубого материала и в короткую юбочку до колен (рис. 255), сделанную из шерстяных нитей, скрепленных сверху прочным поясом, подобным тем поясам, которые делали франки.

Эта юбочка из шнуров, являющаяся лишь своеобразным передником, выступает здесь снова как совершенно негерманский, эротический наряд, так же как и короткая стрижка «под мальчика». Ибо германская одежда раннего периода бронзового века прекрасно нам известна из упоминавшихся выше находок деревянных саркофагов. Также и в дубовом гробу, найденном в 1871 г. в погребальном кургане возле Борум-Эсхоя (Borum-Eshöi), вблизи Архуса (Egghus) в Ютландии, труп лежал, завернутый в покрывало из коровьей шкуры. В эту недубленую шкуру тело женщины было завернуто одетым в большое пальто, вытканное из грубой шерсти и коровьей шерсти. У мертвой были *очень длинные волосы*, которые предположительно были зачесаны и собраны в косу найденной тут же и очень хорошо сохранившейся расческой. На голове у нее был шерстяной чепец в форме сеточки. Затем она была одета в целиком сохранившееся платье из вытканной шерсти, состоящее из куртки с рукавами и *длинной*, по самые щиколотки, юбки. Нижний конец куртки смыкался с юбкой, которая широким кушаком затягивалась вокруг тела. Этот кушак был выткан из шерсти и коровьих волос и связан из трех изначально различных полос, заканчиваясь внушительного размера кисточками, сплетенными с особой тщательностью.

Рисунок 256. Отдельные фрагменты одежды покойников из Борум-Эсхоя (Borum-Eshöi), Ютландия: шерстяной чепец в форме сеточки, куртка с рукавами и юбка с кушаком.

Рисунок 257. Германский женский наряд раннего бронзового века, по материалам раскопок в Борум-Эсхое (Borum-Eshöi).

Девочка из Эгтведа, так же как и германская женщина из Борум-Эсхоя, одета в богатые и монументальные бронзовые украшения, как-то: фибулы (застежки) для кушака и обручи на руках и на шее. Прочее «приданое», положенное в гроб вместе с покойницей, сильно отличается от простых нравов раннего бронзового века, все еще несущего на себе отпечаток высокой нордической культуры эпохи великих каменных гробниц. Юная покойница из Эгтведа имела не только «стрижку под мальчика», то есть коротко состриженные волосы на лбу, но также и почти прозрачную «воздушную» юбочку до колен — элемент летней одежды, вместе с цветами, положенными в ее могилу, свидетельствующую о том, что хоронили ее летом. Далее, на ней был своеобразный «маникюр», что подтверждают ее сохранившиеся ногти на пальцах, элегантно закругленные и отполированные. В гробницу к ней был положен несессер с приборами, а также, для услады и подкрепления сил покойницы, — березовое ведро с медовухой, медом, а также в качестве провожатого — семи- или восьмилетний ребенок, который, однако, был не погребен, а предан сожжению.

То, что послала к нам обратно священная утроба Матери-Земли, является свидетельством вырождения и полнейшей деградации нравов северогерманского племени, проживающего в пограничной зоне, на границе североморского царства народной матушки из Текселя. Юная германская женщина, явно аристократического происхождения, была, вероятно, одета в «кокетливую» юбочку из шнурочков, сшитую по финскому образцу: ее спутницей в царстве мертвых была, вероятно, юная девочка народа Финды, служанка или подруга по забавам (играм).

Насколько такое облачение ненормально, следует из того факта, что праисторические германские одеяния прекрасно сохранились, прошли через века, и мы можем теперь сопоставить одно с другим. Еще в конце XVIII в. северофризская женщина носила меховое платье и шубу с вышивками, бывшие особенно любимым украшением у знатных римлянок, которым германская одежда привозилась еще две тысячи лет назад, тогда как одежда из шнурков предстает только на пластических изображениях бронзового века, как одеяние чуждых нам негерманских народов. Например:

Рисунок 258. Бронзовая фигурка, найденная в Саардале, западнее Выборга, Дания (ранний бронзовый век). Фигурка, высотой 5 см, подобные которой экспортировались в Ваксгус (Wachsguss), представляет почти совсем обнаженную женскую фигуру, сидящую на корточках и имеющую на себе только ожерелье, браслет на руке и юбочку из шнурочков, иначе называемую юбочкой франков (Frankengoesckhen). Ее левая рука положена под грудь, а правая поднята, и явно она прежде держала какой-то предмет (копье?). Лицо женщины грубое и широкое, с большими отстоящими от головы (лопухами) ушами, сильно выдающимся подбородком и вздернутым носом. Глаза ее заложены выпуклыми золотыми пластинками. Волосы на лбу лишь слегка обозначены, а на голове они смотаны в небольшой венец и спадают назад в виде косы.

Рисунок 259. Нож эпохи бронзового века с рукоятью в виде небольшой фигурки, найденный в урне около Кайзенберга, вблизи Итсхое в Хольштейне (Itshoe in Holstein) (Копенгагенский музей). Рукоять представляет женскую фигуру с зачесанными назад (слипшимися?) волосами. У женщины большие круглые серьги в ушах и браслеты на шее, а также есть указание на браслеты, какие носят на руках. Она одета в такую же юбочку из шнурочков, представляющую собой короткую набедренную повязку. В руках она держит чашу. Бросается в глаза *широкий рот с толстыми губами, а также плоский нос.*

Здесь также было погребено изображение служанки. По ровным характеристикам ее лица можно заключить о том, что образец, с которого это изображение делалось, был *негроидом*. И это опять-таки подтверждает предание «Хроники Ура Линда» о поездке древних ингвеонов в Африку, о черных и коричневых гребцах из народа Лиды на том флоте, который использовался для заморских плаваний. («Но это был не народ Фрейи, а черные или коричневые люди, которые работали гребцами на веслах, помогая путешественникам переправиться на другой берег».) По сообщению «Хроники Ура Линда», народ Лиды, живущий на берегу «отводного канала» Алькмарум³⁵¹ и в Лидасбурге, ежедневно приходил к дева-градоправительнице Форане, «чтобы учиться у нее тому, что есть истинная свобода и как люди должны жить в любви, чтобы сподобиться благословения Духа Вральды» (с. 89).

Это те самые черные или коричневые гребцы для заморских путешествий, которым перед великой катастрофой «лютной годины» удалось найти себе прибежище на кораблях, уплыв на них в южные страны вместе со спасенными девушками, которые стали их женами. Затем они поселились в покинутых землях, откуда их затем хотели выдворить вернувшиеся моряки Фораны и Лидасберга (с. 93). Но почетная матушка Госа дала совет, по которому они имели право в тех краях остаться: «Они пробовали твою соль и ели твой хлеб. Их тело и душа находятся под твоей защитой. Вы должны справиться обо всем у своего сердца. Но я хочу вам дать такой совет. Храните их до тех пор, пока вы будете в состоянии привести их в свои крепости. Но держите их вне ваших замков. При этом следите за их нравами и учите их, как если бы они были вашими сыновьями. Их женщины здесь будут сильнейшими. Их кровь испарится и рассеется, подобно дыму, пока наконец не останется ничего, кроме чистой фризской крови, текущей в потоках Фрейи».

Так они и остались здесь. Теперь же я хочу, чтобы мои потомки сами убедились в том, насколько Госа была права».

Рисунок 260. Бронзовый нож, найденный в холме возле Явнгида (Javngyde), церковный приход Тульштруп (Tulstrup), около Скандерборга (Skanderborg). На рукояти изображена женская голова, также с зачесанными назад волосами, которые на макушке головы образуют пучок. Петлеобразные уши были, вероятно, украшены кольцами. Кольцо мы видим также и на ее шее. Форма рта и монголоидный разрез глаз ясно представляют восточный расовый тип³⁵².

Как отмечает *Георг Гирке*, одежда германской женщины бронзового века из Борум-Эсхоя (Borum-Eshöi) соответствует современным женским нарядам из округа Херрештад, Шонен. Альфред Гетце отвергает поэтому одежду женской фигуры, изображенной на ноже из Итцехое, так же как и веревочный наряд девочки из Эгтвега, которые Гетце в равной степени называет зарубежными, ибо они резко противоречат обычаю одевать покойников из других дубовых гробов. Гетце совершенно справедливо возводит эти находки к «чужестранным, южным влияниям».

И лишь «Хроника Ура Линда» дает нам решение этой непростой загадки.

1) Будда в Древней Ингвеонии

То место в «Хронике Ура Линда», где речь идет о Будде, так называемые «Писания Хеллении», были единственным предметом, источниковедческой критикой которого, прояснением предметного содержания вообще никто никогда не занимался.

Соответствующее место в качестве его первого имени приводит имя Езус — «Jes-us»; враги же его, жрецы, называли его Фо (Fo), а народ именовал его Криз-ен (Kris-en) и его фризский друг называл его Буда (Bûda).

Среди книг Корнелиса Овер де Линдена были французское и нидерландское издания книги французского ориенталиста Константина Ф. Вольнея «Les Ruines ou Méditations sur les revolutions des empires» («Руины, или Размышления о переворотах империй». — *Прим. пер.*)³⁵³, где Будда (Boudha) упоминается в главе 12 — Chapitre XII и обсуждается в главе 13 — Chapitre XIII, которая носит название «Christianisme, ou culte allégorique du Soleil, sous ses noms cabalistiques de Chris-en ou Christ, et d'Yésus ou Jesus» («Христианство, или Аллегорический культ Солнца, почитаемого под каббалистическими именами Криз-ен или Крист (Христос), Йезус или Иисус»).

В главе XX Вольней говорит: «d'un même dieu, lequel, sous des noms divers, règne chez les nations de l'Orient. Le Chinois l'adore dans Fôt, le Japonais le revere dans Budso, l'habitant de Ceylon dans Bedhou et Bodah» (Вольней говорит «о том же самом Боге, Который под разными именами правит нациями Востока. Китаец почитает Его как Фо, японец грезит о нем как о Будсо, житель острова Цейлон — как о Беду и Бода. — *Прим. пер.*) и так далее. В относящейся сюда же сноске 21 — «Note 21» Вольней пишет: «La langue çinoise n'ayant ni le B ni le D, ce peuple a prononcé Fot ce que les Indiens et les Persans prononcent Bodd, ou Boudd (par où bref). Fot, au Pegou, est devenu Fota et Fta etc.» («Поскольку китайский язык не имеет ни буквы Б, ни буквы Д, народ этот произносит Фо там, где индийцы и персы произносят Бода, или Будда (растянуто или кратко). Фот, или Пегу, стал произноситься как Фота или Фта»).

Простого сопоставления «Ruins» Вольнея и «Хроники Ура Линда» оказалось достаточным, чтобы на основании имеющейся меж-

ду двумя текстами аналогии отвергнуть все содержание рукописи как подделку и сочинение *позднейшего времени*. Дальнейшее источниковедческое критическое исследование оказалось излишним.

Выше уже было упомянуто, что сын Корнелиса Овер де Линдена письменно выступал против гипотезы плагиата и заимствования из книги Вольнея. Но даже если мы предположим, что это действительно так, то есть что плагиат имел место, то этим доказывается только то, что *переписчик настоящей рукописи* включил в нее соответствующие имена и пассажи из книги Вольнея. Поскольку «Les Ruines» появились (в Париже) в 1791 г., последний список «Хроники Ура Линда» мог возникнуть не ранее конца XVIII в., или даже начала XIX в.

Но и здесь возникает такой же вопрос: каково же было содержание более древнего издания, которое этот переписчик дополнил? Ведь все остальное содержание «Хроники...» Вольнею явно не принадлежало. Особенно озадачивает тот пассаж, где снова речь заходит о перетолковании и искажении учения Будды — опять-таки жрецами — и где говорится затем: «Такое учение, по которому жрецам не нужна никакая другая наука, кроме навыка врать, сохранять неправду и набожный вид, *распространилось от Востока до Запада, а затем пришло и в нашу страну*». Но как соотносится это утверждение с данными современной археологии?

Для того чтобы это понять, помимо пассажа из книги Вольнея придется для сопоставления привлечь и другие данные:

Рисунок 261. Статуя, найденная у Сан Вело (bei St. Vélaux), Буш-дю-Рон, кантон де Берр (Bouches-du-Rhône, Canton de Berre). Памятник дошел до нас в двух экземплярах (и хранится в музеях Марселя и Парижа, St. Germain-en-Laye).

а) Передняя сторона; б) задняя сторона.

Рисунок 262. рис. профессора Е.В. Шмитта, который скопировал его по каталогу музея в St. Germain-en-Laye.

От «Неизвестного Бога», «le soi-disant Buddha»³⁵⁴, до нас дошел только торс, тогда как голова, левая рука и правое предплечье у него отсутствуют, и, вероятно, стали жертвой разрушительной яростной агрессии христианских неопитов. Его нагрудник (Pectoral) несет на себе — ближе к груди — изображение шести

свастик или крестов поворота, выполненных в форме меандра, среди них четыре правосторонних свастики, а по кайме его одеяния идет особый ромбовый (◊) орнамент («Год»).

Эта статуя относится к галло-римскому периоду, то есть к самому началу нашего летосчисления, и представляет «*dieu assis*»³⁵⁵, который нам известен и по другим изображениям. (см. «Священную Протописьменность», табл. 121, № 3—5). Он сидит с плотно сжатыми коленями, подобно нашему бронзовому идолу из города Реллинге (Raellinge) в Зедерманланде — в Швеции, с тем только отличием, что здесь речь не идет о фаллическом изображении, как в нордической области «Финды».

Но еще больше будет наше удивление, когда мы обратимся к статуе Бога из Сан Вело (St. Vélaux), на которой Он представлен в характерной медитативной позе Будды, а затем сравним его далее с тем изображением, которое было выполнено на обивке ведра и найдено при раскопках захоронений в Осеберге (рис. 263) — там в одном из курганов был обнаружен «корабль мертвых» со штевнем в форме лебедя³⁵⁶, принадлежащий одной норвежской королеве из Осло-Фьерда (Oslo-Fjord). Здесь мы имеем дело с традицией, которая сохранилась до IX в., которым и датируется описываемое изображение.

Изображение Бога снова, как и в случае статуй из St. Vélauх, представляет Его сидящим с подобранными под себя ногами, держащим руки на ногах, приложенными к животу, с опущенными веками глаз и погруженным в медитацию. Он также имеет нагрудник (Pectoral) — в форме четырех колес, разделенных правосторонним крестом, подобно тому как это изображено и на галльской статуе, несущей этот крест на руках (рис. 262b). Каждая из образованных таким способом четвертей содержит по одной свастике или кресту поворота, выполненному в форме меандра. Они означают точки летнего солнцестояния или?, а именно, повернутые влево оси SO и NW, и повернутые вправо оси SW и NO.

Тип лица широкий, *восточный*³⁵⁷! А головной убор отсутствует.

Но какими путями этот мотив попал на Запад, где мы можем проследить его наличие начиная с I в. и вплоть до IX в. на самом побережье моря, в районе бывшей культуры мегалитов — от Галлии до Скандинавии?

И какие за этим скрываются духовные связи между кельто-германским комплексом и комплексом азиатско-индийским, какие течения, о которых наша школьная и кафедральная наука, наши «мифологии» и экзегеты Эдды до сих пор настолько же мало подозревали и знали, как и о древнейшей религии германцев или об их культово-символических памятниках?

В этой связи стоит привлечь к нашему рассмотрению упомянутый выше (с. 232) культовый сосуд, найденный в Мооре при Гундеструпе (Moog bei Gundestrup), ведомство Аальборга, Ютландия. Этот серебряный котел извне и изнутри обделан отдельными пластинками, которые содержат чеканные изображения. Время их возникновения — начало нашего христианского летосчисления. Изображения показывают Распятие, состоящее из германских, галльских, римских, греческих и восточных, азиатски-индийских частей. Местом его возникновения, должно быть, явилась Дания.

Здесь можно ввиду ограниченности объема нашего текста лишь вкратце остановиться на этом бесконечно важном, многократно описанном и переосмысленном памятнике смешанной нордической культуры, восходящем к началу нашего теперешнего летосчисления. А из прочих изображений нужно передать лишь следующие:

Рисунок 264. Общий вид посвятельного котла из Гундеструпа.

Рисунок 265. Процессия со звериными рогами на головах на кельтский манер и со склоненным над посвятельным сосудом пленником-жертвой на манер кимвров (ср. с. 232).

Рисунок 266. Мать-Земля («Иртха»), сложившая руки на груди в форме руны Х. Ср. «Священную Протописьменность», табл. 249—250, а также мой текст «Мать-Земля и ее Жрица». Слева наверху: битва Геракла с немейским львом.

Рисунок 268. Мать-Земля («Иртха») между двумя слонами (сверху) и двумя грифами (внизу), как символы летней и зимней половин года (?) = NW NO SW SO; а также слева и справа от него находится «Юл»; а под ним, с южной стороны — зимнесолнцестоянческий волк. Она сама изображена как «Alfkdstre», как *alma mater*, руками дающая (предлагающая) свои груди.

На обоих этих изображениях из Гундеструпа она несет, как и на изображениях бронзового века (рис. 151) на шее кольцо, в дан-

ном случае представленное в виде галльского проволочного ожерелья.

Рисунок 267. Зимнесолнцестоянческий Бог с рогами своего астрального зверя³⁵⁸ (Оленя), галльский Бог Cernunnos, рога которого представляют собой кольцо, закрученное вполоборота (torques), и отличают его от других Богов как Бога Года и Бога Клятвы, как Ульра (Ullr) и Зигтюра (Sigtyr) эддической традиции, вздымающего свои руки в форме руны (ᚦ) или (ᚦ). В левой руке он держит зимнесолнцестоянческую змею $\mathcal{Q}$, а в правой — кольцо Года и кольцо Перемены. Олень и Телец, Волк и Лев являются его астральными животными. Справа вверху: Бог на Рыбе, Аполлон Дельфиниос и т.д., также являющийся зимнесолнцестоянческим символом (ср. «Священная Протописьменность», с. 373 и гл. 14).

И здесь мы видим Бога, изображенного таким же образом, т.е. сидящим *со скрещенными и поджатыми под себя ногами*.

Найденный Шлиманом идол из Трои-II, представляющей Мать-Землю, имеет руки, скрещенные перед грудью («Священная Протописьменность», табл. 250, №4). А на дне котелка изображена культовая игра: воин перепрыгивает через бегущего на него разъяренного быка — та же самая игра, которую почти на два тысячелетия раньше мы видели на крито-минойских изображениях. Ящерица под быком также указывает на то, что здесь мы имеем дело с символикой годового цикла.

Котелок из Гундеструпа является свидетельством существовавшей связи между культурами Дальнего юго-востока, Эллады и Индии.

И в этой связи рассказы о возвращении Фризо, которые представлены в «Хронике Ура Линда» и в Хронике Ворпа ван Табор (Worp van Thabor), а также у Окко Скарленсиса (Occo Scarlensis) и др., получают другое историческое обоснование. Эти индийские и ионийские «потомки» древнего нордического расселения *принесли с собой эти мотивы*, которые вплоть до сих пор сохраняются в индийской культовой символике — как, например, мотив погребального корабля (des Schwangeleitbootes) со знаком Юла $\otimes$, символом Вральды. В индийском народе он называется чакра (cakra — $\otimes$)³⁵⁹ («Священная Протописьменность», табл. 55, рис. 3, ср. с. 9). *И теперь становится ясно, что горшок из Гундеструпа мог быть создан*

только в районе Северного моря. Для прояснения вопроса о миграциях северных моряков в Переднюю Индию отправной точкой теперь являются раскопки в Мохенджо-Даро, в нижнем течении Инда, в Синдхе.

Писание древнейшего и наиболее значительного культурного слоя (IV тысячелетие до Р.Х.) из Мохенджо-Даро, которое близко примыкает по времени к додинастическому Египту и обнаруживает неолитически-североатлантическое, прауническое происхождение, содержит те же знаки, что и «украшение корабля» — например изображение Бога, поднявшего руки (У), то есть руну Мадр (У). См. подробнее наше исследование в «Священной Протописьменности», из которого я привожу здесь только одну маленькую сравнительную таблицу (№ 51) в качестве рисунка 269, дабы сделать более наглядной поездку североатлантиков, людей из «Ultima Thule», в страну «Пяти Потоков». Плавательным средством им изначально служило огромное выдолбленное внутри дерево, спереди у которого была стрела. На этой стреле с помощью штрихов был символически обозначен весь экипаж корабля. А увенчивал стрелу рунический знак Блага — У, который обеспечивал успех морского путешествия. Тогда как на «кораблях мертвецов» тот же знак символизировал их путешествие через Великую Воду и воскресение в Новом Году. Также и более поздняя нордическая традиция знала и воспевала в рунических песнях руну Мадр (У) как руну воскресшего и пробужденного Спасителя, «Человека»:

У (мадр) er manns gaman	«Человек» — это Радость людей,
ok moldar auki	ОН — Тот, кто увеличивает земли,
ok skipa skreytir	ОН — Тот, кто украшает корабли.

То, что в раннекаменный век путешествие из Средиземного моря в Красное через еще сохранившиеся лагуны в челне-однодеревке было возможно — это ясно доказывается с геологической точки зрения!

В этой связи сообщение «Хроники Ура Линда» о том, что народная Матушка Герт после завоевания Афин египтянами и жителями Тира уплыла по морскому пути в Красном море, а после этого «Иртха» вздыбилась, высоко подняв целую страну, получает со-

вершено иное историческое значение. Соответствующее сообщение о гертманцах ясно напоминает нам о том историческом событии, когда «дикие толпы наемников» стали штурмовать наши насыпи и гертманцы уплыли «по морскому пути, который в то время вытекал в Красное (Черное) море» (с. 66). Основанное гертманцами фризское поселение в «Пангабе», стране «пяти вод», названное «Гертмания» (с. 66), 1224 года спустя будет переоткрыто Александром Македонским (327 г. до Р.Х.).

«Пангаб», по-персидски *pandsch āb*, «пять вод, течений» — это как раз та самая область нижнего течения Инда, Синдх (Синдху), где находится Мохенджо-Даро.

Согласно отчету о путешествии Неарха, в нижнем Синдхе (Pattalene) находился город Pattala (на санскрите — *potāla*, «остановка корабля»), в то время как Арриан³⁶⁰ (*Periplus Erythraei maris*) упоминает то же самое как Minagara. Оттема указывал уже на то, что топоним Min(n)agara звучит совершенно по-фризски, так же как Walhallagara, Folsgara и т.д. Minna же — это имя той фризской «почетной матушки», во времена которой происходили путешествия Тюниса и Инки (с. 51—52).

Min(n)agara, как полагал уже Оттема, соответствует топониму, располагавшемуся у Птолемея на 24-м градусе северной широты, на восточном берегу Инда, и также восточнее, на 22-м градусе северной широты. В сообщении Льюдгерта «Хроники Ура Линда» об этом поселении говорится, что летом солнце стоит там под прямым углом к земле и светит прямо над головами.

Также и Оттема во введении к своему изданию «Хроники Ура Линда» указывает на сообщение Страбона, который упоминает одно племя «германцев» (Γερμανες), которое полностью отличалось от «брахманов» (Βραχμανες) в своих обычаях, языке и религии.

Одно я могу сегодня утверждать с полной уверенностью: мегалитическая культура Индонезии и Восточной Азии основывается на наследии той неолитической заокеанской культуры, которая волнами распространилась с Запада на Восток. Поэтому азиатские погребальные корабли, «корабли мертвецов», — это те же самые нордические корабли со знаком «Человека» — ♀. Идя по этим следам, мы повсеместно и постоянно находим памятники и предания североатлантической культовой символики, письменности и мифологии.

Итак, если в середине II тысячелетия до Р.Х. нордические миграционные волны проникли от Восточного Средиземноморья через Красное море и далее, то шли они, по-видимому, по старому неолитическому маршруту, по следам, которые я могу теперь на основании свидетельств палеоэпиграфики («Священная Протописьменность», гл. 11, с. 307) определить так:

Североатлантическое линейное письмо

↓
Додинастическое письмо Египта
и древнеаравское линейное письмо
(культурный круг Красного моря)

Письмо Мохенджо-Даро
(культурный круг
Аравийского моря)

Древнешумерское,
доэламское письмо
(культурный круг
Персидского залива)

Мы теперь мало-помалу должны привыкнуть к тому, что «примитивная праистория» Севера должна быть оценена по совсем иным критериям ценности и высоты, а море должно быть рассмотрено как великое связующее начало мира, как место изначально-нордических морских экспедиций. Так объясняется совершенно нордический характер культуры на Крите в минойский период, в стране жриц и рогатых дольменов, в стране, имеющей свою раннюю руническую письменность. В стране, где свою Родную Землю, «Одалу», называли не «отечеством» (страной отцов), а «страной матери» (Mutterland), μήτρις, и при этом сохраняли веру в то, что Острова Блаженных, Острова Предков, находятся в Океане, что плыть к ним нужно на Запад. Наконец, в стране, где судьей умерших и господином был Минос или Радамант (Rhadamanthys), сын Небесного Бога Зевса и брат критского короля Миноса.

«Хроника Ура Линда» сообщает: «Минно был старым морским королем, предсказателем и большим любителем мудрости. Критянам он дал законы. Родился он в местах Линды, и после мно-

гих происшествий своей интересной жизни Минно снова возвратился на свою Родину, где ему и посчастливилось спокойно дожить до окончания своих дней» (с. 35). О том, что он пережил, о его опытах («Erfahrungen»), в полном и древнейшем смысле этого слова, см. с. 35—38, 62—67.

Он сам кратко и ясно описывает культурную трансмиссию на Крите, имевшую такой же трагический конец, как и нордическая божественная свобода в средиземноморско-восточных теократиях. Минно описывает ненависть князей-жрецов, проникнутость народа чуждыми учениями, обезвреживание опасных реформаторов-новаторов любимыми средствами, когда все внесенные ими изменения усилиями князей-жрецов переосмысливаются и устраняются.

Это такая же судьба, какую через полторы тысячи лет должен был разделить галилеянин Иисус из Назарета.

Таким образом Минно, этот рассудительный освободитель тех, кто лишен свободы, вернулся на плывущем из Флиланда корабле в общину Свободных-у-Бога, был вознесен князьями кносской культуры дворцов (Palastkultur) до уровня бессмертных и назван Сыном Неба. И в качестве такового он был отодвинут на Запад — как судья подземного мира, острова мертвых.

И когда позднейшая греческая традиция раздула его до мифической фигуры законодателя, мореплавателя и повелителя морей, — это было лишь напоминанием о тех временах, когда корабли со знаком У, знаком «Человека», «Сыны Человеческие», Минийцы (die «Minyer») несли Свет Мира, Свет Севера и Учения Вральды над Землей, несли благой знак Сына Божьего, «Человека», германского Mannus, индийского Manus (Ману) и Yama (Ямы)³⁶¹ (судьи мертвых), фригийского Manes, *теофорного*, «Богоносного» имени, Имени, которым называл Себя и Галилеянин из Страны Дольменов, «Сын Человеческий».

«В плаваниях и путешествиях лежит наше благо» — in-t fon end omte fbra lkid us held (с. 90). Это — великий опыт познания мира, состоявший в передвижении с Севера Сынов Маннуса (Mannus), «Сынов Человека» (Тацит, «Германия», гл. 3), от которых происходит расселенное вдоль моря племя ингвеонов, древних фризов, «бывшее первым среди германских племен» (... gens Inguaeonum, quae est prima in Germania. Плиний Старший, Естественная история, 4, 96).

Продвигаясь по пути «Сынов Человеческих» — назад, на Север, изображения буддийской традиции попадают на свою Родину (Mutterland): согласно «Хронике Ура Линда», с ними произошло то же самое, что и с Нихелленией или Минно. На Дальнем Востоке, среди народа Финды арийский Дух показал в Будде еще раз все благие овеществленные представления о Боге и о Своем Воплощении и провозгласил самоспасение благодаря тому, что Бог находится в нас и мы находимся в Боге, но при этом Будда выразил свою усталость от жизни в том, что от действительной жизни отвернулся³⁶².

Рта (rta), Мировой Порядок Духа Миров, не был для него больше смыслом жизни и направлением жизни, как некогда для его предков, в те времена, когда они спустились многие тысячелетия назад из высокой «Белой Страны», Шветадвипа (sveta dvīpa), лежащей по ту сторону Гималаев, высоко на Севере.

Но среди «Сыновей Человека», на Севере, у белых и мудрых женщин из Страны Матерей (in den weissen und weisen Frauen des Mutterlandes) по-прежнему сохранялось учение Вральды, Который во все Им сотворенное вложил свои законы и чей «Дух» следует призвать только тогда, «когда нужда будет велика, а доброе слово с добрым делом ничего уже не смогут сотворить», и «все средства будут испробованы». Нордический человек никогда не был безвольной «жертвой своего собственного страдания», как это и говорится в «Общем Законе» (с. 17).

И поэтому учение Будды «распространилось от Востока до Запада, а затем пришло и в нашу страну», — сейчас, как и две тысячи лет назад. Но до тех пор пока, — как верно говорит Минно, — «наклонность творить правду и жить в свободе», данная нам Духом Вральды, в нас сохраняется, до тех пор мы не погибнем от страдания, но наоборот, как тысячелетия назад, принесем миру освящающий изнутри спасительный Свет Севера. Именно к этому мы и призваны.

Сегодня, в переломный момент, момент, полный лишений и нужды, к нам обращается голос нашего нордического наследия, словами песни гезов призывающий нас к борьбе за внутреннюю и внешнюю свободу Нидерландов:

«Helpt nu u self, so helpt u God»³⁶³.

На этих словах я заканчиваю это предварительное, первое в своем роде историко-критическое исследование содержания «Хроники Ура Линда». Этот текст не мог быть ничем иным, кроме как предварительным приближением к проблеме, учитывая объем допустимого с точки зрения издателей текста, который мной и так был превзойден. Но это — пока что первое издание, задача которого — быть общедоступным и полезным для народа.

Мне пришлось поэтому отказать себе в обсуждении слишком многих вопросов антиковедения, сакрального языка («Божественного языка», с. 113, ср. «Священную Протописьменность», с. 13), истории религий, прежде всего истории нордического права, и т.д. Ибо это первое и предварительное исследование имеет задачей послужить импульсом к дальнейшим духовно-историческим штудиям, поставив в центр внимания содержание настоящей хроники.

Наше краткое исследование, основанное на современных достижениях науки в области древнейшей истории, показало, что в «Хронике Ура Линда» мы имеем *важнейший и древнейший источник, трактующий духовную историю Севера*, сокровища которой лишь теперь становится возможным, благодаря трудоемкой исследовательской работе, очистить от позднейших шлаков и наслоений.

Тем самым? я перехожу к заключению этого введения, к подведению итогов и формулировке самых общих концептуальных выводов.

Огромное каноэ, выделанное из древесного ствола, для морских плаваний, со стрелой и креплениями, рассчитанное примерно на сотню гребцов. Общая длина — около 40 метров. Наскальный рис. из Тегнеби, округ Танум, провинция Бохуслен (Tegneby, Amt Tanum, Prov. Bohuslaen), Юго-Западная Швеция. (Эпоха неолита, V—III тысячелетия до Р.Х.)

VI. ПОДЛИННОСТЬ ИСТОЧНИКА НАСТОЯЩЕЙ РУКОПИСИ И К ВОПРОСУ ОБ ЕЕ ПРОТОГРАФЕ, ТО ЕСТЬ О ДРЕВНЕЙШЕЙ РУКОПИСИ

Наше исследование содержания «Хроники Ура Линда», содержащееся в этой главной части, убедительно показало нам, что данная рукопись должна восходить к более древнему оригиналу, а тот, в свою очередь, — к еще более древнему, и так — вплоть до Изначальной Рукописи.

Содержащиеся в «Хронике Ура Линда» исторические факты, включая отдельные малоизвестные подробности, ни с какой археологической литературой не сопоставимы и никак из нее не выводятся.

То обстоятельство, что данная рукопись представлена в виде списка, сделанного на бумаге машинного производства, возникшего, самое позднее, в 1820—1840-е гг., не является достаточным основанием для сомнения в подлинности источника. Ибо со времени завещания Хидде своему сыну Окке эта рукопись должна была принадлежать к родовому преданию семейства Овер де Линден, которое должно было снова и снова эту рукопись переписывать, передавая ее от поколения к поколению, «чтобы она никогда не смогла пропасть».

Тот факт, что оригинал данной рукописи до нас не дошел, не должен нас удивлять: в Нидерландах того времени еще можно было купить ценнейшие средневековые рукописи по цене в несколько гульденов, а мелкий лавочник — тот и вовсе запаковывал в них свои товары, отрывая по одному листу от крышки переплета древних инкунабул. Торговцы старыми бумагами скупали их целыми мешками и перерабатывали как макулатуру.

Но большее подозрение вызывает другой факт: машинной выделки бумага первой половины прошедшего века искусственно была «состарена», вероятно, способом подвешивания на большое время в дымоходе и насыщения дымом от камина.

Какой повод был у того, кто так «изготавливал» или приказал так изготовить данную рукопись, для того чтобы она казалась старой или чтобы выдать ее за старую?

Единственное решение предлагают здесь опять-таки семейные отношения, которые названы выше. В семействе Овер де Линден существовало предание, что в рукописи сохранилось нечто, обладающее чрезвычайной важностью. А поскольку ни сводный дядя юного Корнелиса, Хенрик Ройверс, ни сам Корнелис этой рукописи прочитать не могли, сработал тот фактор, который называют «психозом обладания сокровищем» («Schatz»-Psychose). Как сам Хенрик Ройверс, так и Корнелис Овер де Линден имели надежды на то, что в их руках может находиться «золотое» завещание и наследство, стать обладателями которого они смогли бы, проникнув в содержание рукописи. И по той же причине, по которой Корнелис Овер де Линден сначала не захотел издавать рукопись, но пожелал иметь ее постраничное переложение, по той же причине и его сводный дядя Хенрик Ройверс не доверил в руки своему племяннику оригинала, и тот получил его только после смерти Ройверса (ум. в 1845 г.) от своей тети.

Единственно возможное объяснение, которое совершенно устраняет последнее сомнение, состоит в том, что Хенрик Ройверс приказал переписать рукопись и этот список искусственно сделать «древним», подвесив его листы прокуриваться в дымоходе. И этот список Корнелис Овер де Линден получил затем, исполненный наилучшей верой, от своей тети Аафье как «подлинную» рукопись.

Кто для Хенрика Ройверса изготовил список, как и откуда этот Ройверс получил оригинал — все это мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Оригиналу нашей теперешней рукописи, вероятно, потерян уже безвозвратно.

«Криминальная история» рукописи, тем самым, является единственным удовлетворительным решением вопроса, которое только можно найти. И остается прояснить только вопрос об оригинале нашей теперешней рукописи, и особенно один очень сомнительный момент. А именно тот факт, что древнефризский язык текста сильно испорчен «голландизмами», которыми он буквально пропитан, а также совершенно невозможными этимологиями и словесно-историческими толкованиями.

Но как раз последний факт дает нам верное указание: это весьма характерное явление гуманизма в Нидерландах и во Фрисландии, который в этом следовал по стопам «этимологической на-

уки» периода поздней античности³⁶⁴. Одинаковые толкования, основанные на случайном совпадении звучаний слов, встречаются в шестнадцатом веке у *Иоханнеса Горопиуса Бекануса* (Johannes Goropius Becanus, он же *Ян ван Горп из Хильваренбека* — Jan van Gorp aus Hilvarenbeek) и у *Герикиуса* (Gerieckius). Здесь также выступает такая значительная для позднего германского гуманизма черта, как переживание факта наследования и ощущение себя единым с цепочкой своих предков. С огромной любовью обращаются к собственному прошлому Народа и Родины: это — начало нордического антиковедения, в Германии оно заложено в работах *Азринны Неттесгеймского*, а в Скандинавии — в работах *Буре* (Bure) и *Штьернхельма* (Stjernhelm). Гуманисты Южных Нидерландов пытались даже доказать, что вламский язык (das Vlaemische) был языком, на котором говорили в Раю.

«Этимологии», встречающиеся в «Хронике Ура Линда», как, например, *Minerva* = «*min erga*» и т.п., мы находим, соответственно, также и в гуманистическом мире Фрисландии, Симона Габбеми (*Simon Gabbema*), бывшего современником и другом поэта Гийсберта Япикса (*Gijsbert Japix*): в своем нидерландском он делает такие же ошибки, которые встречаются в «Хронике Ура Линда».

Поскольку в семейном архиве рода Овер де Линден находилась также и неизвестная — вплоть до ее обнаружения профессором Еелко Фервийс (*Eelco Verwijs*) хроника Ворпа ван Тавора (*Worp van Tabor*), которая возникла в XVI в., то тем самым дано случайное указание для того, чтобы датировать оригинал настоящей рукописи.

Фризский гуманист начала XVII в., сам ли Овер де Линден, либо доверенное лицо одного из членов семьи, должен быть *издателем* и *переписчиком* «гуманистического кодекса». Не будучи сам силен в древнефризском, возможно, к тому времени уже насыщенному «голландизмами», он заново «обработал» рукопись, добавив туда свои объяснения слов, толкования, встроенные в текст глоссы и комментарии, и издал все это под видом «древнефризского источника».

Отсюда и происходят «голландизмы» в его языке. Потому что уже Уббо Эммиус (*Ubbo Emmius*), за два с половиной столетия до «Пиет Паалтьеса» (*Piet Paaltjes*), жалуется в 1614 г. на тот факт,

что фризские города с трудом понимают старый язык своей страны, который сохраняется только на ее крайнем севере.

Чтобы правильно понять пространственно-временные особенности возникновения «гуманистического кодекса», нужно иметь в виду то до сих пор не познанное явление северного внимания к наследованию, которое впервые проявилось в эпоху Реформации и Ренессанса на германском Севере.

После разрушения чужеродного церковного авторитета стал стремительно возрастать интерес к источникам и корням самой сущности народа. Что касается этого духа времени, который захватил и Фрисландию, я не могу привести лучшего примера, чем пассаж из *Regum Frisicarum Historia* (Книга вторая, с. 31 сл. Лейден, 1614), которым Уббо Эммиус поставил памятник своему народу и самому себе. Я передаю этот пассаж в своем переводе:

«Образ мыслей народа повсюду был честным, благородным, высокопарным. Постоянно готовый приняться за оборону, народ выше всего ценил свободу, и ничто не было ему так ненавистно, как рабство. Доказательством этому является то, что они настолько страстно и мужественно защищали унаследованную от отцов свободу, что в течении шести столетий никто не мог пробить их обороны. И никогда способный носить оружие народ не стремился быстрее и бодрее к оружию и не сражался ожесточеннее и озлобленнее со своими врагами, чем когда нужно было обороняться от угрожающего рабства. И с большей охотой шли на смерть и лишались счастья, чем теряли свою свободу. И это видит всякий, кто только ни посмотрит на его деяния. Также и в потомках дух этот не полностью потушен, хотя их государственные уложения стали другими.

После эпохи господства королей свободный и открытый выбор привел к власти возвышенных и благородных графов, отмеченных властью и почетными титулами... А именно, эта власть была установлена по воле народа на три года, иногда же устанавливалась на многие годы, но никогда на всю жизнь... Поэтому, хотя вся власть находилась в руках немногих, тем не менее в своих основаниях свобода народа оставалась непоколебимой. И каждый по обыкновению был свободен и наделен равными правами с другим, будь он благородным, горожанином, или крестьянином.

Почетным и славным считалось быть обычным крестьянином и жить на земле³⁶⁵ и за городом. Ибо жизнь горожанина не была такой похвальной. В этом и состоит причина, по которой раньше в стране было так мало городов. Но культура обычаев и внешнего поведения у этого крестьянства были намного лучше, чем где бы то ни было, так что отличить крестьянина от горожанина было довольно трудно. Еще и теперь следы этого состояния ощутимо присутствуют перед нами. И (не в городах, а именно в деревне) феодальный строй сохранился так хорошо, как нигде в другом месте. Золото и серебро, и другие украшения служили не для того, чтобы указывать на сословие и знатность, но каждый надевал их постольку, поскольку был в состоянии надеть. Ибо все называли их свободными, и это имя было их почетным именем и признаком их благородства, которому завидовали. А от постоянных государственных поборов и налогов, которые угнетали их соседей, они оставались свободны. И это преимущество они имели не только оттого, что их предки из рода в род сохраняли его на протяжении долгих столетий, но и вследствие их личных выдающихся заслуг перед Рейхом, которые были отмечены императорами и торжественно подтверждены письменным поощрением.

Кровь свою они сохранили чистой, и смешивались не путем брака с иноземцами, и это мы можем видеть и сегодня, с любовью вспоминая о наших предках. С чужими и иноземцами непристойным считалось устанавливать не только брачные, но и торговые связи, и если с ними и торговали, то с очень большой осторожностью. А были и такие времена, когда в некоторых местах чужаков не позволено было даже оставлять у себя на ночь. И все способствовало тому, что духовное и телесное выражения народа оставались все теми же, а его язык и обычаи на протяжении многих столетий не менялись. Сегодня все это переменялось. Впрочем, с гостями мы всегда были предупредительны и щедры. Все свободные говорили на одном и том же языке, который, в соответствии с их истоком, как было хорошо доказано, является немецким.

По своей природе народ весел и радостен, как и все народы германского племени. Он обладает острым умом, но при этом не лишен грации и привлекательности. Когда он обращается к на-

укам, он сразу же с легкостью достигает наивысшей степени образованности и огромных успехов в своей области..

Во всех своих привычках они были скромны и поступали порядочно и по праву. Слова их клятвы и удар рукой³⁶⁶ были верны и нерушимы, и соблюдались в те времена с большей строгостью, чем те слова, которые сегодня подкрепляются пергаментом, печатью и разными свидетелями. Распри и ссоры из-за любви были им более чужды, чем что бы то ни было другое. А поскольку сами они никакой похотливости не знали, то им и в голову не приходило подозревать ее в других. И тем свободнее и деликатнее были отношения между племенами, намного свободнее, чем у большинства других народов.

Еду их по большей части составляли молоко, сыр, масло и мясо; и во всем этом у них недостатка не было. Благодаря такому образу жизни они достигали невероятного роста, который так поражал все соседние народы. Также и во всем остальном их крепкое телосложение себя проявляло; юноша соединялся с девушкой, лишь достигнув полноты мужской силы.

И нужно ли удивляться тому, что при таком образе жизни и наделенный такими стальными телами народ бесстрашно совершал многочисленные чудеса и славные подвиги, когда боролся против наступающего врага? Ведь каждый сражался не ради собственной алчности и не ради жадности своего господина, а боролся за свободу, и за те вещи, от которых зависела судьба своего народа. А в чужие дела они вмешивались очень редко. Ибо обрабатывать свою собственную почву казалось им более праведным и правым, чем вторгаться с оружием в руках в чужие земли и желать чужого имения.

Но время все это изменило. Нравы и обычаи переменились, национальные костюмы были отменены, а язык сохранился только в крайнем северном регионе, прочие же города его уже не понимали и на нем не говорили. Злая судьба постигла Фрисландию. (*Arg ist Frislands Schicksal.*) Но еще злее то, что ей предстоит в будущем».

И вот в этом прекрасном гимне «народу Фрейи» как будто снова восстал дух древнейших времен, каким он теперь сохранен для нас в «Хронике Ура Линда»!

Задачей гуманиста-переписчика, работавшего в начале XVII в., было сохранить заветы предков и приблизить их к пониманию пос-

ледующих поколений. И он не должен был быть обычным чадом своего века, когда применял и вкладывал в «Хронику...» свое классическое образование, свои знания об Афинах, Минерве, Александре, Неархе, финикийцах, Тире и Сидоне, Мессалии, друидах и т.д. и т.п., причем вкладывал совсем не ради «получения пользы».

Обработка древнейшего оригинала, так называемого Кодека В, списка Хидде Ура Линда, который выполнен был в 1256 г., как раз и была делом этого гуманиста. А чтобы уподобить свое дополнение к «Хронике...» языку оригинала, он и стремился писать по-древнефризски. Хотя и не был способен того делать.

Он текстологически переработал всю «Хронику...» и (в той степени, в какой он древнефризский язык понимал) придал ей «древнефризский» вид. Это заметно уже по внешнему облику рукописи, а именно по шрифту.

Этот шрифт не является древнегерманской руникой, в том виде, в каком она засвидетельствована во Фрисландии в находках: скажем, в рунических надписях на костях из терпена возле Винальдума при Харлингене (Terp von Wynaldum bei Harlingen), на костяной табличке из Хантума при Доккуме (Hantum bei Dokkum), на монете из терпена при Харлингене (aus dem Terp bei Harlingen), на маленьком деревянном мече из Арума (Arum) и на деревянной палочке из Бритсума при Леойвардене (Britsum bei Leeurwarden).

Шрифт «Хроники Ура Линда» — это не искусственное новообразование: буквы и знаки цифр являются геометрически-математическими конструкциями, выводимыми из ☉. И отсюда получает свое объяснение общее состояние дел. Из рукописи Варабурга гуманисту стало известно, что шрифт «Хроники...» возник из «Юла» = ☉ (с. 44). В действительности ☉ — это менее древнее, южно-нордическое³⁶⁷ деление года, и лишь некоторые рунические знаки возникли из этой идеограммы. А поскольку, по мнению гуманистов, из схемы шестилучевого колеса возникли совсем не все знаки германского рунического шрифта, то, исходя из этой логики, шрифт должен был подвергнуться порче. Поэтому задачей гуманиста оказывалось восстановить «изначальную форму». Таким образом, он начинал трудиться над «воссозданием» рунического шрифта из ☉ заново, почти так же, как это и происходит у наших «германтиковедов» («Germantikern»), от Гвидо фон Лис-

та до Рудольфа Джона Горслебена, которые делают такие же фантазмагорические реконструкции «древнейшего тайного знания», а затем их истолковывают³⁶⁸.

Испорченный голландизмами «древнефризский» язык «Хроники Ура Линда», с его невозможными этимологиями и «заново обращенным» в шестилучевое колесо и преобразованным руническим шрифтом, — все это должно восходить к одному и тому же переписчику, бывшему гуманисту рубежа XVI в. или начала XVII в.

И теперь возникает вопрос, какие списки заполняют пропасть между Кодексом гуманиста, обладателя, или даже, предположительно, переписчика хроники Ворпа ван Табор (Worp van Thabor), и тем кодексом-списком, который находился во владении Корнелиса Овер де Линден?

Если предположение о заимствовании из Вольнея (Volney) соответствует действительности, то должен существовать еще один список, выполненный в самом начале или на рубеже XVIII столетия. В распоряжении Корнелиса Овер де Линден находились французское и нидерландское издания Вольнея. Мы не знаем того, представляют ли эти книги дедовское наследство, либо же Корнелис Овер де Линден сам, по зову собственного сердца, приобрел эти потрепанные книги, составляющие характерное творение эпохи Просвещения и французского энциклопедизма.

В любом случае, упомянутый переписчик понимал по-французски, когда он, при написании китайского имени Будды, Фо (Fo), сопроводил его своим дополнением: «что значит *ложный*», намекая при этом на французское слово faux — «ложный».

Как раз эта часть, где изложена история жизни Будды, проникнута духом эпохи Просвещения. И поэтому возникает следующий вопрос: не был ли этот переписчик каким-нибудь фризским учителем, — вроде Г. Янсена в Харлингене (G. Jansen in Harlingen), — который, возможно, выполнял свою копию как раз для Хенрика Ройверса, и не внес ли он свою лепту в содержание глосс и «редакций» «Хроники...»?

Все это можно сказать на основании подробного историко-лингвистического анализа, который может распространиться на временную датировку встречающихся в тексте «Хроники Ура Линда» голландских слов и выражений.

Обобщая все вышесказанное, мы можем заключить, что для нас различимы следующие четыре этапа в истории «Хроники Ура Линда»:

1. Кодекс А: изначальная рукопись, изданная Лико Овер де Линден (803 г. по Р.Х.).
2. Кодекс В: список, выполненный Хидде Овер де Линден (1256 г. по Р.Х.).
3. Кодекс С: обработка гуманиста (начало XVII столетия), бывшего, вероятно, обладателем хроники «Ворп ван Табор».
4. Кодекс D: список интерполятора, знакомого с текстами Вольнея (начало XIX столетия): рукопись, находившаяся во владении Корнелиса Овер де Линден.

Открытым вопросом остается вопрос о существовании между этими четырьмя этапами переписывания еще дополнительных, нами не обозначенных, этапов. Текст «Хроники Ура Линда» не предоставляет для этой гипотезы никаких объективных опорных пунктов. Если такие списки в действительности и имели место, то это были совсем не такие решительные переработки, как Кодекс С.

То, что «Хроника Ура Линда» не может быть подделкой, возникшей в первой половине XIX столетия, — это показывает наше краткое исследование содержания. Результатом всего нашего дальнейшего рассмотрения является то, что все остальные подозрительные моменты могут быть положительно разрешимы.

Но есть и еще одно обстоятельство, которое лишает гипотезу «подделки» любой опоры и основания: это *душевная невозможность* того, что «голландец» первой половины XIX столетия мог «сочинить» «Хронику Ура Линда».

Это доказательство является самым веским, намного более веским, чем довод о том, что содержание «Хроники Ура Линда» подтверждается нововременными студиями в области древнейшей истории и древнейшей истории духа³⁶⁹.

Как аргумент это будет непонятно, и прежде всего немцам, но также и моим нидерландским соотечественникам, которые, если даже и поймут, то не захотят в это поверить: ибо они давно уже сделали из своей нужды нечто наподобие добродетели.

Двадцать два года прошло с тех пор, как было издано мое юношеское сочинение «Упадок нидерландской народной песни. Доклад по культурной истории Нидерландов». Как первый народнически («фёлькиш») сориентированный нидерландец, я тогда, как и позднее, предпринял попытку разрушить самообольщение моих северонидерландских, «голландских» соотечественников, связанное с вопросом об их «золотом веке», и поставил им в упрек их душевную обедненность и лишенность корней, вкупе с отсутствием самосознания и самопознания.

Голландия прошедшего столетия была страной материалистичных пресыщенных бургеров, «ориентирующихся» на мировую — интернациональную — экономку. Ее ветхозаветная догматика стала основанием для той капиталистической этики приобретения (добывания денег) и бургерской морали, которая сделала для них возможным чрезвычайно выгодно «торговать с господами». Амстердам был и являлся и является Голландией, «золотой век» и великий «подъем» которой начинается с принятия изгнанных испанско-португальских евреев. Начало этой чужеродной амстердамской культуры выскочек (Parvenuekultur) означает разрыв в теле народа и увядание душевной жизни народа и народного искусства, которые с неизбежностью приобрели очень жалкий и трагичный вид. В восемнадцатом веке все в жизни народа заглохло окончательно и по сегодняшний день существует подобно подземному течению заколдованных глубин. И так продолжается до тех пор, пока не раздастся духовный призыв истории, который взломает оковы самообмана и сознательного обольщения чужеродным духом (Fremdgeist). Тот факт, что и в Нидерландах среди нашего юного поколения возникло народническое (voelkisch) пробуждение, является следствием победы национал-социалистического движения в Германии. Это сильнейшее, многообещающее нордически-народническое движение³⁷⁰ станет *младо-фризским*, когда оно наконец освободится от чар явившегося «ex oriente» господства чужеродного — начиная от ветхозаветного христианства, и заканчивая марксизмом.

Насколько «чуждым инстинкту» во всех вопросах народной души, народного духа и расовой сущности стал «голландец», должен был к великой своей скорби узнать Гоффман фон Халлерслебен, когда в 1821 г. он предпринял — совсем как Перелетная Пти-

ца! — путешествие по стране в поисках следов пропавшего нидерландского народного искусства. Так же и весь романтизм был в Голландии всего лишь поветрием международной моды, как, например, мы это видим в случае фризского студента-поэта, писавшего под псевдонимом «Piet Paaltjes» («Peter Bleichlich», а позднее — пастор Франсуа Хавершмидт — Franzois Haverschmidt) и делавшего на благочестивую бюргерскую мораль такие же меткие карикатуры, как и Эдуард Доувес Деккер (Мультатули) в его сочинении «Макс Хаверлаар», а также Фредерик ван Ееден в «Маленьком Иоганне».

Предположение, что «голландец» в первой половине девятнадцатого века мог «сочинить» «Хронику Ура Линда», свидетельствует именно о той самой потрясающей лишенности понимания, лишенности инстинкта и чутья, которая свойственна в равной мере и среде бюргерско-купеческой, и среде бюргерско-научной.

В Голландии того времени уже давно не было такого *сочинителя*, был только Мендес да Коста (Mendes da Costa), который мог преподносить как высокоценимое «голландское» поэтическое искусство свое ветхозаветно-иудейское рифмованное самохваление.

И где, в ком сохранялись тогда *душевные предпосылки*³⁷¹ для того, чтобы «сочинить» законы, да и сам язык «Хроники Ура Линда»?

Нидерланды были мертвы! Говорящие по-нидерландски люди, может быть, и были — но не было больше «нидерландцев». «Золотой век», ветхозаветная «торговля с господами», колониальная политика капиталистической эксплуатации, отторженность от своей родной земли, от германства (Dietschtum, Deutschtum), от народа, подорвали наши душевные основания и обрезали наши корни.

Почтенных и порядочных людей, прилежных в своей профессии, интернационально образованных и филантропичных, тогда было много, однако не было уже той глубокой, потаенной стороны, того голоса крови (die Stimme des Blutes), который уже долгое время не раздавался.

Но чтобы «сочинить» «Хронику Ура Линда», нужно быть потом от земли, укорененным в этой потаенной стороне, слышащим этот голос крови и всего духовного наследия настолько сильно, чтобы быть способным в духе творить то, что ему созвучно.

Но в Голландии для этого отсутствовали все предпосылки, отсутствовала та среда, среда внешняя и внутренняя, где только и могло нечто подобное появиться. Было не то время и не то общество: к тогдашнему обществу, с народнической (фэлькиш) точки зрения, лучше всего подходили слова славного, и также творившего в ту пору поэта Пастора де Генестета (Pastors de Genestet):

«Wees u zelf», sprak ik tot iemand.

Maar hij kon niet: hij was niemand.

«Sei du selbst», sprach ich zu jemandem.

Aber er konnte nicht: er war niemand³⁷².

Новая Германия познает это душевное основание во всей его серьезности. До сих пор для нашей немецкой науки это не было возможным. Да и до сих пор она еще отчасти полагает, что эту «культуру примитивных обществ» можно реконструировать чисто умственно, сидя за письменным столом и вооружившись высшими ценностями научного образования. Но о душевных обусловленностях собственного переживания она еще ничего не знает. И все еще само собой разумеющимся является для нее старый и неизжитый комплекс неполноценности в отношении древнейшего духовного наследия нашего народа, его прошлого и его традиции. Она просто не знала этого душевного и духовного голоса глубины, этого голоса крови. И не знала того древнего предания и духовного достояния, которые в своем формальном виде сохраняются в народном искусстве и в народных обычаях.

Но кто по-прежнему станет сомневаться в древности этой традиции, в самой возможности ее существования? Кто станет по-прежнему сомневаться, опираясь на свои научные авторитеты, а по правде сказать, на свой страх перед смелым выводом и недоумением своих коллег, — тот пусть идет и смотрит на пирог года из Эмдена (см. рис. 90). Еще в конце восемнадцатого столетия с помощью этого пирога передавалась та история Творения, которая изложена в «Хронике Ура Линда»: история о «Времени», о «Мире» — Боге ☼, из Которого возникли все вещи, и о Творении, в процессе которого Од (Q или P) вошел в Ир்தху.

В народном обычае и в народной вере, вместе со священными знаками «священной Протописьменности» предков, передаваясь из рода в род и от поколения к поколению, рукопись шла через столетия, время от времени обновляясь во время переписывания.

Все вещи, которые восходят к ее эпохе, определяют нашу судьбу. «Голландцы» второй половины XIX столетия, и среди них мои порядочные и славные университетские учителя Й.А. Галле (J.W. Galée) и Й.В. Муллер (J.W. Muller), должны были отвергнуть «Хронику Ура Линда» как подделку — «сочинение».

Тогда еще не было такой науки об изучении духовно-исторических памятников³⁷³, на основании которой они могли бы посредством разума прийти к пониманию подлинности источника той рукописи, которая была составлена в начале XIX в. По этой же причине при первом издании рукописи Оттема не смог привести доказательств ее аутентичности. Насколько же трагичным было общее состояние наук об истории духа! Это видно уже из того факта, что филолог-классик Оттема даже такое верное свидетельство древнейшего происхождения «Хроники...», как Од³⁷⁴ (Который вошел в Ир்தху) смог объяснить с помощью латинского odium — «ненависть»!!!

Обнаружение «Хроники Ура Линда» произошло не вовремя. Оно опередило свое время на семьдесят лет. Отсутствовали ещё *душевные предпосылки*, которые стали появляться только начиная с недавнего прошлого, а именно с войны, ставшей причиной обновления наших специальных наук и определившей оформление особой науки о древнейшей истории духа (Geistesurgeschichtswissenschaft) в качестве отдельной самостоятельной дисциплины.

И вот теперь нам снова удастся в начале XX столетия ясно увидеть в данной рукописи, в этом списке девятнадцатого века, увидеть первое и последнее, единственное завещание предков, нашего древнейшего прошлого, в котором мы были Свободными-у-Бога (Gottesfreie). В рукописи «Хроники Ура Линда» содержится путь к самосознанию и самоопределению, чтобы мы наконец снова узнали, что же это значит — быть немцем.

Этим я обращаюсь к моим соратникам в области специальных наук (Fachwissenschaften), обращаюсь к ним с призывом к

сотрудничеству при дальнейшем исследовании этого драгоценного наследия, и особенно его древнейших частей. Ради такой цели мной было запланировано выпустить после этого вводного народного издания «Хроники Ура Линда» ее научное издание, которое бы содержало полный текст оригинала, очищенный вариант на древнефризском, его параллельный перевод и дальнейшее разъяснение вопросов, связанных с критикой текста.

VII. ИЗДАТЕЛЬ РУКОПИСИ А ЛИКО ОВЕР ДЕ ЛИНДЕН И ЕГО ПЕРЕВОД ЗАВЕЩАНИЯ ПРЕДКОВ. ИНГВЕОНСКИЙ РЕФОРМАТОР?

В заключение этого первого источник-критического исследования «Хроники Ура Линда» мы хотим еще ненадолго обратиться к великому делу этого человека, который в последний момент спас и сохранил древнегерманское наследие предков, которое в противном случае было бы для нас безвозвратно потеряно.

Кем же был этот издатель? Его личная установка явствует из самого памятника, который он собрал и издал. Он принадлежит к партии матерей и дев, к «сыновьям матери», к староверам эпохи матрон³⁷⁵. Завещанием к своим наследникам он лично обращается против империалистического франкского христианства и против его пропагандистов, против римского клира, «поповских капюшонов», равно как и против партии короля, против всего восточномедитерранского вырождения и отчуждения³⁷⁶ от священного и древнего порядка и традиции. Критика насилия королевской власти, подчиненной чужим законам, была совершенно справедлива. Но с беспощадной ясностью нам видны также одичание и разруха германской культуры и цивилизации, которые только теперь начинают проступать сквозь сообщения писателей древности, говорящих о тех временах, где традиция «Хроники Ура Линда» обрывается.

«Хроника Ура Линда» — это не систематическое сочинение, не собрание законов или историй и не намеренное описание страны и людей, народной жизни, государства и общества, культовых

и правовых обычаев, каким, например, притязает быть «Германия» Тацита. В последний момент, подобно пассажиру тонущего корабля, издатель собрал на скорую руку все самое ценное, что только и было в его распоряжении.

Так же мало, как и в исландских сагах, находим здесь мы описаний частной жизни, религиозной и культовой практики, хотя историческая часть «Хроники Ура Линда» несравнимо более содержательна, чем в Эдде и сагах вместе взятых. То, что делает «Хронику Ура Линда» как духовно-религиозно-исторический источник несравнимо более ценным, чем совокупная эддическая традиция — это тот факт, что здесь перед нами величественная вера древности, выступающая во всей своей ясности и собранная в моих трудах из отдельных уцелевших обломков культово-символических и палеоэпиграфических памятников. В свете традиции «Хроники Ура Линда» становится теперь очевидным, что уже в Эдде мифы древности были полностью овеществлены и очеловечены, видно и то, что скальды при дворе ярла передавали им самим более не понятный язык мифических формул, облакая их в тем большую оккультную путаницу и темноту, чем менее им был понятен их собственный смысл.

Но один момент обладает особым духовно-историческим значением в традиции, переданной Лико Овер де Линден. И у него отсутствует важная часть Древнего Мифа, поскольку мы ничего не узнаем из его сообщения о древнейшем мотиве Спасителя³⁷⁷, о котором больше свидетельствуют средневековые саги и образ которого, символическую лодку, до сих пор несет на себе постройка фризских Одалингов³⁷⁸. Если только он не подразумевает этот мотив, когда говорит о «Кродере».

В «Хронике...» Фрисландии мы видим то же самое духовно-историческое явление, что и в источниках Индии и Персии, на которые мы уже указывали выше. Там, где арийское наследие посредством реформирования выступает на поверхность, там оно поступает частью древней затемненной народной религии, которая слишком глубоко потонула в расовом смешении, суевериях и культовых практиках чуждой расы.

«Хроника...» служит тому, чтобы понять сущность представления предков о Боге и снова поднять эту религию до уровня ее идеи.

И, таким образом, идея начинает звучать все громче и громче, она все больше выступает на передний план, в то время как миф звучать перестает. На место «Миро-Воззрения» (Weltanschauung), размышляющего ведения Бога-во-всем-Бытии, выступает «Миро-Осмотрение» (Weltbeschauung), то есть мышление само по себе. Это — начало религиозной философии, которая постоянно отрывается от непосредственно-наглядного душевного переживания и от его духовного выражения, символа и мифа как иносказания.

Таким реформатором идеи, как кажется, и был Лико Овер де Линден. В его собрании текстов все подчинено учению о Вральде, о Духе Миров (Weltengeist). И миф о «Кродере» и о его «Юле» звучит здесь лишь очень отдаленно.

И возникает следующий принципиальный вопрос: а не был ли сам Лико Овер де Линден — по меньшей мере отчасти, — создателем этого нового рунического шрифта, с помощью которого составлена рукопись, ибо древний шрифт нашего народа состоял из одного Юла и Времени Божьего.

VIII. ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ НАС ЭТОТ ДУХОВНЫЙ ЗАВЕТ С БЕРЕГОВ СЕВЕРНОГО МОРЯ

То время, когда в первый раз прозвучало для нашей ответственности «завещание» «Хроники Ура Линда», — и когда оно снова должно было забыться и уйти на дно, поскольку было еще не время, — это самое время, начало XIX в., было периодом зарождения нордического движения. В 1853—1855 гг. вышел из печати четырехтомный капитальный труд графа де Гобино «Essai sur l'inégalité des races humaines», в котором впервые обосновывалась великая культурная миссия арийской расы как носителей света в мире. В образе Гобино, Поля де Лагарда и Хьюстона Стюарта Чемберлена³⁷⁹, француза, немца и англичанина, исполнилось и обрело мощь движение за возвращение к нордическому сознанию: подземные воды наконец-то вырвались на поверх-

ность. Тайный голос крови (*die Geheimstimme des Blutes*) стал рокотать все громче и отчетливее.

И вот теперь начался поиск заветов наших предков, их главных духовных и исторических ценностей, наивысшим душевным выражением которых должны быть вещественные памятники нордической расы, свидетельствующие о высоте ее развития.

Роковым событием на этом пути к источникам стало обнаружение и популяризация собрания эддических текстов. Ибо оно было подано как древнейший *текстовый* памятник Севера, взятый в его нетронутости, в его самом первоизданном состоянии. И наше сознание было настолько ориентализировано³⁸⁰ и материализовано (овеществлено) посредством постоянного «так написано» («*Es steht geschrieben*»), что от этого якобы древнейшего текстового источника не хотят делать ни шагу в сторону.

Гениальная первопроходческая работа братьев Гримм³⁸¹ нешла никакого продолжения в той научной области, которая к тому была призвана — в германистике. Никто особенно не утруждал себя полным изданием духовно-исторических источников и памятников. Без внимания осталась история германской культовой символики, этого древнейшего и достоверного *текстового* источника, который, будучи намного более древним, чем «Эдда», и передаваясь в германских народных обычаях, идет из отдаленнейших праисторических времен и сохраняется даже в нашу современную эпоху. А самая первая из ступеней ее познания и освоения, исследование истории *германского рунического шрифта*, так никогда и не была переступлена, но вместо этого так и застряла вместе с датчанином Л. Виммером (L. Wimmer³⁸²) в комплексе неполноценности, который появился на Севере «ex oriente», начиная со времен римской христианизации и гуманизма. Так, например, никто так и не позаботился о руне «Жизни Божией» — Одил ŷ, которую Васман опубликовал уже в начале семидесятых годов прошлого столетия в своей «Германии»³⁸³, взятую из рунического ряда одной из рукописей аббатства Брунвайлер в Кельне (ок. 988 г. по Р.Х.), которая в настоящий момент находится в коллекции Ватикана (Cod. Urbin 290 memb. fol.). И столь же мало заботились «германисты» и об англосаксонской, то есть ингвеонийской рунической традиции³⁸⁴, которая сохранила нам, в том числе,

знак **ᚠ** как знак «Года». Что же касается тех ученых, которые изучают древнейшую руническую традицию скандинавов, начиная от эрудированного Рудбека (*Polyhistor Rudbeck*) и вплоть до финна Магнусена (*Finn Magnusen*), то их исследования народной традиции, начатые в прошлом столетии, наша кафедральная наука систематически осыпала мусором своих гуманистических и ориентально-христианских гипотез заимствования. Германский крестьянский народный календарь, «рунические палочки» (*der Runenstab*), был положен в гроб таким же образом, как и германский рунический шриффт. И все это делалось во имя науки.

Однако наследники (подлинной германской традиции) по-прежнему продолжали без вождя прозябать в дилетантизме, все более и более чувствуя неудовлетворительность профессорских мифологий со всеми их демонами облаков и демонами погодных условий³⁸⁵. А поскольку академическая наука бросила их на произвол судьбы, они сами стали постепенно вставать на верный путь, проложенный их предками. Мы имеем в виду самопроизвольно возникшую *германистику Гвидо фон Листа* (а также *Горслебена*³⁸⁶), которая обратилась к живейшему исследованию «священных знаков» культовой символики, рассматривая их как духовно-исторический источник. Как уже было упомянуто выше, она, за недостатком подлинно научного основания, вела к роковому и массовому безумию. Это то, что касается результатов ее «исследования». Для академической науки это снова стало поводом для того, чтобы сторониться настолько сильно скомпрометированной дисциплины³⁸⁷.

Но то, что навело нашу германистику на путь исследования собственного духовного наследия — это была, как и в случае германтиковедов, опять-таки «текстовая данность» Эдды и саги. И поскольку этот источник, созданный в период германского упадка, не соответствовал потребностям полемики с представителями концепции «*ex oriente lux*», и в первую очередь с христианской церковью, то все свелось к толкованиям и перетолкованиям эддического наследия, к неизбежному подведению духовно-исторических итогов.

Вотанизм эпохи северогерманского упадка был уже вознесен академическими учеными-германистами до уровня древнегерманской религии. В действительности же северный вотанизм являет-

ся созданием рабов-теологов эпохи викингов. Od-in (Один) или «Бог Од» — это Бог «ветреного месяца», Который в руническом календаре соответствует знаку ᚢ или руне ᚢ . Это Бог Души и Проводник Мертвых, спаситель Одема³⁸⁸ в человеке и спаситель человека в эпоху штурма, которая предшествует Юлу. Из него скальды сделали Бога воинов и мертвецов. На место возвышенной веры в перерождение, которая являет себя в культовых обычаях этого месяца Юла и в точности сохраняется вплоть до настоящего времени, они поставили ими созданное представление о Вальхалле, т.е. о мужском зале для выпивки³⁸⁹ при дворе ярла. Местоположение этого зала было перенесено в сферу потустороннего, а в обязанности ставшей Валькирией Белой Дамы вошло разливание пива по стаканам.

Бросается в глаза, что «Хроника Ура Линда» объясняет ватализм выродившихся под властью «Маги» (мадьяр) северных и восточных германских племен исторически. «Хроника...» возводит его к тому фризскому королю моряков, который носил имя «Вотан», был отстранен своим тестем «Маги», а впоследствии был вознесен до уровня Богов (с. 50 и 114).

Об этой «религии» эпохи викингов «Хроника Ура Линда» уже в дохристианскую эпоху высказала свое суждение: «Мы не можем признать ее подлинно фризского происхождения». И следует теперь сравнить то, что «Хроника Ура Линда» сообщает о росте суеверий, о внутренней несвободе и рабской экономике, о викингах и об упадке образования (с. 120, 126).

И если бы фризам, сохраняющим верность своей древнейшей традиции, показали Эдду, они бы сказали то же самое. Они бы указали на то, что эти тексты не нордические, восточные, что они несут в себе дух Финды и отражают полнейшее помутнение и затемнение чистого учения о Мировом Боге (*veraldar god*).

Содержащиеся в Эдде героические истории являются обломками древнего мифа и указывают на овнешнение понятия о чести. Но героическое начало там умирает вследствие ничтожности личной воли к власти, неизбежно вырождающейся в беспрепятственное влечение к кровавой мести. Именно это утверждение безудержной индивидуальной воли выше воли общины, именно эта кровавая месть и были тем, против чего восставала и чему препятствовала

древнефризская культура и древнефризское законодательство — в том виде, в каком они еще представлены в «Хронике Ура Линда» (ср. с. 33—34, «Предписания для завистливых людей»). Обычай древних фризов изгонять убийц из своей страны должен быть напоминанием о древнем праве праисторического времени. Но в эпоху саги этот обычай был заменен правом более сильного подавить слабого и распорядиться его жизнью по собственному произволу.

И вот теперь к нам вернулся вместе с «Хроникой Ура Линда» более древний и даже древнейший «письменный источник». И тот, кто ее читает, тот чувствует и знает: это именно то, что мы всегда предчувствовали³⁹⁰ и чего мы всегда искали. «Хроника Ура Линда» кажется нам доверенной и присущей с древнейших времен. И зачем нужны еще какие-то доказательства? Чем дальше мы продвигаемся в исследовании других текстовых памятников, чем глубже мы постигаем символы нашей древнейшей религии, тем более подтверждается картина той благородной, светлой и ясной духовной высоты, которой достигало древненордическое познание Бога, учение о Вральде, об Откровении Мирового Духа в пространстве и во времени, которое предшествовало сбивчивой и беспорядочной эпохе Эдды.

Объем издания не позволяет мне дольше вдаваться в этот вопрос. Подводя итоги, хотелось бы здесь повторить то, о чем я уже говорил в «Священной Протописьменности» (гл. 17, с. 449—450) в связи с мифом о зимнесолнцестоянческом Змее на Мировом Древе, Древе Года и Жизни:

«Мы должны остерегаться от того, чтобы рассматривать всю Эдду целиком как древненордическое и древнегерманское свидетельство. Она содержит древнейшие и высочайшие ценности наряду с более новыми элементами периода северогерманского упадка. Трагизм, который доминировал в исследовании этого периода германской истории, состоял в том, что из-за незнакомства с эпиграфической и культово-символической традицией и незнания древнейших памятников и документов духовного наследия северной старины за таковые принимались свидетельства времен очень недавних, содержащие христианские заимствования. При этом такое позднее по времени явление, как юный вотанизм периода германского упадка, пытались выдать за изначальную герман-

скую религию. Первое тысячелетие христианского летосчисления в германской духовной истории соответствует тому более древнему этапу духовной истории Индии, на котором вера в Небесного Бога Дьяуса (с. 5, 157) была вследствие расового смешения уничтожена, и брахманистская реформация снова подняла до уровня идеи ослабевшую народную религию. Старая народная религия на Севере держалась дольше, чем на Юге, где произошла миграция индоиранцев. Германские реформационные движения, которые начались в районе Северного моря уже в период раннего железного века и были сдержаны переселением народов, нашли свой конец или свою временную остановку в период распространения в Римской империи христианства. Реформация Галилеянина из страны „рогатых дольменов”, где проживали аморейцы, амальгамировала с яхвизмом, равно как с идеей мироотрицания и потребностью в спасении выродившейся средиземноморской культуры и, по закону маятника, вернулась назад к изначальной области мегалитической религии. Эти самостоятельное развитие Севера было прервано. Состояние тяжелого кризиса тянется через все Средневековье, вплоть до эпохи Реформации, а от Реформации — вплоть до известного духовного пробуждения последнего времени».

Исследование духовно-исторических памятников древнейшей истории, первое собрание и открытие культовой символики германцев того периода, который предшествовал эпохе переселения народов и христианизации, разоблачает перед нами тот *синкретизм*, который был выполнен Римской церковью, когда она с нашей культовой символикой знакоилась и ее перетолковывала.

Сегодня мы знаем, что ирландско-шотландское христианство изначально было совершенно иным, чем христианство римское, восточносредиземноморское. На культовых и могильных камнях этих последователей Туата Де Даннан, пришедших с Севера носителей культуры мегалитов Шотландии и Ирландии, были обнаружены руны $\times\times$ — «рожденный от» и руна — руна «Жизни Божией», а также Знак Года и Зиг-руна со змеей. Как учили их христианские проповедники в Германии, сохраняя при этом древнейший миф о спасении, Сын Божий — Спаситель («Кродер») Своим нисхождением во ад (*decensus ad inferos*) и своим зимнесолнцестоян-

ческим подземным путешествием избавил от смерти всех — крещеных и некрещеных, христиан и нехристиан. Римский легат и так называемый «апостол германцев» Бонифаций объявил это учение ересью и много против него боролся³⁹¹.

Весь трагизм нашей германистики состоит в том, что вследствие совершенного незнания сакральной, иероглифической традиции древненордической религии в ее культовой символике она принимала важнейшие и древнейшие элементы за более поздние христианские заимствования и толковала Повешение Спасителя (Tug, Ull, Od, и т.д.) на ветреном шестилучевом * — древе, то есть 8 в месяц od — 9, когда Он был пронзен копьем (по-латински — gupa), имеющим форму ↑, † (руны Tug, Ti, Tiu) и должен был как Человек умереть (homō factus est), — все это трактуется германстами как история Бога Od, то есть Одина (Odin).

Но теперь, на основании культово-символической традиции изначальной религии региона Северного моря, в связи с традицией «Хроники Ура Линда», нам становится ясно, что христианство смогло внедриться в германский народ потому, что использовало те его стороны, к которым могло прислониться и на которые могло опереться. Теперь становится понятным также и то, почему именно германцы района Северного моря, англосаксы, ирландцы с шотландцами и фризы оказались настолько отзывчивыми по отношению к Евангелию. Мы теперь знаем, что уже не существовало единой германской религии, что все было сломано и находилось в состоянии разложения, и лишь очень немногие нордические люди способны были в эпоху саги признать себя сторонником «Веры как таковой».

«Хроника Ура Линда» разрушает германистику Эдды и освобождает от постоянных толкований и перетолкований этого настолько неравноценного (с «Хроникой...») памятника эпохи германского упадка и разложения. Ибо германтиковеды со своей экзегезой Эдды ничем не отличаются от своих христианских соотечественников, любой ценой стремящихся утвердить «старый союз» как основание христианской религии и церкви.

«Хроника Ура Линда» раз и навсегда освобождает нас, людей Севера, от этой трагической путаницы нашей духовной истории: от так называемого Ветхого Завета, от иудейско-восточного пародий-

ного переосмысления универсальной религии Бога-Света, от амореев, носителей мегалитической культуры гробниц, и от Ханаана. Иудейскую историю творения мира в книге Бытия нужно противопоставить соответствующей истории, изложенной в «Хронике Ура Линда», чтобы весь материализм и вся неполноценность иудейского мышления предстали в ярком, пронзительном свете.

Задача духовно-исторического исследования будет состоять в том, чтобы взять этот Ветхий Завет, и основательнейшим образом просмотреть его, отбирая в нем те элементы подлинно нордического духовного наследия, которые были евреями присвоены и переоценены. А все остальное нужно оставить виновникам этого переосмысления. С этим мы уже ничего сделать не сможем.

На место этого Ветхого Завета, с его похищенным, отчужденным духовным наследием и его отвратительными восточными комплексами выступает теперь «более древний», «Древнейший Завет» Севера, с его учением о Духе Мирав, из Которого изошло Время, которое создало все вещи. Лишенная своих исторических притязаний и своего авторитета, иудейско-римская церковь и ее жреческое законодательство отступают теперь в назад в свою историю.

Мы знаем, что мы — нечто иное, чем те южные и восточные народы, и что поэтому их вероучительные истины не могут быть истинными для нас. Мы несем в себе закон Духа Мирав, который является некодифицируемым знанием о праве и неправе, о благе и об отсутствии блага. Дух Мирав промыслил о нас совершенно иначе (чем о народе Ветхого Завета), когда Он послал нас в труднейшую и высшую школу жизни, которая когда-либо была в мировой истории — в ледниковый период³⁹². Он сделал из нас людей дела, Свободных-у-Бора (Gottesfreien). Поэтому «во всех фризах заложена склонность творить правду и жить в свободе. Эту склонность мы получили от Духа Вральды, нашего Отца, Который громко вещает и являет себя в детях Фрейи. Поэтому она вечно присутствует в нас». И поэтому нордический человек мог и без посредничества жрецов, и без писаных законов, без «Здесь написано так» решать, что справедливо, а что — нет, «руководствуясь одним чувством, которое пробуждает в нас Дух Вральды».

Дух Мирав не хотел, чтобы мы были «рабами Божьими», подобно владельцам тех «благословенных южных провинций» Бо-

нификация. Он не хотел видеть нас сокрушенными и подавленными «собственной греховностью», боящимися ада и дрожащими от собственной безблагодатности и от мстительного гнева Божьего. Он не хотел видеть нас зависимыми от жречества и подавленными этим жречеством, «теократией» посредников Бога и толкователями Божественной «воли» и Законов, владеющими средствами привлечения благодати и достижения спасения.

В нашем древнейшем учении о Боге, в «Совете Фрейи», благо ожидает свободного, а свободным является только тот, «кто не является рабом ни другого, ни своей собственной страсти». Но свободный призывает Дух Вральды только тогда, когда нужда, которую он испытывает, невыносима и свирепа, а благие деяния ничего более не в состоянии сделать. Но призывать Его нужно не ранее, чем будет испробовано всё.

Про тех хитрецов, которые «убеждают самих себя, а также и посвященных в том, что они являются лучшей частью Духа Вральды и что Сам Вральда предпочитает думать с помощью их мозгов», — про этих хитрецов «вторая часть древнейшего учения» дает ясное, окончательное суждение, которое теперь подтверждается древнейшей историей духовных учений: «То, что каждое творение является частью бесконечной сущности Вральды — это учение они почерпнули у нас» (с. 40).

Так иудейская и римская мечта о мировом господстве и подчинении народов земли, а особенно Северной Земли, главному жрецу, находящемуся в Иерусалиме или в Риме, — так эта давняя мечта лишается последних оснований и заканчивается.

Ветхий Завет, лишенный того, что в нем содержится заимствованного, тонет в незначительности отдельных религиозно-исторических явлений низшего порядка.

А Сын страны дольменов Галилеи, из которой, по иудейскому воззрению, «не может быть ничего благого», лишается таким же образом иудейско-ориентального перетолкования и переоценки и освобождается от той бессмыслицы одноразового и исключительного Божественного Откровения и встраивается в серию вторжений северного наследия в жизнь Востока. И лишь сегодня мы можем познать, каким образом главные этапы Его жизни — Рождение, Смерть, Положение во Гроб, Воскресение — произош-

ли из нашего северного мифа эпохи каменных гробниц, а также понять, что этот миф из иудейского, яхвистского комплекса никак не выводится.

Явление галилейского Реформатора, проповедовавшего как Сын Человеческий, исходя из народной религии своей родины, что «Царство Божие находится в Человеке», — явление этого Реформатора исполняется в Божественных Законах нашего нордического Божьего-Мира-Воззрения.

Поэтому мы должны рассматривать преобразование нордического мифа о Спасителе (Heilbringer) в идею Избавителя (Erloeser) человечества, обремененного первородным грехом, как учение, обусловленное пространственными и временными причинами, — подобно учению об одноразовости и исключительности Божественного Откровения в этом Искупителе (Erloeser). Здесь является также важным, что учение о грехопадении оказывается, как одно из самых чудовищных искажений древненордического мифа о Юле, Древе Жизни и Мировом Древе, связанным с человеческой парой и зимнесолнцестоянческой змеей. Это фундаментальное искажение возникло в жреческом яхвистском сознании для того, чтобы обосновать право этой иудейской теократии выполнять посреднические функции между Богом и людьми. Сошлюсь здесь на предварительное исследование дошедшего до нас совокупного материала в моей «Священной Протописьменности», гл. 17.

В свете учения Вральды, семь глаз Которого :: или ☉ оставались в северопалестинской, израильской культовой символике Знаками Бога вплоть до возникновения христианства, а потом остались в ней в виде Дома Яхуса — Jahus (Яхве — Jahve), Ветхий Завет и принцип «ex oriente lux» тонут навсегда как лживое отражение. И ярко сияет тот «Свет Мира», Свет Севера, который содержится в «Древнейшем Завете» человечества и который находится у самых его истоков.

Мы знаем, что не нуждаемся в том, чтобы какой-нибудь Избавитель освободил нас от Духа Вральды, который содержится в нас самих, а также и то, что учение Галилеянина никогда этого не сделает.

Это лживое ориентальное отражение навсегда завершено для нас, Свободных-у-Бога (Gottesfreie) людей Севера. Мы знаем, что «смысл, который Дух Вральды объявляет в нас», является священным заветом наших предков, который постоянно проявляется в нас как наследие Духа, как голос крови в эпоху полнейшей, казалось бы, самоутраты, и как руководство к прорыву через заслоны чуждого нам духа.

Теперь мы понимаем глубокие духовные связи между нашей немецкой мистикой и этим нордическим наследием. Особенно ярко это было выражено в учении Майстера Экхарта, которое впоследствии было проклято Римской курией³⁹³. Это — представление о Боге, свойственное нашей *fase*.

«Бог исполнил в Вечности только одно дело. В это дело Он — сам для себя — вложил также свою душу». «Душа — это Все. Она является Всем, и в то же время она является образом Божиим. — Поэтому Бог создал весь мир, чтобы Бог родился в душе, а душа — в Боге. — Отец, в вечном Рождении, является источником Сына. Отец и Сын в Вечности являются источником исхождения Духа». — Отец в Вечности рождает Сына, как Свое Подобие. «Слово было у Бога, и Бог был Слово»: Такое же, как и Он и той же Природы. Но вот, я говорю далее: Он родил Его в моей душе. Отец рождает Своего Сына в душе так же, как и в Вечности, и не иначе.

Отец непрерывно рождает Сына, рождает Его и будет Его рождать, это Рождение присуще Ему в Вечности. Поэтому, когда Сын принял на Себя человеческую природу, в тот же момент Отец Его родил»³⁹⁴.

Это — то же самое арийское исповедание веры в Откровении Духа Миров в человеке, этом Божественном «Воплощении», которое провозглашается и в Бхагавадгите (IV, 1—7):

Эту непреходящую йогу
Я в начале казал...
Друг от друга перенимая,
ее знали цари-провидцы;
постепенно за долгое время
эта йога пришла в упадок.
Много раз я являлся в мире,

много раз приходил ты к рождению,
но рождений ты этих не знаешь.
Это знание лишь мне открыто.
Пребывая всей твари владыкой
нерожденным, нетленным, вечным,
Я внутри мне подвластной природы
Своей майей себя рождаю.
Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,
Я себя порождаю, Арджуна³⁹⁵.

Древнейший миф праисторического Севера звучит в словах Майстера Экхарта: «Все вещи, которые здесь присутствуют, существуют не благодаря самим себе, а проистекают в *Вечности* из Изначального Источника, который проистекает из Себя Самого, а во *времени* творит из ничего посредством Святой Троицы. Вечным Изначальным Источником вещей является „Отец“, вечным Прообразом вещей в Нем является „Сын“, а Любовью Его к этому Изначальному Образу является „Святой Дух“. *Круг*, который должна пробежать любящая душа — это преподобная Святая Троица и все, что Она сотворила во времени и в *Вечности*. Все это вместе по праву называется *Кругом*».

Это учение о Духе Мирав, из Которого изошло Время и который создал все вещи, находящиеся в «Круге» ☸. «Бог присутствует во всех вещах, — говорит Экхарт, — во всех творениях Бог нам одинаково близок»³⁹⁶. — «Все вещи являются — в конечном своем образе — произошедшими во времени, и при этом, однако, они остаются — в своем бесконечном образе — пребывающими в Вечности. Поэтому они являются Богом в Боге».

Различение между «сущностью» и «природой», которое проводит Экхарт в этом месте своей беседы «О познании Бога», в том же смысле возвращается во «Второй части древнейшего учения» «Хроники Ура Линда»: «Итак, что касается нашего происхождения, то мы являемся частью бесконечной Сущности Вральды, равно как и все сотворенное; но что касается нашего облика, наших страстей, нашего духа и всех наших сомнений и размышлений, то

они не принадлежат Сущности Вральды. — Наш дух не есть Дух Вральды, но он есть сияние Духа Вральды.

Подобный образ применяет Экхарт («Об исхождении Духа и возвращении назад. Проповедь на Евангелие от Матфея»; 10: 28): «Отражение солнца в зеркале является, как принадлежащее солнцу, само солнце. Так же и с Богом. Он присутствует в душе по Своей природе, по Своей Сущности, по Своему Божеству: и поэтому все же еще не находится в душе. „Противоположности“ души, поскольку они принадлежат Богу, сами являются Богом: именно поэтому они и являются тем, чем они являются».

То, что так блестяще и так ясно смог изложить Майстер Экхарт — это наследие наших предков и завещание наших предков. Теперь мы узнаем в нашей немецкой истории путь, ведущий к этому колоссальному по своей глубине наследию. И поэтому Лютера или какого-нибудь другого носителя Реформации мы не можем провозгласить непогрешимым папой. В эпоху Реформации нордическое наследие впервые восстает в качестве народного движения. Это «Свобода Христианина» (*Freiheit des Christenmenschen*), которая провозглашается как «Божественное право» в заявлении крестьян, этих превращенных в рабов прежних «Одалингов» (*Odalinger*). Средиземноморско-ориентальное жречество Римской церкви было устранено; а на место этих божественных посредников и божественных представителей снова было поставлено непосредственное отношение между Богом и человеком, вместе с правом самому искать и находить истину³⁹⁷.

Вплоть до сегодняшнего дня в нашей науке господствовала ориентальная контаминация, и наследие предков, «Древнейший Завет» Севера, свидетельство его «говорящих камней», сознательно замалчивалось.

И лишь сегодня оно к нам возвращается. Теперь мы можем ясно обозреть и познать весь пройденный нами путь, понять, откуда мы пришли и кем мы были, чем³⁹⁸ мы стали и чем мы хотим и можем стать снова. И ни одна власть или сверхвласть не похитит у нас теперь этого завета и этого достижения.

Теперь мы понимаем глубочайший смысл того, что происходит сегодня. Это не просто событие, определенное временем и вызван-

ное обстоятельствами и отношениями. Национал-социалистическое движение, каким оно было пробуждено Адольфом Гитлером, чтобы проложить путь в Третий Рейх — является великим и мощным прорывом к нашему наследию. Это — первый шаг к его осознанию и воплощению в жизнь в виде мощного народного движения.

Когда фюрер проповедует миру высшие принципы Права, Свободы и Чести, в нем говорит «сознание, которое в нас рождает Дух Вральды — и которое Он будет рождать в нас вечно».

Эти высшие и священнейшие принципы: Право, Свобода и Честь являются священнейшими благами нации. Тот, кто является Свободным-у-Бога (Gottesfreier), тот не должен задевать свободу другого. Стоит только сравнить соответствующие места в Законах (с. 17—18, 23, 28, 32). Тот, кто забирает у другого его свободу, сам из-за этого становится несвободным (с. 77). Насилие, которое исходит от нас, к нам же и возвращается (с. 19). Древнеингвонийский закон в Духе Вральды поучает, что делать с теми, кто усвоил законы чуждых нам рас: «Но если они пойдут грабить, тогда нападите на них, подобно сверкающему огню» (с. 19). «Ибо, хотя мы и миролюбивы, наши зарубежные братья (полу-братья, Halb-brueder³⁹⁹) не должны воображать себе, будто мы чего-то боимся, и поэтому недооценивать наш народ» (с. 36).

Народу, лишенному земли, нельзя воспрещать с полным на то правом взять себе необходимую для жизни землю там, где она не занята. Духовно-исторические исследования и «Хроника Ура Линда» учат нас тому, что эти Свободные-у-Бога с Севера, которые украшали свои корабли божественной руной Υ — «Человек», станут знаком «священной весны» и того Человека, который впервые восстал, чтобы нести Свет всем, кто лишен свободы.

Никогда нордические, германские народы не были империалистами. Но если бы они имели к тому предрасположение, как его имеют южные смешанные народы и восточные народы, чуждые нам по своей расе, то они могли бы завоевать целый мир. Но закон Духа Миров, Право и Свобода были в них, даже в позднейшую эпоху утраты завета предков, сильнее всех искушений. Неотделимой от свободы народа является свобода Матери-Земли, священного родного края, Одалы как «Жизни Божией», Жизни Вральды (с. 18, 23): «Одала» (Odal) делает народ «благородным» (adlig).

Именно национал-социалистическое движение первым из так называемых партий по проведению земельной реформы, которое провозгласило в своей программе священность лена (ленного поместья). Она вернет народу его Родину (Heimat), его «Heim-od», из которого снова возникнет единство и единодушие народа, стремительный взлет жизненной кривой его подрастающего поколения.

Из произвольной государственной раздробленности, делящейся уже два тысячелетия, с тех пор, как мы утратили божественное наследие предков и самих себя, хочет возникнуть Третий Рейх немецкой страны и немецкого народа. Сегодня нам становится ясно, что этот «Рейх» будет вечно жить в нас, немцах. Поистине, немалым делом было уже преодоление таких чуждых и враждебных нашему наследию союзов, как союз иудейского марксизма и его римских помощников. Но теперь стал свободен путь к воссоединению страны и разорванного извне и изнутри народа, который во всех своих слоях уже был подчинен материализму неарийского «мирового порядка», иудейской мировой экономике Мамоны.

Теперь наконец проклятие Альбериха может быть снято с нашего народа и с нашей страны. Золото снова вернулось в священную землю, в «Одалу», из которой оно было похищено, когда на нас легло проклятие Альбериха. Родина снова стала свободной от проклятия процентов, снова стала леном Божиим, а не отчужденным и распроданным товаром.

Крестьянину, единственному «Одалингу», уже была возвращена его Одала, но даже и лишенному Одалы городскому населению, лишенным корней и бездомным горожанам должна быть возвращена их Родина, их родная почва. Бессмысленная урбанизация и умножение городов — центров мировой экономики — миллионы людей оторвала от их родной почвы, лишила корней, разрушила и погубила их родовое наследие в каменной пустыне индустриальных городов. Теперь эта самая технизация больше не нуждается в человеке и, превратив его душу в механизм, разбирает его на куски. Теперь вы снова должны вернуться на Родину, но уже не как крестьяне, а как садоводы или жители городов.

Так, Родина снова может вас принять, а почва снова может вас напитать, вас, народ без пространства и без Родины. Так, вы сно-

ва можете стать принадлежащими к своему народу и к своей Родине и из марксистских «пролетариев» стать Свободными-у-Бога. Одала облагораживает свободных!

Но долог тот путь, который нам еще предстоит. Мы стоим еще только в самом его начале. Но обаяние чужеродного, которое пришло «ex oriente» и утвердилось над государством и обществом, над духовной и экономической жизнью, отвергнуто навсегда.

Это было деянием Гитлера! Громко звучит в фюрере голос крови. Наследие предков, их заветы — это именно тот немецкий Рейх и тот народ Права, Свободы и Чести, который он провозгласил. Это «должны выбирать справедливые люди, которые по праву делят между собой работу и ее плоды, так что никто не останется свободен ни от дел, ни от защиты крепостей.

В смысле пробуждения и осознания заветов предков, его путь должен быть также «Путем к Матерям». Будущим образом и содержанием нашего государства будет не мужская политическая организация и руководство, а женское движение. Оно будет создано «матушками народа», которым затем будет доверено сбережение священного народного достояния, Жизни Божией. Когда мы лишили эту нашу Белую Женщину, «посвященную и предчувствующую», тех прав, которые ей подобают, мы поступим подобно людям чуждого восточного духа и могли потерять себя окончательно. Римская церковь лишь довершила саморазрушение самой высокой и самой благородной нравственной силы народа.

В звучном, чистом духе, который говорит из самой сущности Гитлера, в горячем источнике его сердца, которое наполнено ясным, целеустремленным познанием и волей, находится наша гарантия и поручительство. Он продолжит начатое дело, повинувшись своему последнему и высшему внутреннему требованию. И наш общий долг состоит в том, чтобы вместе с нашей верой и с нашей верностью целиком перейти на его сторону.

И да поможет нам в этом завет предков, который я теперь должен передать нашему народу как подарок к Великому Юлу.

Из глубочайшей ночи, в которую мы низошли, из совершенного унижения, в которое мы погружены, по пророчеству Белой

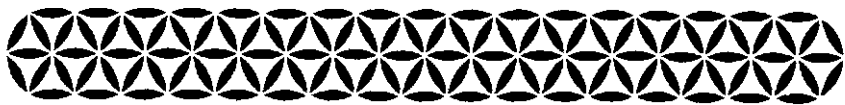

Женщины, наш народ должен подняться наверх вместе с Колесом Времени. Под знаком этого Колеса Юла и Колеса Поворота, под знаком исполняющегося в нашем народе Времени Божьего, стоит наш Третий Рейх.

И да приведет оно наших детей и детей наших детей снова к победе Света и Жизни, к Благу наивысшего подъема.

Воскресная ночь, 12 ноября 1933 г., когда немецкий народ вернулся к Чести и Свободе.

:

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Посвятительная надпись на одном из кельских камней матрон I века по Р.Х.

² Разбиение текста на смысловые фрагменты сохранено в полном соответствии с публикацией Г. Вирта.

³ «Над», т.е. по ту сторону липового леса или за рекой Линда. — *Прим. Г. Вирта.*

⁴ Понятие «Одем» сегодня в немецком языке практически не употребляется, за исключением поэзии и(ли) сознательной стилизации-архаизации. «Одем Божий» — это Дух Божий, посредством нисхождения Которого в Землю-Иртху произошел и, что особенно важно, до сих пор продолжает происходить процесс миротворения. Для «Хроники Ура Линда» принципиально то, что, один раз начавшись, творение мира не может быть остановлено. Мир творится постоянно. Это вечная динамика преобразования, космическая литургия и вечная трансформация, мало чего общего имеющая с «творением» в смысле иудеохристианства. Здесь нет и быть не может никакого горестного разрыва между миром абсолютным и миром относительным. В изначальном понимании древних фризов, именно здесь и свершается вечная мистерия календарного круга — «простая благородная космогония арийской изначальной веры» (по выражению Вирта). Отсюда, кстати, происходит позднейшая северогерманская теология Бога Одина. Согласно интерпретации Г. Вирта, Один — это Од-ин (Od-in), то есть, с одной стороны, очень важная манифестация первоначального космогонического Ода Божьего, а с другой — вторичный и даже произвольный мифологический образ, сложение которого Вирт датирует эпохой викингов. И лишь в более поздние времена скальды при дворе ярла прославили Одина-Вотана как Бога воинов-героев и мертвецов. Опираясь на данные «Хроники Ура Линда», можно сказать, что образцом им послужил вполне конкретный исторический персонаж: предводитель моряков по имени Вотан, племянник старого короля Штерика, брат отважных мореплавателей Инки и Тюниса. Древнейший космогонический смысл понятия «Од» неоднократно толко-

вался в работах немецких мистиков 1920—1930-х гг. Например, в книге Генриха Юргена «Практика вращения и магия маятника» (1925) сила Од толковалась как таинственная сидерическая энергия, раскачивающая маятник во время сеансов вызывания духов. Согласно толкованию Г. Юргена, именно сила Од способствовала переходу духа в материю и души в тело. Источником Ода признавался, как правило, животный магнетизм (гипотеза Карла Людвиг фон Рейхенбаха) или же т.н. «ур-атомы» (гипотеза Фрица Кваде, изложенная в его книге «Одик»). В оккультной интерпретации Г. Юргена (оказавшей, кстати, сильнейшее влияние на Генриха Гиммлера), Одем приравнивался к китайской пневменной энергии ци, а также индийской пране: Одем мыслился как особая энергетическая световая оболочка, окутывающая человеческое тело и наделенная полярным зарядом. — *Прим. пер.*

⁵ Порядок, установленный «тысячей законов» Богини Финды, является характерным случаем патриархального строя, и в этом он полностью противоположен нордическому матриархату последователей Фрейи, доблестных фризов. — *Прим. пер.*

⁶ Богини (эпонимы, или «расовые архетипы»), о которых здесь идет речь, являются генетическими Матерями и прообразами трех народов, которыми, в сущности, исчерпывается этническая панорама «Хроники Ура Линда». Все остальные народы (голены, мадьяры и т.д.), которые возникнут в дальнейшем повествовании, являются, в сущности, миксовариантами этих трех «чистых типов», из которых в наибольшей первозданности, по мысли авторов «Хроники...», удалось сохраниться народу Фрейи, хранящему тайны Протописьменности, Изначального Языка и т.д. Пчелиные, роевые порядки, абсолютное хладнокровие, инстинктивное неприятие низменного оккультизма финнов и беспрекословное почитание народных матушек — таков закон народа, сотворенного из «теплой пыли». Согласно антропологической идее «Хроники...», все люди созданы буквально «из разного теста»: полигенетический подход является здесь объяснением всевозможных различий на уровне обрядов, традиций и законов. На протяжении всего дальнейшего повествования будут подчеркиваться основные свойства фризов (мудрость, внутреннее благородство и прозорливость) в противоположность свойствам народа Финды (Findasvolk): находчивости (Findigkeit), «низшей магии» и, что самое важное, патриархальному укладу. Отличия фризов от лидийцев акцентируются намного меньше, так как меньше точек пересечения. Вопреки обычной «логике мифа», народы, созданные позднее других, понимаются как «венец творения», тогда как изначальная ступень в «расовой алхимии» Вральды, черный народ Лиды, наделяется наименьшим количеством притягательных характеристик: вместо мудрости или силы в этой композиции доминирует страстность. — *Прим. пер.*

⁷ Колено — род, степень родства (ср. Heilige Urschrift. S. 43 сл.).

⁸ Фризские терпены, называемые также в Нижней Германии «веркт» (производное от слова «труд». — А.К.), являются насыпными холмами, которые используют в качестве жилищ и временных прибежищ в случаях недостатка воды. — *Прим. Г. Вирта.*

С древнейших времен у фризов существует обыкновение собираться на этих терпенах в дни летнего солнцестояния (совпадающие с христианским праздником св. Яна) и разжигать на них костры. Существовало также поверие, что зола этих костров обладает чудодейственной, магической силой и защищает от пожаров в течение всего следующего года. Праздник летнего солнцестояния продолжался, как правило, в течение 13 дней, накладываясь, т.о., на другое торжественное событие — день свв. Питера и Пауля (29 июня), когда вновь зажигались костры на терпенах (высотах) и народ с ликованием отправлял ночные ритуалы Огня и летнего сольстиса. — *Прим. пер.*

⁹ *Heil harret der Freien.* — Мысль, в которой имплицитно содержится все, что написано в «Хронике Ура Линда». Имевшее в старину широкое распространение звонкое немецкое приветствие «Heil und Sieg», «Im deutschen Namen Heil» и т.д. восходит, как известно, к древнему готскому выкрику «Hei!», а также к воодушевляющему призыву «Alafsal Fena!», означающему «Спасение знающему Силу!» (Гвидо фон Лист. Тайна Рун. — М.: София, Гелиос, 2001. 144 с. С. 49). В немецком молодежно-мистическо-патриотическом движении начала XX в. использовалось, как правило, приветствие *Heil und Sieg*, которое нацисты упростили до краткой и вятной формы *Sieg Heil!*, добавив сюда же заимствованный через итальянских фашистов традиционный «древнеримский» салют правой рукой под небольшим углом (в форме руны «КА»). В действительности это не только «древнеримское», но и древнегерманское приветствие, жест благословения, исходящего благодати, который Вирт отмечал на многих германских изображениях бронзового века. Вместе эти два сакраментальных момента (жест и восклицание) соответствуют глубочайшим национальным архетипам, календарно-рунической солярной магии индогерманцев, и очень архаичны. Для всех государственных служащих «гитлеровское приветствие» являлось обязательным, а с 1944 г. оно было — (с подачи «Аненербе»?) введено и в немецкой армии. — *Прим. пер.*

¹⁰ Символика «Хозяина Четырех Вещей» (манихейского «Четырехликого Отца Величия») — это *sanctum sanctorum*, святая святых атланти-нордической традиции. Архетип Четверицы проявлен во всех религиозных и магических системах, во всех космологиях и алфавитах. Иудаизм, основанный на культе Бога Тетраграммотона — Четырехбуквенного, совсем не представляет в этом смысле никакого исключения. По мнению некоторых историков религии, гностическое заклинание «абракадабра» (Абракас или Абрасакс) происходит от слов *abra-dak-arga*, смысл которых состоит в том, что Четверица (Тетраграммотон) уничтожит четверицу (элементов). Глагол *DDK*, от которого происходит императив *dak*, буквально означает «уничтожать, разбивать, ломать». Четыре элемента — это вся совокупность вещей этого мира, которым противостоит Единственный Творец, «Хозяин Четырех Вещей». (Katz E. *AbraKadabra und Abraxas // Zeitschrift fuer Geschichte der Juden.* 1964. № 1. S. 179—187). Несколько иное объяснение «абракадабры» предлагает Курт Рудольф, который считает, что в «абракадабре» от Ветхозаветного Тетраграммотона присутствуют толь-

ко начальные буквы (абга как перифраза arba), которые, по мнению К. Рудольфа, на иврите вполне могут заменять четырехбуквенное имя еврейского Демииурга (Rudolph Kurt. Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer praetantiken Religion. Leipzig, 1977. S. 332—333). Но даже если то, что пишут Е. Катц и К. Рудольф — совершенная истина, и таинственная «абракадабра» древних гностиков действительно происходит от еврейского Тетраграмматона, благодаря открытию Германа Вирта и публикации «Хроники Ура Линда» мы можем теперь указать на гиперборейский, атлантидордический источник традиции самих Хабиру. В частности, это касается сакрального образа «Хозяина Четырех Вещей»: Статичный Полюс (Дух Миров Вральда) — подвижная периферия (перманентная динамика многочисленных Миров-Эонов). Как писал поздний Хайдеггер в работе «Вещь», *Die Vierung west als das ereignende Spiegel-Spiel der einfaeltig einander Zugetrauten. Die Vierung westls das Welten von Welt. Das Spiegel-Spiel von Welt ist der Reigen des Ereignens.* «Скрещение осуществляется как дающая быть собой зеркальная игра четырех, односложноверяющих себя друг другу. Скрещение осуществляется как мирение мира. Зеркальная игра мира — хранящий хоровод». (Пер. В.В. Бибикина). — *Прим. пер.*

¹¹ В своей «Истории Нидерландов» Р.Г. фон Кемпен подтверждает тот факт, что древние фризы почитали Фесту, добавляя, что Она была Богиней. Фесте был посвящен месяц февраль, так же как пятница — Френе. Вероятно, древнефризская Богиня Френа таким же образом соотносена с девой-градоправительницей и ясновидящей по имени «Франа» (см. ниже), как Февральская Богиня, Дева Фоста (Феста) — с дающей советы Фестой-градоправительницей. Хотя Богиня Френа считалась у фризов покровительницей, если даже не персонификацией, пятничного культа, Р.Г. фон Кемпен настаивает, что отождествлять ее с Фрейей будет некорректным (Kempen R.G. Geschichte der Niederlande. Bd. I. Von den aeltesten Zeiten bis zum Jahre 1609. Hamburg, 1831. S. 63—64). Если умозрительно разделить годичный круг на малые (состоящие из дней) и большие (состоящие из месяцев) циклические периоды, то Богиня Френа (= пятница) будет отнесена к первому, а Богиня Феста (= февраль), соответственно, ко второму из этих циклов. В реальной же истории фризов, как она дана в «Хронике Ура Линда», символизм Фесты и Франы зеркально отображает уровень календарной теологии: «малые циклы», «этмельды», ежедневное законодательство, право — лежат в «Ведомстве Фесты», тогда как «большие циклы», «обращения Кродера», эсхатологические свершения, Правда — соотносятся с экстатической фигурой северной провидицы Франы. При этом покровительствующей ежедневному законодательству Фесте с этимологической точки зрения соответствует формальное, «твердое» начало (*fest* по-немецки значит «твердый»), тогда как соотносённая с «махаягами» (Великими Годами) Френа-Франа через систему индогерманских этимологий указывает на другое — «духовно-субстанциальное», «летучее» начало, начало душевной пнеумы (праны) и мозга (френеса). Как показал в своем замечательном исследовании индоевропейской символики и мифологии Ричард Онианс, в древнейшие времена арий-

ские народы представляли себе душу человека в виде жизненной силы, разлитой по всему организму и сконцентрированной в жидкости (спинного и головного) мозга и семени. Идущее еще от Брихадараньяка-упанишады сближение Человека и Года основано именно на всеобщности той витальной энергии, которая, поддерживая жизнь человека, является в то же время «Силой Года» — и наоборот. Такой параллелизм, не чуждый также и древним фризам, позволяет предположить, что в своем (относительно позднем) теологическом понимании Френа и Феста являются персонификациями Единого (Женственного) витального начала, в двух его измерениях — твердом и летучем. — *Прим. пер.*

¹² Т.е. в пятницу, Freitag («день Фрейи»). Днем Фрейи пятница называется и в английском варианте: «Friday», тогда как во французском, итальянском и испанском языках (где она называется «vendredi», «venerdì» и «viernes» соответственно) ее ассоциируют с Венерой, что указывает на символическое тождество двух названных Богинь.

По известной русской пословице, кто дело начинает в пятницу, от того оно будет паяться. У русских крестьян до самого недавнего времени по пятницам бабы не пряли, белья не стирали, щелока не варили и из печи золы не выносили, а мужики не пахали и не борошили, почитая эти работы за большой грех. В народном стихе душа, прощаясь с телом, обращается к нему с таким напоминанием былых грехов: «Мы по середам, по пятницам платье зуловали, // Платье зуловали, мы льны прядовали». А в конце XVI в. была даже такая история, что крестьяне Тавренской волости ввели новую заповедь, чтобы «в пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменья не жечи. А кто заповедь порушит, на том доправить 8 алтын и 2 деньги». Константинопольский патриарх своей окружной грамотой 1589 г. запрещал праздновать пятницу наравне с воскресеньем. Любопытно было бы в этой связи сопоставить религиозное благоговение древних фризов перед пятницей со славянским культом Богини Пятницы, после крещения преобразившейся в русскую народную святую Праскеву (= Paraskebe = Пятница). См. также главу о 12-ти Пятницах в «Нечистой, неведомой и крестной силе» С.В. Максимова. — *Прим. пер.*

¹³ Постоянно упоминаемая в «Хронике Ура Линда» область древней Фрисландии, где находится Священная Лампа, Тексланд, может быть отождествлена с Токсландией — местностью, занимавшей север теперешней нидерландской провинции Брабант, а также бельгийские провинции Антверпен и Кампин. Границами Токсандрии были: на севере и востоке — Маас, а на западе — Донж, около Гертрлейденберга впадающий в Старый Маас. После того как при императоре Юлиане (сер. IV в. н.э.) территории Токсландии были заняты салиями, весь этот регион превратился в место постоянного конфликта между франками, фризами и саксонцами (саксами). — *Прим. пер.*

¹⁴ Восьмерка — народное законодательное собрание в кругу ☸: восемь камней. (Ср. Heilige Urschrift, Основной раздел, гл. 7). — *Прим. Г. Вифта.* «Acht» у древних фризов — это то же самое, что «тинг» у прочих германцев или «вече» у славян. Вспоминая блестящее эссе М. Хайдеггера «Вещь», можно провести любопытную параллель: «вече—вещать—вещь», так же, как

«Thing-think-Ding». Heimliche Acht древних германцев, бывшее в изначальные времена своеобразным закрытым интеллектуальным центром, в эпоху скальдов приобрело дополнительную, условно говоря, «кшатрийскую» функцию: Heimliche Acht стало тайным судом с мощной карательной организацией, называвшейся Vehmgericht и обладавшей своими секретными паролями, шифрами и знаками. «Эти суды назывались также Fehmding, Freistuhle, «вольные суды», heimliche Gerichte, heimliche Achten, heimliche beschlossene Achten, «тайные суды», «вольные решения», и verbotene Gerichte, «запрещенные суды». Никакое звание не лишало человека права быть посвященным, и в фемическом кодексе, найденном в Дортмунде и чтение которого было запрещено непосвященным под страхом смертной казни, упомянуто о трех степенях; члены первой степени назывались Stulherren, «главные судьи»; второй — Schoepren (scabani, echevins), заседатели; третьей — Frahnboten, «послы». Были два суда: offenbares Ding, «открытый суд», и heimliche Acht, «тайный суд». Члены назывались Wissende, «знающие» или «посвященные». (Гекертюрн, Чарльз Уильям. Тайные общества всех веков и стран: В 2-х частях. Ч. I. М.: РАН, 1993. С. 127–128). — *Прим. пер.*

¹⁵ В современной экономике такой принцип ведения хозяйства называется «автаркия». В Новое время наиболее продуманные варианты автаркичного государства были описаны И.Г. Фихте в его знаменитой книге «Замкнутое торговое государство» (в русском переводе — «Замкнутое государство», СПб., 1888, в оригинале: Fichte J.G. Der geschlossene Handelsstaat. Hamburg, 1979). Затем теорию автаркии заимствует немецкий политолог Иоганн-Каспар Блунчли (1808—1881), считавший, что национальные государства суть живые органические личности. Эту теорию развивал интересный русский мыслитель М.О. Меншиков и в особенности евразийцы. См.: Boss O. Die Lehre der Eurasier. Wiesbaden, 1961. S. 25, 30, 33. Достаточно подробную философскую историю понятия «автаркии» (от Аристотеля и стоиков — вплоть до проекта «Замкнутого Торгового Государства» И.Г. Фихте и ведущих экономистов Третьего Рейха) — читатель найдет в статье Н.В. Брагинской: Автаркия // Новая философская энциклопедия. Т. 1, А-Д, М.: 2000. С. 43–46. — *Прим. пер.*

¹⁶ В оригинале игра созвучных и однокоренных слов einheimisch — ausheimisch. — *Прим. пер.*

¹⁷ Вполне естественный запрет на ростовщичество объединяет большинство древних религий и традиций. Например, в исламе рибб (араб. «ссудный процент») с самого начала был строжайшим образом табуирован Кораном, и лишь профанацией мусульманского откровения можно объяснить тот факт, что отдельные кредитно-финансовые «упыри» поступались требованием быть справедливыми. У братьев Гримм среди «Немецких сказаний» есть замечательная история о так называемом «Родящем Пфенниге». (Der Brutpfennig // Die deutschen Sagen / Hg. von den Bruedern Grimm. В., 1956. № 87). Такой пфенниг, — его подкидывает людям черт, — обладает свойством каждую ночь порождать еще такой же. Разумеется, это миф о процентах, миф о ростовщической спекуляции на времени, в которой мно-

гие немцы усматривали явный элемент чертовщины, несущей угрозу трудовой жизни всего народа. У тех же Гриммов (№84) можно прочитать и про альрауна — некоего антропоморфного уродца, получеловека-полуживотное, который является божком финансовых махинаций и денежного накопления. Если на ночь подложить ему деньги, то наутро они удваиваются. Этот альраун, — про него см. в повести Ахима фон Арним «Изабелла Египетская...», — живет своей абстрактно-финансовой деловой жизнью возле денег, деньгами и во имя денег, и является одновременно inferнальным покровителем и персонификацией процентно-ростовщической системы экономики. Из монотеистических религий ростовщичество запрещается в христианстве и в исламе, исключение составляет только иудаизм. Еще во Второзаконии (15: 6, 28: 13, и т.д.) мы читаем слова Яхве народу Израила: «Ты будешь давать займы многим народам, но ни у кого не будешь брать займы». Трактовки таких высказываний авторов Торы могут быть различны. Замечательный еврейский историк Соломон Лурье предложил классифицировать крайние из них на правые и левые. «Правые» исходят из убеждения, что иудеи суть ростовщики «от Бога» (в светской версии — «от природы»), начиная уже с самого появления диаспоры. А для «левых» первичен факт конкуренции и «struggle for life», в которой иудеи оказываются более «плавающими», ловкими и приспособленными, чем другие народы. В работах Вернера Зомбарта, относившегося к «правым», приводится мысль, что именно иудеи, вследствие «естественной предрасположенности», являются изобретателями обязательственного права и самой заемной техники, ввиду того, что в Талмуде соответствующая терминология разработана очень тонко. Такой тип экономики Зомбарт называет порождением духа «сахаризма» (от слова Сахара, пустыня), тогда как второй тип, который следует, в частности, из «Общих Законов», является порождением «сильванизма», манифестом которого по праву является книга Бернхарда Лаума «Geschlossene Wirtschaft». (Tuebingen, 1933). — *Прим пер.*

¹⁸ Мифического Минну «Хроники Ура Линда» неоднократно сближали с греческим царем Миносом, которого Гесиод называет «самым царственным из смертных царей» (№ 12 h). Согласно Гомеру, низойдя в пещеру Зевса, Минос получил те законы, которые затем передал критскому народу. (Ном. Od. XIX 178). Корневая основа его имени, *m̥n̥, во многих индоевропейских языках выражает идею памяти и созидающей порядок мысли. (Достаточно здесь вспомнить русское «мнить», греческое «m̥neme» и т.д.). Поэтому не лишены оснований сближения Мины не только с Миносом, но также и с древнеиндийским Ману, главным законодателем нашей Манвантары. Кроме того, одного из древнейших Богов Египта также звали «Мин» (добавление «ос» — это окончание, вполне типичное для греческого языка). Эмблемой Мина считалась молния, а персонификацией — бык. Поскольку это Божество было связано с Луной, его святилище именовалось «домом луны», а само слово «луна» в большинстве древних языков также связано с корнем «мин»: Mōnd, Mōnat, mēnsis, mēns. Согласно Тациту, прародителя германцев звали «Маннус», тогда как имя прародителя фригийцев весьма

созвучно — «Манес». В скандинавской традиции «Манес» — это антропоморфная персонификация Луны или возница колесницы Луны. В Древнем Вавилоне Ману почитался как Божество Судьбы (также как и Мени — у древних евреев). «С именем египетского Мина сходно также имя Мен, которым назывался один из популярных богов в древней Малой Азии. Его эмблемой был полумесяц. На одном из изображений он имеет бычью голову; по мнению Е. Голубцовой, это обстоятельство, конечно же, «подчеркивает сельскохозяйственный характер данного божества». В то же время Мен — бог-воитель. С именем Мин, Мен сходно имя древнеиндийского божества Ману, который считался прародителем человечества, а также (как и Минос) законодателем. Он соотносился с заходом солнца и с потусторонним миром» (Голан Ариэль. Миф и символ. — М.: РУССАИТ, 1994. С. 206). Имя древнефризского законодателя Минны отсылает нас сразу к трем основным контекстам: во-первых, к ностратическому корню «тапа», который, как говорит В.М. Иллич-Свитыч, означал наименование «мужчины» или просто «самца». Женщина в ностратическом языке именовалась сходным понятием «пипа». (Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 2. М., 1976. С. 58). Во-вторых, к концепту мысли и разума вообще, тесно сопряженного во всех древних традициях с лунарной мифологией и мифологией Змея (по-хеттски «змея» означает *mus*). В-третьих, к понятию силы (*mana*, *taqa*) — полинезийской «маны» и т.д. — *Прим. пер.*

¹⁹ То есть в Британию. — *Прим. Г. Вирта.*

²⁰ Хорнингами фризы называли детей, нажитых распутной жизнью. — *Прим. пер.*

²¹ Скорее всего, речь идет о дурной примете, либо же, что еще вероятнее, о мрачноватом магическом ритуале, цель которого — навредить, вызвав неожиданный пожар или испортив скот и домашнюю птицу. Подобные черномагические практики в большом количестве и по сей час в различных регионах фиксируют этнографы-полевики. Поэтому «подбросить красного петуха» значило на языке древних фризов примерно то же, что на нашем языке значит «подложить свинью». — *Прим. пер.*

²² Свойственные многим древним религиозно-правовым уложениям запреты на смешение с «чужими» (инородцами или иноземцами) находят свое подтверждение во многих работах профессиональных антропологов XX в., например, в классической книге «Душа и раса» (1940) немецкого специалиста Людвиг Фердинанда Клаусса, где приводятся исчерпывающие свидетельства того, что представители различных рас по-разному воспринимают цвет, пространство, пластические формы, движение и время: для южных рас, к примеру, свойственно одно (внешние эффекты, игра, жеманство и т.д.), в то время как для людей Севера, в частности древних фризов, — совершенно иное: рассудительное здравомыслие («софросюна»), витальная энергия («дюнамис») и гармоничная завершенность («телейотес»). Клаусс приходит к следующему выводу: «Только если исходить из души, можно увидеть закономерную связь, соединяющую формы души и тела, две части единого целого. Мы говорим здесь о форме нордического человека дей-

ствия (Tatmensch), потому что действие — это определяющая ценность во всей его внутренней аксиологии; он воспринимает мир как нечто, ему противостоящее, куда он должен вмешаться, чтобы что-нибудь из этого сделать. Такова его главная родовая позиция, определяющая способ движения. Иначе он не может, потому что закон его душевной формы предписывает именно это. Такой закон — последняя объяснимая инстанция. На вопрос «почему?» ответа нет». — *Прим. пер.*

²³ По-русски эти вопли лягушек означают: «работа, работа». — *Прим. пер.*

²⁴ А в карканье ворон Минне слышится: «береги, экономя, накапливай». В контексте Германии тридцатых, когда вышел немецкий перевод «Ура-Линды», пример с кваканием лягушек однозначно прочитывался как выпад против интернационального социализма, а второй пример — как полемический жест в сторону буржуазно-накопительского капитализма. Как этого и хотел Г. Вирт, в идеологии Третьего Рейха древнефризская хроника обрела вторую жизнь, получая дополнительные мифологические интерпретации: в частности, это касается «квакающих социалистов» и «каркающих капиталистов». — *Прим. пер.*

²⁵ Закон. — *Прим. Г. Вирта.*

²⁶ Игра словами: *ivín, ivén, even, evene, evna, efna*, западнофризским *ewa, ewep = eben* (ровный) и *v, z, ewe, ewa = «Закон»* и *z = «Вода»*, от древнесаксонского, древневерхнемецкого *aĥa*, англосаксонского *ea* и т.д. — *Прим. Г. Вирта.*

²⁷ Под телом Духа Вральды здесь подразумевается мир, в совершенной благодати которого у древних фризов было достаточно оснований усомниться. — *Прим. пер.*

²⁸ Народное или законодательное собрание, о котором см. примечание на с. 20. — *Прим. Г. Вирта.*

²⁹ О том, кем в действительности являлись Адельброст и Аполлония, читатель узнает, прочитав еще несколько разделов «Хроники Ура Линда». — *Прим. пер.*

³⁰ *Wralda is ella in ella, hwand that is kvg and unendlik*. Здесь имя Духа Миров появляется, как понятие абстрактное, в среднем роде. По существу, это есть дохристианский германский «Бог», который и в древнордической традиции был объективен (т.е. среднего рода), и лишь с христианизацией подвергся восточномедиземноморским влияниям и стал «Богом» мужского рода. — *Прим. Г. Вирта.*

³¹ В оригинале — «*Gattungen*». Немецкое слово «*Gattung*» означает также «род, вид, порода, тип, сорт». — *Прим. пер.*

³² Здесь явно чувствуется рука фризского гуманиста, автора-составителя Кодекса С, находящегося под впечатлением от жестоких преследований за веру со стороны испанской инквизиции. — *Прим. пер.*

³³ Имя героини этого эпизода, безусловно, является говорящим. По-немецки «*Trost*» означает «утешение». — *Прим. пер.*

³⁴ Понятиями «*Nol*» и «*Teqr*» в «Хронике Ура Линда» обозначаются высокие холмы, на которых строились жилища древних фризов. Как мы

видим, эти холмы насыпались специально — необходимость в них возникала оттого, что места фризских поселений постоянно захлестывали волны, дома периодически смывало, и, чтобы этого не было, приходилось строить их очень высоко. — *Прим. пер.*

³⁵ Название этой крепости отсылает нас к полярному Городу-Крепости Вара, который, согласно Авесте, был построен Йимой. — *Прим. пер.*

С этим стоит сопоставить приложенные к рукописи рисунки. См. факсимиле, № III. Рунические буквы были переведены мной на современный стиль начертания. Причем символическое число 6, объединяющее эти три древнефризские имени, расположенные вдоль рунического колеса, к сожалению, не смогло быть сохранено. — *Прим. Г. Вирта.*

³⁶ Вспомним светлую Северную Традицию. В Эдде Солнце называется *fagrahvel* (прекрасное, блестящее колесо), сканд. *hvel*, исл. *hiól*, швед. и дат. *hjul*. Отсюда же и англ. *wheel*, фризское *fial*, которое лингвисты сближают с готским *hwēila* и др.-верхн.-нем. *huila* — впереди идущее, обращающееся время. Торжественное событие Зимнего Солнцеворота (*jul, jol*) совершается в декабре, когда уходит все ветхое и рождается все новое. У болгар декабрь — *коложег*, то есть месяц возжжения солнечного колеса. Это торжественный ритуал, полный глубокого нордического смысла. В Швабии, например, до сих пор в ночи Зимнего Солнцестояния старое тележное колесо обматывают соломой, сопроводив крепким немецким словечком, скатывают пылающее в ночи колесо с горы. Крупнейший философ XX в. Мартин Хайдеггер также совершал эти народные ритуалы в своей горной Тодтнаубергской хижине. В праздничной обстановке у костра он рассказывал своим студентам о Пармениде и Гераклите, а затем они вместе скатывали в долину огненные колеса. См.: Сафрански Рюдигер. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: 2002. 614 с. С. 187—188, 437—439. Подобные архаические обряды спускания с горы огненного колеса (*kolo ohnivij*) совершались и у хорутан. Русский этнограф А.Н. Афанасьев отсюда же выводит известную поговорку: «жили в лесу, молились колесу». Светлому колесу Кродера, которое отмеряет этмельды жизни народа и вечно возвращается на круги своя. «Мистерия Зимнего Солнцеворота — это самое священное и самое высокое переживание нордической души!» — *Прим. пер.*

³⁷ *swete* — сладкие яблоки? Оттема переводит «пшеница». — *Прим. Г. Вирта.*

³⁸ *twisk, tuisk, twiska, tuiska* и т.д. — «между», а также «средняя земля»: вплоть до эпохи гуманистов такое обозначение Германии будет в ходу. — *Прим. Г. Вирта.*

³⁹ *dena marka* — «нижние рубежи». — *Прим. Г. Вирта.*

⁴⁰ Вероятно, цвета эти глубоко неслучайны и напрямую связаны с теми тайными обществами, возникновение которых связывают с Британией. — *Прим. пер.*

⁴¹ *stjugar* — «штурманы», рулевые, что далее мной переводится «моряки», «мореплаватели» или «морские волки». — *Прим. Г. Вирта.*

⁴² Под Лидией понимается Африка, предположительно, «Лидия» заме-

няет здесь «Ливию». Очевидно, что следующее предложение является глос-сой переписчика. — *Прим. Г. Вирта.*

⁴³ Т.е. топонимов. — *Прим. пер.*

⁴⁴ Стьюры у Плиния (Ист. 4, 101) именуются «стурии», они селились на островах между устьями Рейна и Мааса. Секемпа = сугамбри; ангеляри = Англии (Тацит, Germ. 40). — *Прим. Г. Вирта.*

⁴⁵ Kadheimer — обитатели берегов. Крекаланды различались на «ближние» (Италия) и «дальние» (Греция): вероятно, это обозначение Греции восходит к гуманистам. Таким же образом и «зарейнский народ» (transrhena) фризов также делится Тацитом на фризов малых (minores Frisii) и фризов больших (maiores Frisii). Первые, именуемые также в источниках «фризавонами» (Frisavones), обитали на запад от реки Вли, а вторые — на восток от нее. — *Прим. пер.*

⁴⁶ Marsata = Marsaki (Tacitus. Hist. 41, 56 и Plinius Hist. 4, 101).

⁴⁷ 2193 – 101 = 2092 до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

⁴⁸ Немецкое слово «Kirche» является древнейшим словом культуры Туле, и в форме корня k-r (g-r) или k-l (g-l) широко распространено по всей Евразии. Ср. Wirth Herman. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Berlin-Leipzig, 1936. S. 81-82 и 181-183. — *Прим. Г. Вирта.* Любопытно, что в русском дореволюционном арго церковь называлась «крюка» или «клюква», что, по всей видимости, происходит от языка офеней (мелких торговцев-разносчиков, имевшие свои системы посвящений и кодовых понятий). На языке офеней церковь называлась «клюса». По мнению специалистов по арготизмам, это слово заимствовано из языков тюркской группы (например, из османского или крымско-татарского, где церковь именуется kelisa), а в конечном счете, из греческого. Затем «клюка» превратилась в «клюкву», а позже — в «крюку» (*Грачев М.А.* От Ваньки Каина до мафии. — М.: Авалон, 2005. С. 102—103). — *Прим. пер.*

⁴⁹ То есть мадьяры, финно-угорское племя, селившееся по берегам Дуная и Тиса, первоначальная территория расселения которого лежала вдали от Северного океана, к югу от остальных югорцев, по обеим сторонам Иртыша, от р. Печоры, Камы и среднего течения Волги на западе до р. Оби и верхнего течения Яика на востоке, почти от 56 до 67 градуса северной широты. Сам народ издревле называл себя мадьярами (Magyar), тогда как славяне называли их уграми (в польской версии — венграми), византийцы — тюрками, а народы латинского и германского Запада — венграми (Hungari, Onogari, Ungari, Ungri). — *Прим. пер.*

⁵⁰ По-видимому, верна — появившаяся в 1586 г. этимология гуманистов, выводящая «Маги» из (полинезийского) слова «magia» — волшебство. Гуманист-переписчик кодекса С так же объяснял и слово «Мадьяры». Про этих «Маги» периода Лико Овира Линда см. илл. 88. — *Прим. Г. Вирта.*

⁵¹ По описанию можно догадаться, что здесь речь идет о финно-угорском шаманском культе. Как пишут в гл. 1—32. «Словаря религий...» М. Элиаде и И. Кулиано, «шаманизм не является собственно религией; это совокупность экстатических и терапевтических методик, цель которых — всту-

пить в контакт с параллельным, но невидимым миром духов и заручиться их поддержкой для управления делами людей. Хотя элементы шаманизма присутствуют практически во всех религиях всех континентов и на всех культурных уровнях, „избранной землей“ шаманизма стала центральная и северная Азия». Термин «шаман» тунгусского происхождения и означает «колдун», («маг»). «Комплекс шаманских верований существует у всех народов полярного севера, говорящих на языках, принадлежащих к различным языковым группам: уральской, включающей в себя языки саами или лопарей и коми (зырян); самодийской (языки ненцев-юраков и нганасанов-тавгийцев) и двух угрских народов: ханты (остяки) и манси (вогулы); тунгусской, включающей языки эвенков и эвенов; тюркской, включающей языки якутов (и тунгусского племени долганов); юкагирской (язык юкагиров родственен финно-угорским языкам); палеосибирской, в которую входят языки чукчей, коряков и ительменов; инуит (эскимосской), включающей в себя алеутские языки». Подробнее см.: М. Элиаде. «Шаманизм и архаические техники экстаза», Киев, 1998; Matthias Hermanns, Shamanen, Pseudoshamanen, Erloser und Heilbringer, vol.1 et 2, Wiesbaden 1970; Jean-Paul Roux, la Religion des Turcs et des Mongols, Paris, 1984. — *Прим. пер.*

⁵² Имя древнегерманского Бога Вотана в находках VI—VII вв., например на знаменитой Нордендорфской фибуле (про нее см. в книге Антона Платова), представляющее в форме Wodan (Wodan), соответствует староанглийскому Woden, старому верхненемецкому Wuotan, древнесаксонскому Woden и Wodin, старошведскому Othin, староисландскому Odhin. Предположительно, эти имена произошли от первоначальных форм Wodanaz и Wodinaz, «образованных, — говорит нам Рено-Кранц, — путем прибавления суффиксов -an и -in, означающих обладание чем-либо, к германскому корню Wotha, родственному латинскому vates и кельтскому ouateis». Далее он добавляет: «Н. Лид отождествляет имя Один со звательной формой oden, употребляемой в шведских и норвежских диалектах в значении „в ярости“, „в тече“ (...) odast означает „испытывать любовную страсть“. К этому можно добавить нидерландское woeden — „страстно желать“, woedig — „воспламененный (любовью)“ (...) Однако почему надо отделять эту группу слов от древненорманнского odhr (герм. wotha), которое не следует, как это слишком часто делают, понимать в узком значении „гнев“ (...), но, напротив, толковать расширительно, как обозначение любого возбуждения, которое выводит существо из себя, заставляет его терять самообладание? Да, это, несомненно, ярость, иступление, но иступление это имеет множество форм: пророческое, поэтическое, вдохновенное...» «...имя Один происходит от древнескандинавского óðhr, соответствующего немецкому Wut („ярость“) и готскому wōds („неистовый“) Ж. Дюмезиль говорит об этом следующее: «употребленное как имя существительное, это слово означает в равной мере опьянение, раздражение, поэтическое вдохновение (ср. с англосаксонским wōth — „пение“, „песнь“), а также яростное буйство мороза, огня, грозы; в качестве же имени прилагательного означает либо „необузданный“, „неистовый“, либо „стремительный“; помимо германских, близкие

индо-европейские слова могут означать иступленное поэтическое и пророческое вдохновение: латинское *uates*, староирландское *faith*. Таким образом, это важный бог, бог „первого ранга”, на что главным образом и должно было указывать подобное имя». (Арно д’Апремон. Один — владыка рун // Мифы и магия индоевропейцев, вып 6. М., 1998). Также и Отто Хефлер в статье «Две основные силы в культе Вотана» толкует имя этого Бога как выражающее две базовые идеи: идею воинственной ярости, гнева и неистовства — с одной стороны, и идею определенного вдохновения — с другой. Это вдохновение, в свою очередь, также двойственно, ибо означает не только прямую поэтическую инспирацию, но и пророчески-визионерское состояние, близкое трансу или шаманскому наитию. Собственно, это и есть *Wut* (*Kampfzorn*, *Dichterinspiration*, *Prophetenvision*) — экстатическая ярость германского воителя, пророка и господина священных откровений. (Hoefler, Otto. *Zwei Grundkraefte im Wodankult*// *Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Voelker*. Hg. von M.Mayrhofer, Innsbruck, 1974. S. 133—144). В «Хронике Ура Линда» Водин (*Wodin*) является эвгемеризированной формой древнего германского Божества. — *Прим. пер.*

³³ Кадик, финикийское понятие, звучащее также Гад(д)ир или Гагер — «каменная стена», «крепость», «твердыня» (ср. с. 167). Фризское название «Кадик» в народной этимологии и в этимологии гуманистов истолковывалось соответственно: «поскольку ее пристань образована из каменного „kadik”». Согласно гуманистам, *kadik* составлено из двух слов: из «*kade*» — «укрепленный берег» и «*dik*» — вал, (плотина, запруда). — *Прим. Г. Вирта.*

Известный польский атлантолог Людвиг Зайдлер высказывал предположение, что под «Кадиком» в «Хронике Ура Линда» подразумевается носящий имя одного из десяти первых царей Атлантиды «финикийский город Гадиру, о котором Платон упоминает как о Гадейре, принадлежащем государству атлантов». «Гадейра — финикийское селение Гадиру, нынешний Кадис (Кадикс), портовый город в южной Испании на берегу Атлантического океана. Это название внесло небольшую путаницу, так как дало основание отдельным атлантологам считать, что вся Атлантида находилась на Пиренейском полуострове возле устья реки Гвадалквивир». (Зайдлер Л. Атлантида. Великая катастрофа. М.: Вече, 2004. 368 с. С. 150, 43). После этого Зайдлер замечает, что «подлинник рукописи семьи Линден мог быть создан в третьем тысячелетии до нашей эры финикийским шрифтом (*sic!* — А.К.) на старофризском языке. С целью совершенствования языка и письма в течение следующих трех с половиной тысячелетий его могли несколько раз переписать, внося „редакционные поправки”». (*Ibid.* С. 150). Эта гипотеза расходится не только с непосредственной данностью «Хроники...», согласно которой язык жителей крепости Кадик, как и вся средиземноморская культура в целом, никаким «правом первородства» не обладает, но также и с теорией самого Вирта, считавшего производность всех религий, культур и алфавитов от семитических культур Средиземноморья, Плодородного Полумесяца, и т.д., опасным заблуждением, ведущим ко многим современным искажениям. Про-

ще говоря, сторонники теории EX ORIENTE LUX, выводящие все языки из финикийского, предают северное откровение, полирают священное наследие предков, отрывают человечество от его самых глубоких, самых величественных корней. (Поэтому вдвойне интересно было бы знать, откуда известно Зайдлеру про «финикийский шрифт», на котором якобы записана изначально «Хроника Ура Линда», а также зачем было фризам, имевшим свой родной рунический шрифт, настолько совершенный, настолько древний и опозитизированный в народном предании, записывать свою священную хронику на языке заморских торговых народов, с которыми даже общение, исходя из реакции матушки Тунтьи, было нежелательным?). — *Прим. пер.*

³⁴ В связи с этим нужно упомянуть интересную теорию французского историка Жака де Майо, согласно которому древние культуры индейцев Месоамерики происходят от викингов, некогда эти земли колонизовавших. Ацтеки, инки, майя, тольтеки и прочие индейские племена поклонялись Солнечному Богу, пришедшему из-за морей и принесшему великую северную традицию. (*Mabieu, Jaques de. Des Sonnengottes grosse Reise — Die Wikinger in Mexiko und Peru 976-1532, 2. Aufl., Tuebingen, 1975*). — *Прим. пер.*

³⁵ 2193 – 193 = 2000 до Р.Х.

³⁶ Thyrisburg — Burg Thyrs, крепость Тюра (ближневосточный город Тир очевидным образом связывается с «крепостью, посвященной Тору»?). — *Прим. пер.*

³⁷ Германо-скандинавский Бог Тор (Донар) — если, конечно, речь идет действительно о нем — является, наряду с Таранисом, Индрой и Перуном-Перкунасом, типичным индоевропейским Громовиком. Германцы считали Донара своим предком: Тацит, как мы помним, сообщает, что «они славят порожденного землей Бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и протец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана называются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами». В германской традиции Донар-Тор-Туистон часто сближается с Вотаном, причем историки религии говорят, что если Вотан — это Бог нобилей, Бог аристократов, то Донар-Тор — это Бог крестьян. Постоянные атрибуты Тора — это топор (молот) и колесо, атрибут же Вотана — это копье. В животном царстве Донара символизируют и ему соответствуют медведь и баран, а Вотана символизируют змея и волк. Уже из того, что у германцев день Вотана (Wednesday) предшествует дню, который посвящен Тору (Donnerstag), явствует отчасти большая значимость Вотана и меньшая — Тора. А поскольку многие культово-символические ассоциации (в частности связь с Мировым Древом) были зафиксированы в мифологии Тора в периоды, предшествующие появлению тех же самых ассоциаций в культе Вотана, есть основания полагать, что по времени пейзажный культ Тора намного древнее, чем вотанистская религия германского нобилитета. И «Хроника Ура Линда» для такой концепции предоставляет дополнительные основания, поскольку сообщает, что в ту отдаленную эпоху, когда племянник короля Штерика по имени Вотан вместе с другими племянниками совершал свои путешествия, культ Тора (во многом совпада-

ющего с «Богом Битвы» Тюр) уже существовал. И если Вотан в ту пору был королем, но Богом еще не стал, то Тюр, наоборот, Богом уже являлся, а королем был признан в тот день (вероятно, четверг), когда наши мореплаватели высадились на землю. — *Прим. пер.*

⁵⁸ В рукописи для передачи идеи «поселения, лесного склада, хозяйственного амбара» используется красивое древнефризское понятие «loges», которое, как и другие формы — loch, loech — имеет древнегерманское происхождение.

⁵⁹ Сегодняшний Амеланд. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶⁰ Вероятно, под этой фризской народной этимологией подразумеваются галльские друиды. — *Прим. Г. Вирта.* Приведенная выше народная этимология, выводящая название друидов из таинственного «посвящения верности», является в действительности одной из очень большого числа подобного рода народных этимологий. По одной из версий, употребляемой Цезарем на протяжении всего текста «Галльских войн», форма druids (druis — в единственном числе) вместе с ирландским «druí» восходит к единой лексической протоформе «dru-wid-es», буквально значащей «весьма ученые». Содержащийся в ней индоевропейский корень *vid* мы находим и в греческом слове «идея», и в латинском глаголе *videre* («видеть»), и в готском *witan*, и в германском *wissen* («ведать»). По другой версии, встречающейся у Плиния, название «друиды» происходит от греческого именованя дуба (*drus*) и возникло в связи с использованием в галльском ритуале дубовых рощ: на дубу растет священная омела и т.д. Наконец, по третьей версии, предложенной французским традиционалистом Рене Геноном, это обозначение отражает изначальное («примордиальное») положение друидов над всеми варнами и образовано от *dru-vid*, что значит «сила-мудрость». В составе галльского жречества друиды действительно занимали совершенно особое, привилегированное положение. Более низкую ступень в священной иерархии занимали прорицатели (которые у Страбона именуются οὐράταις, у Диодора Сицилийского — μάνταις, а у Аммиана Марцелина — euhages), ниже которых находились поэты, всеми авторами в один голос называемые бардами. Что касается сообщения «Хроники ...», то помимо его очевидной странности и противоречия практически всему, что мы знаем о друидах (в общем-то, не так и много мы знаем), несомненно, что эта докса способна развить воображение обычных историков, которого им нередко, к стыду, прискорбию и т.д., просто недостает. — *Прим. пер.*

⁶¹ Waichegen. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶² 2193 – 563 = 1630 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶³ Прозвище толкуется здесь так: *ni* = «неи», (новый), *heil* = «heil» (целый, целостный), «Neil» (благо, благополучие) и *lêna* = «leihen» (брать взаймы). *Прим. Г. Вирта.* В языке древних германцев понятие *heil* = «heil» имело ряд ассоциаций, который в сегодняшнем немецком сильно изменился, выветрился и поистерся, и поэтому при попытках реконструкции того, что такое древнегерманское *heil*, обращаться можно к внутренней интуиции и тем исследованиям, которые соответствуют не однообразным трафаретам со-

временного мира, а подлинному духу архаического переживания. Например, к замечательной книге скандинавского религиоведа Натана Зедерблома «Становление веры в Бога». Там, в частности, говорится: «Heilagr (священный) было древним словом, которым обозначалась табу-мана. Священным, heilagr, был тот, кто имел в себе „heil“, т.е. силу, усердие, богатство, которое проявлялось в уме и благоденствии, в целостности и физической силе, во властном положении мужчины и в плодovitости женщины. Это слово используется как существительное в среднем и женском роде, во множественном и единственном числе как прилагательное. Оно выводит нас из тусклой рутины повседневного к экстраординарному началу, исполненному силы, к сверхчеловеческим истокам могущества, из которых берут начало самоутверждение и неприкосновенность жизни, ее сила и целостность». (Soederblom, N. Das Werden des Gottesglaubens. Untersuchungen ueber die Anfaenge der Religion. Lpz., 1916. S. 66—67.) Присутствующий в архаических верованиях древних германцев, в т.ч. народа фризов, поток иррациональной силы составлял самую сущность народного миропонимания. Именно здесь заключалась тайна омоложения и обновления, и поэтому священная сила Heilagr была одновременно и взятой у Бога взаймы (lêpa), вечно новой (ni) и дающей возможность вечного обновления — обновления в Вечности. — *Прим. пер.*

⁶⁴ Место испорчено, а потому непереводимо. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶⁵ Seine. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶⁶ Ср. с. 321 нем. изд. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶⁷ Кельта-Кельтана является такой же Матушкой-прародительницей для народа кельтов, какой для фризов является Фрейя, для лидийцев — Лида, и т.д. Тогда как у большинства современных историков бытует представление, что сами кельты никогда себя «кельтами» не называли, а вместо этого подразделялись по племенным этнонимам. Согласно этой теории, дополняющей данные «Хроники...», «кельтами» их прозвали греки из-за того, что самым распространенным предметом вооружения этого народа были боевые топоры-кельты. — *Прим. пер.*

⁶⁸ Выражение объяснить непросто. Следующий предлагавшийся вариант толкования вряд ли подходит: ho, hu = «как», 'n — происходит из «en» = «один», тогда как seien могло возникнуть из segen (знак, самоназвание) и из Segen, то есть одной из вариативных форм слова Segel (парус). Ср. латышские слова: sega, segene, segele, которые означают покрывало или большое полотенце. Тогда получается, что значение этого восклицания таково: «Что за парус!» или «Вот это знак!» Может ли это соответствовать действительности? Ведь обычай изображать на парусах рыбацких кораблей Северного и Балтийского морей их домашние марки не является особенно древним. Ср. известные названия рун: sigil, sigi — Segel (парус), что в кратком северноруническом ряду обозначает sol — Солнце. (Происхождение Человечества. С. 287сл.). — *Прим. Г. Вирта.*

Или же переписчик-гуманист имел в виду нидерландское слово hoezee, (которое появилось лишь с XVIII в.), этимологически обыгрывая его: «Что за удача!» А ведь именно так Оттема переводил это место. — *Прим. Г. Вирта.*

⁶⁹ Италия. — *Прим. Г. Вирта*. Известно, что после своего путешествия по Италии в 1936 г. Генрих Гиммлер поручил профессору Вальтеру Вюсту создать в рамках Аненербе специальное подразделение, которое бы занималось поиском следов индогерманского влияния на территории *Греции и Италии*. Гиммлеру, весьма сведущему в древнейшей символике и в археологии, удалось найти в итальянских музеях настолько редкие и ценные индогерманские памятники, что возникла идея пересмотреть существующую в науке точку зрения, не дающую этим памятникам достойного объяснения. Сами итальянцы, заведующие музеем, — говорил Гиммлер, — не понимают значения его экспонатов, а потому необходим кардинальный пересмотр археологической теории. Через несколько месяцев в «Наследии предков» возникла новая структура — Отдел классической филологии и Древнего мира, который возглавил берлинский антиковед, доцент-латинист Рудольф Тиль. Нетрудно догадаться, что непосредственным источником гиммлеровского проекта явилась «Хроника Ура Линда», в которой Греция называлась «Дальними Крекаландами», а Италия — «Ближними Крекаландами». Насколько позволяют судить источники, первоначально Отдел классической филологии и древнего мира при Аненербе работал исключительно в том направлении, которое ему задал Гиммлер, находившийся тогда под несомненным влиянием Вирта и «Хроники Ура Линда». — *Прим пер.*

⁷⁰ Ionhis elanda — «insulae Ionicae, insulae piratagum». — *Прим. Г. Вирта*.

⁷¹ Hellinger, то есть «живущие на откосах». — *Прим. Г. Вирта*.

⁷² В оригинале — игра слов: Athenia как название места и athen, athum, athom — «зять, шурин, друг». — *Прим. Г. Вирта*.

⁷³ «mīna ergva», множественное число, стоящее в рукописи, значит «мои наследственные владения». Этимология фризского гуманиста. — *Прим. Г. Вирта*.

⁷⁴ Миф о Мировом Яйце, Яйце Времени и Потенциального Пространства, присутствует во всех системах индоевропейской традиции. В «Упанишадах», например, говорится, что Брахман находится в Яйце в течение Года, Веды повествуют о том же, как из Хираньягарбхи (Золотого Зародыша, фактически алломорфа все того же Яйца) возник Праджapati, а из Праджapati возник Брахма. И если одни мифологические традиции (индонезийские, океанийские, американо-индейские, отчасти индийские и китайские) говорят, что из Яйца вышли первопредки, идеальные люди Начала Времен, то другие мифологические традиции (сибирские, финно-угорские, полинезийские, африканские, древнесредиземноморские и др.) в своих космогонических преданиях хранят память о возникновении из Яйца всего мироздания. А поскольку границы между космогонией и онтологией в любом подлинном мифе подвижны и размыты, мир, «возникший из воды», оказывается (например, у Фалеса Милетского) Водой в самой своей сущности, так же как мир, родившийся из Яйца, в ряде случаев описывается как Яйцо, причем иногда — полое. Так, в известной неомифологии Ганса Гербигера Полая Земля есть как бы скорлупа Гигантского Яйца, Воздушный Шар, внутри которого имеются свои реки, свои деревья, све-

тила и т.д. Причем если учение самого Гербигера говорит, что мы живем внутри этого шара, то подозрение некоторых его чилийских последователей состоит в том, что люди живут как раз снаружи, но при этом внутри Мирового Яйца также кипит жизнь, причем намного более совершенная, иная. Именно там, а не в «дневных, аполонических» складках поверхности, «в сокрытом виде пребывает наше будущее и будущее всего рода человеческого». Оттуда происходят все традиционные формы («Советы Фрейи»), а также и все космические циклы («наше будущее»). Необычайно яркая картина создания мира из Мирового Яйца представлена в эпосе народа Финды — в карело-финских эпических рунах, которые вошли в «Калевалу». Вероятно, справедлива гипотеза В.Н. Топорова, что этот пасхальный обычай красить куринные яйца и затем торжественно их разбивать является отдаленной репликой на ту же космогоническую тему. Тогда как обычай общения и христосования с покойниками на кладбище после пасхальной заутрени имеет явные прообразы в языческих «окличках» умерших предков на жальниках, приготовлением для них трапезы и т.д. (Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). — М.: МГУ, 1982. С. 156—163). По всей вероятности, эта древняя традиция имеет непосредственное отношение к учению о воскресении мертвых предков, которое было почти у всех древних народов: и у персов, и у индусов, и у германцев, и т.д. На языке древних славян это — великая Пасха Мертвецов, Навский Велик-День (Мертвецкий Велик-День), Пасха Усопших, сокрытых в Яйце. (Ср. Pasen Zondag у сегодняшних фризов, которые в ночь перед Пасхой прячут раскрашенные яйца в саду, чтобы дети их на утро отыскивали и собирали в корзины). — *Прим. пер.*

⁷¹ Германцы, по сообщению «Хроники Ура Линда», получили такое название оттого, что основательницу их страны (Гертмании) звали Гертой. Народная матушка Герта, как повествует далее «Хроника...», после завоевания Афин египтянами и жителями Тира уплыла по морскому пути в Красном море. Страна, в которой она со своими людьми поселилась, стала называться по имени матушки. — *Прим. пер.*

⁷⁶ Перед нами очень интересное представление: в народе Фрейи, поскольку он является не творением, а именно порождением Самой Богини, течет Ее кровь, которая и составляет основной критерий его достоинства и благородства. Душа народа (а стало быть, и Фрейи) присутствует в его крови, а кровь народа содержит его душу. Таким образом, кровь народа, в понимании древних фризов, оказывается внешним обнаружением его души, а душа — внутренним, субтильным измерением его благородства. Именно кровь, а не мораль и не какие-то заповеди препятствует низменным поступкам, дурным намерениям, нарушению священной свободы и т.п. — *Прим. пер.*

⁷⁷ В главе «Арии и германцы» своей книги «Происхождение Человечества» (с. 144—149) проф. Г. Вирт приводит любопытнейшие соображения по поводу истока этнонима «германцы» (Germanen или Alamanen), впервые появляющегося в сочинениях историков Древнего Рима. Согласно Вирту,

слово «германцы» означает нечто иное, как совокупность «арминов» (ерминов или ирминов) и полностью идентично с понятием «igmindeot» — «народ ирмин», то есть жители Севера. Далее Вирт замечает, что словом «ирмин» обозначалось также Мировое Древо или Древо Года, изображенное, кстати, на обложке его «Происхождения Человечества». Это Древо символически представлялось в виде рунической «снежинки» — трех перекрещивающихся линий, сохраненных в написании кириллической буквы Ж. Сюда же восходит более позднее саксонское понятие *igminsul*, обозначающее Мировые Столпы (символические колонны, на которых покоится мироздание, именуемые также *columni universalis, quasi sustinens omnia*). А в древневерхненемецком Бог, благодаря Его Откровению в Мистерии Года и Света Мирового, в Своем Солнце и т.д., называется относящимся сюда же словом *igmingot*. Стало быть, по Вирту, алеманы суть потомки Небесного Бога и первейшая, главнейшая и центральная манифестация Небесного Света. В процессе переселения атланти-нордического народа он стал, по Вирту, именоваться «Народом Господ», «Высшими» и «Благородными» — разумеется, в сравнении с теми носителями иной расы, которым германцы принесли Свет Севера. Входящий в слово «германец» атланти-нордический корень «ма» (Человек), по мнению Вирта, строго тождествен со знаком КА, представляющим Человека, который вздымает *Haende hoch*. Ка — это «Две Руки», «Рога», «Человек», «Носитель». Собственно, это — *agiki* — Носитель Света. Символические знаки «АРИКА» — рогатые шлемы, а также просто рога, нимбы и множество соответствующих иероглифов — все это суть символы Высокого Норда, Сыновей Света, Благородных Движда (дваждырожденных), символы арманов, ма-ори, ариев, ма-ури, германцев и всех, кто несет в себе Северный Свет. Поскольку *Maan* — это не только «человек», но еще и «мужчина», можно было бы добавить к построению Вирта интересное соответствие между индоевропейским корнем *ag* («мужчина») и древнеиндийским *agka* — «Солнце», откуда происходит и армянское «агек» (Солнце), и соответствующее (очень любимое в Армении) мужское имя Арег. — *Прим. пер.*

⁷⁸ Типичный образец гуманистической этимологии: игра словами *Krkta*, название острова и *krkta* — крик, и *ml. crite, npl. kreet*. — *Прим. Г. Вирта.*

⁷⁹ *Walcheren*; поведенное здесь сказание о высадке Уликса (Улисса) существенно отклоняется от того, что сообщает Тацит в сочинении «Германия», который делает его основателем Аскибурга на Рейне. Ср. «Священная Протописьменность», с. 249 сл. — *Прим. Г. Вирта.*

⁸⁰ Каипсо в «Одиссее» Гомера (*Od. 12, 403—453*).

⁸¹ Букв.: Кровь которого была чистой кровью Фрейи. — *Прим. пер.*

⁸² *Der blau-blonde Mensch*, «человек голубоглазый и светловолосый», с точки зрения авторов «Хроники Ура Линда», является образом, подобием и эманацией Божества. Ведь, как сказано в самом начале «Хроники...», «Фрейя была бела, подобно утреннему снегу, а голубизна ее глаз превосходила голубизну радуги. Подобно лучам полуденного солнца сияли Ее волосы, которые были не менее тонки, нежели паутина. <...>. Светлая Фрейя».

Поэтому светлы и фризы, «дети Фрейи», или, по толкованию Мигеля Серрано, «Свободные Асы»: fri-as, die freien Asen. Конечно же, это — «народная этимология», но вряд ли найдутся компетентные филологи, способные объяснить, почему этимология должна быть «ненародной» или «антинародной». То же и с мифологией. Миф фризской нации состоит в том, что фризы светлы оттого, что светла Фрейя, Богиня-эпоним, несущая на себе все черты национального гено типа. В германской «народно-мифологической» литературе давались и другие ответы на вопрос, отчего «Der blau-blonde Mensch» светел. По объяснению Ганса Блунка, оттого, что по своему происхождению «Der blau-blonde Mensch» божествен, что «во время оно» «Der blau-blonde Mensch» буквально сошел с Неба, из Мира Светлых Богов он спустился в мир порочных и темных людей, но, даже пребывая среди них, будучи даже в чем-то им подобен, «Der blau-blonde Mensch» сохраняет на себе Печать Небес, ибо волосы его светлы, подобно восходящему Солнцу, а глаза голубы, подобно безоблачному Небу. (Blunck, Hans Friedrich. Urvaetersaga // Blunck, H. F. Gesammelte Werke. 10 Bde. Hamburg, Bd. I, 1938. S. 116 ff. См. также его «Sagen vom Reich», 1956. S. 48). Пребывание «Людей Света» на земле оказывается в такой перспективе временной остановкой на очень длинном извилистом пути нисхождений (на Землю, в Египет к эфиопам, в могилу) и восхождений (на Небо, в Асгард, к Богине Фрейе). В свете такой мифологической концепции Ланц фон Либенфельс толковал, к примеру, христианское Таинство Крещения: «Изначальный Ритуал Крещения <...> был символической Расово-Культовой Драмой и должен был обозначать Подъем высшего, благородного Светового Человека из „Вод“, т.е. из (темной) среды Людей Мрака (Dunkelmenschen), Людей Низа, низких людей» (Ostara, Briefbuecherei der Blonden und Mannesrechtler. Hg. v. Lanz von Liebenfels. 1.Serie. 65. Rasse und Krankheit, ein Abriss der allgemeinen und theoretischen Rassenpathologie, Rodaun. 1913. S.5.) Распятие оказывалось у него «главным символом ариогероической тератомехии», а чистота веры — чистотой божественной крови. «Rassenglaebig und, was dasselbe ist: Gottglaebig». «Верующий в расу, и, что то же самое, верующий в Бога». (Liebenfels Georg Lanz von. Die arioheroische Rasse und das Wirtschaftsleben oder Wie wird der Blonde wieder Reich? Luzern. Als Handschrift gedruckt 1933. S. 16). «Die Rasse ist Gott, der Gott ist gereinigte Rasse». «Раса есть Бог, Бог есть очищенная Раса». (Liebenfels Georg Lanz von. Blondheit und Rasse, Eine Einfuehrung in die Ariomantik. Luzern. 1933. S. 20). Конечно, по своей структуре это очень древние предрассудки. — *Прим. пер.*

⁸³ Испорченные, выродившиеся — *Прим. пер.*

⁸⁴ 2193 – 1602 = 591 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

⁸⁵ В 489 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

⁸⁶ Интерполяция позднейшего переписчика: на сторожевых башнях той эпохи трубили в рог. Использование «колокола» в древнейшей германской истории пока что не засвидетельствовано. — *Прим. Г. Вирта.*

⁸⁷ В переводе Вирта — die Rute, очень любопытный эвфемизм, явно принадлежащий не Вирту, а, возможно, и не «грязному финну», ибо и язык

его должен быть также грязным. Другое значение этого немецкого слова — «прут, розга» (откуда «шпидрутен» петровских пыток). — *Прим. пер.*

⁸⁸ Здесь перед нами одна из тез фраз, которые не оставляют никаких сомнений в подлинности «Хроники...».оборот «я вижу» в применении к пророчеству восходит к древнейшему индогерманскому концепту получения знания посредством визуального кода. К нему отсылает нас и древнеисландская провидица Вельва, коворящая «sa» («я видела»), и древнеирландская ясновидящая Федельм, которая, подобно Фране древних фризов, употребляет оборот «вижу» (ad-ciu). Реликты подобного представления о «видении — ведении» (voir — savoir) присутствуют практически во всех древних языках. «Кодирующий канал восприятия глагола *вижу* может быть назван одной из универсалий экстатической перцепции будущего, причем — не только для традиции ирландской. Как мы можем предположить, именно ясновидение, т.е. восприятие будущего как чувственного образа (в первую очередь — зрительного) является более архаическим, т.к. находится в прямой связи с древними экстатическими техниками <...>». (Михайлова Т.А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 55.) — *Прим. пер.*

⁸⁹ Новая Заря выйдет из мрачного, мертвого, сумеречного состояния мира. Германская Остара, индоарийская Ушас, светлая Фрейя, дева Астрея, Аугога *Consurgens* средневековых герметиков — под разными именами скрывается единая древняя мифология, предвещающая смену времен и царств. Как известно, с точки зрения Примордиальной Традиции, все мы живем в эпоху торжества хаоса и забвения духовного авторитета. Всем правит суетная нажива «князей» и профаническая рациональность «жрецов». О светлых Богах древности помнят только знатоки-энциклопедисты. Но чем темнее — тем ближе рассвет, тем скорее наступит долгожданный Рагнарек, конец Кали-Юги, *die Ende der argen Zeit*. Чем хуже, тем лучше. Неслучайно и германское слово *Gottredammerung* — такое двусмысленное, такое тревожное ... (Ведь помимо «сумерек» оно означает и «Рассвет Богов»). — *Прим. пер.*

⁹⁰ Рукопись использует в этом чудесном месте с его величественным духовным напряжением и радостным подъемом древнегерманское слово *gloga* — «glasten, glaenzen» — блистать, блеснуть. Целиком этот пассаж звучит так: «Thet ljucht, thet erlost allaen glorad, skil than fon lejar laja ton-n logha wertha». Выражение «lichter laaie» до сих пор сохраняется в нидерландском, в то время как *logha* — *Lohe* — уже утрачено. В немецком же языке наоборот: слово *laja* — потеряно и забыто, а *logha* — осталось. Эти иллюстрации также свидетельствуют об огромной древности традиции, отраженной в «Хронике Ура Линда». — *Прим. Г. Вирта.*

⁹¹ В нидерландском языке «этмелда» (*etmeld*) сохранилась до сих пор, в виде слова «*etmaal*», которое обозначает промежуток времени в 24 часа, день и ночь. — *Прим. Г. Вирта.*

⁹² 459 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

⁹³ Вариант перевода: «главным среди мадьяр». — *Прим. пер.*

⁹⁴ etmeld — день и ночь, 24 часа. — *Прим. Г. Вирта.*

⁹⁵ unfryst в рукописи, что значит — entfryast, entfriest. — *Прим. Г. Вирта.* В «Хронике Ура Линда» идея дегенерации, падения и вырождения составляет принципиальное ядро, вокруг которого располагаются все прочие идеи. Без особых натяжек можно сказать, что историософия «Хроники...» (приход злого и мрачного эона истории) и ее антропология (наступление власти иноплеменных завоевателей) в конечном итоге сводятся к основополагающей теории дегенерации. В чем древние фризы усматривали ее причину? Следуя «Хронике...», ответить можно по-разному. Самое простое — во вторжениях, кознях и происках финнов и мадьяр. Но в действительности все намного сложнее. Ведь иные народы, так же как и сами фризы, являются порождениями определенной Богини (Финды или Лиды), а поэтому они несут на себе несмыаемую печать ее духовных, психических и расово-генетических особенностей. Стало быть, конечной причиной существующего в мире рабства, зла и несправедливости являются сами Божества. Последующая инволюция истории является лишь демонстративной экспликацией, разворачиванием тех негативных влечений и тенденций, которые в зародыше уже содержались в Мире Божественных Матерей. Но при этом Вральда, Дух Благодати и Податель Жизни, в мировом зле никакой доли не имеет и вовсе ему не причастен, равно как и Прародительница фризов — светловолосая Фрейя. Поэтому космическое и человеческое вырождение осмысливается в терминах «утраты фризского начала», «рас-фристанности» (entfryast). — *Прим. пер.*

⁹⁶ Речь идет о засланных мадьярских агентах. — *Прим. пер.*

⁹⁷ Морской термин. — *Прим. пер.*

⁹⁸ Мюнстер в Вестфалии, во времена правления Карла Заксен-Шлехтерского переименованный в Мимигардефорд. — *Прим. Г. Вирта.*

⁹⁹ Walcheren. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰⁰ Гронинген. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰¹ Постоянное акцентирование в «Хронике...» того, как говорили древние фризы, подчеркивание самого факта, что нечто было сказано, в действительности не в меньшей степени составляет хронику древнейших деяний, чем повествование, скажем, о сражениях и морских экспедициях. Слово понималось не как бессущностное das Gegaede (болтовня), а как поступок, а поэтому точный отчет об императивных словах и «советах» составлял саму хронику древнейших событий. Мир индославов и германцев по сути своей фоно- и логоцентричен. Слово, живое, устное и властное говорение, всегда предпочиталось тексту и письму, которое в действительности есть не более чем побочный и вовсе не обязательный продукт того, что было сказано на родном языке. Слово обладает неисчерпаемо глубокими потенциями священной, самобытной национальной энергетики, именно поэтому в древнейших индоевропейских источниках мы встречаемся с невозможной в иных этнорелигиозных контекстах *деификацией* (обожествлением) *самой Речи* (вспомним, например, индийскую Вач, греческий Логос), а также с привычными клише, вроде: «речи Высокого», «мед по-

эзии», «так говорил имярек» и т.д. Глубокий историк и внимательный исследователь наследия Ницше, Густав Науманн, нашел прямой индоевропейский источник названия «Also sprach Zarathustra». Им оказалась часто повторяемая санскритская реприза «Iti vuttakam», в переводе означающая «Так говорил святой». (Naumann, Gustav. Zarathustra-Comentar. I Theil. Lpz., 1899. S. 24). — *Прим. пер.*

¹⁰² Как и в исландских сагах, каждый род имеет такое название, которое носит двор, где род проживает. — *Прим. Г. Вирта.* Подробнее см.: Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. — *Прим. пер.*

¹⁰³ Древнефризское слово het, him, heme в самом общем смысле означает «огороженное пространство», а позднее стало обозначать «земельный участок», «домовая постройка». — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰⁴ В переводе Г. Вирта сказано буквально: «где она (т.е. эта дева-градоправительница) искала сторону лува». На языке моряков «сторона лува» — это одна из подветренных сторон, поэтому перевод «куда дует ветер» является почти буквальным. — *Прим. пер.*

¹⁰⁵ hoklinga — теленок-одногодка. *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰⁶ Употребляемое здесь название верхнего одеяния (tohneka) Оттема хотел вывести не из латинского слова tunica, а из наложения to — «к» и hnekka — «шея, затылок», то есть «одежда, облегающая шею». — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰⁷ Описание ройтеров как «рыцарей», равно как и двуручного меча Адели и странно-баснословного ее роста должны иметь средневековое происхождение. — *Прим. Г. Вирта.*

Учитывая, что длина одного фута — более 30 см, можно было, не списывая все на Средние века, немало поразмышлять на тему Гигантов — тех самых Гигантов, свидетельствами о которых изобилуют наши сакральные и криптосакральные источники. Вспомним сыновей Геи (Гесиод, Теогония, 180—186), буйное племя Гигантов из «Одиссеи» (VII: 59, 206), низринутых Зевсом в Тартар Титанов (Аполлодор, 1: 6, 1—2), загадочных Исполинов из Книги Бытия (6: 4), Пантагрюэля, визионерскую «Гигантшу» Шарля Бодлера или манихейскую «Книгу Гигантов» (ее публикация на русском языке была начата немецким профессором В. Зундерманом в Вестнике древней истории, № 3 за 1989 г.). Согласно теории великого мистика и несправедливо забытого космолога Ганса Гербигера, именно Гиганты населяли Первую Атлантиду, о которой не говорит Платон, но немymi свидетельствами существования которой являются многочисленные менгиры, дольмены и непомерно высокие (более 10 м) идолы мексиканских тольтеков и новогвинейских матекулов. К сожалению, результаты исследований самого Гербигера доступны большей частью только в сильно обедняющих картину пересказах, в числе которых особенно достойны прочтения работы Дени Сора и Ганса Шильдера Беллами. Титанически высокий рост с древнейших времен является характерным признаком славянских народов. Так, упоминаемые греческим астрономом и географом Птолемеем (II в. н.э.) загадочные «вольты», населявшие южное побережье Балтики, являлись, по реконструкции многих авторитетных историков (А.Д. Удальцова, Шафарика,

Ловмянского, Голомба, Брауна и др.) славянским этнонимом (veleti), прямо соответствующим славянскому слову veleti/voloti («Гигант»). Также и народ сполов (Spoli), упоминаемый готским историком VI в. Иорданом при описании военных походов готов, восходит, по крайней мере, в своем названии, к славянскому понятию «Исполин» (гипотеза Миклошича, в недавнее время поддержанная Олегом Николаевичем Трубачевым). Мысль о гигантском росте славянских племен («московитов») красной нитью проходит через записки и воспоминания о славянах западных послов и купцов XV—XVII вв. и даже позднейших столетий. — *Прим. пер.*

¹⁰⁸ Древнефризское, древневерхненемецкое слово *reg(e)la*, *regala* заимствовано из раннесредневекового *regula*. Поскольку речь здесь идет не о древнегерманском янтаре или об эмалированном «жемчуге», сравнение, надо полагать, принадлежит Кодексу С, если не D. Цветистый стиль напоминает описание трех Матерей человечества и, скорее всего, проистекает из-под того же пера. Но и здесь мы имеем дело с переработкой подлинного, древнего. Мотивы почитавшегося и любимого фризами образа Аделы являются баснословными: это понятно уже по мифическому звучанию таких словосочетаний, как, например, «семь красот Фрейи», «семь футов» (*sieben Erdfosse*), которыми измеряется рост Аделы. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁰⁹ Измерения замковой постройки должны по времени принадлежать уже сказочному миру средневекового предания. «Дорогостоящие камни», однако, вполне историчны. При этом речь идет, разумеется, не о драгоценных камнях, но о «каменных», получаемых путем обжига красной глины, которые украшались символическим орнаментом. Ср. рис. № 213. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹⁰ *etmelde* — день и ночь, 24 часа. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹¹ На месте древнегерманского названия символического головного убора, «головной повязки», древнефризского *havedband*, *hafdband* здесь употребляется слово *согопа*, перенятое у римлян только в христианскую эпоху. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹² Фризское слово *таг* означает «пруд», «болотистое озеро», «водная канава». — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹³ То есть Италии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹⁴ При описании восхитительной роскоши и украшений бросается в глаза следующая характерная деталь: отношение к золотым безделицам в данном пассаже прямо противоположно тому, с которым мы встречались самом начале «Хроники...». Как, наверное, помнит читатель, в назидательно-трагической истории народных бедствий (голода, нищеты и всеобщего отчаяния) причиной всему явилась именно непредусмотрительная тяга скупать красивые заморские побрякушки, выменивая их на самое необходимое для здоровой жизни народа. Здесь же перед нами явное восхваление золотых украшений, и согласовать эти две истории друг с другом в рамках единой «Хроники...» представляется, на первый взгляд, едва ли возможным. Ответов на вопрос о причине такого принципиального смещения позиции автора по мере написания текста может быть несколько: начиная с того, что самих авторов в действительности несколько, и заканчивая упоминав-

шейся выше идей автаркичной народной экономики, в которой заморские украшения оказываются злом, а народные, непокупные, традиционные — безусловным благом. — *Прим. пер.*

¹¹⁵ Алькмаар в Северной Голландии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹⁶ Мюнстер в Вестфалии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹⁷ *Fuer Fryas Volk ist Erde und See geschaffen.* — *Прим. пер.*

¹¹⁸ То есть, во Фрисландии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹¹⁹ Это касается наемных гребцов из народов Средиземноморья. — *Прим. Г. Вирта.*

¹²⁰ Над — по ту сторону, значит, «по ту сторону липового леса» или «по ту сторону реки Линда». — *Прим. Г. Вирта.*

¹²¹ Буквально: между столбами, которыми размечена наша страна. — *Прим. пер.*

¹²² То есть «перешел на ее сторону». В оригинале используется выражение из обихода моряков, буквально означающее «я лег в дрейф вдоль (ее) ветра». — *Прим. пер.*

¹²³ Здесь перед нами возможное противоречие той космогонии, которая излагалась в начале «Хроники...». Напомним ее главные моменты. «Вральда, Который один является благим и вечным, произвел Начало, откуда произошло Время, Время породило все вещи, также и Землю (Иртху). Иртха родила все травы, все овощи, все деревья, всех добрых и злых зверей. Все доброе и красивое она произвела днем, а все злое и грубое — ночью. По прошествии двенадцати новолетий (праздников Юла) Вральда родил трех дев: Лиду <...>, Финду <...> и Фрейю <...>». В «космогонии-1» Фрейя является прямым порождением Изначального Духа Вральды. Нигде не говорится, что в процессе порождения как-то было задействовано женское начало. Наоборот, прямо и недвусмысленно заявлено: «Вральда родил <...> Фрейю». Хотя, — сделаем некоторую оговорку, — нам известно при этом, что Иртха в момент создания Фрейи уже существует на протяжении двенадцати лет. (Возраст сам по себе вполне подходящий, чтобы стать женой и родить тройню. Мы знаем, что брачное совершеннолетие для женщин, по шариату, наступает в 9 лет (Вагабов М.В., Ислам и женщина. М., 1968. С. 44), у древних семитов таким возрастом «священной зрелости» для девочки считалось 13 лет, у древних иранцев — 15 лет, а у древних индийцев — 12 лет. (См. «Артахаштра или наука политики». М.—Л., 1959. С. 59). Таким образом, утверждение «космогонии-2», что Фрейя есть порождение Иртхи, либо дополняет известные нам сведения «космогонии-1», либо — что менее вероятно, хотя и не исключено — ей противоречит. Не исключено совсем и то, что Иртха была тем самым субстратом, «священной утробой», *aus dem* (из которой) Дух Вральды образовал трех Богинь, и откуда, согласно «космогонии-2», была рождена Богиня Фрейя. Но если справедлива та версия, что две космогонии находятся в противоречии, т.е. в одном случае Фрейю порождает Сам Вральда без матери, а в другом — Мать-Земля без Вральды, то можно предположить естественность первого взгляда для моряков, жизнь которых зависит от ветра, а второго — для земледельцев, отстающих верными Земле (Иртхе

и ее мифологии). Для любого народа, а не только для фризов, баланс спиритуальных и теллурических интересов в разные моменты истории будет, естественно, разным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные фрагменты «Хроники...» не современны друг другу не только по времени, но и по смыслу. — *Прим. пер.*

¹²⁴ Денемарки, то есть Дания. — *Прим. пер.*

¹²⁵ Месяц, когда все замерзает. — *Прим. пер.*

¹²⁶ Winne- und Minnetonat. — *Прим. пер.*

¹²⁷ Морской термин. — *Прим. пер.*

¹²⁸ 2192 – 1888 = 304 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹²⁹ То есть, с 587 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹³⁰ В 303 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹³¹ См. примечание 3 к стр. 58. — *Прим. Г. Вирта.*

¹³² Далее следует краткий пересказ Виртом основных событий того пасажа, который он не решился воспризвести целиком. — *Прим. пер.*

¹³³ В 327 г. Александр появился на Инде, а отделение германцев состоялось в 1551 г. — *Прим. Г. Вирта.*

¹³⁴ Страбон (ок. 64 — 24 до н.э.) — знаменитый греческий географ, автор «Географии» (Γεογραφικά) в 17-ти книгах, которая находится у истоков современной этнологии. В своих выводах Страбон основывается на описаниях, выполненных предшественниками (Эратосфеном, Артемидором, Полибием, Посейдонием, Непархом и др.), а также на собственных этнографических наблюдениях. Так же как и Полибий, Страбон нередко интерпретирует архаические мифы и легенды в эвгемеристическом ключе, как реальную историю и подлинную географию. Учение о форме и положении земного шара, о величине его и состоянии он предоставляет физике, астрономии и геометрии; не должны занимать географа ни неизвестные или необитаемые части земли, ни вопрос об океане, омывающем кругом землю. Надежные рассказы путешественников и моряков относительно расстояний между местностями имеют больше значения, нежели определения математические или астрономические. В построении географической карты, в которой не только размещается бытовой и исторический материал, но которая обнимает весь земной шар, Страбон остается верным последователем Эратосфена и противником Полибия. Страбон доказывал шаровидность земли, и полагал, что она разделена экватором и меридианом на 4 сегмента, из которых два лежат к северу от экватора и два — к югу; только в одном из северных сегментов содержится та часть земли, которую знают греки и римляне; часть этого сегмента и три остальные были неизвестны; за пределами известных земель находятся не моря только, но и пространства суши и притом населенные людьми. Обитаемая земля имеет вид огромного острова, омываемого наружным океаном, и делится на пять или шесть поясов, из которых жаркий пояс Страбон ошибочно считал необитаемым, вопреки уверению Эратосфена, Полибия и географов родосской школы. Длину обитаемой земли в направлении с запада на восток, от крайней оконечности Иберии до восточной окраины Индии, Страбон определяет в

70 000 стадий (4750 сухопутных миль), а ширину — в 30 000 (750 сухопутных миль), считая от параллели южной оконечности обитаемой земли (Аjan), что над Мероз, до параллели Иерны (нынешняя Ирландия): в обитаемость более северного пункта, Фулы (Туле), Страбон не верит, однако не отрицает при этом его существования. О том, что у восточного берега Гренландии действительно некогда был остров под названием Туле, пишут многие современные историки, в частности Робер Шарру. В своей книге «Загадочно Неизвестное» этот автор попытался доказать, что овечья мифическая мракот Северная Столица Туле — вовсе не плод фантазии, а потому, как пишет Шарру, «имеет смысл предположить, что этот остров исчез в результате чудовищной сейсмической катастрофы, постигшей землю в третьем тысячелетии до н.э.». Однако легенда о Туле жила, и еще византийская императрица Анна Комнена сообщает, что призванные русичами варяги были с острова Туле. (Классен, Егор. Новые материалы для древнейшей истории славян ... М.: Белые Альбы, 1999. С. 79). — *Прим. пер.*

¹³⁵ В 305 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹³⁶ В писаниях Аполлонии, Фреттхорика и следующих отрывках упоминаемые храмы и святилища постоянно называются словом *kerka* (*Kirche*), то есть «кирха», церковь. Это — древнейшее евразийское слово культуры Туле (*Thulekultur*), происходящее от корня к-р, или г-р. Сравни наш пассаж в «Священной Протописьменности», с. 81—82, 181—183. — *Прим. Г. Вирта.*

В «Происхождении Человечества» (с. 443 сл.) Вирт толкует этот корень как «Две Дуги», в совокупности дающие круговой оборот Бога-Года откуда — *gilgal*, *Hercules*, *hercle*, *herclo*, и т.д. Поскольку евразийский корень к-г = г-г = l-k = r-k = присутствует в очень многих словах культуры Туле, упомянем лишь некоторые из них: *circus*, *kygios*, *arche*, *alah*, *ecclesia*, *Kreis*, *gard*, *kula*, *Kugel*, *Hugel*, оставив перспективу возможных выводов свободной для дальнейших догадок и предположений. Одно из интереснейших предположений по этому поводу высказал украинский археолог Юрий Шилов, объяснявший слово «курган» не как обычно это делают (из тюркского «кюрхе» — «круглая могила»), но из шумерского словосочетания «Кур-ан» или «Кур-галь» — «Гора Неба», «Гора Великая». По мнению Ю.А. Шилова, это слово относилось в изначальные времена к Богу Эниаду и было его эпитетом, поскольку Эниль разделил все мироздание на Мать-Землю и Небо-Отца (Ки и Ан). (См.: Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1995). — *Прим. пер.*

¹³⁷ Кродером древние фризские названия колеса Юла, шестигранное изображение которого почиталось священным. Фактически время Кродера — это не «история», а цикл, нордическое время Вечного Возвращения, называвшееся у индогерманцев также «кальпа», «юга», «манвантара», «эон», и т.д. Отдельные отрезки Кродера, равные 24 часам («день и ночь»), назывались у фризов словом *etmeld* — «этмельда». — *Прим. пер.*

¹³⁸ Упоминание об обратном порядке слов в языке этого народа характерно для всей «примитивной» и «зачаточной» этнографии древнего мира,

когда понятия «человечества» не было и в помине, и для бытописателя преимущественной задачей было выявление не сходств, а отличий разных народов друг от друга. Система отношений «мы—они», «наше—ненаше» рождалась с факта констатации странного, тревожного и необычного в поведении другого народа. Случаи «обратного говорения», «обратного писания» (справа налево) и т.д. моделируются как своего рода «антиповедение», о методах семиотической интерпретации которого много писал Б.А. Успенский на примере «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и ситуации русского раскола. — *Прим. пер.*

¹³⁹ Историки религии сообщают, что в первые века нашей эры на территории Нидерландов был довольно широко распространен культ скандинавской Богини по имени *Nehalennia*, представленной на дошедших до нас изображениях сидящей, облаченной в длинное платье и со шлемом на голове. В руках она, как правило, держит корзину с фруктами, а у ее ног традиционно изображается сопровождающая ее собака. Еще одним важным атрибутом Нехаленнии был корабль, что подтверждает описанную в «Хронике Ура Линда» связь этого деифицированного персонажа с культурами торговцев и моряков. Добавим к этому, что на территории Зеландии были найдены неплохо сохранившиеся каменные алтари, из надписей на которых следует, что Нехаленния действительно почиталась в качестве покровительницы управлявшихся в Британию торговцев и моряков. — *Прим. пер.*

¹⁴⁰ *Allen echten Friesen heil!* Не первый раз уже встречающееся приветствие «heil!» (точный аналог латинского *salve*, греческого *χαίρε* и русского «здравствуйте!»), так же как и слово *Kirche*, относится к числу древнейших евразийских понятий, протопонятий культуры Туле (*Thulekultur*). В приветствии «Хайль!» совмещаются и дополняют друг друга три семантических пласта, один из которых совмещен с пожеланием здоровья (целостности), другой — с пожеланием счастья (блага и благополучия), а третий, очевидно, более поздний, с пожеланием спасения, как здоровья и счастья вечного. «Спаситель» по-немецки называется не только *Heilbringer*, но также и *Erloeser*, из чего некоторые мистически и(ли) ариософски настроенные авторы 1920 — 1930-х гг. заключали, что двойственность обозначения отражает или даже влечет за собой двойственность самой обозначаемой реальности. Спаситель (Избавитель)-*Erloeser* и Спаситель-*Heilbringer* противопоставлялись не просто как разные аспекты Одного и Того же, но как Носители разных идеалов, ведущие к принципиально разным социологическим целям. Такой блестящий исследователь духовно-политической атмосферы той эпохи, как Армин Молер, видел в повороте к вере в *Heilbringer*'а одну из важнейших причин Консервативной Революции в Германии. Суть этого поворота состояла в обращении от нововременного восприятия Христа как исторической личности проповедника этических максим, полезных для обывателей и рационально-понятных — к дионисическому Христу-мистагогу, Провозвестнику Вечного Возвращения, взрывного Возрождения Мифа в скучной и пресной истории. Моральный индивидуум Иисус линейного мира демифологизации и либе-

ральной теологии уступил место Вечному Христу-Логосу, Космическому Эону Реставрации, сошедшему с небес и несущему свет знания о ритмах и циклах кругового вращения миров. В гностических богословских рассуждениях о Христе-Heilbringer'e центральными идеями были заряженные мощнейшей энергией понятия Ритма, Воли, Цикла, Мистерии, Наития, Судьбы, Вождя, Мига, Свершения, Поворота, Решения — короче говоря, те самые понятия, которые рационалистическая теология эпохи Просвещения считала нечистыми, языческими, опасными ... — *Прим. пер.*

¹⁴¹ Slawenen, Slowenen — это древнейшее название славянских народов (от *slowo* — «Слово», а также — «Говорящие», «Понятные друг другу»), так же как и Sklaweni, Sklabenoi Прокопия (Кесарийского), вместе с окончанием, приданным Иорданом, засвидетельствованное уже в древнейшие времена в форме «Slavi». — *Прим. Г. Вирта.*

Толкований этнонима «славяне» в современной науке предлагается немало, но, безусловно, Вирт выбрал из них самое загадочное и самое важное. Словяне суть носители Слова, Народ — Логофор: также и В.М. Гобарев, и Дж. Махер полагают, что подлинное значение этнонима «славяне» (сло *vene*) — «ясно говорящие». К слову сказать, наша русская «Влесова Книга», являющаяся определенным аналогом «Хроники...», производит название славян от славных ритуалов и гимнических славословий: «И мы, славу поющие Богам, так и называемся славянами, мы никогда не просили ничего, лишь славу пели» (I, 4a). «Ибо мы приходим от Дажьбога и стали славны, и никогда не просили и не молили их о благе своем». (I, 5a). «А были русскими-славянами, которые славу Богам поют и оттого суть славяне» (III, 8/2). — *Прим. пер.*

¹⁴² Wrang wrada drochtna — стоит в рукописи, что по-нидерландски можно передать только как «wřang wreedē». Древнефризское слово *drochten* — «господин», «князь» применяется, как и англосаксонское слово *dryhten* и т.д., для обозначения Божества или Бога. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁴³ 2193 – 1600 = 593 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁴⁴ Кашмир, в Северо-Западных Гималаях, по обе стороны Верхнего Инда. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁴⁵ Имеется в виду, «от своего родного ребенка». Человек состоит из крови, человек есть кровь, душа человека в крови его, кровь есть душа. Такие антропологические формулировки знакомы нам по большинству традиционных источников. Они находят свое отражение во множестве архаических ритуалов. См. сб. «Кровь в верованиях и суевериях человечества» (СПб, 1995), где приводится множество интересных фактов, относящихся к области кровавой ритуалистики. — *Прим. пер.*

¹⁴⁶ Буквально: «признать его своей кровью». — *Прим. пер.*

¹⁴⁷ В переводе Вирта это высказывание звучит достаточно афористично: «Darum, dass die Aergernis von der Erde wehret und die Liebe naehrt». — *Прим. пер.*

¹⁴⁸ Езус, Исус, Иисус.

¹⁴⁹ Криз-ен — Кришна. — *Прим. Г. Вирта.*

Очень неожиданное отождествление Христа и Кришны, Христа и Буд(а)ды, Христа и нордического Езуса возможно на уровне историческом в намного меньшей степени, чем на уровне Архетипа и Мифа, в центре которого стоит Комический Спаситель — Heilbringer. Так, католический богослов Романо Гвардини в книге «Спаситель» (Guardini Romano. Der Heilbringer, in Mythos, Offenbarung und Geschichte. Eine theologisch-politische Besinnung. Zuerich. 1946) говорит об известной символической идентичности образов Осириса, Митры, Диониса, Бальдура и т.д., в силу того, что их Мифы «... суть формы выражения этого ритма, самодвижущегося в мировом бытии; этого постоянно заново исполняющегося прохождения природной жизни через рождение, смерть, расцвет, плодоношение и увядание, оласность и спасение, лишение и богатство, но лишь постольку, поскольку они означают одновременно и нуминозную полноту блага или опасность лишения этого Блага (numinose Heilsfuelle bzw. Unheilsgefаhr). Они являются Спасителями, но внутри того непосредственного мирового Ритма, который они тем самым подтверждают. Таким образом, в последнем своем основании они суть очаровывающие образы». — *Прим. пер.*

¹⁵⁰ Ietha, собственно, Leider — «те, кто причиняет страдания». — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁵¹ Это «am Anfange» является парадигматически значимым для всех священных текстов народов мира. Каждая религия и традиция определяет конечной задачей своих адептов восстановление того, что происходило «во время оно». На воспоминание этих (райских, адамических, парадизикальных) первособытий ориентировано абсолютное большинство священных практик и ритуалов, ибо от воспоминания до восстановления в действительности только один шаг. В определенном смысле воспоминание («Воображаемое») и есть восстановление («Реальное»), только восстановление в мысли... Из абсолютизации этого тезиса происходит много на первый взгляд курьезного и непонятного, например учение московской секты «бессмертников», действовавшей в начале XX в. и проповедававшей, что если о смерти не думать, то она и не наступит. Очень подробно традиционное понимание изначального времени (Времени Вневременного, illud tempus) описано в работах Мирчи Элиаде. Добавим только, что наиболее мистический текст Нового Завета (пролог Евангелия от Иоанна), а также наиболее загадочный и дискутируемый текст Ветхого Завета (описание Шестоднева в Книге Бытия) начинаются, по существу, с одной и той же фразы — in principio, т.е. «am Anfange». — *Прим. пер.*

¹⁵² bâsa, по-среднидерландски — baes, по-нидерландски — baas, а также Bas (учитель, господин), в 1597 г. переведенное Килианом (Kilian) как «amicus, herus, paterfamilias». — *Из прим. Г. Вирта.* Установление парадизикального порядка требует возвращения изначальной социальной справедливости и устранения тех препятствий, которые возвышают свои частные или корпоративные интересы над принципом изначальной гармонии. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был господином?» (знаменитые слова Джона Балля, приводимые в книге Н. Кона: Cohn, Norman. Die Sehnsucht nach dem Millenium.

Apokalyptiker, Chiliasten und Propheten im Mittelalter. Freiburg, Wien. 1970. S. 220). Такая логика стоит за множеством интереснейших миллениаристских движений Средних веков и Ренессанса. Адамиты, табориты, пикарды, левелеры, анабаптисты и братья Свободного Духа — все эти движения подогревались, как правило, общей жаждой вернуться в Рай, дуалистическим или пантеистическим гностицизмом и органическим неприятием «господ, князей и старших». Много знаменательных подробностей приводится в исследовании русского ученого И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», а также в указанной работе Нормана Кона. — *Прим. пер.*

¹⁵³ 2193 г. до Р.Х — 4000 г. = ок. 1800 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁵⁴ По существу, предыдущее приветствие Франы (Allen edlen Friesen heil!) и данное приветствие Госы (Allen Menschen heil!) очень мало отличаются друг от друга, ибо для всякого носителя трайбалистско-архаического понимания действительности «человеком по преимуществу» всегда оказывается только тот, кто принадлежит к его роду-племени, а другой может ему уподобиться лишь в той степени, в какой он к данному роду-племени причастен. Отсюда происходят известные сомнения в человеческом статусе: эллины сомневаются в варварах, называя их невеждами, древние китайцы называют себя «хуася» и сомневаются в тех, кто «не хуася», иранцы («арья») таким же образом скептически оценивают неиранцев (анарья), как иудеи — неиудеев (гой, акум, абода зара, миним, ноцирим, йобед элилим, апихорес и т.д.). Тот, кто не является основателем или носителем данной культуры, признается разрушителем культуры вообще, «сорными травами» исторического процесса. Подобные радикальные выводы не были чужды и самому Герману Вирту, который еще в 1930 г. выпустил любопытную брошюру «Что значит быть немцем?» и в ней объяснил, что «быть немцем — значит быть „из Бога“, „из Жизни Божией“. Жизнь происходит из Бога, из Времени Божьего, из „Года“ Божьего. Это Stirb und Werde, вечное возвращение, которое является Откровением Бога во времени и пространстве, всеобщий порядок, древневедийская гта.

Жизнь родилась из Света, который от Бога. Тот, кто является „немцем“, происходит из Бога, несет в себе Божий Свет как Откровение Вечности, которое передается из рода в род. В этом состоит смысл Рода и наследования: нести высокую ответственность перед лицом предков и потомков и быть звеном в цепи передачи». «... кто имеет „odil“, „odal“ [руны] Земли, которая посвящена Богу, тот имеет Жизнь, вечное возрождение, вечное возвращение Жизни в его Роде, в его телесном и духовно-душевном родовом имени. Кто является «немцем», тот имеет „od-al“, является знатным — „adlig“, является благородным — „edel“. Он „рожден от жизни Бога“, из Родины, из Одады, он пребывает в цепи Жизни Рода.

У кого же нет больше ОДАДЫ, — т.е. руны odal, — тот не может более оставаться благородным (edel), и не может далее оставаться знатным (adlig): нет в нем более Жизни Божией, но есть в нем Смерть, Смерть внутренняя и внешняя, Смерть телесная и духовно-душевная, Смерть его самого и всех его потомков». — *Прим. пер.*

¹⁵⁵ В 305 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁵⁶ Полуостров Ютландия (дат. Jylland, нем. Juetland) разделен в настоящий момент между Данией, которой принадлежит большая его часть, и ФРГ. Он расположен между Северным и Балтийским морями и занимает около 40 тысяч квадратных километров. — *Прим. пер.*

¹⁵⁷ Это слово можно перевести как «горная страна», «нагорье» или «плоскогорье». — *Прим. пер.*

¹⁵⁸ Обращает на себя внимание следующая подробность. По мере повествования изначально-матриархальные черты древнего фризского уклада жизни все больше уступают место чертам патриархата: сначала ослабевает духовная зависимость от матушек, затем утрачивается к ним всякое почтение, затем возникает христианство, древнефризские матушки, хранительницы священной Лампы, народных преданий и знания о Вральде перестают выбираться, и вот наконец мы видим перед собой народ, подчиненный военному предводителю Фризо и ведущий свои родословные исключительно по мужской, отцовской линии, подобно иным соседним народам. При этом стоит, конечно же, иметь в виду и тот естественный факт, что наличие матрилинейности (то есть счета происхождения по материнской линии) или ее отсутствие далеко не во всех ситуациях может служить устойчивым критерием принадлежности или чуждости того или иного народа изначальному нордическому матриархату. — *Прим. пер.*

¹⁵⁹ Следуя в целом фантастической, а потому и фантастически завораживающей логике народных этимологий, почти на каждой странице встречающихся в «Хронике...», можно предположить, что речь идет об основателе хеттской цивилизации Фризо. (Подобно тому, как кельты пошли от Кельты-Кельтаны, лидийцы — от Лиды и т.д.) — *Прим. пер.*

¹⁶⁰ Выше нам уже встречались два ярко противопоставленных друг другу понимания женских украшений. В одном случае в них виделись симптомы и даже причины всеобщего упадка, в другом же, наоборот, свидетельство о внутреннем величии крепости Варабург, окруженной большим водным каналом под названием Альдерга. Как мы помним, там в подробностях описываются милые барышни, которые на голове носили золотые короны, а на руках — золотые кольца, и т.д. Здесь же перед нами, по всей видимости, третий, совершенно иной взгляд все тех же фризов на роскошные женские украшения. Другой взгляд: гримаска сарказма, теплая и совсем уже не нордическая, а какая-то мещански-обывательская и плоская ирония, достигаемая четырехкратным повторением словосочетания «иметь удовольствие». *Daran hatten die Weiber Vergnueen, die Maiden Vergnuegen, die Maedchen Vergnuegen, daran hatten alle ihre Magen und alle ihre Feunde Vergnuegen.* Хотя, с другой стороны, такое нарочитое мультиплицирование «удовольствий» могло идти и от того, что ни у женщин, ни у девушек, ни у девочек, ни у кого вообще там никакого подлинного удовольствия не было, а было лишь обесмысленное «развертывание роскоши», — социологически точно описанное в книге Вернера Зомбарта: *Sombart, Werner. Liebe, Luxus und Kapitalismus. Ueber die Entstehung der modernen Welt aus dem Geist der Verschwendung.* В., 1992. — *Прим. пер.*

¹⁶¹ Это произошло в 263 г. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁶² Союз Аделы, то есть Последователи Аделы. — *Прим. Г. Вирта.*

По-немецки *adlig* значит «благородный, дворянский, знатный». Отсюда происходит в том числе геральдическая и сакрально-фонетическая мифология орла, ибо он называется *Adler*. Если у Наполеона на штандартах и т.д. изображался орел парящий, то у Гитлера — орел, взлетающий со свастики, окольцованной венком из дубовых листьев. Дело в том, что в сочинениях австрийских и немецких ариософов и фёлькиш-теоретиков (2-я пол. XIX — нач. XX в.) орел традиционно предстал «царем — арийцем животного мира». («*Aar, Adler* — королевская птица, которая гнездится в высотах и стремится вверх, к Солнцу. Это ариец, орел — это самый величественный символ Сынов Солнца». — *Gorsleben, R.J. Hoch-Zeit der Menschheit. Leipzig, 1930. S. 270.*) Злые на язык берлинцы шутили по этому поводу, что паук для партийной символики подходит куда как больше: он коричневый, всеми лапами стоит на земле, по своей форме похож на свастику и к тому же, в отличие от орла, носит арийское имя. Шутка состояла в том, что «*Adler*» в Германии и в Австрии — это очень распространенная еврейская фамилия: (вспомним хотя бы известного фрейдиста с не менее известным австромарксистом). Но с ариософской точки зрения орел безупречен, поскольку так же, как Аделинги и другие носители внутреннего благородства, имеет отношение к руне ОДАЛА. Отсюда же происходит и немецкое «*edel*» — «благородный, знатный», и имя первого сына Фризо — Адель, а, может быть, и фамилия В.И. Даля, который был, как известно, немецкого происхождения. — *Прим. пер.*

¹⁶³ Что в переводе значит «богатый друзьями». — *Прим. пер.*

¹⁶⁴ Страна зубов — *Suebi* или свабов — *Swāba*, а по-староверхненемецки — швабов. Это тот же корень *su(e)bh(o)* — «из собственного места», к которому принадлежит и готское слово *sibja*, и староверхненемецкое *sipp(e)a* — «род, общность родственных друг другу людей», и старопрусское *subs* — «собственный, сам». Сравни русское «особа» — личность, «собь» — своеобразие, характер, староцерковнославянское слово «собъство» — «своеобразие, сущность» и (русское) *svoboda*, высшее благо и высшее требование нордического, арийского человека. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁶⁵ Автор Изначального Кодекса А взял на себя инициативу обратить пренебрежение чистокровных фризов и почитателей Вральды в сторону франков, прежде всего за их империализм, прислужником которого была (католическая) церковь. Эти наблюдения, вероятно, принадлежат Кодексам В и С, многочисленные этимологии которых я по мере сил вымарывал. О твисклендцах, в частности, там говорится подробнее: «Они являются сосланными или убежавшими фризами. Они взяли себе жен из коричневого народа Финды, и сами себя называли „фрайя“ или „франка“». — *Прим. Г. Вирта.*

Если верить предложенной Виртом идентификации «твисклендцев» с франками, несущими даже в своем названии родимое пятно Фрейи, то перед нами, вероятно, самое начало той старой тяжбы за первородство между германцами и французами, которая коренится в коллективном бессоз-

нательном обеих наций, и на протяжении истории проявляла себя неоднократно. (Достаточно вспомнить в этой связи знаменитый лекционный курс «Речи к немецкой нации», прочитанный философом Фихте в 1807—1808 гг. перед аудиторией берлинских студентов в тот самый момент, когда Пруссия была оккупирована французами, а также программное сочинение Фридриха Людвига Яна «Немецкий народ», 1810 г.). Однако есть немало — этимологических, географических, политико-исторических и прочих оснований для того, чтобы, вопреки той идентификации, которую предлаёт Г. Вирт («твискленды = франки») — вслед за польским метаисториком и астрономом Людвигом Зайдлером и рядом других ученых отождествить жителей Твискленда с германцами, которые, по сообщению Тацита, сами себя считали потомками Туистона. В таком случае Туискланд (Твисланд) — это страна, где проживают:

1. *Вандилии* — часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны и др.

2. *Ингвеоны* — к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков.

3. *Иствеоны* — племена, живущие ближе всех прочих к Рейну («дерзко шарящие по Рейну» — по выражению «Хроники...»)

4. *Гермионы* — те племена, которые проживают внутри страны — к ним относятся свебы, гермундуры, херуски, хатты и др.

5. *Певкины и бастарны*, которые граничат с даками (см. подробнее: Плиний Старший, «Естественная история», IV, 99—101). И все заново встает на свои места: и германцы, и Герман Вирт. Да и мог ли он иначе, выпуская «Ура Линду» в самый разгар шовинистических репрессий (Лейпциг, 1934), оставить в ней «как есть» пассаж, направленный против германства как такового? Логичным и последовательным бело перевести *ressentiment* потомков Туистона с фризов на французов, благо этнонимы эти действительно близки а, во-вторых, неприязнь ко всему галльскому в тот момент обрела вторую жизнь (после наполеоновской кампании, как минимум). — *Прим. пер.*

¹⁶⁶ Месяц, примерно совпадающий с нашим маем. — *Прим. пер.*

¹⁶⁷ Союз Адель, то есть Последователи Адель. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁶⁸ В «Хронике Ура Линда» забвение Изначального (единного) языка и введение множества различных национальных языков предстает результатом гнусного Komplott жрецов и князей. Очень похожая мысль возникнет в Европе конца XIX — начала XX в., когда консервативные интеллектуалы будут поставлены перед фактом возникновения в хасидском городе Белостоке международного языка эсперанто. Его автору Людвигу (Лазарю) Заменгофу вполне адекватными людьми вменялось в вину тайное желание создать язык для общения евреев между собой перед лицом ничего в нем не понимающих неевреев. По другой, более спокойной версии, протагонистом которой выступил Андрей Белый (см. его ст. «Штемпелеванная культура») эсперанто понадобилось доктору Заменгофу (и др.) для разрушения, унификации и «иудаизации» нееврейских культур и языков. То есть при-

ложения к ним единого «штемпеля» и «вторичного згалитарного всешествия», как сказал бы К.Н. Леонтьев. Самое интересное, что из среды еврейских писателей поступило в свое время несколько серьезных подтверждений такой, на первой взгляд, весьма странной «лингвоконспирологии». У Г. Майринка в «Зеленом лике» (1916) герою по фамилии Сефарди(!) «...явился некто с зеленым ликом и наказал основать в Бразилии еврейское государство, еще сказал, что евреи как единственный рассеянный по всему миру народ призваны создать язык, который со временем станет средством интернационального общения и сближения всех народов земли. Нечто вроде модернизированного еврейского, как я понимаю... А впрочем, Бог его знает...». (Майринк Густав. Зеленый лик: Роман. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с. С. 266.) — *Прим. пер.*

¹⁶⁹ Наличие у древних фризов народно-совещательного, корпоративно-низового подхода к власти, определенных выборов, где голос народа не задавлен голосом чиновников и бюрократов, а также регулярные обсуждения, Советы матушек и т.д. давали повод некоторым исследователям «Ура Линды» для того, чтобы назвать заведенный у детей Фрейи политический уклад своего рода «демократией». С таким выводом можно было бы согласиться, однако для этого необходимо учитывать два принципиальных момента. Во-первых, демократия древних фризов очень мало чего общего имеет с демократией современной. Поэтому придется либо последнюю признать пародией на первую, которая таким образом окажется демократией подлинной, в то время как современная демократия — демократией неподлинной, либо поступить наоборот. Но как бы мы ни поступили, критерий и базовое рабочее определение демократии иметь необходимо. Наиболее подходящим нам представляется определение крупнейшего немецкого публициста 20-х гг. XX в., мистика и национального пророка Артура Мюллера ван ден Брука: «Демократия есть участие народа в своей судьбе». (*Demokratie ist Anteilnahme des Volkes an seinem Schicksal*). При таком и, пожалуй, только при таком рабочем определении того, что мы условились называть демократией, древние фризы «Хроники Ура Линда» имеют к ней отношение, тогда как «демократия» современности оказывается зловещей пародией, жалкой космополитической химерой и вообще непонятно чем. И наконец, второй момент, указать на который здесь необходимо, состоит в наличии у фризов помимо народного собрания, вполне аналогичного «тингу» древних германцев, еще и другого, как выясняется, более значительного источника политических решений, а именно единоличной власти короля. Народ может собираться сколько угодно и выбирать, кого ему вздумается. Но все это будет напрасным, если король (в данном случае — Адель) выбора не одобрит. Такой, явно недемократический, элемент появился у фризов сравнительно поздно, а именно после того, как патриархальная система одержала верх над изначальным матриархатом. — *Прим. пер.*

¹⁷⁰ Невольно напрашивается аналогия со знаменитыми «99-ю прекрасными именами Аллаха», каждое из которых отражает какое-либо из Его

качеств. Остается только сожалеть, что автор этого пассажа «Хроники...» не задавался целью перечисления тысячи сияющих имен Вральды, однако само их упоминание говорит нам о том, что из всей теологии Северного Св. Духа нам была явлена только вершина айсберга. — *Прим. пер.*

¹⁷¹ Как и в случае с ewa (с. 37), здесь имеется игра слов foda, feda — «кормить», и происходящих отсюда foder, feder — «кормилец», «кормитель» — с одной стороны, и feder, fader — «отец» — с другой. Этим отождествлением еще в XII в. пользовались этнически родственные (с фризами) англосаксонские христианские проповедники. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁷² Т. е. чужеземные. — *Прим. пер.*

¹⁷³ Понятие «Отец народа» имеет очень глубокие, сакральные корни, представить всю глубину которых из историков отваживались очень немногие. Мы знаем, что большинство историков ограничиваются сухим анализом отдельных фактов («императорский культ в Риме», «сталинизм», «восточные деспотии» и т.д.). В действительности, все намного сложнее. Для того чтобы понять мистическую неслучайность и даже архетипическую необходимость наличия у народа Отца, сегодня требуется масштабное изучение и освоение таких значительных интеллектуальных систем, как психология глубин Юнга и Кереньи, интегральный традиционализм Генона и Эволи и т.д., тогда как человеку древности Архетип представлял как таковой, в чистой данности своего Присутствия. Архетип «Pater Patriae» сущностно един. Но из различия в его восприятии во все века возникало множество конфликтов: между сторонниками монархии и сторонниками демократии, патриархата и матриархата и т.д. То же самое — и с Архетипом Вечной Матери. Карл Шмитт в своей книге «Номос Земли» написал как-то, что вся история Тридцатилетних Войн была в действительности ...войной за католический культ Девы Марии. Конечно же, этническая история может быть увидана как история враждующих Архетипов. — *Прим. пер.*

¹⁷⁴ Эвгемеризм. — *Прим. пер.*

¹⁷⁵ С этого момента начинается плавный переход, эманативное перетекание теологии (мира Вральды, Иртхи и Трех Дочерей Вральды) в историю, то есть в мир обычных людей. Тот факт, что все люди рождены Матерями (Лидой, Финдой и Фрейей) без участия Отца (гипотезу инцеста с Вральдой «Хроника...» отрицает) наводит нас на вполне очевидную структурную параллель в мире христианского богословия. Про Иисуса Христа говорится, что «прежде всех век» Он как Логос и Сын Божий был рожден от Небесного Отца без матери, а «при Понтийстем Пилате» Он как Человек и Сын Человеческий был рожден от Марии Девы, то есть без отца. Получается, что исторический Иисус Христос на индивидуальном уровне является таким же порождением партеногенеза, каким весь фризский народ является на уровне коллективном. Однако Вневременной Христос-Логос так же лишен Матери, как и три «Корневые Матери» (Stammuetter) нашей «Хроники...». В последнем случае такой вывод необходим, чтобы их Материнство оставалось безусловным и не уходило в дурную бесконечность по принципу «третьего человека» (вспомним критику Аристотелем платоновской те-

ории идей): Матери, имеющие Матерей — это явно не абсолют Материнского Начала. На правах гипотезы можно попытаться выдвинуть такое предположение, что, поскольку во многих мистических традициях историческая ситуация зеркально отражает до- и внеисторическую, матриархальные черты известных нам гинекократических народов являются попыткой восполнить определенный «дефицит Женского Начала» в их теологии. И наоборот: патерналистские черты наиболее агрессивно проявляют себя там, где на протяжении столетий возвеличивался и превозносился женский аспект Абсолюта, та же Дева Мария. — *Прим. пер.*

¹⁷⁶ toghatera, собственно, «дочь» — словоупотребление, до сих пор принятое в Швейцарии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁷⁷ Буков.: «сеет свой собственный бич» (который потом и пожнет). — *Прим. пер.*

¹⁷⁸ Вероятно, очень почетная у фризов должность, обладатель которой должен был за разных людей ходатайствовать (heischen — «настоятельно требовать, выпрашивать»). Вероятно, отсюда же происходят скандинавские асы (Один, Тор, Ньерд, Тюр, Браги, Хеймдалль, Хед, Видар, Вали, Ульв, Форсети, Локи и др.). — *Прим. пер.*

¹⁷⁹ Upstal — возвышение для произнесения речей, трибуна. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸⁰ Ответственным за это упоминание «тартаров» должен быть переписчик кодекса В, Hidde Ueber die Linden, у которого упоминается даже сражение при Вальштетте в Шлезии (an der Walstatt in Schlesien), состоявшееся 9 апреля 1241 г. Этот кусок текста, написанный рукой гуманиста, приводит форму «Тартара» как игру слов, авторство которой приписывается Людвигу Французскому, а смысл которой состоит в сравнении (народа) со злыми духами Тартара.

В различных местах рукописи появляются славяне — Slaven или словене — Slovenen, название которых иногда приводится в игровой словесной контаминации со словом «рабы» — Sklaven. Так они называются уже в Изначальном Кодексе А. У Иордана они называются «Sklaveni», а в среднелатинском эпохи Карла — Sklavi: словоупотребление, сохранившееся до XVI в. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸¹ Словечко, стоящее в оригинале (Das Dirnengesindel), на порядок крепче того, с помощью которого мы его постарались передать. Оно образовано от слова «Dirne» — «девка», «публичная девка» и слова «Gesindel» — «отроде», «сброд». Не нужно быть текстологом, чтобы подметить одну любопытную особенность языка «Хроники Ура Линда»: самые емкие, крепкие и непечатные ругательства появляются в ней очень нечасто, для моряков — даже редко, однако всякий раз, когда очередной хронист считает их для своего изложения неизбежными, контекст связан с вопросом крови и ее чистоты. Утрата этой чистоты, по мысли «Хроники...», является одним из наиболее ярких и наиболее наглядных признаков «Лютной Годины» (Arge Zeit). Другим важным признаком «Лютной Годины» является практически повсеместная утрата свободы, забвения Закона Вральды и Совета Фрейи.

Поэтому принципиальную задачу «Хроники...» можно видеть, во-первых, в напоминании об изначальной Божественной чистоте народа («Светлая Фрейя!»), во-вторых, в констатации того, что в настоящий момент эта чистота трагически пропала (повсеместно видны настоящие черты смешения, на землях народа Фрейи бесцеремонно господствуют дикие голены, орущие бастарды, мадьяры и прочие инородцы: fremdrassige, ausheimische, изначальный матриархат забыт и утрачен, последняя из матушек злодейски утоплена), и наконец, в-третьих, в мистическом предвосхищении того, что со временем, когда отмеряющий космические циклы Божественный Кродер сделает еще один оборот, древний порядок будет восстановлен, а хаос все-смешения вместе с его кошмарными носителями будет выброшен в пределы внешние. — *Прим. пер.*

¹⁸² То есть в Италии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸³ Этимология гуманиста. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸⁴ То есть из Финикии. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸⁵ Марсель. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸⁶ Стало быть, мы находимся в той эпохе, когда Цезарь въехал в Британию, ок. 55/54 гг. до Р.Х. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁸⁷ О крепости Керенак ср. с. 58 и «Послесловие» Г. Вирта, с. 321 по немецкому изданию.

¹⁸⁸ У Аскара и пришлых саксонских наемников. — *Прим. пер.*

¹⁸⁹ Легендарная Мудрость северных дев-градоправительниц, бывшая, по мнению многих серьезных авторов, в том числе самого Германа Вирта, рудиментом древнего матриархального жречества, сохраненного североатлантической расой от времен незапамятных, — эта самая подлинная, самая чистая и светлая мудрость (Weisheit) содержится в слове modag, «Мать», которое в точности передает матрицу познания и озарения. Дело в том, что индоевропейские языки свидетельствуют и подтверждают изначально-материнский характер Мудрости (древнеперсидское mazdâ родственно славянскому корню modr и фризскому понятию modar — «мать»), о чем говорят также описанные в «Материнском праве» И.Я. Бахофена обычаи ликийцев, локров, лелегров, карийцев, этолийцев, пеласгов, жителей Аркадии и Эпира, телебоев, миниев и многих других очень древних народов, относящихся к описанному Г. Виртом североатлантическому культурному кругу. Сюда же можно добавить мистическую и очень серьезную традицию весталок, хранительниц мудрости Богини Весты, а также Огня, неслучайно напоминающего Священную Лампу древних фризов. — *Прим. пер.*

¹⁹⁰ Такое сближение Духа-Жизнеподателя Вральды с обычными Громовиками индоевропейских пантеонов, вроде Перуна-Перкунаса, Тора, Индры и т.д., было бы совершенно непонятным изменением в Его образе, если бы мы не знали, что Райнты лжет, пытаясь выгородить Аскара, действия которого направлены, по существу, против фризов, следовательно, и против Фрейи, следовательно, и против Вральды. Поэтому стоило бы сильно удивляться, если бы она говорила про Всевышнего чистую правду. Сюда же относятся и невесть откуда взявшиеся онейромантические способности

(т.е. умение гадать по снам), практика фризам чуждая, но спокон веку известная народам Финды, славящимся своим колдовством. — *Прим. пер.*

¹⁹¹ Приобретенные ими с течением времени. Речь идет о тех племенных именах и названиях, которые отличаются от названий, принятых среди фризов. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁹² Трудно понять, какое именно море здесь подразумевается. Обозначение mare balticum впервые было образовано Адамом Бременским (ум. в 1076 г.), по образцу упоминаемого у Плиния острова Balcia или Baltia, местоположение которого очень неопределенно. Вильзер (Wilser) предполагает, что этот остров идентичен Борнхольму (Bornholm). Для обозначения Балтийского моря в «Хронике Ура Линда» используется слово «Astarsee». — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁹³ Кобольдами (нем. Kobold — англ. goblin) в германской мифологии называют маленьких человечков или подземных духов, которые стерегут сокровища в недрах Земли либо являются духами домашнего очага и живут за печкой. Любопытно, что кобольды, как правило, красного цвета, хотя были и черные кобольды, особенно злые и наделенные всеми чертами мифологического трикстера. Кобольд — существо хтоническое, земляное, и в этом отношении он является одним из элементарных духов, духом Земли, так же как ундина является духом Воды, силф — духом Воздуха, а саламандра — духом Огня. — *Прим. пер.*

¹⁹⁴ Сейена — Сейна. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁹⁵ С точки зрения рабовладельца, максимально чуждой и органически противной древним фризам, рабы суть не люди, а «имущество». Также и в Древнем Риме рабов называли instrumentum vocale — «говорящее орудие». — *Прим. пер.*

¹⁹⁶ thjoth соответствует верхненемецкому слову theoda — «народ», а также древневерхненемецкому diot, древнесаксонскому thiod, thioda и т.д., средненоволатинскому diet и т.д.

¹⁹⁷ Этмельда длится день и ночь, то есть 24 часа. — *Прим. Г. Вирта.*

¹⁹⁸ Вирт имеет в виду их публикацию «Oudheid van papier en schrift van het Oera Lindaboock» // De Nederlandsche Spectator № 32, 5 августа 1876 г. — *Прим. пер.*

¹⁹⁹ Еще в 1854 г. вышла книга Монтануса (наст. фам. Zuccalmaglio) под названием «Немецкие народные праздники, праздники Года и праздники семейные», где указывалось соответствие Великого Юла и имени Нордического Демиурга, Бога Вральды. Монтанус писал: «Слово Jul или Joel означает колесо времени, которым символизировался Год (на древненемецком — Ar). Также в этой связи праздник назывался „Wergalt-Fest“, (праздником Веральт-Вральды. — А.К.), от „wergalt“ — «длительность, время», откуда и происходит наше слово „мир“ — Welt». (Montanus, Die deutschen Volksfeste, Jahres- und Familienfeste. 1854). В кругах сотрудников Германа Вирта главным специалистом в области эортологии (учения о праздниках) считался Фритц Вайтцель, издавший в 1938 г. две свои книги: «Церемонии в СС» и «Празднование ежегодных торжеств в семье эсэсовца». В обеих книгах

особенное внимание уделялось празднику Великого Юла, а также описывались Светильники Юла (лампы народных матушек), которые должны были иметь в своем доме все сотрудники общества «Аненербе». — *Прим. пер.*

²⁰⁰ Слова Германа Вирта звучат настолько экспрессивно и поэтично, что уместным будет привести их в оригинале: «Denn es ist die heilige Wende, die Zeit des Stirb und Werde, wo die Toten, die Seelen der Ahnen auferstehen und wiedergeboren, wiederverkorpert werden in der Sippe». — *Прим. пер.*

²⁰¹ Значение, придающееся в ариософии символу свастики, вполне понятно. Еще в 1891 г. археологом Эрнстом Краузе было высказано распространеннейшее затем суждение, что почитание этого символа характерно только для народов индоевропейского корня. Известна также и попытка французского религиоведа Эмиля Бюрнуфа (не путать с его коллегой-однофамильцем Эженом, давшим за 20 лет до этого, в 1852 г., этому символу его название — «свастика») представить всю историю мировых культур эпифеноменом свастического вращения. Гипотеза Эмиля Бюрнуфа состояла в том, что свастика напоминает инструмент для разжигания священного огня — ARANI, упоминания о котором встречаются в корпусе Ведических гимнов. С помощью арани древние арии осмысливали все, что их окружает: смену сезонов, вращение планет, ротацию космических эпох и т.д. Выглядит арани так: это наложенные крест-накрест друг на друга деревянные брусья, концы которых свастически загнуты и зафиксированы четырьмя гвоздями, а в точке пересечения брусьев имеется отверстие, куда вставлялась еще одна перекладина под названием Pgramantha, в форме копыя (руны ТИУ) — для вращения и добывания огня. Известная гипотеза В. Райха (свастика как образ соединения двух полов) в действительности принадлежит не ему, а Дж. Хоффману (археолог XIX в.). Мистик, философ-виталист и друг Людвига Клагеса Альфред Шулер видел в свастике основной символ всего дохристианского человечества и даже планировал в 1895 г. защитить по ней диссертацию, а Гвидо фон Лист, входивший, кстати, в неотамплиерский орден Ланца, называл свастику «говорящей головой» и, по всей видимости, отождествлял с Бафометом. (Daim, Wilfried. Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Wiesbaden, 2003. S. 80—96). В 1928 г. он признавался, что идея политизации гаммадиона была им сформулирована еще в 1908 г. На такую же «честь» претендовал, кстати, и Алистер Кроули, указывавший в своих записях, что именно он в 1925 г. предложил этот символ немецкому мистик-у Людендорфу. Однако принято считать, что к нацистам свастика попала из кругов фёлькиш-ариософов, вероятно, с герба общества «Туле». У Вирта, также причастного к этим кругам, в его прим. к рис. № 19 мы читаем, что изначальная форма свастики — круглая. В другом месте (прим. к рис. 65) Вирт толкует левостороннюю свастику как знак нисходящей половины Священного Года (das Heilige Jahr), а правостороннюю — восходящей. Соответствующий комплекс символических ассоциаций сопутствовал этому знаку и на Русском Севере, где свастика во все века считалась одним из самых священных символов. Там ее звали «ярга», что на фонетическом уровне совпадает с немецким «Jahrgang» — «Путь Года». (Кутенков П. Ярга: родовой символ

русов // Русская традиция. Вып. 3. — М.: Ладога-100, 2004. С. 97—150). — *Прим. пер.*

²⁰² Вирт обыгрывает обсуждаемую в этом пассаже атлантико-нордическую корневую основу Ур (ur) и немецкое слово «древнейший» — uralt, которое Вирт пишет как «ur»-alt. Барон Юлиус Эвола, признававший Г. Вирта своим духовным наставником и учителем, был одним из инициаторов создания в 1926 г. эзотерического объединения, называвшегося «Группа Ур». Комментируя такое необычное название, Эвола писал: «Слово „Ур“ взято от древнего корня слова „огонь“, а также имеет дополнительный оттенок в смысле „первозданного“, „изначального“» — тот самый магический оттенок, который путем выстраивания цепочек атлантико-нордических ассоциаций пытался возродить в народном языке, жизни и быте учитель Эволы Герман Вирт. — *Прим. пер.*

²⁰³ В древнеингвеонской традиции Мировая Ось, Axis Mundi, именовалась «Igmīnsul», т.е. Большой Столп. Вероятно, это наиболее точный аналог скандинавского Мирового Древа Иггдрасиль (русского Дуба Мокрецового), крона которого подпирает Небо, а корни погружены в Родную Почву. Название «Igmīnsul» производят обычно от слова igmīn, которое означает Восхождение. Тот, Кто восходит — это Космический Спаситель, движущийся по Годовому Кругу, избавляющий мир от Мрака и Умирения. Спасителя зовут «Igmīn», на Его связь с Мировым Столпом Ирминсиль указывал еще Видукин (X в.). Спаситель — не Спаситель, если Он не укоренен в Небе и в Родной Почве, Он — не Мировая Ось, если лишен Воли к Решению, которое продиктовано логикой циклических констелляций, Он — не Избавитель и не Реставратор космического Порядка, если в глубине Его души нет кристалликов Льда, холодного зернышка Хагеля. В центре Хагель проходит Ис — это внутренний смысл, жертвенная закономерность, вертикаль. Для того чтобы ее увидеть, необходимо преодолеть в себе двойственность, расфокусированность, т.е. проделать путь от периферии к центру, от динамичного обода — к ступице, неподвижной Оси вращающегося Колеса Миров. Подобное представление было у всех народов Традиции, например у лапландцев, которые, как сообщает нам «Хроника Ура Линда» и многие исследователи ингвеонского Мифа (например, Alel Olrik, Ragnatöek, в своей книге «Die Sagen vom Weltuntergang», 1922. S. 423), еще в дохристианские времена заимствовали из традиции древних германцев обширный, но плохо осмысленный пласт архаичных верований. Например, учение о «мировых столпах», Weltstuetze, которые подобны Igmīnsul и называются по-лапландски «tauImen». Мировое Древо не чахнет, поскольку осуществляется периодическое возлияние жертвенной крови, которое позволяет миру сохранять изначальный Порядок. До тех пор пока во имя Порядка и Космической Регенерации льется жертвенная кровь, небеса не обрушатся на землю, а солнце не взойдет на Западе. Мировая Ось стоит на своем месте, отчасти совпадая с образом древнеингвеонского «hag alu», Космического Спасителя, «Бога Хага», т.е. «Того, Кто все оберегает» и подобно греческому Атланту держит Небо на Своих плечах. В мире Духа Вральды этот Allumheger

(Кродо, Крист, Христос) является таким же незыблемым центром концентрации, каким в мире динамики и формы является Полярная Звезда. Как верно замечает Эрих Юнг, предельная концентрация северо-европейских народов (кстати, не только северо-европейских!) на образе Полярной Звезды говорит о том, что Северная ориентация в сакральной географии является более древней, а стало быть, и более аутентичной, нежели ориентация восточная. (Jung, Erich. Germanische Goetter und Helden in christlicher Zeit. 1939. S. 119). Эта мысль была одним из принципиальных тезисов всей германской ариософии и вообще практически всей фёлькиш-литературы. И, пожалуй, в наибольшей степени, эта теория нордического первородства обязана своей широкой известностью таким авторам, как Герман Вирт, Ганс Гюнтер, Густав Коссина, Йозеф Плассмман (издатель «Норд-ланда») и др. — *Прим. пер.*

²⁰⁴ Для обозначения майских холодов в немецком языке используется характерное для атланти-нордической расы словосочетание «die Eisheiligen», буквально означающее «Ледяные Святые». — *Прим. пер.*

²⁰⁵ По-немецки «der Hagel» — это и есть «град». Вероятно, обычай нидерландских крестьян, восходящий к древним аграрно-магическим ритуалам, имеет определенное отношение к русской языческой традиции празднования 1 мая, тем более что в несколько другом виде соответствующая традиция представлена и у других индогерманских народов. Например, древние кельты в ночь с 30 апреля на 1 мая отмечали праздник Бельтайн, Майский праздник, связанный с идеей Великой Жрицы — Королевы Мая, которая избиралась в этот день. В Швеции 1 мая устраивалось грандиозное шествие, предводителем которого считался Майский Король — Бог Один, украшенный цветами. (Подробнее см.: Гербер, Хелен. Мифы Северной Европы. — М.: Центрполиграф, 2006. С. 45 сл.). В Англии этот священный день отмечали танцами вокруг майского дерева, возглавляя которые все тот же персонаж — под именем «Зеленый Джек», а также его королева — «Дева Мэриан». В Германии ночь на 1 мая называлась, как известно, Вальпургиевой: по древнему обычаю, в этот день женщины собирались, чтобы с помощью определенных ритуалов помочь молодежи обрести жениха или мужа. Позднее эти женские союзы были переосмыслены патриархальной традицией как ведьмовские сборища, несущие угрозу христианству и прославляющие мастера Леонгардта. Поэтому во многих европейских селениях накануне Вальпургиевой ночи проводилась специальная магическая церемония, целью которой было окончательное изгнание ведьм: разжигались костры, в которые, как правило, бросали чучела ведьм, с факелами и молитвами народ обходил кругами свои дома, при этом звонили церковные колокола, совершались апотропеические ритуалы и т.д. В Третьем Рейхе традиции проведения Вальпургиевой ночи были возрождены на государственном уровне. День 1 мая стал именоваться «Днем радости по поводу победы Новой Жизни» и отмечаться в качестве «Дня национального труда». Как говорят специалисты по ритуалам Третьего Рейха, этот праздник включил в себя многие первомайские риту-

алы германской древности. (Vondung, Klaus: *Magie und Manipulation — Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus* Göttingen. 1971. S. 78ff.). — *Прим. пер.*

²⁰⁶ В армянском фольклоре до сих пор сохранился аналогичный сюжет, где повествуется о Старце, сидящем на горе и скатывающем по склону попеременно то белый, то черный клубок. Когда он разматывает клубок черный — наступает ночь, когда разматывает клубок белый, наступает день. Старца зовут Жук или Жаманак (Zuk или Zamanak). (Abaeghian M.K. *Armenische Volksglauben*. Leipzig. 1899. S. 53). Скатывание колеса, разматывание клубка, выливание воды, попеременное поднятие и опускание рук — все это суть образы времени, отмеряемого Божеством. Очевидно, что представление о Божестве времени по имени Жук или Жаманак напрямую восходит к древнеиранскому зерванизму — еретическому толку в зороастризме, заявившему о себе в период правления поздних Ахеменидов. Это видно из его имени: «Жаман» на пехлеви означает «время», так же как и «Зарван» на языке Авесты. В мистической традиции зерванизма различаются два Зервана: Зерван Акарана и Зерван Даргахвадата. Последний олицетворяет собой время историческое, составленное из дискретных и преходящих фрагментов. В отличие от него, Зерван Акарана есть Время Вневременное, Вечность (Эон). Это индоевропейское Божество в эпоху эллинистического синкретизма оказало влияние на культ Леонтокефаала — Львиноголового Бога митраистских мистерий, Которого считают тождественным «Князю Мрака» манихейских «Глав» («Кефалайя») и «Ялдобаофу» из «Апокрифа Иоанна» древних гностиков. Это и есть Бог Митра, о котором Дионисий Ареопагит говорит, что «маги до сих пор совершают празднования *тройному Митре*» (Дионисий Ареопагит, Сочинения. СПб, 2002. С. 793). История митраизма и раннего христианства Ганс Кепф, без всяких ссылок на Вирта, однако несомненно под его влиянием, объяснял тройственность Митры (Леонтокефаала, Зервана-Жамана, Ялдобаофа и Князя Мрака) через его символическое тождество с двумя спутниками — Каутесом и Каутопатом. Эти юноши-факелоносцы обозначали, скорее всего, календарные точки возрастания (после Рождества Митры — Зимнего Солнцестояния, «Мрака») и убывания Солнца, т.к. факел Каутеса поднят вверх, а факел Каутопата опущен долу. На их тождество с Митрой указывает то, что нередко их обозначения (Deus Cautes, Deus Cautopates) уточнялись: «Deus invictus Mithras Cautes» или «...Cautopates». Главными атрибутами соратников зимнесолнцестоянского психопомпа были голова Тельца и Скорпион, соответственно. В римском календаре это суть символы весеннего и осеннего равноденствий. Находящийся между ними (С-М-СР) Митра соответствует точке Великого Юла — Зимнего Солнцеворота. Среди рисунков, приводимых Г. Виртом в наст. изд., под № 16: 22 мы видим изображение, очень близкое по смыслу к митраистскому С-М-СР. По версии Г. Кепфа, аббревиатура имени «третьего Митры» (СР) была позднее сведена к более простой форме (В). Получившаяся Триада дала имена трем рождественским Царям-Волхвам — Каспару, Мельхиору и Бальтасару (С-М-В), таинственным персидским магам, связу-

особенное внимание уделялось празднику Великого Юла, а также описывались Светильники Юла (лампы народных матушек), которые должны были иметь в своем доме все сотрудники общества «Аненербе». — *Прим. пер.*

²⁰⁰ Слова Германа Вирта звучат настолько экспрессивно и поэтично, что уместным будет привести их в оригинале: «Denn es ist die heilige Wende, die Zeit des Sterb und Werde, wo die Toten, die Seelen der Ahnen auferstehen und wiedergeboren, wiederverkorpert werden in der Sippe». — *Прим. пер.*

²⁰¹ Значение, придающееся в ариософии символу свастики, вполне понятно. Еще в 1891 г. археологом Эрнстом Краузе было высказано распространявшееся затем суждение, что почитание этого символа характерно только для народов индоевропейского корня. Известна также и попытка французского религиоведа Эмиля Бюрнуфа (не путать с его коллегой-однофамильцем Эженом, давшим за 20 лет до этого, в 1852 г., этому символу его название — «свастика») представить всю историю мировых культур эпифеноменом свастического вращения. Гипотеза Эмиля Бюрнуфа состояла в том, что свастика напоминает инструмент для разжигания священного огня — ARANI, упоминания о котором встречаются в корпусе Ведических гимнов. С помощью арани древние арии осмыслили все, что их окружает: смену сезонов, вращение планет, ротацию космических эпох и т.д. Выглядит арани так: это наложенные крест-накрест друг на друга деревянные брусья, концы которых свастически загнуты и зафиксированы четыремя гвоздями, а в точке пересечения брусьев имеется отверстие, куда вставлялась еще одна перекладина под названием Pramantha, в форме кольча (руны ТИУ) — для вращения и добывания огня. Известная гипотеза В. Райха (свастика как образ соединения двух полов) в действительности принадлежит не ему, а Дж. Хоффману (археолог XIX в.). Мистик, философ-виталист и друг Людвига Клагеса Альфред Шулер видел в свастике основной символ всего дохристианского человечества и даже планировал в 1895 г. защитить по ней диссертацию, а Гвидо фон Лист, входивший, кстати, в неотамплиерский орден Ланца, называл свастику «говорящей головой» и, по всей видимости, отождествлял с Бафометом. (Daim, Wilfried. Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Wiesbaden, 2003. S. 80—96). В 1928 г. он признавался, что идея политизации гаммадиона была им сформулирована еще в 1908 г. На такую же «честь» претендовал, кстати, и Алистер Кроули, указывавший в своих записках, что именно он в 1925 г. предложил этот символ немецкому мистiku Людендорфу. Однако принято считать, что к нацистам свастика попала из кругов фелькшиш-ариософов, вероятно, с герба общества «Туле». У Вирта, также причастного к этим кругам, в его прим. к рис. № 19 мы читаем, что изначальная форма свастики — круглая. В другом месте (прим. к рис. 65) Вирт толкует левостороннюю свастику как знак нисходящей половины Священного Года (das Heilige Jahr), а правостороннюю — восходящей. Соответствующий комплекс символических ассоциаций сопутствовал этому знаку и на Русском Севере, где свастика во все века считалась одним из самых священных символов. Там ее звали «ярга», что на фонетическом уровне совпадает с немецким «Jahrgang» — «Путь Года». (Кутенков П. Ярга: родовой символ

русов // Русская традиция. Вып. 3. — М.: Ладога-100, 2004. С. 97—150). — *Прим. пер.*

²⁰² Вирт обыгрывает обсуждаемую в этом пассаже атлантико-нордическую корневую основу Ур (ur) и немецкое слово «древнейший» — uralt, которое Вирт пишет как «ur»-alt. Барон Юлиус Эвола, признававший Г. Вирта своим духовным наставником и учителем, был одним из инициаторов создания в 1926 г. эзотерического объединения, называвшегося «Группа Ур». Комментируя такое необычное название, Эвола писал: «Слово „Ур“ взято от древнего корня слова „огонь“, а также имеет дополнительный оттенок в смысле „первозданного“, „изначального“» — тот самый магический оттенок, который путем выстраивания цепочек атлантико-нордических ассоциаций пытался возродить в народном языке, жизни и быте учитель Эволы Герман Вирт. — *Прим. пер.*

²⁰³ В древнеингвеонской традиции Мировая Ось, Axis Mundi, именовалась «Irmīnsul», т.е. Большой Столп. Вероятно, это наиболее точный аналог скандинавского Мирового Древа Иггдрасиль (русского Дуба Мокрецкого), крона которого подпирает Небо, а корни погружены в Родную Почву. Название «Irmīnsul» производят обычно от слова irmin, которое означает Восхождение. Тот, Кто восходит — это Космический Спаситель, движущийся по Годовому Кругу, избавляющий мир от Мрака и Умирания. Спасителя зовут «Irmīn», на Его связь с Мировым Столпом Ирминсуль указывал еще Видукинд (X в.). Спаситель — не Спаситель, если Он не укоренен в Небе и в Родной Почве, Он — не Мировая Ось, если лишен Воли к Решению, которое продиктовано логикой циклических констелляций, Он — не Избавитель и не Реставратор космического Порядка, если в глубине Его души нет кристалликов Ляда, холодного зернышка Хагель. В центре Хагель проходит Ис — это внутренний смысл, жертвенная закономерность, вертикаль. Для того чтобы ее увидеть, необходимо преодолеть в себе двойственность, расфокусированность, т.е. проделать путь от периферии к центру, от динамичного обода — к ступице, неподвижной Оси вращающегося Колеса Миров. Подобное представление было у всех народов Традиции, например у лаландцев, которые, как сообщает нам «Хроника Ура Линда» и многие исследователи ингвеонского Мифа (например, Alef Olrik, Ragnagoe, в своей книге «Die Sagen vom Weltuntergang», 1922. S. 423), еще в дохристианские времена заимствовали из традиции древних германцев обширный, но плохо осмысленный пласт архаичных верований. Например, учение о «мировых столпах», Weltstuetze, которые подобны Irmīnsul и называются по-лаландски «taulmen». Мировое Древо не чахнет, поскольку осуществляется периодическое возлияние жертвенной крови, которое позволяет миру сохранять изначальный Порядок. До тех пор пока во имя Порядка и Космической Регенерации льется жертвенная кровь, небеса не обрушатся на землю, а солнце не взойдет на Западе. Мировая Ось стоит на своем месте, отчасти совпадая с образом древнеингвеонского «hag alu», Космического Спасителя, «Бога Хага», т.е. «Того, Кто все оберегает» и подобно греческому Атланту держит Небо на Своих плечах. В мире Духа Вральды этот Allumheger

(Крото, Крист, Христос) является таким же незыблемым центром концентрации, каким в мире динамики и формы является Полярная Звезда. Как верно замечает Эрих Юнг, предельная концентрация североευропейских народов (кстати, не только североευропейских!) на образе Полярной Звезды говорит о том, что Северная ориентация в сакральной географии является более древней, а стало быть, и более аутентичной, нежели ориентация восточная. (Jung, Erich. Germanische Goetter und Helden in christlicher Zeit. 1939. S. 119). Эта мысль была одним из принципиальных тезисов всей германской ариософии и вообще практически всей фёлькиш-литературы. И, пожалуй, в наибольшей степени, эта теория нордического первородства обязана своей широкой известностью таким авторам, как Герман Вирт, Ганс Гюнтер, Густав Коссина, Йозеф Плассмман (издатель «Нордланда») и др. — *Прим. пер.*

²⁰⁴ Для обозначения майских холодов в немецком языке используется характерное для атлантико-нордической расы словосочетание «die Eisleiligen», буквально означающее «Ледяные Святые». — *Прим. пер.*

²⁰⁵ По-немецки «der Hagel» — это и есть «град». Вероятно, обычай нидерландских крестьян, восходящий к древним аграрно-магическим ритуалам, имеет определенное отношение к русской языческой традиции празднования 1 мая, тем более что в несколько другом виде соответствующая традиция представлена и у других индогерманских народов. Например, древние кельты в ночь с 30 апреля на 1 мая отмечали праздник Бельтайн, Майский праздник, связанный с идеей Великой Жрицы — Королевы Мая, которая избиралась в этот день. В Швеции 1 мая устраивалось грандиозное шествие, предводителем которого считался Майский Король — Бог Один, украшенный цветами. (Подробнее см.: Гербер, Хелен. Мифы Северной Европы. — М.: Центрполиграф, 2006. С. 45 сл.). В Англии этот священный день отмечали танцами вокруг майского дерева, возглавлял которые все тот же персонаж — под именем «Зеленый Джек», а также его королева — «Дева Мэриан». В Германии ночь на 1 мая называлась, как известно, Вальпургиевой: по древнему обычаю, в этот день женщины собирались, чтобы с помощью определенных ритуалов помочь молодежи обрести жениха или мужа. Позднее эти женские союзы были переосмыслены патриархальной традицией как ведьмовские сборища, несущие угрозу христианству и прославляющие мастера Леонгарда. Поэтому во многих европейских селениях накануне Вальпургиевой ночи проводилась специальная магическая церемония, целью которой было окончательное изгнание ведьм: разжигались костры, в которые, как правило, бросали чучела ведьм, с факелами и молитвами народ обходил кругами свои дома, при этом звонили церковные колокола, совершались апотропические ритуалы и т.д. В Третьем Рейхе традиции проведения Вальпургиевой ночи были возрождены на государственном уровне. День 1 мая стал именоваться «Днем радости по поводу победы Новой Жизни» и отмечаться в качестве «Дня национального труда». Как говорят специалисты по ритуалам Третьего Рейха, этот праздник включил в себя многие первомайские риту-

алы германской древности. (Vondung, Klaus: *Magie und Manipulation — Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus* Göttingen. 1971. S. 78ff.). — *Прим. пер.*

²⁰⁶ В армянском фольклоре до сих пор сохранился аналогичный сюжет, где повествуется о Старце, сидящем на горе и скатывающем по склону попеременно то белый, то черный клубок. Когда он разматывает клубок черный — наступает ночь, когда разматывает клубок белый, наступает день. Старца зовут Жук или Жаманак (Zuk или Zamanak). (Abaeghian M.K. *Armenische Volksglauben*. Leipzig. 1899. S. 53). Скатывание колеса, разматывание клубка, выливание воды, попеременное поднимание и опускание рук — все это суть образы времени, отмеряемого Божеством. Очевидно, что представление о Божестве времени по имени Жук или Жаманак напрямую восходит к древнеиранскому зерванизму — еретическому толку в зороастризме, завившему о себе в период правления поздних Ахеменидов. Это видно из его имени: «Жаман» на пехлеви означает «время», так же как и «Зарван» на языке Авесты. В мистической традиции зерванизма различаются два Зервана: Зерван Акарана и Зерван Даргахвадата. Последний олицетворяет собой время историческое, составленное из дискретных и преходящих фрагментов. В отличие от него, Зерван Акарана есть Время Вневременное, Вечность (Эон). Это индоевропейское Божество в эпоху эллинистического синкретизма оказало влияние на культ Леонтокефала — Львиноголового Бога митраистских мистерий, Которого считают тождественным «Князю Мрака» манихейских «Глав» («Кефалайя») и «Ялдобаофу» из «Апокрифа Иоанна» древних гностиков. Это и есть Бог Митра, о котором Дионисий Ареопagit говорит, что «маги до сих пор совершают празднования *тройному Митре*» (Дионисий Ареопagit, Сочинения. СПб, 2002. С. 793). Историк митраизма и раннего христианства Ганс Кепф, без всяких ссылок на Вирта, однако несомненно под его влиянием, объяснял тройственность Митры (Леонтокефала, Зервана-Жамана, Ялдобаофа и Князя Мрака) через его символическое тождество с двумя спутниками — Каутесом и Каутопатом. Эти юноши-факелоносцы обозначали, скорее всего, календарные точки возрастания (после Рождества Митры — Зимнего Солнцестояния, «Мрака») и убывания Солнца, т.к. факел Каутеса поднят вверх, а факел Каутопата опущен долу. На их тождество с Митрой указывает то, что нередко их обозначения (Deus Cautes, Deus Cautopates) уточнялись: «Deus invictus Mithras Cautes» или «...Cautopates». Главными атрибутами соратников зимнесолнцестоянского психопомпа были голова Тельца и Скорпион, соответственно. В римском календаре это суть символы весеннего и осеннего равноденствий. Находящийся между ними (С-М-СР) Митра соответствует точке Великого Юла — Зимнего Солнцеворота. Среди рисунков, приводимых Г. Виртом в наст. изд., под № 16: 22 мы видим изображение, очень близкое по смыслу к митраистскому С-М-СР. По версии Г. Кепфа, аббревиатура имени «третьего Митры» (СР) была позднее сведена к более простой форме (В). Получившаяся Триада дала имена трем рождественским Царям-Волхвам — Каспару, Мельхиору и Бальтасару (С-М-В), таинственным персидским магам, связу-

ющим христианство с миром индоевропейских мистерий. (Koerpf, Hans. *Mithras oder Christus*. Sigmaringen, 1987. S. 33, 66). — *Прим. пер.*

²⁰⁷ Помимо фризов в племенной союз ингвеонов входят также тевтоны, саксы, юты и др. племена (союз иствеонов — это предки франков, тогда как союз ирмионов — это саксонские племена, происходящие, по легенде, от правителя Ирмина, впоследствии обожествленного под именем Циу). По версии Гвидо фон Листа, «Ингво (ing-fo): 1) «тот, кто производит», «тот, кто сохраняет»; 2) «юный путешественник»; 3) «тот, кто решает на суде» <...> название племенного союза ингвеонов можно перевести: 1) «выходцы из истчника, завещанного предками»; 2) «странствующие юные потомки»; 3) «изменения, совершаемые по приговору судьбы». (Кормилицин С.В. *Тайны рун. Наследники Одина*. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 139—140). С точки зрения Гвидо фон Листа, ингвеоны являлись германским жречеством, тогда как иствеоны — сословием воинов, а ирмины (арманы) — сословием кормителей-земледельцев, Семанов (не путать с семнонами — было и такое германское племя). — *Прим. пер.*

²⁰⁸ «Эпоха Тельца — солнечная религия быка, эпоха Овна — солнечная религия ягненка Рамы, Отца как Агнца. Эпоха Рыб — религия рыбы Крестоса, Сына Солнца. Главная звезда в созвездии Тельца — Венера, которая вошла в систему как комета и осталась в ней как звезда. В ее блеске видны светящиеся рога, так что эта звезда представляет небесного быка. Венера «Зеленая», как называли ее египтяне. Поклонение быку есть поклонение Венере. Платон рассказывает, что короли Атлантиды приносили в жертву быка, одетые в костюмы ритуальных цветов, во фригийских колпаках, данных им богами. Именно в Овне родилась арийско-персо-атлантическая религия Митры, приносящего в жертву быка. Жертвоприношение Агнца происходит в начале Эры Рыб, — пишет известный чилийский мистик, литератор и последователь К.Г. Юнга Мигель Серрано, выражающий в ариософии синтетическую и не во всем «ортодоксальную» точку зрения («Воскрешение Героя», М. 1994), <...>. Вотан восстанавливает Руны и таким образом освобождается в Девятую ночь, возрождаясь и вручая нам Новый Футарк, который в IX в., под чуждыми влияниями был изменен в неудавшейся попытке его христианизации. В результате Руна Вотана — Одал — Odal — была утрачена. Взамен появилась Руна Nagal (Хагал) — Ж. Поэтому нас не должно удивлять то, что иудаизм присвоил себе этот знак магического и алхимического андрогината в виде так называемой Звезды Давида, шестиконечной звезды. Руна Nagal символизирует также Рыбу, Эру Рыб и, кроме того, является монограммой греческого Крестоса, Iesus Xristos, Эона, солнечного существа. Рыба, по-гречески — *ixtios*, с *i*, как и *iesous*; кроме того, это слово похоже на *Xristos*. «I» в *iesous* (и в *ixtios*) при пересечении с «X» в *Xristos* образует Руну Nagal. Это астрологический и алхимический символ, означающий также соединенных мужчину и женщину, Андрогина; его и ее, воссоединенных, связанных друг с другом (религиозно и мистически) (*religados* — исп.). Руна Nagal должна была символизировать Эзотерическое Христианство (*Xristianismo*) Эры Рыб, врученное Вотаном, сошедшим с «Дре-

ва Ужаса» (Левостороннего Креста) в Девятую Ночь. Ре-Лигию Абсолютного человека (Re-Ligion, религия, т.е. воссоединение), Андрогинного Крестоса (Xristos). Но 9 сменилось на иудейское 6 — «Звезду Давида», христианство экзотерическое и иудаизированное». — *Прим. пер.*

²⁰⁹ Священное торжество зимнего солнцеворота (сольстиса), когда день — самый короткий (dies brevissima), а Ночь — самая длинная, в Египте называлось кикеллиями, на латинском западе Римской империи — сатурналиями, на греческом востоке — крониями, а позднее «брумалиями» («амикалиями»), и днем Рождества Христова. Что касается сатурналий, празднование которых растягивалось, как правило, на целый месяц (начинаясь в конце ноября и заканчиваясь в конце декабря), то отдельные упоминания о «сатурнических действиях» засвидетельствованы еще в V в. н.э. В эти дни, как замечает Вирт, метаморфически и святотатски переворачивались все вещи: раб представлял императором, хозяин — слугой, человек — зверем, мужчина — женщиной, и т.д. Экстатические буйные процессии, с песнями, увеселениями, символическими дарами и разнузданными танцами, были призваны напомнить о Золотом Веке, Царстве Сатурна. Отсюда происходят вся позднейшая традиция европейских фашингов (карнавалов), обычай резать в декабре свиней, по ночам бегать с факелами и приветствовать друг друга возгласами «Долгой Жизни!» Во все века христианские моралисты осуждали эти спонтанные языческие «беснования». К примеру, на рубеже IV—V вв. Севериан в одной из проповедей говорит: «Вот наступают январские календы (Kalendae Januaries) и начинается демоническое торжество: выступает вся галерея идолов, и святотатству древних времен приносится в жертву [христианская] новизна. Представляют Сатурна, изображают Юпитера, принимают обличие Геракла, выставляют Диану с ее охотницами и водят Вулкана, изрыгающего свои безобразные слова. Кроме того, люди преобразуются в животных и мужчины в женщин — высмеивается благонравие, насилуется законность, производится издевательство над общественной нравственностью...». Подробнее см.: Ельницкий Л.А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // *Античность и Византия*. М.: Наука, 1975. С. 340—350; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Наука, 1965. — *Прим. пер.*

²¹⁰ В «Книге первой о жизни блаженного василевса Константина» (гл. 29 сл.) церковный историк Евсевий Памфил рассказывает о том, как знаменем ХРИСМЫ, явленным императору Константину сначала на небе, а затем — в пророческом сне, открылся тысячелетний зон христианской истории. Это знамение, пишет Евсевий, «имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье <руна ТЮР!> была поперечная рей, образовавшая с копьем знак креста, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа <...>. Эти буквы Царь впоследствии имел обычай носить и на шлеме». Рене Генон говорил, что буква «Р», наложенная на «обычную хрисму» (руну ХАГЕЛЬ), добавляет к символике кватернера идею «узких врат», поскольку это — «игольное ушко» (Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. М., 2000. С. 238—239), тогда как ариософ Гор-

слебен, найдя нумизматические изображения Хрисмы, относящиеся к 300 г. до Р.Х. (эпохе Птолемея III), настаивал, что Христос — это *Agisros* или *Naristos*, *Agahari*, и что имя Его, восходящее к руне ХАГЕЛЬ, сохранилось и в Индии (*Nari-hara* означает связь Вишну с Кришной), и у евреев (у которых *Heres* значит «Солнце»), и у арабов (*Naris* — «Хранитель»), и в Древней Греции («харизма», кентавр *Chiro-n*), и, разумеется, у германцев (*Aar* — «Солнце», *Aarman* — *Nari-Man*). (Gorsleben, 1930. S. 563—567). — *Прим. пер.*

²¹¹ Как говорится в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, под словом *Brattea* или *bractea* римляне разумели тонкий листок золота, на который было наложено штампом какое-либо изображение, выпуклое с одной стороны и вогнутое с другой. Такие листки предназначались для украшения мебели, тканей, статуй, ожерелий, колец и т.п. Б. выделывались особым работником, называвшимся «*aurifex brattearius*». Иногда штампом или матрицей брактеата служила монета. Так, в середине двух золотых диадем, найденных в Пантикапее, находится Б. с оттиском медалей Марка Аврелия и Коммода. Получающееся в таком случае некоторое сходство брактеатов с монетами дало повод многим нумизматам считать брактеаты античного мира — монетами (*pummi bracteati*). Так, Ленорман (*Lenormant*) и Беле (*Beulé*) принимают брактеаты с изображением совы за афинскую монету. Но Бабелон (*Babelon*) отвергает это мнение, доказывая, что Б. могли служить лишь украшением, хотя, в исключительных случаях, их могли класть в рот умерших для платы Харону при переправе через Стикс. В Средние века, до конца VII столетия, в Дании, Швеции, Норвегии и реже Германии чеканили золотые Б., но их тоже нельзя считать монетою. Они отличаются руническими или латинскими надписями, в большинстве случаев неразборчивыми, и изображениями, подражающими римским и византийским монетам. К началу VIII в. скандинавские народы прекратили чеканку Б. Только с XII столетия появляется в виде Б. Употребление их было чрезвычайно распространено в Германии, Венгрии, Швейцарии, Богемии, Польше и скандинавских государствах. Большая часть их из серебра, часто чрезвычайно чистого, весом по 16 штук в лоте. Они имели круглую, реже угольчатую форму, диаметром в 47—15 мм. На таких Б. помещали изображение государя или епископа, вокруг которого шла легенда (надпись). Года на Б. не встречается. Иногда, вместо одного, находились изображения нескольких лиц. Первые брактеаты-монеты были чеканены в Эрфурте, архиепископами майнцскими: Адальбертом II и Маркольфом (XII в.). Императорские германские Б. выпущены впервые около 1152 г. Фридрихом I Барбароссой. Первоначально Б. чеканили в Эрфурте, Эйзенахе, Мюльгаузере, Нордгаузене, Госларе и во всех городах Тюрингии. Отсюда они распространились уже по всей Германии. Наиболее изящные Б. относятся ко второй половине XII в. Уже к концу XIII столетия чеканка Б. становится небрежной, надпись неразборчивою, а равно уменьшается и вес, размер и проба, а следовательно, и цена Б. К концу XIV в. это — уже низкопробная монета. Появление в Богемии, а затем и в Германии грошей (*grossus*), чеканенных с двух сторон, мало-помалу вытеснило обращение Б. В Средние века Б. не имели особого названия

для своего обозначения. Они заменили денье (денарии) и пфенниги, от которых не отличались ни весом, ни названием или ценою, но лишь формой. Только к концу Средних веков им дают в Германии специальные названия: *Blechmünzen*, *Hohlmünzen*, *Blätterlinge*, *Pfaffenpfennige* и другие. — *Прим. пер.*

²¹¹ В современной профанической цивилизации, где абсолютное непонимание рунического, и всякого другого сакрального символизма становится чем-то вроде зловещей нормы, рунические мотивы появляются, как ни странно, все чаще и чаще. Это касается и дизайнерской орнаментики, и особенно настенной графики, где привычная русская брань стремительно вытесняется экзотическими симулякрами квазирунических рисунков. Конечно же, руническая тема настенных граффити напрочь — пока что — лишена и намека на благородную серьезность, это как бы кладбищенски-постмодернистская забава, эфемерная подделка, хаотический выплеск обезумевшей воли. Но все-таки, эта тема есть, и она свидетельствует о бессознательном влечении к архаическим символам, о влечении самих символов, об архаичности самого бессознательного. И особенно симптоматично, что из всего рунического строя, краткого (16 рун) или более древнего — полного (24 руны), в авангарде живого, гиперреалистического, постмодернистского «кладбища симулякров» к нам пришла древняя руна ЮР — в виде знаменитого «пацифика», иначе называемого «ЮР-идеграм» (J). Здесь нелишне напомнить, что руна ЮР — это руна смерти (*datex macabre!*), тогда как словом «идеграм» древние германцы называли веточку тиса — ингвеоны и гермионы клали ее на могилу, как символ Вечной Жизни и Воскресения, — в форме парадоксальной руны ЮР. На этой руне заканчивается краткий рунический ряд и с нее начинается руническое возрождение в России — в игровом контексте экопацифистских тинейджеровских граффити. — *Прим. пер.*

²¹² В «Младшей Эдде» рассказывается зимнесолнцестоянческий миф о том, как Боги обуздали чудовищного Волка по имени Фернир. После этого, в подтверждение того, что надетая на Фернира цепь прочна и надежна, Тюр поднес к пасти Волка свою правую руку, которую тот сразу же откусил. Отсюда — постоянный эпитет Тюра «однорукий», типологически соответствующий характеристике многих других зимнесолнцестоянческих персонажей как «хромающих», «одноглазых», «одноногих», ездящих на помеле или помелом погоняющих. Особенную тему составляют слепые, лишенные глаз от рождения, по воле судьбы или по воле Божией. Их мы находим и среди древних провидцев (Терисий), и среди праотцев (Исаак, Иаков) или освободителей народа (Самсон), и среди вещей поэтов (Гомер), и т.д. С ариософско-календарной точки зрения мы можем рассматривать этих (в большинстве случаев — мифических) персонажей как проекцию Прамифа, Мифа-Матрицы всей мифологии, повествующего о Зимнем Солнцестоянии, о прозрении, пробуждении после долгой полярной ночи и т.д. — *Прим. пер.*

²¹⁴ Диодор — греческий историк, современник Юлия Цезаря и Августа. Родился в Сицилии; ради своего исторического труда объехал большую часть Европы и Азии, затем поселился в Риме, где занялся обработкой ма-

териала; так возникла, после 30 лет труда (не ранее 21 г. до Р.Х.), его «Библиотека» — история всех стран и народов. Она охватывала в 40 книгах 100 лет, от мифической эпохи до завоевания Галлии Цезарем. До нас дошли первые пять книг, где изложена история египтян, эфиопов, ассирийцев и древнейшая греков; затем XI—XX кн., где рассказаны войны с персами в 480—301 гг. до н.э. Фотий приводит выписки из книги XXXI и след., относящихся к эпохе гражданских войн, до возвращения Помпея из Азии. По данным самого Д. можно с большой вероятностью проследить его источники: для Азии он, кажется, пользовался Ктезием, для Египта — Гекатеем, для Индии — Мегасфеном, для Греции — Эфором, для Александра Великого — Клитархом, Каллисфеном и Дурисом, для Сицилии — Тимеем, для ранней римской истории, может быть, — Фабием Пиктором, для первой Пунической войны — Филином, позднее Полибием, Посидонием. Ввиду недостатка критичности у Д., в литературе была высказана гипотеза, что его сочинения дошли до нас не в подлиннике, а в переработке. — *Прим. пер.*

²¹⁵ Ввиду того, что в сообщении Диодора приводятся некоторые подробности из жизни гиперборейцев, на которых Вирт не посчитал нужным останавливаться, мы приводим этот пассаж в несколько расширенном виде, ибо каждая строка загадочного первоисточника подтверждает атлантидордическую теорию Г. Вирта. — *Прим. пер.*

²¹⁶ Поскольку в «Илиаде» Аполлон описан как Бог, враждебный ахейцам (Он убивает Патрокла, обманом уводит Ахилла от Гектора и сеет болезни в стане Агамемнона), исследователи мифологии еще в середине XIX в. опознали Его как Бога, пришедшего в Элладу откуда-то с Севера (Mueller K.O. *Geschichten Hellenischer Staemme und Staedte*. Bd. II, Breslau, 1844. S. 202 ff.). В пользу такого вывода говорит то, что в текстах линейного письма В имя Аполлона не встречается ни разу. Однако светлую догадку К. Мюллера на долгие годы заслонило авторитетное предположение патриарха классической филологии Ульриха фон Вилламовица-Меллендорфа, заключившего (в статье 1903 г.), что если Аполлон защищает от греков малоазиатский город Трою, то, стало быть, Он является Богом малоазиатского происхождения. Однако дальнейшие исследования — дешифровка хеттской иероглифики и клинописи, изучение позднеанатолийских языков и т.д. — не оставили от построений Вилламовица камня на камне. Последовала гипотеза Б. Грозного (1930-е), сблизившего комплекс иероглифических знаков из Эмир-Гази, внешне напоминающий ворота, с теонимом *Aruḫnas*, который выводился из вавилонского *abullu* — «ворота». Концепция Грозного подкреплялась тем, что в древности Аполлон почитался как «Уличный» и «Дверной» Бог. Однако и месопотамская гипотеза продержалась недолго — до тех пор, пока Э.Ларш убедительно не опроверг (1954) предложенную Грозным фонетическую интерпретацию знаков и сходство идеограммы с воротами. Поскольку «анатолийская» теория происхождения Аполлона (*ex oriente*) до сих пор поддерживается многими учеными, не принявшими выводов Мюллера—Вирта, укажем на ее слабые места: во-первых, у нас нет ни одного источника, который бы свидетельствовал о почитании Аполлона в

хетто-лувийских областях Анатолии, что было бы необходимо для подтверждения теории Виламовица и др. Во-вторых, даже в позднеанатолийское время мы не находим ни одного туземного личного имени, которое включало бы интересующий нас атлантико-нордический теоним. В-третьих, существует достаточное количество этимологических указаний на культурные пересечения в древнейшие времена между племенами греко-македоно-фригийской общности и племенами древнеевропейского ареала. В частности, это касается и теонима «Аполлон», родственного, как показали лингвисты, древнеанглийскому слову *afol* — «сила», германскому *deabus Aflioms* — «Мощными Богинями», и т.д. — *Прим. пер.*

²¹⁷ Знаменитое высказывание Пиндара, что «ни морем ни сушей» в страну гиперборейцев пути не найти («Пифийские оды», X 27—47), говорит нам о трудностижизности «внутренней» («небесной») Гипербореи, подлинной Родины европейцев, как в 1-й главе «Антихриста» утверждал Ф. Ницше. Позволим себе процитировать ее в оригинале, благо перевод В.А. Флеровой доступен практически каждому: «*Sehn wir uns ins Gesicht. Wir sind Hyperboreer — wir wissen gut genug, wie abseits wir leben. «Weder zu Lande noch zu Wasser wirst du den Weg zu den Hyperboreern finden»: das hat schon Pindar von uns gewußt. Jenseits des Nordens, des Eises, des Todes — unser Leben, unser Glück . . . Wir haben das Glück entdeckt, wir wissen den Weg, wir fanden den Ausgang aus ganzen Jahrtausenden des Labyrinths. Wer fand ihn sonst? — Der moderne Mensch etwa? — «Ich weiß nicht aus noch ein; ich bin alles, was nicht aus noch ein weiß» — seufzt der moderne Mensch . . . An dieser Modernität waren wir krank, — am faulen Frieden, am feigen Kompromiß, an der ganzen tugendhaften Unsauberkeit des modernen Ja und Nein. Diese Toleranz und largeur des Herzens, die alles «verzeiht», weil sie alles «begreift», ist Schiroke für uns. Lieber im Eise leben, als unter modernen Tugenden und andern Südwinden! . . . Wir waren tapfer genug, wir schonten weder uns noch andere: aber wir wußten lange nicht, *wobin* mit unsrer Tapferkeit. Wir wurden düster, man hieß uns Fatalisten. *Unser* Fatum — das war die Fülle, die Spannung, die Stauung der Kräfte. Wir düsteten nach Blitz und Taten, wir blieben am fernsten vom Glück der Schwächlinge, von der «Ergebung» . . . Ein Gewitter war in unsrer Luft, die Natur, die wir sind, verfinsterte sich — *denn wir hatten keinen Weg*. Formel unsres Glücks: ein Ja, ein Nein, eine gerade Linie, ein Ziel . . .».*

 — *Прим. пер.*

²¹⁸ Улеборден представляют собой перекладыны, балки, коньки на крышах старинных фризских построек, где изображались разнообразные животные, календарно-солярно-рунические символы и т.д. Бессознательному изучению этих элементов народного быта была посвящена вся юность Вирта, тогда как сознательно-научным и систематизированным изучение «улеборденов» для Вирта стало в 1900-е гг., в годы активного изучения голландского фольклора и создания его интерпретативной модели, основанной на парадигме годового круга. В последующие годы, ознаменованные для Вирта активной деятельностью в «народническом» (фэлькиш) движении, шла работа над уточнением уже вызревшей гиперборейской, атлантико-нордической теории, с привлечением дополнительного материала традиционных се-

верных орнаментов, диалектовых деталей и т.д. Расширению этнографической базы теории Вирта сильно способствовали его «полевые» работы в молодежном «туристическом» (а по-сути мистико-народно-патриотическом) движении «Перелетных птиц», экспедиции и просто походы в деревни, к наследникам древних ингвеонов, в глубинку, туда, где память о своих корнях сохранилась в песнях, в быту, в традиционной архитектуре, на уровне национального бессознательного. Основные интуиции Вирта идут оттуда. И лишь позднее на них как бы наслаивались разнообразные познания в филологии, компаративной мифологии, археологии, религиоведении и т.д. Если эрудиция действительно вторична по отношению к душе, то душа — это главная априорная схема всего ариософского поиска, изначально и бесконечно замороженного «мифом нации» (О.Ю. Пленков) и «старой мечтой» (Джост Херманн) о Вечном Возвращении (Армин Мо-лер). — *Прим. пер.*

²¹⁹ В «Младшей Эдде» перечисляются имена только 12-ти скандинавских асов: Один, Тор, Ньерд, Тюр, Браги, Хеймдалль, Хед, Видар, Вали, Улль, Форсети, Локи, хотя традиция знает, что в действительности их намного больше. В некоторых источниках к асам относятся сыновья Одина Бальдр и Фрейр, а также Модри и Магни, которые являются сыновьями Тора, и ряд других персонажей. — *Прим. пер.*

²²⁰ Вероятно, в первом (и, вопреки желанию Вирта, так и оставшемся единственным) издании «Хроники...» порядок иллюстраций не совсем соответствует порядку описаний (как в данном случае, явно относящемся к рис. 20). Вряд ли это делалось с ведома Вирта. Но в этой типографской путанице, в небрежном обращении с гиперборейскими символами также можно увидеть особую символическую логику, оставляющую читателю место и время для спонтанной догадки, интуитивного подозрения, напряженной герменевтической работы, к чему, собственно, и призывает ариософская методология расшифровки мифов и других символических посланий древности. — *Прим. пер.*

²²¹ Хотя запланированная книга Вирта так и не вышла, другой, не менее известный религиовед, румынский историк архаических культов и мистерий Мирча Элиаде отчасти выполнил поставленные Виртом задачи, написав в 1953 г. любопытный текст под названием «Мать-Земля и космические иерогамии» (*La Terre-Mère et les hiérogamies cosmiques // Eliade M. Mythes, rites et mystères. P., Gallimard, 1957 (1990), p. 192—233*). Культ Великой Матери (*die Ur-Mutter, la Grande Genetrix*), как показывает Элиаде в этой работе, является мифологической константой, присутствующей не только в средиземноморских, но и в очень многих других религиях. Элиаде ссылается прежде всего на верования американских индейцев (навахо, ирокезов, яруро и т.д.), представления аборигенов Океании (Индонезии и Микронезии), традиции древних китайцев и римлян. Мельком упоминает также и герметичку, давая понять, что это — особая тема. Для Элиаде было важным показать, что чрезвычайно древние, праисторические сюжеты (космогонические, инициатические, солярные и лунарные) продолжали существовать в

символическом языке последующих эпох, зачастую получая иное понимание, либо даже (случай крайний, но нередкий) не получая вообще никакого понимания. В этом ключе румынский религиовед рассматривал миф о «человеке, рожденном Землею», т.е. буквально, вышедшем из земных недр (рвов, канав, пещер) на поверхность. Отсюда — повсеместные в Европе названия источников и скал: Kinderbunnen, Kinderteiche, Bubenquellen и т.д. (Dietrich A. Mutter Erde, ein Versuch ueber Volksreligion, 1925, S.19 ff., 126 ff.) Все эти «местные легенды», «суеверия» и «просто метафоры», по единодушному мнению Элиаде, Вирта и Дитриха, являются отголосками очень древнего мифологического субстрата, который традиционалистами называется Примордиальной Традицией, Традицией Норда, Арктической Родины. Это и есть Terra Mater (Tellus Mater), о которой в сборнике «Северный Свет» написал великолепные стихи немецкий поэт-романтик Теодор Дойблер (1876—1934): «Dennoch hoere, Erde, mich: ich bin auch ein Kind von dir! // Erde, ach, ich liebe dich, Liebe ist mein Erdensang // Erde, liebe deinen Sohn, wie die Pflanze, wie das Tier! // Erde, warum bin ich hier liebesarm und totenbang?» (Daebler, Theodor. Das Nordlicht. Bd. II, Lpz., 1922. S. 471). В славянской традиции, на глубинном уровне русских этнокультурных архетипов, Русь также является Матерью-Землей, прародительницей богоносного народа и даже Матерью по отношению ко всем прочим землям: «Светла Русь земля — всем землям Мать», — говорится в стихе о Голубиной книге. Особенное значение в этой связи приобретает сохранившаяся у беспоповцев и идущая как минимум от стригольников XIV в. народная традиция исповеди Матери-Земле. Священная Мать-Земля дает своим чадам очищающую силу и просветление, поэтому даже название индогерманских народов (арьи) нередко сближается с русским понятием «оратай» — пахарь, человек от сохи, былинный богатырь, русский Одалинг. — *Прим. пер.*

²²² Символическая деталь нидерландских «улеборденов», солнечное колесо, то есть круг с двумя перпендикулярными диаметрами, называется, как известно, «кельтским крестом». Иллюстрированную историю этого символа не так давно подготовил и опубликовал известный историк мистицизма и теоретик европейского неоязыческого движения Найджел Пенник, являющийся, кстати, автором нашумевшей книги «Hitler's Secret Sciences» (Sudbury, 1981), а также переведенного на русский язык исследования о тайных письменах (Пенник, Н. Магические алфавиты. Киев, 1996). По жанру работу Пенника про кельтский крест (Pennick, Nigel. The Celtic Cross. An illustrated history and celebration. London, 1997) можно было бы назвать «этнорелигиоведческим очерком»: большое количество иллюстраций представляет историю «солнечного колеса», главным образом на ирландском (но также и — германском, славянском, хеттском и т.д.) материале. В библиографии (вполне достаточной для такой работы) упоминаются, кстати, сочинения Германа Вирта, считавшего кельтский крест парадигматической матрицей всего атланти-нордического, примордиального Бытия и Времени. В этой традиции, восстановленной, по мнению Вирта, «Галилеейном из страны рогатых дольменов», знак кельтского креста получает дополнительные, во многом утра-

ченные и самим язычеством, сверхкосмологические уровни интерпретации. Так, в шестом поучении аввы Дорофея говорится следующее: «представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром; а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга — Бог; радиусы же, т.е. прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Так, на сколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе к Богу и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, сколько приближаются и к Богу. Так разумеете и об удалении». — *Прим. пер.*

²²³ Точка, расположенная в самом центре окружности, в алхимии является символом золота, тогда как в ариософии этот знак трактуется, как правило, в календарном («Юл как центр годового круга», «Эон в Хроносе») или онтологическом смысле: «непреходящее в преходящем», «Перводвигатель», «неподвижная ступица вертящегося колеса». Бог, имеющий, по традиционным представлениям, внутренний Центр и циркумполярную Периферию, иногда описывается как «бесконечная Сфера, центр которой везде, а окружность нигде» (*sphaera infinita cuius centrum est ubique, circumferentia nusquam*). За такой идеей стоит конкретный, правда, в современном мире редкий и труднодостижимый инициатический опыт богопереживания: ощущение того, что «кругом, возможно, Бог» (А. Введенский). Ренессансные герметики Марсилио Фичино и Роберт Флаад приписывали «авторство» этой теории легендарному Гермесу Трисмегисту, а Николай Кузанский (*De docta ignorantia*, II, cap. 2), вполне в духе *theologia teutonica*, перенес ее на Вселенную, которая таким образом обрела повсеместный Центр, совпадающий с Богом. Затем это определение мироздания воспроизвел Джордано Бруно, сказавший в трактате «О Причине, Начале и Едином», что «Вселенная есть целиком центр <...> центр Вселенной повсюду <...> окружность не имеется ни в какой части, поскольку она отличается от центра», а также, *как бы* противореча самому себе, что «Окружность повсюду, но центр нигде не находится, поскольку он от нее отличен». (Антология мировой философии. М.: Наука, 1967. Т. II. С. 164). Первая из мыслей Бруно была повторена Блезом Паскалем и великим украинским герметиком Григорием Саввичем Сковородой, писавшим, что Бог есть «натура» (т.е. природа), означающая «тайную экономию той вечной и премудрой силы, которая имеет свой центр везде, а периферию — нигде, и которой действие называется тайным законом, по всей материи разлитым, без пространства и времени». В XX в. знаменитый маг Алистер Кроули, причастный тайнам герметизма и германской ариософии непосредственно, в «Книге Закона» (II, 3) будет осмыслять ту же праисторическую идеограмму в терминах египетской мифологии, где Хадит соответствует Пуруше, вездесущему центру проявления и Оси Мира, тогда как Нуит соответствует Пракрити и космической Периферии. От лица Хадита Кроули властно заявляет: «Я — вездесущий центр каждой сферы, равно как и они — окружность, пребывающая

нигде». Хадит везде, а Нуит — нигде. Другой известный мистик, Рене Генон, не любивший Алистера за его эпатаж и египтянство, на ниве которого тот превзошел самого Бруно, выдвинул обратный тезис, по существу, восходящий ко второму из бруновских предположений: «Вселенная — это сфера, где окружность везде, а центр нигде» («Символизм креста»). — *Прим. пер.*

²²⁴ История Лоэнгрин (Lohengrin, Lohegrangin), Рыцаря с Лебедем (chevalier au cygne), входит в группу средневерхненемецких и старофранцузских сказаний, которые, по мнению исследователей, восходят к древним германским, а также кельтским преданиям. Литературную обработку этого сюжета выполнили сначала братья Гримм («Лоэнгрин и Брабанте» — в «Германских героических сказаниях»), а затем — Рихард Вагнер (в одноименной опере). По нижнерейнскому сказанию, Лебединый Рыцарь (Schwanenritter) — это сын Парцифала, рыцарь, являющийся в лодке, запряженной лебедем, из Неведомой Страны Грааля, освобождающий юную герцогиню от ненавистного жениха и вступающий с ней в брак, но принужденный ее покинуть, так как она, невзирая на запрещение, старается допытаться его происхождения. Сказание это мифологического происхождения; в Средние века оно не раз поэтически перерабатывалось. Так, во французском, принадлежащем XII в., «Roman du chevalier au cygne» (Брюссель, 1846—1848) сказание относится к Готфриду Бульонскому, между тем как Вольфрам фон Эшенбах в заключении своего «Парсиваля» переносит его на Логерангина (Лоэнгрин), сына короля Святого Грааля, Парцифала. Ему следовал ранее, 1290 г., анонимный автор пространной поэмы: «Лоэнгрин». Интересна такая деталь: когда Совет Грааля выбрал Лоэнгрин для освобождения герцогини Эльзы, Лоэнгрин, не медля, готов уже был сунуть ногу в стремя, но «на воде возник лебедь, тянущий за собой ладью. Увидев лебедя, Лоэнгрин тут же воскликнул: „Отведите коня в стойло, я последую за этой птицей, куда бы она меня не привела“. Веря во всемогущество Бога, он не взял с собой в ладью никакой пищи. <...>. Лебедь кормил рыцаря». (Ранк, Отто. Миф о рождении героя. М., К., 1997. С. 211—217). — *Прим. пер.*

²²⁵ С точки зрения ариософии, Илья Муромец — это Свет Божий, Сын Божий, Ил из Мо-Уру, сакрального центра праисторического Времени. Сохранившиеся свидетельства об этом Бога-Тыре, безусловно, являются лишь далеким отголоском, в значительной степени обесмысленным рудиментом атлантико-нордического примордиального гнозиса. Сообщается, например, что он 30 лет «сидел сиднем», «сидел седуном», не слезал с печи, но затем, по исполнении времен, испил чудесной водицы. Эту водицу ему дали «люди прохожие», чудесные странники, «посвященные от народа» (выражение Н. Клюева). После этого доселе ослабленный, немощный Илюша встал и сказал принципиальную вещь: «Слышу в себе силушку великую», а после этого отправился на богатырские подвиги. В том, что герой «тридцать лет был больной, сидел на гноище» (Пропп В.Я. Русский героический эпос. — 2-е изд., М., 1958. С. 224—267), можно видеть указание на «плероматический» цикл, «долгие зори», предшествующие Абсолютному Рассвету. Классик арктической теории Б.Г. Тилак, рассматривая некоторые сюжеты

славянского предания, например, про Кощея, трех братьев и т.д. (ук. соч., с. 432 сл.), на истории Илии не останавливается. Некоторые догадки, связанные с этим таинственным образом, можно найти у А.Г. Дугина — в «Мистериях Евразии», и у самого Вирта, который отождествляет Илью Муромца с Il-maginet, Небесным Кузнецом, Богом-Топором и громовиком финской мифологической традиции. По Вирту, Илья-Элиас изначально был Сыном Божиим, разъезжавшим на своих шести огненных конях по поднебесью. Затем, Илиа — это Олень, Elch, и в таком виде мы можем его видеть в сакральной символике народов, проживающих от северо-востока Европы до Кавказа. (Wirth, Aufgang. S. 319). — *Прим. пер.*

²²⁶ Название Venetien (Венеция) происходит, по мнению многих историков, от названия одного из славнейших славянских племен — «венеды». «Ваны. Вятичи. Вены («вене» — так и поныне называют русских эстонцы). Венеды. Венеты. Венды. Генеты. Енеты. Это названия одного и того же народа на разных территориях и в разное время. И сверх того: славяне, словене, словаки, ставаны... И это — от народа ванов». (Щербаков В.И. Асгард — город Богов. М., 1991. С. 229). В Европе, в частности в Германии, до сих пор живет народ вендов, или лужицких сербов, которые, как известно, относятся к западным славянам. Вероятно, те венеты, которые проявили себя более трех тысячелетий назад, относятся к предкам вендов современных, поскольку, как показали исследования лингвистов, язык венетских надписей на Адриатике родственен не только германским, но и славянским языкам. При этом особенно важно, что древнегреческие авторы именovali прибалтийских венетов разными именами, вращающимися вокруг некоторого единого протокорня: «энеы», «винды», «инды»... В этой связи русский историк В.Е. Шамбаров высказал интересное предположение, что в действительности «мы имеем дело с разными ветвями одного и того же древнеарийского народа, одна из которых шла на запад, „к последнему морю“, а другая — на юго-восток, где покорила Индию, дав ей свое имя и став предками современного народа хинди». (Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 448 с. С. 115). Для нас же особенно значимо, что «вендами» или «венетами» римляне и германцы называли славян, а также то, что в финских языках это название сохранилось за славянами до сих пор. — *Прим. пер.*

²²⁷ На символическом уровне здесь вполне уместна аналогия с восьмиконечным крестом, нижняя перекладина которого толкуется в православной традиции как указание на посмертную судьбу двух распятых рядом с Христом разбойников — «благочестивого» и «нечестивого». С ариософской точки зрения это явное указание на crucialную точку календарной метаморфозы — зимний сольстис и связанное с ним стремительное умаление Ветхого и столь же стремительное, эксплозивное и праздничное возрастание Нового. Поэтому совершенно обоснованным представляется неприятие ревнителями древлего благочестия церковной реформы патриарха Никона, заменившей изображение на просфорах традиционного Голгофского Креста на четырехконечный «латинский крж»: «... а вместо того Спа-

сителева креста на просвиры положили нововозникшую Змиеву древнюю злобу, на чем был при Моисее повешен змий медной по указу на объявление всем нам» — писал про эту существенную замену эсхатологически настроенный проповедник гарей дьякон Игнатий Соловецкий, обыгрывая при этом известную историю из книги Исход (IV: 2—4). (Игнатий Соловецкий. Книга о титле на Кресте, гл. 2: «О кресте и крыже» // Памятники старообрядческой письменности. СПб.: РХГИ, 2000. 384с. С. 73). Также и надпись на титле — против чего главным образом и протестовал св. Игнатий — была заменена с традиционной древлеправославной И.Х.Ц.С. (*Исус Христос Царь Славы*) на новообрядчески-никонианскую И.Х.Ц.И. (*Исус Христос Царь Иудейский*), заимствованную от «латынников» («папажников»), то есть из Римской церкви. Кстати, ее наиболее гностические (вальденские, катарские, тамплиерские, альбигойские и т.д.) представители расшифровывали заимствованное никонианами I.N.R.I (*Iesus Nazaræus Rex Iudæorum*) как *In Nobis Regnat Iesus* — «В Нас Царит Исус», либо, в герметическом прочтении, как *Igne Natura Renovatur Integra* — «Огнем Естество Обновляется Всецело» (Канселье Эжен. Алхимия. Несколько очерков по Герметической символике и Философской Практике. М.: Энигма, 2002. С. 139 сл.). Такая тактика интерпретации носит название псевдоморфоза: общие контуры интерпретируемого сюжета остаются при этом неизменными, тогда как внутренний смысл меняется, причем нередко на прямо противоположный. В рамках авраамических традиций большинство магических (оперативных), а нередко даже и мистических (контемплативных) практик и направлений содержит в себе явные черты псевдоморфоза: в христианстве это касается «германской веры», умеренного катаризма, отчасти — и францисканства, в исламе — некоторых суфийских тарикатов, в иудаизме — ряда псевдомессианских движений, гностических сект и каббалистических школ. — *Прим. пер.*

²²⁸ По устоявшемуся в этнографической и мифологической литературе воззрению, выраженному, в частности, немецким историком религии Германом Юнкером, «конь является арийским символом времени» (Junker H. *Ueber iranische Quellen der hellenistischen Aion-Vorstellungen // Vortraege der Bibliothek Warburg*, I, 1921/1922. Lpz.-Berlin, 1923. S. 149, 153). Колесница Сатурна, см. также 20-ю главу книги Р.В. Багдасарова «Неуместные Боги» // *Волшебная гора.VIII*. М.: РИЦ «Пилигрим», 2002. С. 267—271. Другой известный мифолог говорил об этой древней символике еще более прямолинейно, указывая на Север как единственную прародину соляной идеи. «Идея Солнца как Божества, едущего вокруг Земли на огненных конях, может происходить только с Севера. Только там Солнце катит по кругу вдоль горизонта... И то же самое касается также и свастики. Это — солнечное колесо, которое движется по кругу с Востока на Запад, слева направо, вокруг поверхности Земли, на которой обитают люди». (Turner H.A. (Hg.) *Hitler aus naechster Naehе. Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929—1932*. В./Wien, 1978. S. 164). — *Прим. пер.*

²²⁹ По другой версии, которой придерживается русский этнолог Валерий Евгеньевич Шамбаров, библейские филистимляне, «пелиштим», про-

исходят от пеласгов, которые переселились в Палестину с Крита, поэтому, в частности, заселенное пеласгами побережье Средиземного моря называлось у иудеев «критским югом» (1 Цар. 30: 14; Иез. 25: 16; Иер. 47: 4). «Хабирю» считали «пелиштим» близкими сородичами «кафтриев» (критян), происходящими от единого корня (Быт. 10: 14). Археологические раскопки в этом регионе полностью подтвердили такие подозрения, обнаружив полную идентичность с культурой древнего Крита (Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 448 с. С.105). Причиной миграции критских пеласгов было, согласно этой теории, мощное извержение вулкана, уничтожившее великолепные дворцы и храмы главных минойских городов. Нетрудно заметить, что всем этим данным концепция Вирта несколько не противоречит, поскольку речь в ней идет о временах намного более отдаленных, когда пеласги входили в единую и неразделенную праиндоевропейскую общность народов Севера. — *Прим. пер.*

²³⁰ Из огромного количества публикаций, посвященных Фестскому диску (ок. 1500 г. до н.э.) укажем здесь лишь на работы Гюнтера Ипсена (1929) и Гюнтера Ноймана (1968), опубликованные в академическом сборнике «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки». (М., 1976. С. 31—82). Интерпретации того языка, на котором были выполнены надписи Фестского диска, давались самые различные. А.А. Молчанов в своей работе «Таинственные письмена первых европейцев» (М., Наука, 1980. С. 45 сл.) приводит очень широкий разброс гипотез, сближающих этот язык то с египетскими иероглифами (А. Кюни, 1911), то с другими североафриканскими наречиями (Р. Макалистер, К. Еппесен), то языками Малой Азии (д-р Маккензи, А. Эванс), то с лувийскими иероглифами (Вл. Георгиев), то с критскими надписями, относящимися к кносской культуре (А. Пернье), то с греческим иератическим силлабарием (Дж. Хемпл). Интерпретации разнятся диаметрально. Для одних ученых надпись на Фестском диске — это гимн в честь Зевса и Минотавра, составленный на некоем индоевропейском языке, близком латинскому (мнение немца Эрнста Шертеля), а для других — откровенно семитический текст, восхваляющий «Всевышнего» (гипотеза американца Сайруса Гордона). В последнем случае надпись пытались прочитать так: «Всевышний — это Божество, Звезда Могуущественных Тронов, Всевышний — это Нежность Угешительных Слов, Всевышний — это Даритель Предсказаний, Всевышний — это Белок Яйца ...» и т.д. Графический метод прочтения этих рисуночных знаков дал французскому толкователю Марселю Омэ еще более интересный результат: по его мнению, на диске содержится достаточно подробный рассказ о гибели Атлантиды. А англичанин Ф. Гордон «прочитал» на диске следующие поэтические строки: «...Владыка, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, Звездокаратель, пенистая пучина вод, Псорыба, Каратель на ползучем цветке, Владыка, Каратель лошадиной шкуры (поверхности скалы), Пес, взбирающийся по тропе, Пес, лапой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...» С нашей точки зрения, наиболее убедительна расшифровка А.Г. Кифишина, который, великолепно владея

древнешумерскими идеограммами, расшифровал Фестский диск так: «Убийства (по) суду: если (в) святилище (в) нутре растет Медведь (как) семя (земной) царицы. (И) если Медведь — (это) Медведь (земной) женщины. (Но) если мертвец (остался) внутри Рыбы, — (то тогда) (он) растет как семя (земной) царицы — (как) Владыка Ану. Владыка Ану (станет) великим предком, если (под) Крылом пронзенной Птицы совершит суд Инанна, (и тогда) Владыка (т.е. Медведь) будет связан (под) Крылом, — если (этот) Владыка (в) нутре (земной) царицы будет бит (и) если (все это будет) (в) области Утубога. (Что касается) мертвых (по) разуму, (они появляются) когда Владыка Ану будет судим (богом) Уту — в виде червя (на) ладе зерна, — (тогда это) установленное (т.е. справедливое) бытие. (И) Птица будет пронзена, если (под) Крылом (среди) убитых Владыка Ану станет превеликим, (подобно) Рыбе Солнца (Уту?). Птица (также) будет пронзена, если (на) ладе зерна червь будет судим Уту (богом) (по) установленному (ритуалу) бытия. Птица будет пронзена, если Владыка Ану (сам достигнет) Скорпиона: (если такая) судьба (у) Владыки Ану, (то) тогда будет судить (= резать) Инанна, (а) вязать (суд) будет (сама) Улитка-Мать. Умерщвлением (без суда считается), если Уту (сам) свяжет (суд под) Крылом, согласно зерну, как голове бога. Тогда Владыка Ану может стать великим среди убитых (под) Крылом, (ибо) убийство (без суда — в компетенции) зерна — главы богов» (Кифишин А.Г. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII—III тыс. до н.э. Том I. К.: Аратта, 2001. С. 652—654). — *Прим. пер.*

²³¹ Обозначение человека в разных культурах, традициях и религиозных системах, обладающее непреходящим значением для реконструкции базовых самоопределений наших предков, а также сопоставления имплицитных антропологий различных культурных кругов, заслуживает всестороннего этимологического и типологического рассмотрения. Здесь выделяются как минимум три различные группы «людей»: 1. *Человек Размышляющий, Человек-Мысль*: индогерманское понимание, происходящее от рунической протоосновы «тап»: санскритское «tapushya, tapisco» и множество производных европейских понятий, которые означают «того, кто мыслит, или того, кто наделен Духом» (Одалой, Одом Божьм, Духом Вральды и т.д.).

2. *Человек Наблюдающий, Человек-Взгляд*: древнегреческая трактовка, производящая ὁ ἀνθρώπος либо от ἀνω ἀφρεῖν («взгляд, запрокинутый ввысь»), либо от корня ἀνθ-: ἀνθος, ἀνθήω, ἀνθηρός — цветок, цвести, цветущий, блистательный. 3. *Человек Телесный, Человек-Материя*: человек индоевропейского понятийного круга, системой коннотаций выделенный в своем «земляном», телесно-материальном аспекте: Адам Красная Глина, homo как humus и т.д. При этом мысль и взгляд едины в понятии умозрения, небесной светозарности внутреннего ока. Интересные результаты дает также определение лексико-семасиологических универсалий, позволяющее вывести сравнительное ариософское этимологизирование далеко за пределы стандартных фонетических законов. (См., например: Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.) Это значит,

что родственными могут оказаться слова, на фонетическом и литеральном (совсем уже внешнем) уровне никак между собой не связанные. Так, немецкий историк религии и крупный филолог Леопольд фон Шредер доказывал, к примеру, родственность греческого «Гелиос» и санскритского «Сурья», сходства между которыми лежат на очень большой глубине: Helios-Svelios-Saur-Sor-Sûrya. (Schroeder, Leopold von. *Arische Religion*. Leipzig. 1923. Bd. I-II. Bd. II. S. 62, 223). К этому глубинному праиндоевропейскому языковому субстрату относятся понятия Священного. Например, общая для индоевропейских языков основа *deiwos*, представляющая Божественное начало небесным и светоносным. — *Прим. пер.*

²³² Общеиндоевропейское представление о смерти никогда не видело в ней чего-то фатального и окончательного. Наоборот, этот торжественный факт воспринимался как прекрасный и по-своему радостный ритуал, цель и форма проведения которого целиком были подчинены идее грядущего возрождения и перерождения, о чем напрямую свидетельствуют многие ингушские формулы, рудименты обрядов кремации, а также символические «спутники», сопровождающие «покойника» в его загробной жизни, в данном случае — трилистник, символ регенерации и Новой Жизни. Нюма Дени Фюстель де Кюланж (1830—1889) в своей работе «Древний город» писал: «Как бы глубоко мы ни погружались в историю индоевропейской расы, ветвями которой являются греческие и италийские народы, мы не отыщем свидетельств, что представители этой расы когда-либо верили в то, что по истечении краткой земной жизни для человека все заканчивается. Самые древние поколения задолго до появления каких-либо философов верили, что за гранью жизни начинается новое существование. Они рассматривали смерть не как распад бытия, но как простую перемену формы жизни» (Fustel de Coulanges, *La cite antique*, P., 1893. P. 7). — *Прим. пер.*

²³³ «Ведьмина лапа» — так в народных повериях германцев называется пентаграмма. «Вирт утверждает, что „Druide“, „ведьма“ — это искаженное слово «Þrūd» эпохи скальдов, т.е. имя матери Тора. Об этой богине почти ничего не известно. Вирт полагает, что ее смысл практически исчерпывается пентаграммой как сакральным календарным символом, обозначающим зимнее солнцестояние, Новый Год, Юл». (Дугин А.Г. Пентаграмма // Дугин А.Г. Конспирология. М., РОФ «Евразия», 2005. С. 293). Чуть ниже мы увидим, что для Вирта Богиня Þrūd была прежде всего девой-градоправительницей, сакрально-культовое значение которой в скальдическую (христианскую) эпоху перестало пониматься и было облечено в пестрые наряды мифа, в результате чего возник образ ведьмы. Кроме Вирта реконструкцией дохристианских корней образа ведьмы были заняты многие авторы: так, например, жена одного из ближайших сподвижников Гитлера Матильда Людendorф выпустила еще в 20-е гг. специальную работу под названием «Христианская жестокость в отношении немецких женщин». Затем к реабилитации ведьм подключился главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг, считавший, что преследование ведьм католической церковью являлось продолжением агрессии «азиатского народа этрусков», направлен-

ной против «свободной, прямой и здоровой» традиции Норда. Через несколько лет после «Мифа XX века» вышла работа крупного германиста Отто Хефлера «Тайные (культовые мужские) союзы германцев», где мотив Дикой Охоты Вотана и Его свиты толковался как отголосок существовавшего с незапамятных времен общеевропейского обычая охотиться на ведьм, которые признавались Хефлером хранительницами более древней матриархальной традиции. Подробнее см. в нашей статье: *Кондратьев А.В.* Ведьмы, ритуалисты и мифологисты в религиоведении Третьего Рейха // *Религиоведение*, 2006, № 4. — *Прим. пер.*

²³⁴ Последнее плавание, которое на «корабле мертвецов» совершают души усопших, является традиционной мифологемой, встречающейся в предании славян, германцев, а также индонезийских, океанийских и прочих племен. Например, в шведских сагах повествуется о золотом корабле, на котором Один переправляет убитых героев на священную Вальгаллу. Поскольку полночь (основное время таких «путешествий») и мир мертвых (точка прибытия) на космическом уровне соответствуют моменту сольстиса, в сербских (и не только) народных песнях функция перевозки поручается св. Николаю или Илье-Пророку, дни памяти которых почти совпадают с зимним и летним солнцестояниями. В эти тревожные, поворотные моменты годового цикла макрокосмическое умирание как бы совпадает с воскрешением, символически отображаясь в судьбах отдельных людей. Покойники (укр. навьи, санскр. navas, перс. navah, лат. navis) мерно навигируют к Юлу, в своих лодочках-гробах (например, в древнечешск. pava, pav — «смерть» и «ладья»), головой неизменно на север: именно так хоронили своих мертвецов неандертальцы. Ибн-Фоцдан сообщал, что русы жгли своих предков в лодках, а староверы вплоть до XIX в. гробам, сколоченным из досок, предпочитали те, которые выдолблены из цельного дерева, — точно так, как в старину делались лодки: затем стружки пускались по воде, а покойник погребался в землю, с монетой во рту — для оплаты перевозки. (Подробнее см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1995. С. 292—296). Собака в мифологии чаще выступает как животное хтоническое, «знающее мертвых и чувствующее силу вредоносных заклинаний» (Р.М. Рильке). Это — страж порога, способный оберегать от нежелательного вторжения мертвецов именно потому, что для него открыты таинства загробного мира, тот мир смыслов, где, по неслучайному выражению, «собака зарыта»: мир причин-пробужденных-предков-идей, в общем, всего того самого, что почему-то принято называть «потусторонним» и противопоставлять «посуюстороннему». — *Прим. пер.*

²³⁵ Выражение «Licht der Lande», закавыченное самим Виртом, скорее всего, возникло как контаминация евангельских выражений «lux mundi» и «sal terrae». Хотя не исключено также, что здесь содержится намек на Terra lucida — Световую Землю, которая в традиционных космологиях соотносится, как правило, с космическим Нордом и называется по-разному: Арьяна Вазджа, Утгара-куру, Арктогея, земля Хуркалаалай, Мшуня Кушта и т.д. Для ариософии Вирта это — Scholle, Земля Родная, т.е. та земля, возде-

лывать которую могут только носители Одалы, Дети Фрейи. Scholle оказывается здесь проекцией, символическим воплощением Земли Света, а потому и возделывать ее могут лишь те, кто является оратаем в духе и во плоти. Но что же такое «lux terrae»? Фраза о свечении почвы отсылает нас сразу к нескольким чрезвычайно важным контекстам, вплоть до известной в кругах «Аһпенегбе» гностической теории Людвиг Клагеса о «свечении крови», вместе с которой Виртово «Licht der Lande» составляет диаду, во многом аналогичную той, которую на государственном уровне проводил приятель Вирта Вальтер Рихард Дарре (*BluBo, Blut und Boden*). Вероятно, прообразом теории «Licht der Lande» явилась герметическая теория «света природного» (lumen naturae у Агриппы и Парацельса, за 400 лет до Вирта пытавшихся «реабилитировать» народное язычество в его самых чистых, первоначальных, преадамических основаниях). Terra lucida древних манихеев, lumen naturae герметиков Ренессанса, восьмой кешвар и Арьяна Ваджа — все эти смыслы содержат в себе комья германской глины, земли-кормилицы древнефризских Одалингов. Земля (*Grund*) — это основание Бытия (*Grund des Seins*), ибо в ней содержится вечный свет и вечная правда Космического Возрождения. — *Прим. пер.*

²¹⁶ Такой известный памятник раннего христианства, как серебряная ампула из Монцы (ок. 600 г. н.э.), имеет форму, в точности соответствующую приводимым Виртом узорчатым «протвениям», за тем лишь исключением, что последние, сопряженные со стихией огня, являются плоскими, тогда как монцкая ампула, предназначенная для хранения жидких субстанций, является выпуклой. Изображенные на этой ампуле эпизоды из Евангелия, по версиям некоторых исследователей, воспроизводящие мозаики палестинских храмов, расположены в форме Кродера: вокруг центрального изображения (скорее всего, Рождества Христова), располагаются шесть таких же кругов, в каждый из которых вписано по одному из священных сюжетов евангельской истории (См.: Успенский А.А. Богословие иконы Православной Церкви. Издание Западно-Европейского экзархата МП, 1989. С. 52). Вокруг сюжетных (вероятно, насыщенных также глубоким календарным смыслом) изображений идет ряд из кругов меньшего размера, из которых каждый содержит в себе по три пересекающие друг друга линии, т.е. непосредственно является «знаком Вральды». Там же имеется и третий круг из 6-ти солярных знаков, на этот раз «точек в круге». Это — самый узкий круг, символическое наполнение которого является самым простым. Однако в теории символа можно сформулировать такой принцип, что чем символ проще, чем меньше дифференцированы его структура и его очертания, тем большую энергию он в себе несет. Простейшие символы — точка, линия, крест и круг — обладают максимальной суггестивностью, многозначностью и универсальностью. Поэтому и на ампуле из Монцы в центре мы видим точку, а над кругом (циклом из циклов) возвышается крест. Не исключено, что в других знаковых системах соотношение этих простейших формантов окажется иным (например, в символике ислама полукруг окажется над крестом и т.д.). — *Прим. пер.*

²³⁷ fuer den Wissenden. — *Прим. пер.*

²³⁸ Современные французские археологи из журнала «Archéologia», где публикуются результаты последних раскопок и нередко совершенно сенсационные, лишь одной ариософией объяснимые материалы, полагают, что символический знак шести лучей, исходящих из единого центра, является одним из самых универсальных и, так сказать, «общечеловеческих символов»: он равным образом встречается в германских рунических надписях, среди элементов древнерусских орнаментов, в наскальных рисунках Арагона («Archéologia», № 421, avril 2005, p. 61), на троянской керамике («Archéologia», № 408, février 2004, p. 43), а также на саркофагах эпохи Меровингов («Archéologia», № 416, nov. 2004, p. 31; «Archéologia», № 408, février 2004, p. 25). Колоссальный эмпирический материал, набранный современной археологической наукой, зачастую остается «сырым», лишенным всякого осмысления, либо «прочитанным» в убогой кодификаторски-инвентаризаторской оптике бесплодного энциклопедизма. Те немногие малотиражные традиционалистские (и, чаще всего, близкие к ариософскому подходу) западные издания, которые пытаются древние находки более-менее адекватно интерпретировать, чаще всего не выходят за рамки узкого круга своих «новых правых» издателей, их друзей и родственников и даже не представлены в сети Интернет. Есть, конечно, и некоторые исключения, например, частично «выложенный» в Сети французский журнал «Eléments», итальянский сайт <http://www.centrostudilaruna.it>, немецкий сайт <http://www.rabenclan.de/> а также магическая Alchemica. Studi e approfondimenti sulla Tradizione Primordiale, и др. — *Прим. пер.*

²³⁹ О так называемом «языческом подтексте» средневековых католических культовых сооружений (прежде всего соборов, но не только) написана большая библиотека, из которой наиболее интересны сакральноведческие, по существу — традиционалистские исследования Фулканелли («Тайны соборов». М., Энигма, 2005; «Тайны готических соборов». М.: Ваклер, REFL-Book, 1996 и «Философские обители». М., Энигма, 2004), Эриха Юнга (Jung, Erich. Germanische Goetter und Helden in christlicher Zeit. 1939), Отто Симсона (Simson, Otto von. Die gotische Kathedrale, Darmstadt, 1968), Луи Шарпантье (Charpentier, Louis. Die Geheimnisse der Katedrale von Chartres, Koeln, 1972), Эспри Гобино де Монлуизана (Монлуизан Эспри Обино де. Достопримечательные толкования загадок и иероглифических фигур на главном портале собора Нотр-Дам де Пари // Иже Клод д'. Новая ассамблея химических философов. М.: Энигма, 2005) и других замечательных авторов. Среди ариософов серьезное внимание к архитектуре проявила прежде всего школа Гвидо фон Листа. В работах самого «венского патриарха» мы находим ценные методологические указания и прочные основания для дальнейших сакральноведческих исследований. «Изваяния романских (вернее сказать, старосаксонских или раннегерманских) или ранних готических соборов и светских зданий — которые до сих пор ставят исследователей в тупик — прячут ключ к разгадке символизма германского строительного

искусства и его собственной системы «иероглифов». Эти изображения постоянно совершенствовались, превращаясь в высокохудожественные орнаменты, вплоть до позднеготического и переходного стилей, их остатки еще различимы в строениях и изваяниях времен позднего Ренессанса; но позже они полностью потеряли все следы цельности — что случилось в связи с распадом германского строительного искусства. Но даже в архитектурных традициях основной священный знак, т.е. *trifos* или *vilfos* (фактически *willfos*), *fuyfos* (загнутый крест) и „крест-колесо” [*Radkreuz*] имеют огромное значение во всех видах орнаментов, которыми украшается ажурный декор и подьемы окон; во-первых, как *trifoil* пламенеющего стиля, во-вторых, как *quadfooil* пламенеющего стиля, и, в третьих, как „Колесо Святой Катерины”. Другие готические иероглифы просто невозможно перечислить, но, где бы они ни встречались, они представлены в специальном порядке — возглашая мудрым „великую тайну heimliche Acht” (Гвидо фон Лист. Тайна Рун. М.: София, Гелиос, 2001. 144 с. С. 97—98). — *Прим. пер.*

²⁴⁰ С точки зрения великого русского лингвиста Николая Яковлевича Марра и его Яфетической теории (советский вариант Гиперборейской теории), яфетические языки стали превращаться в языки индоевропейские в тот момент, когда люди начали обрабатывать железо. Камень был вытеснен железом так же, как в свое время он вытеснил дерево. Нетрудно в этой связи выдвинуть предположение, что тот язык, на котором говорил человек до появления камня (эпоха деревянных построек) и был древнейшим забытым языком «Эдемского сада» (Пардеса-Парадиза). Поэтому не случайно, что сам Эдемский сад описывается во многих традициях исключительно в вегетальной, растительной терминологии. С другой стороны, эпоха камня мало отличается от эпохи дерева в том отношении, что она так же соответствовала оседлым народам, как эпоха металлов соответствует народам кочевым. Вооруженных железным оружием кочевники оседлые народы пытались по-своему избежать и предупредить, вводя строгие табу на использование металла (Генон, Рене. Царство количества и знаменья времени, гл. XXII — «Значение металлургии»). С этим связана мифологическая демонизация кузнецов, разрушающих пасторальное единство и (косвенно) работающих на победу иного человеческого типа, нежели Одалинги — номадического «туриста-завоевателя», оторванного от Земли и лишённого Одады. — *Прим. пер.*

²⁴¹ Река По протекает на севере Италии и является самой длинной в стране (ок. 652 км). — *Прим. пер.*

²⁴² Как показывают недавние исследования Татьяны Алексеевны Агапкиной, Никиты Ильича Толстого и других традиционалистски ориентированных этнографов, древнейший вариант священного календаря Древней Руси имел точно такой вид, трехчастный вид, представляя годовой путь Сына Божьего в его трех «ættir». Поэтому древнерусский сакральный календарь соответствовал уже не арктическому, а постарктическому периоду истории человечества. Год у древних русичей начинался с весны, что также свидетельствует о более поздней фазе развития, при том, что развитие пони-

мается ариософски не как прогресс, а как удаление от изначальных, атланто-нордических ориентиров. — *Прим. пер.*

²⁴³ Wintersonnenwendemythe. — *Прим. пер.*

²⁴⁴ Очень интересный намек: очевидно, с точки зрения Вирта, три периода постарктического цикла соответствуют трем этническим типам (три Матери? Тримурти? ветхозаветная таб. Народов?), из которых один является начинающим (созидающим?), другой — продолжающим (сохраняющим?), а третий — заканчивающим (разрушающим?). Можно здесь вспомнить также и гностическое Троечастное Сыновство, про которое нам известно из пересказа христианскими ересиологами системы гностика Василида. Очень интересный намек. — *Прим. пер.*

²⁴⁵ Вирт обыгрывает труднопередаваемый момент, связанный с неоднозначностью немецкого слова «Jahrgang», которое помимо «года» означает и некоторый путь, пройденный кем-то куда-то. — *Прим. пер.*

²⁴⁶ Судя по этой показательной обмолвке, Богородица, Дева Мария, выступает в календарно-мифологической реконструкции Вирта одной из форм проявления архетипического образа Матери-Земли, а также — в диакронном аспекте — исполнением и завершением очень многих архаических культов, однозначно характеризовать которые как «примитивные», «языческие» или «хтонические» было бы просто некорректно. Правильнее будет сказать, что то полярное, возвышенно-небесное измерение, которое в «материнских» Божествах древнейших традиций человечества постепенно стиралось, изглаживалось и приходило в забвение, в образе Пресвятой Богородицы было восстановлено и преисполнено. Такую позицию разделяют очень многие историки религии, в частности, Филипп Боржо: Voggeaud, Philippe. La Mère des dieux. De Cybèle a la Vierge Marie. P., 1996. — *Прим. пер.*

²⁴⁷ Ариософская интерпретация геральдических символов, основания которой в самом начале прошлого века были заложены Вернером Кернером (1875—1952), Гансом Брейманом и Г. фон Листом, отправной своей причиной имела как минимум три момента. Во-первых, символика древних гербов заинтересовала ариософов как живое свидетельство о древнем германском языке: геральдические символы прочитывались как символы рунические, причем особое внимание уделялось не тем участкам щита, которые ярко окрашены и привлекают к себе внимание, а тем, которые «сокрыты» — разделяющим линиям, по форме своей напоминающим древнегерманские руны. Во-вторых, плохо изученный и загадочный мир геральдических символов давал простор для самых разных оккультных трактовок: так, Гвидо фон Лист сравнивал древние гербы с магическими символами из работ герметического автора Иоанна Тритемиуса, пытался постигнуть геральдический замысел через образ Духа Земли с гравюры Рембрандта «Маг», через романские порталы и народные предания. И наконец, в-третьих, ars heraldica была привлекательна для ариософов еще и потому, что, продолжая глубокую дохристианскую традицию *арманизма*, она сохранялась во многих странах Европы и без труда могла быть восстановлена в своем древнем значении — вместе с феодальными привилегиями, рыцарскими турнирами, ста-

рыми замками и т.д. Поэтому особенное внимание уделялось сословно-аристократическим мотивам гербов: в этом ключе понимались все содержащиеся на гербах цвета, линии, эмблемы, звери и т.д. Так, петух понимался как символ сословия воинов, горноста́й — как символ сословия королевских священников, а крот — как символ сословия земледельцев. Выработанная ариософами интерпретативная модель вполне может быть приложена и к русскому геральдическому материалу, причем, по всей видимости, именно на русской почве она может дать те результаты, которых не удалось достичь в странах Европы. К сожалению, за исключением сильно устаревшего, но по-своему добротного исследования Александра Лакиера («Русская геральдика», М.: Книга, 1990) серьезных гербоведческих работ на русском языке пока что не существует. С ариософской точки зрения, геральдика является одной из важнейших сакральных наук еще и потому, что слово «герб» происходит от польского *herb*, которое, в свою очередь, восходит к немецкому «Erbe» — наследие. Таким образом, геральдика — это благородная наука, возрождающая величие предков, восстанавливающая наследие предков, *Ahnenerbe*. О средневековом искусстве воспевания родового герба, гербовой символике и ее трактовках существует несколько очень любопытных работ: Pastoureau M. *Traite d'Heraldique*. 2 ed. P., 1993. Wagner A.R. *Heralds and Heraldry in the Middle Ages*. 2 ed. Oxford, 1956. Galbreath D.L., Jequier L. *Manuel du Blason*. Lausanne, 1977. — *Прим. пер.*

²⁴⁸ В ариософской традиции, продолжателем, важным этапом и, в каком-то смысле, завершением которой является Г. Вирт, сложилась переходящая «из книжки в книжку» цепочка отождествлений различных Божественных образов, объединенных некоторой сущностной общей чертой. Этот ряд может сокращаться или растягиваться, в зависимости от того, насколько глубоко тот или иной автор проникнут магическим принципом: «сходно, значит, тождественно». Ассоциативное мышление, находящее подобное в подобном и неподобном, размывает четкие границы Тождественного и Иного: Жизнь Богов пластично оборачивается Жизнью Единого Бога, и наоборот. Пожалуй, в наиболее полном виде ряд «арисофских теонимических перетеканий» воспроизвел Р.Д. Горслебен, согласно которому, «*Odhin = Odem = Athem = Atman = Allgeist = Allgott = All-Vater = Krist-All = Welt-All = All-Krist*». Похожие ряды не раз встречаются и у Вирта, например: «*Urana = Ur-Ahne = Varuna = Uruka = Urraka*» или «*Thor = Tug = Ullr = Siegtug*» и т.д. С одной, и самой внешней стороны, мы имеем дело с каким-то очень странным, «тотальным нордическим экуменизмом», замешанным на теософии, спонтанной фантазийной активности богословствующего эрудита. Однако ариософские реконструкции отличаются от теософских конструкций именно тем, что целью инклюзивистского «сопряжения разного» оказывается здесь не абстрагирование, а возвращение к своим этническим первоисточкам через постижение обрядов, диалектов, символов, преданий своего народа, дающего теологическим ассоциациям совершенно иное направление и смысл, чем те, которые предлагает обычная прогрессистская, эволюционно-космистская теософия. — *Прим. пер.*

²⁴⁹ Уже в Средние века германское общество делилось на три сословия, *Lehrstand*, *Waehrstand*, *Naehrstand* (*oratores*, *pugnatores*, *agricultores*), т.е. сословие тех, кто учит (молится), тех, кто воюет и тех, кто обрабатывает землю и всех кормит. По существу, этот строй, почитавшийся в Средние века «Божьим устроением» (Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 145; Дюби Жорж. Трехчастная система. М., 2000), является здоровым цветком на древе иноевропейской традиции, также видящей идеальное общество устроенным «трифункционально». На эту тему много интересного можно найти в работах французского историка религии Жоржа Дюмезиля, а также авторов дюмезилевского круга (Франсуаза Леру и др.). Исходя из того, что доступные нам источники описывают древнейшие индоевропейские общества как единство трех (жреческой, военной и земледельческой) социальных групп, Дюмезиль и его школа попробовали описать мир Верховных Богов индоевропейцев как систему, во многом им аналогичную и гомологичную (различие между понятиями аналогии и гомологии в свое время четко определил Рене Алло: первая основана на соответствии функций, а вторая — на соответствии структуры). Такими индоевропейскими тернерами в Индии является «Митра-Варуна, Индра и Насатья», в Древнем Риме — «Юпитер, Марс и Квирин», а у древних германцев — «Один, Тор и Фрейр». Так *Odalsbauer*. — *Прим. пер.*

²⁵⁰ В своей книге «Загадка лабиринтов» шведский исследователь Фригтоф Халльман проводит ряд любопытных параллелей между описанием хоровода, описанием одного из рисунков на щите Ахилла (см. в «Илиаде»), а также теми народными танцами, которые до сих пор исполняются в честь праздника весны в удаленных деревушках Северной Европы (прежде всего Финляндии и Швеции). Эти ритуальные молодежные веселья носят название «девичьих танцев». Их главным атрибутом является лента, которой обвязаны танцоры. Задача состоит в том, чтобы она постоянно была натянута: ради этого ее наматывают на руки или опоясывают вокруг тела. Согласно реконструкции Халльмана (*Hallman Frithjof. Das Raetsel der Labyrinth. Ardagger, 1994*), эта лента северных хороводов и есть та самая «нить Ариадны», благодаря которой Тесею удалось выбраться из лабиринта. Очень неслучайно, что троянские и древнефризские украшения, приводимые Виртом, несут на себе его черты. По мнению Халльмана, именно лабиринт был в древнейшие времена той, условно говоря, «танцплощадкой» (диаметром от 15 до 25 м), где исполнялись ритуальные весенние хороводы в честь Ариадны-Афродиты. Сюда же он возводит название Трои (от немецкого корня «dreh-», валлийского «troi-» и т.д.), которое означает «вертеться», «крутиться». Таким образом, «троянские замки Северной Европы», о которых за столетие до Халльмана писал другой историк религии, ариософ Эрнст Краузе (Краусе, Е. *Die Trojaburgen Nordeuropas...Glogau, 1893*), оказываются священным пространством, предназначенным для исполнения ритуальных хороводов, а сама Северная Европа — прародиной символики лабиринта, предстающей на украшениях, постройках и орнаментах практически всех известных нам цивилизаций. Среди предшествен-

ников такой (весьма патриотичной для шведа) концепции можно было бы назвать Олафа Рудбека (XVII в.), локализовавшего Атлантиду в Скандинавии, а также Фридриха Фишбаха (XIX в.), согласно которому гомеровская «Одиссея» является не чем иным, как пересказом и суммативным выражением нордической тевтонской мифологии. Ф. Фишбах считал, в частности, что все герои «Одиссеи» суть доблестные викинги, а все описанные в «Одиссее» события разворачивались на водах Рейна (Hermand, Jost. *The Distorted Vision: Pre-Fascist Mythology at the Turn of the Century // Myth and Reason: a Symposium*. Ed. by Walter Wetzels. Austin, 1973). — *Прим. пер.*

²⁵¹ Ирландская традиция повествует, что «Раса Богини Дану» (Tuatha De Danann) совершила в древнейшие времена великое переселение. Прибыв в Ирландию «с неба» (по другой версии — с далеких северных островов), Раса Богини Дану подчинила себе темных демонов — фоморов и близкие к ним расы — фир болг, а затем установила свое господство над Ирландией (см. древнеирландский текст «Вторая битва при Мойтуре»). Все это стало возможно потому, что на Севере (Туле? Гиперборея?) воины и мудрецы Tuatha De Danann усвоили магию друидов и многие культовые практики. Оттуда, с Великой Северной Прародины, они принесли также с собой четыре знаменитых талисмана. Эти талисманы суть: победоносное копье Луга, Бога молнии; волшебный камень Фал, именовавшийся также «камнем судьбы» или «королевским камнем» и служивший оракулом, позволяя узнать, кто должен стать законным королем; неотразимый меч Нуаду, а также неистощимый котел Дагда. Кроме того, согласно теории Вирта, Племена Богини Дану были носителями второй группы крови, что качественно отличало их и от темных демонов — фоморов, и от изначального населения северного палеоконтинента, которое имело почти исключительно 1-ю группу крови. В упомянутой выше *трехфункциональной модели* Жоржа Дюмезиля, общие выводы которой применительно к кельтской традиции развивал также кельтолог Ян де Фрис, Tuatha De Danann объясняются как Боги самой высшей категории, исполняющие две первые функции, тогда как автохтонное племя фоморов — это представители третьей, низшей категории (см.: Dumézil, George. *Mythe et Épopée*, vol. I, Paris, 1968, p. 289, Vries, Jan de. *La religion des Celtes*. P., Payot, 1963. P. 157). Они в чем-то аналогичны шудрам, которые, по мнению некоторых ученых, являлись аборигенами полуострова Индостан до того, как туда вторглись арии, составившие затем все три высшие варны. — *Прим. пер.*

²⁵² Тут стоит заметить, что никакого «висящего человека» не было и в древнерусском православии, поскольку на православных крестах, в отличие от крестов католических, Космический Спаситель не изображается мертвым. Он жив: Его тело не провисает, а как бы парит, руки расположены строго горизонтально, направляясь вдоль линий Священного Древа. — *Прим. пер.*

²⁵³ Эта традиция изображения Верховного Бога, идущая еще с древнейших времен, проявилась, например, в образе Юпитера, который нередко изображается вместе с Колесом Священного Года. Это Колесо разделено, как правило, на четыре сектора, соответствующие четырем сезонам, отме-

ренным двумя равноденствиями и двумя солнцестояниями. Показательно также, что в кельтских языках понятия «Год» и «Колесо» совпадают. Примерно то же самое присутствует и в русском языке, поскольку наше слово «время» соответствует санскритскому Vartman, что значит «след, ставленный колесом». Также и на графическом уровне Колесо Кродера в точности совпадает с т.н. «громовыми колесами», которые до сих пор можно увидеть во многих русских деревнях, особенно на Севере. — *Прим. пер.*

²⁵⁴ Весь этот пассаж про «благородное ирландско-шотландское христианство», противостоявшее в Средние века агрессивному христианству Рима, вызван известным фактом заимствования из древнейшей мифоритуальной традиции друидов, которое составляет одну из наиболее примечательных особенностей «благородного ирландско-шотландского христианства» Средних веков. Учитывая этот факт, многие авторы (например, Loomis, R. *Celtic Myth and Arthurian Romance*. London, 1938) указывали на необходимость опознать и расшифровать ирландские саги как тщательно «закамуфлированное» языческое предание. Отождествляя имена христианских святых с дохристианскими именами Богов, постепенно отслаивая позднейшие напластования, многие исследователи пытались найти те самые изначальные мифологемы и базовые сюжеты, на которых основывалась друидическая традиция. Типичным вариантом такой мифопоэтической дешифровки «благородного ирландско-шотландского христианства» и широчайшей литературы ирландских саг является знаменитая «Белая Богиня» Роберта Грейвса (Грейвс Роберт. *Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии*. Екатеринбург, У-Фактория, 2005).

²⁵⁵ Сохранившиеся до наших времен терпены относятся к т.н. протофризской археологической культуре (ок. 400—200 гг. до н.э.) и были построены для того, чтобы уберечься от постоянных наводнений. Обычно высота терпенов колеблется между 2 и 7 метрами, а площадь занимает от 1 до 12 га. По мере того как одни «жилые насыпи» приходили в негодность, фризы выравнивали площадку и возводили на ней новые терпены. Наиболее известным в Нидерландах терпеном-«долгожителем» считается поселение Эзинге, находящееся в провинции Гронинген. Древнейшие культурные слои, которые в этом терпене были обнаружены, относятся к 300 г. до н.э. Как говорят археологи и историки, «раскопки в терпенах дают достаточно полную картину жизни их обитателей, так как здесь очень хорошо сохраняются предметы, сделанные из кожи, ткани и дерева. В последующие века число терпенов увеличивалось, жизнь на них продолжалась до позднего Средневековья. Участки обороны, жилища и помещения для хранения заготовок, они были центрами комплекса сложного общего хозяйства фризов» (Шатохина-Моравинцева Г.А. *Нидерланды с древнейших времен до конца XVI в.* М.: ИВИ РАН, 2004. 251 с. С. 17).

²⁵⁶ Это — очень важный момент: религия древних фризов, насколько она описана в «Хронике...», достаточно небогата на ритуалы. В ней гораздо более развита мифология, и поэтому, предвосхищая возможные упреки, Вирт говорит о соответствующей скупости на ритуальные подробности

намного более авторитетных в германистике источников — Эдды и саги, относя последние к числу «текстов поздненордического предания» и настаивая на том, что мифы «Хроники Ура Линда» являются гораздо более древними. — *Прим. пер.*

²⁵⁷ Вместо слова «Frauen» Вирт использует более сложное и намного более редкое понятие «Frauenschaft», подобно тому, как и в русском языке в определенных контекстах говорят не «казаки», а «казачество», не «евреи», а «еврейство», не «старообрядцы», а «старообрядчество» и т.д. Собирательное «Frauenschaft» акцентирует, таким образом, идею единства и солидарности, некоторую «кастовость». Однако Виртова попытка считать «Frauenschaft» народных матушек сообществом верховных жриц неоднократно критиковалась теми, для кого разрозненные упоминания о некоторой «лампе из Тексланда» — еще не свидетельство о наличии культовой системы, ритуалов, и т.д. — *Прим. пер.*

²⁵⁸ Вот что пишет по этому поводу один из учеников Германа Вирта — Александр Дугин: «Сакральное отношение к миру основано на холизме. Холизм — это представление о том, что целое предшествует частному. Концепция холизма основана на том, что целое ставится выше, чем частное. Оно не складывается из фрагментов путем их сочетания. Целое появляясь сразу и синхронно, а на части оно распадается впоследствии. Целое (в холистском понимании) может быть разделено на части, но собрание воедино этих частей не составляет целого. Фундаментальный принцип холизма — представление о реальности как об организме, а не механизме. <...>. Политическое в сакральном обществе не складывается из отдельных атомов (элементов) в различных случайных конфигурациях, наоборот, изначально присутствующее единство, высшая ценность, абсолютная идея диктует периферии, отдельным частям, как соединяться в ту или иную форму или структуру» (Дугин А.Г. *Философия Политики*. М.: Арктогея, 2004. С. 94—95). — *Прим. пер.*

²⁵⁹ Образ Великой Матери (Матери Богов) с фруктовой корзиной («Obstkorb») составляет настолько важный символический элемент Элевсинского посвящения, что интерпретации его расходятся кардинально. Из знаменитой инициатической формулы, приводящейся, в частности, у Климента Александрийского («Я постился, я выпил зелье, я взял [нечто] из короба, и, совершив действие, положил [это] в корзину, а затем вынул из нее и положил в короб») различные ученые делают настолько разные выводы, что сущность мистерий Матери и Дочери в этом потоке интерпретаций становится все более темной и непонятной. Перечислим здесь лишь некоторые гипотезы по поводу «корзины» и «короба» Элевсинской матушки Деметры и ее адептов. Известный этнолог Феликс Шпайзер полагает, что таинственное «нечто», находившееся в коробе, было пшеничным зерном, и уподобляет все происходящее в Элевсии «аграрным ритуалам примитивных народов», начиная от земледельческих инициаций и заканчивая праздниками сбора урожая, магией воскресающего зерна и первого колоса, ритуалами плодородия и т.д. (Speiser F. *Die eleusinischen Mysterien als primitive*

Initiation // Zeitschrift fuer Ethnologie (Berlin), LX (1928). S. 369). На примитивность такого понимания было указано сразу же. Поскольку в сообщении (максимально среди прочих «отцов и учителей», но все же не до конца беспристрастного к мистериям язычников) Климента содержался некоторый намек на обскенный характер того, что совершалось, Альберт Дитрих решил форсировать эту догадку, заявив, что предметом, который в ходе инициаций вынимался из короба, был фаллос. Но поскольку это не совсем подходило к образу женского Божества Деметры, за гипотезой Дитриха вполне логично последовала гипотеза Альфреда Керте, предположившего, что вынимавшийся предмет был... женским сексуальным символом. Поэтому, доказывая Керте, соприкасаясь с «материнским лоном», мист (адепт таинственного культа) возрождался, становясь на символическом уровне Вечным Младенцем и сыном Богини-Матери. Но поскольку мистерия — это действие не индивидуальное, а общинное, и остальные иерофанты в нем также участие принимали, возникла теория Людвигу Ноака, согласно которой во время ночного таинства при вспышке света один из иерофантов демонстрировал всем остальным это «материнское лоно», так что возрождение было всеобщим. Если отсечь грубый натурализм всех этих кабинетных «догадок и озарений» немецких мифологов, остается тем не менее вполне валидная мысль о мистической иерогамии, ведении как видении (*voig-savoig*), символической «ингумации» и последующей «эксгумации» Деметры, которая является знаком Царства Матерей, символом души адепта и Нового Народа. Символом тех, кто является в момент космической Полночи. — *Прим. пер.*

²⁶⁰ Корнелий Тацит, О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит. Сочинения в 2-х томах. Т. I, Анналы. Малые произведения. А., Наука, 1969. С. 353—373. (Пер. А.С. Бобовича). — *Прим. пер.*

²⁶¹ Вопреки распространенному мнению, императорский культ в Древнем Риме не предполагал прижизненного обожествления императора: в Риме выдавать себя за Бога исстари считалось нечестивым, можно было лишь отождествлять себя с Его орудием, помощником. Император обожествлялся лишь после смерти, тогда как при жизни обожествлялся его Гений. Однако и тут существовала определенная разница между исконными Богами, которые назывались *dii*, и обожествленными харизматическими вождями (принцепсами), для которых употреблялось другое слово — *divi*. Многие историки религии (например из числа авторов сборника «Roemischer Kaiserkult». Hg. von D. Wlasok. Darmstadt, 1978) видят в римском культе императора «политическое выражение концепции Богочеловека». Еще ближе к идее Богочеловека подходит восточный, эллинистический культ Царей, видевший в них «спасителей» и «благодетелей», тогда как римляне видели в своих императорах лишь «вождей-харизматиков». Не случайно поэтому, что на Востоке Империи культ Августа и Рима утверждался по инициативе провинций (крестьян-одалингов), тогда как на Западе — по инициативе правительства (бюрократии). Появление у римлян апотеоза императора свидетельствует о переходе (от гражданина — к подданному, от

«связей соучастия» — к «связям подчинения»), а также о некотором компромиссе (между положением человека и Бога — в случае титула «Август», между положением царя и гражданина — в случае титула «принцепс»). В любом случае, отличие от бескомпромиссной идеи Богочеловека здесь постоянно присутствует. Очень интересные с точки зрения ариософии материалы на эту тему были опубликованы в толстом немецком религиозно-европейском журнале «Archiv fuer Religionswissenschaft», особенно после того, как в 1936 г. его (с 1904 г. — академически-консервативная) программа была переосмыслена и в центр внимания была поставлена «религия и вера германских народов и их религиозных вождей». В журнале стали публиковаться сакральноведческие разработки сотрудников Ahnenerbe. В 1943 г. в качестве приложения к журналу вышли исследования Ф. Бемера (Boehmer, F. «Культ предков и вера в предков в Древнем Риме») и О. Хута (Huth, O. «Веста, исследование индогерманского культа огня»). Из последних публикаций на тему императорского культа следует назвать: Fishwick, Duncan. *The Imperial Cult in the Latin West*, 3 vols., Leiden, 1987—2004, Small, Alastair (ed.) *Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity* // *Journal of Roman Archaeology*, Supp. 17 (1996), Gradel, Ittai. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford, 2002. — *Прим. пер.*

²⁶² Ср.: Тацит Корнелий. Сочинения. Т. II. История. М., 1993. С. 174. — *Прим. пер.*

²⁶³ В отличие от многих Богов древнеримского пантеона, Веста не имела никакого другого облика, кроме Огня (Овидий, «Фасты», VI, 299) и, соответственно, никакой иной обители, кроме Священного Очага в центре Рима. Поэтому Очаг этот не считался храмом (*templum*), но именовался просто «священным домом» (*aedes sacra*). Отсюда происходила и его форма, совсем необычная для святилищ Древнего Рима. Как правило, все они имели четырехугольное основание, сориентированное по четырем сторонам света. Что касается святилища Весты, то оно было круглым. Вероятно, пресловутая выделенность весталок из числа обычных женщин (пусть даже и жриц) происходила из того, что те святилища, в которых они прислуживали, были обособлены в ряду всех прочих древнеримских святилищ, да и сама Богиня была весьма и весьма необычна. Как полагают современные лингвисты и религиоведы, имя ее восходит к индоевропейскому корню, который обозначает «горение». Все это несколько не противоречит теории Германа Вирта, для которого Веста — не Богиня, но обожествленная матушка древнефризского народа. — *Прим. пер.*

²⁶⁴ «Пластические изображения *Matres* и *Matronae* отмечают их свойства как богинь плодородия и материнства (корзина с плодами, рог изобилия, дети в утробе или на коленях и т.д. Как пишет Камиль Жюльян, это были, возможно, „божества безымянные и в то же время обладающие множеством имен; божества, которых не называли по имени, но давали им множество эпитетов”. Между тем в островных текстах содержатся важные детали. Одна богиня считалась матерью всех богов: Дану в Ирландии, Дон в Уэльсе» (Элиаде Мирча. *История веры и религиозных идей*. В 3 т. Т. 2. От

Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Критерион, 2002. 512 с. С. 127). От Богини Дану происходят те самые Племена, которые, как мы знаем, спустились с Севера. Символика плодов в изображениях Матушки Дану, аналогичные им Яблоки Гесперид, «Белый остров» Авалон, с которого пришли племена Туата — все это четко указывает на Гиперборею, так же как яблоки в корзинах северных матушек Гесперид указывают на имя верховного Бога Севера — Аполлона (Apple, Apollo). О том что название атлантико-нордического острова Аваллон происходит от киммерийского «afal» (яблоко), рассказывал также в своей «Мистерии Граала» итальянский традиционалист Юлиус Эвола. — *Прим. пер.*

²⁶⁵ Крупный специалист в области позднеантичного синкретизма Франц Кюмон замечал, что большинство инициатических традиций и мистерий, возникших в Риме под влиянием его расширения на Восток, «привлекало в основном женщин: жрецы Исиды и Кибелы находили в них самых ревностных с самых самоотверженных адептов и самых страстных проповедников, в то время как Митра объединял вокруг себя почти исключительно мужчин». (Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб., 2002. С. 75). По мере того как изначально неприязненное отношение римлян ко всяким иноземным культам (запрещенным законами XII таблиц — VII. 26) сменялось вниманием и интересом, вокруг римской религии возникала причудливая амальгама астрологических, теургических, сотериологических, космогонических, и проч. представлений, которые присутствуют в мистериальных традициях поздней Античности. Хотя термин «синкретизм» в отношении этих самобытных инициатических практик является не самым подходящим, если его использовать, то логичной представляется типология, предложенная на Страсбургском коллоквиуме 1971 г. П. Левеком, выделившим пять видов синкретизма: 1) включение чужих Богов в свой пантеон, 2) отождествление своих Богов с чужими при различном понимании их сущности, 3) воздействие общего умонастроения одной религии на другую, 4) амальгамирование различных религий и возникающие вследствие этого новые системы, 5) объединение всех заимствованных из разных религий Божеств на основании идеи единства Божественного, понятого как некоторая Сила, стоящая по ту сторону тех образов, в которых она проявляется. (Ср. выше — мнение Горслебена о «Всебоге», Allgott, мнение Вольнея о Христе — Kris-ep, или далее — мнение Цезаря о Минерве.) — *Прим. пер.*

²⁶⁶ По вопросу экстатических, дионисических традиций, в том числе, культов вакханок и менад, большой интерес представляет написанная еще столетие назад монография символиста В.И. Иванова «Дионис и прадионисийство», прообразованная в «Дионисовых дифирамбах» Ф. Ницше и книга Э.Р. Доддса «Греки и иррациональное», исходящая из рассуждений Рудольфа Отто на тему «Mysterium tremendum, fascinans et augustum» (Otto R., «Das Heilige», 1917). — *Прим. пер.*

²⁶⁷ В указанном месте Цезарь рассказывает о теологии галлов следующее: «Из Богов они больше всего почитают Меркурия (отождествленного по-

зднее с германским Вотаном. — А.К.). Он имеет больше, чем все другие Боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств. Он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он содействует наживе и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Юпитера и Минерву. Об этих Божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесел и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной». (Пер. М.М. Покровского). — *Прим. пер.*

²⁶⁸ «Бригита — одна из тех ирландских святых, чья связь с языческим божеством практически не подвергается сомнению. Историчность Бригиты затемнена сходством с языческой богиней, общекельтской Бригантией. О языческой богине осталось мало сведений, многие ее черты реконструируются на основе того, что известно о св. Бригите из христианской литературы и фольклора» (Кальгин В.П. Ирландская Бригита и галльская Бригантия // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 118—129). Из того, что нам все же известно, можно рассказать следующее. «Функционально св. Бригита была связана с плодородием, охраной посевов и скота, ее призывали в помощь при родах, она обеспечивала благоприятную погоду. Языческая богиня Бригита (др.-ирл. Brigit) была охранительницей домашних животных: в «Книге взятия Ирландии» говорится о том, что она владела двумя замечательными быками. <...>. «Бригита была племенной богиней: этноним Brigantes отмечен как на островах, так и на континенте. В Британии соответствующее племя локализуется в современном Йоркшире; на материке с ней связаны многочисленные топонимы: Lacus Brigantinus, совр. Бодензее, притоки Дуная Brigach и Brege <...>», и т.д. «Бригита ассоциируется с возвышенностями, огнем, светом и (термальными) водами». (Там же). Известно также, что еще в прошлом веке в Шотландии праздник Бригиты назывался La Bride nam brig ban, «день Бригиты белых холмов». Во время этого праздника облаченные во все белое светловолосые девушки исполняли священные песни, посвященные «прекрасной Бригите, деве тысячи заклинаний». — *Прим. пер.*

²⁶⁹ То есть тот самый день, который в православной традиции называется церковным новолетием. — *Прим. пер.*

²⁷⁰ Старшая Эдаа. Речи Фафнира // Беовульф. Старшая Эдаа. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975 (Библиотека Всемирной Литературы, т. 9). С. 280. — *Прим. пер.*

²⁷¹ Основываясь на материалах древнерусских поверий о колдунах, чародеях и прорицателях из среды финно-угорских племен, которые обитали на севере Руси, Н.М. Карамзин заметил как-то, что «не только в Скандинавии, но и в России финны и чудь славились волшебством» — фраза, повлиявшая, по мнению ряда ученых, на образ «природного финна», который с помощью своей магии исцеляет Руслана. Отражением конфликта между германским (северным) монотеизмом фризов и шаманистскими культурами низкорослых финнов может быть также и тот момент, что Страну Усопших

финские предания помещали «внизу и на Севере», называя ее «Северным домом». — *Прим. пер.*

²⁷² Вероятно, для соотнесения принятых в науке исландских обозначений разделов Старшей Эдды с привычными их русскими названиями небеспользным будет обратиться к т.н. Codex Regius, приведенному в книге Е.М. Мелетинского: Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. С. 362 сл. — *Прим. пер.*

²⁷³ Старшая Эдда. Прорицание Вельвы // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975 (Библиотека Всемирной Литературы, т. 9). С. 185. — *Прим. пер.*

²⁷⁴ Младшая Эдда. Издание подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. — М.: Ладомир, 1994. С. 34. — *Прим. пер.*

²⁷⁵ В ариософской традиции еще в самый начальный момент ее становления идеи троичности и единичности были осмыслены в качестве руководящих, сопряжены с эддическим материалом и возведены на уровень фундаментальных принципов миропонимания. Все это мы находим в работах австрийского ариософа Гвидо фон Листа. Этот автор на основе данных германской традиции выстроил интересную систему взаимоотношений. Первичным принципом он считал диадность: *zweieinig-zweispaltige Zweibeit*. Это — принцип отношения между Духом и Материей, между Космическим Светом и Космической Тьмой, принцип статический и линейный. В этом он качественно отличен от другого принципа — от принципа триадности (*dreieinig-dreispaltige Dreibeit*), который является динамическим и циклическим. Согласно учению Гвидо фон Листа, диада всегда пассивна, тогда как триада — действительна и в силу этого активна. Мы видим проявление этих идей во многих космических символах, не говоря уже о тех мирах, проекцией которых является наше мироздание (Weltall). Благодаря триадическому циклу Рождения — Бытия — Умирания-ради-Возвращения (Entstehen-Sein-Vergehen zum neuen Entstehen) осуществляется коловращение миров и восполнение утраченного. Мы видим эту идею во многих индогерманских Триадах, например: Один-Вили-Ве, Один-Донар-Локи, Фрейя-Фриг-Хель и т.д. Третий принцип, о фундаментальной важности которого также говорит Гвидо фон Лист — это принцип единства-в-многообразии (*vieleinig-vielspaltige Vielheit*). Мы также видим обнаружение этой идеи «Единобожественности» в языческих доктринах, где, по мнению фон Листа, трудно говорить о политеизме или монотеизме: оба принципа сосуществуют в гармоничном взаимодополнении, и поэтому, например, трудно оспаривать монотеистичность религии древних фризов, притом что Иртва и три Ее Дочери вполне могут быть названы «Богинями». — *Прим. пер.*

²⁷⁶ Хенир (др.-исл. Hoenir), относящийся в скандинавской мифологии к роду асов, вместе с Одином и Локи (Лодуром) участвует в оживлении древних прообразов первых людей (Аск и Эмбля), а также в истории с великаном Тьяцци. После Окончательного Сражения и победы сил Света над силами Тьмы (Рагнарек) Хенир, если следовать «Прорицанию вельвы» («Старшая Эдда»), останется жить в Новом Эоне, очищенном и обновлен-

ном. Говоря иными, ариософскими словами, через грядущее Солнцестояние Хениру (и многим другим асам) предстоит пройти, «перешагнуть». Об этом же говорят и его священные эпитеты, «кеннинги»: «блистательный», «длинная нога», «собеседник Одина», «проворный ас», «попутчик Одина» и т.д. — *Прим. пер.*

²⁷⁷ В корпусе Ведических текстов самхиты имеют наибольшую древность и, соответственно, наибольший авторитет в индийской традиции. Поэтому для исследования первоисточков они представляют особенный интерес. По своему содержанию самхиты — это собрание всевозможных гимнов, заклинаний и жертвенных формул. Самхиты составляют основу каждого из четырех сводов ведийского канона: Ригведы, Яджурведы, Самаведы и Атхарваведы. — *Прим. пер.*

²⁷⁸ Поскольку тот перевод, который приводит Тилак, существенно отличается от перевода Г. Вирта, мы старались придерживаться немецкого перевода Тайтирия-самхиты, не исключая того, что первоисточники могли в чем-то действительно различаться. В любом случае, сопоставление обоих вариантов (Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. Пер. с англ. Н.Р. Гусевой. М., 2002. — 528с. С. 140—141 и Die Ura-Linda Chronik. S. 202) способно существенно расширить понимание как источника, так и его интерпретаций. — *Прим. пер.*

²⁷⁹ Пребывающие у корней Мирового Древа Норны, имена которых, согласно «Прорицанию вельвы», суть Урд («Судьба»), Верданди («Становление») и Скульд («Долг»), являются Хозянками Судьбы: как известно, они определяют судьбу каждого из людей, вырезая руны. При рождении Героя они прядут нить его судьбы (подобно мойрам-паркам греко-римского мифа), предсказывая его бесчисленные подвиги. В немецкой живописи 1930-х (например, на известной картине Адольфа Циглера «Суд Париса») три греческие Богини — Гера, Афина и Афродита — изображались как немки («идеальные арийские типы»), причем в руках одной из них представлялось Копье Судьбы, что, по всей видимости, сближало ее с Урд, то есть той Норной, по имени которой был назван священный источник, питающий корни Древа Иггдрасиль. Идея Судьбы, покоящейся при корнях народного бытия, является идеей магической и тесно связанной с образом Героя. При этом важно, что она присутствует практически во всех благородных мифологиях: в индийской традиции говорится о нитях дхармы (и, соответственно, о дхармическом долге), в традиции иранской (а потом и арабской) — о дахре и замане, в традиции древних русичей — о т.н. наузах, т.е. узелках, которые во время «порчи» навязывают на нити Судьбы, отчего вся история конкретной жизни может пойти наперекосяк. Подробнее о наузах см.: Платов А. Девять шкур Дракона // Мифы и магия индоевропейцев, вып. 6, М.: Менеджер, 1998. С. 7—24. — *Прим. пер.*

²⁸⁰ Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга. (Пер. А.Корсуна) // Беовульф. Старшая Эда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975 (Библиотека Всемирной Литературы, т. 9). С. 247. — *Прим. пер.*

²⁸¹ Первая строка в переводе с исландского на современный немецкий

в тексте Вирта звучит так: «Urzeit war es, als Aare schrien, // heilige Wasser gannten von Himmelsbergen, // da hatte Helgi, den hochgemuten, // Borghild geboren in Bralundg». Толкование созвучий Ag-Ur в связи с Норнами, Арконой и Нюрнбергом, приводится у Гвидо фон Листа: «Дева-орел на кресте города Нюрнберга тоже может быть истолкована только в том случае, если называть ее старым именем, т.е. wipage, которое в наши дни должно было бы звучать похоже на weib-aar („женщина-орел“), но которое превратилось в слово Weberin. [У Листа следует цепочка отождествлений: Weberin=Webarin=Wibarin=Weibaarin — Прим. пер.]. Оно означает женщину-ткачиху судьбы, Норну, в честь которой назван город Нюрнберг, и, таким образом, он говорит о том же, что и каждый — истинный! — старый крест. Wibage, Ткачиха, однако, в то же время и Аркопа, Солнечная Госпожа, и Уркопа, Предвечная Госпожа или Праматерь. Так что, в свою очередь, это и „белая госпожа“, о которой говорят во многих замках, крепостях в дворцах и которая также есть и в замке Нюрнберга. Предание о „белой госпоже“ или матери рода принадлежит к области иероглифов, ибо ее находят в местах первобытных истоков (рождения), но никогда — в местах власти или правления (жизни)». (Гвидо фон Лист. Тайна Рун. — М.: София, Гелиос, 2001. 144 с. С. 96). Имеется в виду важнейшая для фон Листа трехчастная классификация, обретенная им в «первичном арийском языке»: 1) Возникновение, 2) Жизнь, (действие, работа, управление) и 3) Смерть (переход к новому возрождению, новому началу). Эта священная триада, позволявшая Листу ариософски интерпретировать эрозию смыслов и деградацию своего родного языка (выстраивая тернеры вроде: Rath, «Совет» — Rad, «колесо, вращение, ход, рост» — Ratte, «крыса»), было затем безоговорочно воспринято Р.Д. Горслебеном, а отчасти и Виртом, например, в его рассуждениях про символику имен трех норн: Skuld («готовое возникнуть»), Urd (das Gewordene, «ставшее») и Verdandi (Werdende, «становящееся»). — Прим. пер.

²⁸² «Weltennagel», Мировой Гвоздь, проходит через Север. Именно по этой причине Север является главным направлением в духовной (сакральной) географии многих религиозных традиций. Например, у суфиев Ирана употребляется термин кутб, «ось» (наджмат аль-Кутб — Полярная звезда), и уточняется что вращению подвержена не ось, а небесный свод, тогда как сама ось постоянно остается неподвижной, отчего и Полярная звезда оказывается едва ли не единственным имобильным элементом на Небосводе. Ее полярной энергии причастны лишь некоторые близкие ей светила, подтверждением чему являются обращенные к Медведице заклинания из некоторых магических и гностических папирусов. Характерно, что направлением ориентации во время умного делания харранских сабян, мандеев, среднеазиатских буддистов и манихеев традиционно был Север. Ведь именно там, в центре срединного Кешвара, находится загадочная Арьяна Вазджа, на пехлеви называемая Эран-Вэдж, — Арктическая Родина арьев. — Прим. пер.

²⁸³ Обычно исследователи выделяют две главные стадии этого превращения. Это — два лика валькирического мифа, первый из которых укоренен

глубоко в первобытной индогерманской архаике, а второй является классической, «более культурной» фазой. Древний вариант валькирического мифа воспроизводит ужасающий комплекс представлений о «демонических существах женского пола, которые рыскали по полям сражений и кормились плотью и кровью павших» (Kroesen R. *The Valkyries in the Heroic Literature of the North // Skaldskaparmal*. 1997. Vol. 4. P. 132), тогда как второй, более цивилизный и поздний извод того же сюжета связан с культом Верховного Бога Одина и «Палатами павших» (Вальгаллой), где под предводительством Живого Мертвеца Одина совершается торжественный пир валькирий и эйнхериев. Первый вариант, распространенный, по преимуществу, в западногерманских источниках, отражает древнейшие ритуальные представления о кровожадных существах, «выбирающих» тех, кто заведомо обречен. Отсюда — древнеанглийские наименования ворона («зверья битвы») — *wælceasige*, *wælcyrge*. Второй вариант, распространенный по преимуществу в источниках скандинавских, связан с обычаями дружинного порядка и сложился намного позднее — в эпоху викингов. Подробнее см.: Гвоздецкая Н.Ю. Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. — М.: Индрик, 2005. С. 79 сл. — *Прим. пер.*

²⁸⁴ Вот что пишет в этом месте Диодор: «Музы получили от своего отца изобретение письменности и слагание поэм, называемое поэтикой. Тем же, кто утверждает, что письменность изобрели сирийцы, от которых ее заимствовали и передали эллинам финикийцы, приплывшие вместе с Кадмом в Европу, почему письмена и называют финикийскими, возражают, что финикийцы не изобрели письмена с самого начала, но только изменили начертания знаков, а поскольку большинство людей пользуется этой письменностью, она и получила такое название» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека: Книги IV—VII. Греческая мифология. СПб., 2005. С. 261).

²⁸⁵ В основе иероглифической символики прецессионного календаря лежит принцип, согласно которому знак зимнего солнцестояния в точности воспроизводит знак зодиакального созвездия каждого отдельного космического периода. Все эти знаки, в свою очередь, являются проекцией рунических рядов атланти-нордической расы. Поскольку космические периоды, отмеченные крипторунической идеограммой своего зодиакального знака, длились достаточно долго (около 2000 лет), последние из них, наиболее близкие к нашей эпохе, следует перечислить. Эти эпохи суть: эпоха Льва (16 000—14 000 лет до Р.Х.), эпоха Рака (14 000—12 000), эпоха Блинецов (12000—10000), эпоха Быка (10 000—8000), эпоха Овна (8000—6000), эпоха Рыб (6000—4000), эпоха Быка (4000—2000) и следующая за ней эпоха Рыб. Символический смысл каждого из знаков зодиакальной эпохи Вирт объясняет через призму своей рунологической концепции, например, значок эпохи Рыб является для него идеовариацией руны ОДАЛА, значок эпохи Овна — руны КА (человек, поднимающий руки), значок эпохи Льва — идеовариацией руны УР (перевернутая дуга) и т.д. — *Прим. пер.*

²⁸⁶ Как говорит Мирча Элиаде, «двойной топор определенно использовался при жертвоприношениях. Его находят на значительном отдалении от Крита. В Малой Азии, как символ удара молнии, он был эмблемой бога-громовержца. Но еще к эпохе палеолита относится сделанная в Телль-Арпачья (Ирак) находка двойного топора рядом с нагой богиней. На Крите также двойной топор можно видеть в руках женщин — жриц или богинь — или на их головах. Два его заточенных лезвия наводят Эванса на мысль, что это эмблема, символизирующая союз взаимодополняющих мужского и женского принципов». (Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. В 3-х т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 464 с. С. 127). Существовала также гипотеза, что название «Лабиринт» происходит от Двойного Топора (по-гречески — *labrys*). А.Ф. Лосев отмечал, что такая этимология — намного более правдоподобна, чем та, которую предлагают Свидя и Гесихий (по их мнению, понятие «лабиринт» происходит от «места наподобие раковины», связанного с символикой закрытых дверей и т.д.) (Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. С. 247, 266). — *Прим. пер.*

²⁸⁷ В своем знаменитом исследовании «Белая Богиня» Роберт Грейвс рассказывает, что почитание светлой Богини Дану можно обнаружить на всех территориях, по которым прошли Tuatha de Danaan и в которых они оставили свои солнечные и лунарные культы. «Согласно не противоречащей данным археологов ирландской легенде из „Книги захватов Ирландии“ племена богини Дану пришли на север, покинув Грецию из-за сирийского нашествия, и достигли Ирландии, побывав в Дании, которой дали свое имя („королевство данайцев“), и северной Британии. Они прибыли в Ирландию в 1472 году до нашей эры». Множество образов Белой Богини, по мнению Грейвса, сливается в один, как это и представлено в «Золотом осле» Апулея: «Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновения, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества, зовут меня Пессинунтской матерью богов, тут исконные обитатели Аттики — Минервой Кекропической, здесь кипряне, морем омываемые, — Пифийской Венерой, критские стрелки — Дианой Диктиннской, трехязычные сицилийцы — Стигийской Прозерпиной, элевсинцы — Церерой, древней богиней, одни — Юноной, другие — Беллоной, те — Гекатой, эти — Рамнузией, а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, ари и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем — царственной Изидой» (Грейвс Роберт. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии. Екатеринбург, У-Фактория, 2005. С. 60, 88). — *Прим. пер.*

²⁸⁸ Представление о том, что в новорожденных, если правильно выполнены все ритуалы их зачатия, воплощаются души умерших предков — было

распространено среди очень многих народов, в том числе и среди славян. Русичи, верившие в силу Рода, не видели между Жизнью и Смертью той непроходимой пропасти, которую лишь в недавнее время установило рационалистическое сознание. Родные мертвые были живыми, а неродные, но живые, на поверку могли оказаться мертвыми. Силой своего дыхания мертвые подпитывали живых, а живые, в свою очередь, совершали все необходимые ритуалы, чтобы Сила их не покинула. Впрочем, силы здесь явно неравны: мы знаем, что мертвых заведомо намного больше, чем живых, их сила была преобладающей, однако, как и всякая подлинная сила, очень неоднозначной. Поскольку мертвецы, родные Деда, могли помочь живым во всем, к ним обращались с т.н. «окличками» («Чур», «Щур» и т.д.) и делали все для того, чтобы родные «дедки» воплотились в «детках» и цель священного родства не прерывалась. Но поскольку не все покойники при жизни творили только благо, то ожидать от них совершенно другого поведения «за гробом» было бы наивно, и славяне это понимали. Так возникала большая категория т.н. «заложных покойников», т.е. тех, кто потенциально мог стать источником самых разных неприятностей. «Заложные покойники» — это и утопленники, и самоубийцы, и разбойники, и некрещеные младенцы, и горькие пьяницы, и много кто еще. Поскольку по-традиционному хоронить их не позволялось, их просто закладывали досками (в ямах или на болотах), чтобы затем, если случалось крупное бедствие (мор, трус, неурожай, падеж скота и т.д.) заложных «виновников народных бедствий» раскопать, перевернуть на другой бок, после чего они, по идее, становились добрее. Очень любопытное возрождение подобных представлений на русской почве мы видим в кон. XIX в. в учении мистика Н.Ф. Федорова, полагавшего, что местами народной радости, центрами интеллектуальной, политической и молитвенной жизни русских людей должны становиться кладбища, так, чтобы затем, мало-помалу, общение с тенью предков превратилось в радостную коллективную работу по воскрешению их тел. «Воскресают мертвецы // Наши деды и отцы» (Георгий Иванов). Теория философа Федорова сильно повлияла на оккультные организации Советской России, проведением ее в жизнь был занят А.А. Богданов, директор первого в мире Института переливания крови, проводивший с этим «совершенно особым соком» таинственные эксперименты и скончавшийся в мае 1928 г. после одного из них (The Occult in Russian and Soviet Culture. Ed. by B. Rosenthal, Ithaca and London, 1997, A. Duguine «Le complot ideologique du cosmisme russe» // Politica Hermetica, № 6, Paris, 1992). А советский неоплатоник П.П. Блонский примерно в то же время предлагал основать по образцу растениеводства и животноводства новую науку — «человеководство». (Блонский П.П. Педагогика. М., 1922. С. 31). Новые люди, которых предполагалось выращивать, должны были в лучших своих проявлениях соответствовать русской народной традиции, а также «абсолютному Преду» всех советских людей — вечноживому В.И. Ленину. О культуре его мумии на Западе существует много интересных публикаций, напр.: Dolcetta M. Occultisme et communisme, autour de Lenine et l'Institut du cerveau / Politica Hermetica, № 9, Paris, 1995. — *Прим. пер.*

²⁸⁹ Говоря языком Рене Генона, традиция постепенно выродилась в обычай либо продолжала существовать в качестве традиции, претерпев очень серьезные внутренние изменения. Ее изначальные матриархальные смыслы стали ассоциироваться с мужскими образами: *Missa solemnis* совпала с праздником «Зимнего Иоанна», Иоанна Богослова, а *Missa brevis* — с праздником «Летнего Иоанна», Иоанна Предтечи. Мистерии «обоих Иоаннов» (Иоанна Евангелиста и Иоанна Крестителя) вобрали в себя все наследие древних мистерий, великих и малых. Первый, «зимнесолнцестоянческий» Иоанн именуется во французском фольклоре «Жаном, который смеется», а второй, «летнесолнцестоянческий» — «Жаном, который плачет». Вместе же они слагаются в символический образ Двуликого Януса (Диануса). — *Прим. пер.*

²⁹⁰ У раннехристианских гностиков существовало предание, что Спаситель родился 25 декабря, однако произошло это в водах Иордана. Человек Иисус вошел в них, когда Ему было ровно 30 лет, вошел в День Своего Рождения, когда исполнился Юл (Плерома) Его Года и Жизни, и там в Него вошел Эон Христос, сочетающий в себе полноту всех Эонов — по одной версии, либо причастный таинству соединения всех Эонов в священных, «живых», Богоявленских Водах — согласно другой версии. Произошло то, что можно назвать Космическим Водосвятием, Эпифанией Света, или Вхождением Христа в Иисуса. Если русские хлысты, радевшие вокруг чана с водой, говорили «Дух накатил», то Валентин называл этот Дух «Пневмой Энтюмесис Отца», а василидиане — «Диаконном». Празднование Озарения происходило в день зимнего сольстиса, когда, как сообщает в «*Raparium*» (LI, 22) епископ Саламский Елифаний, в Александрийском Корейоне — святилище Богини Коры отмечался праздник крайне неоднозначный и таинственный, в ночь с 5 на 6 января «по новому стилю». Самый торжественный момент этой мистерии наступал после пения петуха, предвещающего скорый восход солнца. С факелами александрийцы спускались в подземное святилище и на носилках вытаскивали на поверхность земли «разное деревянное изображение обнаженного сидящего тела». Этот образ пробудившегося ото сна человека имеет пять золотых печатей в форме креста (гаммадиона?) — на лбу, руках и ногах. Под звуки флейт и тамбуринов его семь раз обносили вокруг центра храмового пространства (*circumambulatio*), а затем снова уносили в крипту. Если же, добавляет Епифаний, спросить их, что означает это таинственное действо, они отвечают: «Сегодня, в этот час, Кора, т.е. Дева, произвела на свет Эон». Этот Эон и есть, вероятно, образ Того Космического Спасителя, которого Рихард Райценштайн справедливо назвал «Спасенным», «*der erloeste Erloeser*» (Reitzenstein, Richard. *Die hellenistischen Mysterienreligionen*. 1956. S. 69). Все это отсылает нас к русскому народному поверью, будто в ночь на Богоявление в реке купается Сам Иисус Христос, отчего вода во всех речках и озерах «колышется». Как рассказывали русские крестьяне, чтобы это чудо увидеть, надо в полночь прийти на реку и ждать у проруби, пока «пройдет волна» (Максимов С.В. *Крестная сила*. Т.2. М., 1993. С. 335). — *Прим. пер.*

²⁹¹ Заметим попутно, что само древнерусское слово «чарка», «чара» указывает на изначальную функцию как самого «дохристианского потира», так и его содержимого, «чарующего» или «пробуждающего» напиток, «воды бессмертия». У большого знатока древних посвященных традиций Юлиуса Эволя есть очень подходящий термин «*ivresse lucide*», означающий как раз тот эффект, который несет в себе подлинная «чара» — «ясное упоение», т.е. нечто совершенно иное, чем банальное замутнение сознания или пробуждение подсознательного. Получить подлинный Weihebecher можно только из рук Белой Дамы, став навсегда паладином бокала и его чар. (J.W. Goethe, «Der Koenig in Thule»). — *Прим. пер.*

²⁹² Символика кадуцей представлена, вопреки распространенному мнению, не только в римской традиции и не только на гравюрах европейских герметиков XV—XVII вв., но и в магической антропологии Древней Индии, особенно — в тантрической теории «нади». Согласно учению тантриков, нади суть энергетические потоки (артерии, вены и капилляры), сокровенные каналы в организме человека, по которым постоянно — пока человек жив — циркулируют положительные, отрицательные и всякие другие энергии. Это — его жизненная прана. Нади расположены между чакрами, которых, по разным подсчетам, 300 000, 200 000, 80 000, 72, но в потенциале — сколько угодно. Графический план, точками которого являются чакры, образует неслучайную форму мандалы, центр которой выводит за пределы нее самой. Эта внутренняя гора Меру (спинной хребет) есть внутри каждого. Такая же мандала лежит и в основании большинства индийских святилищ. В довершение этой сложной композиции следует сказать о мириадах энергетических каналов, которые пронизывают человеческое тело. Из десяти наиболее известных нади (ида, пингала, сушумна, гандхари, хастиджихва, пуса, яшасвини, аламбуша, кутуш, самхкхини) наиболее подробно традиция говорит о трех, каждая из которых имеет длинную цепочку космологических и прочих соответствий:

1. Ида — прана — Раху (асур, который проглатывает Луну) — Шакти — Солнце (сурья) — лалана — правая сторона,

2. Пингала — апана — «Огонь времени» (калагни) — Пуруша — Луна (чандра) — расана — левая сторона,

3. Сушумна — центральная нади, проходящая между идой и пингалой. — *Прим. пер.*

²⁹³ Священное имя *alfēdstre* (*alma mater*), которым традиция именует Белых Дам Севера, происходит от того самого загадочного дохристианского причастия, которое составляло один из важнейших ритуальных сюжетов празднования Великого Юла. Воспоминания об этом дохристианском причастии содержится на изображениях народных матушек, приводимых Г. Виртом. Как правило, Северные Всекормилицы изображены держащими в одной руке хлеб, а в другой — чашу с Божественным Напитком, Напитком Бессмертия. Французский религиовед-индоевропеист Жорж Дюмезиль посвятил теме этого чудесного питья специальное исследование (Dumézil, George. *Le festin d'immortalité. Etude de mythologie comparée indo-européenne*. P., 1924),

где набран обширный мифологический материал, часть которого прекрасно дополняет исследование Г. Вирта. Данные собранных Виртом неолитических статуэток подтверждают, в частности, рассказы Тацита о том, что германцы обладали особым инициатическим священным медом, дающим жизненную силу и поэтическое вдохновение. О приготовлении медового напитка жителями Туле (Норвегия-?) сообщает мессальский путешественник Пифей, посетивший Скандинавию еще в IV в. Мед был для жителей Туле источником мудрости и поэзии, священного экстаза и пророчества. Дюмезиль сравнивает его с древнеиндийской «амритой», дающей бессмертие и долголетие, во многом близкой молодым яблокам Идунн. На связь «яблочной символики» с Гипербореей часто указывал и сам Г. Вирт. Но германо-скандинавский «мед поэзии» — это еще и ключ к знанию священных рун, о чем говорится во многих пассажах «Старшей Эдды». Там, например, описывается, как Один, вкусив меда после девятидневного ритуального висения на Древе, одновременно овладевает мудростью всех магических рун («Речи Высокого»); или, как ОН, стоя между огнями, утоляет Свою жажду из рога и начинает вещать Агнару («Речи Гримнира»). В «Речах Сигдривы», как и в «Речах Высокого», Мед Поэзии сближается со священными рунами и той влагой, которая вытекала из черепа Хейддраупнира, по всей видимости, тождественного великану Мимиру. Из этого источника Один почерпал Свою мудрость, за что Ему и пришлось отдать Свой глаз («Прорицание вельвы»). В «Старшей Эдде» даруемое медом экстатическое вдохновение (ярость, *Wut*) постоянно увязывается с миром мертвых, Смертью. Дюмезиль объясняет это с помощью календарных ритуалов: в «умирающий» Год «вливается» новая жизнь, обновляющая природу и дающая бессмертие. Вспомним, как Один с помощью меда поэзии пробуждает спящую мертвым сном пророчицу, чтобы узнать у нее о судьбе Бальдра («Сны Бальдра»). — *Прим. пер.*

²⁹⁴ В 1943 г. было написано замечательное эссе Готфрида Бенна «Паллада» (Benn, Gottfried. Pallas // Benn G. Gesammelte Werke in 4 Bänden. Bd. I. Essays. Reden. Vortraege. Stuttgart. 1989. S. 365 ff.). Этот сравнительно небольшой текст развивает поднятые Виртом проблемы матриархата, доводя их до кристальной ясности энергического вопрошания: «Кто же такая Афина?» Сначала Бенн перечисляет классические сюжеты: Паллада — Богиня битвы и разрушения, возникшая из Зевса... во время его сна, то есть без матери. Далее, Богиня всегда в шлеме, на котором восседает мрачная и неприветливая сова — птица ночи, вестник ночных кошмаров. Паллада... Холодная и одинокая Богиня, у которой никогда не будет детей... Более того, Паллада убивает чужих детей. Для рожениц она — смертельный враг: «Паллада убивает матерей». Таков главный вывод Готфрида Бенна. Для него Паллада — это какая-то муже-женщина, лунный свет третьего пола, засляющий враг женского начала как такового. Эта неприязнь Паллады ко всему женскому и родовому обусловлена тем, что сама она — не мужчина и не женщина, а скорее злая и очень опасная пародия на женщину, воинственное существо с явной гипертрофией *animus*'а. Или, как еще лучше определяет сам Бенн,

«педерастически-церебрально-трансцендентально-андрократический субъект чистого патриархата». Сама по себе реплика Г. Бенна была оформлена в стиле ницшевско-клагесовской философии жизни, шпенглеровской культуркритики и блюхеровских выпадов против зрота тайных однополюсных союзов. Вероятно, в 1943 г. в том и была какая-то надобность, дело не в этом. Протест Бенна — это протест именно против «маскулинного» (ergo, «церебрального») подхода к действительности, яростный выпад против мужских религий, мужских Богов, мужских порядков. Символом всего этого Бенн выбрал Афины Палладу — воинственную убийцу матерей. Предпринятая Виртом попытка рассмотреть изображения Паллады в контексте истории матриархата, с его матронами, Белыми Дамами, несущими образ самой Матери-Земли и т.д. — может быть воспринята в свете блистательного эссе Г. Бенна либо как попытка интегрировать сюжет Паллады, далеко вышедший за рамки традиционного матриархата — обратно, в мир атланти-нордических Матушек и т.д., либо — как совершенно иное, нежели у Готфрида Бенна, восприятие образа воительницы Афины (как своего рода «стража порога» уходящего мира, несущего свою ночную вахту при штабе жриц Матери-Земли и воюющего против ее врагов, и т.д.). В любом случае, два крупнейших автора Германии 30-х: серьезнейший историк религии и один из лучших поэтов, по каким-то, не совсем понятным причинам, восприняли образ Афины-Паллады очень по-разному. — *Прим. пер.*

²⁹⁵ См. раздел «Матриархат и амазонки» в книге А.И. Рыбина по истории атлантологии: Рыбин А.И. В поисках Атлантиды: исследование мифов и легенд. М.: УРСС, 2004. С. 148 сл. — *Прим. пер.*

²⁹⁶ «Холм святых» (исп.). — *Прим. пер.*

²⁹⁷ Правая рука, по всей видимости, не сохранилась. — *Прим. пер.*

²⁹⁸ В древнерусской, а затем — русской фольклорной традиции прямым аналогом германской *Drute-Thrude* является Баба-яга — хозяйка леса и лесных зверей, мать-властительница, хранительница очага. Она наделена всеми признаками древней матушки, почитаемой в народе жрицы: она пребывает у священного очага, «руками уголья загребает», «на печке лежит», «языком сажу загребает» и т.д. При этом у нее — костяная нога, которая является либо «ведьминой лапой», либо частью скелета, либо ногой утки (демона?), либо всем этим одновременно: тут исследователи предлагают множество самых невероятных объяснений. «Другая особенность облика Яги — это ее подчеркнутая женская физиологичность», — говорит Пропп и далее приводит много забавных примеров (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004. С. 56 сл.). Эти примеры иллюстрируют его не совсем убедительную догадку, что Яга — это Мать, но не народная матушка, а мать зверей. Пропп ссылается при этом на ее явно матриархальные черты (как будто у зверей тоже был переход от материнского права к отцовскому праву), а затем сразу же переходит к (намного более мотивированной) трактовке Яги как сугубо инициатического персонажа, испытывающего малых деток страшной болью нечеловечески жестоких пыток. Это, конечно же, тоже крайность, но замолчать достижения современных ему

этнографов Пропп не мог, т.к. писал очень научную книгу. Верно в ней то, что Яга рассматривается как рудимент древнейшего матриархального жречества, охранительница входа в Иное Царство, сближается на этой почве с немецкой Fгаu Holle (Она же — Берта = Перхта, в т.ч. Шиах-Перхта народных карнавалов), а также с Морозом («Мужской эквивалент Яги, Морозко, — хозяин леса», — говорит Пропп), атланти-нордическим вестником из священного Мо-Уру. — *Прим. пер.*

²⁹⁹ Вариантом таких же зимнесолнцестоянческих «шапок в форме лебедя» можно считать знаменитый «фригийский колпак», который встречается на древнейших мистериальных изображениях митраизма, на голове Митры-Тавроктона (Митры, убивающего Быка). Также фригийский колпак встречается на многих древних статуях, особенно на статуях Париса. Как говорит Фулканелли (в «Тайнах Соборов»), в Средние века фригийский колпак стал одним из опознавательных знаков адептов Царского Искусства. Мы видим его, например, на голове Алхимика из Собора Владычицы нашей в Париже и много где еще. От Средних веков до 1789 г. фригийский колпак носят клошары Франции, Северной Италии (Пьемонта) и Королевства Обеих Сицилий. В Новое время красный фригийский колпак становится символом общества якобинцев и называется *bonnet rouge* («бонне руж»). При этом надо заметить, что ни Робеспьер, ни Дантон, ни Сен-Жюст никогда *bonnet rouge* не надевали. Зато среди прочих агитаторов, выступавших в клубах и на митингах, *bonnet rouge* становится знаком их солидарности с третьим сословием, и с 1793 г. *bonnet rouge* признается официальной эмблемой революционной Франции. (Он появляется на ее печатях, документах, штемпелях, и т.д., хотя после 9 термидора 1794 г. фригийский колпак постепенно выходит из моды, но затем снова возвращается, когда в 1870 г. во Франции устанавливается режим Третьей Республики. Гербом этого режима было изображение женщины с *bonnet rouge* на голове, т.н. «Марианна с фригийской шпочкой». Этот герб существовал во Франции до 1940 г. Примечательно, что после Второй мировой войны де Голль не стал восстанавливать в качестве государственного символа *bonnet rouge*, а утвердил вместо этого галльского петуха и лотарингский крест — эмблемы еще Каролингской эпохи.) Но логично задать вопрос: откуда позаимствовали фригийский колпак сами якобинцы? Тут гипотезы ученых расходятся. Вероятно, между алхимиками Средних веков и якобинцами было некоторое «передаточное звено», как, впрочем, и между митраистами поздней Античности и средневековыми герметиками. Сложнее установить связи между митраизмом и традицией русского православия, где культовый убор высшего духовенства с древнейших времен именовался «митрой» и, как говорят специалисты в этой области сакрального символизма, примерно до Петра Первого имел форму не усеченного («обрезанного») цилиндра, а конического, «фригийско-лебедино-зимнесолнцестоянческого» навершия, т.е. форму фригийского колпака Тавроктонного Митры, о значении которого Вирт обмолвится также при обсуждении рис. 230. С точки зрения Вирта, митраистская символика является очень ярким и очень насыщенным проявлением

изначального гиперборейского Мифа — Мифа о Годе, Лебедь, Спасителе и Зимнем Солнцестоянии. Лучшей на русском языке работой о митраизме пока что остается исследование Франца Кюмона Мистерии Митры (СПб.: Евразия, 2000). — *Прим. пер.*

³⁰⁰ Исходя из той схемы развития мировых и национальных религий, которую выстраивает Герман Вирт, эти белые облачения при переходе от стадии изначального матриакхата к позднейшим патриархальным культовым практикам должны были стать облачениями жрецов-мужчин, что мы и видим в случае таких разных традиций, как индийский джайнизм (шветамбары — «одетые в свет», т.е. в светлые одеяния), пророческий иудаизм (белыми были облачения священников Кумранской общины), также православное христианство, где на некоторые праздничные службы духовенство облачается в белое. — *Прим. пер.*

³⁰¹ Вероятно, здесь мы имеем подлинно нордическую разгадку происхождения митраистского сюжета Тавроктонии. — *Прим. пер.*

³⁰² В оригинале это патетическое место звучит так: «Nie gut Polsata-Forsites-Hyperboreer-Land!» — *Прим. пер.*

³⁰³ Вирт приводит эту фразу в ее русском (принятом среди археологов) варианте. Особенно интересными для обсуждаемого в этом месте сюжета, затрагивающего проблемы женского священства, сакрального материнства, архаического мистериального посвящения и т.д., являются т.н. «Половецкие бабы», выполненные из камня и хранящиеся, в частности, в коллекции Московского Исторического музея. Особенностью такой Половецкой бабы «с ярко выраженными чертами плодородия» (выражение акад. Б.А. Рыбакова) является то, что она представляла хтонический аспект спонтанного бытийственного порождения, низводящего в материю чистую Идею, дробящего ее в мире динамичных и множественных форм, но в то же время передающего ее через тысячелетия. — *Прим. пер.*

³⁰⁴ Согласно греческому преданию, Иксион был царем лапифов в Фессалии. Пообещав своему будущему тестю Деионею большие дары, в случае если Деионей выдаст за него свою дочь, Иксион после свадьбы отказывается выполнить свое обещание и убивает Деионею, сталкивая в яму с пылающими углями. После смерти Иксион осмеливается домогаться любви Богини Беры, за что возмущенный Зевс велит привязать его к вечновращающемуся огненному колесу и забросить на небо. — *Прим. пер.*

³⁰⁵ О том, как была эта «ostisch-maennerrechtliche Institution» устроена, см.: Леру Франсуаза. Друиды. СПб.: Евразия, 2003. Широкова Н.С. Культура древних кельтов. А., 1983. Похищение быка из Куальнге. М., 1985. — *Прим. пер.*

³⁰⁶ В указанном месте Вирт говорит, в частности, следующее: Ваба — это имя древнешумерской Богини-Матери, (в более поздних табличках звучащее как «Ва'и»). В шумерском языке имя Бабы записывается с помощью идеограммы Ворота или Дома: через аккадскую форму Bab-ilu («Врата Божии») и нововавилонскую форму Bab-ilani («Врата Богов») этот корень перешел в греческое название Вавилона (Babylon) — культовой столицы Бабы, центра Ее особого почитания. Имя Богини Бабы (священным знаком Кото-

рой была звезда с 8-ю лучами) восходит, по мнению Вирта, к культуре ultima Thule: подтверждением этого являются промежуточные формы имени Богини (армянская «Ва-ва-а», славянская «Каменная Баба»: от украинских капищ до скифских или сибирских идолов и т.д.). При этом Вирт ссылается на сообщение одного из первых немецких путешественников, оставивших подробное описание Русской земли — на Сигизмунда Герберштейна, видевшего на берегах Оби в точности таких же идолов сидящей Богини с Младенцем на коленях. Особенно интересно указание Вирта, что в средневерхненемецком языке «babe, bove» (равно как и «Baben» по-баварски) значит «бабушка», «матушка», «старушка», что лишний раз указывает на этноязыковую близость славян и германцев, постоянно отмечавшуюся Германом Виртом. Если культ Каменной Бабы археологам установить достаточно просто (сохранилось много памятников), то с культом Золотой Бабы все обстоит сложнее. В Новгородской летописи за 1398 г. мы читаем про миссионерские поездки св. Стефана Пермского и его прения с местными жрецами. В летописи говорится: «Сей (т.е. св. Стефан) научи Пермскую землю вере Христове, а прежде кланялися зверем и деревом, воде, огню и Златой Бабе». Приезжавшие в Московию западные ученые (Матвей Меховский — XVI в. Юлий Помпоний Лета — XV в.) оставляли в своих воспоминаниях красочные описания этой Золотой Бабы. Есть она и на карте знаменитого фламандского путешественника Герарда Меркатора. Кто же такая эта «Zolotaja Baba»? Тут мнения ученых расходятся. Одни считают ее славянской Богиней (А.С. Кайсаров и Г.А. Глинка), другие — женой верховного ханты-мансийского Бога Нуми-Торума, по имени Калтась (позиция евразийца Н.С. Трубецкого), третьи — египетской Богиней Изидой, попавшей на Русь благодаря киммерийцам (Г. Грицков), четвертые — якутской Богиней Дьес Эмигет (вариант: мансийской Богиней Сорни-Эква, что переводится как «Золотая Женщина»). Есть и такая точка зрения, что Золотая Баба — это Богиня милосердия Авалокитешвара, именуемая в китайском буддизме Богиней Гуаньинь (Алексеев А. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941). Вероятно, здесь позволительно говорить о некотором очень древнем языческом Богородичном культе. Источники чаще всего представляют Золотую Бабу народной матушкой-рожаницей; этническим идеалом и супругой Верховного Бога (Велеса, Тарха Дажьбога или Нуми-Торума). См.: Асов А.И. Атлантида и Древняя Русь. М., 2003. С. 197—203. — *Прим. пер.*

³⁰⁷ «Благочестивый обман» (лат.). Как говорит один из виднейших представителей т.н. «нативистской» школы, подавляющее большинство женских образов, которые встречаются нам на страницах исторических и мифологических ирландских саг, являются рефлексамии, отзвуками древнейшего образа Верховной Богини, Праматери, Которая «подверглась монастырской цензуре и утратила от этого свое роскошное одеяние, сохранив, однако, свое символическое назначение» (Mac Cana, Pr. Aspects of the theme of King and Goddess in Irish literature // Etudes celtiques. Vol. VIII, 1958. P. 61). — *Прим. пер.*

³⁰⁸ Вероятно, здесь мы находимся перед разгадкой происхождения христианского нимба (от лат. *nimbus* — туча, облако), который, с точки зрения атланти-нордической теории, несомненно, является символом Северного Истока, символом полноты Изначальной Традиции, выраженной в знаках рунического круга. Символом причастности Изначальной традиции является также и световой круг нимба, причем — и это важно — на иконах святых Нового Завета он изображается позолоченным, а на иконах святых Ветхого Завета (пророков и патриархов) — посеребренным. Разным достоинством обладают и теории происхождения нимба, ибо не все они берут в расчет атланти-нордическую праисторию человечества. Одни из этих теорий производят нимб от мениска — круглого металлического, помещенного горизонтально, кружка, которым греки прикрывали выставленные на открытом воздухе статуи (для защиты их от непогоды и от птичьих нечистот); другие — от известного обычая привешивать круглые щиты на спину тем военачальникам, которые одержали значительную победу; наконец, третьи думают, что изначально нимб являлся атрибутом тех Божеств, которые представляли собой круглые небесные светила, а потом сделался принадлежностью не только Богов-олимпийцев, но и простых смертных, живыми восхищенных на небо. Всего вероятнее, нимб обязан своим происхождением народному верованию греков, которые представляли себе образ Богов в целом подобным образу людей, с тем лишь отличием, что, когда Боги являются в человеческом образе, вокруг Них реет сияющее эфирное облако. Такое представление о Богах, с самых ранних времен усвоенное греческой поэзией, впоследствии было перенесено из нее в образные искусства, главным образом в живопись, а так как в картинах сложной композиции изображать богов совершенно окруженными подобным сиянием было затруднительно, то художники стали довольствоваться условным его обозначением, а именно помещением его только вокруг голов. Точно так же может быть объясняемо происхождение других атрибутов божественности, употребляемых в искусстве, каковы ореол, лучезарный венец и мандорла. От северных матушек, которых мы видим облаченными в стилизованные колпаки (знаки благодатного свечения), нимб перешел к древним индогерманцам (ореол Хварено), от древних индогерманцев — к древним грекам, отсюда — к римлянам, затем в Египет и наконец был ассимилирован христианской иконографией. Подробнее см.: Hagstrom, Aurelie A. *The Symbol of the Mandorla in Christian Art: Recovery of a Feminine Archetype* // *Arts* 10 (1998). P. 25—29. — *Прим. пер.*

³⁰⁹ «Maertirer, Magde, Maiden, Muetter, Matres» — все эти пять слов начинаются на букву «М», что, вероятно, используется Виртом как скрытое указание на «панчамакара» — знаменитые «пять М», о которых говорится в тантрической традиции. (Более подробно эти вещи проговаривает ученик Вирта, крупнейший мыслитель Италии XX в., барон Юлиус Эвола: «Речь идет о пяти „используемых субстанциях, которые следующим образом ставятся в соответствие с пятью „великими элементами“: использование женщины (*maithuna*) соответствует эфиру; использование вина или других аналогичных опьяняющих напитков (*madya*) —

соответствует воздуху, использование мяса (*mamsa*) — соответствует огню, использование рыбы (*matsya*) — соответствует воде, и, наконец, использование некоторых знаков (*mudra*) соответствует земле. (*Mahanirvana-tantra*, VII, 103—111). Поскольку названия всех этих субстанций начинаются на букву *m*, тайный тантрический ритуал был назван также ритуалом «пяти *m*», (*pancamakara*)». — *Evola, Julius, Le yoga tantrique. Sa metaphysique, ses pratiques. P., 1989. P. 178—179*. А поскольку элемент эфира является квинтэссенцией, т.е. резюмирующим основанием всех остальных элементов, и в тантрической традиции однозначно соотносится с майтхуной, т.е. «использованием женщины», у нас появляются дополнительные основания для того, чтобы понимать загадочное, чем-то напоминающее мантру, перечисление Вирта «*Maertifer, Magde, Maiden, Muetter, Matres*» — как указание на ритуал «панчамакары», или по меньшей мере на квинтэссенциальную значимость женского начала в атланти-нордическом, индоевропейском миропонимании. Кроме того, имеются интересные сведения о том, что в возглавлявшемся Виртом институте «Аненербе» интерес к тантризму был огромен: блестящим специалистом в этом вопросе были многие индоевропейцы и прежде всего проф. Вальтер Вюст, глубоко знавший санскрит со всеми пракритами, тонкости многих посвячительных практик Древней Индии и т.д. — *Прим. пер.*

³¹⁰ *Jung, Erich. Germanische Goetter und Helden in christlicher Zeit. Urkunden und Betrachtungen zur deutschen Glaubnsgeschichte, Rechtsgeschichte, Kunstgeschichte und allgemeinen Geistesgeschichte. 2. Aufl., Muenchen-Berlin, 1939. — Прим. пер.*

³¹¹ С точки зрения совершителей «древнего таинства», о котором говорит Эрих Юнг, *Dasein*, «Бытие-Вот», или, в нашем переводе, «наличное Бытие», проникнуто Жизнью Божией и Законом Жизни Божией, который Вирт, исходя из древнефризской традиции, называет ОДАЛОЙ (*od-il, od-al*). Этот универсальный принцип, лежащий в основе вселенских закономерностей, у индийцев назывался «Рита» (*ṛta*), у иранцев — *arša*, у римлян — *virtus*. Вопрос о славянском аналоге такого Всеобщего Закона Жизни Божией, возникающий с неизбежностью, коль скоро мы осознаем, что русская традиция к индоиранской ближе, чем любая другая традиция — этот вопрос до недавнего времени решался учеными так: «По совокупности значений др.-инд. *ṛta*-ближе всего слав. *zakopъ, слово, используемое и для обозначения свода юридических правил, обычаев» (Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 232, прим. 25). Однако материал древнерусских священных текстов дает основания считать иначе, а именно, что наиболее точным славянским аналогом Риты (Арты, Одалы и т.д.) был не «закон», а «рота» — понятие, используемое в древнерусских текстах для обозначения того самого космического Закона Жизни Божией, о котором пишет Г. Вирт. Помимо того что Рота — это слово, этимологически к Рте-Арте-Ритуалу наиболее близкое, оно является, в исходном своем понимании, частью магическо-культовой речи, означая, по данным В.И. Даля, и «заклинание», и

«клятву», и другие сугубо ритуальные явления. Возникает, правда, вполне естественный вопрос: если РОТА — это настолько важная реальность славянского универсума, то почему ей не посвящено специальных текстов (од, гимнов, дифирамбов и т.д.)? Русский ученый Михаил Серяков, впервые описавший РОТУ как незыблемую константу исконно славянского мировоззрения, отвечает на это примерно так: во-первых, таких текстов в русской летописной и прочей сакрально-исторической письменности можно найти немало. (Они приводятся в прекрасном исследовании М.А. Серякова: «Вселенский Закон. Незримая ось мироздания». М., Эксмо-Яуза, 2005.) Во-вторых, в священных книгах индоиранского Востока мы также вряд ли найдем очень большие тексты, целиком посвященные прославлению Вселенского Закона: с одной стороны, это связано с невыразимостью в словах того, что является самым важным, а во-вторых, с тем, что самое важное (Самое Само) понималось нашими предками скорее интуитивно и не требовало с настойчивостью письменной фиксации на «ветхих скрижалях» (*alte Tafeln* — по выражению Ницше) или где-либо еще. Исходя из этого, можно предположить, что потребность делать записи на стенах замков (равно как и писать монографии о Священной Протописьменности и Вселенском Законе) отражает не самую благополучную ситуацию — как Вселенной, так и ее Закона. Когда всем понятно все (или совсем ничего непонятно!), слова и законы не очень-то и нужны. В любом случае, появляются они благодаря временному кризису, хаосу и растерянности — во имя преодоления и утверждения. — *Прим. пер.*

³¹² *Бруктеры* — название одного из нижнегерманских племен, которое проживало между Липе и верхним Эмсом. Известным оно становится около 12 г. до н.э. Во времена Констанция Хлора и позднее бруктеры принадлежали к Франкскому союзу. В отличие от них, германское племя *батавов* с древнейших времен проживало на территории современной Голландии, т.е. на острове, который образует рукав Рейна, около Лейдена впадающий в море, а также реками Маас и Вааль. Этот остров назывался в древности *Insula Batavorum* — островом батавов. — *Прим. пер.*

³¹³ Котел кимвров имеет прямую аналогию в культовом котле русских хлыстов, Людей Божиих, который использовался ими во время т.н. годовых радений, совершавшихся в момент *летнего солнцестояния*, в самый длинный день июня. Происходило это обычно так: «Посередине маленькой комнаты ставится большой *котел*, наполненный водой; к краям его прикреплены зажженные свечи. Собравшиеся подходят сначала к сидящей под иконами богородице и прикладываются к ее колену, а затем становятся вокруг котла двумя концентрическими кругами, мужчины внутри, женщины снаружи. До полуночи происходит общая молитва со слезами и поклонами, а в полночь спускают по пояс одежду (женщины — до груди), берут у *богородицы* свернутые жгутами полотенца и начинают круговое радение, бегая друг за другом и ударяя переднего жгутом, припевая при этом: „Хлыщу, хлыщу, Христа ищу, // Снизиди к нам, Христос, со седьмого небеси, // Походи с нами, Христе, во святом кругу, // Сокати с небесе, сударь Дух Святой!“

Это радение продолжается до тех пор, пока радеющие не заметят в чане колыхания воды, тогда они падают на колена и видят над чаном сияние и в нем младенца. Тогда пророчица окропляет верующих водой из чана, приговаривая: «Даром Св. Духа помазайтесь, Духом Св. наслаждайтесь, в вере не поколебайтесь»». (Ельчанинов, Александр и др. История религии. М., Руник, 1991. С. 200). — *Прим. пер.*

³¹⁴ Истоки индоевропейского «посвятительного котла», понятого как важнейший символ и часть очень серьезной мифологической системы, были недавно проанализированы в статье Антона Платова: Котел Смерти, или Несколько слов о мифе Рождения // Мифы и магия индоевропейцев, Вып. 10. М.: София, Гелиос, 2002. С. 7—22. — *Прим. пер.*

³¹⁵ Из кельтских магических котлов котел, найденный в Гундеструпе, является самым известным, а быть может, и самым символически богатым. Он был обнаружен археологами в 1891 г. в болотах Северной Ютландии и датируется (самое позднее) концом II — началом I тысячелетия до Р.Х. (G.S.Olmsted. The Gundestrup Cauldron. Brg., 1979). Изготовленный из серебра, этот ритуальный сосуд представляет собой великолепный шедевр древнего искусства: его поверхность изукрашена искуснейшей работы рельефами, изображающими мифологические и ритуальные сцены. — *Прим. пер.*

³¹⁶ Соответствующим указанием на бывшее величие северогерманских народных матушек, владевших силой рун и знанием будущего, является также топонимика и ономастика, до сих пор сохраняющие рунические корни. Среди женских имен здесь необходимо называть следующие: Runilf — «одаренная силой рун», Fridrun — «рунической силой содействующая миру», Hiltrun — «помогающая в борьбе», Sigrun — «подающая победу», Alarun — «имеющая силу рунического круга» (Hermann, Paul. Altgermanisches Priesterwesen, Jena, 1929. S. 19). Эти германские «кассандры», «сивиллы» и «пифии» были жрицами при народных святилищах (аналогично исландским hof-gyðja) и, в соответствии со своими функциями в совершавшихся там ритуалах носили имена Wihlang — «моющая сетильник дева», Wihbirg — «хранительница жертвы или святилища», Alahgunt — «борющаяся за храм дева», Wigedes, Wihagdis — «девочка-жрица» и т.п. (Hermann, Paul. Op. cit. S. 20). Вероятно, важной особенностью жриц германского культурного круга было то, что они, в отличие от жриц ближневосточных, не воспринимались как «супруги Божества» (что мы видим, к примеру, в случае служительниц Великой Матери и Богини плодородия — будь то шумерская Нанна, Инанна, вавилонская Иштарь, сирийская Атар, финикийская Астартя и т.д.) Шумерский титул женщины-жрицы («Божья Дама», nin-dingir, или «Божья Жена», sal-dingir) к северным жрицам непреложим совершенно: не были они ни иеродулами, ни баядерами, ни девочками из Эгтведа, что, вероятно, связано прежде всего с андрогинными чертами Северного Абсолюта (Вральды) и совершенно иным этническим темпераментом. Кроме того, — и на это верно указывает проф. Вирт, — светлые девы Севера были жрицами не Верховного Бога Отца (Небесного Супруга), а светлой матушки Фрейи и в космических иерогамиях (храмовом сочетании с Богом-Супругом) участия не принимали. — *Прим. пер.*

³¹⁷ «Славьтесь, асы! // И асины, славьтесь! // И земля благодатная! // Речь и разум // и руки целящие // даруйте нам!» Старшая Эдда. Речи Сигдривы, 4 // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975 (Библиотека Всемирной Литературы, т. 9). С. 284. — *Прим. пер.*

³¹⁸ «lappofinischer Zauberkram der eddischen Ueberlieferung». — *Прим. пер.*

³¹⁹ Песнь о Хюндле // Беовульф... С. 345. — *Прим. пер.*

³²⁰ Планировка башенок-нурагхов (Nuragh), восходящих к атлантико-нордической традиции Ultima Thule, вполне может быть рассмотрена как уменьшенная модель, условно говоря, «микроскоп» древнейшей столицы атлантов, особенно в том виде, как она описана в диалогах Платона и реконструирована на плане Довилио Бреро. Эта система концентрических кругов (приведенная во многих изданиях, например, в книге: Зайдлер Л. Атлантида. Великая катастрофа. М.: Вече, 2004. С. 35), может быть воспринята, исходя из идеи естественного в традиционных обществах повторения космогонии на всех уровнях жизни, особенно если мы вспомним, что платоновский Демиург создает мир сферическими дивидениями, характерными для рук горшечника, стоящего перед гончарным кругом. — *Прим. пер.*

³²¹ Мадленская культура получила свое название от пещеры Ля Мадлен, находящейся во Франции. Эта культура, возраст которой насчитывает не менее 15 000 лет, распространена по преимуществу в Западной Европе: на севере Испании, в Южной Германии, в Швейцарии, и, конечно же, во Франции. Мадленская культура в широком смысле слова, точнее, мадленская эпоха, представлена по всей территории, где в период позднего палеолита формировалась послеледниковая культура Европы. Мадленскую культуру, в отличие от предшествующих ей культур раннеродовой общины (гримальдийской, перигородийской, селетской, костенковской, и особенно солотрейской и ориньякской, также находившихся во Франции), характеризует большое количество изделий из кости и рога (вместо кремня), что, несомненно, говорит о почитании северного оленя (Лося). Из рога в этот период делают и наконечники копий, и дротики, и ложила, и шилья, и, конечно же, самое замечательное мадленское орудие — гарпуны. Появляются также и т.н. «железы начальников», о прямом назначении которых историки до сих пор спорят. Вероятно, мадленские «железы начальников» могут быть поставлены в один ряд с более поздними, но функционально идентичными инициатическими предметами — вплоть до копыя сотника Лонгина, о таинственной истории которого в XX в. также ведутся споры тайноведов, историков религии и сакральной символики. На тему «Копья Судьбы» написано множество книг (напр. Ravenscroft, T. «Der Speer des Schicksals: Das Sympol für dämonische Kräfte von Christus bis Hitler», Inge Verlag, 1974), снято множество кинофильмов (напр. «Константин»). Одни утверждают, что копьём Лонгина владел (или очень хотел завладеть?) Адольф Гитлер, другие видят в нем кровоточащее копьё Короля-Рыбака, описанное в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, третьи отмечают несомненные кельтские параллели (копыя, не знающие промаха, кровавые или

огненные копыя-молнии) или же добавляют, что копые Лонгина и кровь Христова, равно как и культ Марьи Магдалины, восходят к еще более древним дохристианским сюжетам, что, конечно же, очень неслучайно. В свете всех этих концепций и догадок мадденская (Магдалинская) культура может быть понята как одна из наиболее важных ступенек, ведущих к тайне т.н. «христианства до Христа». — *Прим. пер.*

³²² «Светильник Юла» (Julleuchter) относится к тем элементам древнегерманского культа, которые вошли в эсэсовскую обрядность вследствие деятельности религиозоведов общества «Аненербе». Особенную роль в распространении Юльских Светильников сыграли два человека: Герман Вирт, с его иллюстративным рядом к «Хронике...», а также известный рунолог и специалист по символам Карл Теодор Вайгель. После того как Вирт и Вайгель опубликовали изображения древнейших германских урн со знаками Юла, светильники стали в промышленном масштабе выпускать на эсэсовской фарфоровой мануфактуре. Все, кто имел отношение к закрытым ритуалам СС, получили задание рейхсфюрера обзавестись светильниками, которые стали продаваться на улице Германа Геринга. В качестве знака собственного одобрения Гиммлер ежегодно раздавал эсэсовцам такое количество Юльских Светильников, какое только могла себе позволить произвести эсэсовская мануфактура. По объяснению Джона М. Штайнера, эти символические дары предназначались прежде всего женам эсэсовцев, дабы утешить их после того, как они были обделены возможностью посещать церковь (Steiner, John M. Ueber das Glaubensbekenntnis der SS// Bracher, Karl Dietrich u.a., (Hg.). Nationalsozialistische Diktatur 1933 — 1945. Bonn, 1983. S. 219). — *Прим. пер.*

³²³ В «Священной Протописьменности» Вирт замечает, что особенной значимостью образ гиперборейского Лебеда обладал для древнейших дохристианских традиций Русского Севера, а также о том, что образ Лебеда мы встречаем в доисторических наскальных рисунках Онежского озера, бассейна реки Енисей, причем эти рисунки восходят еще к традициям арктического и субарктического культурных кругов и засвидетельствованы в эпоху раннего каменного века. В общем, Elch-капи и его Лебедь — это источник необычайно древней традиции, корни которой теряются в глубине праисторических веков, когда индогерманская общность еще не сложилась, а сибирские инициации уже были, причем Водителем души выступал гиперборейский лебедь, светлая птица-психопомп. Затем индоарьи, во время своих многочисленных миграций, принесли эту мудрую символику из своей Северной (или Арктически-Атлантической) Прародины, на что есть прямые указания в Ведах. В священных ведических гимнах мы встречаемся с образом Лебеда, который приводит душу к Солнцу, к Небу, к Брахману. Одновременно это — небесная птица, сопряженная с образом Бога Праджapati (Elch-капи сибирских инициаций?), который, как известно, заведует таинством Вращения Года. Лебедь в символизме Упанишад может совпадать с образом Гуся, Хамсы, вокруг которого, собственно, и вращается свастика мирового цикла. «В этом великом колесе Брахмана, всеоживляющем, все-

охватывающем, блуждает Гусь, мысля Атмана и Движущего различными; возлюбленный же Им, он идет к бессмертию» (Шветашватара-Упанишада, 1: 6). Гусь — это, в интерпретации Вирта, Лебедь (отсюда — «гуси-лебеди»), а Великое Колесо Брахмана, по которому Лебедь совершает свои циркумполярные миграции — это, по всей видимости, Колесо Кродера и Великого Юла, ибо Мистерия Всеоживления для души нордического типа может быть только одна — это Мистерия Зимнего Сольстиса. Кроме того, Вирт добавляет, что имеется достаточное количество посвященных сосудов бронзового века с изображением Лебеда (из бассейна Северного моря), а также хеттских (хаттских) «лебединых» цилиндрических печатей из Передней Азии, что позволяет нам говорить о символической связи, едином истоке, линиях преемства и т.д. Особенно интересно отношение этой протомифологии к христианству, ибо и здесь Вирт не упускает случая обнаружить очевидность «необрзанной пуповины», приводя, к примеру, изображение из Борнхольма (ок. 1280 г.), на котором Лебедь приносит на своей спине новорожденного Христа-Спасителя. Соединяя «еще-не-живых», живых и «уже-не-живых», Лебедь-Аист-Хамса пляшет в круге, идет к бессмертию, приносит свет, детей, высокую северную культуру и Благоую Весть о Полярном Истоке. — *Прим. пер.*

³²⁴ Имя «Веледа», согласно разысканию немецких германистов, восходит к тому же корню, что и древнее кельтское слово «филид» (поэт, провидец) (Much R., Jankuhn H., Lange W. Die Germania des Tacitus. Heidelberg, 1967. S. 169). Отсюда вполне естественно предположить, что «Веледа» — это не столько личное имя, сколько эпитет и священное понятие. Континентальная Веледа в точности соответствует ирландской пророчице Фелельм, имя которой также восходит к индогерманскому корню *w(e)id* — «видеть», «ведать», которому, кстати, родственно также и греческое «идея» (то, что видится в уме). — *Прим. пер.*

³²⁵ «И если кто-нибудь захочет получить совет от Матушки или от девы-градоправительницы, то он должен обратиться к писцу. Тот приведет его к бургомистру, затем — к целителю: тот должен подтвердить, что этот человек не может явиться источником злобных эпидемий. Если его признают здоровым, то он должен сложить свое оружие, и тогда семь человек проведут его к Матушке», — говорится в разделе, называемом «Вот законы, которые относятся к замкам», гл. 16. — *Прим. пер.*

³²⁶ В ирландской саге «Разрушение Дома Да Хока» таким же образом описывается встреча короля Кормака с провидицей по имени Бадб. Легенда рассказывает, что эта древнеирландская ясновидящая мыла в реке свою колесницу, подстилки и сбрую. Когда она опустила руку в воду, вода у брода становилась кровью и сукровицей. Когда же она поднимала свою руку, ни одной капли не оставалось у брода, а вся вода поднималась вслед за рукой Бадб. «Ужасно то, что делает эта женщина» — сказал Кормак. И когда его воины стали расспрашивать Бадб о смысле того, что она делала, Бадб встала на одну ногу и, закрыв один глаз, пропела: «Я мою сбрую короля, который умрет». На вопрос Кормака, чья же это сбруя, Бадб ответила, что это сбруя

самого Кормака и верных ему людей. Такое недоброе пророчество является, также как и предсказание женщины сверхчеловеческого роста, предсказанием лишь отчасти: по большому счету, это проклятие. Посредством магической визуализации древние ведьмы достигали исполнения своих пожеланий, а поэтому ключевое слово таких историй — «я вижу» или «я видела». Отсюда же происходит и русское ругательство «да в гробу я тебя видал», обращенное к живому человеку. — *Прим. пер.*

¹²⁷ Обстоятельное сочинение Якоба Гримма «Немецкая Мифология» вышло в 1835 г. и с тех пор многократно переиздавалось (2-е изд. — 1844 г., 3-е изд. — 1854 г., 4-е изд. — 1875—1878 гг. и т.д.). Обычно с датой появления этой книги связывают возникновение германистики как науки. Как говорится в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, «на любителей родной старины книга эта производила такое впечатление, как будто они обрели несметные сокровища там, где ожидали найти только жалкий хлам. Правда, в настоящее время еще более строгая критика доказала, что многие из этих сокровищ — только мишура и композиция; но сама эта критика всецело воспиталась на книге Гримма, и основные воззрения великого германиста (напр. о системе мифологии, о двоеверии и пр.) остаются непоколебленными и до сих пор». — *Прим. пер.*

¹²⁸ Восстание германцев под руководством Веледы упоминается Тацитом в 4-й и 5-й книгах «Истории» и в 8-й главе «Германии», а также Стацием в его поэме «Сады». Тацит, например, рассказывает про Веледу следующее: «Эта девушка из племени бруктеров пользовалась у варваров огромным влиянием, ибо германцы, которые всегда считали, будто многие женщины обладают даром прорицать будущее, теперь дошли в своем суеверии до того, что стали считать некоторых из них богинями (Тацит Корнелий. Т.2. История. М., 1993. С. 174).

Здесь можно обратить внимание на корень «вел», «влад» или «волод», постоянно встречающийся в русских именах, таких как Велемир(а), Велеслав(а), Велемудр, Велемысл, Влас, Власта, Владислав(а), Володислав(а), Иггволод или Ингволод, Инга, Аггивлад, Иггивлад, Вольга, Олег, Волеслав(а), Болеслав(а), Влада и т.п. Даже если отказаться от естественного желания увидеть в ингвеонской Веледе одну из женщин-волхвов, имеющих прямое отношение к славянскому культу волхатого Велеса, трудно удержаться от вполне приемлемой с точки зрения современной лингвистики системы фонетических инвариантов, которая дает объяснение столь иногда неожиданным совпадениям культовых названий, теонимов, топонимов, личных или племенных имен и т.д. — *Прим. пер.*

¹²⁹ «Rassisch nicht vollwertig». — *Прим. пер.*

¹³⁰ In dem All-Eins-mit-Gott-sein. — *Прим. пер.*

¹³¹ В этом фрагменте у Тацита говорится: «Сзади к ангривариям и хамам примыкают дульгубины и хазуарии, а также другие, менее известные племена, спереди их заслоняют собою фризы. Фризов, сообразно их силе, называют Большими и Малыми. Поселения обоих этих народностей тянутся вдоль Рейна до самого Океана; обитают они, сверх того, и вокруг огром-

ных озер, по которым плавали и римские флотилии. Именно отсюда отважились мы проследовать в Океан: ведь молва сообщала, что и в нем все еще существуют Геркулесовы столбы, прозванные так или потому, что Геркулес и в самом деле посетил эти края, или из-за усвоенного нами обыкновения связывать с его прославленным именем все наиболее замечательное, где бы оно ни встретилось. У Друза Германика не было недостатка в решимости, но Океан не пожелал раскрыть ему свои тайны и то, что касается Геркулеса. С той поры никто не возобновлял подобных попыток, и было сочтено, что благочестивее и почтительнее безоговорочно верить в содеянное богами, чем тщиться его познать». — *Прим. пер.*

³³² Про греческого историка Ефора (Ефѳрос) известно немного. По преданию, он происходил из Эолийской Кумы и был учеником Исократа. Историческое сочинение Ефора, состоявшее из 30-ти книг, особенно примечательно тем, что оно, как говорят, было первой в греческой (а может, и мировой) историографии попыткой написания всеобщей истории. Особенно обработанной в сочинении Ефора была географическая часть. И хотя в целом оно до нас и не дошло, большие выдержки, часто без всяких указаний авторства прочих формальных отсылок, приводятся у Диодора Сицилийского. — *Прим. пер.*

³³³ Mutterland — это также и «Страна Матерей». Фраза о «простом величии и строгой простоте» нордических предков является вполне понятной аллюзией на известную мысль Иоганна Иоахима Винкельмана, еще в 60-е гг. XVIII в. сказавшего, что отличительная черта античного искусства — это «благородная простота и тихое величие» (edle Einfalt und stille Grösse). Винкельман И.И. Избранные произведения и письма. М., Л., 1935. С. 107. — *Прим. пер.*

³³⁴ Подробную историю дискурса об Атлантиде, его развития и преломления в теософской, антропософской, «гляциальной» (гербигериянской), консервативно-революционной, «новой правой», ариософской и прочей литературе можно найти в специальном исследовании Франца Вегенера: Wegener Franz. Das atlantische Weltbild. Nationalsozialismus und Neue Rechte auf der Suche nach der versunkenen Atlantis. Gladbeck: KFVR — Kulturfoerderverein Ruhrgebiet, 2001, 158 S. Насколько нам известно, на русском языке специального исследования по истории *мистической* атлантологии не выходило. По крайней мере, сделанного на таком же высоком академическом уровне, как монография Вегенера. А чтобы такая книга когда-нибудь была написана, имеет смысл указать лучшие из тех исследований, на которые в своей работе опирался Ф. Вегенер: Amery, Colin. New Atlantis — The secret of the sphinx. London, 1976. Forsyth, Phyllis Young. Atlantis — The making of a Myth. Montreal, 1980. Glotz, Peter; Kunert, Günter u.a. Mythos und Politik - Über die magischen Gesten der Rechten. Hamburg, 1985. Glowka, Hans-Jürgen. Deutsche Okkultgruppen, 1875—1937. München, 1981. Gsänger, Hans. Atlantis: Der Beginn der Mysterien. Freiburg im Breisgau, 1981. Gugenberger, Eduard; Schweidlenka, Roman. Mutter Erde, Magie und Politik — Zwischen Faschismus und neuer Gesellschaft. Wien, 1987. Hermand, Jost. Der alte Traum

vom neuen Reich — Völkische Utopien und Nationalsozialismus. Frankfurt/M, 1988. *Kamper*, Dietmar; *Sonnemann*, Ulrich (Hrsg.) Atlantis zum Beispiel. Darmstadt u Neuwied, 1986. *Ketelsen*, Uwe-Karsten. Völkisch-nationale und nationalsozialistische Literatur in Deutschland 1890—1945. Stuttgart, 1976. *Lutzhöft*, Hans-Jürgen. Der Nordische Gedanke in Deutschland 1920—1940 Stuttgart, 1971. *Muck*, Otto Atlantis. Die Welt vor der Sintflut. Olten und Freiburg im Breisgau, 1956. *Stern*, Fritz. Kulturpessimismus als politische Gefahr - Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. München, 1986. — *Прим. пер.*

³⁵⁵ Германо-скандинавская традиция повествует, что цверги с самого своего возникновения были паразитами: они являлись червями на теле благородного великана Имира, из которого произошло все, что есть в этом мире. С червями цвергов объединяет два принципиальных момента: во-первых, они суть маленькие и темные, а, во-вторых, они также живут в земле и камнях. Кроме того, цверги, подобно червям, боятся дневного света, который является для них губительным (на свету они становятся каменными). Стихийных духов (именуемых нимфами, сальфами, гномами и саламандрами) прекрасно описал Монфоко де Виллар (в книге «Граф де Габалис, или Разговоры о тайных науках». М.: Энигма, 1996. 176 с. С. 31 сл.). До Монфокона характеристику элементарей (стихийных духов) можно найти у Парацельса в его прекрасной, пожалуй, самой поэтичной «Книге о нимфах, сальфах, пигмеях, саламандрах и прочих духах»//Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М.: Юрист, 1996, 336 с. С. 295—301.

³⁵⁶ Вероятно, именно под влиянием старофризских саг о Скольте возникла у безумного и желчного мизантропа Джонатана Свифта (1667—1745) мысль о лилипутах, само название которых не менее указывает на финнлаппов, чем их крошечный рост. В своей известной книге «Travels of Lemuel Gilliver» Свифт дает и еще некоторые указания, позволяющие заключить, что синтетический образ лилипутов, мальчиков-с-пальчик, населяющих волшебную страну, в действительности списан именно с низкорослых финнлаппов. Хотя в то время, когда писал Свифт, европейцам уже было известно о пигмейском племени готтентотов, и по сей день живущих на территории Южной Африки. Помимо того что готтентоты — народ кочевой, грубый и, что называется, «крайне первобытный», он, по мнению многих антропологов, является не просто племенем, а одной из коренных, главных рас рода человеческого. Шерстиволюсые, толстогубые и плосконосые готтентоты ростом, как правило, не более 150 см. Кожа у них светлая, восточный, протомонголоидный элемент явно доминирует над негроидностью, проявленной более скупой. Любопытно, что в мифах самих готтентотов сохранилось гулкое воспоминание о некогда ими пережитом путешествии в плетеной корзине из ротанга, по всей видимости, корабле, принесшем евразийски-монголоидных аборигенов (предположим, Северной Европы) к берегам Южной Африки. Напомним в связи с этим очаровательную гипотезу Адриана Снимана, который после того как «Хронику Ура Линда» издали на языке африкаанс, заявил, что рунический шрифт, которым *Die Oera Linda*

Voerk написана, поразительно совпадает с алфавитами некоторых племен Южной Африки. (Эту гипотезу А. Снимана передает К.-Laura Bräuer в статье под названием «Die Ura Linda Chronik: noch immer ein heißes Eisen?» // EFODON-SYNESIS Nr. 6/1999). Среди большинства современных лингвистов господствует мнение, что африкаанс, язык африканеров (буров), так же как и фризский, является индоевропейским и относится к германской языковой группе. — *Прим. пер.*

³³⁷ По-немецки «der Huene» значит богатырь, великан, исполин. — *Прим. пер.*

³³⁸ Понятие «коренная раса» (die Urrasse, die Wurzelrasse) в языке проф. Вирта имеет иной смысл, чем у м-те Блаватской, хотя кое-какие пересечения — через классиков ариософии, прежде всего Горслебена, совсем не исключены. Учитывая, что влияние Горслебена, одного из самых интересных и совсем уже несправедливо забытых ариософов, в книгах Вирта прослеживается даже на уровне текста, а также и то, что Горслебен своих симпатий к теориям теософов никогда не скрывал, имеет смысл конспективно представить здесь учение Блаватской о т.н. «пяти коренных расах Земли». Это суть: 1) Астральная раса — студенистые аморфные существа, «получившие свое дыхание от солнца». Они возникли в невидимой и вечной священной земле. 2) Гиперборейская раса — обладала более определенным составом тела. Гиперборейцы обитали на исчезнувшем полярном континенте, который в некоторых ариософских интерпретациях совпадает с «Атландом», а в других — принципиально от него отличается. 3) Лемурийская раса — обезьяноподобные существа гигантских размеров. Эта раса процветала на острове, затерянном в Индийском океане. Самый низкий духовный уровень в «эволюционном расовом цикле» (выражение Е.П.Б.). Активно практиковали смешанные браки, отсюда — размножение уродов.

Первые три расы — это протогуманоиды. За ними следуют те, кто по степени «человечности» их превосходит. Это:

4) Атлантическая раса — результат земного воплощения высокоразвитых космических существ, «Солнечных Питрисов» — Сынов Огня, одного из высших разрядов среди Сынов Разума. По преданию, они ушли под воду. Это были Гиганты, наделенные силой Фохат (Огненным Туманом). 5.) Арийская раса — развивалась под непосредственным наблюдением высшего существа, Ману. Вплотом-седьмом кругах, по учению Блаватской, высшие коренные расы поднимаются к свету. Одним из важнейших отличий ариософии от теософии была немецкая конкретизация, добавление к «обыкновенному гностицизму» Духа Земли собственно-немецкого, а не «парящего над водами». Поэтому ариософия — это своего рода «национал-гностицизм», вобравший в себя богатое наследие немецких романтиков и погруженный в изучение корней коренных рас. В «Хронике Ура Линда» эти расы возникают одновременно, «зачинаясь» от своих вневременных Архетипов (Фрейи, Финды и Лиды), тогда как у Блаватской мы видим «ступени эволюции». В «Хронике...» коренных рас называется три (в порядке герметического «опуса» — черная, желтая и белоснежная), у Блаватской — целых 5, у Горслебена — две (Kelt- =

Heldgermanen, Goten- = Gottesvolk vs. Joten/Juden, das Volk der dunklen Ju-Hu-Getter), так же как и в «Происхождении Человечества» (1928) Германа Вирта — всего две: это нордическая, северная раса духовных и светлых выходцев с палеоконтинента «Арктогея» и раса «сурдическая», южная, происходящая с палеоконтинента «Гондвана» и целиком пребывающая во власти своих темных и низменных инстинктов. У арктогеев и гондваноидов различно все: и группа крови (1-я и 3-я соответственно), и уровень интеллекта, и форма черепа, и религия, и пигментация кожи. — *Прим. пер.*

³³⁹ «Миттанийский арийский язык, язык хеттов, — пишет современный историк А.В. Гудзь-Марков, — наиболее близок индийскому арийскому языку создателей ведических гимнов и родственен арийскому языку создателей Авесты. <...> можно разделить миттанийский, индийский и иранский арийские языки на две группы: миттанийско-индийскую и иранскую. Причем хеттов (миттанийских ариев) сближает с индоарийцами, создателями <...> Риг-веды, сходство религии и мифологии, и в несколько меньшей степени это сходство касается иранской духовной традиции» (Гудзь-Марков А.В. Индо-европейцы Евразии и славяне. М.: Вече, 2004. 464 с. С. 163. Там же А.В. Гудзь-Марков приводит данные сравнительного языкознания (таблицы коневодческой, ритуальной, мифологической и т.д. терминологии), подтверждающие глубинное родство хеттов с индоарьями). — *Прим. пер.*

³⁴⁰ То есть мадьяры, финно-угорское племя, селившееся по берегам Дуная и Тиса, первоначальная территория расселения которого лежала вдали от Северного океана, к югу от остальных югорцев, по обеим сторонам Иртыша, от р. Печоры, Камы и среднего течения Волги на западе до р. Оби и верхнего течения Яика на востоке, почти от 56 до 67 градуса северной широты. Сам народ издревле называл себя мадьярами (Magyar), тогда как славяне называли их уграми (в польской версии — венграми), византийцы — тюрками, а народы латинского и германского Запада — венграми (Hungari, Onogari, Ungari, Ungri). — *Прим. пер.*

³⁴¹ По-видимому, верна появившаяся в 1586 г. этимология гуманистов, выводящая «Маги» из (полинезийского) слова «magia» — волшебство. Гуманист-переписчик кодекса С так же объяснял и слово «Мадьяры». Про этих «Маги» периода Лико Овира Линда см. илл. 88. — *Прим. Г. Вирта.*

³⁴² Хуррито-урартский Бог грозы Тешуб (Тешшуб — на хурритском, Тейшеба — на урартском языке) имел своей священной резиденцией город Кумию (хуррит. Kūmte, урарт. Qute-wu), название которого, по всей видимости, восходит к древнему корню kūt- («священный»). Отсюда же происходит и имя отца Тешуба — Кумарби, из головы которого он, по преданию, и родился. — *Прим. пер.*

³⁴³ Оно находится недалеко от современного Богазкея. — *Прим. пер.*

³⁴⁴ О фаллическом культе есть любопытная статья в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Хотя многие ее выводы уже устарели, приведем ее с нек. сокращениями: «Фаллический культ — выражается: 1) в обоготворении органов оплодотворения, мужского (фаллос) и женского (ктеис), как самостоятельных божественных существ; 2) в обоготворении действительных

или символических изображений этих органов; 3) в антропоморфировании этих органов как Божеств плодородия земли и человека, 4) и в поклонении этим Божествам чрезвычайно разнообразными актами, начиная с приношения в жертву изображений genitalia и кончая эксцессами сладострастия, общественным проституированием — и противоположными актами: самооскоплением, периодическим воздержанием и аскетизмом. Культ этот царил не в одном только классическом мире, откуда пошло его название. Он одинаково распространен в различных стадиях развития у самых первобытных племен и у культурных народов внеевропейских (например японцев), а в виде многочисленных переживаний — у крестьянского населения Европы. Еще так часто встречающийся среди нас грубый обычай ставить «кукиш» оскорбителю или для предохранения от дурного глаза ведет свое начало от Ф. культа, так как изображение Ф., символом которого является в данном случае «кукиш», в прежнее время повсюду считалось охранителем от всяких злых духов и чар. Типической страной Ф. культа, сохранившегося, несмотря на запрещения, до настоящего времени, является Япония. По синтоистской космогонии даже самые острова япон. архипелага представляют собою не что иное, как гигантские Ф., созданные Ф.-ами. Реальные изображения Ф. и ктеис находим в божницах, на дорогах. Символы Ф. (гриб, рыло свиньи) и ктеис (бобы, персики) — служат жертвоприношениями. Индоевропейские и семитические религии, включая и Египет, полны следов Ф. культа. Еще на заре ведической мифологии мы встречаем образ *быка-плодотворителя*, во множестве вариаций повторяющегося во всех индоевропейских мифологиях (Дионис — «могучий бык» у греков); в брахманизме уже выступает явственно могучий *deus phallicus*, Шива, главные символы которого *linga* — греч. фаллос и *yoni* — ктеис, они же символы воспроизведения и обновления. В аллегорической форме шара и призмы символы эти повсеместно украшают храмы этого Бога рождения и разрушения. Ф. поклонники его с XII в. образовали секту лингаитов, которые постоянно носят с собою маленькие фигурки Ф. как защиту против злых наваждений. Поклонение Шиве у одних выражается суровым аскетизмом, у других, наоборот, самым необузданным развратом. Как в Древнем Риме изображения фаллоса из бронзы или камня служили украшениями женщины, гигантские изображения его воздвигались в храмах, и еще в настоящее время факиры у храмов предлагают бесплодным женщинам целовать фаллос. Греко-римский Ф. культ, концентрировавшийся главным образом вокруг Диониса и Афродиты, — культ, заимствованный из семитических религий; под разными именами он господствовал во всей Западной Азии и Египте. См. продолжение в сл. сноске.

¹⁴¹Типичнее всего культ этот выразился в Сирии. Храм Астарты и Атти-са украшался у входа изображениями фаллоса и целыми Ф. сценами из культа Астарты. Множество оскопленных в женском одеянии прислуживали богине; другие, возбуждая себя музыкой и пляской, приводили себя в экстаз и оскопляли себя. В Финикии во время празднеств по умершему Адонису женщины срезывали свои волосы и проституировали себя. У самых

первобытных племен следы Ф. культа встречаются в самых различных местах и в самых различных формах. Гиляки благоговейно относятся к срезываемой шкурке фаллоса медведя; айны ставят на могилах огромные деревянные фаллосы; бушмены, жители о-вов Адмиралтейства, обитатели Суматры и др. изготавливают Ф. изображения своих Богов. Почти универсальным можно считать обряд обрезания, который является как бы заменой жертвы Ф. самооскопления в культе Астарты. Генезис фаллического культа лежит в анимизме первобытного человека вообще и в частности в представлении о множественности душ индивида, т.е. в представлении о том, что кроме главной души — дубликата всего человека, существуют еще самостоятельные души отдельных частей тела. Органы оплодотворения, с этой точки зрения, более чем какие-либо другие должны были обладать самостоятельным существованием; за это говорило все: и таинственность процесса воспроизведения, и еще более импульсивная бессознательность процесса, в котором органы оплодотворения действуют помимо и даже вопреки желанию индивида. Отсюда и представление о фаллосе как об *индивиде*, могущем существовать даже и совсем отдельно от человека и проявлять в таком состоянии свои чудотворные действия. Некоторые Ф. изображения даже более или менее культурных народов наглядно иллюстрируют это представление. Великолепное гигантское Божество Аннама, представляющее антропоморфизированную зверочеловеческую фигуру слона и пантеры, опирающуюся на царственный жезл, снабжено огромным фаллосом, украшенным такими же атрибутами (рогами, клыками, пятнистой шкурой), как и его царственный обладатель, и представляет как бы двойник этого последнего. От человека и животных такие представления о природе Ф. органов были перенесены и на всю остальную природу. Деревья, цветы, травы, даже камни считались размножающимися таким же путем, как человек. Отсюда воззрение на смену времен года и связанную с нею смену растительной жизни как на результат периодического возрождения и умирания Ф. божеств, творцов растительной жизни. <...>. Необъяснимыми казались до самого последнего времени Ф. эксцессы, которыми сопровождались земледельческие праздники у самых различных народов. В них видели переживание первобытного коммунального брака, но это оставляло без объяснения эксцессы противоположного характера — обязательное воздержание от сексуальных сношений и даже самооскопление. У *греков фаллос* служил символом божеств Диониса, Гермеса, добрых демонов, Приапа и Афродиты, <...>. Наиболее значительную роль играет в культе Диониса, особенно во время сельских праздников сбора винограда и городских празднеств, которыми ознаменовывалось наступление весны. На сельских или малых Дионисиях Ф. поднимали вверх и носили в процессии (фаллофории, фаллагонии) с особыми так называемыми *фаллическими* песнями. В смехотворных шутках таких шумных процессий (комос), заключались зародыши древнеаттической комедии. <...>. Ф., фигурировавший на упомянутых процессиях, делал из красной кожи, придавая ему положение эрекции (итифаллос), и привешивали к длинному шесту; участники процессии привязывали себе небольшие Ф. к шее и бедрам,

наряжались в пестрые костюмы и надевали маски. Восточная склонность к крайностям проявилась в греческих городах эллинистической эпохи, между прочим, и в культе Ф.: в пропиеях Дионисова храма в Сирии стояли два ипосилинских Ф. с надписью, гласящею, что Дионисий посвящает их махече своей Гере; в Александрии при Птолемее Филадельфе носили в процессии Ф. длиной в 120 локтей, с венком и золотой звездой на кончике. Наряду с этим во всех странах эллинского, равно как и римского мира, употреблялись небольшие Ф. в качестве амулетов, которым приписывалась чудодейственная сила — прогонять дурные влияния и чары. У римлян этот амулет назывался *fascinas* или *fascinum*: его носили в детском возрасте на шее, вешали над входами в дома и комнаты, выставляли в садах и на полях для их охраны. Чудодейственная сила Ф. исходила из того, что обшцненное изображение привлекало к себе взоры и отводило их от опасного предмета (Плутарх, Пир, V, 7, 3). В Лавинии в течение целого месяца, посвященного Либеру, Ф. носили по всем деревням, чтобы отвести от полей злые чары, после чего водворяли его на место, пронеся его по всему городу через площадь; на свадьбе новобрачная должна была сидеть на Ф., которому как бы приносила в жертву свое целомудрие. Именем итифалла (Ф. в состоянии эрекции) обозначаются также песнь в честь его и сопровождающая ее пляска».

³⁴⁶ С точки зрения Вирта, все эти средиземноморские мистерии являются лишь отзвуком, лишь жалким слепком той Изначальной Мистерии, служением которой была вся жизнь Германа Вирта — Мистерии Зимнего Солнцестояния. Это совсем не значит, что Вирта не интересовали тайноведческие арканы, секретные языки, космогонии и космологии древних мистерий. Ни в коем случае! В книгах Вирта можно найти богатейший материал, словно подготовленный для реконструкции полярного гнозиса, но именно полярного, матриархального, а не разнузданно-приапическо-левантийского или маскулинно-сексистско-шовинистического! Обе последние крайности, символически представленные в образе «девочки из Эгтведа» (см. далее) и вотанических «тайных мужских союзах», воспетых Отто Хефлером и Лили Вайзер, Вирт считал чуждыми той традиции, которую он называл *изначальной*, т.е. «традиции атланта-нордической расы». — *Прим. пер.*

³⁴⁷ «*primitive Gemeinschaftskultur*». — *Прим. пер.*

³⁴⁸ Денемарки, то есть Дания. — *Прим. пер.*

³⁴⁹ Густав-Оскар-Августин Монтелиус (Montelius) — известный шведский археолог и историк культуры (1843—1921). В 1869 г. вышло его фундаментальное произведение «Железный век», сразу же переведенное на английский язык; затем последовали его история скандинавских древностей с атласом (есть французское издание «*Antiquités Suédoises*», 1873—1875) и «Жизнь в Швеции в языческий период» (1873 г.; переведена на немецкий и французский языки, 1874 и 1885). В 1875—1877 гг. вышла его «История Швеции в языческий период», которая вошла в иллюстрированную историю Швеции с древнейших пор до нашего времени. Бронзового века касаются следующие труды М.: «*Sur les époques de l'age du bronze en Suède*» (1871), «*Бронзовый век в Северной и Средней Швеции*» (1873), «*Sur les sculptures de*

rochers de la Suède», «Sur l'âge du bronze en Suède» и мн. др. Особенного внимания заслуживает фундаментальный труд Монтелиуса «La civilisation primitive en Europe depuis l'introduction des métaux». В 1884 г. М. написал небольшую программную статью под названием «Den förhistoriska förundersökningens metod och material», из которой видно, что его метод основывается на типологической связи форм. Главным делом всей жизни Монтелиуса было создание хронологической классификации неолита, эпохи бронзы и раннего железного века Европы. — *Прим. пер.*

³⁵⁰ В силу того что Вирт, будучи ариософом, входил одновременно в несколько академических структур, был (в отличие от Г. фон Листа и Р.Д. Горслебена) заслуженным профессором и читал лекции в университетах разных городов и стран, в его текстах присутствует определенная полифония, где отличить «Вирта-ариософа» от «Вирта-профессора» временами бывает довольно сложно, вплоть до подсудного ощущения, что Вирту именно это и нужно — отмежеваться от конкурирующих лагерей, встать по ту сторону того барьера, который отделяет ариософию от науки о «подлинной древнейшей истории. Вирт непонятен только потому, что временами начинает говорить от лица науки, *еще* не существующей, или науки, которая для просвещенного человечества не существует уже, причем очень давно. Именно поэтому Герман Вирт — *и никто иной* — вправе ругать ариософию «Листа-Горслебена» за то, что она одновременно и слишком модернистична, современна («германтиковеды» пытаются выдать за архаику традицию позднейших времен), и за то, что она «лишена всякого научного основания», временами просто необходимого, чтобы донести Свет Севера и не потерять внешние формы вменяемости. Но поскольку это, до некоторой степени, конфликт между духовными родственниками, не лишено смысла напомнить основные заслуги перед германистикой того же Гвидо фон Листа, которому за столетия до Вирта удалось развеять очень многие кабинетные заблуждения, например, навязшие в зубах мнения, что германские руны являются всего-навсего искаженным вариантом латинского унциального алфавита, что «высшая» мифология непроходимой пропастью отделена от «низшей», а та, в свою очередь, от геральдических символов древнейших аристократических родов Европы. — *Прим. пер.*

³⁵¹ Аלקмаар в Северной Голландии. — *Прим. Г. Вирта.*

³⁵² Напомним, что его признаками считаются низкий рост, короткая голова, широкое лицо с невыраженным подбородком, короткий, курносый нос с плоским основанием, жесткие каштановые или черные волосы, выпуклые карие глаза и желтовато-коричневая кожа. Антрополог Арбо, нашедший в юго-западных областях Норвегии с сильной восточной примесью людей «более низкой культуры, менее чистоплотных, мрачных и менее гостеприимных», описывает их как общество сугубо патриархальное: «Женщины надрываются, занимаясь всем, а их мужья бездельничают». Тот же автор полагает, что сборища завсегдаеяв в немецких дивных — это типично восточное явление. В состоянии опьянения динарский человек (житель Крекаландов) бурно радуется жизни, нордический — груб и неукротим, а

восточный — «само дружелюбие, доходящее до назойливой ласковости». — *Прим. пер.*

³⁵³ Константин-Франсуа Вольней (Volney) — французский писатель и ориенталист; род. в 1757 г.; высшее образование получил в Париже. Любовь к истории и древним языкам возбудила у В. желание познакомиться лично со странами, где впервые зародилась человеческая культура. Совершив продолжительное путешествие по Сирии и Египту, В. изучил арабский язык и написал книгу «*Voyage en Egypte et en Syrie*» (1787), замечательную по богатству и точности сведений о стране, которая всегда казалась преисполненной таинственного и чудесного (переведена на русский язык в 1790 г. под заглавием: «Путешествие В. в Сирию и Египет», Москва). В следующем году Вольней напечатал «*Considerations sur la guerre des Turcs avec les Russes*» (1788), которая обратила на себя общее внимание и в которой он до некоторой степени предусматривает египетскую экспедицию Наполеона. В 1790 г. В. написал «*Chronologie des douze siècles antérieurs au passage de Xerxes en Grèce*» (в «*Dictionn. d'antiquité de l'Encyclopédie méthodique*»), а в следующем году издал свое получившее широкую известность сочинение «*Ruines ou Méditations sur les révolutions des empires*», в котором автор, перенося себя на развалины Пальмиры, наводящие его на размышления о смене государств и народов, пытается разрешить некоторые вопросы философии истории и истории религий, (в которой он выделяет 8 основных этапов: 1) культ элементов и физической власти природы над людьми, 2) сабиизм — культ звезд, 3) идолатрия — культ символов, 4) дуализм — культ двух принципов, 5) культ мистический и моральный, или система представлений о потустороннем, 6) одушевленный мир, или культ универсума, выступающего под разными названиями, 7) культ мировой души, т.е. элемента огня, витального принципа мироздания, 8) мир-машина: культ Демиурга и Великого Архитектора). В настоящее время эта книга В. потеряла свое значение, но описания пальмирских развалин считаются классическими по языку. В своих лекциях, которые изданы под заглавием «*Lecons d'histoires prononcées a l'Ecole normale*» (1799), В. крайне скептичен и высказывает сомнения относительно многих исторических событий, считавшихся до того достоверными; вот почему его следует считать предвестником позднейшей серьезной исторической критики. Когда в следующем году Нормальная школа была закрыта, В. отправился в Соединенные Штаты, где, как личный друг Франклина, хорошо был принят Вашингтоном и Адамсом. Результатом этого путешествия было сочинение: «*Tableau du climat et du sol des Etats Unis*» (1803). Наполеон, причисляя В. к презираемым им идеологам, был лично расположен к нему и возвел его в графское достоинство и в командоры почетного легиона. С наступлением империи В., удалившись от политической деятельности, предался научным занятиям и написал «*Chronologie d'Herodote*» (1809); «*Recherches nouvelles sur l'histoire anciennes* (1814) и «*Histoire de Samuel, inventeur du sacre des rois*» (1819). В последние годы жизни В. особенно занялся интересовавшей его и раньше лингвистикой, а именно восточными языками, стремясь упростить изучение этих языков; для этого В. придумывал способы переда-

чи арабского, персидского и турецкого языков латинским алфавитом. Система его оспаривалась Сильвестром де Саси и Ланглэ. Сочинения В. в этой области: «Simplification des langues orientales» (1795); «Rapport sur les Vocabulaires comparés de peuples de toute la terre du profess. russe Pallas» (1805); «L'Alphabet européen appliqué aux langues asiatiques» (1819); «l'Hebreu simplifié» (1820) и др. Его «Oeuvres complètes» изданы в 8 томах (1820—1826); «Oeuvres Choisis» в 6 томах (1827). В. † в 1820 г., завещав институту ежегодную премию в 1200 франков за лучшее сочинение по лингвистике, которое приблизилось бы к разрешению занимавшей его долгие годы задачи. — *Прим. пер.*

³¹⁴ Так сказать, Будды (фр.). Эти статуи «так сказать Будды» обсуждаются достаточно подробно. «Недавно на юге Франции в иберийском захоронении первого тысячелетия нашей эры была найдена голова Будды. Вероятно, она принадлежала иберийскому или кельто-иберийскому Абеллио, который всегда изображался со скрещенными ногами, как типично для Будды. Кроме того, на всех дошедших до нас пиринейских статуях и алтарях Абеллиона мы находим свастику, религиозный символ буддизма» — писал Отто Ран в своей книге «Крестовый поход против Грааля», опубликованной в конце 1933 г. (русский перевод: М., АСТ, 2002) и наверняка известной Г. Вирту. Эльмар Груббер и Хольгер Карстен, написавшие спустя несколько десятилетий книгу «Пра-Иисус. Буддийские источники христианства», со ссылками на работу О. Рана подвели долгой дискуссии о «древнеингвеонском Будде» следующий итог: «Многочисленные аналогии и соответствия с Индией можно найти даже в кельтской и кельто-иберийской мифологии, в которых, например, присутствовали идеи о возрождении, вегетарианском питании, культе дерева и солнцеворот (свастика) — символ, который до сих пор можно найти на косяках дверей в баскских деревенских домах. В марсельском музее Борели есть две сидячие каменные фигуры, датируемые II веком до нашей эры. Видимо, это идолы какого-то религиозного культа. Их нашли по соседству в небольших пещерках, выдолбленных в гладких стенах. По мнению ученых, они представляют собой кельто-иберийские Божества. Однако эти изваяния непостижимо напоминают ранние буддийские шедевры. А именно, скульптуры бодхисаттв с типичными для них атрибутами: бодхисаттвы изображаются сидящими в позе лотоса, с веревкой брахмана через плечо и венками как особыми регалиями, надетыми на шею и плечи. Положение рук марсельских статуй очень напоминает жесты Будды. В то время как одна его рука указывает на землю, другая рука как бы замерла перед грудью в жесте благословения». В ариософской литературе можно найти много интересных догадок о «буддийских корнях христианства», например, в книге Германа Виланда, именующего папство не иначе как «ацтекско-иудейско-тибетско-римским» и, подобно Карстену и Грубберу, отмечающего почти дословные совпадения между Евангелиями и Дхаммападой. Германский король Езус, Будда и Иисус катакомбных фресок одинаково изображаются с гамматическим крестом, знаком вечности и царской власти. (Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weissenburg, 1925. S. 5, 182). — *Прим. пер.*

³⁵⁵ Сидящего Бога (фр.). — *Прим. пер.*

³⁵⁶ Существовавший у скандинавов обычай хоронить своих близких в специальных похоронных «кораблях мертвых» — «Totengeleitschiffe» — объясняется комплексом верований, близких т.н. карго-культу (cargoism), который хорошо описан в трудах европейских религиоведов, в частности у Мирчи Элиаде. Карго-культистские верования сочетают веру в силу своих умерших предков с ожиданием того момента, когда они вернуться назад, во славе и с подарками. Тогда наступит эра всеобщего изобилия, блаженства и довольства. О карго-культе см.: Burrige, Kenelm. *New Heaven, New Earth: A Study of Millenarian Activities.* — Oxhord, 1969. Harkin, Michael E. (ed.) *Reassessing Revitalization Movements: Perspectives from North America and the Pacific Islands.* — Lincoln, Neb., 2004. Jebens, Holger (ed.). *Cargo, Cult, and Culture Critique.* — Honolulu, 2004. О корабле мертвецов см. замечательную статью В.Я. Петрухина «Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии. (Опыт сравнительного анализа) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 207с. С. 79—91. — *Прим. пер.*

³⁵⁷ Признаками восточного антропологического типа (у Поля Брока называющегося «кельтским», у фон Хелдера — «туранским», у Беддоу — «овернским», у Деникера — «севенским», у Лапужа — «овернским», у Рециуса — «славянско-ретским», а у Серджи — «евразийским») считается низкий рост, брахикефальность (короткая голова), широкое лицо с невыраженным подбородком, короткий, курносый нос с плоским основанием, жесткие каштановые или черные волосы, выпуклые карие глаза и желтовато-коричневая кожа. Считалось, что если ширина черепа составляет три четверти, т.е. 75 % от его длины или даже и того менее, то его хозяин является долихокефалом, если же ширина превышает 83 %, то это — брахикефал. Между этими двумя крайностями находятся ортокефалы (субдолихокефалы или суббрахикефалы — в зависимости от того, к какому типу они тяготеют). Вопрос, который далее достаточно подробно рассматривает Вирт, а именно, откуда в долихокефальной Северной Европе появились изображения монголоидов, действительно непрост. К началу XX в. процентное соотношение европеоидной и монголоидной рас оказалось следующим: в Северной Германии — 80:20, а в Средней и Южной Германии — 50:50. В Англии, как и в Швейцарии, фиксировалось соотношение 90:10, а во Франции — 65:35. «Наилучшие» показатели, с точки зрения краниологов издававшегося К. Хаускофером «Журнала геополитики», были у испанцев (95:5) и португальцев (93:7), тогда как у русских сильно было влияние пресловутого «туранского элемента» (35:65 в пользу брахикефалов). (*Zeitschrift fuer Geopolitik*, 1926. S. 865). — *Прим. пер.*

³⁵⁸ Зверя, который на символическом, руническом уровне соответствует облику Рогатого Бога (Dieu cognu — термин аббата Брейля), например гальского Бога Cernunnos. Особенно много изображений Рогатых Богов, Небесных Лосей и Лосих дошло от эпохи неолита и бронзового века, когда, по теории Германа Вирта, произошла особенная активизация атлантико-нордической традиции, в связи с вхождением созвездия Овна в точку весеннего

равноденствия. «Следы древнейшей эпохи Лося, Оленя, хотя и явно наличествуют в протоисторических модификациях календарного языка того периода, не так непрерывны, как сакральные формы эпохи Тельца, и не так ярки, как сакральные формы эпохи Овна. Вхождение созвездия Лось (Близнецы) в сектор весеннего равноденствия в VI тысячелетии до Р.Х. (и прохождение созвездия через точку, длившееся 2000 лет) почти никак не отразилось на общей панораме астрально-языковой символики культового календаря» (Дугин А.Г. Гиперборейская теория. — М.: Историко-религиозное общество «Арктогея», 1993, 128с. С. 55—56). — *Прим. пер.*

³⁵⁹ В ригведических гимнах чакра (букв.: «диск», «колесо») является знаком Года и времени вообще. В этом же смысле говорят о чакре и более ранние тексты т.н. протоиндийского периода, в который, по мнению Вирта, и произошло наиболее активное взаимодействие между атланти-нордическим культурным кругом и аборигенами полуострова Индостан. Сложная календарная символика наделено понятие чакры и в других своих значениях. Например, в индийской мифологии чакра — это постоянный атрибут Вишну, Его боевой диск, имеющий, как правило, 6 спиц (реже — 8), и воплощающий охранительную миссию своего Хозяина. В индийской астрономии чакра — это соединение накшатр (домов, знаков Зодиака) и планет. Колесо годов и миров вращает Чакравартин, — так, начиная с древнейших времен, обозначают в Индии сакральнейшую фигуру Царя-Миродержца, живое олицетворение космического порядка. Чакравартин — букв.: «вращающий колесо» — это не только правитель сферы времен, но и тот, вокруг кого вращается «круг земель», «земли, опоясанные океаном». Получить титул чакравартина индийский царь мог только совершив архаический ритуал под названием ваджрапей (букв.: испивание силы, энергии), имевший два принципиальных этапа. Первый увенчивался гонкой по кругу на колесницах, в которой непременно побеждала колесница Царя. Во время гонки жрец-брахман совершал вращения посолонь (по ходу солнца) священного колеса, насаженного на вкопанный землю кол. Второй этап ваджрапей составлял подъем Царя по ступенькам жертвенного столба (юпа). Коснувшись рукой его колесообразного навершия (чешала), Царь произносил: «Мы достигли Неба», а затем, вознеся голову над чешалой, возглашал: «Мы стали бессмертными». После этого новый Чакравартин обращался вокруг навершия этой Мировой Оси, в то время как жрецы, стоя на земле по четырем сторонам света, в точках солнцестояний и равноденствий, подавали ему на длинных шестах мешочки с пищей. Это символизировало новый запуск «Колеса Времени», Солнца и Года, а также воссоединение власти земной и власти небесной. В некоторых индийских деревнях до сих пор сохраняется отголосок древней ваджрапей, ритуала интронизации Чакравартина — т.н. «чакрак-пуджа» (колесный обряд), тогда как у гондов есть соответствующий ритуал «мегхнатх» (Подробнее см. в словаре «Индуизм. Джайнизм. Сикхизм». М.: Республика, 1996). — *Прим. пер.*

³⁶⁰ Арриан Флавий (Arrianus) — один из выдающихся греческих писателей времен Римской империи; род. в Никомидии, в Вифинии. При Ад-

риане достиг консульства, а приблизительно с 130—138 гг. был наместником в Каппадокии, затем, однако, удалился от дел в свой родной город, где жил еще во время Марка Аврелия. Взяв себе за образец Ксенофонта, Арриан написал ряд сочинений из области философии, истории, географии и тактики. Ученик и последователь Эпиктета, он составил «Лекции Эпиктета» в восьми книгах, из которых сохранились лишь первые четыре, и изложил все его учение в одном «Руководстве». Из исторических сочинений Арриана дошла до нас «История походов Александра Великого», называемая «Анабазис», которая почерпнута из вполне достоверных, ныне утраченных источников, с большою осмотрительностью и правдивостью. В тесной связи с этим сочинением Арриана стоит его трактат об Индии, который, примыкая к сообщениям Эратосфена об этой стране и ее жителях, содержит 4 книги и извлечение из описания Неарха о его поездке. Как бы продолжение истории Александра составляла история первых лет после смерти Александра. От этого сочинения сохранилась по крайней мере еще выдержка, но из его истории Вифинии и из 17 книг о парфянских войнах дошли до нас только отрывки. Кроме того, имеется значительный фрагмент его истории войны с аланами «Боевой порядок в войне против аланов». Для древней сакральной географии и мистического тайноведения имеет значение отчет Арриана о плавании вокруг берегов Понта Эвксинского (Черного моря) под названием «Periplus», представленный им Адриану. Напротив, «Плавание по Красному морю», равно как второе «Плавание по Черному морю», хотя и приписываются Арриану, но, как установили еще историки XIX в., его перу не принадлежит. Кроме того, имя Арриана носит еще небольшое сочинение об охоте, изданное впервые Гольстеном (Париж, 1644) и неоднократно с тех пор помещавшееся как в полных собраниях сочинений Арриана, так и в изданиях Ксенофонта. — *Прим. пер.*

³⁶¹ В индийской мифологии Яма является сыном солярного «Колобка» Виваствата, и Саранью, дочери Тваштара. Яма — это, согласно Ригведе, «первый, кто умер» (РВ 10, 14, 1—2; АВ 18, 3, 13), открывший для людей вход в царство мертвых и правящий, подобно Китоврасу (и алтайскому Эрлику), в темном пространстве «того света», в то время как Ману, подобно Соломону (и Ульгеню), правит в пространстве светлом — в мире живых. И Ману, и Яма считаются этиологическими («культурными») героями и прародителями, царями светлой («лицевой») и темной («изнаночной») сторон бытия. Как и многие мифологические персонажи, связанные с зимним солнцестоянием, Яма предстает во многих легендах хромающим: пураническое предание гласит, что нога у него усохла после того, как Яма замахнулся ей на воспитывавшую его Саварну (тень). Саварна наслала на него страшное проклятие, по которому нога у Ямы должна отпасть. Однако Вивастват смягчает проклятие, после чего нога у Ямы не отпадает, а лишь усыхает. Костяная нога Ямы, лишенная не только мяса, но и сухожилий, является одним из обнаружений поразительной женской магии, следом утраченного человечеством матриархата, а также вполне очевидным символом

Зимнего Солнцестояния. (См. также: Дугин А.Г. Герман Вирт, священный праязык. Мифы Нового года. Великий Юл. (Лекция в «Новом Университете» от 23. 12. 1998) // Дугин А.Г. Философия традиционализма. (Лекции Нового Университета). М.: Арктогея-Центр, 2002, 624 с. С. 167—191). Особенно интересна связь Ямы с образом Царя (раджи) и царской инициацией (*раджасуией* — венчанием на Царство). «Бывший (*bhūtá*) влагает жизненный сок в существа. Он стал Высшим Господином существ. Его смерть следит за царским посвящением. Пусть Он как Царь одобрит это царствование!» (АВ 4, 8, 1). Раджа в Индии — это сама целокупность мира и всех людей, которые ему подвластны. Раджа — это Воплощенная Дхарма (*dharmo vigrahavan* (Рамаена 1, 58, 8). «Семь качеств имеет Царь по слову Ману Праджапати, он — Отец, Мать, Учитель, Защититель, Огонь, Сокровище и Загробное Воздаяние — *mata, pita, guru, gopta, vahnir, vaisravan, uatah*» (Махабхарата, 12, 139, 103). См. также: Basu A. Hindu Doctrine of Divine Kingship // The Sacral Kingship. Leiden, 1959. — *Прим. пер.*

³⁶² Мироотрицающий потенциал, несомненно, заложенный в буддийской традиции, всегда вызывал недоумение у немецких ариософов.

³⁶³ Помоги себе сам, и тогда поможет тебе и Бог. — *Прим. пер.*

³⁶⁴ Особенный интерес к практике всевозможных гематрий, нотарионов и анаграмм в период поздней Античности проявляли адепты так называемого «синкретического мистицизма» (очень неподходящее название, принятое в научной литературе), то есть гностиков, герметиков и авторов загадочных магических папирусов. Так, например, по учению валентинианина Марка, мистическое Тело Божественной Истины состоит из двадцати четырех букв греческого алфавита, субстанция каждой из которых занимает отведенное для нее место: альфа и омега образуют голову, бета и пси — шею, гамма и хи — плечи и руки, и т.д., причем каждая из букв имеет свою аналогию, во-первых, в той букве, которая занимает такой же порядковый номер с другого конца алфавита, во-вторых, в одной из точек человеческого тела, и т.д. В апокрифическом Евангелии от Фомы посвященным в эту сложную доктрину оказывается и Младенец Иисус, ошеломляющий своим знанием школьного учителя. Интереснейшие этимологии и анаграммы можно встретить в корпусе сочинений александрийских алхимиков, в настоящий момент подготовленных к изданию Е.С. Лазаревым. Важную роль там играют и микро-макрокосмические соответствия, организованные предвечной гармонией буквенного ряда. Буквы соотносились с планетами, знаками Зодиака и событиями истории, что практически устраняло известный «фактор случайности», на переоценке которого спекулировала вся рационалистическая наука Нового времени. Подробнее о позднеантичных этимологиях см.: Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie. 2.Aufl. Lpz., Berlin, 1925. — *Прим. пер.*

³⁶⁵ В древнегерманской традиции такие крестьяне, живущие своим трудом на своей земле, именовались Одалинги, т.е. буквально, те, кто несет в себе Од Божий, или Дыхание Божие. Эти крестьяне живут вдали от шумных городов, массовой культуры технократического общепита цивилизованной

суеты, и сохраняют при этом свои древние обычаи, предания и поверья Рода. Простая ежедневная работа в поле связывает людей с космической Творческой Силой, наполняет их энергией, Духом Божиим. «Сегодня, с нашим моторным плугом и зерноуборочным комбайном, мы совершенно лишены этой силы. Хотим мы того или не хотим, но мы должны вернуться к хозяйственным методам раннего каменного века. Иначе погибнет все». (Mein Leben ist immer eine Revolutionsarbeit Gewesen. Ein Gespraech mit Prof. Wirth // Humus S, ohne Jahresangabe. S. 130). Любопытно, что еще в 1930-е гг. против такого аграрного энтузиазма немецких патриотов-«деревенщиков» предупреждал Ойген Дидерихс, бывший, кстати, издателем большинства работ Г. Вирта. Резкое возвращение вспять, к пасторальному прошлому, окажись оно даже возможным, писал Дидерихс, лишило бы работы 20 млн немцев, а потому оно является нежелательным. (Diederichs, Eugen. Leben und Werke. Jena, 1936. S. 332). — *Прим. пер.*

³⁶⁶ В смысле не членовредительства, а обещания что-либо исполнить. Например, «(ударили) по рукам». — *Прим. пер.*

³⁶⁷ Таких энигматических словосочетаний, как «suedlich-nordisch» в сочинениях Германа Вирта очень много. При внимательном изучении «Происхождения Человечества» и «Священной Протописьменности...» становится понятно, что за таким, на первый взгляд совершенно произвольным, если даже не бессмысленным словоупотреблением стоит, с одной стороны, детально продуманная и архитектурно строга научная концепция, а с другой стороны, определенный — очень пластичный — реверанс в сторону ариософии как языка и даже как метаязыка, как способа преодоления современного рационализма и односторонней рассудочности. Что касается первого типа виртовских «темнот», а именно тех, которые обусловлены не ариософской вообще, а его собственной концепцией, то сюда, бесспорно, следует отнести его излюбленное словосочетание «atlantisch-nordische Ueberlieferung» (атлантико-нордическая традиция). Каких только упреков и нареканий ни пришлось ему выслушать за одну эту фразу! Известный французский эзотерик Рене Генон увидел в ней путаницу и смешение двух совершенно разных сакрально-географических и духовных ориентаций: гиперборейской (полярной, изначальной, северной) и атлантической (западной и вторичной по отношению к гиперборейской). См. также выходившие в 1930-е гг. сборники «антивиртовской мозаики»: «Herman Wirth und die deutsche Wissenschaft». Hrsg. von Prof. Dr. Fritz Wieggers. Mue-LEN, 1932. «Was bedeutet Herman Wirth fuer die Wissenschaft?» Hrsg. von Alfred Baumler, Leipzig., Lpz-KOA, 1932. (С докладами Эриха Юнга, Густава Неккеля, Герхарда Хеберера, Йозефа Стриговского и др.). Для реконструкции контекста полемики вокруг Вирта и его исследований немалое значение имеет и тот любопытный, совершенно поразительный факт, что книги, направленные против Вирта, могли выходить и в ярко выраженных «фэлькиш»-издательствах, что показывает плодотворную хаотичность, живость и самокритичность ариософского дискурса 30-х гг. — *Прим. пер.*

³⁶⁸ Фантасмагорические реконструкции «германтиковедов» («Germanikern»). — *Прим. пер.*

³⁶⁹ К сожалению, многие понятия немецкой науки, немецкой мистики и немецкого национального предания на русский язык переводимы едва. (Подчас задумаешься над верностью гипотезы Сепира-Уорфа о непереводаемости языков вообще.) Примерно такова и судьба немецкого понятия *geistesurgeschichtliche Forschungen*, с трудом вмещаемого в корявую и нелепую фразу «штудии в области древнейшей истории духа». А ведь вокруг этого слова в Германии трудились целые исследовательские центры, антропологические институты, археологические, религиоведческие и рунологические комиссии, созывались ученые коллоквиумы, симпозиумы и т.д. Также и сам Герман Вирт в течение как минимум трех лет (1935—1938) официально работал в одном из таких обществ — в «Обществе по изучению древнейшей истории духа немецкого наследия предков» — *Studien-gesellschaft fuer Geistesurgeschichte Deutsches Ahnenerbe*. — *Прим. пер.*

³⁷⁰ *Die nordisch-voelkische Bewegung*. — *Прим. пер.*

³⁷¹ Понятие «*seelische Voraussetzungen (Vorbedingungen)*», которое использует Герман Вирт, можно перевести и как «предварительное условие на уровне души». — *Прим. пер.*

³⁷² «Будь самим собой» — кому-то я сказал. Но он не смог: он был никем. — *Прим. пер.*

³⁷³ *geistesurgeschichtliche Daenkaelerkunde*. — *Прим. пер.*

³⁷⁴ Од или Одем Божий — это, в устаревшей поэтической немецкой речи, — «Дыхание Божие». — *Прим. пер.*

³⁷⁵ *den Altglaubigen des «Matres»- oder «Matronen»-Zeit*. — *Прим. пер.*

³⁷⁶ Судьба понятия «отчуждение» (*Entfremdung*), которое в данном случае использует Г. Вирт, поразительно сложна и противоречива. В языке Гегеля «отчуждение» есть самоотрицание во имя конечного синтеза, а у Людвиг Фейербаха мы встречаем мысль, что «Бог — это отчужденная сущность человека». Маркс повторяет все то же самое, только прикладывает не к Богу, а к деньгам. Авторы консервативно-революционного направления 20—30-х именовали отчуждение понятием «Система», ассоциируя его с инородным засильем либерализма, банократии и т.п. «Мы боремся против Системы, которая властвует над нашим народом ради своего же собственного несчастья» — писал А. Мараун (*Mahraun A. Gegen getarnte Gewalten*. Berlin, 1928. S. 3). Анализируя политические манифесты периода Веймарской республики, немецкий историк Курт Зонтхаймер предложил называть весь Веймарский период «периодом Системы», показывая, как «антидемократический вокабуляр» и многочисленные фелькиш-памфлеты создавали в Германии дуалистическую мифологию «Друга и Врага», «Приказа и Повиновения», «Блага Общего и Блага Частного» и т.п. Аффектированные антисистемные выступления были нацелены прежде всего против либеральной демократии. «В антидемократическом словоупотреблении „Система“ стала одним из тех опасных понятий, которое, как казалось, объясняло все, не проясняя ровным счетом ничего. „Система“ была главным

мифом националистического сопротивления», криком протеста и реакцией на отчуждение. (Sontheimer Kurt. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Muenchen, 1978. S. 178). В языке Германа Вирта понятие «отчуждение», по существу, тождественно с «восточно-средиземноморской дегенерацией», от которой по его мысли, страдают священные германские порядки и традиции. С точки зрения Вирта, это вполне закономерный этап, после которого должно последовать возрождение Европы и раскабаление всего остального мира. — *Прим. пер.*

³⁷⁷ von dem uralten Motiv des Heilbringers. Об этом древнейшем мотиве и о понятии «Heilbringer» см. наше примечание, касающееся проблемы Спасителя. Убеждение Вирта, что для нордического типа религиозности миф о Спасителе был наделен принципиальным значением, вызвало нападки со стороны многих теоретиков и религиоведов Третьего Рейха. Как мы показали в предисловии, против возможности нордической интерпретации мифа о Спасителе высказывались такие видные расологи Третьего Рейха, как А.Ф. Клаусс, Ганс Ф.К. Гюнтер и другие. — *Прим. пер.*

³⁷⁸ Осмелимся предположить, что Schwangeleithboot, о которой говорит Вирт, связана с описанным в обеих Эддах образом погребальной ладьи Балдра, в которой, по древнему обычаю, его тело предали сожжению. О корабле мертвецов см. замечательную статью В.Я.Петрухина «Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии. (Опыт сравнительного анализа.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 207с. С. 79—91. — *Прим. пер.*

³⁷⁹ О том, насколько высоко ценилась философия Чемберлена в Третьем Рейхе, можно судить по книге: Meyer Hugo. Houston Stewart Chamberlain als voelkischer Denker. Muenchen, 1939. — *Прим. пер.*

³⁸⁰ Понятие «ориентальный», «восточный» на жаргоне тех лет было так же мало связано с реальным Востоком, как, столетием раньше, борьба с «китаизмом» А. Герцена и др. интеллигентов-западников мало относилась к географическому Китаю. Говоря «восточный», немцы 1930-х в большинстве случаев подразумевали либо «ближневосточный», либо «материалистический», как в данном случае имеет место у Г. Вирта, либо и то и другое вместе. Удивительная для нас ассоциация Востока с материализмом объясняется, вероятно, оглядкой на «страну победившего материализма», где, кстати, по преимуществу проживают носители «восточного» (по И.Е. Деникеру) или «евразийского» (согласно Серджи) расового типа. Непростые отношения Вирта с христианством (Liebehass в начале жизни и сильная фобия в конце жизни) могли бы сложиться намного проще, если бы не «восточное происхождение» этой религии. «Восточная идея» была главным оппонентом Вирта еще и потому, что она по-прежнему была популярна среди лингвистов: взамен потамической (речной) = восточной = финикийской теории происхождения языков и культур Вирт утверждал первичность Севера и того Изначального Протоязыка, в основании которого лежит Кродер и космический календарь. Как гласит любимая Виртом германская поговорка: «Gott ist Anfang jeglicher

Sprache» — «Бог есть Начало Того Языка». Вопрос о том, относится ли к Тому Языку язык христианской традиции, и если да, то насколько (касается ли это только «внутреннего», только «восточного», только «раннего», или же всего христианства как такового, — этот вопрос среди разных последователей Вирта решается по-разному). — *Прим. пер.*

³⁸¹ Имеется в виду их монументальное сочинение «Немецкая мифология», с которого принято начинать отсчет германистики как научной дисциплины. О возникновении мифологии как науки (предыстория германских «фэлькиш») существует несколько авторитетных работ, например: Коккьяр, Дж. История фольклористики в Европе. — М., 1960, Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 2000. Особенно следует выделить обзорную работу голландского германиста Яна де Вриеса: J. de Vries. Forschungsgeschichte der Mythologie, Muenchen, 1961. — *Прим. пер.*

³⁸² Датский профессор Людвиг-Франц-Адальберт Виммер (1839—1888) был в свое время крупнейшим исследователем германско-скандинавских палеоэпиграфических знаков и вошел в историю как один из отцов-основателей научной рунологии. Его наиболее существенной работой является книга «Руническая письменность» (Die Runenschrift, 1887), на долгие годы определившая направление дальнейших исследований в этой области и, несмотря на свой гиперкритицизм и позитивистский дух, входящая в круг необходимого ариософского чтения. — *Прим. пер.*

³⁸³ Wassman. Germania. 1871. — *Прим. пер.*

³⁸⁴ В сравнении со славянскими рунами руническим алфавитам ингвеонов и прочих германцев, можно сказать, крупно повезло. Вплоть до последнего времени славянская руника не изучалась вовсе. — *Прим. пер.*

³⁸⁵ Здесь Вирт иронично намекает на популярные в XIX в. теории возникновения мифа. — *Прим. пер.*

³⁸⁶ Рудольф Йохан Горслебен (1883—1930) был учеником Гвидо фон Листа и основоположником целого направления в ариософии, его главное сочинение (Hoch-Zeit der Menschheit — «Зенит человечества», 1930) посвящено оккультной германистике и, в первую очередь, дешифровке рунического предания. Руны были для Горслебена средоточием индогерманского мистицизма и проводниками особых тонких энергий, которые одушевляют мироздание, а потому те кто причастен к тайнам рунического эзотеризма, спокойно может влиять на материальный мир и менять ход исторических событий. «Руны, — писал он, — возникли из первоначального отношения между человеческой душой Сыновей Божиих и Мировым Духом, и они могли бы привести ищущего истину назад, в его подлинную Космическую Родину, к мистическому единству с Богом». Арийцы были для Горслебена «Сыновьями Солнца, Сыновьями Богов, высшим проявлением Жизни». Как и большинство критикуемых Виртом «германтиковедов», Горслебен в своей реконструкции Древней Мудрости переоценивал значение Эдды, которую он считал одним из «самых богатых источников арийской интеллектуальной истории». — *Прим. пер.*

³⁸⁷ После 1945 г. германистика стала и вовсе многими рассматриваться как дисциплина неуместная, одиозная и «повинная в Катастрофе». Предель-

ное выражение такой тенденции — обвинение в фашизме... братьев Grimm, выдвигавшееся в работах западных историков из, так сказать, правозащитного лагеря (Эдуарда Гугунбергера, Романа Швайденки и др.). — *Прим. пер.*

³⁸⁸ Нордический человек, согласно имплицитной концепции Вирта, определен в своей жизни четырьмя принципиальными моментами: во-первых, он определен Божественным Дыханием («Одеи Божий»), которое присутствует в нем и сохраняется в нем после его физической «смерти». Во-вторых, он определен дыханием своих предков, ритмы которого в идеале совпадают с его собственным дыханием и которое иначе называется в текстах Вирта «тайным голосом крови» (die Geheimstimme des Blutes). В-третьих, нордический человек определен своим Божественным языком, на котором ничего, кроме правды, сказать, даже при всем желании, вряд ли получится. И наконец в-четвертых, он определен жесткой инерцией сакрального календаря, несущего благо и свет в эпоху Юла, либо скорбь, стеснение и угнетение — в «темную эпоху» = в «лютую годину» (arge Zeit), которая предшествует космическому Юлу. Такковы четыре корня его внутренней свободы, подлинное основание древнейшего Божьего-Мира-Воззрения. (Gottesweltanschauung). Принятие своей судьбы не следует путать с подчинением судьбе и т.н. «фатализмом». Как писал великий германист и мифолог XX в. Отто Хефлер, «Трагика свободы есть закон существования германского героического сознания» (Hoeffler, O. Deutsche Heldensage // Zur germainsch-deutschen Heldensage. Hg. v. K. Nauck, Darmstadt, 1965. S. 69). Это героическое сознание является тем самым «пессимизмом силы», про который говорил крупнейший философ XX в. Мартин Хайдеггер. Развивая эту мысль, Ален де Бенуа подчеркивал, что понятие фатума составляет в индоевропейском язычестве самое важное, является основным принципом жизни человека Севера. Этот человек «способен стать героем, превзойти себя и приобщиться к Богам, потому что существует судьба, которую можно осуществить или которой можно противостоять. Amor fati — единственное средство страдать не страдая. Восторг, достигающий самых глубин агональной индивидуальности, ведущей борьбу — прежде всего борьбу против самой себя, — самая суть жизни». «Для древних скандинавов судьба была не пагубной враждебной силой, а скорее рядом состояний, пережить которые позволяет опыт» (А. де Бенуа, Как можно быть язычником. — М.: Русская Правда, 2004. С. 188, 187). — *Прим. пер.*

³⁸⁹ die Maenner-Trinkhalle. — *Прим. пер.*

³⁹⁰ Это место можно перевести и по-другому: «Хроника Ура Линда» — это именно то, что мы всегда подозревали (о чем мы всегда догадывались). В этом случае появляется дополнительный оттенок «вечного присутствия „Хроники Ура Линда“ в душе фризгов». Изложенные в хронике внешние законы и уложения оказываются при таком раскладе внутренними формами души каждого из сыновей Фрейи, как бы уже независимыми от наличия или отсутствия «Хроники...» в качестве текста. — *Прим. пер.*

³⁹¹ История обращения германцев в христианство и последующая борьба христиан с т.н. «двоеверием» и «остатками язычества» изобилует тайнами и кровавыми подробностями. Так, история повествует, что т.н.

«апостол Германии» св. Бонифаций Кредитонский (680—755) при большом стечении народа и, чувствуя, что «борется за дело правое», своими собственными руками срубил в Гисмаре (центре германского язычества) священный дуб Вотана. Пафос авраамической религии в отношении священных рощ язычества во все века был нигилистичен и атеистичен. Архиепископ Майнца Бонифаций воспроизводил очень древнюю стратегию монотеистического смысла, особенно ярко выраженную в Ветхом Завете, например: «разружьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Втор.12:3). Священные рощи («ашерим» — на иврите), священные очаги, пенаты, камни, деревья — все это составляло древненордический мир, мир непрерывной иерофании, где люди жили бок о бок со своими Богами, Духами, Силами, Рунами и т.д. Одним взмахом гисмарского топора отказаться ото всего этого наследия, от сакральной символики, от мощнейшего Бого-Миро-Восприятия древних германцев христиане все равно не смогли. Какие-то элементы архаической религиозности были ассимилированы, какие-то украдены, какие-то «вчитаны» произвольно и бессознательно. Исследование этих не-авраамических, нетривиальных элементов германского христианства в первые десятилетия XX в. достигло своего акме, но ... после Ялты и Потсдама было срублено на корню, подобно дубу Вотана в древнем святилище Гисмара. Назовем здесь лишь некоторые парадигматически значимые религиоведческие исследования, задавшие направление в указанной реконструкции: Bonus, Arthur. Germanisierung des Christentums (1911). Jung, Erich. Germanische Goetter und Helden in christlicher Zeit (1922, 1939). Dausend, Hugo. Germanische Froemmnigkeit in der kirchlichen Liturgie (1936). Stonner, A. Germanentum und Christentum (3. Aufl., 1934). — *Прим. пер.*

³⁹² Очень любопытное подтверждение догадки Вирта касательно того, что подлинным водоразделом между нордическим и ориентальным пониманием действительности является «труднейшая и высшая школа жизни, которая когда-либо была в мировой истории — Ледниковый период» мы встречаем в тексте еврейского психоаналитика Шандора Ференци. Этот ученик Фрейда полагал, что dementia praecox, а по-русски говоря, шизофрения, является болезнью исключительно арийской, евреям вовсе не свойственной. В доказательство правоты своего расистского заключения Ференци указывал на то, что из двух школ психоанализа (*венской* — собравшейся вокруг Фрейда почти исключительно из его соплеменников и *цюрихской* — юнгианской, состоящей из мистиков европейской традиции) интерес к шизофрении проявляет именно последняя (в лице К.Г. Юнга, Блейлера, Отто Гросса и др.). В письме Фрейду от 15 июля 1915 г. Ференци обратил внимание, что и в самом деле «весьма примечателен тот факт, что именно арийские писатели... так великолепно понимают dementia praecox, что именно в цюрихских психиатрических клиниках dementia praecox встречается значительно чаще, чем в клиниках, находящихся в Венгрии. Это заболевание, очевидно, является нормальным состоянием *нордического человека, который еще не сумел до конца перефастить последнюю фазу Ледникового пе-*

рода» (Ernst Falzeder and Eva Brabant, (eds.) The Correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi, vol. 2, 1914—1919, trans. Peter Hoffer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996. P. 67). Конечно, с научной точки зрения, аналогия между политеизмом и шизофренией несерьезна, однако в определенных случаях она способна объяснить многое. А был еще такой германист-ариософ по имени Свен Уолдинг — тот, между прочим, доказывал, что в отличие от христианского понимания, представляющего душу как нечто единое (максимум — расколотое надвое: Фаустово «Zwei Seelen leben, ach, in meiner Brust» или манихейско-августиново «duas animas»), древние индо-германское язычники мыслили душу состоящей, как минимум, из 11 различных частей: Lich (физическая оболочка), Huce (интеллект), Mund (память), Willa (воление), Blad (жизненная сила), Nana (энергетическая, «эфирная» оболочка), Orlæg (нить индивидуальной судьбы), Mægen (энергия Рода, сила предков), Fetch (Дух-Охранитель, «страж незримого порога»), Mуд (внутреннее Я в аспекте его саморефлексии), Wyt (яростные экстатические эмоции, порождающие визионерский транс, пророчества и неистовую поэзию). — *Прим. пер.*

³⁹³ Известный немецкий религиовед Фридрих Хайлер (1892—1967) полагал, что для самого Экхарта это проклятие особой значимости не имело: «Майстер Экхарт и Мадам Гийон, отлученные от церкви, заверяли в своей церковности; Малинос торжественно отрекся от своей мистики. И они могли сделать это с чистой совестью, потому что повиновение авторитету есть все же лишь часть мистического „разрушения“, „mortificatio“ и „annihilatio“, и в качестве такового — нечто временное. На вершине созерцания Бога и единения с Ним мистик свободен от всякого церковного авторитета, равно как и от всякого исторического откровения, потому что он сам стал Богом» (Хайлер, Ф. Религиозно-историческое значение Лютера // Социо-Логос. М., 1991. С. 315—345. С. 330).

³⁹⁴ Так же говорит Майстер Экхарт и в своей проповеди «О вечном рождении»: «Мы справляем здесь во времени праздник вечного рождения, которое Бог Отец непрестанно совершал и совершает в вечности, и празднуем это самое рождение, совершившееся во времени и в человеческой природе» (Экхарт М. Проповеди и рассуждения. М., Мусагер, 1912. С. 11). — *Прим. пер.*

³⁹⁵ Бхагавадгита. Пер. с санскрита, иссл. и примеч. В.С.Семенцова. 2-е изд. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 256 с. С. 29—30. Вирт цитирует Бхагавадгиту выборочно, но и помимо этого в немецком варианте присутствуют существенные отличия от варианта русского. Самое важное из них — замена понятия «майя» на «meines Wesens Wunderkraft» (чудесная сила Моей Сущности). Конечно же, это эвфемизм, не столько передающий, сколько скрывающий смысл учения Кришны. Вставлять мироотрицающую идею майи (иллюзии, наваждения и т.д.) в панегирик национал-социализму и нордической расе было очень нелогично. Поэтому «Чудесная сила Сущности» (значение слова «майя» в период сложения Ригведы, но никак не Бхагавадгиты), подошла намного больше. Сущность арийского человека в представлении ариософов не может не быть сильной, а сила ее не может не быть чудесной, тогда как в понимании самих индийцев, прежде всего главного комментатора Бхагавадгиты — Шанкары, «тело и прочее, возникшее от незнания, подобно пузырям» («Атмабод-

ха», 30) // Упанишады. 3-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2003. 787 с. С. 772.). Поэтому нет ничего удивительного, когда такой известный продолжатель ариософского дела, как Мигель Серрано, обвиняет Шанкару в... пропаганде иудаизма. Лучшее на русском языке описание системы адвайта-веданты, глубинного индоевропейского мистицизма Шанкары и т.д. можно найти в работах: Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983; Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. М., 1991. — *Прим. пер.*

¹⁹⁶ Хотя с точки зрения Вечности хронологические совпадения вряд ли являются особенно существенными, есть такой любопытный факт: возрождение в Европе интереса к Майстеру Экхарту странным образом совпадает с возрождением интереса к ариософии. Сначала Экхарт вдохновлял немецких философов-классиков (в этот момент складываются общие контуры ариософского дискурса, немецкие романтики-фольклористы и этнографы создают их достаточно отчетливую прориску, Шеллинг с Гегелем Экхарта пересказывают буквально), затем Экхартом восхищаются немецкие патриоты Веймарской республики, после чего великий доминиканец входит в пантеон основных философов и мистиков Третьего Рейха (там его почитают и печатают не менее активно, чем, скажем, Парацельса, Новалиса, Лютера, Фихте, Ницше, Клагеса, Хайдеггера, Вирта и других «вечных немцев»). Проходит этап вынужденного забвения, и вот снова мы имеем ренессанс европейского интереса к ариософии — и одновременно очередное возрождение сильнейшего интереса к Майстеру Экхарту. По наблюдению Томаса О'Мира, с особенной яркостью этот интерес расцветает после середины 1960-х. (Thomas F. O'Meara. An Eckhardt Bibliography // The Thomist, 42 (April 1978). P. 313—336). Вероятно, имеет смысл говорить о единстве ариософского проекта, выделять а нем особую «праариософскую» (имплицитную) стадию и возводить само это движение к эпохе куда более ранней, чем середина XIX в. (общепринятая точка зрения). Как видим, в данном случае хронологические совпадения только подтверждают точку зрения Вечности (точку зрения «вечных немцев»). Последняя тайна Фёлькиш есть сам Фольк, пребывающий одновременно во времени (как дробное, но все же реальное, а не «воображаемое» сообщество), и в Вечности (как эйдетический образ совершенства или ужаса). — *Прим. пер.*

¹⁹⁷ «Существует антиримский аффект. Им питалась борьба против папизма, иезуитизма и клерикализма, которая — с невероятными затратами религиозной и политической энергии — приводит в действие несколько столетий европейской истории. Не только фанатичные сектанты — целые поколения благочестивых протестантов и православных христиан видели в Риме Антихриста или вавилонскую блудницу Апокалипсиса. Мифологическая сила этого образа была глубже и мощнее любого экономического расчета», — так за десятилетие до выхода немецкого перевода «Хроники Ура Линда» писал известный немецкий философ, юрист и политолог Карл Шмитт. (Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 101). Причины недолюбливать католицизм были самые разные: начиная от перечисленных Виртом (клерикальное отчуждение, подавление крестьян-одалингов системой посредников, средиземноморский дух, монополизация истины и т.д.), и заканчивая мифологически-эсхатологическими, на которые Шмитт указал, и

экономическими, которые Шмитт вынес «за скобки». Современные исследователи не раз отмечали, что «дореформационный капитализм был в основном представлен ростовщической диаспорой, не имеющей отечества и безответственно разоряющей местное население. Протестантский переворот не только способствовал национализации религии («чья земля, того и вера»), но и национализации предпринимательского сословия» (Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М., 2000. С. 154). Примечательно, что некоторые немецкие романтики, в частности Йозеф Геррес, видели в католицизме проявление мужского начала, а в протестантизме — женского. Римский глобализм, ведущий к стиранию границ между *urbis* (Римом) и *orbis* (миром), выступал для них символом агрессивно-наступательного, вирального начала, тогда как национальный протестантизм, породивший софийную мистика Беме, Новалиса и т.д., представал шагом к возрождению *Матери*-Церкви. Большинство значимых сторонников матриархата (Вирт, Бахофен, Отто Гросс, К.Г. Юнг и т.д.) вышли, кстати, именно из протестантов. — *Прим. пер.*

³⁹⁸ Игра местоимениями «кто» и «что» крайне показательна. Германцы праисторических времен, германцы мифа и легенды были для Вирта (и многих других ариософов) «кем», тогда как обычные немцы, несчастные и растерянные «Михели», обыватели Веймарской республики, не успевшие до сих пор понять, кем они были и чем они стали — это, безусловно, с точки зрения ариософии, уже не кто (*wer*), а что (*was*). «Где каждый является другим и никто самим собой» — скажет Мартин Хайдеггер про свой известный экзистенциал «*Das Man*», добавив во «Времени и Бытии»: «Человек, отвечающий на вопрос о кто обиденного присутствия, есть тот никто, кому всякое присутствие в его бытии друг среди друга себя уже выдало» (БиВ, 128). А Вирт будет объяснять, что «люди» древности и «люди» современности — это категории предельно удаленные друг от друга. — *Прим. пер.*

³⁹⁹ Про полубратьев нордического человека, живущих в более теплых широтах, однако генетически восходящих к некогда единой (прото) индоевропейской этнической общности, писал видный антрополог 30-х гг. Людвиг Фердинанд Клаус, например в книге «Нордическая душа: Введение в учение о расовой душе» (фрагм.) // Моссе Джордж. *Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 446 с., С. 103: «Когда северные народы переселяются на юг и там остаются (что имело место с некоторыми племенами в античные времена), их первые поколения живут обособленно, с трудом приспособляясь к непривычным условиям. Затем в их душах происходили изменения. Они не меняли своей расы, не становились в полном смысле средиземноморцами, но в их нордическом характере происходила определенная трансформация, в результате чего они становились южной вариацией нордических людей. В их глазах южная природа не была такой же, как в глазах местных жителей, приобретая некоторые северные черты. Природа формирует душу, но и душа воздействует на природу. Поэтому южная природа предстает перед средиземноморцами и выходцами с севера по-разному, и эти различия сохраняются у нордических народов навсегда, несмотря на некоторое стирание их со временем». — *Прим. пер.*

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

OFFT MINSVN.
 KISSA BOKA MOT I MIK LIH AND
 SOLS VARIA. SE VMBITATTAR LIU
 SKEDNISSI TON VS ELS TOLK AT TON
 VRA ETLUM. VELEDIN IGR LAB IK
 HAM UTSE FLUD AFSD TOLIK MIK
 LI AND KINRA MODER. LA LIA
 WERON WIT WRODN. KERAFVCH
 QVAON LIA ATTERNEI VFDARNA
 VMBE LIA NAVT TO VFLISA KABIK
 RA VP WR LANDISK PAMFHE VOR
 SKREVSN. SA AWSRFA AV SE ERVE
 MOE EV SE AK WFSRFEVA. LIA
 BARN ALSA TIL LIU LIA NIMMSSE
 WEI NAVT NE KVMA.
 SKREVSN TO LIU WIST. NEI
 AT LAND SVNKEN IS. LAT LIA
 RUSOND. TIVWSE AVNDREO AND
 NIUDON AND TIVWSE TIOOSSE
 LAT IS NEI KERSTEN REKNOR
 LAT TVEIT AVNDREO SSE AND TIT
 OSTSE GER. LIODS TOBINOMAT
 OERA LINDA. N WAK.

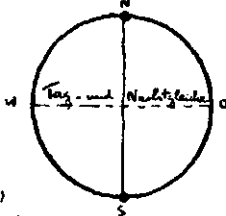

Die atlantische Jahresenteilung:

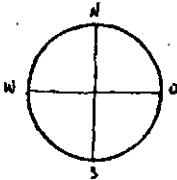
I. Das Horizont- oder Gesichtskreissonnenjahr

Das arktisch-atlantische Jahresideogramm das nordatlantische Jahresideogramm
Sommer- und Winter- = Mittsommer
= Mittwinter

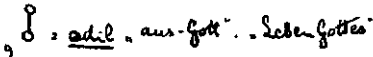
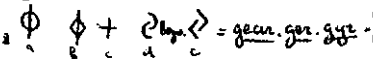
9) Winter- und Sommer- = Neujahr = Mittwinter

Entspricht ebenfalls dem Himmelsrichtungskreuz

11)

Abgeleitete Zeichen:
das arktisch-atlantische Zeichen für „Jahr“ und seine Wechselformen und die dazugehörigen schräge Holzstiftformen

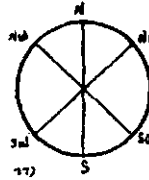
(nordamerikanische Indianer): „von oben und unten kommen“, „Leben und Tod“

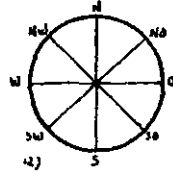
10) abgeleitete Ideogramme in Verbindung mit

der Weltachse N-S

und der Gleichachse O-W oder dem Himmelsrichtungskreuz

17)

12)

die nordatlantische Hieroglyphe für „Gott“, „Jahr“, „Mensch“, für den „Gottes“- „Jahr“, „Welt“, „Sonne“, oder „Mensch“, „Baum“, den „Baum mit 3. Wurzeln“ und „3. Besten“ usw.

„X“ = „gear“ usw. „Jahr“

13)

14)

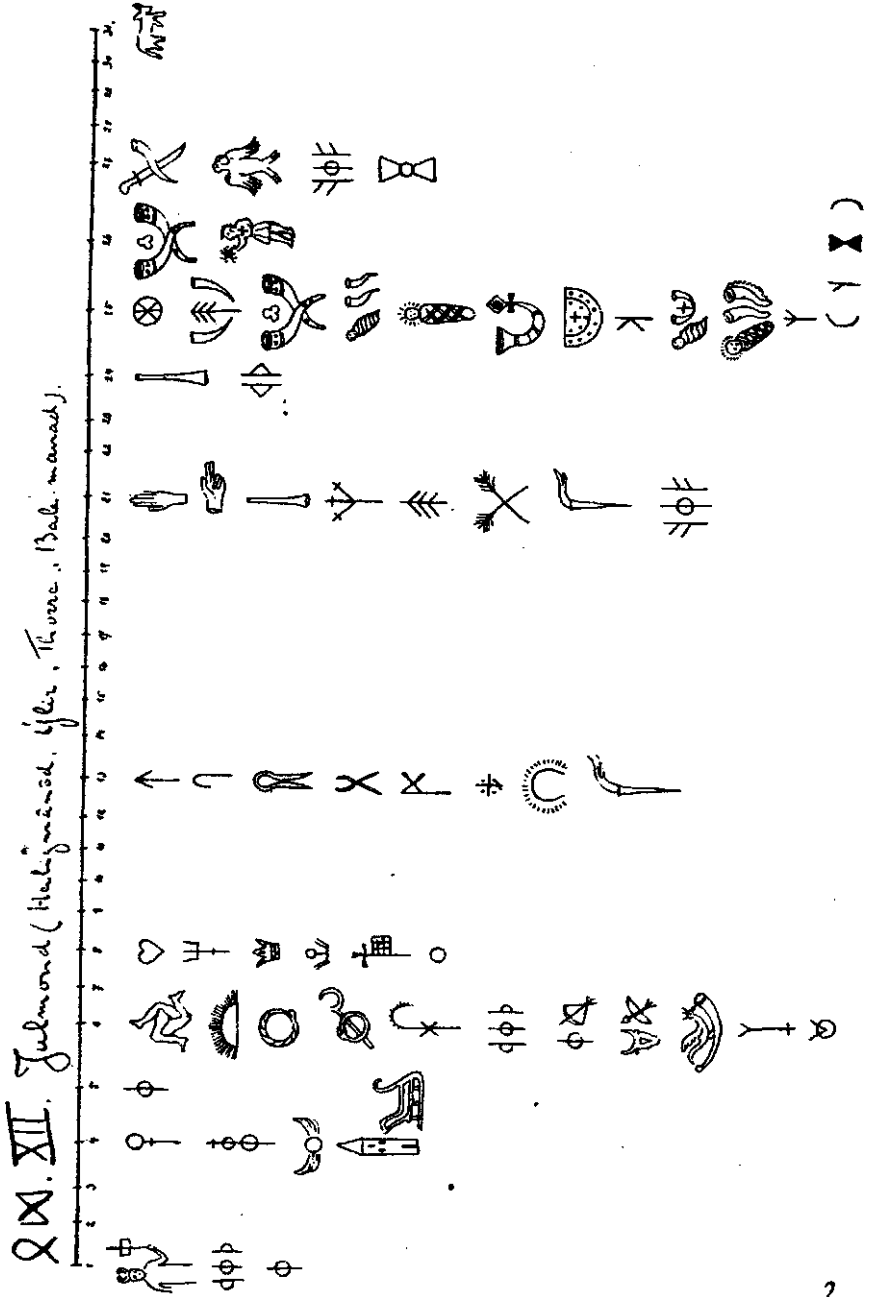
15)

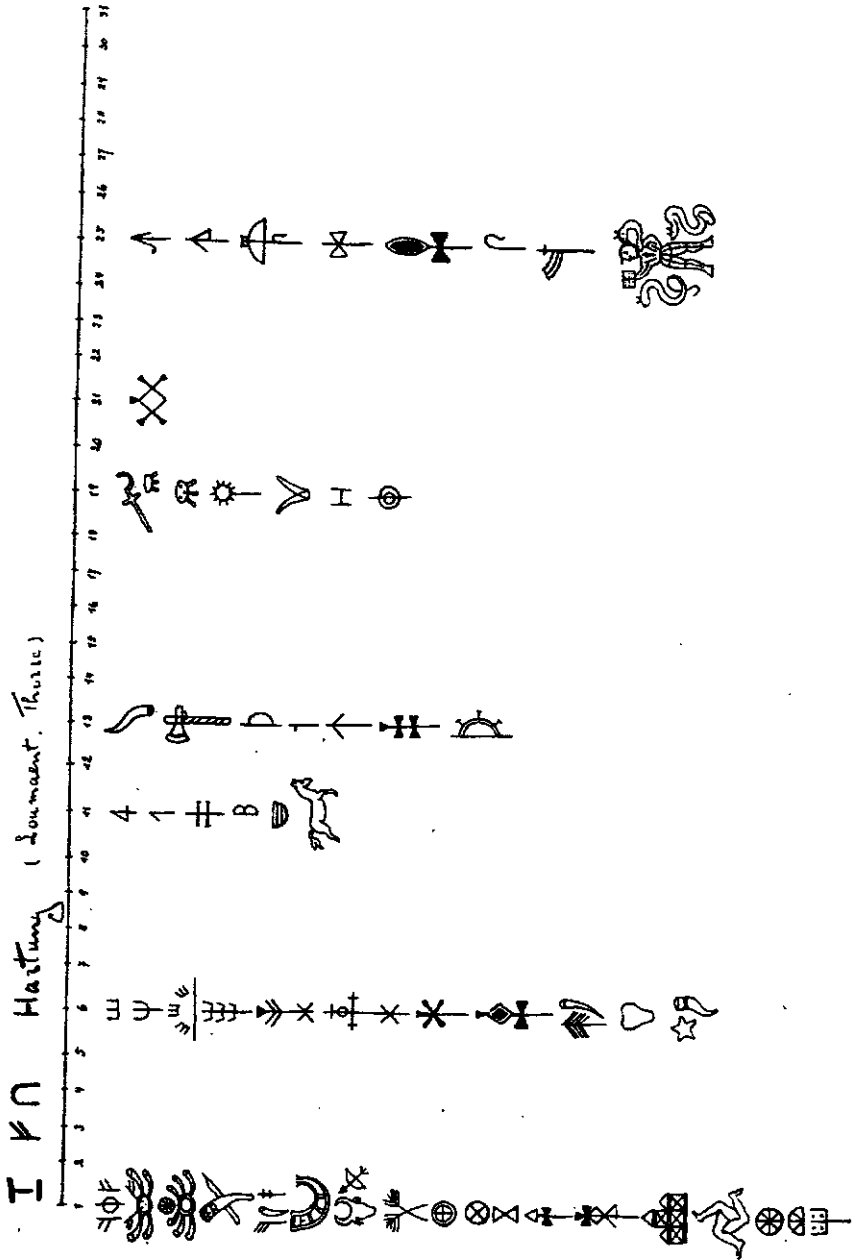
Symbolik der skandinavischen Bauernstabkallender (16. Jahrhundert)

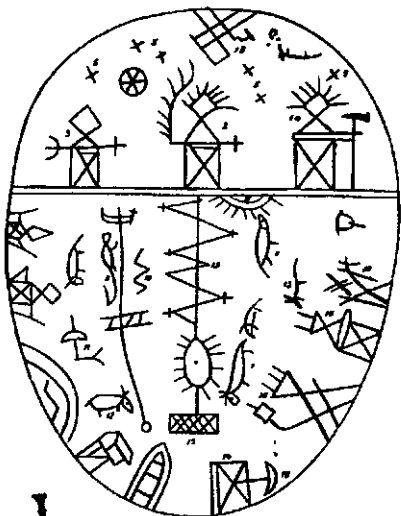
„Y“ = „twimach“, zwei Menschen

d.h. „Ym-A“ = „Twisto“, der „zweifache“ (Name der Gottesstube bei Tacitus)

17) „alt-wendisch“ „matr“, „Mensch“, „Mann“ (Name der Gottesstube des „moldar“ aus der „Vrede“)

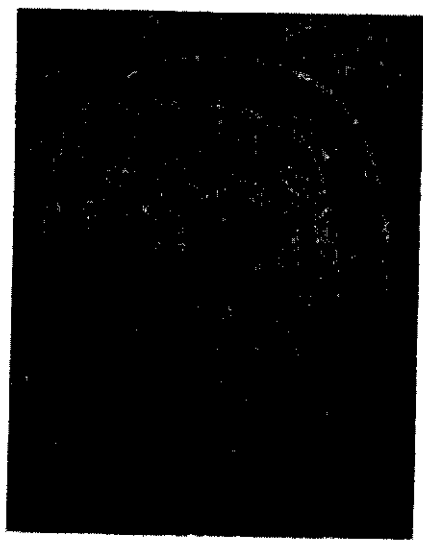
4

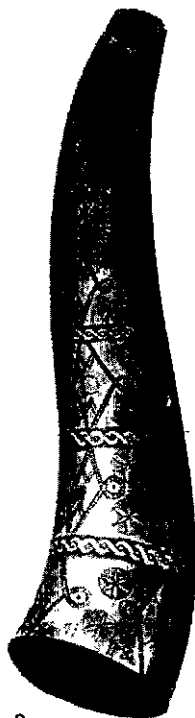
5

6

7

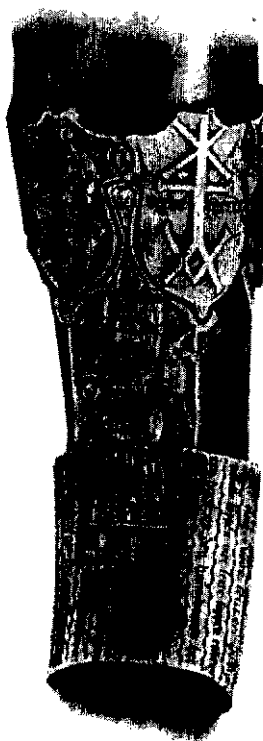
8

9

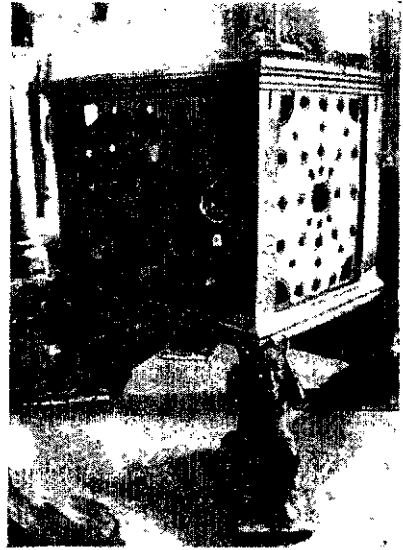
10a

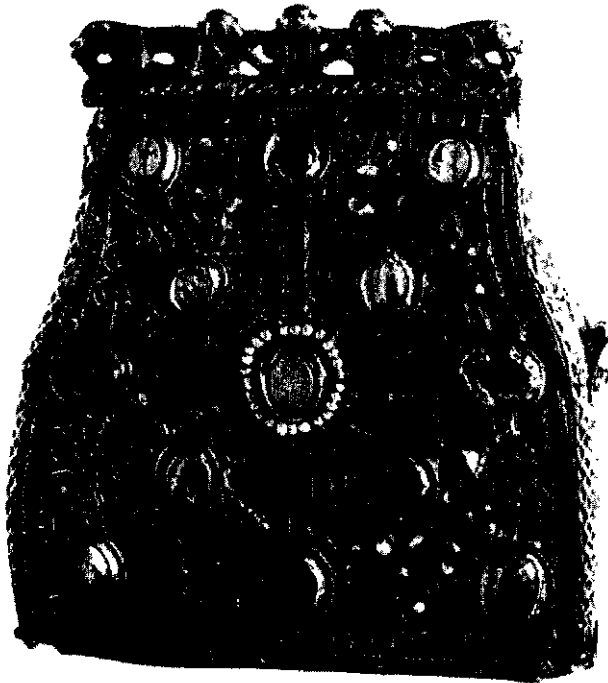
10b

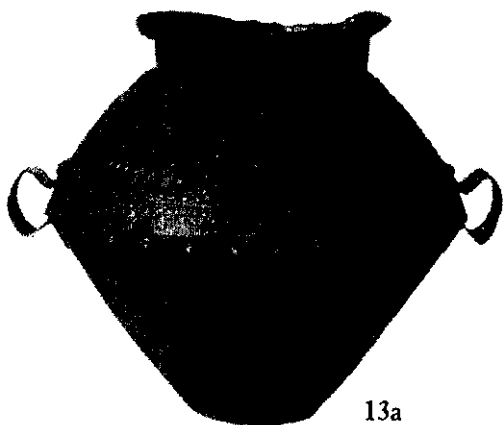
11a

11b

12

13a

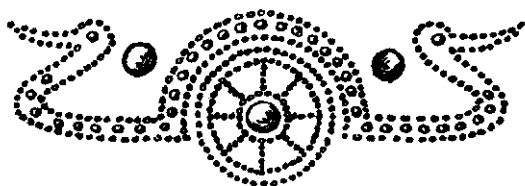
13b

14a

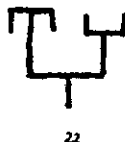
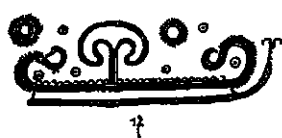
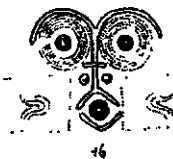
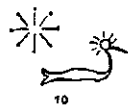
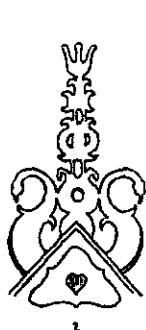
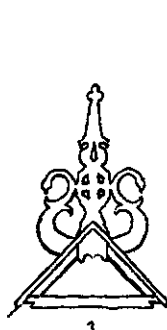
14b

15a

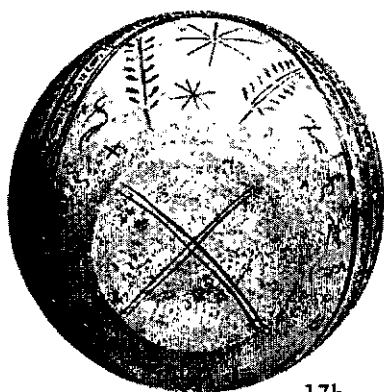

15b

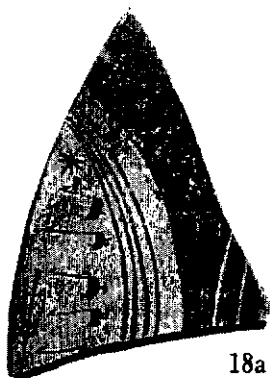

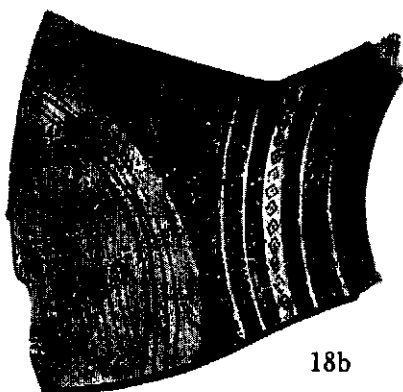
17a

17b

18a

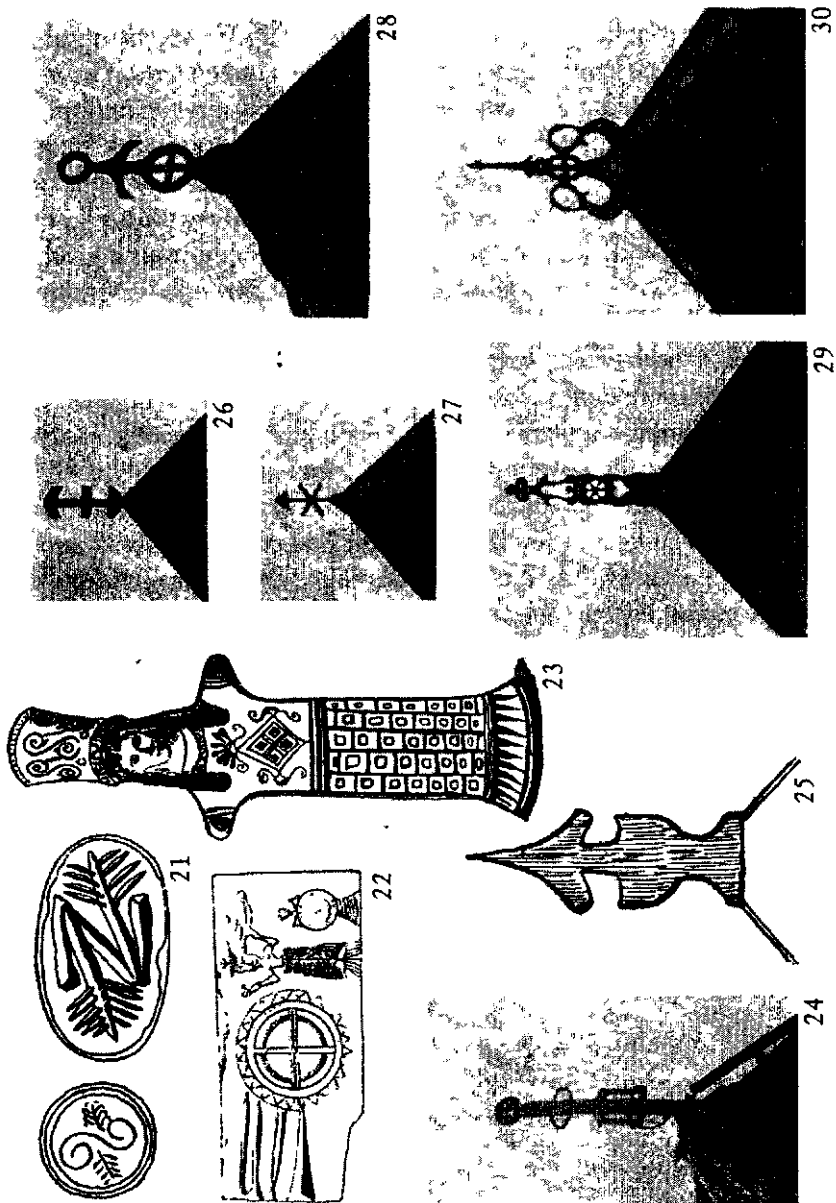
18b

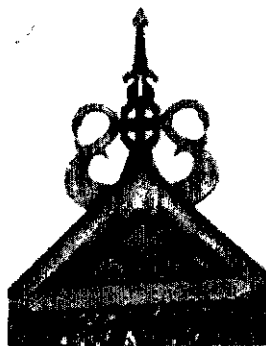

19

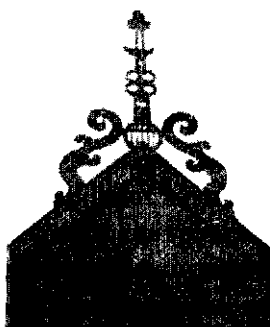

20

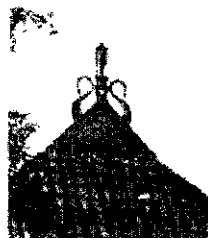

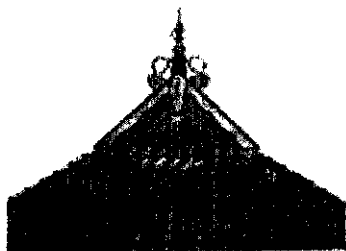
31

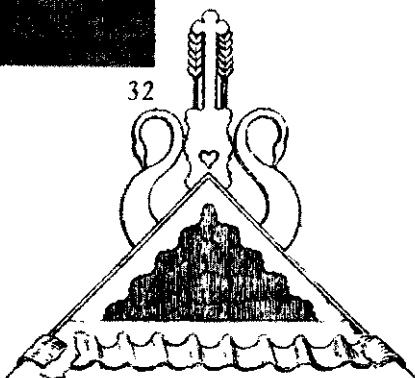
32

34a

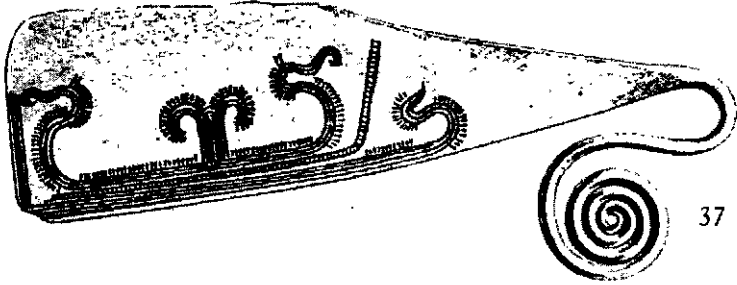
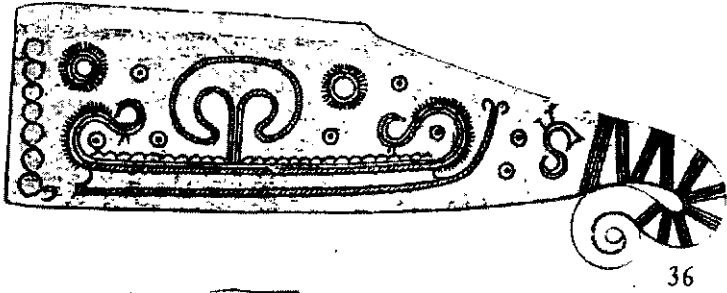

33

34b

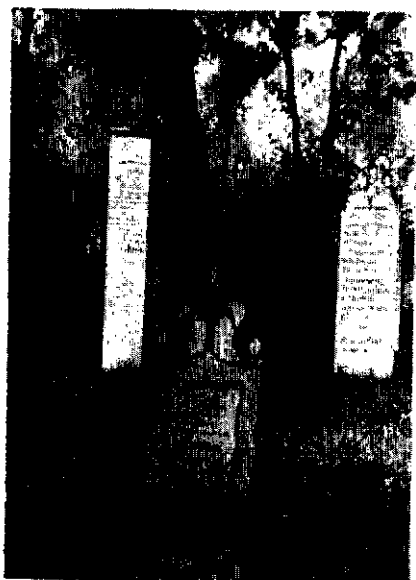

41

42

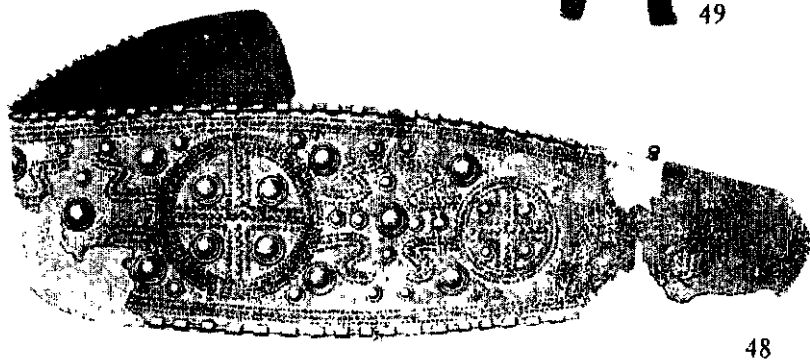
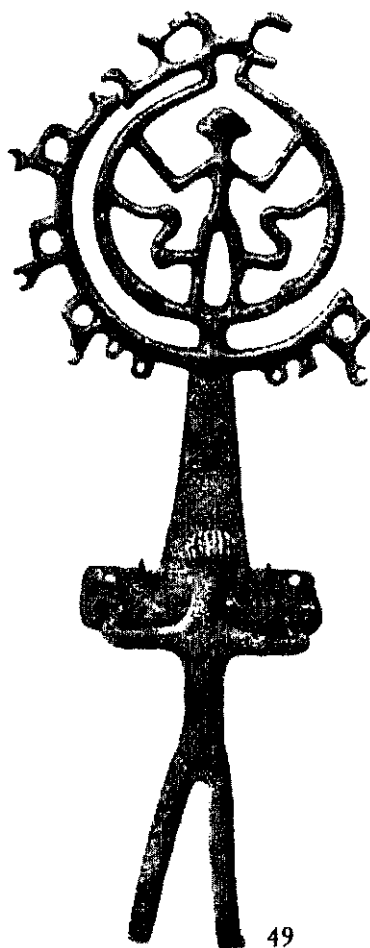
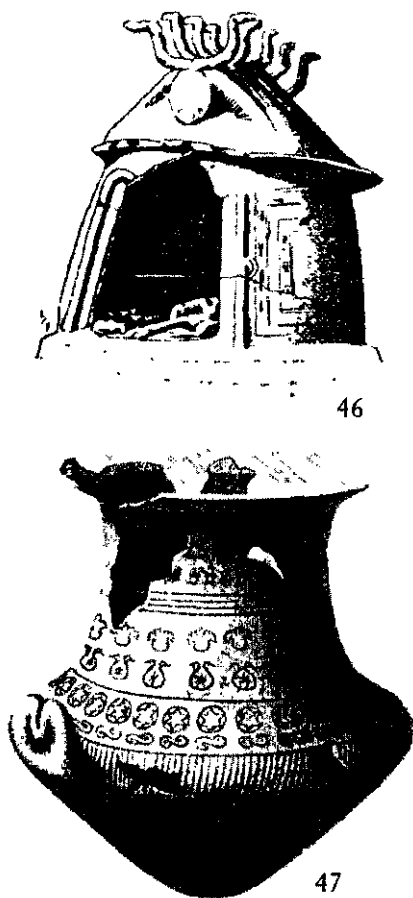
43

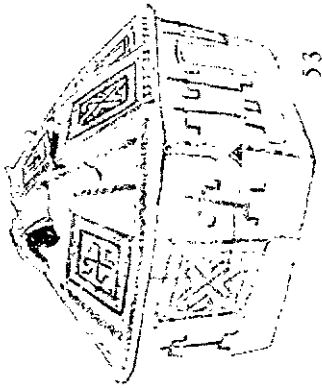

44

45

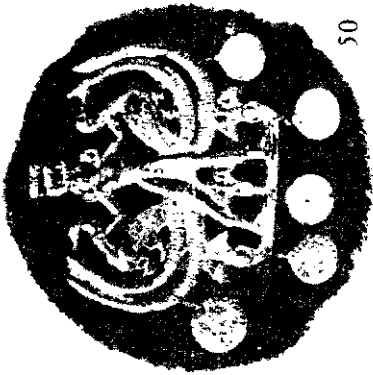

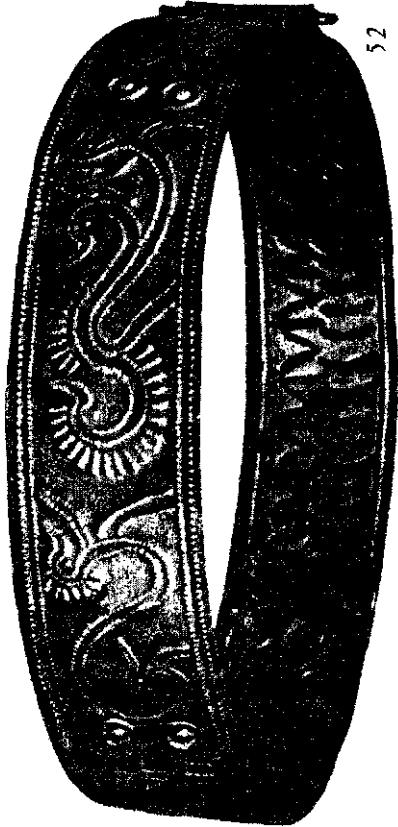
53

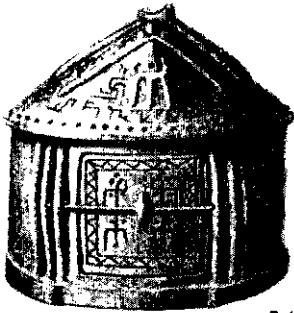
51

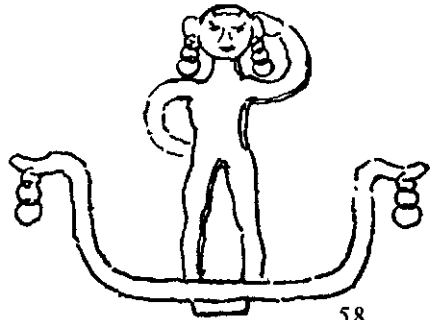
50

52

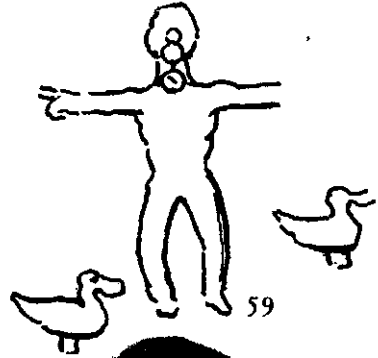
54

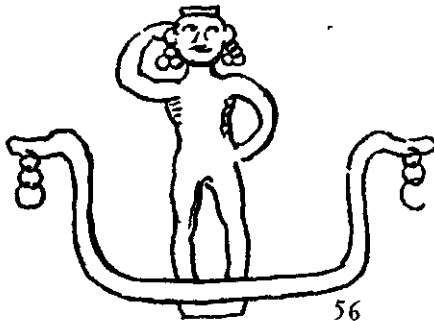
58

55

59

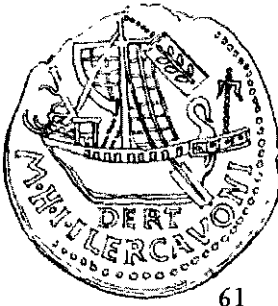
56

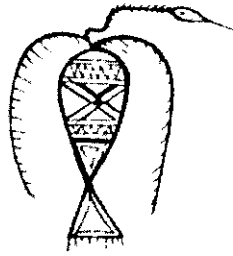
57

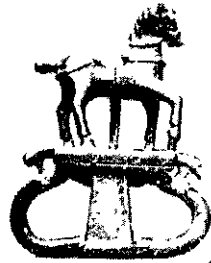
60

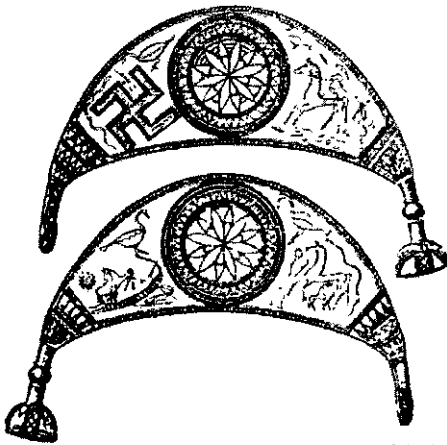
61

62

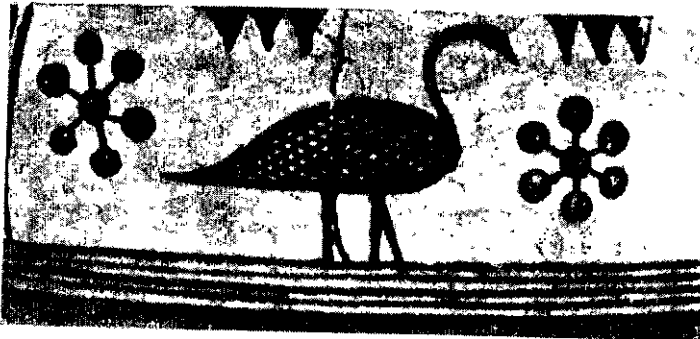
63

64a b

65

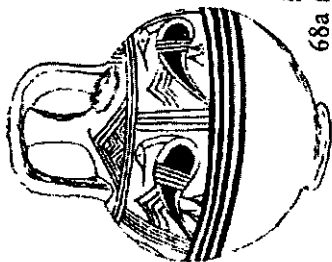
66

69

70

68a

68b

67

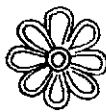
71

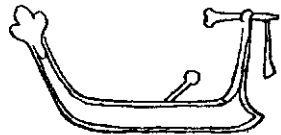
7a

b

c

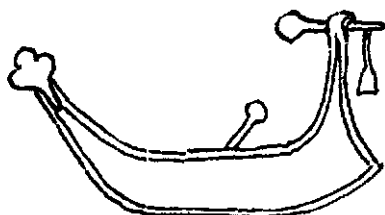

d

Pulasata (Palestina)

Schiff auf dem Diskus v. Phaistos
(um 1500 v. Chr.) mit Dreiblatt-
sevenaufflag.

Polsata (Nordseegebiet)

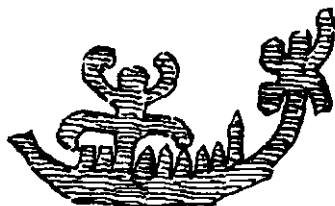
desgleichen: Totengeleitschiff in Fels-
zeichnung von Tanum, Bohuslän,
Schweden.

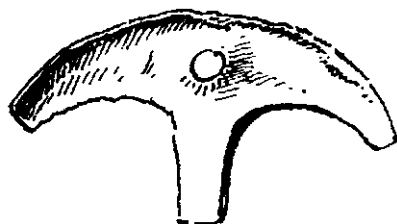
Schiff auf Gefäß von Gezer, mit
Zeichen des hag-ala, des „Alibeyers“
✱ (•✱ bzw. ✱).

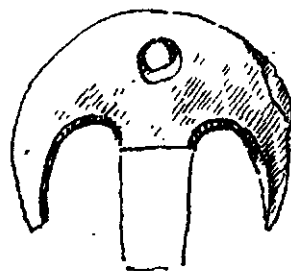
desgleichen Felszeichnung Tanum,
Bohuslän, Schweden.

Bronze-„U“-Messer mit Sonnen-
Zeichen von Tell el Hesv.

desgleichen Anhänger aus Ton,
Grabbeigabe aus Grabhügel in Jyl-
land, Dänemark (jüng. Steinzeit).

74

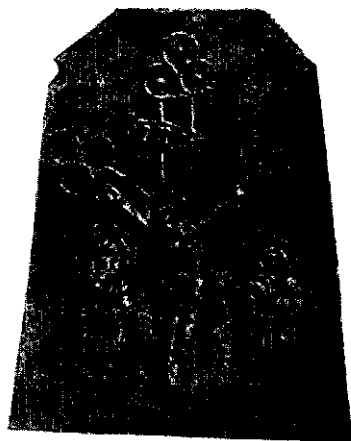
76

75

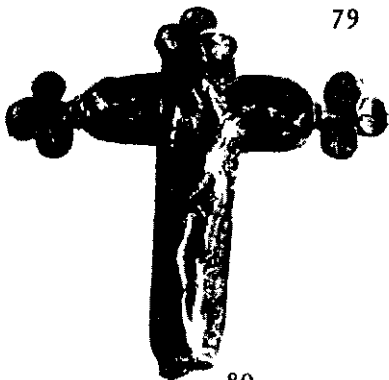
77

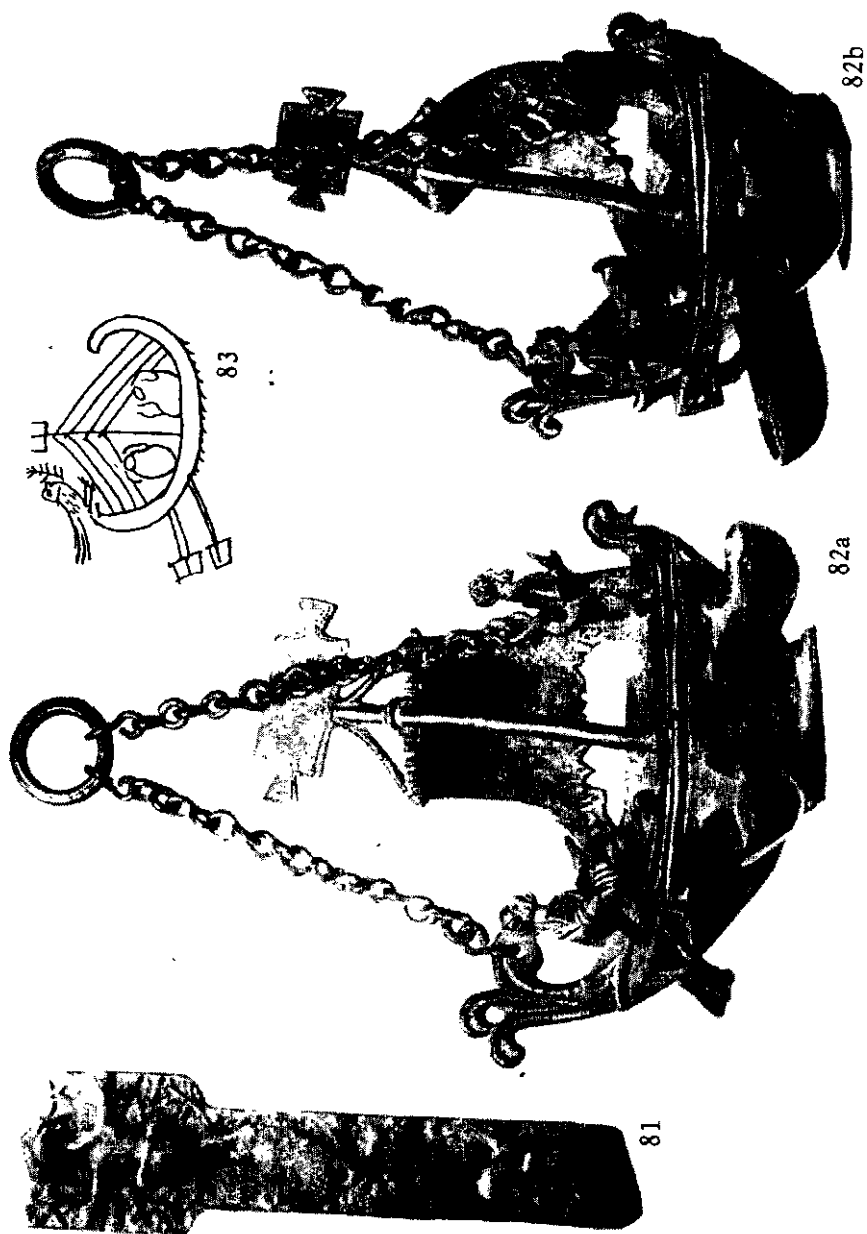
79

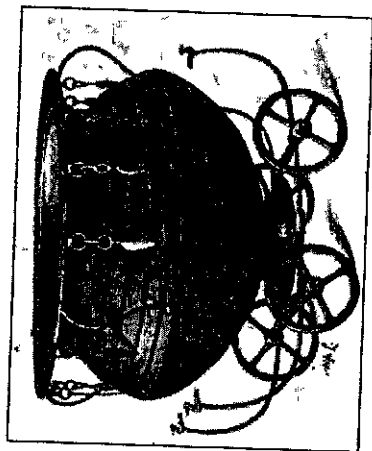

78

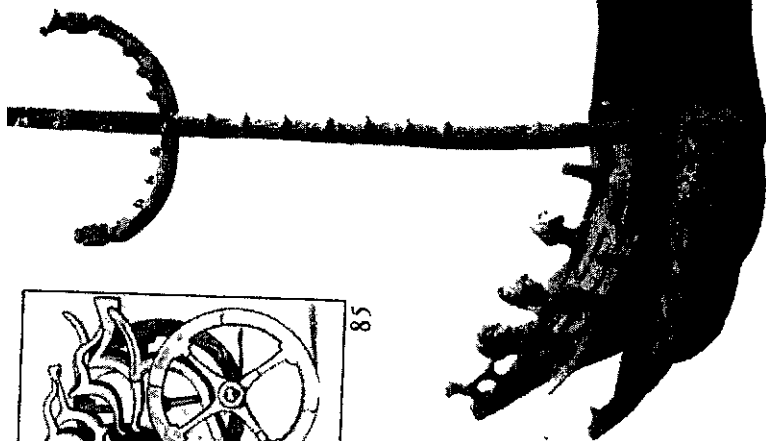

80

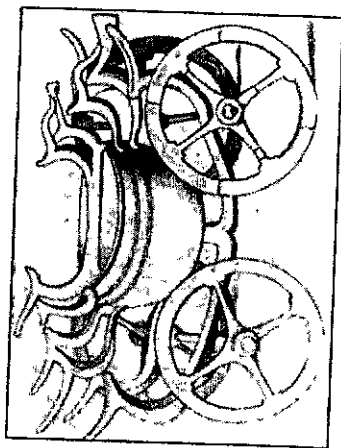

86

84

85

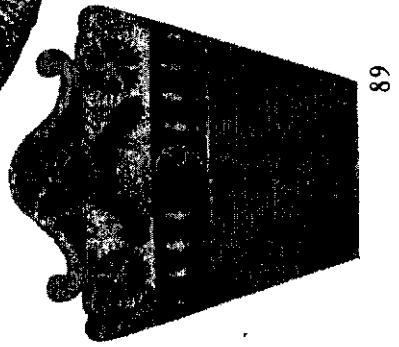
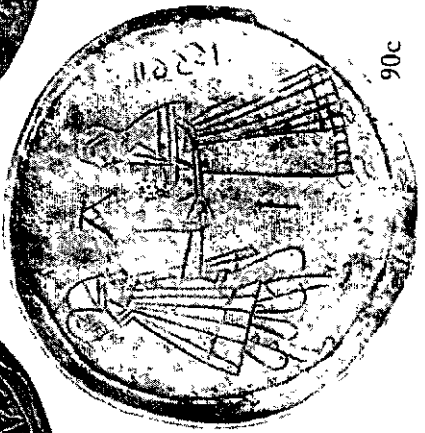
87a

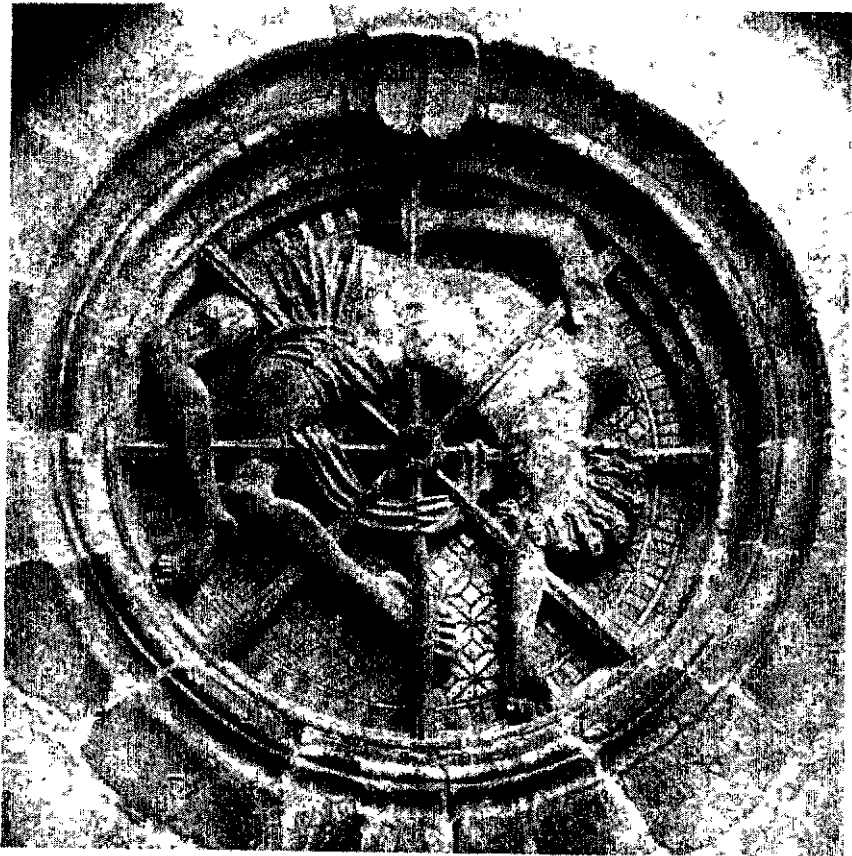

87b

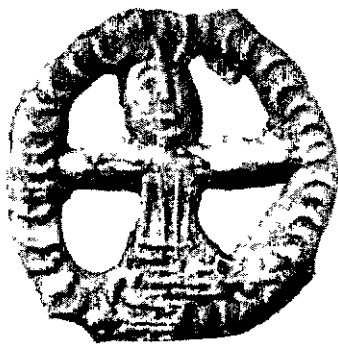

88

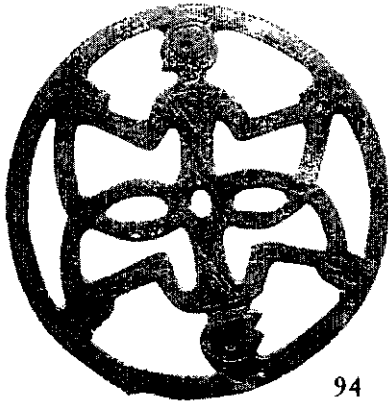
92

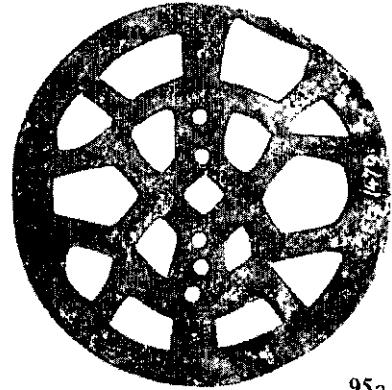
91

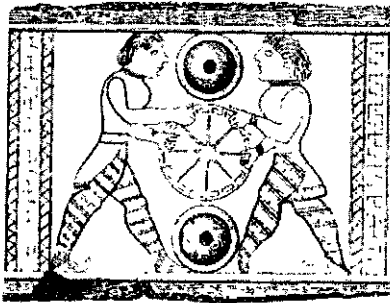
93

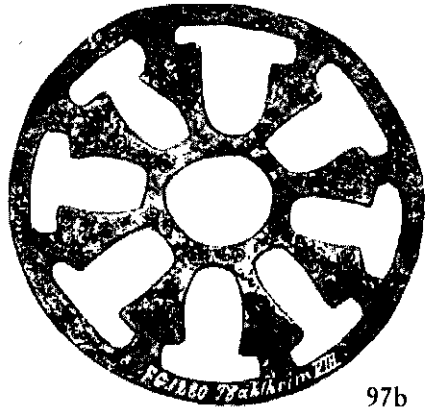
94

95a

96

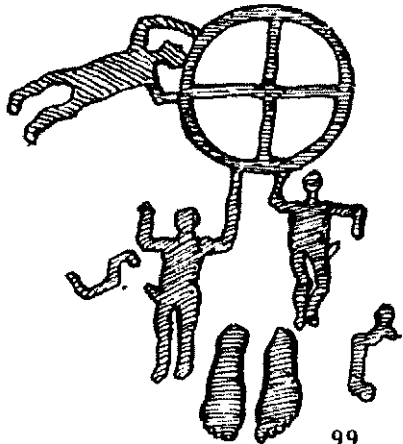
97b

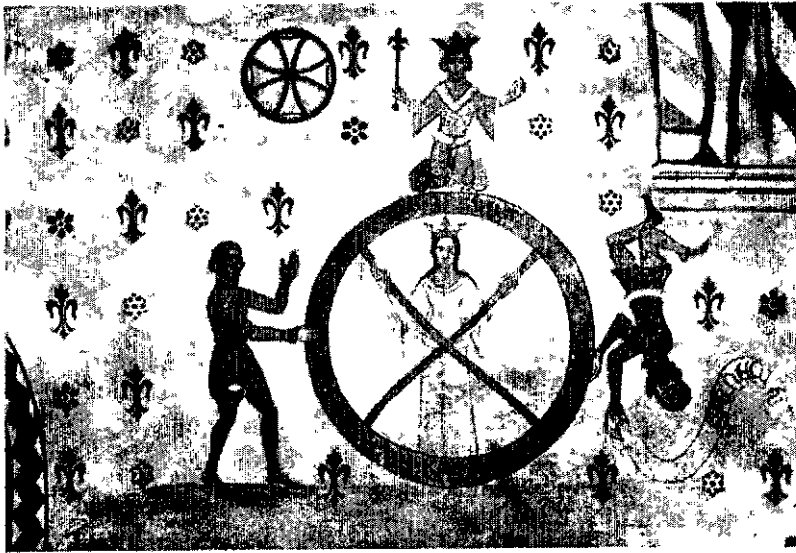
97

98

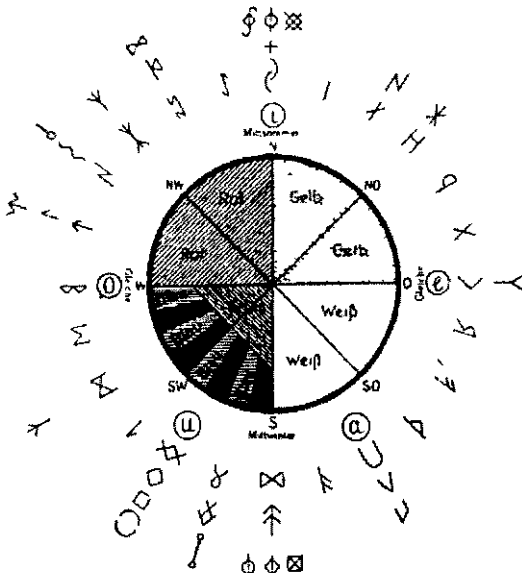

99

100

ѠПРѠР < X P. H. K. I. S. J. C. X. H. ↑ B. M. M. T. X. X. R. M

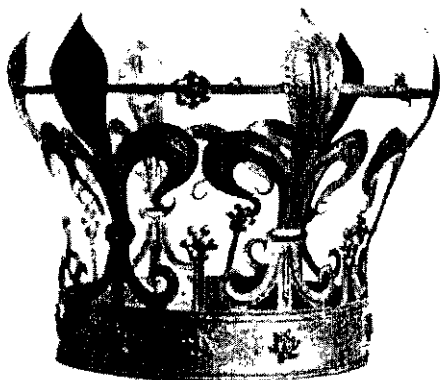
ѠXO1M1M1T.4X H I S I K H. 9X > R 1 1 0 1

Typ an

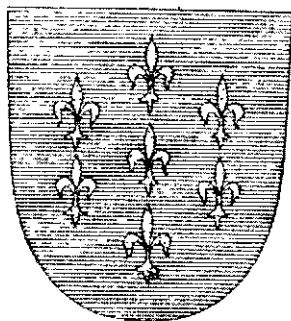
Hage an

Frey an

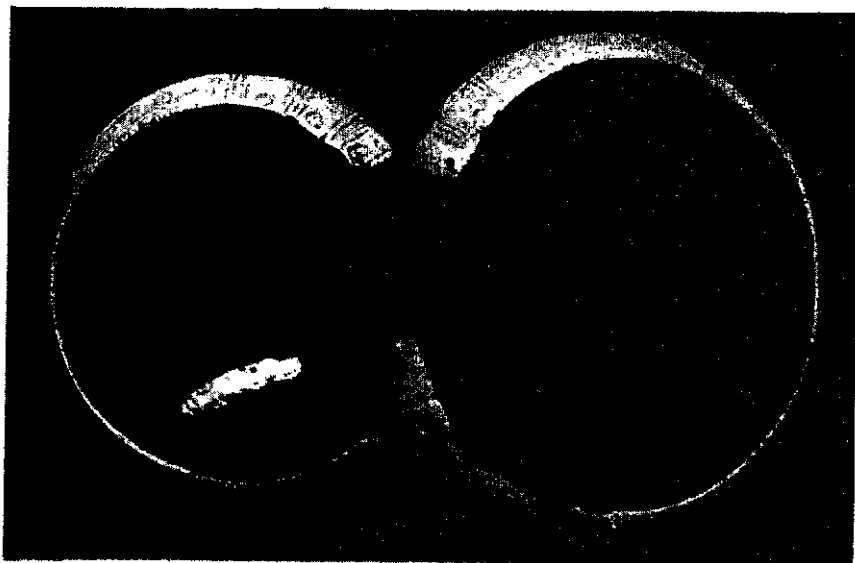
101

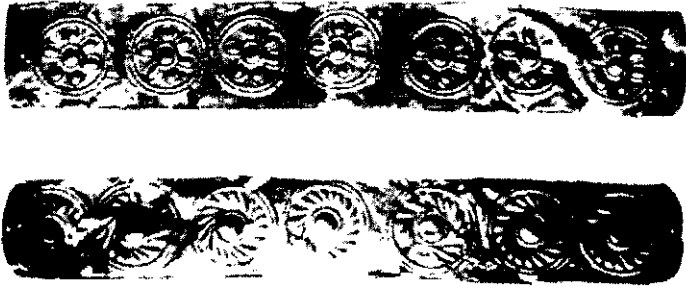
102

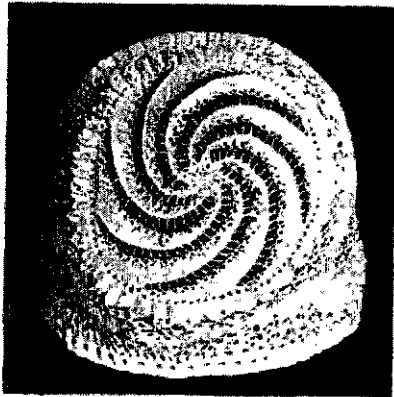
103

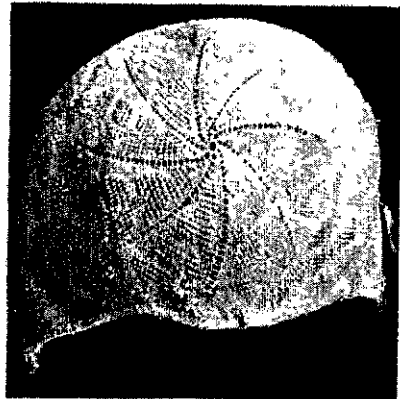
104

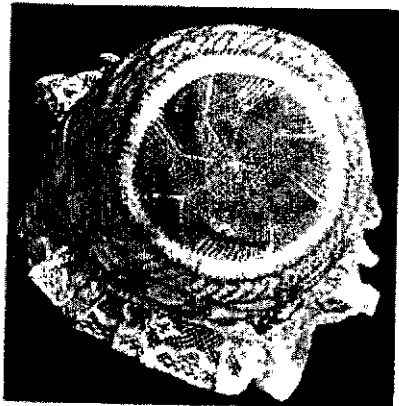
105

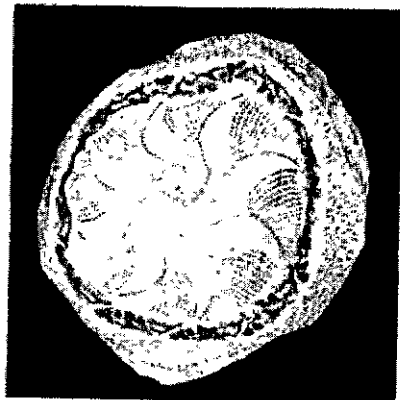
106a

106b

106c

106d

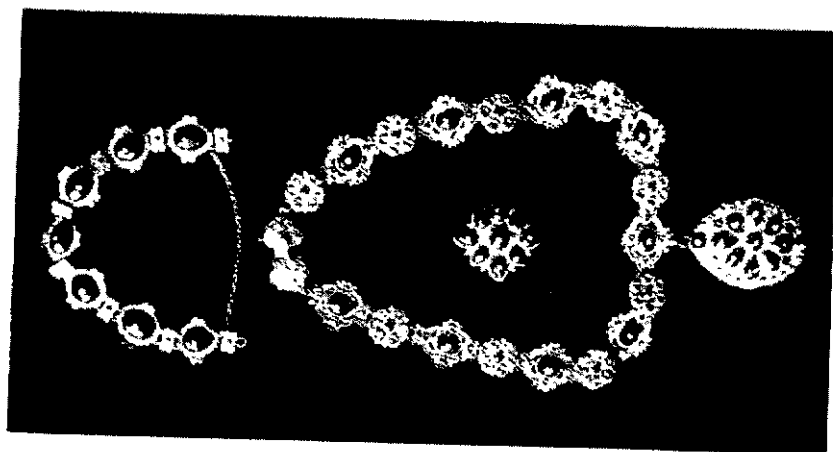

109

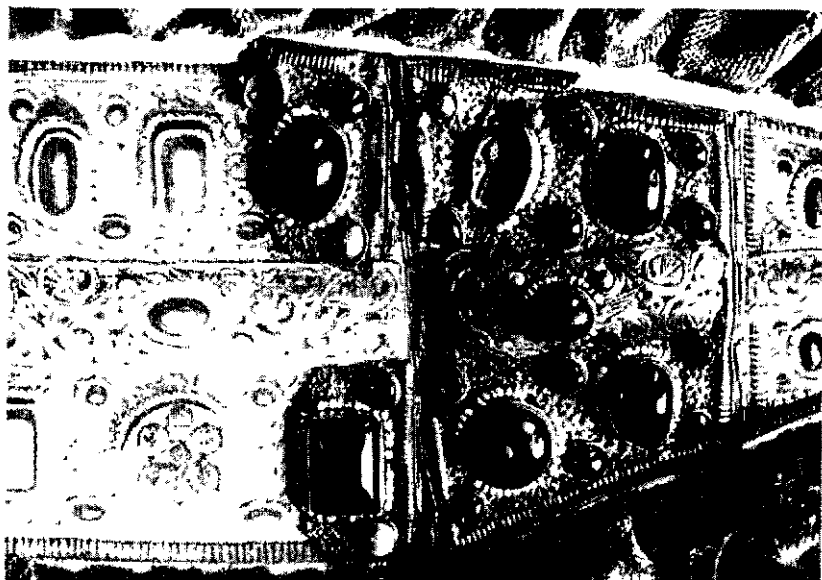
110

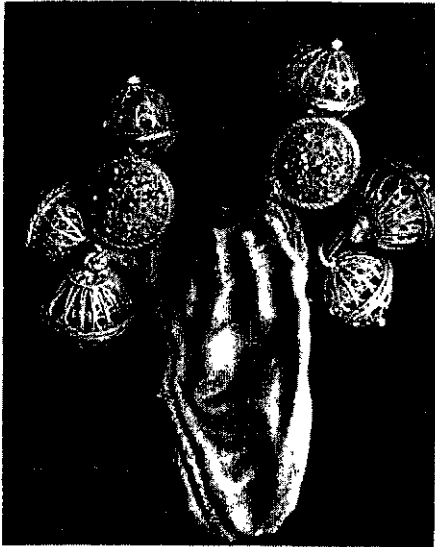
108

111

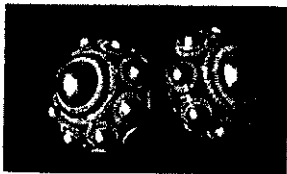
112

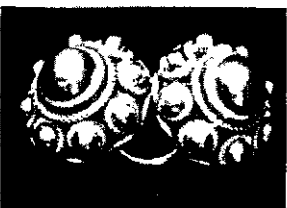
113

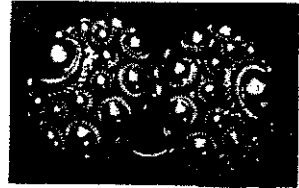
114a

b

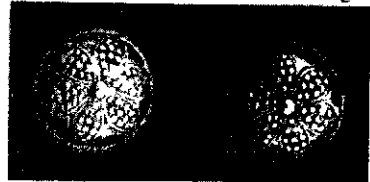
c

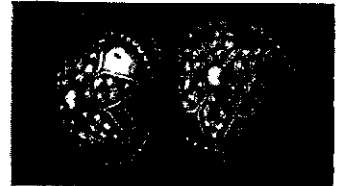
d

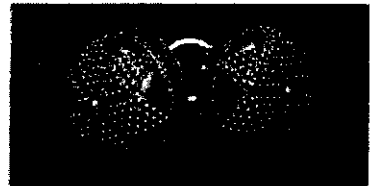
e

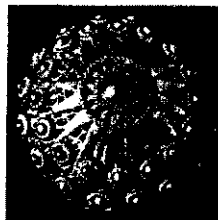
f

g

h

i

k

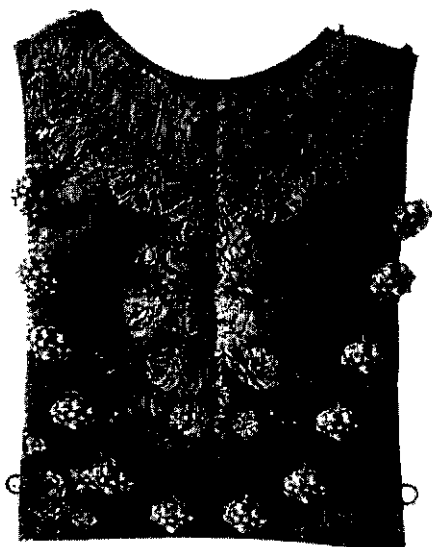
115

117a

118a

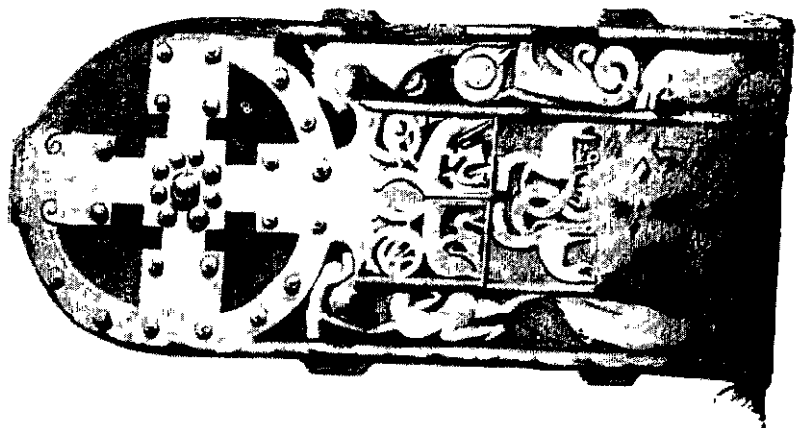
116

117

118

120

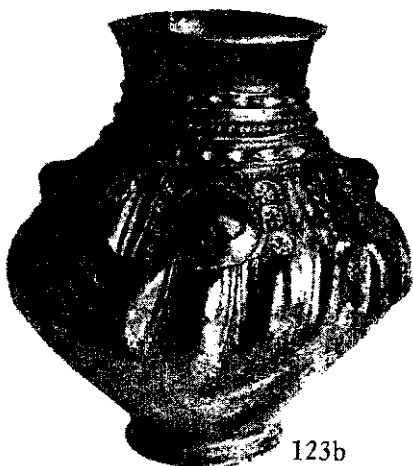

119

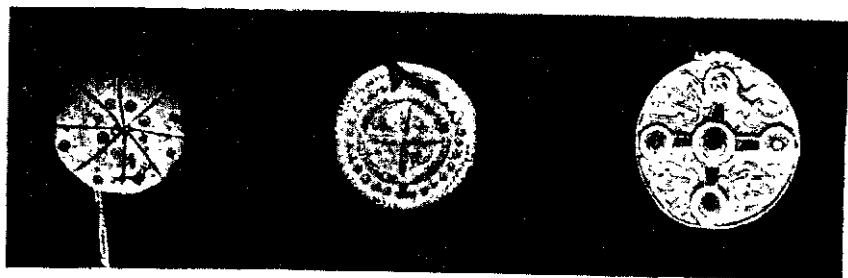

123a

123b

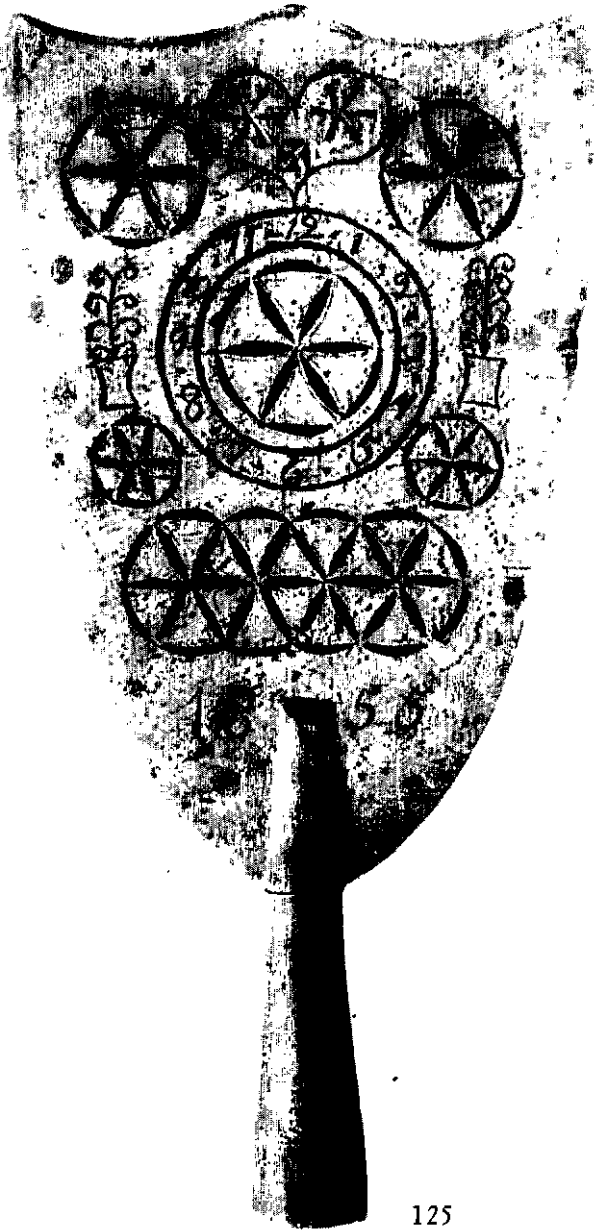
124

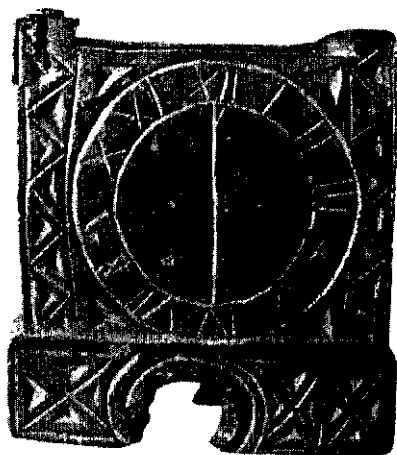
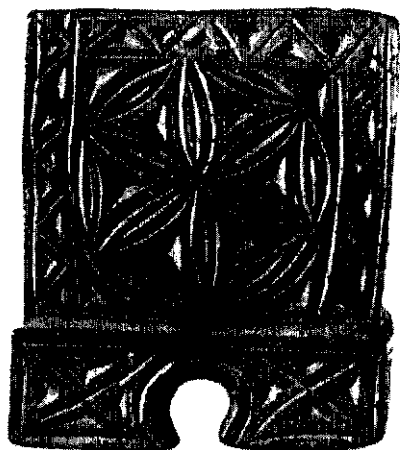
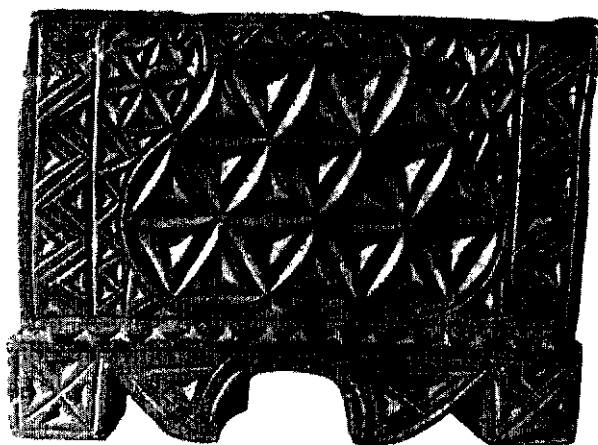

124a

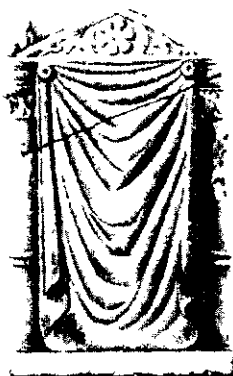
124b

127a

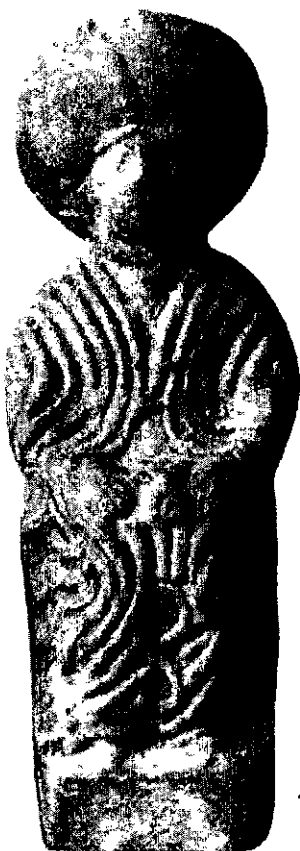
127b

128

129

130

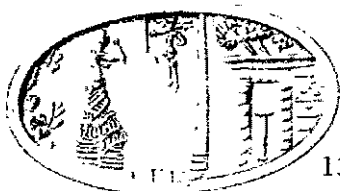
131

132

133

134

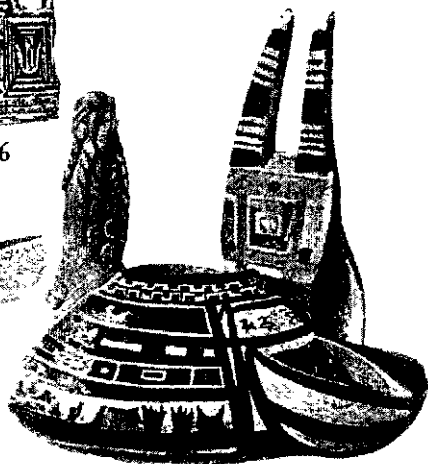
135

136

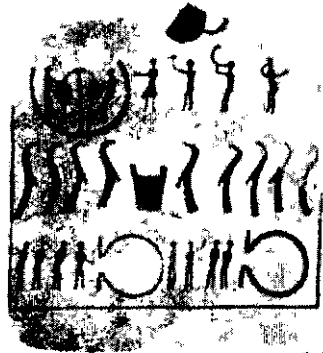
137

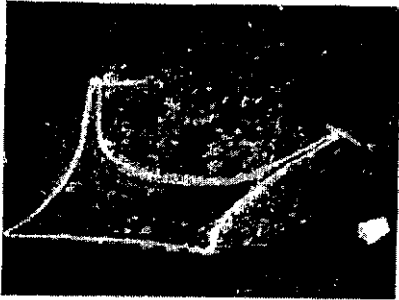
138

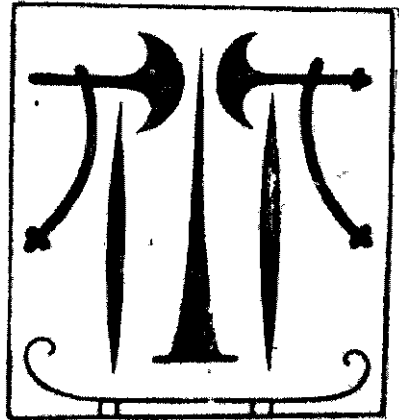
139

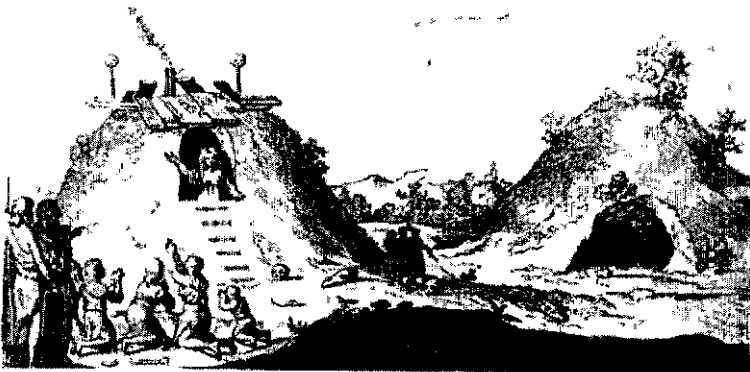
141a

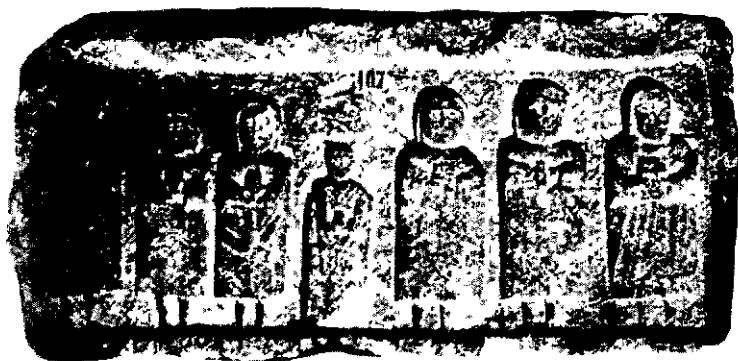
140

141b

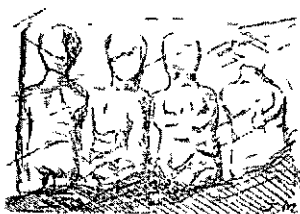
142

143

144a

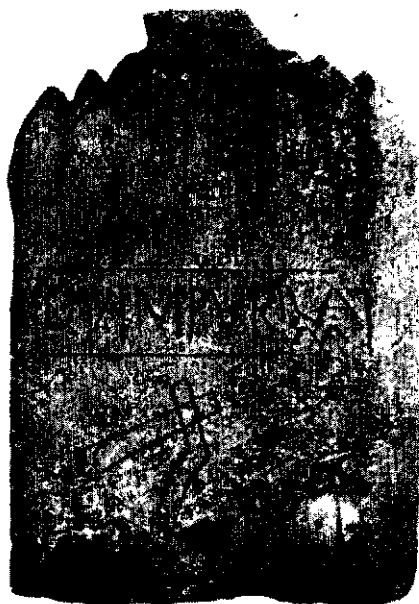
144b

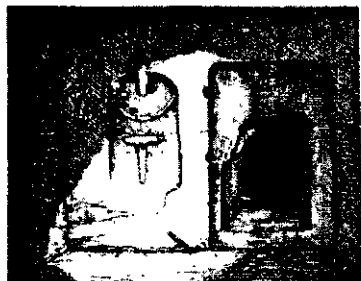
146

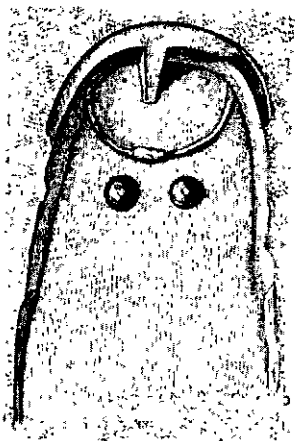
145

147

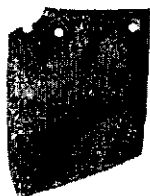
148

149

150

1a

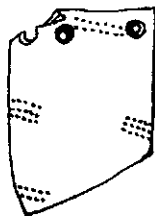
1b

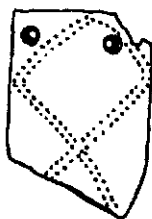
151

152

153

2a

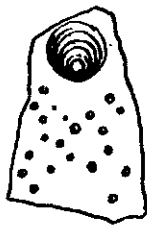
2b

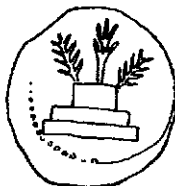
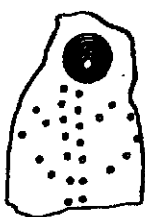
154a

b

153

155

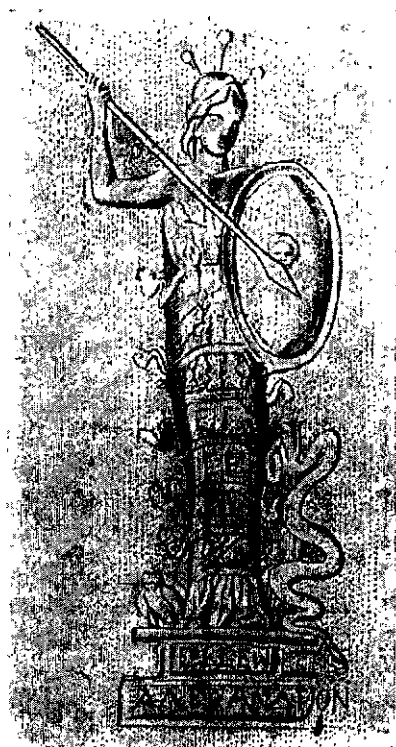
156

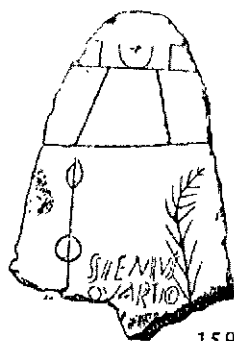
157a

157b

158

159

160

161a

161b

162

164

163

165

166

168

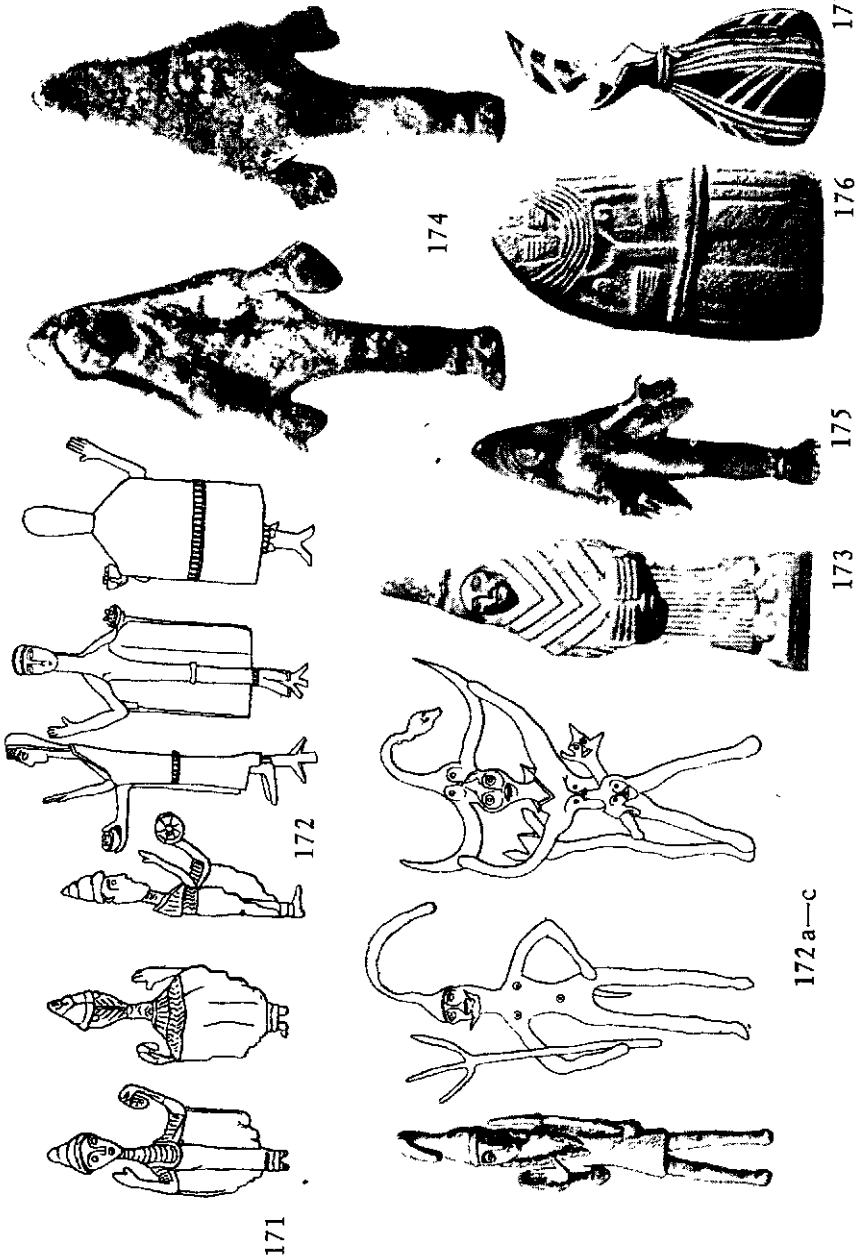
169

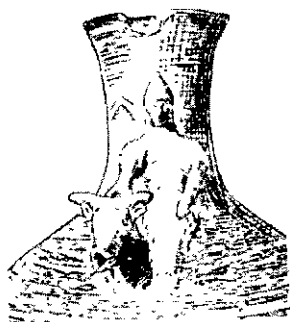

167

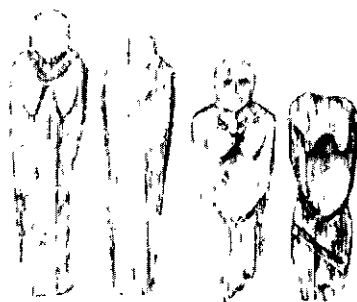

170

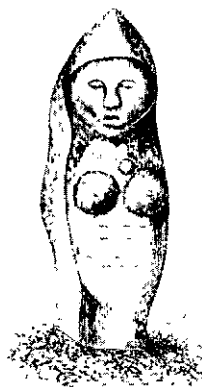
178

181

179

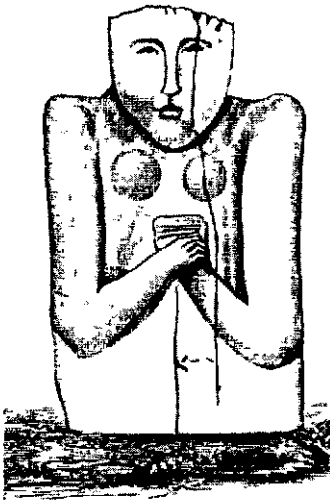
182

183

180

184

185a

b

186

188

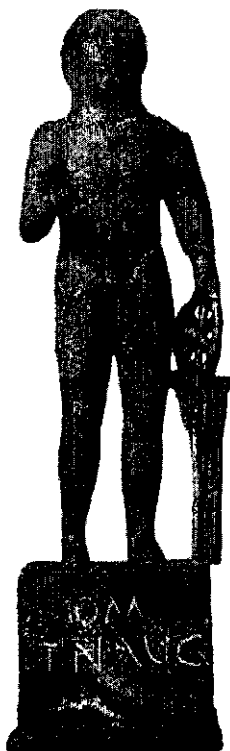
187

189

190

191

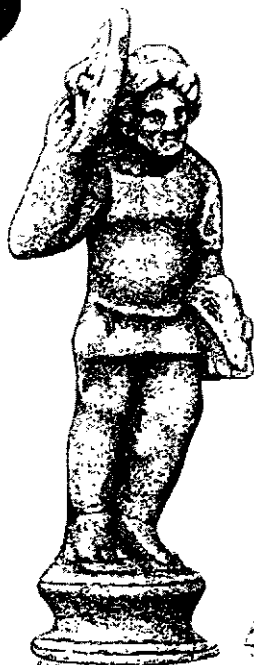
193

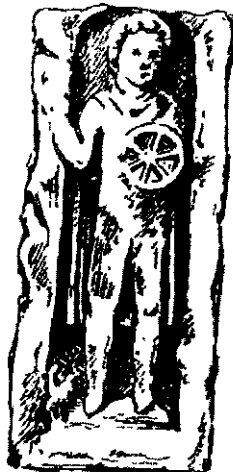
192

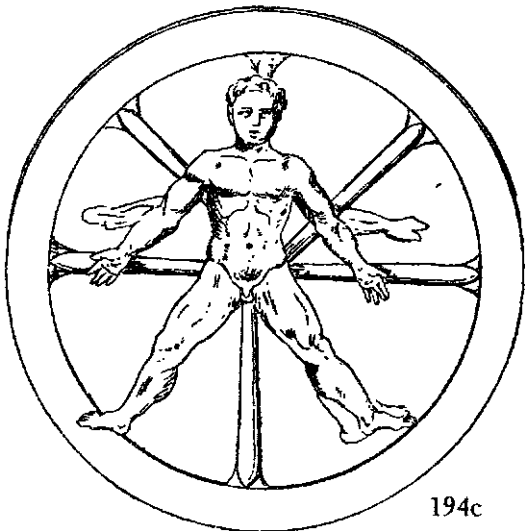
194

194a

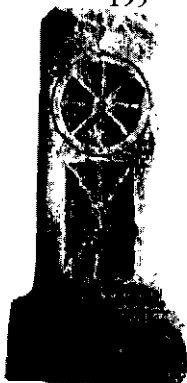
194b

194c

195

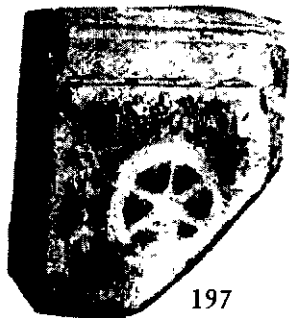
196

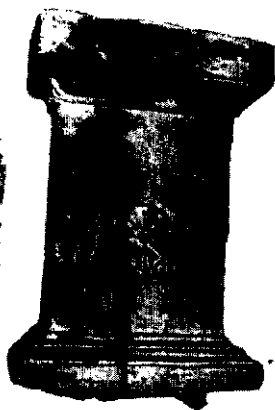
199a

199b

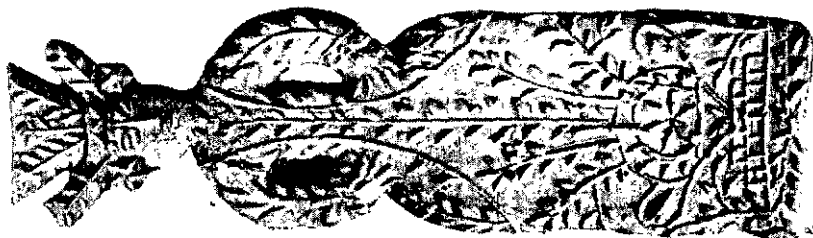
197

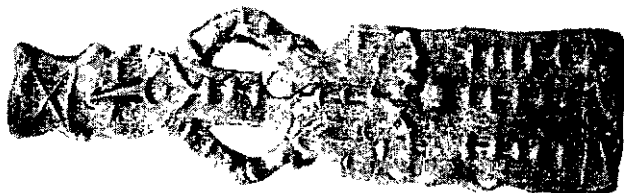
198

200

203

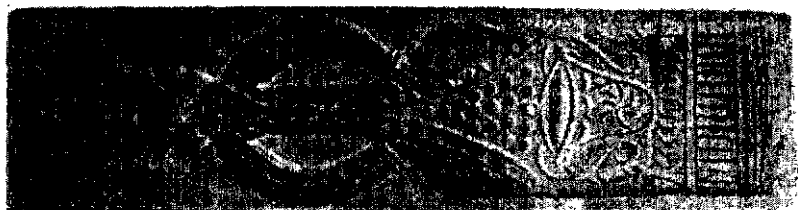
202c

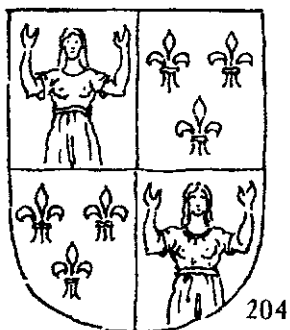
202b

202a

201

204

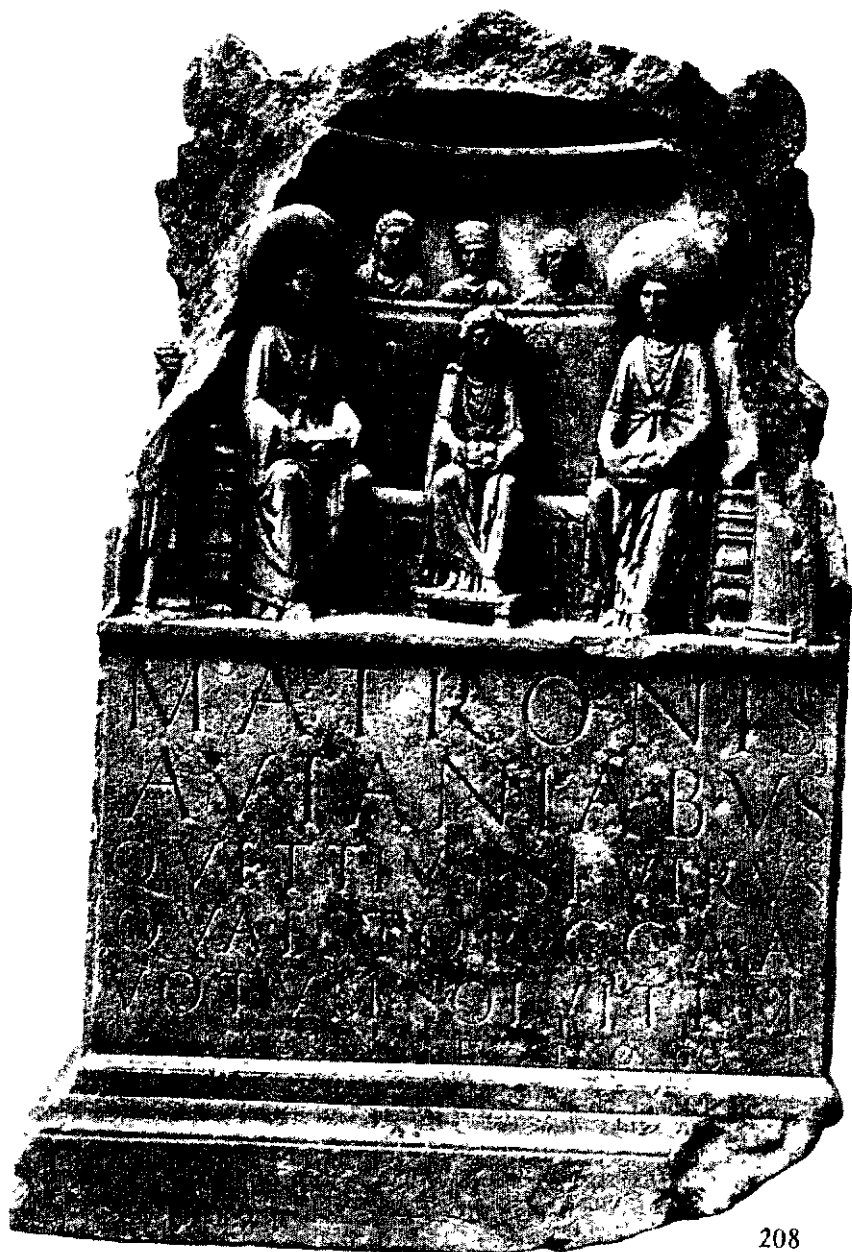
205

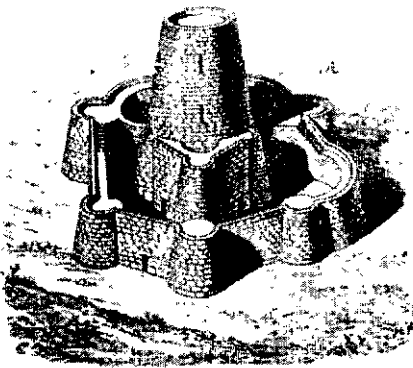

206

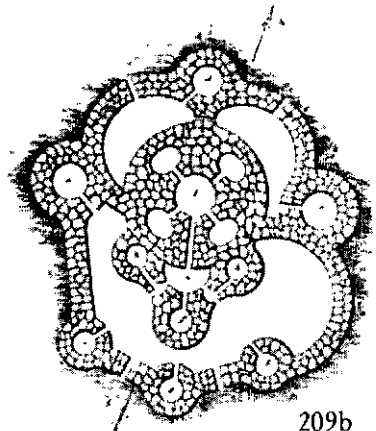

207

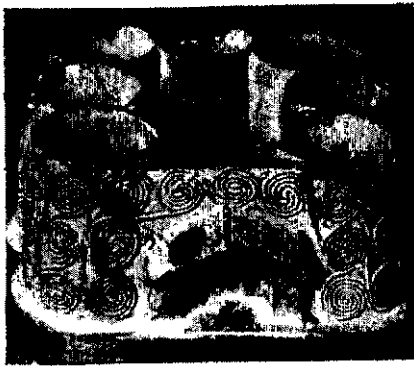

209a

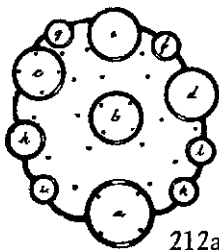
209b

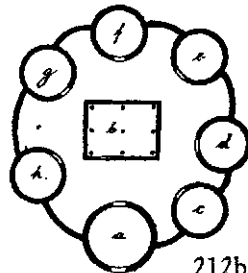
210

211

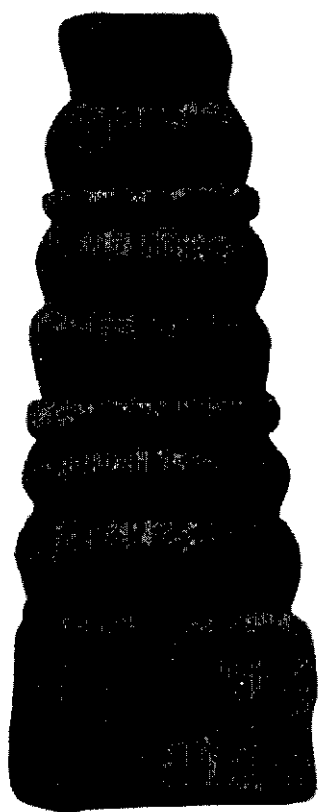
212a

212b

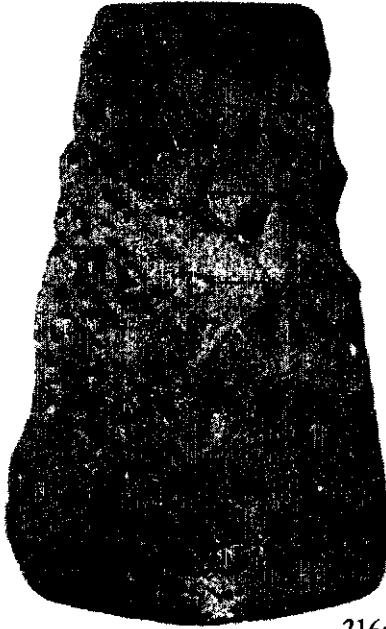
213

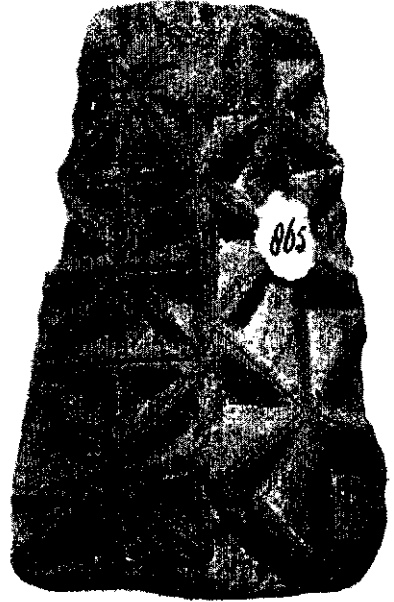
214

215

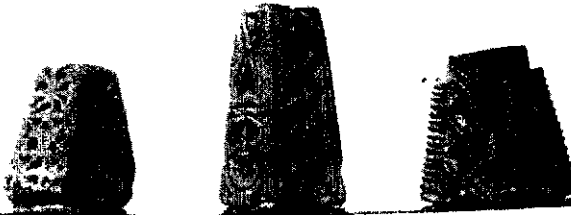
216a

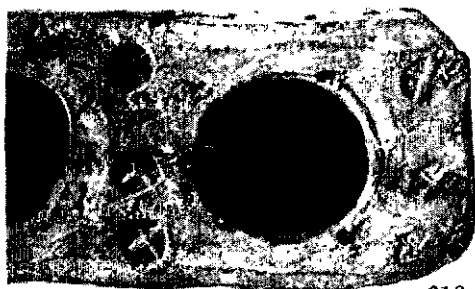
b

217

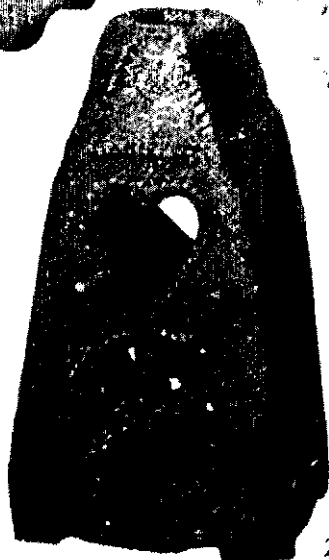
218

219a

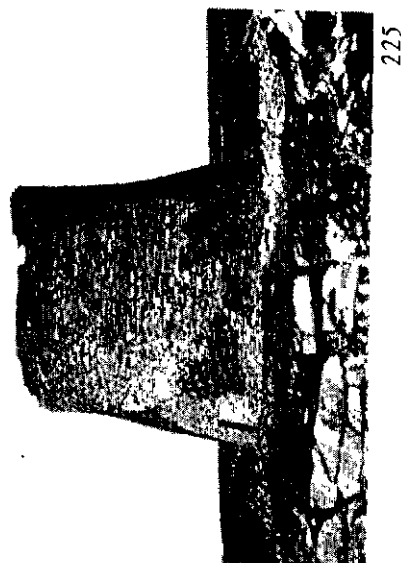
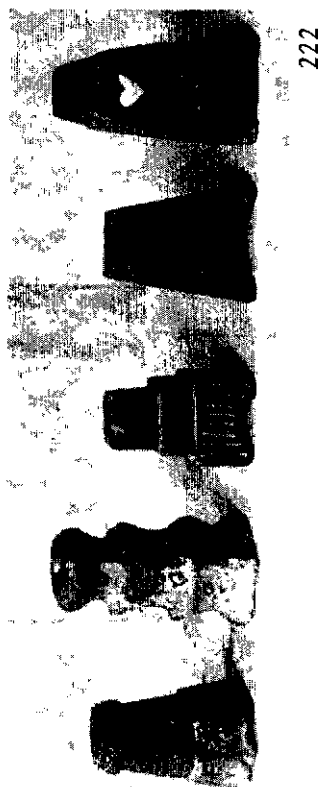
b

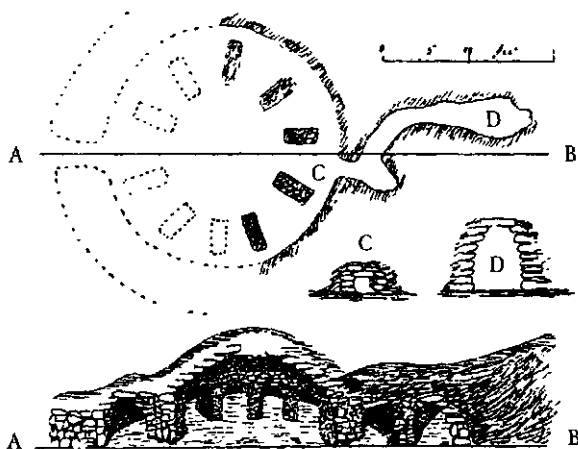

221

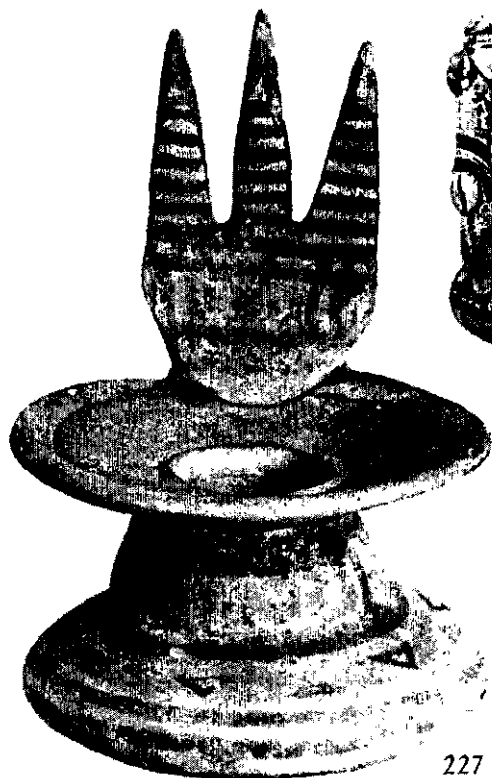

220

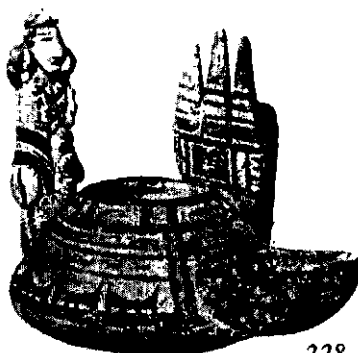

226

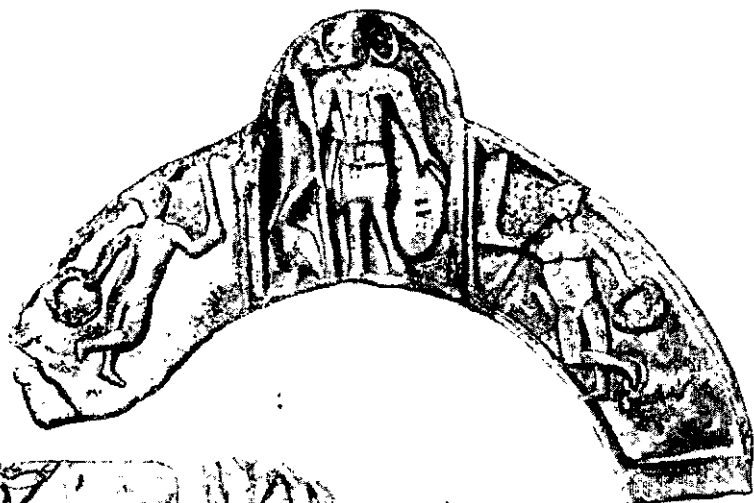
227

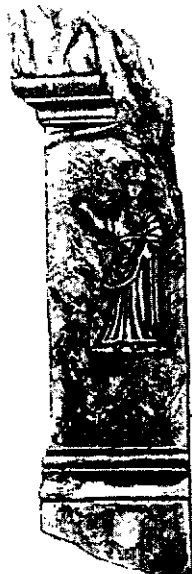
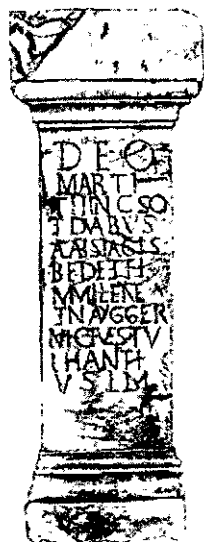
228

229

230

231

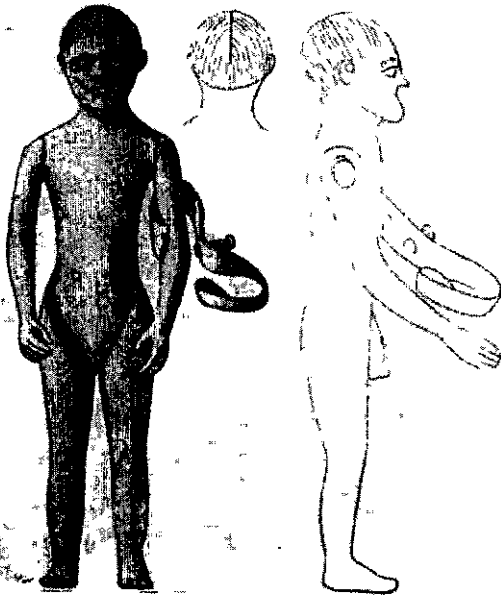
232

233

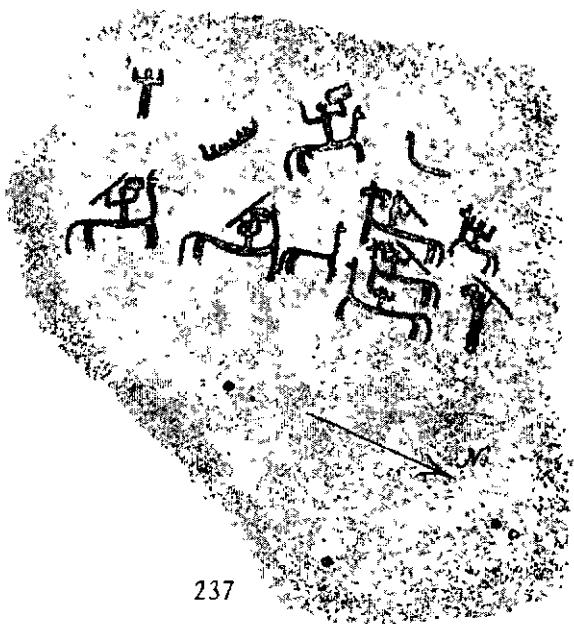
234

235

236

237

238

239

240

243

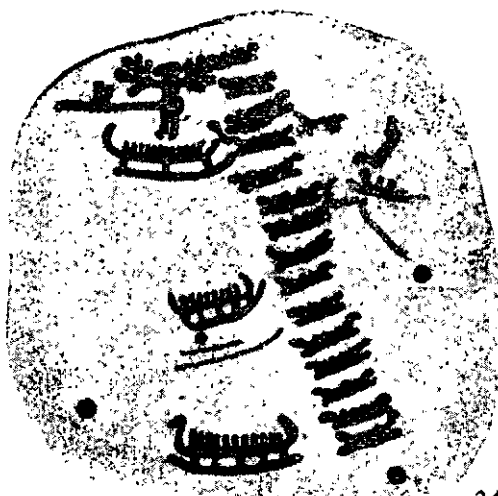
241

242

244

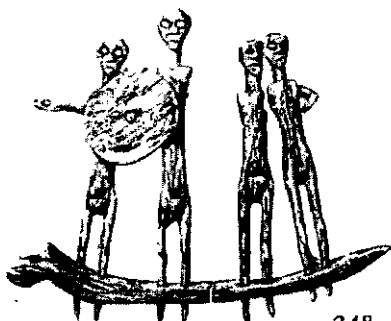
245

246

247

248

249

250

251a

b

c

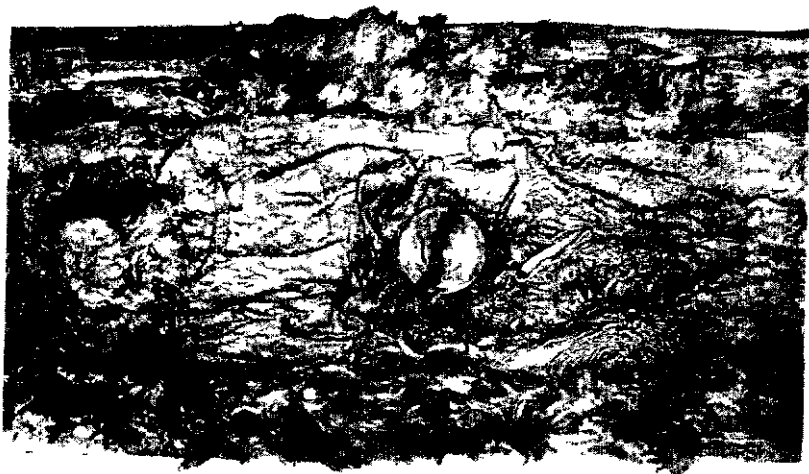
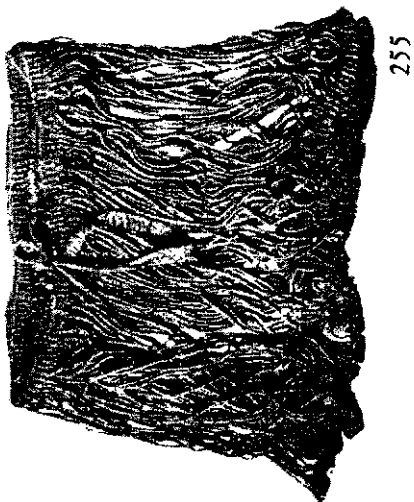
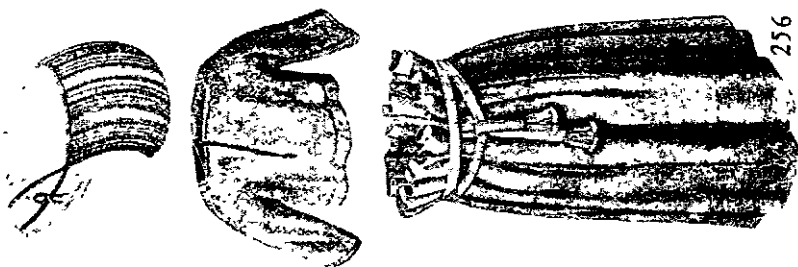
d

252a

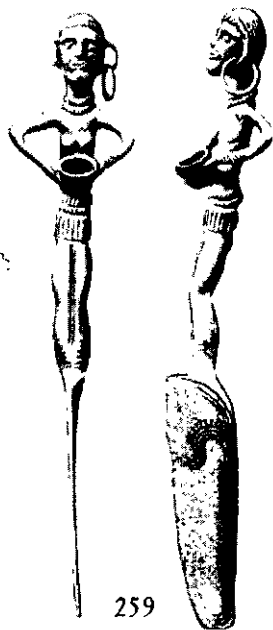

252b

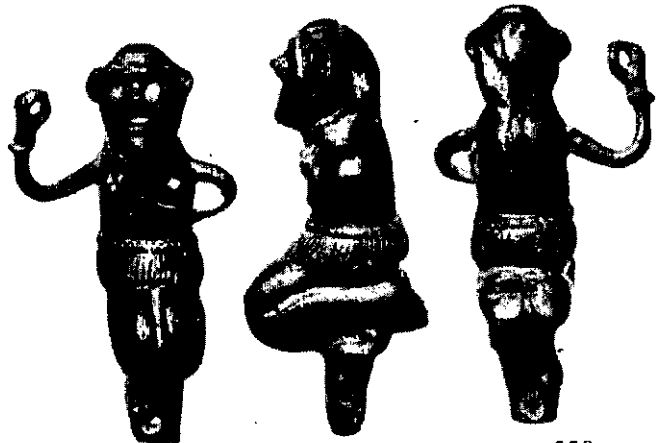

257

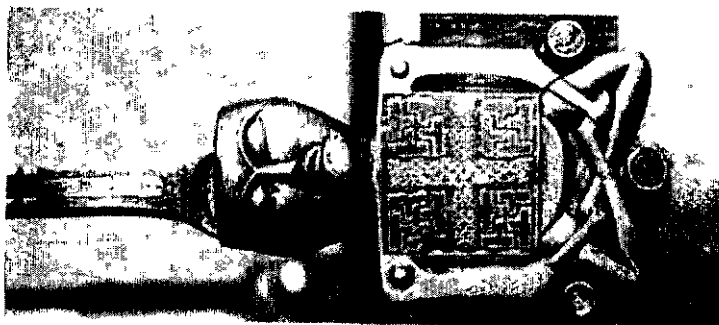
259

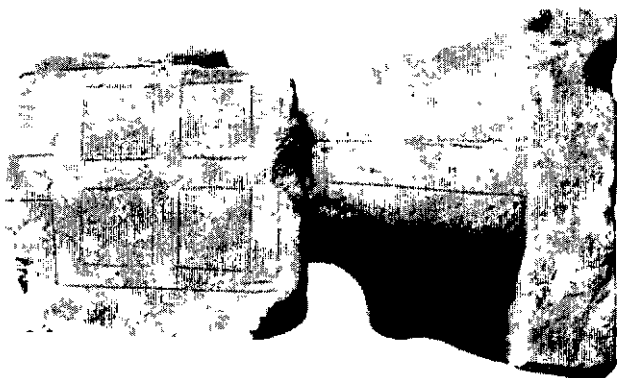
258

260

263

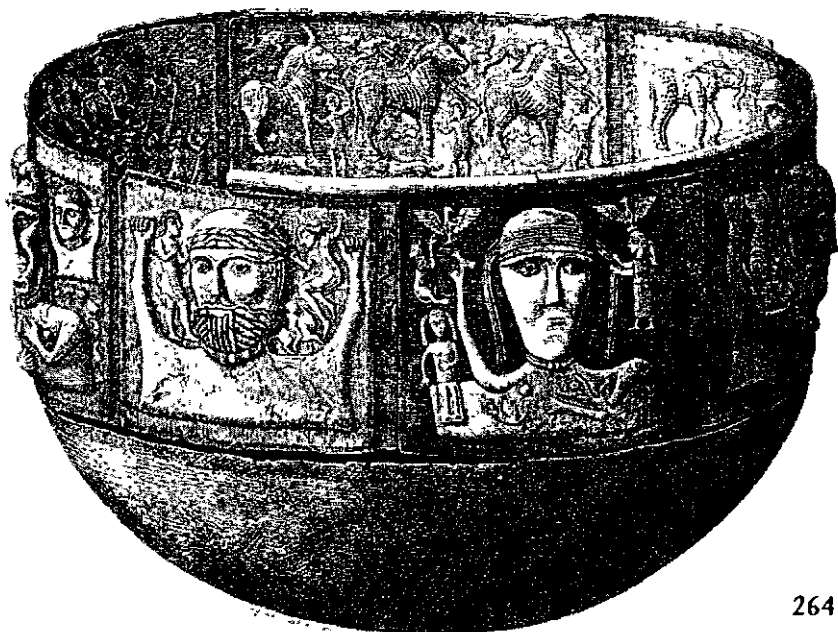

261b

261a

264

265

266

267

268

Indien
Mohenjo-Daro
(4. Jahrtaus. v. Chr.)

Vorderasien
Uruk
(4. Jahrtaus. v. Chr.)

1

2

3

Vorderasien
Altsumerisch
(Ward Nr. 106)

Vorderasien
Altsumerisch
(Ward Nr. 107)

4

5

Vorderasien
Tello
(Sagach)

Oberägypten
Abydos
(5. - 4. Jahrtaus. v. Chr.)

Abadiyeh

6

7

8

Skandinavien (jüngere Steinzeit)
Bohuslän, Tanum
Runohällen Bro bei Tegneby

Nordamerika
Californien, Owens Valley

9

10

11

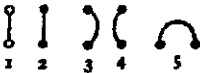

12

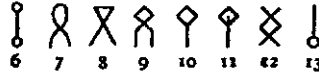

Text Tafel I

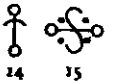
Atlantische Megalithkultur

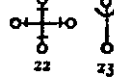
Angelsächsische Runen

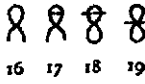
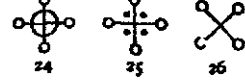
Vai

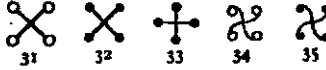
Bamum

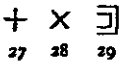
Nsibidi

Kretisch (Minoisch)

Numidisch

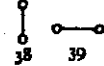
Berber

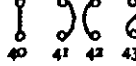
Altthamudisch

Neuthamudisch

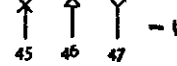
Safaitisch

Sabäisch

Lihjanisch

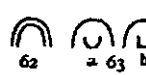
Sumerisch

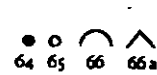
Magdalenien

Kyprisch

Sumerisch

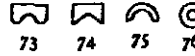
Atlantisch-nordische
Megalithkultur

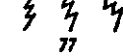
Altthamudisch

Neuthamudisch

Althöhnizisch

Sumerisch

Sinai

Altthamudisch

Südsemitisch

Nordsemitisch

Sumerisch

Sumerisch

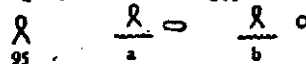
Altäthiopisch

Äthiopisch
(Geza)

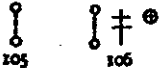
Äthägyptisch
(prädynastisch und hieroglyphisch)

Sumerisch

Nord-Amerika

Altchinesisch

Text Tafel II

Jahresteilungs- und Jahres-
Anfangszeichen Ende Stierzeitalter

Magdalenien
Azylien,
Kypros

Jahresanfangs-, Gottes- und Lebensbaum-
Hieroglyphe des Widderzeitalters

Mas d'Asil

Rünen

Stabkalender

Atlantisch-nordische Megalithkultur
Frankreich Island Spanien - Portugal,

Kanarische
Inseln

Süd-Iberisch

Nord-Iberisch

Stabkalender Runen

Odemot-
land

Kyprisch

Kelto-
Ligurisch

Donau-
Keltisch

Wlyrisch-
Venetisch

Etruskisch

Umbrisch

Oskisch

Faliskisch

Arch. Lat.

West Griech.

Alt-West-
Griechisch

Phrygisch

Lykisch

Kreto-Minoisch

Kyprisch

Sumerisch

Altebam.

Alphönisch

Althebräisch

Kyprisch

Altthamudisch

Neuthamudisch

Safarisch

Lihjanisch

Vai

Vai (Fortsetzung)

Altindisch

Sinai

Aegypten: Vor- und Früh-dynastisch

Grundformen
(Widderhörner-
Liegogramme)

Atlantisch-nord.
Megalithkultur

Skandinavische Felszeichnungen

Sumer

Alt-Indisch

Numidisch

Nord-, Süd-Iberisch

Arch. Griech.

Griech.

West-
Venet.

Illyr.

Alt-Etrusk.

Umbr.

Oskisch

Vorsabellisch

Archaisch

Latzeinisch

Runen

Nordamerikanische Felszeichnungen

Text Tafel III

Grundformen Nord-Amerika Schottland Skandinavien Dänemark Irland

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Mittel Europa S.O.-Europa Aegisch Troja Sumerisch Runenzeichen

12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29

Angelstädische Runenreihen

30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42

Stabkalendar: Winter- und Sommer-Sonnenwendezichen

43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 a 55 b 55 c

Süd-Nord-Amerika Kanarische Insel (Guanchen) Irland - Schottland Spanische Halbinsel (ältere bis jüngere St.)

56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76

Mas d'Azil Meraviglie (Seealpen) Spanien (jüngere Steinzeit bis ältere Bronzezeit) Turdetanien (Tartessos)

77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94

Gallien (j. St.) Galater (1. Jhr.)

108 109 110 111 112 113 114 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107

Skandinavien (jüngere Steinzeit - ältere Bronzezeit) Iberisch

115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157

Kreta (minoisch) Kypros Numidisch Berber Karisch

139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157

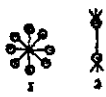
158) 159) 160) 161) 162) 163)

164) 165) 166) 167) 168) 169) 170) 171) 172) 173) 174) 175) 176) 177) 178) 179) 180) 181) 182) 183) 184) 185) 186) 187) 188) 189) 190) 191) 192) 193) 194) 195) 196) 197) 198) 199) 200) 201) 202) 203) 204) 205) 206) 207) 208) 209) 210) 211) 212) 213) 214) 215) 216) 217) 218) 219) 220) 221) 222) 223) 224) 225) 226) 227) 228) 229) 230) 231) 232) 233) 234) 235) 236) 237) 238) 239) 240) 241) 242) 243) 244) 245) 246) 247) 248) 249) 250) 251) 252) 253) 254) 255) 256) 257) 258) 259) 260) 261) 262) 263) 264) 265) 266) 267) 268) 269) 270) 271) 272) 273) 274) 275) 276) 277) 278) 279) 280) 281) 282) 283) 284) 285) 286) 287) 288) 289) 290) 291) 292) 293) 294) 295) 296) 297) 298) 299) 300) 301) 302) 303) 304) 305) 306) 307) 308) 309) 310) 311) 312) 313) 314) 315) 316) 317) 318) 319) 320) 321) 322) 323) 324) 325) 326) 327) 328) 329) 330) 331) 332) 333) 334) 335) 336) 337) 338) 339) 340) 341) 342) 343) 344) 345) 346) 347) 348) 349) 350) 351) 352) 353) 354) 355) 356) 357) 358) 359) 360) 361) 362) 363) 364) 365) 366) 367) 368) 369) 370) 371) 372) 373) 374) 375) 376) 377) 378) 379) 380) 381) 382) 383) 384) 385) 386) 387) 388) 389) 390) 391) 392) 393) 394) 395) 396) 397) 398) 399) 400) 401) 402) 403) 404) 405) 406) 407) 408) 409) 410) 411) 412) 413) 414) 415) 416) 417) 418) 419) 420) 421) 422) 423) 424) 425) 426) 427) 428) 429) 430) 431) 432) 433) 434) 435) 436) 437) 438) 439) 440) 441) 442) 443) 444) 445) 446) 447) 448) 449) 450) 451) 452) 453) 454) 455) 456) 457) 458) 459) 460) 461) 462) 463) 464) 465) 466) 467) 468) 469) 470) 471) 472) 473) 474) 475) 476) 477) 478) 479) 480) 481) 482) 483) 484) 485) 486) 487) 488) 489) 490) 491) 492) 493) 494) 495) 496) 497) 498) 499) 500) 501) 502) 503) 504) 505) 506) 507) 508) 509) 510) 511) 512) 513) 514) 515) 516) 517) 518) 519) 520) 521) 522) 523) 524) 525) 526) 527) 528) 529) 530) 531) 532) 533) 534) 535) 536) 537) 538) 539) 540) 541) 542) 543) 544) 545) 546) 547) 548) 549) 550) 551) 552) 553) 554) 555) 556) 557) 558) 559) 560) 561) 562) 563) 564) 565) 566) 567) 568) 569) 570) 571) 572) 573) 574) 575) 576) 577) 578) 579) 580) 581) 582) 583) 584) 585) 586) 587) 588) 589) 590) 591) 592) 593) 594) 595) 596) 597) 598) 599) 600) 601) 602) 603) 604) 605) 606) 607) 608) 609) 610) 611) 612) 613) 614) 615) 616) 617) 618) 619) 620) 621) 622) 623) 624) 625) 626) 627) 628) 629) 630) 631) 632) 633) 634) 635) 636) 637) 638) 639) 640) 641) 642) 643) 644) 645) 646) 647) 648) 649) 650) 651) 652) 653) 654) 655) 656) 657) 658) 659) 660) 661) 662) 663) 664) 665) 666) 667) 668) 669) 670) 671) 672) 673) 674) 675) 676) 677) 678) 679) 680) 681) 682) 683) 684) 685) 686) 687) 688) 689) 690) 691) 692) 693) 694) 695) 696) 697) 698) 699) 700) 701) 702) 703) 704) 705) 706) 707) 708) 709) 710) 711) 712) 713) 714) 715) 716) 717) 718) 719) 720) 721) 722) 723) 724) 725) 726) 727) 728) 729) 730) 731) 732) 733) 734) 735) 736) 737) 738) 739) 740) 741) 742) 743) 744) 745) 746) 747) 748) 749) 750) 751) 752) 753) 754) 755) 756) 757) 758) 759) 760) 761) 762) 763) 764) 765) 766) 767) 768) 769) 770) 771) 772) 773) 774) 775) 776) 777) 778) 779) 780) 781) 782) 783) 784) 785) 786) 787) 788) 789) 790) 791) 792) 793) 794) 795) 796) 797) 798) 799) 800) 801) 802) 803) 804) 805) 806) 807) 808) 809) 810) 811) 812) 813) 814) 815) 816) 817) 818) 819) 820) 821) 822) 823) 824) 825) 826) 827) 828) 829) 830) 831) 832) 833) 834) 835) 836) 837) 838) 839) 840) 841) 842) 843) 844) 845) 846) 847) 848) 849) 850) 851) 852) 853) 854) 855) 856) 857) 858) 859) 860) 861) 862) 863) 864) 865) 866) 867) 868) 869) 870) 871) 872) 873) 874) 875) 876) 877) 878) 879) 880) 881) 882) 883) 884) 885) 886) 887) 888) 889) 890) 891) 892) 893) 894) 895) 896) 897) 898) 899) 900) 901) 902) 903) 904) 905) 906) 907) 908) 909) 910) 911) 912) 913) 914) 915) 916) 917) 918) 919) 920) 921) 922) 923) 924) 925) 926) 927) 928) 929) 930) 931) 932) 933) 934) 935) 936) 937) 938) 939) 940) 941) 942) 943) 944) 945) 946) 947) 948) 949) 950) 951) 952) 953) 954) 955) 956) 957) 958) 959) 960) 961) 962) 963) 964) 965) 966) 967) 968) 969) 970) 971) 972) 973) 974) 975) 976) 977) 978) 979) 980) 981) 982) 983) 984) 985) 986) 987) 988) 989) 990) 991) 992) 993) 994) 995) 996) 997) 998) 999) 1000)

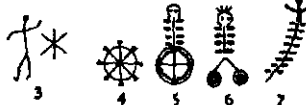

Text Tafel IIIa

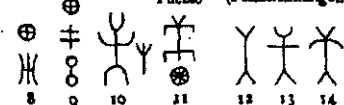
Nord-Amerika
Eskimo
(Alaska)

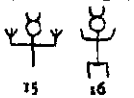
Felszeichnungen (Californien)

Pueblo
(Felszeichnungen)

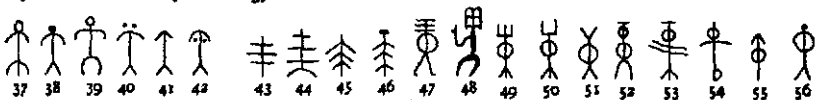
Süd-Amerika
(Felszeichnungen)

Pyrenäen-Halbinsel
(ältere - jüngere Steinzeit)

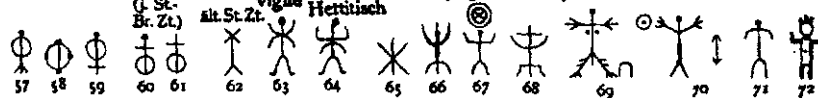
Pyrenäen-Halbinsel (Fortsetzung)

Pyrenäen-Halbinsel
(j. St.-Br. Zt.)

Mers-
vigilie

Nordwest-Afrika
(ältere - jüngere Steinzeit)

West-Afrika

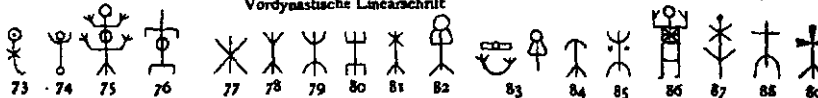
Bamm
Nabidi

Aegypten

Vordynastische Linearschrift

Sinal-Halbinsel

Nabatäische Grabssymbolik

Kind auswachsen

Atlantisch-Europa (jüngere Steinzeit - Bronzezeit)

Nord-Europa

Mitt-Deutschland

Nord-Europa

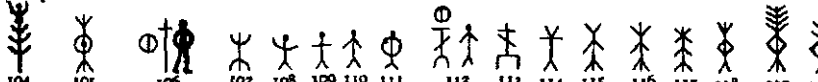
Frankreich

Nord-Europa

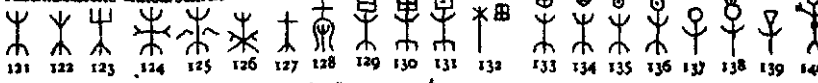

Nord-Lappen
Europa

West-Sibirien

Altchinesische Linearschrift

ma(A), maB =

si „Dorn“

kuo „Wegdorn“

kuo

kuo „Frucht“

kuo „Kind“

„Batan“

„höchster Sonnenstand“

Text Tafel IV

Pyrenäen-Halbinsel (ältere — jüngere Steinzeit)

Grundformen 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Grundformen 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 a 27 b 28 29

Mas d'Azil 30 31 32 33 34 35 36 37 38 — ml 39 40 41 — mo 42 — mu 43 44 45

Grundformen 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63

Fuencaliente urw. **Kypros** **Runen** **Elsäss (j. St.)**

N. Amerika Europa Etruskisch (Ost. Umbr.) **Alphönkisch** **Atlantisch-Nordisch** **La Pileta**

N. Afrika **Cuevas de** **Arabi** **Las Palomas** **Estrecho de Santeague** **La Pileta**
(Almeria)

64 65 66 67 68 69a 69b 70a 70b

Montespan (A. St.) **Mas d'Azil** **Irland (j. St. — ältere Bronzezeit):** Slahh na Callaghe

a b c d 72 73 74 75 a b c d

Orkney **Satzkorn** **Schusenried** **Age. Runen** **Alvera (j. St.)** **Italien** **Nordatlantisch (jüngere Steinzeit —**

77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87

Nord. ältere Bronzezeit) atlantisch

88 89 90 91 92 93 94 95

Glockenbecherkultur (Kupferzeit) **Sarvas (Slavonien)** **Vai**

96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109

Vai **Bannum** **271 = Wasser** **ju**

110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120

Mutter **mhr = Schlange** **Wasser** **Leichnam** **stein** **sterben** **Jahr** **Ma-ur-i** **Libyer** **Berber (Alt. St. — Nussst.)**

Ägypten (vor- und frühdynastisch) **Hieroglyphen** **Alt-Thamudisch** **Neu-Thamudisch** **Sumerisch**

121 122 123 124 125 126 **new (neu) = Wasser** 127 128 129 130 — m 131 **ur. a = Wasser** a 132 b **de-nun (Nun)**

133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149

Text Tafel V

Nord-Afrika (ältere Steinzeit) a b c d e f

Libyisch (jüngere Steinzeit - Berberisch) g h i j k l m n o p q r s t

Vai 1 2 3 4 5 = *Ma* (Mutter) 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

Bamum 16 *nie* (Grab) 17 *kuu* (Bett) 18 *kuu* (sterben)

Ägypten vor- und früh-dynastisch XII Dyn. vor- und früh-dynastisch XII - XIX Dynastie

Sinaï 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 = b 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45

Sinaï Althamudisch 29 30 31 32 33 34 Minäo-Sabäisch 46 47 48 49 50 51 52 = p-r

Sabäisch 53 54 55

Thamudisch 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66

Safaitisch 67 68 69 70

Lihjanisch 71 72 73

Sabäisch 74 = a = b = c = f

Sinaï 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 = b 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 = a 100 101 = p 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114

Sumerisch 115 116 116a 117 118 119 120 121 122

Alt-Elamitisch 123 124 125 126 127 128 129

Troja 130 131 132 133 134 135 136

Hettiter 137 138 139 140

Nordost-Europa und Nordwest-Asien 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154

Ost-Asien (archaisch - chinesisch) 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172

Äng (Müte) 173 174 175 176 *Äm* (Himmel) 177 178 179 *mim* (Bedachung) 180 181 182 183 *Äi* (Fisch) 184 185 186 *Äia* (unten, unter) 187 188 189 *Äang* (über, oben)

me (Mutter) *Äi, Äu* (Erde, Mutter Erde) *Äia* (Feld)

Text Tafel VI

Portugal (jüngere Steinzeit - ältere Bronzezeit) 1 2 3

J. Bronzezeit Pyrenäen 4 5

Gallien (jüngere Steinzeit - ältere Eisenzeit) 6 7 8 9

Alt-Ingväonien (j. Steinzt. - ält. Bronzezt.) 10 11 12

Kreto-Minoisch 13 Arch. 14 15

Kyprisch 16 17 18 19 20 - m

Umbrisch Arch.-Latein. Griechisch 21 22 23 24 25

Lykisch 26 27

Karisch 28 29

Phrygisch 30 B - b

31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 - m

Kanarische Inseln 46 47 48

Sabellisch 49 - b

Korinthos 50 51 52 - b

Korkyra 53 - b

Vordynastische Linearschrift Ägyptens 54 55 56 57 58

Ägyptische Hieroglyphe 59 60

Sumer.-Babylonisch 61 62

Alt-Elamitisch 63 64

Süd-Atlantisch (Arabien) sogen. „Südsemitisch“ 65 66 67 68 69 70 71 72 73

Sogenannt „Nordsemitisch“ 74 75 76 77 78 - m

Alt-Thamudisch Neu-Thamudisch Sabäisch usw. Byblos 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92

Alt-Thamudisch Neu-Thamudisch Safatenisch Sabäisch

Nord-Atlantische Megalithkultur Mykenae 93 94 95 96 97

Germanische Hausmarken (West- und Mittel-Europa) 98 99 100 101 102 103 104 105

Twente 106 107

Text Tafel VIII

Südwest-Europa (ält. Stz.)   **Nord-Afrika (ält. Stz.)**   **Libysch-Berberisch**   **Mas d'Azil**

1 2 3 4 5   6a 6b 7a 7b 8 9a 9b 10 11 12a 12b 13 14 15

Gallien   **Irland**   **Schweden (Felszeichnungen)**

(j. Stz.)   (j. Stz. — ältere Bronzezeit)   (jüngere Steinzeit — ältere Bronzezeit)

16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35

Angelsächsische Runenreihen   **Keltisch**

36 37 38 39   40 41 42 43 44 45 46 47 48 49   50   51 52 53   - a

Pyrenäen - Halbinsel   **Italien**   **Südbiterisch: Messapisch**   **Vorsabellich**   **Etruskisch**   **Rätisch**   **Arch. Latein**

(j. Stz. — alt. Bronzezeit.)   54 55 56   57 58 59 60 61   62 63   64 65 66 66a 67 68 69 70   70a 70b 71   - u   - u, y   v, y

Kreto-Minoisch   **Troja**   **Kyprisch**

72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87   ko a b   88

Arch. Griechisch   **Phrygisch**   **Karisch**   **Lykisch**

89 90 91 92   93   94 95 96   97 98 99 100 101   102   - ü, w   - u

Altphtonikisch Gezer   **Arabien (Südantlantisch)**   **Sabäisch**

103   104 105 106 107   108 109   110 111 112 113 114 115 116   117 118

Vordynastische Linearschrift Ägyptens

119 120 121 122 123 124 125   126   127   128   129   130

Bamum

131 132 133 134 135 136 137 138 138a 138b   wō (stein)   pūā (sein)

Alt-Elamitisch   **Sumerisch**

139 140 141 142 143 144 145 146   - u, šu   147   - uša   148   - ur   - ku   Vud, ug   149 150

Hettitisch   **Alt-Chinesisch**

151 152 153 154 155   156 157   158 159 160   161 162 163 164 165

Alt-Chinesisch (Fortsetzung)

166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176   177 178 179   180 181 182 183

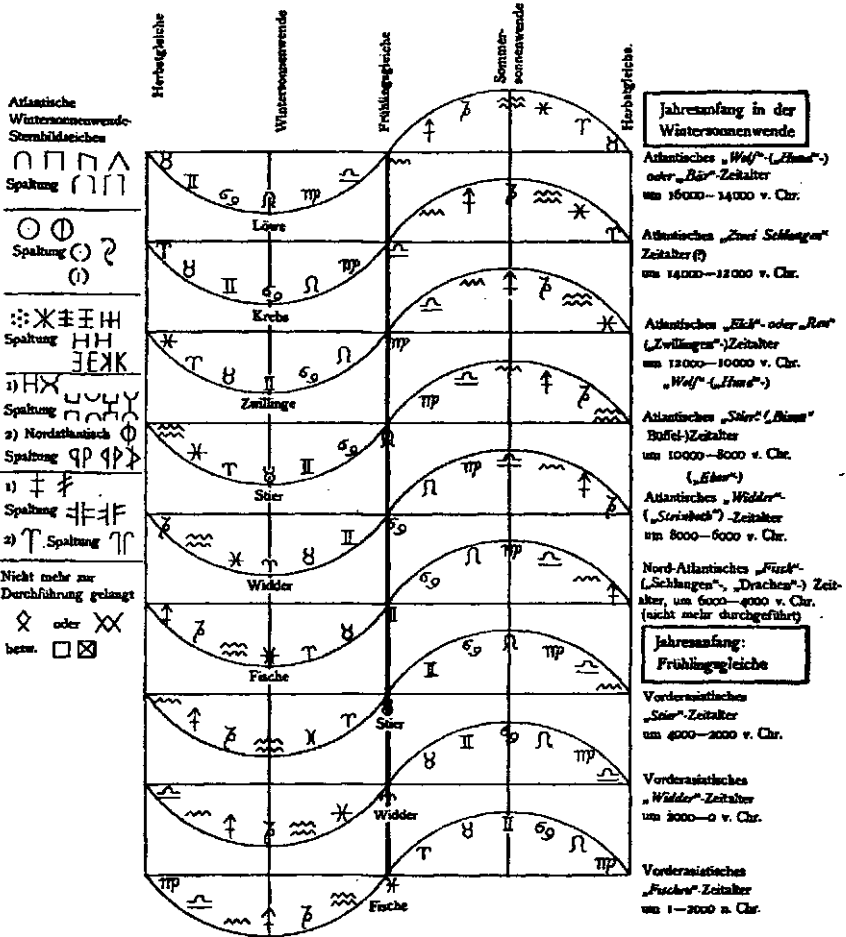
kuā = „unten“   keng = „über oben“   kün = 6   kün = „Bedachung“   kün = „Opfertisch“

184 185 186 187   188 189 190 191   192   193   194   195   196 197

ku = „Mittag“   kün = 10   „Dom“   „Gotttheit“   „Eis“   **Nord-Amerika**

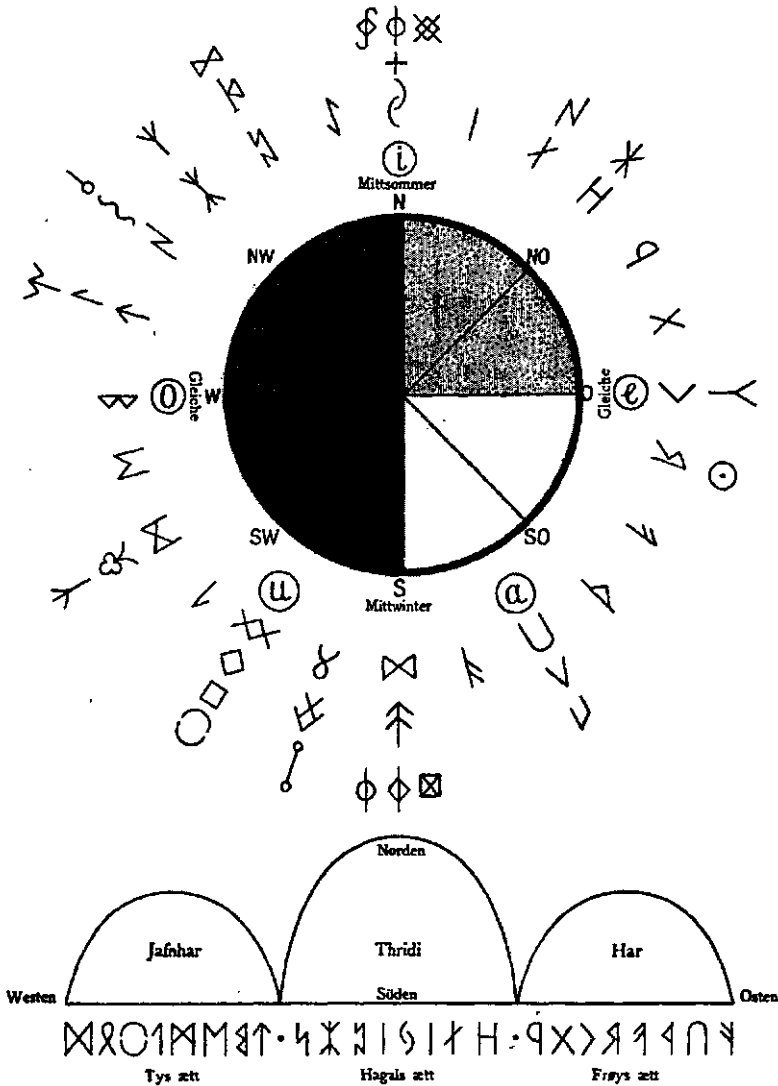
Text Tafel IX

Text Tafel X

ƿŋƿƿƿ < x p. h ʎ | ʒ ʒ ʒ x ʎ. ↑ ʒ m ʒ ʒ ʒ x ʒ ʒ

„Die heilige Reihe“
 Darstellung der „langen Runenreihe“ („Futhark“) als ursprüngliche Folge der Monatszeichen des nordatlantischen Geschichts-
 kalendersjahres. Oben — die „lange Runenreihe“, rechtsläufig geschrieben; unten — die ältere linksläufige Schreibung,
 mit Angabe der drei „Geschlechter“ oder „Himmelsrichtungen“ in Verbindung mit dem Jahresdiagramm der „drei Berge“;
 in der Mitte — das Schema des sechsfach gestellten Geschichtskreises mit den sinnbildlichen atlantisch-nordischen Farben
 der Himmelsrichtungen und Jahreszeiten sowie ihrer volkstümlichen Werte. Ringherum die „lange Runenreihe“ und die
 wichtigsten Wechselformen ihrer Zeichen.

Содержание

ГЕРМАН ФЕЛИКС ВИРТ И «ХРОНИКА УРА ЛИНДА».	
<i>Андрей Кондратьев</i>	3
ТЕКСТ ХРОНИКИ	97
ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ. <i>Г. Вирт</i>	209
I. К вопросу об истории настоящей рукописи	209
II. Рукопись «Хроники...» была отвергнута как современная подделка	213
III. Датировка возникновения настоящей рукописи	214
IV. Отсутствие источникo-критического исследования содержания рукописи	218
V. Рукопись «Хроники Ура Линда» и древнейшая история	221
VI. Подлинность источника настоящей рукописи и к вопросу об ее протографе, то есть о древнейшей рукописи	383
VII. Издатель рукописи А Лико Овер де Линден и его перевод завещания предков. Ингвеонский реформатор?	396
VIII. Что значит для нас этот духовный завет с берегов Северного моря	398
ПРИМЕЧАНИЯ	415
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	531

Научно-популярное издание
Ariana Mystica

Вирт Герман Феликс
**ХРОНИКА УРА ЛИНДА.
ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ**

Генеральный директор *А.А. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *А.Ю. Таскоп*
Верстка *И.В. Хренов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06. от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.09.2007. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «MyslC». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 39. Тираж 3000 экз. Заказ № 5168.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Герман Вирт известен тем, что именно он возглавил общество «Аненербе» («Наследие предков»). Под руководством Вирта немецкие историки, философы, археологи и религиоведы исследовали древние капища и календарные системы, сакральные языки и мегалиты. Учение о рунах и Атлантиде, об истоках христианства и о происхождении Библии, о нордическом боге и гиперборейском Юле — это лишь часть той культовой системы, на реконструкцию которой ученые «Аненербе» и сам Герман Вирт потратили многие годы.

«Хроника Ура Линда», опубликованная Виртом в 1933 году, — это древнефризская руническая книга об изначальных миграциях расы атлантик-нордов, о гибели их столицы — Атланда, о космических поворотах Колеса Кродера и об изначальном арийском матриархате.

интернет-магазин

OZON.RU

25062293

ISBN 978-5-9533-1733-7

9 785953 317337

